Проф. Д. С. РОЗЕНБЛЮМ

ГК160
Р714₂

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО РСФСР

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 . 9 . 2 . 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРАВО

Общие вопросы

Архипов К. — Закон в советском государстве. (Проблемы советского права.) Стр. 156. Ц. 2 р.

Розанов Я. — Основные вопросы права и государства. Хрестоматия. Стр. XII, 388. Ц. 3 р.

Стучка П. — Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его конституции СССР и РСФСР. 5-е изд., перер. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Право административное

Елистратов А., проф. — Административное право РСФСР. (Проблемы советского права). Стр. 214. Ц. 2 р.

Право гражданское

Раевич С. — Исключительные права. Право на товарные знаки, промышленные образцы, изобретения, авторское право. Стр. 137. Ц. 1 р. 40 к.

Раевич С. — Очерки истории буржуазного гражданского права.

Право земельное

Гуров П. — Земельный кодекс РСФСР. В вопросах и ответах. 9-е изд., дополн. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к., в папке 1 р. 70 к.

Гуров П. — Лесной кодекс РСФСР. В вопросах и ответах. 3-е изд., дополн. Стр. 166. Ц. 60 к.

Право жилищное

Кобленц И. — Жилищное право. 2-е изд., перераб. и дополн. Стр. 143. Ц. 40 к.

Право промышленное

Корасс А. — Советское промышленное право. (Обзор и материалы.) Стр. 161. Ц. 90 к.

Право страховое

Серебровский В. — Очерки советского страхового права. Стр. 184. Ц. 2 р.

Право финансовое

Котляревский С., проф. — Финансовое право СССР. Стр. 158. Ц. 1 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

Д. С. РОЗЕНБЛЮМ
ПРОФ. ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО РСФСР

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
1985
ГК160 Р
Р714₂
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
28012
79036
79036

Гиз № 22547.
Ленинградский Облит № 50492.
29¼ л. Тираж 3000.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие ко 2-му изданию XIII
Указатель сокращений XV

Введение. Понятие о земельном праве.

§ 1. Земельное право как часть хозяйственного права 3
2. Земельное право как крестьянское право 5
3. Земельное право как проблема социалистической революции . 7
§ 4. Система земельного права 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Земельные правоотношения до издания Земельного кодекса.

Глава I. Земельный строй до революции.

§ 1. Надельные земли 13
2. Правовое обезземеление крестьян 14
3. Фактическое обезземеление помещичьих крестьян 16
4. Выкупные платежи 18
5. Аграрное перенаселение 19
6. Арендованные и купчие земли 23
7. Укрепленные земли и участковое землевладение 26
§ 8. Исторические формы землепользования 33

Глава II. Теория и практика революционного распределения земель.

I. Теория аграрной революции.

§ 1. Социализация земли 35
1. Земля как общенародное достояние 36
2. Равное право на землю 37
3. Всеобщее земельное равнение 39

§ 2. Социализация земли и Октябрьская революция 41
1. Борьба против помещичьего землевладения 42
2. Отмена частной собственности на землю 43
3. Требования революционной тактики 45

§ 3. Социализация земли в советском законодательстве 46
1. Отмена частной собственности на землю . . . . . —
2. Изъятие земли из частного оборота 47
3. Трудовой характер землепользования . . . . . —
4. Уравнительное распределение земель 48

II. Практика аграрной революции.

§ 4. Конфискация и распределение нетрудовых земель в законодательстве 50

Стр.

§ 5. Временное распределение земель 53
1. Территориальная единица временного распределения земель . 56
2. Состав распределяемых земель 60
3. Контингент наделяемого землей населения 64
4. Нормы наделения 67
5. Методы временного распределения земель 70

§ 6. Итоги временного распределения земель 72
1. Правовая унификация земель . . . . . —
2. Безмездный переход нетрудовых земель 73
3. Расширение землепользования безземельных и малоземельных групп населения 74

Глава III. Обобществление сельского хозяйства.

§ 1. Коллективизация сельского хозяйства 79
1. Социалистическое землеустройство 81
2. Коллективные формы землепользования 83
3. Советские хозяйства 86

§ 2. Государственное регулирование крестьянского хозяйства . . . 88
1. Общегосударственный план обязательного засева 91
2. Единый запасный семенной фонд 92
3. Государственное снабжение живым и мертвым инвентарем . 93
4. Нормализация обработки полей 94

Глава IV. Новая экономическая политика.

§ 1. Декрет о продовольственном налоге 96

§ 2. Переходные меры 98

§ 3. Новое землеустройство 104
1. Руководящие идеи 105
2. Сохранение основных принципов советского земельного режима 108
3. Ленинский кооперативный план 109

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава V. Действие Земельного кодекса во времени и пространстве.

§ 1. Действие Кодекса во времени 116
1. Революционное земельное право до издания Земельного кодекса 117
2. Сила революционных земельных мероприятий до издания Земельного кодекса . . . . . —
3. Дореволюционные земельные законы 118

§ 2. Действие Кодекса в пространстве 119
1. Земельные кодексы Украины, Белоруссии и Грузии 120
2. Компетенция Союза ССР в земельном законодательстве . . . 122
3. Земельные кодексы автономных республик 124

Глава VI. Основные положения Земельного кодекса.

§ 1. Предмет Земельного кодекса 126
1. Земли сельскохозяйственного назначения . . . . . —
2. Отвод земель 127

Стр.

§ 2. Национализация земли 128
1. Содержание государственной собственности на землю . . . . —
2. Следствия государственной собственности на землю 130
3. Субъект государственной собственности на землю 131

§ 3. Право непосредственного пользования землей 132
1. Возникновение права непосредственного землепользования . —
2. Государственные земельные имущества 133
3. Целевой характер права непосредственного землепользования 134
4. Содержание права непосредственного землепользования . . 135

§ 4. Виды земель непосредственного пользования 137
1. Городские земли . . . . . —
2. Земли специального назначения 138
3. Земли трудового пользования 139

Глава VII. Образование фонда земель трудового пользования.

§ 1. Земельная правоспособность 142
1. Субъекты . . . . . —
2. Отношение к субъективному публичному праву на землю . . 143

§ 2. Закрепление земель 144
1. Состав закрепляемых земель . . . . . —
2. Субъекты закрепления земель 149
3. Последствия закрепления земель 153
4. Закрепление после издания Земельного кодекса 155
а. Наделение землей в Крыму 156
б. Обязательное и сплошное землеустройство на Кавказе . . 157
в. Сплошное землеустройство советского Востока 159

§ 3. Наделение землей в трудовое пользование 163
1. Состав наделяемых земель . . . . . —
2. Субъекты наделения 164
3. Наделение землей евреев и цыган 165

§ 4. Переселение 166
1. Государственная организация переселения . . . . . —
2. Колонизационный фонд 167
3. Права переселенцев на земли в местах выселения 168
4. Льготы переселенцам . . . . . —
5. Переселенческие товарищества 169
6. Сельскохозяйственная иммиграция . . . . . —

§ 5. Трудовая заимка 170
1. Понятие трудовой заимки . . . . . —
2. Местности для трудовой заимки 171
3. Трудовой характер заимки 172

Глава VIII. Содержание права трудового землепользования.

А. Государство — собственник и трудовой землепользователь.

§ 1. Социально-хозяйственные условия права трудового землепользования 175
1. Изъятие из частного оборота . . . . . —
2. Временное лишение земли и прекращение права трудового землепользования 178

Стр.

3. Несельскохозяйственные промыслы и производства 181
4. Судьба усадебных земель . . . . . —
5. Осуществление контроля государства 182
6. Изъятие земли 184

§ 2. Трудовая аренда земли 187
1. Субъекты аренды . . . . . —
2. Срок аренды 189
3. Содержание договора аренды . . . . . —
4. Форма договора 190

§ 3. Вспомогательный наемный труд 192
1. Субъекты договора найма . . . . . —
2. Законные условия найма 193
3. Форма найма 194
4. Примирительные комиссии . . . . . —
5. Наем общественных пастухов 195

Б. Правомочия трудового землепользования.

§ 4 196
1. Бессрочность и безвозмездность . . . . . —
2. Автономия сельскохозяйственной эксплуатации 197
3. Права на ископаемые 198
4. Право на воздушное пространство 199
5. Защита фактического землепользования 200
6. Право возведения строений и сооружений 202
7. Право собственности на предметы, соединенные с участком . 203
8. Право соседей на участок и право общего пользования береговой полосой участка 209

Глава IX. Земельное общество.

§ 1. Деревенская форма поселения 217

§ 2. Земельное общество как трудовой землепользователь 218
1. Земельное общество и административная сельская единица . 219
2. Земельные права и обязанности земельного общества . . . 220

§ 3. Основания возникновения земельного общества 224
1. Фактически существующие и добровольные объединения дворов 225
2. Конституирующий признак земельного общества 226

§ 4. Состав земельного общества 227
1. Первоначальный состав земельного общества 228
2. Изменение состава земельного общества 229
3. Принадлежность двора к одному земельному обществу . . . 230
4. Подворный список 231

§ 5. Органы управления 232
1. Общее собрание . . . . . —
2. Сельский совет 233
3. Кворум и законное большинство 234
4. Автономия управления и ее пределы 236

§ 6. Составные части общественного надела 238
1. Полевые угодия . . . . . —
2. Усадебная оседлость 239
3. Угодия общего пользования 241
4. Имущества и капиталы 246

Стр.

Глава X. Двор.

§ 1. Понятие двора 248

§ 2. Состав двора 250

1. Первоначальный состав двора . . . . . —
2. Отсутствующие из двора 251
3. Изменение состава двора 254
4. Принадлежность к одному двору 258
5. Имущественное положение вступивших во двор . . . . . —
6. Регистрация членства во дворе 260

§ 3. Органы управления . . . . . —

1. Домохозяин . . . . . —
2. Полномочия домохозяина 261

§ 4. Имущество двора 262

1. Имущество общего пользования . . . . . —
2. Правовое положение имущества общего пользования 263
3. Имущество личного пользования 264

§ 5. Ответственность за долги двора и его членов 265

1. Ответственность за долги члена двора . . . . . —
2. Ответственность за долги двора 266
3. Конфискация имущества члена двора и взыскание с него штрафов 267
4. Охрана хозяйственного и прожиточного минимума 268

§ 6. Наследование . . . . . —

1. Наследование в имуществе общего пользования . . . . . —
2. Выморочность двора 270
3. Судьба выморочного имущества 271

§ 7. Раздел двора 273

1. Раздел двора и распределение имущества . . . . . —
2. Субъекты права на раздел 274
3. Объекты раздела 276
   а. Земля . . . . . —
   б. Доли делящихся 277
   в. Сельскохозяйственное имущество 278
   г. Порядок раздела 279
4. Распределение имущества 280
5. Частичный раздел 281
6. Форма раздела 282
   а. Добровольный раздел . . . . . —
   б. Регистрация раздельной записи 283
   в. Судебный раздел . . . . . —
7. Подсудность раздела и выдела 284
8. Цена иска о разделе и выделе 285

§ 8. Недробимость двора 286

1. Недробимость земельного участка . . . . . —
2. Порядок объявления дворов недробимыми 287

Глава XI. Порядки трудового землепользования.

§ 1. Понятие о порядке трудового землепользования 289

1. Замкнутый круг порядков землепользования 290
2. Свобода выбора порядков землепользования 291

Стр.

§ 2. Общинный порядок землепользования 292
1. Определение права членства в поземельной общине . . . . —
2. Техника распределения земель в общине и ее недостатки . 293
3. Два вида переделов 296
4. Состав переделяемых угодий 297
5. Разверсточная единица 302
6. Определение числа разверсточных единиц двора 304
7. Сроки переделов 306
8. Регистрация переделов 308
9. Скидка-накладка 309
10. Выдел земли 311

§ 3. Участково-чересполосный порядок землепользования 312

§ 4. Хуторской и отрубной порядки землепользования. 313

§ 5. Товарищеский порядок землепользования 318
1. Основные признаки товарищеского порядка землепользования . . . . . —
2. Государственная помощь сельскохозяйственным коллективам . 320
3. Земельное общество и сельскохозяйственный коллектив . . 322
4. Виды сельскохозяйственного коллектива 323
5. Выход из сельскохозяйственного коллектива 324
6. Общественная обработка земли 325

Глава XII. Землеустройство.

§ 1. Понятие о землеустройстве 329
1. Исторические недостатки землепользования . . . . . —
2. Хозяйственно-техническая формула землеустройства 330
3. Реорганизация землеустраиваемого хозяйства 332
4. Отвод земель 333

§ 2. Основные принципы землеустройства 334
1. Добровольный характер возбуждения землеустройства . . . —
2. Дача разверстания 335
3. Право возбуждения землеустройства 336
4. Права на землю при землеустройстве 337
5. Сравнительная расценка земель 339
6. Принципы распределения нарезанных участков 343
7. Формы землепользования 346
а. Хутор и отруб. 347
б. Мелкопоселковая форма землепользования и переход на широкие полосы 348
8. Внутриселенное и междуселенное землеустройство 351
9. Финансирование землеустройства 352
а. Землеустроительные таксы . . . . . —
б. Государственная помощь по оплате расходов по землеустройству 353
10. Плановая реорганизация крестьянского хозяйства . . . 355
11. Итоги землеустройства 356

§ 3. Выделы земли 357
1. Выдел земли как общая форма внутриселенного землеустройства . . . . . —
2. Объект выдела из земельного общества 358
3. Частичный выдел 360
4. Субъект права на выдел земли 361

§ 4. Отвод городских земель . . . . . —
1. Отвод земель несельскохозяйственного назначения . . . . . —
2. Правовое положение городских земель 362

Стр.
3. Определение действующей городской черты 363
4. Расширение городской черты 365
5. Земельные распорядки внутри городов . . . . . —

§ 5. Землеустроительный процесс 366
1. Землеустроительные органы . . . . . —
2. Стадии землеустроительного процесса 367
3. Возбуждение землеустроительного дела . . . . . —
а. Ходатайство о землеустройстве . . . . . —
б. Включение в производственный план работ 368
в. Выборочное и гнездовое землеустройство 369
4. Составление предварительных предположений данного землеустройства . . . . . —
а. Хозяйственно-техническое обследование землеустраиваемой территории 370
б. План агрикультурных улучшений 372
в. Пожелания сторон . . . . . —
5. Перенесение предварительных предположений в натуру . . 373
6. Землеустроительный проект 374
а. Содержание проекта . . . . . —
б. Предъявление проекта . . . . . —
в. Утверждение проекта 375
г. Исполнение проекта 376
д. Выдача документов на земли 377
7. Прекращение землеустроительного дела 378

§ 6. Земельная регистрация 379
1. Понятие о земельной регистрации . . . . . —
2. Публичная достоверность записи в актах земельной регистрации 380
3. Волостной реестр землепользований 381
4. Персональные реестры 383
5. Землеустройство и реальные акты земельной регистрации . . —
6. Земельно-регистрационный процесс 384

Глава XIII. Государственные земельные имущества.

§ 1. Понятие о госземимуществах 388
1. Земли непосредственного пользования и госземимущества . . —
2. Государственный земельный запас 389

§ 2. Советские хозяйства 390
1. Задачи советских хозяйств . . . . . —
2. Государственная организация советских хозяйств 392
а. Сельскохозяйственные тресты . . . . . —
б. Меры укрепления экономического положения совхозов . 393
в. Деление совхозов 394
г. Возврат технических предприятий . . . . . —
д. Усиление основных капиталов 395
е. Налоговые льготы . . . . . —

§ 3. Эксплуатация госземимуществ 396
1. Арендаторы госземимуществ . . . . . —
2. Содержание договора аренды 397
3. Срок аренды . . . . . —
4. Порядок сдачи в аренду . . . . . —
5. Предоставление госземимуществ в бесплатное пользование . 398
6. Доходные статьи 399

Стр.

Глава XIV. Земельный суд.

§ 1. Земельные комиссии 400
1. Особая земельно-судебная организация . . . . . —
2. Состав земельных комиссий 401
3. Судебный характер земельных комиссий . . . . . —

§ 2. Компетенция земельных комиссий 402

§ 3. Земельно-судебные инстанции 405
1. Число инстанций . . . . . —
2. Компетенция каждой из инстанций 406
3. Обжалование решений и определений . . . . . —

§ 4. Особенности земельно-судебного процесса 407
1. Общие правила гражданского процесса . . . . . —
2. Участие сельского совета 409

§ 5. Судебно-земельный контроль 410
1. Отличия от гражданского процесса . . . . . —
2. Инстанции судебно-земельного контроля 411
3. Порядок обжалования в порядке надзора 412
4. Отмена решений в порядке надзора . . . . . —
5. Опротестование определений, последовавших в порядке надзора 413
6. Состав и компетенция Особой коллегии РСФСР . . . . . —

§ 6. Судебные расходы 414

Глава XV. Основные положения Лесного кодекса.

§ 1. Лесное право как часть хозяйственного права 416

§ 2. Лесной и земельный фонды 418
1. Понятие о лесе . . . . . —
2. Земли нелесного пользования 419
3. Расчистки 420

§ 3. Леса местного значения 421
1. Правовое положение лесов местного значения . . . . . —
2. Субъекты наделения лесами местного значения 423
3. Состав лесов местного значения . . . . . —
4. Порядок передачи лесов местного значения 425

§ 4. Леса особого назначения и защитные леса 426
1. Категории лесов . . . . . —
2. Леса особого назначения эксплуатационного характера . . 427
3. Собственно леса особого назначения 429

§ 5. Государственные леса и их эксплуатация 431
1. Принцип лесохозяйственной эксплуатации . . . . . —
2. Отпуск леса на корню 432
а. Отпуск годичной лесосеки сельскому трудовому населению 433
б. Льготный отпуск леса на корню 434
в. Рассрочка попенной платы . . . . . —
3. Отпуск по лесным таксам 435
а. Плановый отвод годичной лесосеки основным заготовителям 435

Стр.
б. Отпуск леса на корню с торгов 435
в. Отпуск специальной древесины . . . . . —
4. Лесохозяйственная эксплуатация лесных органов 436
а. Лесозаготовительные подотделы . . . . . —
б. Лесозаготовительный отдел Управления лесами 437
5. Побочные пользования в лесах . . . . . —
6. Заведывание лесным фондом 438
7. Охрана лесов . . . . . —

Алфавитно-предметный указатель 440

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ.

Настоящее второе издание, как и первое, представляет собою курс лекций по земельному праву, прочитанный автором в Первом московском университете. Книга таким образом преследует прежде всего учебные цели. Целями преподавания определяется и указатель литературы, приведенный перед каждой главою и далеко не носящий исчерпывающего характера.

Автор, однако, надеется, что книга будет не бесполезна и для всякого практического работника по земельному делу, поскольку в ней при изложении предмета использована судебная и административная практика. Читатель же, интересующийся советским правом, найдет в книге попытку систематического изложения советского земельного права, столь принципиально отличного и по исходным точкам зрения и по способам своего осуществления от права капиталистических стран.

В настоящей книге, посвященной юридической теме, затронуты также вопросы исторические, экономические и политические. Объясняется это тем, что автор далек от взгляда, будто юрист должен ограничить свою задачу так называемым юридическим анализом текста закона, что его искусство заключается в умелом применении логических и всяких иных приемов истолкования этого текста. Правовая норма порождена определенной социально-экономической обстановкой; не только при возникновении нормы, но и во все время ее существования, ее применения в судах, в административной и хозяйственной жизни, эта обстановка влияет на ее содержание. Это правило, верное для буржуазного права, должно быть в особенности подчеркнуто для советского права, действующего в государстве, вся политика которого напряженно работает над творческим преобразованием современного общества в общество социалистическое. Поэтому понять советское земельное право можно лишь в свете советской земельной политики и ее экономических основ.

Кроме библиографических указаний перед каждой главой книги, автор имел в виду следующие общие курсы и комментарии по земельному праву, на которые в книге не сделаны ссылки.

И. И. Евтихиев, Земельное право, Москва, ГИЗ, 1924 г.

Д. И. Иваницкий, Земельный кодекс РСФСР, изд. 2-е, Москва, 1926 г.

Б. С. Мартынов, Земельный строй и земельные отношения РСФСР, Ленинград, 1925 г.

М. М. Гершонов и Е. И. Кельман, Комментарий к земельному кодексу УССР, 2-е изд., Киев, 1925 г.

Москва, сентябрь 1927 г.

Д. С. Розенблюм.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ТЕКСТЕ.

ЗК — Земельный кодекс РСФСР. Ст. 9 или другая — ст. 9 или другая Земельного кодекса РСФСР.

ОКВК — Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам.

«Сборнию», № 29—«Сборник принципиальных определений по земельным спорам», Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам, Москва, 1926 г., тезис № 29.

«СХЖ» — «Сельскохозяйственная жизнь», официальный орган Наркомзема РСФСР.

«ЗК с разъяснениями НКЗ» — Земельный кодекс с дополнительными узаконениями и разъяснениями Наркомзема РСФСР на 1 августа 1927 г. Составлен по официальным материалам под редакцией Н. В. Гендзехадзе и И. Б. Новицкого.

СУ — Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР.

СЗ — Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР.

«ЕСЮ» — «Еженедельник советской юстиции».

ГК — Гражданский кодекс РСФСР.

ГПК — Гражданский процессуальный кодекс РСФСР.

УК — Уголовный кодекс РСФСР.

ЛК — Лесной кодекс РСФСР.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО РСФСР

ВВЕДЕНИЕ.

ПОНЯТИЕ О ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ.

§ 1. Земельное право как часть хозяйственного права.

Западно-европейское буржуазное право не знает земельного права как самостоятельной отрасли права. Новейшие попытки выделить его, равно как и промышленное право, в отдельную отрасль являются лишь стремлениями наиболее проницательных представителей науки права уложить в новую систему все усложняющийся правовой материал, давно уже не умещающийся в рамках традиционного деления права на частное и публичное.[1] Но само законодательство продолжает строиться в Западной Европе по принципам этого деления, и все старания новейших юристов сводятся в сущности к иной группировке отдельных элементов, заимствуемых ими то из гражданского, то из административного права. Причина этого заключается в том, что в Западной Европе до сих пор частная собственность лежит в основании всех производственных отношений. Поэтому земельные, например, правоотношения регулируются в подавляющем большинстве случаев нормами так называемого частного гражданского права с его институтом поземельной собственности, находя лишь те или иные коррективы в праве публичном.

Совершенно иначе строится система советского права. Земля, с ее лесами, недрами и водами, и главнейшие орудия производства в промышленности и транспорте принадлежат советскому государству, как единому хозяйствующему субъекту, преследующему при их эксплуатации определенную публично-правовую цель, — цель утверждения социалистического строя. Поэтому центральным институтом нашей правовой системы является государственная собственность, имеющая определенное общественное предназначение. В отличие от государственной

---

[1] См. об этих попытках — проф. А. Г. Гойхбарг, «Хозяйственное право РСФСР», т. I, стр. 6 — 7.

собственности буржуазного права, которая при вовлечении ее в гражданско-правовой оборот теряет свой общественный характер и подчиняется господствующему режиму частной собственности, становясь имуществом так называемого фиска (domain privé французского права, Finanzvermögen германского права), — собственность советского государства на орудия общественного производства и в хозяйственном своем обращении сохраняет целиком свои публично-правовые задачи, свое общественное предназначение.

Так, основной капитал наших трестов изъят из частного оборота, и торгово-промышленная их деятельность имеет своею целью не максимальное извлечение прибыли, но выполнение заданий советского государства, предписывающего трестам во имя революционных интересов рабочего класса и определенные отпускные цены, и места сбыта, и самый состав покупателей.

Это сосредоточение в руках государства главнейших средств производства страны в целях их хозяйственного использования самим государством во имя достижения определенных публичных задач, естественно, вырывает почву у традиционного деления права на частное и публичное. Здесь более уместно регулирование правоотношений по отдельным крупным отраслям народного хозяйства. Государство, имея в своем распоряжении основной капитал страны и сосредоточивая поэтому в едином центре руководство всею хозяйственною жизнью, устанавливает, соответственно особенностям каждой сферы народного хозяйства, ее правовую форму, те правоотношения, в которые становятся непосредственные работники этой сферы как к нему, государству, так и между собою. Вместо буржуазного гражданского права, нормирующего правовые отношения частных лиц в хозяйственном процессе, выполняемом этими лицами автономно и независимо друг от друга, охватывающего таким образом лишь поверхностную оболочку хозяйства, мы получаем единое хозяйственное право, полное глубокого социально-экономического содержания, затрагивающего самые основы общественного хозяйства. И соответственно различным сферам этого хозяйства, и право делится на право промышленное, земельное, трудовое, гражданско-торговое (отношения обмена) и так далее.[1]

---

[1] «Отграничение понятия гражданского права от других понятий, потерявшее смысл даже в странах, не переживших пролетарской революции, совершенно немыслимо у нас. Мыслимо и целесообразно деление права по отношениям, им охватываемым (например, земельное, трудовое, промышленное и т. д.)», — проф. А. Г. Гойхбарг, цит. соч., стр. 6.

Правда, новая экономическая политика легализовала, в особенности в сельском хозяйстве, хозяйственную автономию многомиллионной массы трудовых и полутрудовых хозяйств, но созданные этой легализацией элементы частного права так неразрывно связаны с элементами публичного права, порождаемыми системою государственной собственности на орудия общественного производства, находящиеся в пользовании этих частных хозяйств, что принцип единства народнохозяйственного процесса и его правового выражения — хозяйственного права — остается незыблемым.

Это строение правовой системы советского государства, вытекающее из самого существа его экономического строя, находит себе выражение в группировке самим законодателем правового материала по отдельным кодексам. Так, мы имеем: Земельный кодекс, регулирующий правоотношения работников на землях сельскохозяйственного назначения; Лесной кодекс, трактующий о том же, но в отношении к лесному хозяйству, выделенному из общей сферы сельского хозяйства вследствие особого значения лесов для населения и занимаемой им территории; Кодекс законов о труде, нормирующий участие в народном хозяйстве работника по найму; Гражданский кодекс, посвященный изложению отношений обмена и сферы допущенных государством частных имущественных прав. Ждет своей окончательной формулировки и Кодекс промышленности.

Таким образом, задачей нашего последующего изложения будет изучение земельного права как части единого хозяйственного права советского государства.

§ 2. Земельное право как крестьянское право.

Великая российская революция уничтожила помещичью собственность и вообще всякое нетрудовое землевладение. Совершонный непосредственно трудящимися массами аграрный переворот 1918 г. пустил в передел почти все частновладельческие земли, и в результате сельскохозяйственная Россия, насчитывающая 88% всего населения, стала страной почти исключительно крестьянского землепользования. По данным 1919 г. для 32 губерний центральной России, из всех земель, принадлежавших раньше нетрудовым слоям населения, 85,9% перешло к крестьянству, 2% пришлось на долю коллективных хозяйств и около 12% осталось в распоряжении государства (главным образом, советских хозяйств). Вследствие этого крестьянские земли, составлявшие в 1905 г. 76,3% всех земель, в 1919 г. составили уже 96,3%. Та же

революция произошла на Украине, где процент крестьянских земель поднялся с 55,4% в 1905 г. до 96% в 1919 г.[1]

Но стихийное «земельное равнение» 1918 г. имело своим последствием не только ликвидацию нетрудового землевладения, — оно сделало господствующей формой сельскохозяйственного производства мелкое трудовое хозяйство. По подсчетам Центрального статистического управления, основанным на десятипроцентной выборочной сельскохозяйственной переписи 1919 г.,[2] число беспосевных дворов уменьшилось с 1916 г. с 11,4% общего числа дворов до 6,5%; точно так же сократилось и число крупных крестьянских посевщиков (с посевом более 8 дес.) с 7,9% до 3,1% и средних (с посевом 4 — 8 дес.) с 21,6% до 16,4%. Зато значительно возросли мелкие хозяйства (с посевом до 4 десятин): с 59,1% в 1916 г. до 74% в 1919 г.

Если 96% сельскохозяйственной площади Республики находится в пользовании более 22 миллионов, главным образом, мелких трудовых хозяйств, то такое распределение землепользования не может не отразиться на содержании нашего земельного права. Из 226 статей Земельного кодекса РСФСР 135 (часть I) посвящены исключительно трудовому землепользованию, 62 статьи (часть III), излагающие правила землеустройства и переселения, относятся также почти только к трудовому крестьянству, и лишь остальные 21 статья (часть II), не считая первых 8 статей основных положений, трактуют о других формах землепользования — об отводе городских земель и о государственных земельных имуществах. С этой точки зрения можно сказать, что советское земельное право есть, главным образом, крестьянское право.

Однако это советское крестьянское право не имеет ничего общего ни с нашим дореволюционным крестьянским правом, ни с западноевропейским законодательством по охране крестьянства (Bauernschutz). Так называемое крестьянское право самодержавного государства носило сословный характер. Выделив из общей массы граждан крестьянство, как особое сословие, оно до самой революции сохранило его подчиненность административной опеке дворянства и ограниченность в имущественных правах. Этим обособлением крестьянства от общегражданской жизни самодержавие стремилось защитить от натиска все

---

[1] Данные заимствованы из ст. Б. Книпповича, Направление и итоги аграрной политики 1917 — 1921 гг., сборник статей «О земле», вып. I, изд. НКЗ, 1921 г.

[2] А. Хрящева, Крестьянство в войне и революции, «Вестник Статистики», №№ 9 — 12, 1920 г.

развивавшихся буржуазных отношений крепостнический уклад деревенского быта, основанный на господстве феодально-помещичьих латифундий. Другие задачи ставит себе буржуазное крестьянское право, — оно имеет целью воздвигнуть плотину проникновению в деревню социалистических идей и удержать сельских рабочих от массового переселения в города. Для этого издается ряд законов, предохраняющих крестьянские хозяйства от дробления и измельчания и поддерживающих крепкого крестьянина как опору буржуазной собственности. В отношении сельских рабочих принимаются меры, облегчающие им покупку усадебной оседлости и мелких участков земли, на которых они могли бы завести себе огороды.

Совершенно иначе подходит к крестьянству советское право. Крестьянин — работник на государственной земле, как рабочий — работник на государственной фабрике. Задача земельного права — определить отношения государства, как собственника земли, к крестьянину как к трудовому ее пользователю; нормировать внутреннюю организацию исторически сложившихся объединений крестьянства — земельных обществ и земледельческого двора; указать целесообразные, с точки зрения развития производительных сил сельского хозяйства и приближения крестьянства к социалистическому земледелию, пути к разделу этих объединений; правильно построить разрешение земельных споров как между государством и крестьянином, так и крестьян между собой. И чтобы подчеркнуть эту советскую трудовую общегражданственность крестьянства, это равноправие его со всеми трудящимися, советское право изгоняет самый термин «крестьянин» из Земельного кодекса, заменив его словами «трудовой земледелец», «трудовой землепользователь».

Таким образом, советское земельное право можно лишь условно назвать крестьянским правом, — поскольку под крестьянством мы будем разуметь класс трудовых земледельцев, единоличных трудовых землепользователей, работающих в сельском хозяйстве как одной из отраслей единого национального хозяйства Советской республики.

§ 3. Земельное право как проблема социалистической революции.

Если советское земельное право является, вследствие раздробления землепользования, совершонного революцией, главным образом, крестьянским правом, то этот именно его характер объясняет то огромное значение, которое оно имеет для одной из важнейших проблем социализма — проблемы аграрной. Общеизвестен факт, что даже

в таких промышленных странах, как Германия, Франция, Бельгия, не говоря о странах, лежащих к востоку от Германии, бо́льшая часть сельскохозяйственной территории находится в руках хозяйств мелкого трудового и среднего полутрудового типа. Так, во Франции на долю мелких хозяйств приходилось по данным 1908 г. 26,3% земледельческой территории и на долю средних — 33,7%; в Бельгии, по данным 1902 г., соответственные цифры составляют 61,7% и 25%; в Германии (по переписи 1907 г.) — 48,6% и 29,3%; в Дании (1919 г.) — 14,7% и 57%.[1] С точки зрения динамической необходимо констатировать замедление процесса исчезновения мелкой и средней крестьянской собственности в Западной Европе. При таких фактах вопрос о роли крестьянства в социальной революции, об его отношении к борьбе пролетариата против капитализма приобрел первостепенное значение в программах социалистических партий Запада и в особенности России. С этой точки зрения советское земельное право в высокой степени ценно как первый в истории опыт не только теоретического построения, но, что самое главное, и практического осуществления социалистической аграрной программы, долженствующей вовлечь многомиллионное крестьянство в процесс великого преобразования капиталистического общества в общество социалистическое.

Волею Великой русской революции за разрешение этой проблемы взялась партия большевиков, которая задолго до прихода своего к власти противопоставила тактике соглашения пролетариата и прогрессивной буржуазии во имя реформирования капиталистического общества — тактику революционного союза пролетариата и крестьянства во имя ниспровержения буржуазного господства.

Направленная первоначально своим революционным острием против самодержавного государства, эта идея стала впоследствии движущим моментом всего земельного законодательства революции, поставившей задачей более великую цель — создание социалистического строя. Именно этой идее земельное право обязано своим приспособлением к быстро изменяющимся условиям революционного процесса, своей эволюцией в зависимости от требований внутренней и международной обстановки. Благодаря ей оно стало источником великих попыток решения труднейшей проблемы социальной революции — проблемы крестьянства. Поэтому изучение советского земельного права имеет первостепенное значение для теории и практики социализма.

---

[1] Цифры взяты из книги проф. Н. П. Огановского, Очерки по экономической географии, ч. I, стр. 65, М., 1923 г.

§ 4. Система земельного права.

Советское земельное право выросло из революции, притом из революции подлинной, совершонной непосредственно трудящимися массами. Переворот в исторически-сложившихся земельных порядках произошел не в силу строго разработанного и подробного законодательного акта, по нормам которого должны были строиться новые отношения к земле. Его производило само крестьянство на местах, творя в каждой губернии, в каждом уезде и в каждой волости новое земельное право, принципы которого крестьянство черпало из своей вековой борьбы с господствующими классами и из начал своей трудовой жизни. Чтобы осмыслить это стихийное крушение дореволюционного земельного уклада, нужно хотя бы в самых кратких чертах познакомиться с аграрным строем самодержавного государства, так как разрушительная работа аграрной революции исходила из созданных этим государством форм землевладения и распределения поземельной собственности. Затем мы попытаемся изложить, поскольку это допускает крайне скудный материал, теорию и практику стихийной земельной революции, так называемого временного распределения земель, стараясь проследить судьбу дореволюционных форм землевладения. Лишь по окончании этого революционного процесса советская власть подошла к деревне с задачами ее решительного социалистического преобразования. Изучение земельной политики этой эпохи, эпохи так называемого военного коммунизма, является необходимым не только вследствие ее значения для крестьяской проблемы социализма; для последней не меньшее значение имеет и земельное законодательство периода новой экономической политики. Но действующее земельное право, нашедшее себе выражение в Земельном кодексе, может быть понято и объяснено только тогда, когда мы познакомимся с задачами революционной власти в ту эпоху, когда непосредственная социалистическая перестройка сельского хозяйства стояла в очередном порядке дня.

Таким образом, к изложению современного земельного права автор переходит в настоящей работе лишь после небольшого исторического очерка, посвященного как дореволюционным земельным отношениям, так и эволюции революционного аграрного законодательства.

При изложении действующего земельного права автор ограничивает свою задачу изложением правовой системы поземельных отношений в тесном смысле, т. е. правоотношений по пользованию сельскохозяйственными землями. Читатель поэтому не должен искать в предлагаемой его вниманию книге изложения всех законодательных мero-

приятий, направленных на проведение в жизнь сельскохозяйственной политики советского государства. Вопросы снабжения крестьянского хозяйства с.-х. инвентарем или отборным семенным материалом, организации сельскохозяйственного кредита, агрономической или ветеринарной помощи и вообще мероприятия по поднятию экономической мощи бедняцких и середняцких слоев деревни — не могут, при всем своем значении для сельского хозяйства, сделаться предметом нашего изложения. Все эти проблемы стоят вне земельного права в собственном смысле этого слова.

Вне нашего исследования остаются и правоотношения по пользованию землями н е сельскохозяйственного назначения: в промышленности, горном деле, городском хозяйстве и проч. Соответственно строению советской правовой системы, эти правоотношения изучаются в праве промышленном, горном, городском и т. д.

Система поземельных отношений в сельском хозяйстве изложена в Земельном кодексе. Задача наша сводится, таким образом, помимо исторического введения, к систематическому изложению этого Кодекса и главнейшего связанного с ним законодательного и ведомственного материала, а также судебной практики. Так как вопросы землепользования и землеустройства, как правильно указало постановление ВЦИКа о введении в действие Земельного кодекса, теснейшим образом связаны с условиями и порядком использования лесного фонда, так что, по мысли этого постановления, «Лесной кодекс должен быть рассматриваем как продолжение Земельного кодекса», — мы остановимся в заключение на основных положениях лесного права, излагая, однако, это право лишь в той мере, в какой знакомство с ним необходимо для понимания земельного права.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ ДО ИЗДАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ СТРОЙ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Литература: Н. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX в., М., 1918 г.; Н. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг., 2-е изд., М. 1919; С. М. Дубровский, Очерки русской революции, вып. I, 2-е изд., М., 1923; Н. П. Огановский, Очерки по экономической географии, М., 1923; А. А. Леонтьев, Крестьянское право, 2-е изд., М., 1914 г.; О. А. Хауке, Крестьянское земельное право, М., 1915 г.; С. Дубровский, Столыпинская реформа, Л., 1925 г.; проф. П. Н. Першин, Участковое землепользование в России, М., 1922 г.; Д. Батуринский, Крестьянский поземельный банк, М., 1925 г.

§ 1. Надельные земли.

Дореволюционный земельный строй, сметенный Октябрьской революцией, сложился на фундаменте ряда законодательных актов поземельного устройства крестьян, изданных после неудачной для самодержавия Крымской войны. Сюда относятся: 1) Положение 19 февраля 1861 г. о «крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», т. е. о бывших помещичьих крестьянах, которых насчитывалось к моменту ликвидации крепостного права до 10,7 миллионов душ мужского пола, и дополнительные к нему правила 1863 г. о прекращении обязательных отношений крестьян к их помещикам в 9 западных губерниях; 2) Положение 24 ноября 1866 г. о поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях великороссийских, малороссийских и новороссийских, число которых в 1858 г. доходило до 13,2 миллиона душ мужского пола; 3) Положение 26 июля 1863 г. о крестьянах, «водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных», т. е. о бывших удельных крестьянах, плативших оброк в пользу всей царской фамилии. Число их несколько превышало 1 млн душ мужского пола. Кроме актов об этих трех главнейших группах крестьян, в течение второй половины XIX в. был издан ряд законов

о поземельном устройстве разных мелких разрядов крестьян, образовавшихся в историческом процессе порабощения крестьянства помещиками и дворянским государством и носивших самые разнообразные названия. Сюда относятся, например, различные категории сельских жителей Западного края, сидевших на землях на правах долгосрочной аренды, как то: чиншевики, вольные люди, «православные арендаторы», «единоверцы и старообрядцы». Особого упоминания заслуживает закон 23 мая 1896 года о поземельном устройстве крестьян в Сибири.

Земли, отведенные крестьянам по вышеуказанным законодательным актам об их поземельном устройстве, носили название *надельных земель*. Все остальные земли, оставшиеся после наделения крестьян у помещиков, монастырей, отчасти уделов и казны, приобрели в литературе и статистике, а впоследствии и в законодательстве революции, название земель *частновладельческих*. После проведения в жизнь земельной реформы 60-х годов прошлого столетия надельный фонд равнялся 138,7 миллиона десятин, а частновладельческий составлял около 401,7 млн дес., не считая 5,2 млн дес. удобных земель казны и уделов.[1]

§ 2. Правовое обезземеление крестьянства.

Исходной точкой всего законодательства, создавшего институт надельного землевладения, является принцип *правового обезземеления крестьянства*. Все законы о поземельном устройстве крестьян, кроме Положения о крестьянах сибирских, получивших наделы в постоянное пользование, а не в собственность, исходят из положения, что все земли, предоставляемые крестьянам в надел, принадлежат на праве собственности помещикам, государству и уделам и потому подлежат выкупу со стороны крестьянства. Но крестьянство совершенно правильно противопоставляло этой грабительской норме дворянского закона свое широко распространенное в 60-х годах и исторически справедливое утверждение: «мы — ваши, но земля — наша». Этими словами крестьянство лишь выражало то установленное наукой положение, что крепостное право — право на труд и личность крепостного крестьянства — возникло не из сословной привилегии дворянства, связанной с правом его земельной собственности, а из правительствен-

[1] Огромная площадь казенных лесов, расположенных на севере, в Архангельской, Олонецкой, Пермской и Вологодской губ., доходящая до 124 млн дес., нами не принимается во внимание, как не имеющая никакого значения для сельского хозяйства.

ных полномочий, предоставленных в свое время служилым людям в целях управления государством.[1]

В государстве с натуральным хозяйством, чиновников и военных людей можно оплачивать лишь путем возложения на управляемое ими население обязанности содержать их или определенными натуральными взносами, или предоставлением урожая с определенных земельных участков, обрабатываемых населением. Служилые люди Московского государства превратили постепенно свое общественное служение, свои обязанности управления — в классовое господство над управлявшимся ими сельским населением, присваивая себе право собственности и на крестьянский труд, и на крестьянские земли. Как известно, крестьянство ответило на это превращение громадным восстанием Пугачева, потрясшим самые основы помещичьего государства. Крестьянство потерпело поражение в этом восстании, но это поражение, само собой разумеется, не может служить оправданием помещичьей собственности. Если поэтому правительство отменило в 1861 г. административную службу помещиков, бывших служилых людей, поставив крестьян в непосредственные отношения к государству, то должны были отпасть не только права помещиков на личность крепостных и обязательный их труд, но и права их на землю, которая им никогда по существу и не принадлежала.

Однако, все акты поземельного устройства крестьян стояли на противоположной точке зрения. Если в отношении к личности крепостных и было признано, что она выкупу не подлежит, то надел, на котором крестьянство сидело задолго до возникновения крепостного права, оно вынуждено было выкупать у помещиков и у уделов. Тот же принцип выкупа был распространен на земли, отведенные государственным крестьянам; они также рассматривались как собственность государства, которую надо ему оплатить. Хотя по закону 24 ноября 1866 г. надел предоставлялся государственным крестьянам в собственность при том только условии, что они продолжают платить оброчную подать, которая в сущности являлась налогом и даже взималась до 1887 года с души, но в 1887 г., при пересмотре размера оброчной подати, последняя была повышена на 45%, и этот увеличенный оброк был превращен в

---

[1] «Сословные привилегии помещиков были правительственными полномочиями, даже не связанными с правом земельной собственности, потому что они возлагались и на управителей дворцовых и казенных крестьян, и самое право дворянской собственности поглощалось этими полномочиями, претворяясь из института гражданского права в государственное учреждение» (проф. В. Ключевский, Курс русской истории, ч. IV, стр. 424).

выкупные платежи за надельную землю, которые должны были быть вносимы в течение 44 лет.

§ 3. Фактическое обезземеление помещичьих крестьян.

При наделении в 60-х годах бывших государственных крестьян, им были оставлены все состоявшие в их пользовании земли и угодья, причем в случае наличия казенных земель, не отграниченных от крестьянских, допускалась и прирезка земли, но не свыше 8 десятин на душу в малоземельных уездах и 15 десятин — в многоземельных. Наделение бывших удельных крестьян уже сопровождалось уменьшением, правда, незначительным, их фактического землепользования. Вместо 4 053 000 десятин, бывших в их пользовании до превращения их в собственников, они получили в надел 3 983 000 десятин. Таким образом, от них было отрезано в пользу уделов до 70 тысяч десятин. Но более всего были обездолены бывшие помещичьи крестьяне в силу Положения 19 февраля 1861 г. об освобождении их от крепостного права.

По всей Европейской России землепользование бывших помещичьих крестьян уменьшилось с 35 197 000 десятин до 33 755 000 десятин, т. е. на 4,1%. Но если откинуть западные губернии, где по чисто политическим соображениям, в отместку за восстание польской шляхты против самодержавия в 1863 г., крестьянам были предоставлены сравнительно значительные наделы, то получим, что в 28 губерниях Великороссии и Малороссии на основании «великой реформы освобождения крестьян» у крестьян было отрезано в пользу помещиков 16% их фактического землепользования, причем местами эти отрезки доходили до 37,9% (Саратовская губ.) и даже до 41,8% (Самарская губ.). В особенности губительны были для крестьянства так называемые дарственные наделы и самый способ отвода наделов.

Помещикам было предоставлено право, по добровольному соглашению с крестьянами, отвести им бесплатно — «подарить» — четверть нормального, так называемого высшего надела, более которого крестьянство не могло получить. Если принять во внимание, что в черноземной полосе этот высший надел колебался по уездам от 2 дес. 1800 кв. саж. до 6 дес. на ревизскую душу,[1] то дарственный надел

[1] Ревизии — это своеобразные переписи крестьянского населения, введенные Петром I по указу 23 ноября 1718 г. для обложения всех душ мужского пола (конечно, только крестьянских) особою подушной податью. Всех ревизий было десять. Последняя была в 1857 г., и размер надела при поземельном устройстве крестьян исчислялся по числу душ, в этой ревизии записанных. Подушная подать

составит от 0,7 дес. до 1½ дес. на ревизскую душу, т. е. от ⅓ до ¾ дес. на едока, — размер надела, являющийся для нашего закона о едином сельскохозяйственном налоге основанием для освобождения от его платежа. Между тем, на дарственный надел, впоследствии справедливо названный «нищенским», вышло 640 тысяч ревизских душ, т. е. 6% крепостного крестьянства.[1] В еще худшем положении оказались бывшие дворовые крестьяне, которых по 10-й ревизии насчитывалось более 720 тысяч душ и которые совсем не получили надела, т. е. были совершенно обезземелены.

Таким образом, так называемая освободительная реформа 1861 г. была в сущности не только юридической экспроприацией всей надельной земли в пользу помещиков, но и сопровождалась значительными отрезками от крестьянского землепользования. Недаром проводить ее в жизнь пришлось местами посредством пушек и винтовок, так как крестьяне добровольно не шли на такое освобождение от земли.

Вот как характеризует Ленин «великую» реформу 1861 года. «Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа. А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены, посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу.

была отменена в 1881 — 1883 годах для безземельных и крестьян-дарственников, в 1885 — 1887 гг. для всех остальных категорий крестьян, кроме Сибири, и лишь с 1 января 1907 г. она исчезла из финансовой системы самодержавия.

[1] Причина того, что такое большое количество крестьян согласилось получить нищенские наделы, заключается в необычайно высоких выкупных платежах, значительно превышавших средние арендные и продажные цены на землю. Не учтя неизбежного роста последних, крестьянство считало для себя выгодным взять даром четвертной надел, а затем по дешевой цене арендовать помещичьи земли. Конечно, они ошиблись в своих расчетах. Влияло здесь также принуждение и насилие, производившееся над неорганизованным крестьянством.

«Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени искаженным выходит всякое дело из рук самодержавнего правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян правительство прямо-таки вынуждено было освободить их. Сам царь признался, что «надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу...» Но «великая» реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказавшихся принимать уставные грамоты. Неудивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятием молчания» (1901 г., т. IX, стр. 278).

Неблагоприятным был для крестьян и самый способ отвода им наделов. Помещичьи земли вклинивались в надельные, местами отделяли их от пастбищ и водопоя, подходили к самым усадьбам. Крестьянское хозяйство оказалось в очень многих местностях в настоящей западне: были деревни, в которых «некуда было курицу выгнать», потому что помещичья межа прошла под самыми усадьбами, а в некоторых местностях крестьяне могли проехать на свои поля или к водопою не иначе, как через помещичьи земли. На этой почве развилась впоследствии одна из самых тяжелых форм вынужденной аренды частновладельческих угодий по ценам, не имеющим никакого отношения к их доходности.

В конечном итоге, бывшие помещичьи крестьяне получили в среднем выводе для всей России по 3,2 десятины на ревизскую душу, бывшие удельные — по 4,9 десятин, и бывшие государственные — по 6,7 десятин, а в расчете на двор, по данным поземельной статистики 1905 г., эти разряды крестьянства получили надельной земли: 6,7 десятин, $9^1/_2$ десятин и $12^1/_2$ десятин. Это различие земельного обеспечения сказалось впоследствии во время революционного распределения земель.

§ 4. Выкупные платежи.

Как выше было указано, помещичьи и удельные крестьяне, а впоследствии и государственные, были вынуждены платить помещикам и государству за предоставленные им надельные земли. Платеж был рассрочен на 49 лет, причем государство, уплатив помещикам всю выкупную цену, взимало ежегодно с крестьян ее погашение вместе с процентами. До какой степени эта операция оказалась выгодной для поме-

щиков, совершенно разорительной для крестьянства и безубыточной для государства, показывает следующая таблица, составленная А. Е. Лосицким для надельных земель помещичьих крестьян.

Губернии	Площадь надела в тыс. дес.	Ценность надела в миллионах рублей			Превышение выкупной цены над продажной в % по ценам	
		По продажным ценам		По выкупу		
		1854—58 гг.	1863—72 гг.		1854—58 гг.	1863—72 гг.
Нечерноземные . . .	12 286	155	180	342	120	90
Черноземные	9 841	219	284	342	57	20
Западные	10 141	170	184	183	—	—

Таким образом, крестьяне выкупали у помещиков свои же собственные надельные земли по ценам, превышавшим существовавшие в момент наделения цены более чем вдвое в нечерноземных губерниях и более чем в полтора раза в губерниях черноземных. Выкупные цены значительно превышали продажные даже еще в 1863—1872 годах, несмотря на огромный рост цен на землю после реформы 1861 г. Лишь в западных губерниях — по причинам, нами выше указанным, — выкупные цены приближались к продажным ценам на землю. При таких условиях надел сразу стал «наделом-разорителем», значительно превышавшим его доходность. Вследствие этого реформа 19 февраля 1861 г. возложила ответственность за уплату выкупных платежей на все сельское общество, создав целый ряд самых стеснительных правил по увольнению крестьян из общества. Владение надельною землею сделалось не правом, а тяжелою денежною повинностью, которую крестьяне несли в пользу помещиков.

Несмотря на громадный рост недоимок, государство успело выколотить из помещичьих крестьян 1 541 204 000 рублей выкупных платежей, проведя всю выкупную операцию безубыточно для себя. Лишь революция 1905 г. вынудила самодержавное государство — по указу от 3 ноября 1905 г. — отказаться от взимания выкупных платежей. К этому моменту государственные крестьяне, перешедшие на выкуп, как выше было сказано, в 1887 г., успели заплатить государству 900 млн рублей за свою надельную землю, а удельные — около 100 млн рублей.

§ 5. Аграрное перенаселение.

Чтобы понять экономическое положение крестьянства до революции и движущие моменты его революционной борьбы, приведшие

к великому земельному перевороту 1918 г., необходимо принять во внимание один чрезвычайно важный факт нашего народного хозяйства. В то время как в Англии, Германии и Франции, в течение второй половины XIX века и первого десятилетия XX века, весь естественный прирост сельского населения поглощался городом, так что количество этого населения за этот период не только не увеличилось, но даже сократилось,[1] — у нас города, вследствие их относительно слабого развития, поглощали лишь 10-15% естественного прироста сельского населения. Вследствие этого сельское население 50 губерний Европейской России, не превышавшее в 60-х годах XIX в. 50 миллионов, к 1900 году достигло 86 миллионов, а к 1914 г. составило уже 103 миллиона душ. Естественно, что земельное обеспечение крестьянства с каждым десятилетием ухудшалось. По расчетам А. А. Кауфмана,[2] у крестьян всех трех разрядов приходилось на наличную мужскую душу: при наделении — 4,8 дес., в 1880 г. — 3,5 дес., в 1900 г. — уже только 2,6 дес., а к моменту революции — приблизительно 2 дес. В Симбирской, например, губернии у бывших помещичьих крестьян приходилось на едока в 1861 г. — по 2,6 дес., а в 1900 г. — уже только 0,9 дес.; у бывших удельных те же цифры составят 4,2 и 1,3 дес., а у бывших государственных — 4,3 дес. и 1,3 дес. Более значительное падение земельной обеспеченности у бывших удельных и государственных крестьян, чем у бывших помещичьих, объясняется бо́льшим приростом лучше обеспеченных групп крестьянства.

Эта растущая надельная необеспеченность крестьянства принимала еще более резкие размеры вследствие неравномерного распределения надельной земли не только между тремя главнейшими разрядами крестьян, но и внутри каждого отдельного сельского общества. По данным поземельной статистики 1905 г., почти половина надельной земли, около 64 млн десятин, находилась в руках 2,1 млн дворов, имевших в среднем на двор 30 десятин, в то время как остальные 10 млн крестьянских дворов владели лишь 72,9 млн десятин, т. е. в среднем 7,3 десятины на двор.

Этот огромный рост сельского населения, увеличившегося с момента наделения ко времени революции в два раза, требовал для прокормления «прибылых душ» соответственного повышения производи-

[1] Сельское население уменьшилось: в Англии за 1871 — 1911 гг. с 8,7 млн до 7,9 млн, во Франции за 1872 — 1906 гг. с 24,9 млн до 22,7 млн, в Германии за 1870 — 1905 гг. с 26,2 млн до 25,8 млн (проф. Н. Огановский, «Очерки по экономической географии РСФСР», М., 1923 г., стр. 37).

[2] А. А. Кауфман, «Аграрный вопрос в России», М., 1919 г., стр. 44 — 46.

тельности сельскохозяйственного труда, подъема урожайности надельной земли, интенсификации крестьянского хозяйства. Однако традиционное трехполье осталось господствующей системой земледелия на надельных землях в течение всего полустолетия. Урожайность крестьянских земель, если и поднялась с 29 пудов с десятины за десятилетие 1861 — 1870 гг. до 34 пудов за десятилетие 1901 — 1910 гг., то только ценою истощения естественного плодородия почвы, сказывавшегося в периодических острых неурожаях и голодовках крестьянского населения. В результате к началу XX века получился абсолютный недостаток хлеба для возросшего сельского населения. Даже по официальным расчетам, при крайне скудной продовольственной норме в 20 пудов хлеба на душу, избытки хлеба получились только по трем районам: новороссийскому — 18 пуд. на душу, восточному — $5^1/_4$ и юго-восточному — $4^1/_2$ пуда на душу населения. По всей нечерноземной полосе был значительный недостаток в хлебе: в северном и приозерном районах — по $10^1/_4$ пуда на душу, в среднем промышленном — $9^1/_4$, в северо-восточном — $4^1/_4$, в северо-западном — $7^1/_2$ пуд. на душу. Недостача хлеба получилась и в большей части районов черноземной полосы: в юго-западном районе — по 6,8 пуд. на душу, в малороссийском — 6,5, в средних приволжских губерниях — 4,2, в северо-восточной части центрально-земледельческого района — 2,3, в юго-западной части того же района — даже 8 пудов на душу, — в общем же итоге для всех 50 губ. Европейской России недостача продовольственного хлеба составляла кругом на душу по 3,4 пуда.[1] И это при преобладании зернового хозяйства на крестьянских землях. Само собою разумеется, что эта средняя цифра недостачи хлеба в 3,4 пуда на душу в год увеличивалась вдвое для крестьянских низов, — для тех 10 миллионов дворов, которые, владея 7,3 десятинами на двор, справедливо были отнесены Лениным к категории «разоренного крестьянства, придавленного крепостнической эксплуатацией».[2] Если, тем не менее, Россия вывозила за границу около 600 миллионов пудов продовольственных хлебов, то это был вывоз не от избытков, а за счет ухудшения питания крестьянской бедноты.

Не может подлежать сомнению, что единственным выходом из создавшегося аграрного перенаселения, ведшего к пауперизации и вырождению сельского населения, был переход крестьянства от трех-

---

[1] А. А. Кауфман, «Аграрный вопрос в России», Москва, 1919, стр. 52.
[2] Н. Ленин, «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», Москва, 1918 г., стр. 11.

полья к плодосменному севообороту и введению интенсивного земледелия. Но столь же несомненно, что главнейшим препятствием к поднятию производительности крестьянского хозяйства было сохранение в деревне и государстве экономического и политического господства за крупным дворянским землевладением. Мы видели, что только благодаря этому господству у бывших помещичьих крестьян было отрезано при освобождении 16% их землепользования и наложены на оставшийся надел выкупные платежи, превышавшие его доходность. Если присоединить к выкупным платежам подушную подать и другие налоги, то ясно, что крестьянство в течение, по крайней мере, первых 40 лет после так называемой освободительной реформы 1861 г. не могло употребить ни одной копейки на интенсификацию своего хозяйства. По данным воронежской статистики крестьянских бюджетов, относящимся к 1889 г., средний валовой доход крестьянской семьи равнялся 491 р. 44 коп. при валовом расходе в 443 р. Таким образом, чистый доход составлял 48 р. 44 коп., между тем сумма податей и повинностей, падавших на двор, равнялась 34 р. 35 коп., т. е. 70% чистого дохода. Та же статистика определяла денежный чистый доход средней семьи в 17 р. 83 коп., т. е. финансовая система самодержавного государства не только отнимала у крестьянского хозяйства весь его денежный чистый доход, но требовала еще постоянных доплат. Конечно, ни о каком вложении капитала в хозяйство, ни о каких производственных затратах не могло быть и речи при такой эксплуатации.

Мы ниже увидим, какие хозяйственно-убыточные цены за аренду и покупку земли платило крестьянство помещикам под влиянием продовольственной нужды и правительственных экзекуций при взимании налогов. Следовательно, и при расширении своих запашек крестьянство все выгоды отдавало дворянскому землевладению, оставаясь само на нищенском бюджете, без возможности введения каких-либо улучшений в своем хозяйстве.

Не менее существенным препятствием к культурному подъему крестьянского хозяйства являлось неразрывно связанное с экономическим господством дворянства и политическое угнетение им крестьянства. Полицейский надзор и контроль, приниженность крестьянства перед господствующим сословием, стеснение свободной инициативы и кооперации, ничтожность затрат на агрономическую помощь населению, темнота и безграмотность и, вообще, старый крепостнический взгляд на крестьянство как на «подлое» тягловое сословие, платящее налоги и пресмыкающееся перед господами, — вся эта средневековая

система самодержавного государства, сохранившаяся в значительной степени в неприкосновенности до первой революции 1905 г., была одной из самых серьезных преград к интенсификации крестьянского земледелия. Но она вырастала на экономическом фундаменте принадлежности 62 миллионов десятин дворянских латифундий 28 тысячам владельцев, являвшихся в то же время высшими сановниками бюрократии. И вне уничтожения этого экономического и политического господства крупного дворянства не было выхода из аграрного перенаселения. «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 миллиона десятин земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 млн десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне неизбежны поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации»... «Сущность происходящего переворота сводится к уничтожению крепостнических латифундий и к созданию свободного и (насколько возможно при данных условиях) зажиточного земледельческого крестьянства, способного не прозябать, не маяться на земле, а развивать производительные силы, двигать вперед сельскохозяйственную культуру».[1]

Из изложенного ясно, почему Октябрьская революция, уничтожившая дворянское землевладение и весь выросший из него политический строй, только и создала основные предпосылки для выхода страны из труднейшей проблемы ее аграрного перенаселения.

§ 6. Арендованные и купчие земли.

Мало поглощаемый городами естественный прирост сельского населения при отсталости земледельческой техники, тяжесть податного обложения и отрезки в 1861 г. от крестьянских земель необходимых участков, без которых хозяйствование было невозможно, — создали в ближайшие годы и десятилетия после наделения огромный спрос крестьянства на оставшиеся в руках помещиков 101,7 миллионов десятин. Спрос этот был создан продовольственной и хозяйственной нуждой, и потому условия перехода частновладельческих земель в пользование крестьянства диктовались помещиками.

1) Первым способом такого перехода была аренда. Считают, что крестьянская аренда пахотных и сенокосных угодий достигала:

[1] Н. Ленин, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.», М., 1919 г., стр. 13 — 14, 24.

у частных владельцев — 18,6 млн десятин, у казны и уделов — 5,2 млн десятин, у прочих владельцев (церквей, монастырей, городов) — 1,8 млн, а всего 25,6 млн десятин. Но арендные цены постоянно возрастали, сводя доход от аренды до голодного минимума. Так, в Полтавской губ. арендные цены при продовольственной крестьянской аренде поднялись с 1896 г. по 1901 г. с 8 р. 33 коп. до 12 р. 60 коп., в то время как при предпринимательской аренде те же цены составляли 6 р. 56 коп. и 8 р. 68 к. По той же причине арендные цены возрастали с уменьшением надельной обеспеченности крестьянского двора. В Рязанском, например, уезде крестьяне с наделом от 1½ до 3 дес. платили за арендную землю в среднем по 11 р. 21 коп., крестьяне с наделом от 3 до 5 дес. — уже только 6 р. 49 коп., а имеющие свыше 5 дес. — 5 р. 77 коп. По расчетам проф. Н. Огановского,[1] платежи крестьян за аренду частновладельческой земли доходили в 1913 г. до 450 млн рублей.

В особенности тяжела была так называемая натуральная аренда, т. е. из части урожая или из доли обработанной земли, на которую вынуждены были соглашаться крестьяне в особенности в тех случаях, «когда им приходилось арендовать у соседних владельцев всякие клинья, чересполосно-лежащие участки или безусловно-необходимые им выпасы или водопои».[2] По расчетам А. А. Кауфмана, и при натуральной аренде наблюдалось постепенное ухудшение условий для крестьян. В то время как в 1895 г. из четверти урожая снималось 23% аренд, а из половины — 72%, в 1900 г. четвертью урожая оплачивалось только 10% аренд, и, наоборот, аренда из половины поднялась до 86%.

2) Особое место в крестьянском землевладении до революции занимали купчие земли. Земельный голод создал не только аренду частновладельческой земли по кабальным, «голодным» ценам, но и вызвал со стороны крестьян спрос на покупку этой земли в собственность. Купленные земли не подчинялись тому режиму, который был установлен дореволюционным законодательством в отношении к надельным землям и который заключался в запрещении их залога и целом ряде ограничений при их продаже. На купчие крестьянские земли распространялось действие общегражданских законов о частной земельной собственности, и территория крестьянского хозяйства, состоявшая из надела и из земли, приобретенной по частноправовой сделке, подчинялась, таким образом, двум различным правовым режимам. Ко времени

[1] Н. Огановский, «Очерки по экономической географии», М., 1923 г., стр. 81.

[2] А. А. Кауфман, «Аграрный вопрос», М., 1919 г., стр. 83.

революции крестьяне перевели в свою собственность до 27 миллионов частновладельческой земли. Главнейшую роль в этой мобилизации земли сыграл Крестьянский банк, учрежденный в 1883 г. со специальной целью наиболее выгодной реализации дворянством своих имений и потому соединенный с Дворянским банком в одном управлении. Реализация эта особенно усилилась после аграрных волнений 1905 г., сопровождавшихся разгромом помещичьих имений, главным образом, в центрально-черноземном районе, где господствовали кабальная аренда и отработочная система ведения помещичьего хозяйства.

Как и аренда, покупка частновладельческой земли характеризовалась беспрерывным ростом покупных цен. Учреждение Крестьянского банка сразу подняло цены с 26 руб. за десятину до 52 руб. Последовавшее с 1886 г. сокращение операций банка вызвало и падение цен до 42 руб. в 1887 г. и 32 руб. в 1889 г. Но новое оживление посреднической деятельности банка по продаже дворянских имений крестьянам, вызванное разрешением банку в 1895 г. закупки за собственный счет и увеличением размера ссуды покупщикам до 90% оценки, повлекло за собою сразу рост цен на землю: с 52 руб. в 1896 г. покупные цены поднялись до 83 руб. в 1900 г., до 112 руб. в 1905 г., до 140 руб. в 1910 г., до 151 р. в 1913 г. Как правильно заметил А. А. Кауфман, «то, что крестьянину приходится платить при покупках с содействием банка, — это гораздо больше, чем земля действительно стоит, гораздо больше, чем тот чистый доход, который она действительно дает при крестьянском или при заурядном помещичьем хозяйстве».[1] Таким образом, и покупка земли не была выходом из создавшегося до революции аграрного перенаселения деревни и созданного им острого малоземелья. Как и при аренде, она была лишь способом удовлетворения продовольственных нужд крестьянства, средством пропитания. По расчетам проф. Н. Огановского, ежегодные платежи крестьян за купленные ими к 1913 г. около 27 миллионов десятин земли доходили до 215 миллионов рублей.

Купчие земли приобретались обществами, товариществами и в единоличную собственность. Общественные покупки совершались сельскими обществами, которым были отведены надельные земли и которые при общинном землевладении являлись единственными собственниками и распорядителями последних. Поэтому при покупках обществами купчие и надельные земли сливались в единый земельный фонд. Иной характер носили товарищеские закупки, совершавшиеся группою дво-

[1] А. А. Кауфман, цит. соч., стр. 121.

ров одного или нескольких обществ, обыкновенно наиболее зажиточных. Здесь пользование купленною землею ограничивалось покупщиками, в то время как надельная земля распределялась между всеми членами общества. Наконец, единоличные покупщики, приобревшие около 40% всей земли, перешедшей к крестьянам, покупали участки земли, значительно превышавшие их надел, перенося, таким образом, центр своей хозяйственной деятельности на вненадельную землю и сильно отличаясь размерами своей земельной обеспеченности от членов надельного общества.

§ 7. Укрепленные земли и участковое землевладение.

Революция 1905 г., начатая городским пролетариатом, была поддержана крестьянским восстанием, вспыхнувшим с особенною силою в центральном земледельческом районе и средневолжских губерниях, местностях наибольшего аграрного перенаселения и, соответственно этому, наибольшего распространения кабальной аренды, голодных арендных цен и отработочной системы. С поражением революции в городе было усмирено и крестьянство. Но правящее дворянство, напуганное революцией, угрожавшей самым основам его классового господства, задумало и осуществило в лице своего руководителя, министра Столыпина, ряд аграрных мероприятий, которые, по его мнению, должны были гарантировать дворянские латифундии от нового нападения на них эксплуатируемого крестьянства. В основе этих мероприятий лежало стремление, не затрагивая крупного землевладения, создать за счет крестьянских низов небольшое меньшинство крупных и средних крестьянских хозяйств, владеющих округленным участком земли на принципе частной собственности. В этом новом крестьянстве должен был развиться «фанатизм собственности», который служил бы наилучшей опорой и защитой для крупной земельной собственности. Одним словом, дворянство задалось целью выполнить тот возможный тип буржуазного развития земельных отношений в России, который Ленин в конце 1907 г. назвал «прусским» типом развития. «Формы буржуазного развития России могут быть двояки... Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»). Во втором случае — помещичьего хозяйства нет, или оно

разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья». [1]

Оградив неприкосновенность «30 000 культурных хозяйств» с их 62 миллионами десятин сотнями виселиц и массовыми расстрелами, провозгласив лозунгом своей аграрной программы «ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», — г. Столыпин для образования своей будущей опоры обратился к единственному оставшемуся у него источнику — надельным землям. Как выше было указано, надельные земли отводились каждому сельскому обществу, как собственнику, по одному акту укрепления. Около 80% всей надельной земли находились в общинном владении, т. е. подвергались периодическим уравнительным переделам между всеми членами сельского общества. Столыпинское земельное законодательство направило поэтому свое главное оружие против общинного землевладения, считая, что стремление крестьян пустить в передел помещичьи земли само собою исчезнет, как только прекратится коллективное землепользование общины и воцарится вместо него индивидуальная частная собственность на надельные земли.

1) Указ 9 ноября 1906 г. и заменивший его впоследствии закон 14 июня 1910 г. предоставили право каждому домохозяину в общине выйти из нее во всякое время и, не считаясь с ее волей, у к р е п и т ь в с в о ю л и ч н у ю с о б с т в е н н о с т ь те определенные, конкретные чересполосные участки, которые находились в пользовании домохозяина в разных клинах и загонах общинного поля. Закон был так редактирован, что все те, кто мог опасаться, что ближайший передел сократит их землепользование, находили выгоду в выделении из общины, так как таким образом они закрепляли за собой больше общинной надельной земли. Это достигалось тем, что за излишки земли, оказавшиеся у выделяющегося вследствие уменьшения в его семье количества разверсточных единиц, он должен был уплатить обществу по в ы к у п н ы м ценам, иначе говоря, по оценке к моменту выхода на выкуп, т. е. по ценам 60 — 80-х годов XIX века, которые были, по крайней мере, раза в четыре меньше цен первого десятилетия XX века. А так как укрепленные в личную собственность участки могли быть свободно продаваемы новыми собственниками, то укрепление было выгодной операцией не только для многоземельных дворов, но и для тех слабых хозяйств, которые или были не в состоянии вести хозяйство, или желали порвать с деревней.

---

[1] Н. Л е н и н, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.», 2-е изд., М., 1919, стр. 30.

Укрепление в личную собственность нескольких десятков — иногда до 80 и даже до 100 — отдельных полос в разных местах общинных угодий не могло преследовать каких-либо целей подъема сельскохозяйственной техники. Наоборот, вклинивая в общинные земли, находившиеся в распоряжении общины, неприкосновенные для нее «укрепленные» участки, этот чуждый каких-либо землеустроительных задач институт прекращал действие передельного аппарата общины, который, хотя и примитивными средствами, но все-таки боролся с чересполосицей. Укрепление таким образом создавало из общины самый худший вид совместного чересполосного владения, являющийся главнейшим препятствием интенсификации крестьянского хозяйства, — так называемое подворное владение, представляющее собою раз навсегда застывшее общинное распределение земель.

Для ускорения этого процесса уничтожения общинного землевладения столыпинский закон объявил перешедшими к подворному владению все те общины, которые не производили переделов после наделения их землею. Члены таких обществ для удостоверения своих прав собственности на отдельные земельные полосы могли получать вместо «укрепительных актов» так называемые акты «удостоверительные». Наконец, чтобы еще более подчеркнуть индивидуалистический характер новой аграрной реформы, закон признал укрепленные и подворные участки л и ч н о ю собственностью домохозяина, а не всего двора, так что домохозяин имел право продать надел, не считаясь совершенно с желанием младших членов семьи. Таким образом, одновременно с экспроприацией общинной собственности, шло и разрушение того своеобразного семейно-трудового объединения, каким является крестьянский двор.

2) Одновременно с укреплением столыпинское земельное законодательство выдвинуло и принцип з е м л е у с т р о й с т в а, которое оно понимало, главным образом, как создание у ч а с т к о в о г о з е м л е в л а д е н и я, хуторов и отрубов. Существо участкового землевладения заключается в концентрации земель хозяйства в один или несколько (возможно меньшее число) участков наиболее удобной формы и приближении их к усадьбе, как к хозяйственному центру. Отличие хутора от отруба заключается в том, что в нем усадьба находится внутри одного участка, в котором собраны все или главнейшие угодия хозяйства, в то время как при отрубном хозяйстве усадьба расположена обособленно, на известном расстоянии от основного участка земли. При всей хозяйственной целесообразности участкового землепользования, оно вводилось дворянским правительством с таким нарушением прав

членов общины, посредством такого насилия и нажима, что вызывало крайне враждебное отношение к нему крестьянства, сказавшееся, как мы увидим ниже, в революцию 1917 г. Наиболее возмутительным правилом порядка выделов к одному месту была обязательность их для общины даже по требованию одного «укрепленца», которое могло быть заявлено во всякое время, а не только при общем переделе. Правда, администрации было предоставлено право признать выдел неудобным или невозможным, но при пристрастии столыпинских чиновников к выделяющимся, это ограничение было слабою защитою для общины. С другой стороны, это же пристрастие сплошь и рядом приводило к тому, что выделяющиеся получали наилучшие общинные земли.

Земельное законодательство самодержавия, порожденное страхом перед усмиренной революционной бурей 1905 г., имело по внешности большой успех, — по внешности потому, что аграрный переворот 1918 г. уничтожил почти все формы созданного им крестьянского землевладения. К 1916 г. 2 008 400 домохозяев, т. е. около 14% всех хозяйств крестьянского типа, укрепило за собою 14 122 800 десятин земли, или почти 10% надельного землевладения. Помимо этого, к 1 января 1916 г. 469 800 дворов, которым принадлежало 2 796 400 десятин земли, получили на них «удостоверительные» акты. Из этого количества новых собственников 1 201 769 дворов, по официальным данным на 1 января 1916 г., продали свои укрепленные участки, составлявшие в общей сумме 3 953 532 десятины земли.[1] Мобилизация земли была, вероятно, гораздо более значительна, так как многие сделки ускользали от официальной регистрации. Что касается участкового землевладения, то, по расчетам проф. П. Н. Першина,[2] вышло на обособленные участки за 1907 — 1916 гг.: на надельных землях 1 307 329 хозяйств с 12 777 108 дес., на землях Крестьянского банка[3] — 279 865 хозяйств с 3 020 062 дес. и на казенных землях —

---

[1] С. Дубровский, «Столыпинская реформа», Ленинград, 1925 г., стр. 230.

[2] Проф. П. Н. Першин, «Участковое землепользование в России», М. 1922 г., стр. 8.

[3] Аграрное движение 1905 г. так напугало помещиков, в особенности из царской семьи, что по закону от 3 ноября 1905 г. правительство, защищая интересы дворянства, разрешило Крестьянскому банку покупать за собственный счет дворянские земли для перепродажи их крестьянам. Банк закупил 4 735 000 дес. у помещиков, 1 245 000 дес. у Удельного ведомства, управлявшего имуществом царской фамилии, и, кроме того, ему было передано для перепродажи 675 тыс. дес. казенной земли. Этот громадный земельный фонд Банк реализовал на условиях образования на продаваемых землях участкового землевладения.

15 505 хозяйств с 223 747 дес., а всего 1 612 690 хозяйств с 16 020 917 дес. земли.

3) Констатируя этот исключительный успех столыпинской аграрной реформы, проф. К. Д. Бруцкус, в выпущенной им в 1922 г. книге,[1] не отрицая классового характера этой реформы, направленной на сохранение во что бы то ни стало дворянских латифундий, в то же время дает ей положительную оценку с точки зрения развития производительных сил русского сельского хозяйства. «Если мобилизация надельной земли, перед которой с таким ужасом останавливалась народническая мысль, в действительности ничего страшного из себя не представляет, а, наоборот, вполне соответствует интересам народного хозяйства, то тем более нормальным и согласованным с интересами народного хозяйства следует признать выдел крепких хозяев, стремящихся освободить себя из пут принудительного хозяйства. Правда, выделом земли в чересполосице эта цель не вполне достигается. Но значительная часть хозяев одновременно с выходом из общины выделяла свою землю к одному месту, а если значительная часть этого не сделала, то потому, что землеустроительные комиссии не успевали с этой огромной задачей справиться».[2] Таким образом, классовая политика Столыпина совпадала с линией народнохозяйственного развития, и, следовательно, совершенно ошибочно было «враждебное или, во всяком случае, недоверчивое отношение со стороны демократического русского общества, искавшего опоры у крестьянства, к системе аграрных мероприятий правительства». Однако, проф. К. Д. Бруцкус не может не поставить сам себе вопроса: «Но если аграрная политика старого режима соответствовала интересам народного хозяйства, то как могло случиться, что в России в 1917 — 1918 г. произошла политическая, а за нею и социальная революция?». Ответ проф. Бруцкуса сводится к обычной буржуазной критике революции, вызванной, мол, войною и распадом народного хозяйства, а там, где дело идет о процессе разложения, там никакие экономические законы не писаны.

Правильная оценка земельного законодательства межреволюционного десятилетия дана Лениным еще в конце 1907 г. «Столыпинская «чистка» лежит, несомненно, по линии прогрессивного капиталистического развития России, но только приспособлена эта чистка всецело к интересам помещиков: пусть богатые крестьяне втридорога заплатят

---

[1] К. Д. Бруцкус, «Аграрный вопрос и аграрная политика», Петроград, 1922 г.

[2] К. Д. Бруцкус, цит. соч., стр. 122.

«крестьянскому» (читай: помещичьему) банку, — мы зато дадим им свободу грабить общину, насильственно экспроприировать массу, округлять свои участки, выселять крестьянскую бедноту, подрывать самые основы жизни целых сел, создавать во что бы то ни стало, несмотря ни на что, пренебрегая хозяйством и жизнью какого угодно числа «исконных» надельных земледельцев, новые отрубные участки, основу нового капиталистического земледелия».[1] В самом деле, мы указывали, что укрепление и выдел к одному месту по законам 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. использовали, главным образом, наиболее дифференцированные элементы деревни. Дело шло о сосредоточении надельной земли в руках многорабочих и многоземельных дворов. Помимо того, участковое землевладение создавалось за счет общины, не считаясь с ее волей, путем выдела лучших земель выходящим, что вынуждало большинство общинников, по слабости своих хозяйств совершенно не подготовленных к переходу на хутора и отруба, зачастую соглашаться на общее разверстание своих угодий на отруба из справедливого опасения, что в противном случае им грозит обезземеление со стороны выделяющихся. Именно это обстоятельство делало новых хуторян сплошь и рядом чрезвычайно неустойчивыми хозяйствами, кончавшими продажей или сдачей в аренду своих участков. Помимо того — и это главное — огромная масса крестьянских низов, сосредоточенная в центре аграрного перенаселения — центрально-земледельческом районе и среднем Поволжьи, — осталась, по существу, вне воздействия столыпинского законодательства, а если вынуждалась считаться с ним, то лишь со скрежетом зубовным. Эти десятки миллионов крестьянских дворов с нищенским наделом продолжали упорно держаться за общину, за аренду помещичьей земли по кабальным ценам.[2] Для них проведение до конца столыпинской реформы «означало лишь неизмеримо большие бедствия и мучения, эксплуатацию и угнетение».[3]

Успокоительные заверения проф. К. Д. Бруцкуса, что излишек сельского населения, получающийся вследствие укрупнения крестьянского хозяйства, должен был поглощаться промышленным развитием городов, не соответствовали действительности. Хотя городское население России возросло за 20-летие 1897 — 1916 гг. с 11 308 000 до 21 609 000, т. е. на 10 301 000 человек, в то время как за предыдущее

---

[1] Н. Ленин, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.», М., 1919 г., стр. 73.

[2] И. В. Чернышев, «Община после 9 ноября 1906 г.» (по анкете Вольно-экономического общества), Петроград, 1917 г.

[3] Н. Ленин, цит. соч., стр. 34.

40-летие оно увеличилось лишь на 8,2 миллиона, однако, ежегодный процесс возрастания сельского населения России на 1,3% остался неизменным и за последнее до революции двадцатилетие. Вследствие этого сельское население, насчитывавшее в 1897 г. 81 563 000 человек, дошло до 102 654 000 душ в 1916 г., дав таким образом «прибавку в 21 миллион земледельцев, составившую тяжелый груз для и без того перенаселенной деревни».[1] Столыпинское законодательство не могло разрешить таким образом проблемы аграрного перенаселения центральной России, и именно поэтому оно оказалось нежизненным и неотвечающим экономической действительности, и именно поэтому оно было сметено восстанием широких масс крестьянских низов.

Мы указали выше, что Ленин еще в первую русскую революцию указал на единственно-возможный выход из русского аграрного тупика — полную ликвидацию крупного дворянского землевладения и всего выросшего из него политического строя. Только при этом условии могли создаться основные предпосылки для подъема сельскохозяйственной техники не небольшой кучки зажиточного крестьянства, а широкой массы крестьянских трудовых хозяйств, задыхавшихся в тисках аграрного перенаселения. «Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа (столыпинское аграрное законодательство. *Д. Р.),* а буржуазную эволюцию крестьянского типа. Первая означает наибольшее сохранение кабалы и крепостничества (переделываемого на буржуазный лад), наименее быстрое развитие производительных сил и замедленное развитие капитализма, означает неизмеримо бо́льшие бедствия и мучения, эксплуатацию и угнетение широких масс крестьянства, а следовательно, и пролетариата. Вторая означает наиболее быстрое развитие производительных сил и наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы. Тактика социал-демократии в русской буржуазной революции определяется не задачей поддержки либеральной буржуазии, как думают оппортунисты, а задачей поддержки борющегося крестьянства».[2] Поэтому с самого начала первой революции Ленин выдвинул лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

---

[1] Проф. Н. Огановский, «Очерки по экономической географии РСФСР», М., 1923, стр. 46.

[2] Н. Ленин, цит. соч., стр. 24 — 35.

§ 8. Исторические формы землевладения.

Мы увидим в следующей главе, как Октябрьская революция начала этот революционный путь выхода из нашего аграрного кризиса, корень которого лежит в перенаселении всей полосы центрального и волжского чернозема. В данный же момент перечислим вновь упомянутые нами выше исторические формы землевладения, с которыми столкнулась наша победоносная и великая революция. Фундамент сельского хозяйства составляли надельные земли в количестве около 138,7 млн десятин, принадлежавшие на праве собственности отдельным сельским обществам различной земельной обеспеченности, определявшейся, главным образом, историей наделения трех главнейших разрядов крестьян — государственных, помещичьих и удельных. За эти земли крестьяне заплатили бывшим помещикам и государству около $2^1/_2$ миллиардов рублей, из которых $1^1/_2$ миллиарда выпало на долю бывших помещичьих крестьян. 80% крестьянских обществ владели землей на общинном праве, распределяя ее посредством периодических уравнительных переделов между все возраставшим населением общества. Остальные 20% были общества с подворным владением, представлявшим собою как бы застывшую передельную общину, так что каждый крестьянский двор владел в неизменных границах определенными чересполосными участками в разных полях надела сельского общества. Рядом с этим надельным фондом, а сплошь и рядом чересполосно с ним, образуя «капканы» и «западни», лежали частновладельческие земли, бывшие помещичьи имения, в количестве около 101,7 млн десятин, принадлежавшие в большей части своей, именно в $^2/_3$, только 30 тысячам собственников, главным образом дворянам и высшим сановникам бюрократии, и заключавшие в себе угодья, крайне необходимые для ведения крестьянского хозяйства, в особенности при все возраставшем деревенском населении, лишь в 10-15% своего естественного прироста поглощаемом городом. На почве столкновения этих двух фондов, надельного и частновладельческого, образовались: 1) арендованные земли в количестве около 25,6 млн десятин, т. е. земли, арендуемые надельным крестьянством у бывших помещиков, а отчасти у казны, за которые землевладельцы получали от крестьян к моменту революции около 450 миллионов рублей в год, и 2) купчие земли, т. е. земли, купленные крестьянами у бывших помещиков, главным образом через посредство Крестьянского банка, в количестве около 27 миллионов десятин, за которые крестьяне платили ежегодную дань в размере около 215 миллионов рублей. Поражение революции 1905 г.

создало новые виды надельного землевладения: 1) укрепленные земли, представлявшие собою форму подворного владения, но с той особенностью, что они находились среди полос, продолжавших находиться на общинном праве, т. е. могущих быть подвергнутыми переделам, и 2) хуторские и отрубные участки, являвшиеся уже территориальными выделами из общинной земли. Законодательство межреволюционного десятилетия умножило число обществ с подворным владением, объявив таковыми все общины, не имевшие переделов со времени наделения, и объявило войну крестьянской семейной собственности, признав земли подворного владения, к каковым были отнесены и укрепленные земли, равно как хутора и отруба, личною собственностью домохозяина, получившего право распоряжения ими независимо от младших членов семьи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ.

А. ТЕОРИЯ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Литература: В. Чернов, Земля и право, Петроград, 1917 г.; Н. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг., 2-ое изд., М., 1919; Н. Ленин, Собр. соч., т. XV; А. Шестаков, Аграрные программы в истории русской революции (Большая советская энциклопедия, т. I).

§ 1. Социализация земли.

Мы видели, что проблема аграрного перенаселения не могла быть разрешена «прусским», столыпинским методом интенсификации сельского хозяйства на землях дворянских имений и укрупненных крестьянских отрубных и хуторских участков. Для подъема сельскохозяйственной техники огромного множества мелких и средних крестьянских хозяйств необходимо было, раньше всего, освободить их от тяжкой дани в пользу крупного землевладения и дворянского государства, доходившей до 30% их валового дохода,[1] а затем расширить площадь, по крайней мере, тех крестьянских хозяйств, которые во многих местностях стали «абсолютно малоземельными», т. е. сельскохозяйственная площадь которых достигла таких минимальных размеров, при ко-

[1] «По нашим расчетам ежегодные платежи крестьян по мобилизации земель к 1913 году дошли до 215 млн, за аренду — 450 млн, а всего 665 млн. При валовом доходе крестьян от сельского хозяйства в 5 015 млн (см. С. Прокопович, «Опыт исчисления народного дохода в Евр. России», М., 1918 г., стр. 83), одни эти поземельные платежи составляют 13,3%, тогда как, по вычислению Госплана, прямые и косвенные налоги, падавшие на крестьян, равнялись до войны 16% их доходов. В общем, значит, крестьянские налоги и платежи доходили до 30% — почти третьей части их валового дохода, что и не давало крестьянскому хозяйству почти никакой возможности развернуть его производительные силы» (Н. Огановский, «Очерки по экономической географии РСФСР», стр. 81 — 82).

торых никакие агрономические улучшения не могут уже поднять хозяйства. Так создалась историческая ситуация объективной необходимости безвозмездной ликвидации частновладельческих земель. Она проявилась в ряде стихийных аграрных восстаний крестьянства. Ограниченное в 1902 — 1903 гг. губерниями Харьковской и Полтавской, крестьянское движение осенью 1905 г. разлилось по всей центральной России. С огромной силой вспыхнуло оно и летом 1917 г., когда крестьянство, отчаявшись в решении Временным правительством вопроса о помещичьем землевладении, принялось само определять его судьбу.[1]

Крестьянские движения были направлены против крупного землевладения: крестьяне громили помещичьи имения и делили помещичью землю. Идеологом борющегося крестьянства явилась партия социалистов-революционеров, которая, хотя и формулировала теоретически требования крестьян, но в решительный момент, находясь у власти, скованная по рукам и ногам соглашением с буржуазией, отказалась от их действительного проведения в жизнь. Однако, выработанная этой партией аграрная программа — программа социализации земли — по условиям революционного момента была провозглашена Октябрьской революцией своей земельной программой. И первый декрет о земле, принятый в ночь 26 октября 1917 г., и последующий основной закон от 19 февраля 1918 г., названный «Декретом о социализации земли», — оба они проникнуты руководящими идеями эсеровской программы, которая была лишь обобщением взглядов и стремлений самого крестьянства. Нам приходится поэтому указать главнейшие принципы «социализации земли», на основании которых, по крайней мере формально, теоретически, совершилась ликвидация помещичьего и вообще нетрудового землевладения.

1) Социализация земли, как идеология крестьянской аграрной революции, выросла на почве русского аграрного перенаселения начала XX века, т. е. перенаселения, разрешаемого в условиях неподвижной техники трехполья и относительно слабого развития городов (гл. I, § 5). Не интенсификация сельского хозяйства, а расширение сельскохозяйственной площади — таков единственный выход из создающегося таким образом аграрного кризиса. И так как пропитание все размножающегося сельского населения, все увеличивающихся «прибылых душ» мыслится возможным лишь путем беспрерывного завладения новыми территориями, то создается страстная жажда земли, которую можно

[1] С. Дубровский, «Аграрное движение в России», Большая советская энциклопедия, т. I, стр. 476 — 483.

утолить, лишь дойдя до ее крайних пределов, до границ государства. Вот почему обобществление земли, возможность участия в пользовании всей территорией государства была одной из самых популярных идей среди крестьянских депутатов 1-й и 2-й Государственной думы, — все равно, являлись ли они представителями районов общинного или подворного землевладения. Участвовать в распределении земель не только соседнего помещика, но и вообще всех земель государства, — таков по необходимости идеал мелкого и среднего крестьянского хозяйства, еще не ставящего перед собою — вернее, не могущего еще поставить перед собою — проблемы интенсификации своего хозяйства, основанного исключительно на эксплуатации естественных свойств почвы.

Но для русского крестьянина, мелкого земледельца, самостоятельно хозяйствующего на своих разбросанных полосках, обобществление земли не означало собственности государства, использующего землю в общественных интересах, в целях осуществления социалистического строя. Нет, для него она — противопоставленное государству личное право на землю, право на непосредственное освоение ее, право его семьи, его потомков быть обеспеченными в возможности непосредственно применить свой собственный труд к «матушке-землице». Так национализация земли становится ее социализацией, общенародным достоянием, характерным признаком которого является именно общегражданское субъективное публичное право на землю, которое есть вместе с тем право трудовое, право личного труда на земле. «Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области, мы не переводим ее и просто в разряд современных «государственных имуществ». Мы делаем ее ничьей. Именно, как ничья, она и становится общенародным достоянием»... «Личность становится субъектом юридических прав на землю... мы признаем за каждою личностью трудовое право на пользование землею... Нет, если мы действительно хотим последовательной борьбы с собственническим началом, то мы неминуемо должны притти не к идее товарищеской, или общинной, или земской, или даже государственной собственности, — мы придем к идее установления общенародных прав на землю, к идее полного освобождения земли от пут «священной собственности», к идее превращения земли в общенародное достояние. Это и есть идея социализации земли».[1]

2) В понятии общенародного достояния, личного права на землю сказывается не только стремление мелкого хозяина распространить

[1] В. Чернов, «Земля и право», Петроград, 1917 г., стр. 130, 131, 158.

сферу своей собственной власти над землей на всю территорию государства. Для него это понятие означает, что она ничья, т. е. что она не имеет цены, что за нее никому не нужно платить ни аренды, ни покупной цены. Отсюда, естественно, и изъятие земли из частного оборота, где ее может присвоить навсегда тот или другой гражданин. Маркс давно показал, что мелкое земледелие испытывает величайшие затруднения для своего развития в затрате капитала на приобретение земли. «Затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет из себя затрату земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет из себя помеху агрикультуре также и в том случае, когда происходит покупка крупных помещичьих хозяйств. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность землевладельца, все равно — унаследовал ли он свой участок земли или купил его».[1] Эта критика частной земельной собственности, нашедшая себе так много подтверждений в условиях русского дореволюционного крестьянского хозяйства, как это мы видели в первой главе, была той почвой, на которой выросла идея о ничьей земле (следовательно, и не государства), как элементе социализации земли. Соответственно с этим § 9 проекта основных положений земельного закона, внесенного во 2-ю Государственную думу в 1907 г. группой эсеров, постановлял, что «за отвод общественной земли в частнотрудовое пользование не может быть взимаемо никакой платы — ни в виде поземельного налога, ни в виде аренды». Так представлял себе трудовой крестьянин свое право на никому не принадлежащую землю. В этом отрицании за государством даже права взимания налога с земли ясно проявляется себе самому довлеющий, полунатуральный, почти даже антиобщественный характер русского мелкого крестьянского хозяйства.

3) Конструкция социализации земли, как общенародного достояния, заключает в себе не только идею права на землю, личного права на ее бесплатное освоение, но и равного права на землю, пользования ею «на уравнительных началах». Что представляло собою до революции

[1] К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 344 — 345.

сельское население в подавляющей своей части? Огромную массу мелких крестьян-земледельцев, живущих бок-о-бок в одинаковых условиях тяжкого аграрного перенаселения, беспощадной эксплуатации посредством голодных арендных цен, вздутых так называемым Крестьянским банком покупных цен на землю и целой системы налогов, единственный руководящий принцип которых составляла уверенность дворянского государства в том, что «ён достанет». С некоторыми изменениями к русскому крестьянству можно целиком применить блестящую характеристику французского крестьянства, данную Марксом в «Восемнадцатом Брюмера»: «Вот лежит мелкий земельный участок, вот живет крестьянин, но собственник, со своей семьей; а тут же лежит другой земельный участок, другой крестьянин, другая крестьянская семья. Несколько дюжин их составляют село, а несколько дюжин сел образуют департамент. Таким образом, огромная масса французской нации составляется простым сложением одноименных величин, подобно тому как мешок, наполненный отдельными картофелинами, образует мешок с картофелем. И поскольку крестьяне представляют собою миллионы отдельных семей, живущих при таких экономических условиях, которые обособляют их в отношении образа жизни, интересов и развития от других враждебных к ним классов, постольку они образуют особый класс». И если каждый член этого особого класса, этого механического единства должен иметь личное право на землю, на всю сельскохозяйственную площадь страны, то этого можно достигнуть лишь путем распределения этой площади между всеми гражданами этого класса на равных, уравнительных началах. Практическому усвоению этой идеи равного права на землю особенно способствовала господствующая и посейчас форма надельного землевладения, община, в которой земля периодически распределяется между всеми ее членами на одинаковых основаниях. Так социализация земли находит себе реальное осуществление в превращении всего государства в одну всероссийскую переделную общину, где по одинаковой норме земля распределяется между всеми гражданами, а нарушающееся равенство в землепользовании периодически восстанавливается путем новых переделов, переселений и расселений. Только таким образом может быть осуществлено то субъективно-публичное право на землю, которое утверждает доктрина социализации земли, ибо это право есть право на отвод в натуре каждому гражданину (т. е. мелкому хозяину) причитающегося ему участка земли из всего государственного фонда.

«Общенародные права на землю есть, иными словами, общегражданские права. Это значит, что за каждым гражданином признается

равное право на землю, иначе сказать, — право отдельного гражданина ограничивается таким же равным правом другого гражданина» (т. е. крестьянина-земледельца. — *Д. Р.*)... «Уравнительное начало, ограниченное в общине узким кругом соседского коллектива, мы хотим освободить и распространить на всю страну, соответственно усложнив формы его проявления и осуществления»... «Наша поземельная система предполагает, что общественные коллективности высшего порядка будут по отношению к коллективности низшего порядка исполнять — в соответственно усложненных формах — те же уравнительные функции, какие община исполняет в применении к отдельным своим членам». Так рисовал себе практическое осуществление «равного права на землю», т. е. социализации земли, один из основоположников этой аграрной программы, В. Чернов.[1]

Мы видим здесь настоящую идеализацию русского крестьянина-земледельца путем превращения его во всеобщего гражданина земли русской, путем уподобления и увековечения условий его существования и хозяйствования условиям жизни и работы других классов общества, точь-в-точь так же, как буржуа великой французской революции олицетворял в среднем сословии всех граждан французского народа, даже не представляя себе, что существует класс пролетариев, не имеющих ни собственности, ни средств производства.

Идея всеобщего и постоянного земельного равнения является основным принципом Крестьянского наказа о земле, распубликованного в «Известиях Всероссийского совета крестьянских депутатов» от 19 августа 1917 г. и вошедшего целиком, «в качестве руководства по осуществлению великих земельных преобразований», в декрет II Всероссийского съезда советов о земле (Собран. узак. 1917 г., № 1). Постановив, что «вся земля отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» (§ 1), Крестьянский наказ декларирует, что «право пользования землею получают в с е граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать» (§ 6). Отсюда следует, что «землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме» (§ 7). Это уравнение землепользования не должно быть только однажды совершено для уничтожения крупного помещичьего землевладения.

---

[1] В. Чернов, цит. соч., стр., 141, 159, 230.

Нет, земельное равнение есть постоянная система нового земельного режима. «Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными и областными учреждениями. Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства» (§ 8).

4) Эта идея всеобщего земельного равнения, естественно сложившаяся в условиях отсталой и неподвижной техники русского крестьянского хозяйства и лишь идеализированная в программе социализации земли с ее принципами «общенародного достояния», «субъективного публичного», «равного», «общегражданского права на землю», дополнялась еще одним принципом — отрицанием применения к сельскому хозяйству наемного труда. Аграрное перенаселение характеризовалось не только тем, что в условиях трехполья не хватало земли для прокормления все размножавшегося крестьянского населения, но и тем, что ощущался все больший избыток крестьянских рук, что часть членов крестьянской семьи становилась настоящим избыточным рабочим населением, так как города, вследствие относительно слабого своего развития, не могли поглотить его. Отсюда требование — найти применение труду излишних членов крестьянского двора в собственном хозяйстве и, следовательно, отрицание приложения к нему наемного труда. Это отрицание не есть критика капиталистического строя, отвержение вообще системы наемного труда. Этой проблемы не касается крестьянская мысль. Она исходит лишь из идеала самостоятельного крестьянского хозяйства, обеспеченного землей и с точки зрения прокормления семьи, и с точки зрения приложения всех ее рабочих сил. И только в этом отношении, в применении к земле, уже целиком освоенной, она отрицает наемный труд.

§ 2. Социализация земли и Октябрьская революция.

Мы видели (гл. I, § 5), что аграрное перенаселение, созданное «освободительной» реформой 1861 г. и последовавшими за нею актами поземельного устройства крестьян, требовало для своего разрешения, прежде всего, безвозмездной передачи крестьянству бывших помещичьих земель. Но эта передача должна была быть лишь предварительным условием для рационализации и интенсификации крестьянского

хозяйства, вне которых нет выхода для русского аграрного кризиса. Между тем социализация земли видела центр тяжести создаваемого ею земельного режима в постоянном земельном равнении, в превращении страны в какую-то всероссийскую передельную общину, в которой органы власти в сфере земельной политики ставят своей главнейшей задачей уравнение всех граждан государства в личном непосредственном их землепользовании. Если бы такая утопическая задача могла быть в действительности осуществлена, то это привело бы в конце концов к увековечению уже не относительного, а абсолютного малоземелья, т. е. сельскохозяйственная площадь отдельных хозяйств приняла бы столь незначительные размеры, что они исключали бы самую возможность технического совершенствования хозяйства. Однако, как мы видели, Октябрьская революция провозгласила социализацию земли *своей* аграрной программой. Более того, утвержденная III Всероссийским съездом советов «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» включила социализацию земли в число своих основных положений. «В осуществление социализации земли, — гласит п. а ст. 3 Декларации, — частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, *на началах уравнительного землепользования*». Как могла социальная революция, совершонная под знаменем революционного марксизма, для которого развитие производительных сил является одним из основных принципов теории и практики социализма, провозгласить установление земельного строя, это развитие исключающего?

Разгадка этого противоречия заключается, во-первых, в самом характере Октябрьской революции, как огромного восстания не только пролетарских масс города, но и всех крестьянских низов, пришедших в революционное движение как на фронте, в окопах, так и в тылу, в деревне, а во-вторых, в великом прогрессивном для развития революции значении социализации земли.

1) Идея земельного равнения была направлена, прежде всего, против крупного помещичьего землевладения, немедленная ликвидация которого была необходимым условием для разрешения не только экономического кризиса, в котором билось крестьянское хозяйство, но и политического тупика, в который попали и первая, и Февральская революции. Это еще в первую революцию 1905 г. прекрасно понял В. И. *Ленин*. «Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков

крепостничества. Они превращают «трудовое начало» мелкобуржуазного земледелия и уравнительность, как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не буржуазный строй. Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что, критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют, и справедливо критикуют «трудовое начало», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России. Идея равенства — самая революционная идея в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще и со старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа, крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим. Идея «уравнительности» землевладения законна и прогрессивна, поскольку она выражает стремления 10 миллионов сидящих на семидесятинном наделе и разоренных помещиками крестьян к разделу крепостнических латифундий по 2 300 десятин. А в данный исторический момент идея эта действительно выражает такое стремление, она толкает к последовательной буржуазной революции, ошибочно облекая это туманной, квазисоциалистической фразеологией. И плох был бы марксист, который, критикуя фальшь социалистического прикрытия буржуазных лозунгов, не сумел бы оценить исторически-прогрессивного значения их, как самых решительных буржуазных лозунгов в борьбе против крепостничества».[1]

2) Второй элемент, содержащийся в понятии социализации земли — идея об отмене частной собственности на землю — был воспринят Октябрьской революцией в силу его громадного значения не только для последовательной буржуазно-демократической революции, но и для революции социалистической. Правда, социализация земли отвергала частную собственность на землю потому, что она была несовместима с всеобщими и периодическими земельными переделами, посредством которых осуществляется «уравнительное землепользование». Она боролась с присвоением земли отдельными лицами, так как каждый гражданин имеет «трудовое право пользования» всею землею в госу-

[1] Н. Ленин, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.», 2-е изд., М., 1919, стр. 27 — 28.

дарстве, являющеюся «общенародным достоянием». Но отмена частной собственности на землю вытекает и из национализации земли. Она есть необходимая предпосылка и неизбежное последствие и принципа государственной собственности на землю, права пролетарского государства на социалистическое преобразование буржуазного сельского хозяйства.

С другой стороны, как ни отстаивала народническая идеология принципиальное различие между социализацией земли и государственною собственностью на землю, нельзя отрицать, что первая является, в сущности говоря, лишь частным видом второй. Национализация земли означает, что распорядительная власть над землей принадлежит не частным лицам, а государству, которое и устанавливает тот или иной земельный правопорядок, в зависимости от интересов того класса, который государство представляет. Доктрина социализации земли противопоставляла понятию национализации земли термины «общенародное или всенародное достояние», употребленные и Крестьянским наказом о земле, и Конституцией РСФСР 1918 г. Но то конкретное содержание, которое вложено было земельным законодательством 1917—1918 годов в эти термины, заключается, как мы видели в гл. II § 1, в праве мелких крестьянских хозяйств на непосредственное, личное освоение всей земли государства путем ее планомерно организованного и систематического перераспределения между ними. Следовательно, мы здесь имеем своеобразный земельный правопорядок, установленный государством с точки зрения идеологии потребительского мелкого хозяйства, работающего в условиях отсталого, непрогрессирующего земледелия. Установление такого правопорядка, конечно, предполагает наличность государства, как верховного распорядителя всей земли, т. е. предполагает одну из главнейших предпосылок национализации земли. Как правильно писал В. И. Ленин осенью 1918 г., «наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли».[1]

Нет поэтому ничего удивительного в том, что Октябрьская революция разглядела за утопической народнической фразеологией об «общенародном достоянии» революционную социалистическую сущность национализации земли.

---

[1] Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XV, стр. 517.

3) Наконец, условия революционного момента, требования тактики революции — были третьим моментом, включившим социализацию земли в программу действий Октября. Постоянное земельное равнение, при всей своей утопичности, было идеологией угнетенных крестьянских низов, направленной содержащимся в ней «исторически-реальным содержанием» против самого упорного в 1917 г. классового врага трудящихся — поземельного дворянства, еще имевшего сильное влияние в руководящих верхах организации армии и всей правительственной машины. Великий гений революционной тактики В. И. Ленина не мог, конечно, не увидеть в этих низах могучего союзника Октябрьской революции. 26 октября 1917 г. в речи, произнесенной на съезде крестьянских депутатов, Ленин сказал: «Правительство рабоче-крестьянской революции, в первую голову, должно решить вопрос о земле, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. В декрете о земле мы помещаем наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 местных наказов советов крестьянских депутатов. Нам говорят, что и декрет и наказ составлены эсерами. Пусть так. Но не все равно, кем декрет составлен? Важно не это, а то, что мы, как демократическое правительство, не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы были с ними несогласны. В огне жизни, применяя декрет на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда». Еще точнее мысль эта изложена В. И. Лениным в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он писал: «Проводя закон о социализации земли, — закон, «душой» которого является лозунг уравнительного землепользования, — большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны; мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть изжиты ими самими: ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них, как можно скорее и как можно легче, к социалистическим».[1]

Таким-то образом наивная и утопическая идеология борющегося крестьянства — социализация земли — стала первым этапом земельной политики советской власти.

---

[1] Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XV, стр. 517.

§ 3. Социализация земли в советском законодательстве.

Мы видели, что уже в первый декрет о земле, принятый в самый момент Октябрьского переворота, был включен Крестьянский наказ от 19 августа 1917 г., как «руководство к осуществлению великих земельных преобразований» — наказ, целиком построенный на основных принципах социализации земли. Те же принципы декларированы и Конституцией РСФСР, принятой V Всероссийским съездом советов в заседании 10 июля 1918 г.[1] 25 ноября 1917 г. левый эсер А. Колегаев был назначен Народным комиссаром земледелия,[2] и с тех пор до восстания левых эсеров в июле 1918 г. земельное законодательство было проникнуто идеями социализации земли. Сюда относятся: Положение о земельных комитетах и инструкция им от 4 декабря 1917 г.,[3] Декрет ВЦИК о социализации земли от 19 февраля 1918 г.[4] и временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли.[5] В виду того, что все эти законоположения потеряли с изданием Земельного кодекса силу закона, мы отметим в них лишь те моменты, которые послужили основаниями, на которых сложился после аграрной революции 1918 г. существующий земельный строй, к которым, поэтому, приходится постоянно обращаться при изучении действующего земельного права.

1) Отмена частной собственности на землю. Один принцип при разрешении проблемы социалистического преобразования земельных отношений не возбуждал никаких колебаний с самого начала Октябрьской революции: это — принцип отмены частной собственности на землю. Правда, декрет II Съезда советов о земле от 26 октября 1917 г.[6] отменял немедленно и без всякого выкупа лишь «помещичью собственность на землю» (ст. 1), объявляя в то же время, что «земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется» (ст. 5). Так могло создаться впечатление, что правовое поло-

---

[1] Пункт Конституции, содержащий изложение социализации земли, включен, собственно, в «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», утвержденную III Всеросс. съездом советов 6 января 1918 г. Он вошел, следовательно, в Конституцию вместе со всей Декларацией, составившей часть Конституции по постановлению V Всероссийского съезда советов.

[2] Собр. узак. 1917/1918 г., № 4, ст. 57.

[3] Там же, № 7, ст. 105.

[4] Собр. узак. 1918 г., № 25, ст. 346.

[5] Изв. сов. раб., солд. и крест. деп. г. Москвы и Моск. обл., от 30 января 1918 г., № 22.

[6] Собр. Узак. 1917/1918 г., № 1, ст. 3.

жение надельного землевладения, характеризовавшееся в дореволюционном праве как право собственности земельных обществ и отдельных крестьян на свои земли, остается неприкосновенным. Но уже включенный в тот же декрет Крестьянский наказ о земле рассеивал все сомнения. Статья 1-я этого Наказа определенно гласит:

«Право частной собственности на землю отменяется навсегда: земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, поссесионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней».

То же постановление содержит и ст. 1 декрета о социализации земли: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы, — гласит декрет, — в пределах РСФСР отменяется навсегда». Соответственно общей доктрине социализации земли, эти постановления подчеркивают отрицание не только частной, но и государственной собственности на землю, противопоставляя ей «всенародное достояние», причем тут же весь народ ограничивается лишь «трудящимися на земле».

2) Изъятие земли из частного оборота. На ряду с отменою всякой собственности на землю и как ее естественное последствие, теория аграрной революции установила в земельном законодательстве 1917 — 1918 гг. принцип изъятия земли из частного оборота. Формулированный еще в ст. 1 Крестьянского наказа о земле, принцип этот повторяется и в декрете о социализации земли: «Право на пользование землей (недрами, водами, лесами и живыми силами природы) не может никоим образом и ни при каких обстоятельствах приобретаться ни куплей, ни арендой, ни путем дарения и наследства, ни вообще путем какой бы то ни было частной сделки» (прим. 3 к ст. 39). Единственным источником права на землепользование может быть, по мнению декрета, лишь публичный акт предоставления земли органами государства. Безусловность этого правила не терпела никаких исключений и была возможна только при предположении не связанных с рынком, натуральных крестьянских хозяйств. В земельном праве эпохи новой экономической политики изъятие земли из частного оборота приняло, как мы увидим ниже, иной характер.

3) Трудовой характер землепользования. От доктрины социализации земли, исходящей из мелкого крестьянского хозяйства, как всеобщей формы хозяйственной эксплуатации земли,

остался в нашем земельном праве еще один руководящий принцип — трудовой характер землепользования и, следовательно, запрещение наемного труда в сельском хозяйстве в качестве общего правила. «Общим и основным источником права на пользование землей сельскохозяйственного значения является личный труд», гласит ст. 13 декрета о социализации земли. Лишь государству разрешается «для поднятия сельскохозяйственной культуры (устройства сельскохозяйственных образцовых ферм или опытных и показательных полей) занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских и помещичьих) определенные участки земли и обрабатывать их трудом, оплачиваемым государством» (ст. 13 декрета о социализации земли). Хотя Земельный кодекс и повторил в безусловной форме эту идею исключительного трудового землепользования, постановив в ст. 9, что «право на пользование землей имеют все граждане РСФСР (без различия пола, вероисповедания и национальности), желающие обрабатывать ее своим трудом», однако, и сам Кодекс, и позднейшее законодательство ввели ряд поправок к институту трудового землепользования, ослабивших его безусловность. Тем не менее можно утверждать, что принцип трудового начала, как руководящая идея нашего земельного строя, остался в силе и по настоящее время.

4) Уравнительное распределение земель. Мы перечислили выше те принципы советского земельного права, которые были введены в него крестьянской революцией 1918 г., шедшей под знаменем социализации земли. И отмена частной собственности на землю, и изъятие земли из частного оборота, и трудовой характер землепользования отвечали общему направлению Октябрьской революции, поставившей себе целью социалистическое преобразование капиталистического общества. Вот почему эти принципы остались в общем непоколебленными и в эпоху новой экономической политики.

Иное значение имеет уравнительное распределение земель. Прекращенное со времени издания закона о трудовом землепользовании 22 мая 1922 г., оно получило значение совершившегося аграрного переворота, результаты которого закреплены действующим земельным правом. Однако, изучение этого земельного поравнения имеет не только исторический интерес: оно необходимо для определения объема земельных прав существующих землепользователей.

Согласно декрета о социализации земли, весь земельный фонд, т. е. вся сельскохозяйственная площадь Республики, мыслится поступающей в уравнительное распределение между всеми гражданами, которые осуществляют свое право на землю посредством «подачи сооответ-

ствующего заявления в тот земельный отдел советской власти, в районе ведения коего данное лицо желает иметь участок земли для пользования» (ст. 38 декрета). Лишь недостаток свободных земель заставляет законодателя установить три очереди в наделении землей: в первую очередь идет безземельное и малоземельное местное земледельческое население, во вторую — пришлое земледельческое население и в третью — неземледельческое население в порядке регистрации в земельном отделе местной советской власти (ст. 22). Так находит себе выражение в законе идея права на землю всех граждан государства.

Но право это должно быть равным. Эта идея социализации земли осуществляется установлением единой нормы наделения, названной в декрете потребительно-трудовой нормой. Принцип определения ее размеров заключается в том, чтобы она, «применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования, не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца» (ст. 12). Исчисленная для каждого отдельного пояса земледельческой России в зависимости от господствующей в ней системы полеводства (§ 1 инструкции для установления нормы, прил. к ст. 25 декрета), потребительно-трудовая норма служит той средней, «по которой идет равнение отдельных хозяйств в счет земель запасного фонда по всему поясу» (§ 19 инструкции). Для достижения этого равнения организуются переселения семейств как в пределах данного пояса, так и между поясами (§ 22 инструкции).

Эта система права на землю, осуществляемого в обращенном к государству требовании о наделении по определенной норме, не есть однажды проведенная государством аграрная реформа, вызванная ликвидацией помещичьего землевладения. Нет, это постоянный земельный режим нового государства, которое возлагает на свои земельные органы задачу «распоряжения землей в целях справедливого распределения земель сельскохозяйственного значения среди трудового земледельческого населения» (ст. 11 декрета) [1] и организации с этою целью расселений и переселений.

Таким образом, декрет о социализации земли распространил «земельное равнение» общинного землевладения на территорию целого

[1] Правда, та же ст. 11 декрета ставит земельным отделам и другие задачи: поднятие сельскохозяйственной техники, развитие сел.-хоз. промыслов и даже «развитие коллективного хозяйства в земледелии». Но мы не найдем в декрете никаких указаний, как эти задачи должны быть осуществляемы органами власти. Наоборот, вопросам справедливого распределения земель посвящено подавляющее большинство норм декрета.

государства, мысля его как бы единой передельной общиной. Мы напрасно будем искать в устанавливаемом декретом земельно-правовом строе разрешения проблемы землеустройства, т. е. наиболее рациональной организации земельной площади отдельных земледельческих хозяйств, или точного определения объема прав землепользователя на предоставленный ему участок, или выяснения взаимоотношений членов крестьянского двора или земельного общества, или правового регулирования коллективного хозяйствования на земле. Конкретно, декрет занят разрешением только одной задачи: установить режим постоянного равнения земельных площадей единоличных хозяйств по всей территории Республики. Как правильно заметил б. Нарком земледелия С. П. Середа, «в таком разрешении земельного вопроса по существу нет ничего коммунистического. Это не задача коммунизма — дележка земли».[1] Так же оценивал в свое время декрет о социализации земли и проф. А. Г. Гойхбарг: «Несмотря на отмену собственности на землю, мы получили обособление труда в сельском хозяйстве, распыление крестьянских масс в процессе приложения ими своего труда в земледелии, прикрепление небольших участков земли (мелких средств производства) к отдельным лицам или к небольшим группам или семьям, иначе — вместо социализации — ее противоположность во всех областях, индивидуализацию, антисоциализацию».[2]

Б. ПРАКТИКА АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Литература: Материалы по земельной реформе 1918 г., вып. 1—6, изд. НКЗ, М., 1919 г.; В. Келлер и И. Романенко, Первые итоги аграрной реформы, Воронеж, 1922; проф. П. Н. Першин, Нормы землепользования при распределении земель 1918 г. (Сельское и лесное хозяйство, 1922 г. кн. 3-4, 5-6); Б. Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917—1921 гг. сборник «О земле», вып. 1, М., 1921 г.); И. А. Кирилов, Очерки землеустройства за три года революции, 1918 — 1920 гг., Петроград, 1920 г.; А. Гайстер, Аренда и сдача земли («На аграрном фронте», 1927 г., № 6); В. Качинский, Очерки аграрной революции на Украине, вып. 1, Харьков, 1922 г.

§ 4. Конфискация и распределение нетрудовых земель в законодательстве.

Авторы декрета о социализации земли прекрасно понимали, что проведение в жизнь распределения всей земли Республики по единой

---

[1] С. П. Середа, Речь на первом Всероссийском совещании по работе в деревне, 15 ноября 1919 г., М., Госиздат, 1919 г.

[2] А. Г. Гойхбарг, Социализм в сельском хозяйстве, М., изд. НКЗ, 1919 г., стр. 6.

потребительно-трудовой норме, размеры которой изменяются лишь в зависимости от местных условий: систем полеводства, качества почвы, соотношений угодий, — требует очень большого времени и громадной передвижки населения. Стихия же аграрной революции требовала от власти немедленных и практически осуществимых руководящих указаний. Вследствие этого 30 января 1918 г. была издана Наркомземом «Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли».[1] Не задаваясь целью установить какой-либо новый земельный режим в государстве, инструкция эта давала ответ на основной вопрос аграрной революции — о порядке конфискации и распределения земель нетрудового владения. Она и по настоящее время должна служить источником права, к которому надлежит обращаться при обсуждении вопроса об объеме завоеваний революции, закрепленных прим. 1 к ст. 59 Гражд. код.[2]

Предписав земельным отделам советов «немедленно выселить всех бывших помещиков, доверенных и нетрудовых арендаторов из имений», инструкция передает образующийся таким образом «фонд отчужденных земель» в ведение земельных отделов. Декрет о социализации земли называет этот фонд «запасным земельным фондом» и включает в его состав «земли всех частновладельческих нетрудовых хозяйств, находившихся в фактическом владении и пользовании у казны, частных банков, монастырей, уделов и помещиков (кабинетские, церковные)». Следовательно, поскольку частновладельческие земли находились к моменту революции в арендном пользовании крестьян и поскольку последние являлись трудовыми их арендаторами, постольку эти арендуемые земли не включались в состав запасного фонда. Граница конфискации земель определяется, таким образом, их трудовым использованием, независимо от характера дореволюционных прав на землю. Земли трудовые не входят в состав «отчужденных земель».

Инструкция делит отчуждаемые земли на две категории: а) земли специальной культуры и промышленного значения, распределению не подлежащие (сюда относятся сады, питомники, семенные хозяйства, промысловые хозяйства, разводящие свекловицу, табак, хмель, виноград, опытные поля и участки, поля сельскохозяйственных и др. учебных заведений), и б) земли и луга, не имеющие вышеуказан-

---

[1] Инструкция эта опубликована в «Изв. сов. раб., солд. и крестьянск. деп. г. Москвы и Московской области» от 30 января 1918 г., № 22.

[2] Так, на эту инструкцию ссылалось Постановление ВЦИКа от 15 ноября 1922 г. (Собр. узак. 1922 г., № 76) об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений.

ного значения и подлежащие распределению в пределах уезда между местным трудовым земледельческим населением уравнительно, по едокам — во временное пользование. Нормою наделения является трудовая норма, т. е. количество земли, которое может быть обработано силами членов семьи, без применения наемного труда. Этой нормой обеспечивается, в первую очередь, безземельное и малоземельное местное земледельческое население и местные сельскохозяйственные рабочие (батраки).

Установленные инструкцией начала распределения земель существенно отличаются от широких планов декрета о социализации земли. Территория распределения земель — не все государство, не Республика, а у е з д; следовательно, неравенство в земельном обеспечении уездов инструкцией не уничтожается. И задача заключается н е в поравнении землепользования всех трудовых хозяйств данного уезда, а в дополнительном наделении безземельных и малоземельных. Так как трудовые земли (надельные, купчие, арендуемые) в распределительный фонд по общему правилу не поступают, ибо они лишь в редких случаях, из расчета на хозяйство, превышают трудовую норму, то земельное равнение в пределах уезда может быть достигнуто лишь постольку, поскольку хватит в уезде фонда отчужденных земель для доведения до трудовой нормы безземельных и малоземельных хозяйств. При недостаточности запасного фонда остается, таким образом, и неравенство в земельном обеспечении отдельных земельных обществ. Наконец, состав наделяемого землею населения определяется уже не всеми гражданами Республики или даже уезда, а лишь «местным трудовым земледельческим населением». Так, громкие идеи общенародного достояния и равного права на землю при первой попытке их реального проведения в жизнь лишаются самими их апологетами их универсального и всеобщего значения.

Кроме земель специальной культуры, не подлежали распределению и переходили в исключительное заведывание органов власти п р о м ы ш л е н н ы е п р е д п р и я т и я, непосредственно связанные с сельским хозяйством, как то: паровые и водяные мельницы, лесопильные, кирпичные, конские, сыроваренные и маслоделательные заводы (§ 13 Временной инструкции), дома и постройки в нетрудовых хозяйствах (§ 14), мертвый инвентарь (§ 19 и 20) и племенной скот (прим. к § 22). Рабочий, крупный, мелкий и прочий скот и птицы подлежали р а с п р о д а ж е земельными отделами за умеренную плату или могли быть отданы бесплатно пострадавшим на войне (§ 22). Это последнее постановление Временной инструкции ясно подчеркивает намерение земель-

ного законодательства эпохи аграрной революции ликвидировать все крупные помещичьи хозяйства. Дело шло не об их конфискации и передаче в руки государства, а о распределении и их земли, и их инвентаря между трудовыми крестьянскими хозяйствами, которые мыслятся единственной формой сельского хозяйства в новом земельном строе.

§ 5. Временное распределение земель.

Порядок распределения земель, установленный инструкцией 30 января 1918 г., назван ею «временным» — «впредь до окончательного проведения в жизнь закона о социализации земли». Необходимость такого временного распределения земель признавал и декрет о социализации земли, предоставив местным земельным отделам советов до полного проведения в жизнь социализации земли самим регулировать отношения земледельцев на основании особой инструкции (прил. к ст. 25). Фактически и декрет о социализации земли, и инструкция 30 января 1918 г. были лишь руководящими директивами, на основании которых «места» вырабатывали те конкретные пути, по которым действительно развертывался аграрный переворот. Причина этого, прежде всего, заключалась в том территориальном неравенстве землепользования, которым отличалась дореволюционная Россия не только по отношению к отдельным губерниям, но даже по отношению к уездам одной и той же губернии и волостям одного и того же уезда. Чтобы достигнуть уравнительного распределения всего земельного фонда в России, как того требовали Крестьянский наказ о земле и декрет о социализации земли, необходимо было бы, по расчетам проф. Н. П. Огановского, переселить с одного места на другое не только в пределах одних и тех же уездов, но и за их пределы и даже в другие губернии и районы, 4 миллиона дворов, т. е. не менее 20 миллионов душ.[1] Невозможность такой громадной передвижки населения вынудила творцов земельного равнения во всероссийском масштабе допустить временно «местное» равнение. Этого требовала также революционная срочность ликвидации помещичьего землевладения и пришествие к власти самих трудовых крестьянских масс. Так совершилось с одобрения центральной революционной власти временное распределение земель в 1918 г., не только фактически лежащее в основании современного земельного строя, но ставшее, как увидим ниже, и юридически, с точки зре-

[1] Проф. Н. П. Огановский, Проблема землеустройства, сб. «Земельное дело», № 1, изд. «Новая Деревня», 1923 г., стр. 53.

ния действующего земельного права, правооснованием землепользования.

Картина этого распределения была набросана проф. П. Н. Першиным на примере Задонского у. Воронежской губ., подвергнутого им и его учениками подробному иследованию. Так как она является общей для всей России, то мы позволим себе процитировать данную им характеристику. «Сама перестройка аграрного быта в Задонском уезде, как и по всей России, протекала по трем основным стадиям. Начало революции (1917 г.) было периодом революционного действования самого крестьянства. В стихийном аграрном движении разрушались основы частной земельной собственности, земля фактически превращалась в «общенародное достояние». Это происходило силой революционного факта, первоначально против воли власти и законодателя, а затем (после Октябрьского переворота) — в согласии с его волей, воспринявшей в качестве своей легальной программы общую формулу крестьянско-аграрного движения. Вторая стадия развертывается после более или менее систематического и полного законодательного оформления принципиальных основ реформы советским законодательным порядком. С начала 1918 г. начинается процесс уравнительного распределения экспроприированных земель во «временное» пользование — впредь «до окончательной социализации». Оно происходит в порядке местного творчества, без организованного воздействия общегосударственного аппарата, в условиях полной децентрализации политической системы и при отсутствии государственно установленной системы техническо-правовых мероприятий по проведению аграрной реформы. Распределение земли происходило в порядке местного самоопределения, организованное лишь старым общинно-передельным опытом. Само крестьянство, в подлинном смысле этого слова, распределяло отчужденные земли между собой по волостям — в уезде, по селениям — в волости, по отдельным домохозяевам — в общине; распределяло поровну — арифметически, как умело и как подсказывал старый общинно-уравнительный опыт. Это перераспределение более или менее полно выполнило лишь одну задачу — количественного поравнения земель без сколько-нибудь рационального их устройства».[1]

Ошибочно было бы, однако, думать, что это временное распределение земель в 1918 г. носило чисто фактический, стихийный, неорга-

[1] В. Келлер и И. Романенко, Первые итоги аграрной реформы, опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского у. Воронежской губ., под редакцией и со вступительной статьей проф. П. Н. Першина, Воронеж, 1922, стр. 7.

низованный характер. Революционный процесс, выдвинувший лозунг «власть на местах», совсем не означал уничтожения вообще закона, вообще правового регулирования. Он провозгласил лишь децентрализацию государственной власти, передачу законодательной инициативы и законодательного творчества местным съездам советов и местным органам власти, действовавшим, однако, по общим директивам центрального революционного правительства. Поэтому аграрная революция 1918 г. произошла не в беспорядочных формах стихийного захвата, а на основании местных законов, согласно законоположений, изданных местными революционными властями. Но мало этого. В силу позднейших законов революции это местное революционное земельное законодательство 1918 г. потеряло свое временное значение. Земельный кодекс закрепил за ним значение правообразующего акта, определяющего объем земельных прав отдельных землепользователей, главным образом, земельных обществ. Согласно ст. 141 Кодекса, за волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями признается закрепленным в постоянное трудовое пользование все то количество земли, которое ныне находится в их фактическом трудовом пользовании и было законно предоставлено им постановлениями земельных органов или съездов советов (волостных, уездных и губернских). Таким образом, постановления местных съездов советов и их органов о распределении земель в 1918 г. являются подлинным законодательством Великой русской революции, на основе которого сложился послереволюционный земельный строй. Первостепенную его важность трудно переоценить. Между тем постановления эти до сих пор не только не изданы, но даже целиком не собраны. Часть этого выдающегося по своему значению официального правового материала, в виде разного рода правил, инструкций, постановлений, протоколов и докладов губернских и уездных органов земельного управления и местных съездов по земельным делам, была обработана бывшим отделом текущей земельной политики Наркомзема и в виде отдельных сводок издана в 1919 г. Мы попытаемся на основании этого единственного материала наметить основные линии временного распределения земель, ставшего легальным титулом современного пользования землей. [1]

---

[1] Положение о социалистическом землеустройстве 14 февраля 1919 г. и, в особенности, инструкция к нему 11 марта 1919 г. пытались упорядочить совершившееся временное распределение земель. Они поставили себе целью провести на всей территории Республики общее и сплошное землеустройство, исходя из волости, как подлежащей устроению земельной территории. Сохраняя принцип уравнительного землепользования, но лишь в пределах волости, социалисти-

1) Территориальная единица временного распределения земель.[1] Уже местный характер временного распределения означал отказ от земельного равнения во всероссийском или сколько-нибудь крупном, областном масштабе. Губерния, уезд, район, волость, селение — таковы были те административно-территориальные единицы, через которые проходило распоряжение землей, прежде чем дойти до отдельного хозяйства. Однако, установление единого губернского земельного фонда, подлежащего уравнительному распределению между уездами, встречалось в исключительных случаях и выражалось, в сущности, лишь в установлении погубернской нормы наделения, местами сплошь и рядом не соблюдавшейся. По общему правилу, уезд выступал в качестве самостоятельной территориальной единицы распределения земель. Земля распределяется в уезде «независимо от других уездов», «в прежних, уже установленных границах уезда».[2] Из этой пограничной замкнутости уезда делались исключения лишь в тех случаях, когда близ границы в пределах многоземельного уезда расположены были земли, находившиеся в фактическом пользовании селений смежного малоземельного уезда, или частновладельческие земли, необходимые для наделения. Во многих уездах (17 из 91, по которым имеются акты о распределении земель) были образованы специальные землераспределительные районы. Образование районов вызывалось обыкновенно наличностью крупного частновладельческого фонда, на который претендовали несколько смежных волостей. К ликвидируемому имению приписываются в таких случаях для получения дополнительной нарезки ближайшие нуждающиеся волости, составляющие таким образом район. Так как образование районов «сообразуется с географическим по-

---

ческое землеустройство перераспределяло землю между отдельными земельными обществами как единицами наделения землей. До отмены этого землеустройства Земельным кодексом число окончательно землеустроенных волостей составило 628 с площадью в 10 213 086 дес., на общее число 6 150 волостей с площадью в 95 504 308 дес., т. е. около 10,7% сел.-хоз. площади (Сборник «О земле», вып. I, изд. НКЗ, 1921 г., стр. 173). Не затрагивая совершенно организации земельной площади единоличного крестьянского хозяйства, имея своей главнейшей целью отвод земли советским и коллективным хозяйствам, социалистическое землеустройство таким образом мало изменило картину временного распределения земель 1918 г.

[1] Порядок распределения земель, М., 1919 г., изд. НКЗ.

[2] Таковы, напр., акты Орловской, Тамбовской, Курской, Нижегородской губ. По донесению инструктора Комиссариата земледелия Симбирской губ., «Сызранский уезд в разрешении земельного вопроса действовал сепаратно, не считаясь с Губернским комиссариатом земледелия, даже издал свой закон о социализации земли» (цит. сводка, стр. 3).

ложением подлежащих разверстке частновладельческих земель» (Елецкий у. Орловской губ.), то районирование не носит характера постоянного уездного деления. Район создается лишь постольку, поскольку поравнение или расширение землепользования достижимо лишь при совместном распределении земли между смежными волостями.

а) При распределении земли внутри уезда или района *между волостями* нередко соблюдается тот же принцип, что и при междууездном поравнении: неизменность границ, на этот раз — волостных. «Волостям принадлежит и поступает в их распоряжение вся земля: крестьянская, надельная, частновладельческая, церковная, монастырская, казенная, которая находится внутри волости». «Волостной земельный комитет — ее хозяин» (Щигровский у. Курской губ., Саратовский у.). В этих случаях земля из одной волости в другую не передается. Из этого довольно распространенного правила (23 уезда на общее число исследованных 91 уезда) *пограничной замкнутости волостей* делаются исключения при резкой неравномерности прежнего распределения земель между волостями или при наличии пограничных помещичьих земель, расположенных близ малоземельной волости.

Однако, в отличие от междууездного поравнения, распространена и ломка поволостных границ в целях поравнения. «Границы волостей вообще не должны приниматься во внимание, и все излишки земли сверх нормы в пределах волости переходят в пользование других волостей» (Мологский у. Ярославской губ.). Распределение частновладельческой земли происходит в большом количестве уездов пропорционально числу едоков каждой волости. Но такое «межволостное равнение возможно лишь между ближайшими, соседними, рядом лежащими волостями и за счет пограничных земель по преимуществу».[1] Эти два принципа межволостного равнения — нуждаемость волостей в дополнительной прирезке и расстояние их от местоположения фонда — приводят к тому, что «если участки запасного фонда по дальности расстояний не могут быть отведены наиболее нуждающимся волостям, они передаются в пользование ближайших, хотя и менее или совсем (по норме) ненуждающихся».

На примере межволостного распределения земель можно видеть, на какие громадные технические препятствия наталкивалось проведение в жизнь так называемого уравнительного землепользования и как ограниченно оно осуществлялось, несмотря на все стремления к тому и крестьянства, и местной революционной власти.

---

[1] Порядок распределения земель, стр. 6.

б) Внутри волости земля распределяется между отдельными сельскохозяйственным объединениями, «общинами», «обществами», «селениями», «деревнями», которые и являются простейшими и последними единицами временного распределения земель. Отдельные хозяйства, живущие обособленно хуторами и не входящие в состав обществ, для участия в распределении земли должны «объединяться в какие-либо земледельческие союзы», образовать группы хозяйств, совместно получающие землю. Всюду строго проводится правило: «при прирезках земля отводится только целым обществам» (Пензенская губ.). Здесь сказывается старый принцип русского крестьянско-земельного уклада: владение и пользование землей обществами, группами хозяйств, объединенных единством местожительства. По этому принципу шло наделение землей во время освобождения от крепостного права, им же руководилось само крестьянство, совершая аграрную революцию 1918 г., по этой линии проведено и закрепление революционных завоеваний Земельным кодексом.

При распределении земли внутри волости пограничная замкнутость селения или общества встречается крайне редко. Однако, основное ядро надельных земель и вообще земель, находящихся в фактическом пользовании земельных обществ, сохраняется за ними. «Общества и вообще трудовое население, фактически пользовавшееся участками, которые по документам принадлежат не им, сохраняют право пользования этими участками» (Новгородская губ.). Поэтому арендованные обществами частновладельческие земли остаются за обществами. Так проявляется общее правило временного распределения земель, в силу которого земли, находящиеся в трудовом пользовании, независимо от юридической природы дореволюционных прав на них, сохраняются за трудовыми пользователями. Мы видели, что так же постановляла и инструкция 30 января 1918 года.

Но интересы земельного равнения, при наличии двух смежных обществ с значительным различием в их земельном обеспечении, берут верх над принципом неизменности границ трудового землепользования. В этих случаях устанавливается порядок отрезки излишков сверх нормы от одних обществ и передачи их соседним обществам. Таким образом, поравнение землепользования между селениями совершается не путем общих переверсток в пределах волости всех земель между всеми обществами, а путем отрезки-прирезки у смежных селений.

в) Это ограничение земельного поравнения исторически сложившимся расселением земледельческого населения проявляется и в установлении очередности отвода земли селениям и обществам.

«Земли частновладельческих имений прирезаются окружающим, ближайшим обществам, причем их землепользование доводится, по возможности, до норм. Если после этого остается свободная земля, то наделяются затем и более удаленные общества (Сычевский у. Смоленской губ. и другие 10 уездов). По свидетельству автора сводки, «эту формулировку следует признать наиболее типичной и являющейся как бы общим правилом распределения. Соответственно этому, за всякими малообеспеченными селениями признается право претендовать на ближайше расположенную к нему землю распределяемого фонда». Таким образом, приближенность селений к распределяемому фонду является основным признаком наделения землей. На примере Суражского у. Черниговской губ. сводка устанавливает следующий порядок распределения земель:

«1) земля отводится ближайшим к распределяемой земле селениям;

2) при одинаковой близости к распределяемой земле нескольких селений, в первую очередь наделяются селения, хозяйственно связанные с этой землей, т. е.: а) арендовавшие эту землю, б) обрабатывавшие из части, в) отпускавшие рабочих для обработки этой земли;

3) при равной связанности с распределяемой землей нескольких селений, население их разбивается на три части в порядке обеспечения землей: а) в первую очередь удовлетворяются безземельные, ранее занимавшиеся земледелием в данной местности, б) во вторую очередь — малоземельные, занимавшиеся земледелием, и в) третью очередь — нуждающиеся в земле и желающие вести хозяйство, но ранее не занимавшиеся земледелием». [1]

Таким образом, территориальная единица временного распределения земель определяется местонахождением распределяемого фонда, т. е., главным образом, частновладельческих земель, и самих субъектов наделения. Исторически сложившееся расселение земледельческого населения сделало невозможным земельное поравнение не только в общегосударственном, но и в губернском масштабе. Даже межволостное равнение было редким явлением. Практически дело свелось к распределению внутри волости нетрудового фонда между ближайшими к нему малоземельными селениями и обществами.

г) Теми же чертами характеризуется и временное распределение земель на Украине. В отчете Наркомзема УССР: «Итоги землеустройства на Украине на 1 января 1922 г.» мы находим следующую

[1] Порядок распределения земель, М., 1919 г., изд. НКЗ, стр. 12.

оценку этого распределения. «В 1920 г. советская власть пришла на Украину в средине зимы, а в некоторых местах — незадолго до весеннего посева, и это обстоятельство коренным образом повлияло на землеустройство по распределению нетрудовых земель. Не имея планового статистического материала, а также в виду ограниченности технических средств, земорганы вынуждены были нетрудовые земли под весенний посев распределять без участия землемеров, поручив произвести это распределение самому населению через волостные земельные отделы и комиссии. Во многих же местах распределение земель произошло стихийно, — оно произведено самим населением помимо земорганов».[1] А на примере Подолии можно констатировать и влияние другого фактора — местонахождения распределяемого фонда. «Уравнительное распределение земли между селениями в значительном большинстве случаев осталось в Подолии только на бумаге. На деле же землей пользуются крестьяне не тех сел, которым она отведена, а те, в пределах сельской дачи которых находятся бывшие нетрудовые земли. Девиз: «наш пан був — то й наша земля» — устранить до настоящего времени не удалось».[2]

2) Состав распределяемых земель.[3] По своему общему характеру, а вместе с тем и по объему включенных в раздел земель, временное распределение земель 1918 г. было проведено в двух формах: полного и частичного поравнения.

а) Полное распределение всех земель заключается во включении в распределительный фонд «всех земель, кому бы они ранее ни принадлежали» (Рязанская губ.), в «смешении всей земли как крестьянской, так и частновладельческой» (Тульская губ.). Квалифицируемый в местных постановлениях и в донесениях инструкторов в качестве «черного передела», этот универсальный раздел земель происходил в сравнительно небольших — волостных территориях. «Распределить всю землю в пределах волости по равной доле на каждого едока, а не по обществам, с сохранением в них границ» — такова формула этого всеобщего земельного равнения. Оно встречало большею частью решительный отпор со стороны земельных органов, выносивших постановления, воспрещающие производить «черные переделы», признающие невозможность осуществить «полное перераспределение земель на

---

[1] Цитировано у В. Качинского, Очерки аграрной революции на Украине, вып. 1, Уравнительный раздел земель, стр. 79, Харьков, 1922.

[2] Отчет Подольского исполкома, цитир. там же, стр. 85.

[3] «Материалы по земельной реформе 1918 года», вып. 1, Распределение земли в 1918 году, изд. НКЗ, М., 1919 г.

основании закона о социализации земли».[1] Тем не менее, чернопередельческое движение среди крестьян успело принять реальные формы во многих уездах Рязанской, Тульской и Орловской губ., а также в Подольской и Киевской губ. на Украине.

б) Но наиболее распространенной формой распределения земель было частичное уравнение, осуществлявшееся посредством скидок излишков с одних и накидок «недостачи» другим, не затрагивавшее таким образом основного ядра фактического землепользования. Простейшей формой этого уравнения являются те случаи, когда безземельным и малоземельным предоставляется необходимое до размеров нормы количество земли из «свободного фонда», т. е. из отчужденных земель нетрудового владения, не затрагивая совершенно крестьянского, в той или иной мере, трудового землепользования. Обычно, прежде всего, выключается из распределения трудовой фонд, т. е. «участки, которые полностью используются трудовым хозяйством, без участия постоянного наемного труда»,[2] независимо от дореволюционной принадлежности этих участков. «Земли трудового пользования, независимо от того, надельные ли они, купленные, наследственные или арендованные, остаются пока-что неприкосновенными в руках их пользователей».[3]

Надельные земли, по общему правилу, подходят под определения, которые устанавливаются для земель, находящихся в трудовом пользовании, за исключением пустующих и сдаваемых в аренду надельных земель, поступающих в распределительный фонд. Однако, во всех тех случаях, когда для доведения до нормы безземельных или малоземельных не хватает отчужденных земель нетрудового владения и по смежности с малоземельными селениями расположены многоземельные, — уравнительная тенденция аграрной революции не останавливается перед трудовыми землями, осуществляя и в отношении к ним частичное уравнение. Так, в Задонском у. Воронежской губ. от 60% всех селений было отрезано до 14% их прежних наделов и передано другим землепользователям (В. Келлер и И. Романенко, Первые итоги аграрной реформы, стр. 10).

в) Но основное ядро распределяемых земель составляется из земель нетрудового типа, т. е. земель, используемых посредством наемного труда. Они составляют тот «запасный земельный фонд»,

[1] Краснинский у. Смоленской губ., Устюжинский у. Новгородской губ., Опочецкий у. Псковской губ., Бугульминский у. Самарской губ. и др.

[2] Акт Вятской губ.

[3] Вышецитированная сводка, стр. 4, из актов Петроградской губ., Устюжинского у. Новгородской губ. и др.

из которого подлежат наделению безземельные и малоземелеьные. Сюда относятся: 1) земли собственно частновладельческие, экономические, помещичьи; 2) земли казенные, удельные, Крестьянского банка и другие, находившиеся в распоряжении органов государственной власти; 3) земли монастырские, церковные и причтовые, которые, «как нетрудовые, целиком входят в запасный земельный фонд, подлежащий распределению». В отношении последнего рода земель допускается оставление в руках церковного причта или монастырской братии части, не превышающей установленной нормы, если они заявят желание обрабатывать землю личным трудом. [1]

г) Особого упоминания заслуживает судьба купчих земель и хуторских и отрубных участков. В отношении купчих земель (см. гл. I, § 6, 2) проявляется определенная тенденция передать их в распоряжение общества, к которому принадлежит покупщик, включив их таким образом в состав общественных земель. А так как на купчих землях, преимущественно, базировалось до революции расширение крестьянского землевладения, то они, главным образом, и образовали те сверхнормные излишки трудовых земель, которые увеличили собою распределительный фонд. Так, в Задонском уезде Воронежской губ. 74,3% купчих крестьянских земель отошли к другим обществам (Первые итоги аграрной реформы, стр. 10). Если же покупщики — члены крестьянского товарищества — образовали на купленных землях поселок, то такой поселок рассматривается как отдельная земельная единица, сохраняющая за собой соответствующую норме площадь. [2]

Хутора и отруба, образованные в порядке насильственного столыпинского законодательства с прямым посягательством на земельные права общины (см. гл. I, § 7), были сметены аграрной революцией в поволжских губерниях, центрально-земледельческом районе и некоторых южных губерниях (Харьковская, Екатеринославская). [3] Еще до Октябрьской революции, в период все разраставшегося крестьянского движения лета 1917 г., общинное крестьянство требовало ликвидации хуторов и отрубов и обратного включения их в состав общинных земель. Таково, напр., постановление Аткарского уездного зем. ком. от 30 мая

---

[1] Постановления Вологодской губ., Саранского у. Пензенской губ., Орловской губ., — цит. сводка, стр. 8.

[2] Цит. сводка, стр. 8 — 9.

[3] П. Першин, Формы землепользования, сборник «О земле», вып. 1, стр. 70; см. также проф. П. Н. Першин, Участковое землепользование в России, изд. НКЗ, М., 1922.

1917 г.: «Предложить всем крестьянам-отрубщикам, в целях объединения всего крестьянства и уничтожения возникающей резни, войти в общину на равных основаниях со всеми гражданами». [1] Это давление крестьянства было так сильно и всеобще, что начался обратный переход от отрубной системы к уравнительно-общинной с принуждением упорствующих вплоть до отобрания их земель.

Временное распределение земель совершенно поглотило участковые хозяйства. Наиболее резко проводилась ликвидация хуторов и отрубов в поволжских губерниях и некоторых уездах центральных губерний. Приведем некоторые из наиболее ярко формулированных постановлений. «Отруба поступают на усмотрение обществ и волостных земельных отделов, а владельцы входят в общее уравнение»... «Отрубные участки, оказавшиеся среди крестьянской общественной земли, не объединенные в общества, должны присоединиться к ближайшему селению»... «Отруба и хутора не нужны с точки зрения хозяйственной, глубокой вредности и губительности всякого нарушения в формах землепользования, а в особенности, если она сопряжена с переносом построек и всей усадьбы»... «Все хутора и отруба как на надельной, так и на купленной земле переходят в общины». [2]

Но на ряду с таким отрицательным отношением можно встретить в северных губерниях (Пермская, отчасти Вятская, Ярославская, Новгородская и др.) и некоторых центральных (Орловская, Тульская, Московская, Калужская) положительную оценку хуторов и стремление сохранить их целость. «Хуторские участки не должны разбиваться на чересполосицу, и хуторское хозяйство должно остаться в прежнем своем виде» (Вологодская губ.), ибо в большинстве хутора и отруба являются «культурными крестьянскими трудовыми хозяйствами»; они принадлежат «к числу культурных хозяйств, рационально устроенных, в целях ведения правильного сельского хозяйства» (Кунгурский у. Пермской губ.). Это различие в отношениях аграрной революции к участковому землепользованию объясняется, очевидно, тем, что в северных губерниях участковое хозяйство успело рационализироваться путем введения травосеяния, перехода к многополью и улучшения животноводства, в то время как в поволжских и южных губерниях переход на хутора и отруба вызывался стремлением крестьянской верхушки выделить из общины в свою пользу возможно большее количество лучшей

[1] Цитиров. в статье П. Першина, Формы землепользования, стр. 63.
[2] Распределение земель в 1918 г., стр. 10; акты Сарапульского у. Вятской губ., Саратовской губ., Нижегородской губ., Бугульминского у. Самарской губ., Владимирской губ.

земли без сколько-нибудь прогрессивной перестройки своего хозяйства. Однако, и в случаях положительного отношения к хуторам и отрубам имеющиеся в них излишки против нормы отрезываются от края участка, не разрушая хуторов; при недостаче земли соответствующая площадь прирезывается к краю участка.[1] Как и в отношении к надельным землям, здесь сказывается преобладающее значение уравнительной тенденции аграрной революции над хозяйственно-производственным интересом.

В местных положениях, поскольку можно судить о них по опубликованным Наркомземом сводкам, нет указаний на отношение аграрной революции к «укрепленным» наделам (см. гл. I, § 7, 1). Но это, по-видимому, объясняется отсутствием каких-либо сомнений мест в решении этого вопроса. Расположенные среди общинного поля, ничем не отличаясь от полос общинников, кроме правового отнесения их к «личной собственности» укрепленцев столыпинским законодательством, эти наделы просто потеряли свою особую правовую оболочку вместе с уничтожением революцией всяких частных прав на землю. «Укрепленные» земли самим фактом аграрного переворота стали частью общественного надела.

3) Состав (контингент) наделяемого землей населения.[2] Распределяемая в пределах волости земля отводилась селениям или обществам по определенной норме не всем гражданам, желающим приложить свой труд к земле, как то проектировала доктрина социализации земли. Ограниченность распределяемого фонда заставила уже декрет о социализации земли (ст. 22) установить очереди наделения землей: «Наделяются, в первую очередь, безземельное и малоземельное местное земледельческое население и местные сельскохозяйственные рабочие (батраки) на равных условиях. Во вторую очередь — пришлое, т. е. прибывшее в данную местность после опубликования закона о социализаии земли, земледельческое население. В третью очередь — неземледельческое население в порядке регистрации в земельном отделе местной советской власти». Вопрос о контингенте еще потому принял острое значение для процесса наделения землей, что в первые годы революции обнаружилась большая «тяга к земле» со стороны городского населения. Разрушение промышленности и общее оскудение городов, обостренное продовольственным кризисом, при-

[1] Акты 14 уездов, см. Распределение земли в 1918 г., стр. 10, сноска 1.

[2] Состав (контингент) наделяемого землей населения, изд. НКЗ, Москва, стр. 1 — 20.

вели к тому, что значительное количество полугородских элементов увеличило число претендентов на бывшую помещичью землю.

Постановления местных съездов советов и земельных отделов, в общем, повторяют предписания ст. 22 закона о социализации земли, конкретизируя лишь отдельные категории наделяемого землею населения.

а) Главным признаком м е с т н о г о населения является не формальный момент приписки тех или других лиц к данному району, а факт их постоянного проживания в нем.[1] По согласному указанию источников, и неприписанные пользуются в составе контингента равными правами с приписанными («приписными»).[2] Свидетельство «постоянного проживания» акты усматривают, большею частью, в наличности хозяйства, дома и даже только усадебной оседлости. Но и «неимеющие никакой сельскохозяйственной оседлости или обзаведения» могут быть наделены землей,[3] если они имеют трудовую связь с коренным населением: «вместе работали и срослись в одно целое».

б) Для определения понятия призываемого в первую очередь к наделению з е м л е д е л ь ч е с к о г о населения необходимо принять во внимание, что субъектом права на наделение является, собственно, не отдельная личность, а двор, хозяйство, своеобразное семейно-трудовое объединение, занимающее центральное место в крестьянском укладе жизни. Личность осуществляет свои права на землю через коллектив, в который она входит по занятию земледелием. Поэтому основной признак земледельческого населения — л и ч н о е занятие земледелием — относится, в сущности, к хозяйству, как к таковому, и лишь через него и к составляющим его членам, т. е. и к малолетним, старикам, нетрудоспособным, к которым, собственно, этот признак относиться не может. Сообразно с этим некоторые акты выдвигают правило, что землей наделяются, прежде всего, «наличные хозяйства».

в) Этот принцип наделения землей х о з я й с т в у ю щ и х д в о р о в поставил в особое положение б а т р а к о в, несмотря на их декларативное уравнение с прочим местным земледельческим населением — и законом о социализации земли, и местными положениями. Согласно многим актам, среди безземельных и малоземельных «преимуществом пользуется тот, кто имеет в достаточном количестве необходимый живой и мертвый инвентарь» (Ржевский у.), «кто способен вести хозяйство»

---

[1] Акты 12 уездов и губерний, см. первую сноску на стр. 12 сводки: Состав (контингент) наделяемого землей населения.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Акты Тамбовской, Вологодской губ.

(Олонецкая губ.), «имеет возможность обработать землю» (Петроградская губ., Ефремовский у. Тульской губ.), «кто обеспечен инвентарем собственным или с прокатных пунктов, рабочим скотом, посевным материалом и пр.» (Орловская губ.). А Вятский акт прямо постановляет, что сельскохозяйственные рабочие наделяются землей после малоземельных и безземельных и лишь постольку, «поскольку их возможно будет снабдить живым и мертвым инвентарем». Таким образом, правило наделения землей уже существующих земледельческих хозяйств приводит на практике к исключению батраков из первого основного контингента наделяемого землей населения.

г) Принцип первоочередности местного земледельческого населения приводит к исключению из него хозяйств, постоянно (профессионально) занимающихся промыслами и отхожими заработками, обеспечивая этим свое существование.[1] Наоборот, так как под хозяйством разумеется хозяйство обычного земледельческого типа данной местности, то занятие промыслами и отход на заработки, в качестве временного и подсобного занятия к земледелию, не препятствует зачислению в категорию чисто земледельческого населения. По тому же принципу решается вопрос о находящихся на службе. «Лица, находящиеся на постоянной службе при железнодорожных, торгово-промышленных, фабрично-заводских и государственных учреждениях, исключаются из состава земледельческого населения (Льговский у. Курской губ.). Если же кто-нибудь «живет на должности меньше двух лет и самолично обрабатывает землю, такому лицу землю дать, как и всем гражданам данного общества» (Ряжский у. Рязанской губ.).

Что касается отсутствующих, то различается отсутствие «по независящим обстоятельствам» — пленные, находящиеся на военной службе, в выборных должностях — и отсутствие добровольное. В первом случае сохраняются все права наделения, во втором — решение вопроса зависит от того, носит ли это отсутствие постоянный или временный характер.

д) Особого упоминания заслуживает отношение местных актов к фабрично-заводским рабочим. Если фабрично-заводские рабочие представляют собою местное, постоянно проживающее население, но профессионально занятое только на фабрике, то им «в одних местностях полагается под огороды и выгоны по 30-40 кв. саж. на каждого члена семьи (едока) — в качестве обязательной нормы (Симбирская губ.); в других — им даются луга, рассчитывая по 50 п. сена

[1] Акты Нижегородской, Симбирской губ., Моршанск. у., Тамб. губ.

на корову и допуская содержание одной коровы на среднюю по составу семью» (Жиздринский у. Калуж. губ.).[1] Если же местный крестьянин, работая на фабрике, не порвал с земледельческим хозяйством и является «полурабочим» (Ковровский у. Владимирской губ.), то он относится к категории первоочередного земледельческого населения. Таким образом, в отношении к рабочим, совершенно порвавшим с землей, но живущим среди земледельческого населения, характерно признание за ними права на огороды и луга, что отвечает обычным условиям рабочей жизни в таких местностях.

4) Нормы наделения.[2] Одной из самых серьезных проблем процесса распределения земель было определение нормы наделения, т. е. установление того размера землепользования, который при данных условиях должно иметь целесообразно организованное крестьянское хозяйство данной местности. Исходными точками зрения при построении этих норм могли быть: или полное использование рабочих сил хозяйствующей семьи (трудовая норма), или полное удовлетворение ее повышающихся потребностей (потребительная норма), или нераздельное сочетание обоих элементов — производственного и потребительного (потребительно-трудовая норма). Декрет о социализации земли (ст. 12) выдвинул потребительно-трудовую норму, которая, «применяясь в данном районе к исторически-сложившейся системе землепользования, не превышала бы трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и, в то же время, давала бы возможность безбедного существования семье земледельца».

Однако, в местной практике временного распределения земель не была сколько-нибудь серьезно поставлена, а тем более решена, задача создания объективно достаточной площади трудового хозяйства. Произошла простая «дележка» наличного количества земли между наличным количеством населения.

«Наиболее распространенный и, можно сказать, типичный для распределения земель в 1918 г. метод исчисления норм сводится к самым простейшим арифметическим действиям. Норма определяется, «исходя из расчета количества площади земель в каждом из уездов губернии и числа душ земледельческих семей, которые фактически смогут в 1918 и 1919 годах использовать личным трудом отводимую для их пользования землю» (Дмитровский и Ливенский уу. и вообще в Орловской губ.).

---

[1] Состав наделяемого землею населения, стр. 11.

[2] Проф. П. Н. Першин, Нормы землепользования при распределении земель 1918 года, журн. «Сельское и лесное хозяйство», 1922 г., №№ 3-4 и 5-6.

В Рязанской губ. «каждый может получить землю только в таком размере, сколько в среднем приходится на живую душу в его уезде». В Рязанском у. «земля распределяется таким порядком: вычислив, сколько в волости приходится на живую душу земли, сколько в обществе душ населения и сколько в обществе имеется земли, и если в обществе не имеется столько земли, сколько обществу приходится, то данному обществу выделяется из ближайшей экономической земли». В Саранском у. Пензенской губ. нормой постановлено считать «средний надел пашни и сенокоса, приходящийся на душу». В Сергачском у. Нижегородской губ. дается простой метод исчисления нормы: «разделивши поровну всю землю между жителями, получается... уравнительная норма...» Другие способы исчисления нормы встречаются в единичных случаях, являясь как бы исключением из общего правила».[1]

Таким образом, нивелирующий принцип аграрной революции отверг всякие попытки установления нормального по размерам своей земельной площади трудового крестьянского хозяйства, создав свою собственную норму наделения, «уравнительную норму», являющуюся, собственно, отрицанием всякой нормы. Временное распределение земель стремилось лишь по возможности уравнять количественно землепользование хозяйств, совершенно не ставя себе задачи подъема их производительных сил. Это отвечало самой природе руского аграрного перенаселения (см. гл. II, § 1).

а) Однако, «уравнительная норма», т. е. общий средний на разверсточную единицу (едока) размер наличного количества земель, фактически не приводила к действительному равнению. Мы видели выше (гл. II. § 5, 1), что территориальной единицей временного распределения земель была в подавляющем большинстве случаев волость. При невозможности переселений и расселений не только между губерниями и уездами, но даже между волостями, размер уравнительной нормы

[1] Проф. П. Н. Першин, цит. сводка, «Сельское и лесное хозяйство», № 5-6, стр. 90 — 91.

Таким исключением является, напр., «Положение о распределении земельного фонда Воронежского у.», устанавливающее следующее положение: «независимо от того, сколько имеется земли и населения в данной волости, необходимо земли отводить на хозяйство столько, чтобы хозяйство могло существовать, чтобы семья могла с этого хозяйства кормиться и приложить в нем свой труд. Слишком мелкое дробление земли было бы скорее вредно, чем полезно для народного хозяйства, и никого не могло бы удовлетворить». Исходя из этого принципа, Положение дает самостоятельную норму для каждой волости, минимальный размер которой — 0,9 дес. на едока и максимальный — 1,5 дес., в среднем же по уезду — около 1,2 дес. на наличную душу. В Смоленской губ. в основу определения нормы кладется землепользование среднего трудового хозяйства.

находился в тесной зависимости от величины распределительного фонда, его расположения и густоты населения в пределах каждой волости. Поэтому даже в тех случаях, когда устанавливалась общегубернская или даже поуездная уравнительная норма, она в применении к отдельным волостям чрезвычайно колебалась, что допускали и сами местные положения.

«Некоторые местные положения, заранее учитывая невозможность проведения единой общегубернской или общеуездной уравнительной нормы, устанавливают ее размер в качестве максимального, заранее обусловливая необходимость его уменьшения в местностях с недостаточным запасом свободных земель... В Симбирской, напр., губ. общеуездная норма определена в 1,5 дес. на душу, «но где за отсутствием или удаленностью от данного района свободных земельных площадей такого распределения достигнуть не представляется возможным, надлежит стремиться к равномерному распределению земельного фонда данного района», т. е. произвести раздел по фактически возможному среднему уравнительному размеру».[1] Аналогичные предписания содержат положения по Суражскому у. Черниговской губ., Уржумскому у. Вятской губ., Бельскому у. Смоленской губ. и др. Если к этому прибавить местный волостной сепаратизм, направленный на освоение близлежащих нетрудовых земель, то нет ничего удивительного в том, что во многих уездах «волостные нормы» рознятся в два и даже в три раза между собой — в зависимости от величины близлежащих ликвидируемых имений и численности населения в волости. В конце концов, «всякое значение нормы, как таковой, теряется, она превращается в фикцию, прикрывающую собою неорганизованные формы чисто фактического «самораспределения» территории мелких административных единиц».[2]

б) При всей простоте построения уравнительной нормы, получающейся от арифметического деления наличного количества земель на наличное количество местного земледельческого населения, «едоков», на размер ее оказывали влияние, как видно из местных положений, различные хозяйственные моменты. Норма видоизменялась в зависимости от качества земель, увеличиваясь для их худших разрядов, от возрастного состава семьи, уменьшаясь для малолетних ее членов, строилась иногда особо для раздела разных угодий, напр. сенокоса, хотя по общему правилу уравнительная норма рассчитывалась на все удобные земли. Мы

---

[1] Проф. П. Н. Першин, цит. сводка, «Сельское и лесное хозяйство», № 3-4, стр. 57 — 58.

[2] Проф. П. Першин, цит. сводка, там же, стр. 60.

не можем останавливаться здесь на всех этих особенностях применения на практике уравнительной нормы, отсылая читателя к весьма ценному исследованию проф. П. Н. Першина, уже цитированному нами выше.

5) Методы временного распределения земель. Временное распределение земель совершалось самим населением почти без помощи специального землемерно-технического персонала. Но население владело лишь одним исконным аппаратом поземельного равнения — общиной. Нет поэтому ничего удивительного в том, что община, замершая до революции во многих местностях, быстро и интенсивно начинает работать с началом временного распределения. «Ее уравнительно-передельная система выходит из узких рамок отдельных селений и переносится на целую волость, в пределах которой осуществляется межселенное поравнение волостных территорий. Одновременно внутри каждого селения происходят безостановочно ежегодные переделы» [1] для распределения между дворами вновь прирезанных к селению земель. В связи с этим обычные хозяйственные недостатки общинного землепользования приняли еще более острый характер.

Как известно, неумение общины достигать равноценности отводимых земель посредством зачета и замены разнокачественных и разнородных угодий приводит ее к делению общиных земель на столько «конов» и «ярусов», сколько окажется в общем ее земельном отводе разнокачественных угодий в зависимости от разнообразия почвы, рельефа и орошения местности, а также степени удаленности угодий от места поселений, и, соответственно этому, — к отводу каждому двору в каждом таком коне полосы земли, соразмерно числу причитающихся на его долю разверсточных единиц (обыкновенно, едоков). Так создается внутриселенная чересполосность и мелкополосица крестьянских наделов, столь характерная для общинного землепользования. Применение этих примитивных методов поземельного равнения к межселенному распределению земель внутри волости приводило к тому, что каждое селение получало долю земли в каждом сколько-нибудь обширном массиве владельческих земель, отличающемся особыми свойствами, в силу ли качества почвы, или удобного или неудобного расположения. Так временное распределение значительно увеличило межселенную чересполосность.

[1] Характеристика общины в период временного распределения земель в Задонском у. Воронежской губ. (Итоги аграрной реформы в Задонском у. Воронежской губ., Воронеж, 1922 г., стр. 100).

полосицу и дальноземелье.[1] То же надлежит констатировать и в отношении к внутриселенной чересполосице, так как в первые годы революции община выделяла вновь присоединенную землю в особую качественную категорию, подобно тому как она это делала в отношении к супеси, солончаку, крутому откосу, запольному участку, создавая новые «яруса» и «коны» и нарезая в них дворам особые полосы.

а) При построении нормы временное распределение земель как в межселенном равнении, так и при внутриобщинных переделах отдало решительное предпочтение потребительному признаку. В местных положениях разверстка по едокам получила наибольшее распространение. «Едоки», «наличная», «живая душа», «человек», «житель», «обоего пола без различия возраста» и даже «без различия национальностей» — таковы господствующие разверсточные единицы пахотных угодий.[2] Если при разделе в уездном и даже в волостном масштабе эта потребительная норма урезывается вследствие неравномерного распределения по районам распределительного фонда, его неудобного расположения и неодинаковой густоты населения, то внутри каждого земельного общества она осуществляется целиком. Здесь уравнительность находит себе полное выражение: каждый член общества получает землю по равной с другими доле.

б) Уравнительное усвоение обществами прирезанной им территории сопровождалось в 1918—1919 гг. частыми переделами не только в общинах, переделявших землю до революции, но и в таких, где, казалось, общинно-передельная жизнь совершенно замерла. Так, в Задонском у. Воронежской губ. за эти годы две трети селений трижды делили свою землю. Естественно, что эта созданная аграрной революцией уравнительная горячка вредно отозвалась на сельском хозяйстве. По свидетельству В. Келлера, одного из авторов неоднократно цитированного нами исследования о Задонском уезде, «революционная перестройка крестьянского землепользования естественно и неизбежно почти совершенно прекратила удобрение пашни.

---

[1] Так, в Задонском у. Воронежской губ. внутри волости обычное расстояние от селения до вновь отведенного ему участка было 15, 20, 25 верст, а число участков составляло в среднем 4-5.

[2] Резолюция по земельному вопросу Учредительного съезда Тамбовской губ., резолюция о земле и лугах, выработанная Зарайским уездн. комиссар. землед. Рязанской губ. совместно с комиссией съезда 5 июня 1918 г., постановление Курского земельного съезда 4 марта 1918 г., инструкция агентам-землемерам Симбирского губ. комиссар. земледелия по распределению земельного фонда Симбирской губ. и др.

Если до революции в 92,9% селений удобрение практиковалось, примерно, $^2/_3$ домохозяев, то в период земельного поравнения в 97% селений почти никакой вывозки навоза на пашню уже не было». [1] С 1920 г., отчасти под давлением государства, [2] отчасти с естественным завершением уравнительного процесса, переделы значительно сократились.

§ 6. Итоги временного распределения земель.

Для подведения итогов временного распределения земель нет сколько-нибудь исчерпывающих материалов. Мы уже указывали, что, несмотря на первостепенное значение аграрной революции 1918 г. для всего послереволюционного общественного строя Республики, ее основные законодательные источники, постановления местных съездов советов и земельных органов, собраны только в части и, поскольку собраны, даже не опубликованы. Кроме тех сводок этих постановлений, которые были изданы в 1919 г. Наркомземом и на которых было основано предыдущее изложение принципов временного распределения, и прекрасной работы статистическо-экономического семинария Воронежского сельскохозяйственного института под руководством проф. П. Н. Першина о Задонском у. Воронежской губ., — относящейся, впрочем, к так сказать исправленному временному распределению земель, т. е. к землеустройству, проведенному в порядке Положения о социалистическом землеустройстве 14/III 1919 г. и Инструкции к нему от 11/III 1919 г., — не существует ни монографических, ни общих исследований о ходе, основаниях и результатах великого аграрного переворота. Поэтому, не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее изложение, мы постараемся отметить лишь самые общие, самые крупные результаты аграрной революции 1918 г.

1) Универсальный раздел по так наз. уравнительной норме предполагал отрицание населением каких бы то ни было частных прав на землю. Юридическая природа исторически создавшихся категорий землевладения перестала существовать как бы по мановению волшебного жезла. Правовая оболочка, окружавшая отдельные земельные участки и отделявшая их друг от друга, исчезла, как отпадает шелуха у вполне созревшей куколки. Уж не говоря о частновладельческих нетрудовых землях, всех этих помещичьих, удельных, казенных, банковских и т. д.

[1] Итоги аграрной реформы, цит. соч., стр. 111.

[2] См. циркуляр Наркомзема от июня 1919 г. за № 19 о борьбе с ежегодными переделами в книге И. А. Кириллова, Очерки землеустройства за три года революции 1918 — 1920 гг., изд. НКЗ, Петроград, 1922 г., стр. 150.

землях, земли трудовые: купчие, хуторские и отрубные участки, укрепленные наделы, — все сразу потеряли свой особный, частноправовой характер. И если надельные земли в основном своем ядре остались у большинства селений и обществ, то не потому, что над ними тяготело какое-то специфическое частное право на них этих селений и обществ, а потому, что их перераспределение было излишне для тех целей земельного равнения, которые ставило себе временное распределение 1918 г. Мы видели, что там, где это было необходимо и возможно, там и надельные земли поступали в распределительный фонд. На время распределения вся земля стала в действительности «единым земельным фондом», стершим все правовые границы, разделявшие ее на различные земельные владения. И если этот фонд оказался территориально ограниченным сравнительно незначительными волостными размерами, то только в силу технической невозможности массовой передвижки населения, которой потребовало бы земельное уравнение в бо́льшем масштабе при исторически создавшемся территориальном неравенстве землепользования по отдельным районам.

Эта правовая унификация земель, это исчезновение всяких частных прав на них является одной из характерных черт временного распределения 1918 г. И замечательно, что эта цель была достигнута без сколько-нибудь серьезного протеста со стороны бывших частноправно уполномоченных лиц, поскольку, коне́чно, дело шло о трудовом земледельческом населении. Для последнего идея поземельного равнения была столь справедлива и законна, что перед нею умолкали даже те его группы, которые теряли от ее осуществления. Так исторически был оправдан принцип Октябрьской революции — уничтожение частной собственности на землю. На место прежних правовых категорий землевладения аграрный переворот выдвинул новый экономический критерий — деление земель на трудовые и нетрудовые — различение, усвоенное и всем последующим советским земельным правом.

2) Аграрная революция 1918 г. ударила прежде всего по частновладельческим и прочим нетрудовым землям. Несмотря на требование Временной инструкции от 30 января 1918 г. о нераспределении земель специальных культур и промышленного значения (см. гл. II, § 4), помещичьи имения были разделены почти без остатка. По данным Центрального управления землеустройства, к концу 1920 года по 36 губ. Европейской России из общего количества фонда нетрудовых земель в размере 22 847 916 десятин в распоряжение крестьянства поступило 21 407 152 дес., коллективным хозяйствам — 391 614 и советским хозяйствам —

1 049 510 десятин, что увеличило площадь крестьянских земель с 94 720 628 дес. до 116 127 780 дес., т. е. с 80% до 99,8%, общей площади всех удобных земель.[1] По другим данным 1919 г. для 32 губерний центральной России,[2] из всех земель, принадлежавших раньше нетрудовым слоям населения, 85,9% перешло к крестьянству, 2% пришлось на долю коллективных хозяйств и около 12% осталось в распоряжении государства (главным образом, советских хозяйств). Вследствие этого, крестьянские земли, составлявшие в 1905 г. 76,3% всех земель, в 1919 г. составили уже 96,3%. Та же революция произошла на Украине в еще более значительных размерах вследствие большего количества в ней нетрудового землевладения. Процент крестьянских земель поднялся в ней с 55,4% в 1905 г. до 96% в 1919 г.

Таким образом, в непосредственном распоряжении государства осталось только от 3 до 4% сельскохозяйственной площади Республики. Этот полный и безвозмездный переход к крестьянству огромной площади нетрудовых земель завершил собою вековую борьбу крестьянства против помещиков и крупного землевладения вообще. Трудно еще в настоящее время оценить те великие сдвиги в экономической и социально-психологической жизни деревни, которые в ней произвело окончательное изгнание «барина». Здесь надо, раньше всего, отметить прекращение крестьянством ежегодных платежей барину за аренду земли в 450 миллионов рублей и за купленную землю в размере 215 миллионов рублей, составлявших в общей сложности 13,3% его валового дохода (см. гл. II, § 1). Так было уничтожено одно из главнейших препятствий для повышения производительных сил крестьянского хозяйства. Быть может, не меньшее значение имеет политическая сторона аграрной революции. Крестьянин в действительности впервые осознал себя свободным гражданином у себя в селе, в обществе, в волости. Так создалась основная предпосылка для культурного подъема деревни, для применения агрономических улучшений, для интенсификации хозяйства, для окончательной ликвидации застарелой крестьянской болезни — традиционного трехполья.

3) В вопросе о значении аграрной революции для расширения крестьянского землепользования стало обычным указание на незначительность происшедших перемен. Приводятся обыкновенно расчеты, что «переход нетрудовых земель в руки крестьян при-

---

[1] Цитировано у проф. Н. П. Огановского, Очерки по экономической географии РСФСР, т. I, стр. 81.

[2] Данные приведены в ст. Б. Книповича, Направление и итоги аграрной политики 1917 — 1921 гг., сборн. статей «О земле», вып. 1, изд. НКЗ, 1921 г.

нес лишь незначительную прирезку. Даже по официальным данным, в 29 губ. Европейской России эта прирезка увеличила в среднем земельный надел одного едока с 1,87 дес. до 2,26 дес., т. е. всего на 0,39 дес. Но так как в прирезанную землю входила арендованная, то в действительности средняя прибавка не превышала, вероятно, 0,2 дес. на едока. . .»[1] Такого же мнения держится и Б. Книпович: «Уже к концу лета 1918 г. цели, поставленные основным законом о земле, были в общем осуществлены: крестьянство захватило землю и уравнительно разделило ее. Однако, итоги этой дележки были значительно меньше, чем ожидали многие. Громадное количество земель, разделенное между многомиллионной массой крестьянства, дало ничтожные результаты. Специальная анкета Центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины; лишь в немногих оно достигает одной десятины. . . Таким образом, положительные итоги раздела для малоземельных и безземельных слоев крестьянства были ничтожны».[2]

Однако, судить по среднему губернскому коэфициенту прирезки частновладельческих и прочих некрестьянских земель о существе земельного перераспределения, совершенного аграрной революцией, — значит иметь о ней очень поверхностное представление. Смысл и основное содержание временного распределения земель в 1918 г. заключается в уничтожении дореволюционной диференцированности землевладения, в посильном доведении до одной принятой нормы землепользования всех селений и обществ, по меньшей мере, в волостных границах. При тех резких различиях в землевладении отдельных разрядов крестьянства, которые получили свое начало в эпоху падения крепостного права (см. гл. I, § 3) и которые усилились впоследствии благодаря крестьянским покупкам раздроблявшихся помещичьих имений, уравнительный принцип временного распределения должен был проявить свой наибольший эфект в отношении малоземельных и безземельных групп крестьянства, не только оставляя многоземельные группы без дополнительной прирезки, но иногда даже отрезая от них сверхнормные излишки. Мы видели, что местные положения считают своей основной задачей доведение до нормы именно безземельных и малоземельных, используя для

[1] Проф. Н. П. Огановский, Очерки по экономической географии РСФСР, вып. 1, стр. 81.

[2] Б. Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917 — 1920 гг., сборн. «О земле», вып. 1, стр. 29.

этого не только нетрудовой фонд, но и купчие крестьянские земли, и не останавливаясь, в случае необходимости и возможности, даже перед надельными землями. Таким образом, аграрная революция произвела на местах глубокую перестройку всего исторически сложившегося крестьянского землевладения, картина которой может быть раскрыта лишь при переходе от обзора всей массы крестьянства к его отдельным группам.

К сожалению, мы не имеем оценки с этой точки зрения итогов временного распределения земель. Первые итоги аграрной реформы, подведенные по Задонскому у. Воронежской губ. в указанном выше исследовании, касаются результатов землеустройства, произведенного на основании Инструкции от 11 марта 1919 г. по применению Положения о социалистическом землеустройстве. Но так как в главнейших своих чертах эта Инструкция, как мы увидим ниже, усвоила принципы временного распределения земель, проводя поземельное равнение, благодаря участию землемерно-технического аппарата, еще с большею последовательностью, чем это могла сделать крестьянская революция, то по итогам этого землеустройства, несомненно, можно судить об общем направлении перераспределения земель, совершенного великим аграрным переворотом. Вот как характеризует его проф. П. Н. Першин: «Изучение движения земельных площадей определенно указывает, что в результате этих перемещений довольно значительная группа селений (31 селение, или 17,3%) лишилась своих земель в той части, которая превышала установленную для наделения норму. То же самое произошло и по отношению тех более или менее крупных крестьянских хозяйств, которые целиком базировались на землях, купленных непосредственно у владельцев или через Крестьянский банк. Это особенно любопытные факты, ярко характеризующие общий дух реформы, проникнутый глубоким радикализмом. Вполне естественно, что случаи сокращения прежнего землевладения целых селений встречаются, главным образом, в виде отрезки сверхнормных купчих земель, приобретавшихся целыми обществами или товариществами. И именно в тех волостях, где была значительно распространена покупная земля, там больше всего и наблюдаются случаи уменьшения прежних размеров землепользования. Такова одна, очень важная деталь результатов реформы, которая была скрыта общим коэфициентом прирезки.

«Само собою разумется, что отчужденная часть крестьянских земель была обращена на расширение землепользования другой части селений, увеличив таким образом фонд перераспределяемых земель. В результате этой меры получилось то, что 53,1% сельских обществ увели-

чили свое землепользование значительно выше среднего по уезду процента, причем из них 22 селения, или 12,3%, в результате реформы имеют более чем вдвое увеличенную земельную площадь.

«Все это достаточно ясно обнаруживает, что различные группы деревни получили далеко не одинаковые результаты от реформы. Несомненно и определенно выиграли, и притом в достаточно большом размере, безземельные и малоземельные группы (например, общества бывших «дворовых» и «дарственников»), землепользование которых было значительно меньше нормы. Их выигрыш в значительной мере получился за счет отрезок земель от тех селений, которые, как некоторые общества бывших государственных крестьян, получили сравнительно большие наделы и, кроме того, имели возможность прикупить дополнительные площади земли». [1]

Таким образом, оценка результатов аграрной революции 1918 г. по среднему коэфициенту дополнительной прирезки, причитающейся на едока земли из общегубернского нетрудового фонда, не только не дает действительной картины совершившегося переворота, но противоречит самым его принципам, основанным на некоторой, хотя и примитивной, нормативности распределения. Смысл и существо временного распределения земель заключается в земельной нивелировке крестьянства, в поднятии земельного обеспечения безземельных и малоземельных групп крестьянства до известной нормы за счет как нетрудового фонда, так и многоземельных крестьянских групп. [2]

Правда, эта нивелировка происходила — да и не могла не происходить — в ограниченных волостных и лишь изредка уездных пределах, наталкиваясь порою и здесь на непреодолимые препятствия неравномерного распределения экспроприированных земель и на невозможность организации массовой передвижки населения. Но в общем и целом аграрная революция принесла малоземельным селениям, стоявшим у грани абсолютного малоземелья, значительное расширение землепользования.

Этот процесс нивелировки совершился в отношении целых селений, с которыми временное распределение земель и последовавшее за ним землеустройство только и имели дело. В отношении отдельных кресть-

---

[1] Первые итоги аграрной реформы, вступительная статья проф. П. Н. Першина, стр. 12 — 13, Воронеж, 1922.

[2] К такому же выводу пришло и бюджетное исследование, произведенное в 1924/25 г., включившее и вопрос о размере землепользования описываемого хозяйства до войны (А. Гайстер, Аренда и сдача земли, «На аграрном фронте», 1927 г., № 6).

янских хозяйств поземельное равнение довершалось земельной общиной, зажившей с началом революции интенсивною жизнью и освоившей с помощью своего уравнительно-передельного аппарата, распределения по едокам, вновь полученные земли.

Это нивелирование крестьянства нашло себе выражение в итогах десятипроцентной выборочной сельскохозяйственной переписи, произведенной в 1919 г. По данным этой переписи,[1] число беспосевных дворов уменьшилось с 11,4% общего числа дворов в 1916 г. до 6,5%; точно так же сократилось и число крупных посевщиков (с посевом более 8 десятин) — с 7,9% до 3,1% и средних (с посевом 4 — 8 десятин) — с 21,6% до 16,4%. Зато значительно возросли мелкие хозяйства, с посевом до 4 десятин, с 59,1% в 1916 г. до 74,0% в 1919 г. Такую же картину уменьшения сельского пролетариата и верхов деревни дает сопоставление военно-конских переписей 1917 г. и 1919 г., согласно которым число однолошадных дворов возросло с 43,8% до 79,3% при уменьшении как числа безлошадных, так и двух- и более лошадных хозяйств.

Одним словом, если в результате Октябрьской революции Республика стала страной почти исключительно крестьянского землепользования, то, как крестьянская страна, она — страна мелкого крестьянского хозяйства, которое стало почти единственной основой нашего аграрного строя. Это хозяйство поглотило и базировавшиеся на наемном труде и крепостнической аренде крупные сельскохозяйственные предприятия, и укрупненные кулацко-крестьянские хозяйства.

---

[1] А. Хрящева, Крестьянство в войне и революции, «Вестник статистики», №№ 9 — 12, 1920 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Литература: В. П. Милютин, Аграрная политика СССР, ГИЗ, 1926 г.; Труды I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун, М., 1919 г.; А. Г. Гойхбарг, Обобществление сельского хозяйства, М., 1919 г.; Н. Осинский, Государственное регулирование крестьянского хозяйства, ГИЗ, 1920 г.; И. Теодорович, О государственном регулировании крестьянского хозяйства, ГИЗ, 1921 г.; А. Г. Гойхбарг, Советское земельное право, ГИЗ, 1921 г.: И. А. Кириллов, Очерки землеустройства за три года революции 1918—1920 г., П., 1923 г., изд. НКЗ; Б. Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917 — 1920 г., сб. «О земле», вып. 1.

§ 1. Коллективизация сельского хозяйства.

К концу лета 1918 г. закончился, в общих чертах, процесс временного распределения земель. Им было ликвидировано в исторически неизбежных формах уравнительного раздела главнейшее препятствие к подъему производительных сил сельского хозяйства — экономическое и политическое господство крупного крепостнически-кабального землевладения. Перед советским государством встал во всем своем громадном значении вопрос о техническом совершенствовании хозяйства в земледелии, как о единственном выходе из русского аграрного кризиса. Проблема была тогда разрешена программой мер, направленных на создание в земледелии крупного производства в формах, конечно, социалистического хозяйства. Цель эта осуществлялась двумя путями: 1) прекращением распределения и дальнейшим развитием наиболее рационально организованных бывших помещичьих имений, преобразуемых в так называемые советские хозяйства (совхозы) и 2) обобществлением единоличного крестьянского землепользования в коллективные хозяйства (колхозы): коммуны, артели, товарищества по общественной обработке земли. Это обобществление сельского хозяйства было противопоставлено, таким образом, тому распылению земельного фонда и

сельскохозяйственного капитала страны, которое произвела аграрная революция. [1]

На I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун, в первом его заседании, 11 декабря 1918 г., Ленин в следующих словах обосновал и изложил эту новую аграрную политику советской власти. «Всем ясно, что жить по-старому, как до войны, нельзя, что такое расхищение человеческих сил, расхищение труда, которое связано с мелким крестьянским хозяйством, дольше продолжаться не может, что вдвое и втрое должна бы подняться производительность труда в земледельческом хозяйстве, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился переход к общественному хозяйству. Разорение, которое оставила нам в наследство война, не позволяет восстановить старое крестьянское мелкое хозяйство... Кто мечтает о том, чтобы после войны добиться восстановления сносного положения при возможности применения старых приемов, тот ошибается. Война вызвала такое страшное разорение, что на восстановление отдельных мелких хозяйств у нас не хватит ни скота ни орудий. Перед трудовым крестьянством жизнь сама ставит вопрос о переходе к общественной обработке земли, чтобы восстановить ту культуру, которая разрушена войной. В этом единственное средство выйти из темноты, забитости, подавленности, на которую вся масса крестьянского населения была осуждена капитализмом, которая вызвала четырехлетнюю ужасную войну и от которой нужно во что бы то ни стало избавиться.

«Товарищи, мы должны признать, что вопрос об этом поставлен сейчас своевременно. Мы идем постепенно от частной обработки земли к общественному хозяйству. Это необходимо нам для экономии сил и средств, и к этому мы идем, создавая сельскохозяйственные коммуны и советские хозяйства». [2]

---

[1] Раздел имений сопровождался разделом, а отчасти и гибелью, владельческого скота. «Во многих губерниях лишь небольшая часть скота — не свыше процентов 10 — перешла в совхозы и коллективы; остальные же 90% или перешли к крестьянам, или были реквизированы и частью истреблены» (Б. Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917 — 1920 гг., сб. «О земле», вып. I, стр. 24). Мы видели выше (гл. II), что Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли от 30/I 1918 г. содержала целый раздел (V), посвященный порядку распределения между населением живого и мертвого инвентаря отчужденных имений.

[2] Труды I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун, вып. 1, изд. НКЗ, М., 1919 г., стр. 10.

Наиболее подготовленными самым своим экономическим положением к организации коллективных хозяйств считались пролетарские и полупролетарские слои деревни, деревенская беднота. Декретом 11 июня 1918 г.,[1] в виду продовольственных затруднений, были организованы сельские и волостные комитеты бедноты для оказания содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Декрет предписывал за энергичное содействие в изъятии излишков не только распределять среди деревенской бедноты на льготных условиях хлеб, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия, но и бесплатно предоставлять в распоряжение волостных комитетов бедноты сложные сельскохозяйственные орудия «для организации общественной обработки полей и уборки урожая деревенской бедноты». Таким образом, организация деревенской бедноты в классовой борьбе с сельской буржуазией и коллективизация сельского хозяйства стали двумя руководящими, взаимно одна другую дополняющими идеями того периода земельной политики советской власти, который последовал непосредственно за эпохой декрета о социализации земли.

1) Социалистическое землеустройство. Новые идеи нашли себе выражение в изданном 14 февраля 1919 г. Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах к переходу к социалистическому земледелию.[2] Если в основании декрета о социализации земли лежит идея уравнительного распределения земли между всеми гражданами Республики и в первую очередь между земледельческим населением, не касаясь самых основ сельскохозяйственного производства, то в Положении о социалистическом землеустройстве ставится более грандиозная задача, характеризующая уже социалистическое преобразование современного общества — создание единого производственного хозяйства путем обобществления землепользования. Так, ст. 4 Положения гласит:

«В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда. В соответствии с этим землеустройство обнимает собой всю совокупность мероприятий технического характера, направленных к постепенному обобществлению землепользования».

---

[1] Собр. узак. 1918 г., № 43, ст. 524.
[2] Собр. узак. 1919 г., № 4, ст. 44.

а) Хозяйственная автономия трудового землепользования, образовавшегося в порядке наделения по потребительно-трудовой норме, составляла логическое последствие применения декрета о социализации земли, даже прямо выраженное в ст. ст. 52 и 53 декрета. Наоборот, в целях создания единого планового сельского хозяйства, объемлющего всю Республику, Положение о соц. земл. выдвигает противоположный принцип, согласно которому «вся земля в пределах Республики, в чьем бы пользовании она ни состояла, считаясь единым государственным фондом, находится в непосредственном заведывании и распоряжении соответственных Народных комиссариатов и подведомственных им местных органов власти» (ст. ст. 1, 2 Положения). Таким образом, по мысли Положения, задача государства не ограничивается только распределением земли между трудящимися на ней, как то представлял себе декрет о социализации земли; она заключается в прямом непосредственном хозяйственном распоряжении его органами «всею площадью сельскохозяйственного фонда» (ст. 7 Положения). Здесь впервые нашла себе правовое выражение идея национализации земли советского государства.

Распоряжение это имеет своей задачей организацию «перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским» путем создания советских хозяйств, коммун, общественной обработки земли и других видов товарищеского пользования, ибо «на все виды единоличного землепользования следует смотреть, как на преходящие и отживающие» (ст. 3 Положения). С этою целью Положение предписывает прекратить распределение в единоличное пользование земель, еще не распределенных к моменту вступления в силу Положения (ст. 9), и впредь при наделении землями и землеустройстве удовлетворять в первую очередь нужды советских хозяйств и коммун, во вторую очередь — нужды трудовых артелей и товариществ для общественной обработки, и лишь затем — единоличных землепользователей (ст. 8).

б) Для достижения этого «постепенного обобществления землепользования» Положение, помимо непосредственной поддержки советских и коллективных хозяйств и государственной помощи им, ставит себе задачей производство сплошного и обязательного государственного землеустройства всей сельскохозяйственной площади Республики. Изданная 11 марта 1919 г. инструкция по применению Положения о социалистическом землеустройстве[1] вся посвящена правилам этого землеустройства.

---

[1] Собр. узак. 1919 г., № 39-40, ст. 384.

Замечательно, что инструкция, при всем отрицательном отношении к единоличному землепользованию, кладет в основание и социалистического землеустройства начало уравнительного землепользования. По мысли инструкции, все земли сельскохозяйственного назначения должны быть распределены между трудовым населением на уравнительных началах, согласно установленным потребительно-трудовым нормам наделения, но вместе с тем и с достижением рациональной организации отводимых земель путем устранения чересполосности, дальноземелья, вклинивания, вкрапливания и тому подобных недостатков в расположении земельной площади. Поэтому все учение об очередях отвода, о нормах наделения заимствовано инструкцией из декрета о социализации земли. Более того, мы встречаем в ней ряд норм, заимствованных из практики временного распределения земель. В основании землеустройства лежат два основных землеустроительных действия: отвод земель волостям и внутриволостное разверстание между сельскохозяйственными объединениями, т. е. территориальной единицей распределения земель является волость, а субъектом наделения — земельное общество. Устанавливая, что основанием для исчисления нормы наделения служит среднее трудовое хозяйство данного района, не применяющее наемного труда и не отпускающее на заработки членов семьи (ст. 44), т. е. трудовая норма, рассчитываемая на наличную душу — едока, принимаемую за разверсточную единицу (ст. 45), инструкция в то же время допускает и применение известной нам «уравнительной нормы» (гл. II, § 5, 4). «В случае недостатка земель в районе для наделения по норме и невозможности расселения или переселения, определенные согласно ст. ст. 43 и 44 нормы наделения понижаются до общего среднего на разверсточную единицу размера всех подлежащих распределению в пределах района земель» (ст. 46). Так как условия, указанные в ст. 46, были почти всеобщи, то приходится притти к заключению, что «уравнительная норма» временного распределения земель была в сущности узаконена инструкцией о социалистическом землеустройстве.

Таким образом, в тех местностях, где было проведено обязательное социалистическое землеустройство (напр., в Воронежской и Нижегородской губ.), оно было, в сущности, исправлением, с точки зрения землеустроительной техники, результатов временного распределения земель, с сохранением, однако, всех его основных принципов.

2) Но на ряду с этими уравнительными тенденциями, инструкция содержит ряд постановлений по образованию товарищеского общего хозяйства. При внутриволостном разверстании инструк-

*

ция устанавливает, кроме селений и обществ, еще другие субъекты наделения, которые должны служить ячейками организации коллективных хозяйств: коммуны, артели и объединения безлошадных и безинвентарных. Так, земля, причитающаяся на долю безлошадных и безинвентарных по каждому обществу или селению, отводится к одному месту, по возможности, смежно с советскими хозяйствами, коммунами и землями безлошадных и безинвентарных граждан соседних сельскохозяйственных объединений (ст. 89 и 90). Устраиваемые безлошадные и безинвентарные образуют самостоятельное сельскохозяйственное объединение. Хотя форма землепользования на предоставленном им участке определяется ими самими, но земотделы «обязаны приложить все усилия, чтобы склонить их к переходу к товарищеским формам землепользования» (ст. 91). Новые объединения имеют право на получение пособий и ссуд из специального фонда в миллиард рублей, который был ассигнован декретом 2 ноября 1918 г.[1] на оказание помощи сельскохозяйственным коммунам и трудовым товариществам, а также сельским обществам или группам, при условии перехода их от единоличной к общей обработке и уборке полей. Такое же поощрительное значение для образования коллективных хозяйств имеет право уездных земотделов повышать установленные нормы наделения при отводах земель коммунам (ст. 48).

а) Оценивая впоследствии это насаждение товарищеского землепользования, это стремление расколоть деревню в самом ведении сельского хозяйства на мелкобуржуазных единоличных землепользователей и коммунистически-хозяйствующий сельскохозяйственный пролетариат, член коллегии Наркомзема П. А. Месяцев в своей речи на Всероссийском съезде землеустроителей и мелиораторов в начале февраля 1922 г. сказал: «наша инструкция о так называемом социалистическом землеустройстве есть точнейший сколок со столыпинской, с заменой лишь слов «хутора и отруба» словом «коллектив».[2]

Однако эта оценка не только преувеличена, но и неправильна по существу. Сплошное и обязательное государственное социалистическое землеустройство проводилось на началах уравнительного землепользования и при непосредственном участии представителей селений и обществ. Оно поэтому было лишено насильственного характера столыпинской аграрной реформы. Уже 9 апреля 1919 г. была разослана

---

[1] Собр. узак. 1918 г., № 81; см. также декрет 28 февраля 1919 г. (Собр. узак. 1919 г., № 9).

[2] «Новое землеустройство», изд. НКЗ, М., 1922 г., стр. 45.

на места циркулярная телеграма Предсовнаркома Ленина и Наркомзема т. Середы, категорически указывавшая, что «все земли, находящиеся ко времени опубликования Положения о социалистическом землеустройстве в трудовом пользовании крестьян и предоставленные им на основании постановлений или инструкций уездных или губернских земотделов, никоим образом не могут быть отчуждаемы принудительным путем для организации советских хозяйств, коммун и прочих коллективных объединений... Недопустимы меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке, в коммуны и другие виды коллективного хозяйства. Переход к коллективным формам осуществляется лишь при точном соблюдении требований Положения, без всяких принуждений со стороны власти. Неисполнение настоящего распоряжения карается по закону революционного времени».[1] И в действительности, несмотря на то, что социалистическое землеустройство следовало непосредственно за временным распределением земель 1918 г., оставившим в распоряжении государства менее 4% сельскохозяйственной площади, подавляющее большинство коллективных хозяйств было организовано на бывших частновладельческих землях, составлявших для коммун 90% их землепользования, а для артелей — 69%.[2] Таким образом, под колхозы отводились, главным образом, земли, еще не поступившие в распределение.

б) Уже из факта непредоставления крестьянством своих земель в коллективное пользование следует, что поставленная социалистическим землеустройством задача — поднять производительные силы сельского хозяйства посредством его непосредственной коллективизации — не могла увенчаться успехом. Число коммун, поднявшееся с 1 января 1918 г. к 1 июня 1919 г. с 950 до 2 099, упало к 1 сентября 1921 г. до 1 528. Возросло лишь число земледельческих артелей: 432 в 1918 г. и 10 015 в 1921 г. Общая площадь занятой коллективными хозяйствами земли составляла в 1921 г. 1 133 326 десятин, из коих на долю коммун приходилось только 342 300 десятин. Эти цифры, противопоставленные 15 миллионам единоличных хозяйств, в пользовании которых находилось около 140 миллионов десятин, не давали, конечно, решения проблеме, так широко поставленной Положением о социалистическом землеустройстве.

---

[1] Распоряжение это было впоследствии подтверждено циркуляром Наркомзема от 16 мая 1919 г. № 12 («Изв. ВЦИКа» 1919 г., № 106).

[2] Цифры относятся к 1919 г. (Б. Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917 — 1920 гг., сб. «О земле», вып. 1-й, стр. 40).

Если коллективно-земледельческое движение 1918 — 1920 гг. не стало средством социалистического переустройства русского сельскохозяйственного производства, а вместе с тем и разрешением переживавшегося им кризиса, как то казалось в 1918 г. при создании законодательства о коллективизации сельского хозяйства, — то тем не менее оно не теряет своего огромного значения для теории и практики социализма в деревне. История этого движения в эпоху новой экономической политики, когда коллективные хозяйства были предоставлены собственным силам, будучи переведены на хозяйственный расчет, доказывает, что после некоторого кризиса коллективная организация сельского хозяйства, создавшаяся в грозе и буре социалистического строительства, не только удержала свои позиции, но обнаруживает все признаки здорового роста. Мы остановимся более подробно на этом вопросе в разделе о товарищеском порядке землепользования.

в) Из указанной выше относительной — в сравнении с грандиозностью поставленной задачи — неудачи коллективизации крестьянского землепользования следует, что социалистическое землеустройство, поскольку оно успело разверстать между селениями площадь 628 волостей, измеряемую 10 213 086 дес., было преимущественно направлено на упорядочение и исправление временного распределения земель, производившееся на основании тех же принципов уравнительного землепользования, которых держалась и аграрная революция, но с устранением землеустроительных дефектов, созданных этой революцией: межселенной чересполосицы, дальноземелья, вклинивания и т. п.

3) В системе социалистического землеустройства, на ряду с колхозами, должны были играть видную роль советские хозяйства, совхозы. Образованные из бывших помещичьих имений, технически наиболее совершенных, имений с ценными многолетними культурами, со сложными техническими оборудованиями по обработке сельскохозяйственных продуктов, с развитыми специальными отраслями животноводства и т. п., они должны были стать «фабриками хлеба, мяса, молока, фуража и т. д., которые эмансипировали бы социалистический строй экономически от мелкого собственника и, вместе с тем, дали бы лучшую организацию в смысле производства и реализации произведенного».[1] Вместе с тем совхозы превращались в «культурно-агрономические центры», которые должны были давать окрестному крестьянскому населению наглядный пример рациональной организации сельского хозяйства. Однако, на практике из остатков помещичьего хозяйства в условиях

[1] В. П. Милютин, Социализм и сельское хозяйство, М., 1919 г., стр. 54.

революционной стихии не удалось создать ни «фабрик хлеба», ни культурных хозяйств.

Мы уже указывали, что декрет о социализации земли и произведенное на его основании временное распределение земель ликвидировали почти все частновладельческие хозяйства, оставив в распоряжении государства едва 4% сельскохозяйственной площади. По свидетельству Б. Книповича, «в виде общего правила, советские хозяйства организованы были даже не на целом частновладельческом хозяйстве, а на части его: в большинстве случаев лучшая часть пашни, лугов и т. д. бывает уже отрезана крестьянами».[1] Если к этому прибавить, что аграрная стихия сплошь и рядом включила в свой распределительный аппарат живой, а иногда и мертвый инвентарь отчужденных имений, то трудность положения совхозов становится вполне понятной. «От прежних немногочисленных крупнокапиталистических хозяйств в результате войны, иноземной и гражданской, в различных ее формах, осталось очень и очень немного. Поэтому не было возможности широко применить в области сельского хозяйства меры аналогичные тем, которые были приняты в городской промышленности».[2]

Общее число советских хозяйств составляло к концу 1921 г. 4 316, но из них половина, 2 082 хозяйства, были переданы в пользование промышленных предприятий и крупных профсоюзов на предмет «удовлетворения продовольственных потребностей устраивающих их организаций промышленного пролетариата».[3] В этих так наз. приписных совхозах цели, поставленные Положением о мерах перехода к социалистическому земледелию, осуществлялись в самой незначительной степени. В общем и целом советские хозяйства находились в очень тяжелом состоянии и не могли выполнить той роли в процессе коллективизации сельского хозяйства, которую им предназначило государство.

При новой экономической политике советские хозяйства, пережив, как и колхозы, серьезный кризис, в конце концов в настоящее время становятся все более могучими факторами сельскохозяйственного прогресса. Реорганизация их по образцу промышленных трестов вместе

---

[1] Б. Книпович. Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг., сб. «О земле», вып. 1-й, стр. 35.

[2] А. Г. Гойхбарг, Обобществление сельского хозяйства, изд. НКЗ, М., 1919 г., стр. 9.

[3] Ст. 4 декрета 15/II 1919 г. Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата (Собр. узак. 1919 г. № 9, ст. 87).

с финансовой поддержкой государства делают их уже теперь теми «культурно-агрономическими центрами», какими их рисовало себе Полож. о социал. землеустр. 14 февраля 1919 г. и какими оно не могло их сделать в обстановке гражданской войны.

Как бы то ни было, аграрное законодательство всего 1919 г. и первой половины 1920 г. было посвящено заботам о развитии социалистического земледелия. Главное содержание как самого Положения о социалистическом землеустройстве, так и всех декретов о советских и коллективных хозяйствах,[1] сводится к изложению такого внутреннего устройства этих хозяйств, которое «создало бы условия для их полного перехода к коммунистическому земледелию», делая их в то же время «культурно-агрономическими центрами».[2]

§ 2. Государственное регулирование крестьянского хозяйства.

Осенью 1920 г. в недрах Наркомпрода,[3] вследствие все усиливавшихся продовольственных затруднений Республики, возникло новое направление в земельной политике советской власти, которое восторжествовало на VIII Съезде советов в принятом им декрете о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства (Собр. узак. 1921 г. № 1) и которое можно определить как принудительное государственное регулирование крестьянского хозяйства.

Два крупнейших факта сельскохозяйственной действительности создали это новое течение аграрного законодательства: 1) незначительность результатов коллективистической организации сельского хозяйства, бывшей актуальной политикой государства в 1919—1920 гг., и 2) угрожающее сокращение посевной площади и растущий кризис крестьянского хозяйства.

---

[1] Сюда относятся декреты 15 декабря, 10 мая, 8 июня и 24 июня 1919 г. (Собр. узак. 1919 г. №№ 9, 24, 28 и 34), 23 января и 2 марта 1920 г. (Собр. узак. 1920 г. №№ 8 и 12) о приписных советских хозяйствах промышленного пролетариата и городских советов депутатов, инструкция об управлении советскими хозяйствами от 28 августа 1919 г. (Собр. узак. 1919 г. № 45), нормальные уставы сельскохозяйственных производительных коммун и артелей от 14 февраля 1919 г. и 29 сентября 1920 г. и ряд циркуляров Наркомзема в разъяснение этих декретов.

[2] Подробнее о втором периоде советского земельного права см. проф. А. Г. Гойхбарг, Советское земельное право, Госиздат, 1921 г.

[3] См. тезисы, принятые коллегией Наркомпрода по докладу т. Осинского 28 октября 1920 г. Они помещены в приложении к брошюре Н. Осинского, Государственное регулирование крестьянского хозяйства, Госиздат, 1920 г.

О первом моменте мы говорили выше (гл. III, § 1, 2). Как правильно заметил Н. Осинский, [1] «деревня сама по себе оказалась к социализму равнодушной. Она решительно отвергла «коммунию». Деревенская беднота, которая была опорой аграрного переворота, в ходе его уравнялась со своими соседями, и деревня быстро приняла вид мелкобуржуазного середняцкого царства».

К концу 1920 г. кризис крестьянского хозяйства, начавшийся со времени мировой войны и усиленный войною гражданскою, принял тревожные размеры. Посевная площадь сократилась в сравнении с 1917 г. на 27%, причем сокращение это выразилось для продовольственных хлебов в 20%, для кормовых (овса и ячменя) — в 39% и для промышленных (льна и конопли) — в 43%. Столь же серьезным оказалось и положение скотоводства. По сравнению с 1917 г. число голов скота к 1920 году сократилось: рабочего скота (лошадей) — на 19%, коров — на 6%, овец — на 42% и свиней — на 45 %. Если число коров уменьшилось и в незначительной степени, но зато большие опасения вызывало сокращение молодняка. За те же три года средний молодняк в стаде крупного рогатого скота сократился вдвое, а число телят — на $^3/_4$. [2]

Это катастрофическое состояние крестьянского хозяйства, при относительной ничтожности земельной площади совхозов и колхозов и медленности и даже застое в их развитии, не могли не вызвать сомнений в правильности прежней земельной политики, ставившей в центре своем наглядную пропаганду социализма путем создания коллективных форм землепользования с помощью государства. Продовольственные затруднения, переживавшиеся Республикой, требовали неотложного расширения посевной площади и повышения урожайности крестьянских полей, находившихся в единоличном пользовании. Ибо надежды на совхозы и колхозы, как на «зерновые фабрики, служащие прибежищем от продовольственного кризиса», [3] оказались более чем преувеличенными: «их производственное значение оказалось близким к нулю». [4] Перед лицом неимоверного и все усиливавшегося разорения сельского хозяйства стало ясно, что исходною точкою его подъема может явиться лишь

---

[1] Н. Осинский, Государственное регулирование крестьянского хозяйства, Госиздат, 1920 г., стр. 5.

[2] Все вышеприведенные цифры взяты из статьи зав. отд. сельскохоз. статистики Центр. стат. управл. А. Хрящевой, Сельское хозяйство в 1920 г., приложение к № 152 «Эконом. жизни» за 1921 г.

[3] Н. Осинский, цит. соч., стр. 24.

[4] Там же, стр. 46.

единоличное трудовое крестьянское хозяйство. Но каким путем? В какие отношения должно стать социалистическое государство, ставящее в порядок дня своей работы создание единого производственного хозяйства, к миллионам разбросанных по всей территории государства и независимо друг от друга хозяйствующих крестьянских дворов? Как может оно охватить их единой плановой системой?

Выход был найден в принудительном, организованном вмешательстве в крестьянское производство, в его принудительной массовой организации. Ибо «при современном строе крестьянство является государственным работником на государственной земле; оно должно работать по заданиям государства, под единым руководством, по единому плану обсеменять то количество полей, которое сочтет нужным указать рабоче-крестьянское государство и его местные органы, и притом обсеменять теми видами растений и в таких их пропорциях, какие установит великая трудовая всероссийская община через свои руководящие органы».[1] Таким образом, «главным фактором социалистической перестройки сельского хозяйства является принудительное регулирование сельскохозяйственного производства в целом, — регулирование, которое будет проникать все глубже и перейдет в государственную организацию этого производства... Надеяться перестроить деревню путем постепенного укрепления совхозов и примыкающих к ним добровольческих коллективов — значит итти по утопическому пути. Социализм строится только путем преобразования всего хозяйства и всех хозяйств одновременно, не путем распространения «кооперативных фабрик-оазисов в буржуазной пустыне».[2]

Таковы руководящие идеи третьего периода революционного аграрного законодательства, положенные в основание декрета VIII Съезда советов о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства и ряда законоположений, изданных в развитие этого декрета в первую четверть 1921 г. Необходимо лишь помнить, что если в этот период государство не держится уже того взгляда, что «советские хозяйства и коммуны должны явиться одним из главнейших факторов общественного построения всего сельского хозяйства»,[3] то это не значит,

---

[1] И. Теодорович, О государственном регулировании крестьянского хозяйства, Госиздат, 1921 г., стр. 8.

[2] Н. Осинский, цит. соч., стр. 9.

[3] Из речи С. П. Середы на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г.

что оно отказалось от основной идеи Положения о социалистическом землеустройстве, характеризующей второй период, — идеи непосредственного хозяйственного распоряжения государством всею сельскохозяйственной площадью, всем земледельческим производством страны в целях создания единого социалистического хозяйства.

Наоборот, именно этой идеей третий период земельной политики советской власти настолько неразрывно связан со вторым, что является его дальнейшим развитием. Изменились лишь средства достижения поставленной цели и изменились в сторону обращения к более сильным, более решительным средствам. Путь к социалистическому земледелию лежит не через постепенное социалистическое землеустройство, неизбежно растягивающееся на десятки лет, а через немедленное и одновременное включение всех крестьянских хозяйств в единый план государственного сельскохозяйственного производства.

Мы не можем здесь подробно излагать содержание всех законоположений, разработавших этот единый сельскохозяйственный план.[1] Наметим лишь основные, наиболее характерные черты.

1) В основу принудительного государственного регулирования крестьянского хозяйства кладется общегосударственный план обязательного засева, развитый в инструкции от 27 января 1921 г., «выполнение которого является государственной повинностью земледельческого населения» (см. инструкцию). В плане, вырабатываемом для всей Республики на каждый посевный период, назначаются для каждой губернии подлежащие засеву площади разных сельскохозяйственных культур. Губернский план засева, установленный таким образом Совнаркомом, при посредстве специально созданных в губерниях, уездах, волостях и селениях органов — комитетов по

---

[1] Сюда относится, прежде всего, основной для данного периода декрет VIII Съеда советов о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйств (Собр. узак. 1921 г. № 1). В развитие положений, установленных этим декретом, изданы: а) Постановление ВЦИКа от 10 января 1921 г. о комитетах по укреплению и развитию крестьянского сельского хозяйства (Собр. узак. 1921 г. № 2), дополненное постановлением ВЦИКа от 26 мая 1921 г. (Собр. узак. 1921 г. № 57), и б) четыре инструкции Совета народных комиссаров: 1) от 27 января 1921 г. — О порядке составления плана обязательного засева (Собр. узак. 1921 г. № 7), 2) от 25 января 1921 г. — О порядке и способе создания семенного фонда и сохранения семян для полного засева (Собр. узак. 1921 г. № 7), 3) от 17 марта 1921 г. — О правильном использовании живого и мертвого инвентаря путем трудовой взаимопомощи в целях обработки и обсеменения маломощных и красноармейских хозяйств (Собр. узак. 1921 г. № 25) и 4) от 14 апреля 1921 г. — О порядке издания и проведения в жизнь основных правил по улучшению техники сельского хозяйства (Собр. узак. 1921 г., № 33).

расширению посевов и улучшению обработки земли (губпосевкомы, упосевкомы, волпосевкомы и селькомы), разбивается с учетом всех особенностей мест на поуездные, поволостные, поселенные и подворные планы засева, причем «установленные для губерний, уездов, волостей, сел и отдельных домохозяев планы засева являются обязательными и подлежат безусловному и точному выполнению» (ст. 19 инстр. 27 января 1921 г.). Таким образом, принудительный аппарат государственной организации сельского хозяйства доходит до каждого отдельного крестьянского двора, получающего от государства обязательное задание на засев определенных культур в определенном размере и выполняющего в этом задании установленный центральною государственною властью план засева всей сельскохозяйственной площади государства.

Надо, впрочем, заметить, что инструкция (ст. 39) предписывает известную часть посевного клина оставлять без указания засева определенной культурой, предоставляя домохозяевам засевать эту часть любой культурой хлебов по их усмотрению. Государство заинтересовано лишь в засеве культур, установленных в общегосударственном плане и являющихся для него «охранными культурами, высев которых в определенном размере является для государства необходимым» (ст. 37 инструкции).

2) Чтобы осуществить установленный общегосударственный план обязательного засева, необходимо обеспечить крестьянские хозяйства каждой данной губернии достаточным количеством семян. Это достигается установлением принципа, что все наличное количество зерновых продуктов, остающееся у населения после выполнения разверстки Наркомпрода, является обеспечивающим прежде всего выполнение губернского посевного плана (ст. 15 инструкции 25 января 1921 г.), составляя единый губернский запасный фонд (ст. 21 инструкции).

По отношению к этим запасам предписывается принимать два разряда мер, дающих государству уверенность в выполнении начертанного им посевного плана: меры сохранения семян и меры обеспечения семенами недостаточных хозяйств.

а) Меры сохранения семян сводятся к тому, что государство, «в целях полного обсеменения площади ярового и озимого клина и предотвращения спекуляции семенами и потравы семян нерадивыми хозяевами» (§ 9 декрета VIII Съезда советов), объявляет запасы семян, находящиеся у земледельцев в потребном для хозяйства количестве, неприкосновенным семенным фондом и к его охране пред-

писывает принимать следующие меры: или ссыпку-складку в общественные амбары, или оставление на руках у производителей под расписку.

Ссыпка-складка заключается в том, что семена, имеющиеся у земледельцев, заблаговременно собираются в амбары, находящиеся в ведении сельского общества, и хранятся под ответственностью всего сельского общества. Уступая праву собственности земледельца на свои семена, закон разрешает каждому посевщику складывать семена в особом мешке или другой таре с пометкой владельца (ст. 6 инструкции 25 января 1921 г.).

Вместо ссыпки-складки можно применять бронирование семян с оставлением их на руках у производителей. У каждого домохозяина отбирается расписка в обязанности сохранять количество семян, необходимое для посева согласно подворного посевного плана. Количество это отделяется в самом помещении владельца от остального зерна. Еженедельно члены селькома производят обход порученной каждому из них группы дворов и производят фактическую проверку сохранности семян. В случае замеченной потравы или расточения семян, забронированное у неисправного хозяина количество изымается на хранение до посева в общий амбар, домохозяин же привлекается к судебной ответственности (ст. 7 инструкции 25 января 1921 г.).

б) Обеспечение семенами недостаточных хозяйств достигается тем, что недостаток семян у отдельных дворов пополняется из запасов избыточных хозяйств или путем перераспределения семян между ближайшими соседями в порядке обязательной взаимопомощи, руководимой и контролируемой государством (ст. 8 инстр.), или путем семенной разверстки по всей губернии обычными средствами продовольственной разверстки (ст. 24 инстр. 25 января 1921 г.). И в том и в другом случае мы имеем безвозмездное пополнение при посредстве государства недостатка семян у маломощных земледельцев из запасов избыточных хозяйств.

3) Инструкциями 27 и 25 января 1921 г. государство стремилось обеспечить засев крестьянством определенными культурами необходимой государству сельскохозяйственной площади. Декрет VIII Съезда советов (§§ 7 и 5) и инструкция 17 марта 1921 г. поставили себе задачей организовать и снабжение крестьянского хозяйства живым и мертвым инвентарем. Задача эта разрешается двумя способами: помощью, оказываемою государством, и использованием наличного живого и мертвого инвентаря на началах обязательной взаимной помощи хозяев друг другу.

Государственная помощь оказывается бесплатно и заключается: а) в превращении советских и коллективных хозяйств в опорные пункты всесторонней помощи крестьянскому земледелию, б) в усилении работы ремонтных мастерских, прокатных пунктов, зерноочистительных и случных пунктов и тому подобных учреждений, в) в снабжении сельскохозяйственными машинами и красноармейской и трудоармейской рабочей силой для содействия уборке полей и г) в улучшении с.-х. образования и постановке широкой с.-х. пропаганды (§§ 4 и 5 декрета).

Обязательная взаимная помощь хозяев друг другу сводится к тому, что хозяйства достаточные обязаны помочь хозяйствам, не обладающим достаточным количеством инвентаря. Однако, помощь эта не бесплатна. Каждый, пользующийся чужой лошадью, плугом, сохой, бороной, обязан оказывать их собственнику, по возможности, трудовую помощь (ст. 6 инстр. 17 марта 1921 г.). Но крестьяне, отказавшиеся предоставить во временное пользование свой живой и мертвый инвентарь или отказавшиеся возместить их собственника своим трудом за такое пользование, должны привлекаться к ответственности, как трудовые дезертиры (ст. 7 инструкции).

4) Включение единоличных крестьянских хозяйств в единый план государственного сельского хозяйства не ограничивается только борьбою с недосевами и заброшенностью сельскохозяйственной площади. Выработав государственный план обязательного засева, доходящий в своем развитии на местах до отдельного крестьянского хозяйства, государство создает единый семенной фонд, при помощи целого ряда мер распределяемый между земледельцами и обеспечивающий засев полей. Обработка посевной площади и уборка урожая обеспечиваются бесплатным государственным снабжением живым и мертвым инвентарем и товарищеским использованием наличного инвентаря. Но декрет VIII Съезда советов идет еще дальше в этом построении планомерного общественного сельского хозяйства. Он поставил перед собой задачу повысить самую технику крестьянского хозяйства, попытаться путем целого ряда осторожно применяемых мер понудить крестьянство перейти от устарелого трехполья к высшей системе полеводства. Эта цель достигается установлением принципа нормализации обработки. Уже применяемые на деле «старательными земледельцами» (§ 14 декрета), «лучшими хозяевами» (ст. 1 инструкции 14 апреля 1921 г.) новые приемы обработки почвы, бороньбы, посева, вывозки навоза и т. п., после одобрения их съездами селькомов и существующими при губпосевкомах сельскохозяйственными советами, объявляются

губпосевкомами обязательными правилами для всех крестьянских хозяйств. Избегая «коренной ломки крестьянского хозяйства, предъявления требований, трудно исполнимых для хозяйства среднего достатка или связанных с риском»,[1] губпосевкомы, однако, вырабатывают нормальную программу сельскохозяйственных операций, которую обязательным постановлением объявляют «государственной повинностью». За соблюдением этой программы всеми хозяевами устанавливается тщательный контроль... «Вместо буржуазных стимулов социалистическое государство здесь выдвигает на первое место здоровый хозяйственный трудовой инстинкт, который оно укрепляет и организует методами государственного принуждения».[2]

Вся эта система мер принудительного государственного регулирования крестьянского хозяйства не успела, однако, развернуться во всей своей широте. Победоносное окончание гражданской войны и необходимость осуществить союз рабочего класса с крестьянством, этот «самый существенный и самый коренной вопрос всей нашей революции и всех будущих социалистических революций, если взять их в мировом масштабе вообще»,[3] вызвали уже весною 1921 г. тот решительный поворот во всей нашей государственной политике, который известен под именем нэпа и который знаменует собою целую эпоху в развитии советского земельного права.

---

[1] Декрет VIII Съезда советов, § 14.
[2] Н. Осинский, цит. соч., стр. 18.
[3] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 432.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Литература: Н. Ленин, О продовольственном налоге; «Новое землеустройство», сборник, изд. НКЗ, М. 1922 г.; Н. Ленин, О кооперации, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2; И. Сталин, Крестьянский вопрос, ГИЗ, 1926; В. Молотов, Политика партии в деревне, ГИЗ, 1926; Н. Рудин, Новейшие акты русского земельного законодательства («Советское право», 1922 г. кн. 2); А. Дембо, Аграрное законодательство СССР, изд. «Прибой», Л., 1925 г.

§ 1. Декрет о продовольственном налоге.

Постановлением ВЦИКа от 21 марта 1921 г. о продовольственном налоге открывается новый поворотный пункт в земельной и сельскохозяйственной, а следовательно, и во всей экономической политике советского государства: им созданы принципиально отличные от всех предшествовавших трех периодов исходные точки зрения аграрного законодательства. Декрет о продналоге исходит из принципа хозяйственной автономии единоличного трудового крестьянского хозяйства, принципа, отвергнутого всем аграрным законодательством 1918 — 1920 гг. при всех введенных им земельных режимах. Декрет о социализации земли, хотя и не затрагивал самого процесса сельскохозяйственного производства, но, устанавливая систему постоянного уравнительного распределения земли между всеми гражданами Республики, тем самым создавал неустойчивость крестьянского землепользования, обрекая его принимать форму мелкого потребительского хозяйства. Положение о социалистическом землеустройстве, сохранив принцип вмешательства государства в определение размеров крестьянского землепользования, в целях уравнительного распределения земли, расширил этот принцип до идеи общего и сплошного обязательного землеустройства в интересах создания коллективных форм землепользования и выдвинул на передний план сельскохозяйственной политики проблему единого государственного хозяйства с правом непосредственного хозяйственного распоряжения государством всею сельскохозяйственною площадью Республики, независимо от того, в чьем пользовании она находится. Декрет VIII Съезда советов эту

идею прямого вмешательства в самый процесс сельскохозяйственного производства и объединения его в едином хозяйственном плане развил в стройную систему принудительного государственного регулирования крестьянского хозяйства, начиная с обязательного засева полей определенными культурами и кончая нормализацией обработки почвы посредством издания обязательных постановлений о времени вспашки, бороньбы, вывоза навоза и т. д.

Эта система государственного регулирования сельского хозяйства, составлявшая лишь органическую часть единого планового социалистического хозяйства, была неразрывно связана с господствовавшей в течение всей революции продовольственной разверсткой. Все количество хлебов, зернового фуража и других сельскохозяйственных продуктов, необходимое для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось для отчуждения у земледельческого населения между губерниями.[1] Последние прибавляли к этой разверстке то количество сельскохозяйственных продуктов, которое необходимо было для нужд местного как городского, так и крестьянского населения, не имеющего в потребной норме своего хлеба.[2] Так как еще декретом от 30 октября 1918 г. излишки продуктов потребления у сельских хозяев были обложены натуральным налогом, а продажа сельскохозяйственных продуктов была запрещена декретом о хлебной монополии, то практически система разверстки означала изъятие у крестьянства всех излишков, остающихся у него после удовлетворения семенной и продовольственной нужд его хозяйства. Для государства, таким образом, крестьянин был государственным работником, долженствующим отдать в его распоряжение все излишки своего урожая и получающим за то от него землю (по декретам о социализации земли и соц. землеустройстве) и — в случае нужды — орудия сельскохозяйственного производства, семена и всякую иную помощь своему хозяйству (декрет VIII Съезда советов и инструкции к нему).

Из совершенно иной точки зрения исходит декрет о продовольственном налоге. Урожай крестьянина принадлежит ему, и он в праве им распоряжаться по своему усмотрению при двух условиях: 1) после уплаты причитающегося с него продовольственного налога и 2) после оставления в своем хозяйстве, но под контролем государственных органов, или ссыпки в государственный амбар семян, необходимых для засева

---

[1] Декрет о разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, ст. 1 (Собр. узак. 1919 г. № 1, ст. 10).

[2] Ст. 4 декрета о разверстке.

его поля.[1] Взимание государством сельскохозяйственных продуктов потеряло государственнохозяйственный и приняло налоговой характер. Отношение государства к крестьянскому хозяйству ограничилось взиманием с него определенной части его урожая, в остальной же области была восстановлена его автономность и хозяйственная самостоятельность. А желательное социалистическому государству направление в развитии крестьянского хозяйства достигается отныне не прямыми мерами государственного принуждения, а сложными мероприятиями экономического и финансового воздействия. Мы увидим ниже, как этот резкий разрыв со всем предшествовавшим аграрным законодательством повлек за собой принципиальные изменения в земельном праве Республики.

§ 2. Переходные меры.

Надо заметить, что уже с весны 1920 года можно констатировать в законодательстве черты новой ориентации на хозяйственную самостоятельность крестьянского населения, в ущерб принципам земельного поравнения и непосредственной государственной организации хозяйства. К этому вынуждали интересы повышения производительных сил единоличных крестьянских хозяйств, составлявших подавляющее большинство производителей земледельческих продуктов.

1) В первую очередь сюда надлежит отнести декрет 30 апреля 1920 года о переделах,[2] ставивший своей целью «создать в отдельных крестьянских хозяйствах уверенность в использовании их трудовых затрат по хозяйству, так как производящиеся частые и бесхозяйственные земельные переделы неизбежно сопровождаются понижением производительности сельского хозяйства и препятствуют правильной и интенсивной обработке и удобрению полей». Декрет поэтому требует предварительного разрешения земельных органов для производства переделов и устанавливает для них срок, не меньший времени, потребного для трехкратного чередования принятого в данном сельском обществе севооборота, т. е. 9 лет при трехполье, требуя в то же время, чтобы участки пахотных земель, подвергавшиеся правильной обработке и удобрению, предоставлялись при частичных переделах преимущественно тем же хозяевам.[3]

---

[1] С отменою посевкомов декретом от 2 февраля 1922 г. (Собр. узак. 1922 г. № 13, ст. 130) это второе условие впоследствии отпало.

[2] Собр. узак. 1920 г. № 35.

[3] Ст. 11 декрета о переделах.

К этой же категории относится декрет ВЦИКа и Совнаркома от 27 мая 1920 года[1] о расширении землепользования интенсивных трудовых хозяйств. Трудовые хозяйства, т. е. те, которые обрабатываются силами самого хозяйства, без применения наемного труда, могут владеть землей в количестве, превышающем местную норму наделения, если только они ведут интенсивное земледельческое хозяйство или ставят задачей своей введение усовершенствованных способов обработки земли. Различные формы землепользования (общинная, товарищеская, отрубная, хуторская и т. п.) при этом значения не имеют.

Та же мысль о праве пользования землей в размере, превышающем норму, принятую в данной местности для населения, проведена и в декрете ВЦИКа и Совнаркома от 18 ноября 1920 года о землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях,[2] с тою особенностью, что это право предоставлено всем, а не только интенсивным трудовым хозяйствам, независимо от формы землепользования. Наконец, декретом 28 февраля 1921 года[3] льготы, указанные в декрете 27 мая 1920 г., распространены на огородные хозяйства промышленно-трудового типа, именно на те промышленно-трудовые огородничества, которые производят продукты не только для личного потребления, но и для удовлетворения преимущественно городского населения без непрерывного применения в течение года наемного труда. Для этих хозяйств декрет допускает, с разрешения сельских и волостных исполкомов, даже наем сезонных и поденных рабочих, если только сам огородник и члены его семьи непрерывно в течение года заняты физическим трудом по своему хозяйству.[4]

2) Если все вышеупомянутые законоположения вносили в интересах развития производительных сил крестьянского хозяйства серьезные поправки и ограничения в принцип уравнительного распределения земли между всеми гражданами Республики, то постановление ВЦИКа от 23 марта 1921 г. об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого землепользования,[5] разъясненное циркуляром Наркомзема от 11 апреля 1921 года № 81, положило определенные границы осуществлению идеи непосредственного распоряжения государством

---

[1] Собр. узак. 1920 г. № 52.

[2] Собр. узак. 1920 г. № 91.

[3] Собр. узак. 1921 г. № 16.

[4] К циклу декретов, разрешавших повышение нормы земельного наделения во имя интенсификации крестьянского хозяйства, надлежит также отнести декрет 12 ноября 1920 г. (Собр. узак. 1920 г. № 90, ст. 473) о мерах расширения площадей посевов льна и конопли.

[5] «Изв. ВЦИКа» от 23 марта 1921 г. № 62.

*

всею сельскохозяйственною площадью Республики в целях создания единого планомерного социалистического сельского хозяйства. Согласно этих декрета и циркуляра, все земли нетрудового фонда, поступившие в фактическое пользование крестьянского населения до опубликования декрета, т. е. до 23 марта 1921 г., по распоряжениям каких бы земельных органов это поступление ни произошло, волостных ли, районных, уездных, губернских и областных земотделов или съездов до 14 февраля 1919 г.,[1] или уездных и губернских земотделов после 14 февраля 1919 г., — все эти земли считаются закономерно распределенными и потому не подлежат отчуждению со стороны государственных органов в целях ли равномерного распределения земли, или образования советских или коллективных хозяйств. Продолжают считаться незакономерно распределенными лишь земли нетрудового фонда специальной культуры (сады, питомники, семенные хозяйства, опытные поля и т. п.), но и они не могут быть изъяты из пользования населения иначе, как в порядке землеустройства, т. е. вместо земель специальной культуры должны быть предоставлены другие земли, обеспечивающие крестьянскому населению принятую в данной местности норму. Земотделам строго предписывается в отношении всех земель, находящихся в крестьянском пользовании, как закономерно, так и незакономерно распределенных, ограничиться до окончательного землеустройства только разрешением земельных споров между крестьянами, наблюдением за переделами и общим надзором за землепользованием.

3) Все вышеизложенные декреты еще с весны 1920 г. создавали правовые предпосылки, необходимые для образования способного к развитию своих производительных сил трудового единоличного крестьянского хозяйства. Но лишь декрет о продналоге, отменив продовольственную разверстку и хлебную монополию и предоставив крестьянину право свободной реализации своего урожая на местных рынках, вырвал его из стройной системы непосредственно осуществляемого государственными органами планового государственного хозяйства, ослабив тем самым самые основы последнего. Предоставление излишков урожая, оставшихся после выполнения налога, в свободное распоряжение крестьянина имело для него смысл лишь в том случае, если он мог на рынке найти произведения промышленности для обмена на них — непосред-

[1] День опубликования декрета о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию.

ственного или с помощью денег — своего хлеба. Оставляя в пределах плановой системы снабжения и распределения крупную национализированную промышленность, законодатель первоначально предоставил только мелкой и кустарной промышленности право свободной продажи своих изделий, установив свободу местного хозяйственного оборота.[1] Но последний не мог не вовлечь в свой круговорот и самое государственную промышленность. Дальнейшее отгораживание от рынка грозило бы ей отсутствием продовольствия для своего рабочего и технического персонала и сырья для своих фабрик и заводов. Начав, поэтому, с выделения рабочим взамен заработной платы определенной части продукции промышленности в качестве натурального фонда на предмет его продажи на рынке в обмен на продовольствие,[2] законодатель мало-по-малу перешел к переводу всей промышленности на начала хозяйственного расчета, измеряемого деньгами. Так оказалось, что в результате введения продовольственного налога вся хозяйственная жизнь Республики была перестроена на денежные отношения, определяемые и регулируемые рынком, но рынком не капиталистическим, не стихийным и спекулятивным, а рынком организованным, рынком, регулируемым с помощью экономических и финансовых мер воздействия на него крупнейшим промышленником, торговцем и банкиром — советским государством, осуществляющим таким образом и через рыночные отношения свой единый план государственного хозяйства.

Мы не можем проследить здесь всей этой чрезвычайно интересной эволюции хозяйства Республики от непосредственного планового хозяйства к хозяйству товарно-плановому. Постараемся лишь в сжатых чертах отметить влияние «новой экономической политики» на аграрное законодательство.

4) Первоначально государство, предоставив право каждому крестьянину, выполнившему налог, свободно продавать оставшиеся у него излишки хозяйственных продуктов, нисколько не думало отказываться от своих декретов об организации посевной площади или создании единого семенного фонда. Декрет Совнаркома от 28 марта 1921 года о свободном обмене хлеба, зернофуража, картофеля и сена в губерниях, закончивших разверстку,[3] подчеркивает, что этою свободою местного

[1] Декреты 17 мая 1921 г. о руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной и с.-х. кооперации (Собр. узак. 1921 г. № 47) и 7 июля 1921 г. о промысловой кооперации (Собр. узак. 1921 г. № 53, ст. 322).

[2] Декреты от 7 апреля и 17 мая 1921 г. (Собр. узак. 1921 г. № 28, ст. 156, и № 45, ст. 224).

[3] Собр. узак. 1921 г. № 26, разд. IV и V.

хозяйственного оборота «не отменяется порядок заготовки и сохранения семян на основании постановлений, изданных во исполнение декрета VIII Съезда советов о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». Более того, он предписывает посевкомам привлекать к строгой ответственности земледельцев, продавших в течение посевного периода хлеб или картофель и вследствие продажи не обсеменивших полностью своих полей.

Однако, признание декретом о продовольственном налоге начала хозяйственной самостоятельности трудового землепользователя не могло не внести с первых же пор некоторых существенных отступлений от принципов непосредственного планового хозяйства. Так, мы указывали, что по декрету VIII Съезда советов государственная помощь крестьянскому хозяйству, заключавшаяся в снабжении его орудиями сельскохозяйственного производства, их ремонте, очистке зерна, предоставлении рабочей силы для содействия уборке и обработке полей и т. п, оказывалась ему бесплатно. Но с того момента, как государство потребовало от крестьянства в качестве налога только часть его урожая, оставив в его свободном распоряжении всю остальную часть, бесплатность снабжения, предполагающая право государства на весь продукт труда земледельца, потеряла свой смысл. Уже основной для новой экономической политики декрет ВЦИКа от 21 марта 1921 г. о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом [1] предписывает образовать постоянный запас сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления с целью обмена его на добровольно сдаваемые земледельцами излишки. Позднейшим декретом, от 24 мая 1921 г., о порядке использования и распределения сельскохозяйственных машин и орудий, [2] установлено общее правило, что государственное снабжение сельскохозяйственными машинами и орудиями производится исключительно в обмен на сельскохозяйственные продукты, все равно, производится ли это снабжение путем передачи крестьянам в собственность инвентаря, обычного для единоличного крестьянского хозяйства (косы, серпы, бороны и пр.), или дело идет об инвентаре, который может быть передан только в долгосрочное пользование всякого рода объединениям (машинным товариществам, сельскохозяйственным артелям и т. п.). Наконец, декретом Совнаркома от 5 августа 1921 г. о взимании платы за товары, отпускаемые государством для частного хозяйства, [3] устанавливается «обяза-

[1] Собр. узак. 1921 г. № 26.
[2] Собр. узак. 1921 г. № 48.
[3] Собр. узак. 1921 г. № 59.

тельная платность за все услуги, оказываемые государством частному хозяйству, как то: за пользование машинами на арендных и прокатных началах, случными пунктами, ремонтными мастерскими и т. д.».

Так, замена разверстки продовольственным налогом повлекла за собою в сфере государственной помощи крестьянскому хозяйству отмену принципа бесплатности, являющегося характерным признаком планового социалистического хозяйства эпохи военного коммунизма. [1]

Уже отмена принципа бесплатности снабжения являлась серьезным ударом системе принудительного государственного регулирования крестьянского хозяйства, исходившей из положения, что крестьянин есть, в сущности, «государственный работник на государственной земле». Ибо отмена означала, что расширение посевной площади, обеспечение ее семенами, повышение производительности земледельческого труда и вообще развитие сельского хозяйства предоставлены хозяйственной инициативе и самодеятельности крестьянства, так как капитал, потребный для обработки и подъема урожайности своих полей, оно могло получить лишь путем выгодной реализации своего урожая на рынке. Так потерял свое значение государственный аппарат принудительной организации крестьянского хозяйства — волпосевкомы, упосевкомы и губпосевкомы, — созданный постановлением ВЦИКа от 10 января 1921 г. [2] и состоявший в подавляющем большинстве своем из представителей органов государственной власти. Декретом 2 февраля 1922 г. [3] посевкомы были упразднены. Некоторые их функции, как, например, издание обязательных правил по улучшению техники крестьянского хозяйства, переданы были губернским и уездным с.-х. комитетам и существовавшим при них губернским и уездным с.-х. советам. Учреждения эти опирались на крестьянские комитеты по улучшению сельского хозяйства (селькомы) — исключительно выборные организации крестьянского населения. Так, селькомы избирались сельскими обществами в составе от 5 до 15 членов, в зависимости от числа дворов в селении. Таким образом, поскольку государство допускало элемент принуждения в развитии производительных сил крестьянского хозяйства,

---

[1] Однако, обязательная помощь достаточного крестьянского хозяйства своему маломощному соседу живым и мертвым инвентарем, установленная инструкцией Совнаркома от 22 марта 1921 г., сохранила первоначально свою силу (прим. 3 к ст. 1 декрета от 5 августа 1921 г.).

[2] Собр. узак. 1921 г. № 7.

[3] Собр. узак. 1922 г. № 13, ст. 130.

оно его ставило в зависимость от желания большинства заинтересованных в том земледельцев, совершенно устраняя прежние методы государственного принуждения. Декретом ВЦИКа от 1 февраля 1923 г.[1] были упразднены и все сельскохозяйственные комитеты и советы.

§ 3. Новое землеустройство.

Все изложенное нами выше аграрное законодательство, начиная с декрета о переделах от 30 апреля 1920 года и кончая декретом о продналоге от 21 марта 1921 г. и последовавшими за ним узаконениями об отмене бесплатности снабжения и посевкомов, исходит из совершенно иной точки зрения, чем аграрное законодательство 1918 — 1920 гг. Если раньше заявлялось, что «существующее индивидуальное хозяйство не может являться исходной точкой развития сельского хозяйства»,[2] что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие»,[3] то теперь, наоборот, утверждается, что «неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно»,[4] что для этого необходимо «всестороннее, всемерное, во что бы то ни стало развитие инициативы, почина, самостоятельности мест в деле поощрения оборота земледелия с промышленностью».[5] Ориентация на свободно и самостоятельно хозяйствующее единоличное трудовое крестьянское хозяйство — таков лейтмотив аграрного законодательства второй половины 1921 г. и 1922 г. Объединение этого хозяйства мыслится лишь в добровольной, кооперативной форме. «Недаром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее «свободы» и ее «прав».[6]

Но развитие производительных сил крестьянского хозяйства путем его собственной инициативы и самодеятельности предполагает наличность признания за крестьянином «права на землю, которую он обра-

---

[1] Собр. узак. 1923 г. № 14, ст. 174.

[2] Из речи Наркомзема С. П. Середы на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун 11—20 декабря 1918 г.

[3] Ст. 3 Положения о соц. землеустройстве 14 февраля 1919 г. (Собр. узак. 1919 г. № 4, ст. 43).

[4] Н. Ленин, О продовольственном налоге, Госизд, 1921 г., стр. 13.

[5] Н. Ленин, цит. соч., стр. 31.

[6] Н. Ленин, цит. соч., стр. 18. Сюда относятся декреты: 7 апреля 1921 г. о потребительской кооперации (Собр. узак. 1921 г. № 26), 7 июля 1921 г. о промысловой кооперации (Собр. узак. 1921 г. № 53) и 16 августа 1921 г. (Собр узак. № 61) о сельскохозяйственной. Подробнее об этих декретах см. ст. М. А. Мебеля в журнале «Советское право» 1922 г., № 1.

батывает, и права на твердость, устойчивость и непрерывность его пользования данной землей до тех пор, пока он ее обрабатывает.[1]

Так родилась необходимость пересмотра прежних земельных законов: о социализации земли с ее идеей уравнительного распределения и о социалистическом землеустройстве с его принципом права государства на непосредственное хозяйственное распоряжение всею сельскохозяйственною площадью, следовательно, и землями трудового пользования. Мы выше видели, что земельным законодательством, начиная с весны 1920 г., и в особенности постановлением ВЦИКа от 23 марта 1921 г. об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого землепользования, были уже внесены очень существенные поправки в эти два основные земельные уложения. Но тем не менее они оставались действующими законами, хотя и находились в противоречии с новым направлением советской земельной политики, известным под именем «новой экономической политики». Противоречия эти были устранены постановлением IX Всероссийского съезда советов о мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства[2] и изданным на основании этого постановления III сессией ВЦИКа основным законом о трудовом землепользовании от 22 мая 1922 г.,[3] замененным, в свою очередь, новым Земельным кодексом 30 октября 1922 г.

1) Руководящие идеи, положенные в основание «основного закона о трудовом землепользовании» и Земельного кодекса, составляющего эпоху в развитии советского земельного права, были высказаны на первом Всероссийском съезде землеустроителей и мелиораторов, состоявшемся в начале февраля 1922 г. в Москве, огромным большинством голосов вотировавшем переход от старого к «новому землеустройству». В чем заключаются характерные черты этого нового землеустройства?

а) Во-первых, отвергается основное положение декрета о социализации земли — уравнительное распределение земли и производство с этою целью сплошного и обязательного землеустройства на всей территории Республики. «Новая экономическая политика сводится к созданию заинтересованности производителя в добывании максимального количества продуктов, — к тому, чтобы поставить этого производителя при добывании этих продуктов в удобнейшие и наивыгоднейшие для него условия. Неизвестность же для земледельца того, что сулит ему гряду-

[1] Из доклада члена коллегии Наркомзема П. Месяцева «о земельной политике на первом Всерос. съезде землеустроителей и мелиораторов в феврале 1922 г., см. сборник «Новое землеустройство», стр. 6, изд. Наркомзема, М., 1922 г.

[2] Собр. узак. 1922 г. № 4, ст. 41.

[3] Собр. узак. 1922 г. № 36, ст. 426.

щий день, стоит в коренном противоречии с интересами земледельца и поэтому должна быть устранена. Каким же образом достигнуть этого? Прежде всего, признанием того, что землеустроительный фазис революции фактически завершен. По опросу местных учреждений, который был сделан Центроземом, получены ответы, в громадном большинстве свидетельствующие о том, что нераспределенных земель не имеется, что весь фонд, который был изъят из нетрудовых рук, ныне уже распределен и находится у населения в трудовом пользовании. По этому поводу принципиально надо признать, что никакие междуселенные прирезки, отрезки и прочие потрясения землепользования во имя принципа уравнительности далее проводимы быть не могут».[1] С другой стороны, «в местностях малоземельных уравнительное перераспределение земли представляется экономически бессмысленным, потому что это есть отнятие земли от трудовых хозяйств и уравнение «по недостатку», уравнение по нищете. Что же касается уравнения в местностях многоземельных, то оно и там не нужно, ибо земли и без того хватает... Таким образом, принцип уравнительности совершенно нецелесообразен экономически, не оправдывается идейно и чрезвычайно вреден для интересов сельскохозяйственной жизни».[2] Так возникла идея закрепить раз навсегда наличное распределение земель.[3]

б) Во-вторых, отвергается основной принцип Положения о социалистическом землеустройстве — создание коллективных форм землепользования посредством обязательного государственного землеустройства. Восстановление хозяйственной автономии крестьянского хозяйства аграрным законодательством второй половины 1921 г. не могло не выдвинуть положения о нейтралитете государства в вопросе о формах землепользования. «В законе о социалистическом землеустройстве говорилось, что единоличные формы являются отжившими. Это указание на «отжившую» форму не давало, однако, возможности установить более или менее правильный взгляд на эту единоличную форму крестьянского землепользования. Но совер-

---

[1] Из доклада Н. П. Рудина об основных вопросах землеустройства, см. сборник «Новое землеустройство», М. 1922 г., стр. 20.

[2] Там же, стр. 22, 24.

[3] «Мы считаем совершенно необходимым закрепить то количество земли, которое находится к настоящему времени за данным с.-х. объединением» (из речи чл. колл. Наркомзема т. Месяцева на 3-й сессии ВЦИКа IX созыва, см. стенографический отчет заседаний по земельному вопросу в брошюре Законы о трудовом землепользовании, стр. 15, изд. НКЗ, М., 1922 г.).

шенно очевидно, что если мы предоставляем крестьянству возможность свободно распоряжаться излишками своего хозяйства и на реализации этих излишков строить и улучшать свое собственное производство, то и в вопросе о выборе формы землепользования государство должно будет занять нейтральное положение. Государство должно будет предоставить выбор этих форм самому крестьянству». [1]

в) В-третьих, отказ от уравнительного распределения земли и признание нейтралитета по отношению к формам землепользования должны были привести и привели к отказу от декретированного Положением о социалистическом землеустройстве сплошного и обязательного государственного землеустройства в целях земельного равнения по определенной норме и насаждения коллективных хозяйств. Землеустройство принимает добровольный характер, начинается по общему правилу по инициативе заинтересованных сторон и имеет своею конечною целью «организацию наивыгоднейших размеров для хозяйствующих единиц, будет ли это отдельный землепользователь, будет ли это отдельная деревня, сельская община или коллектив». [2]

Государственное социалистическое землеустройство не ставило себе задачей рационально организовать земельную площадь отдельного хозяйства. Избирая территориальной единицей «селение» или «общество», оно знало лишь внутриволостное разверстание, задаваясь единственною целью уравнительно распределить между волостями, а затем и между обществами, территорию уезда, как таковую, отвлекаясь совершенно от проблемы соотношения между развитием производительных сил земледельческого хозяйства и формою и расположением тех земельных участков, на которых это хозяйство действует. Правда, каждому отдельному обществу социалистическое землеустройство старалось отвести землю, по возможности, в одном участке, устраняя межселенную чересполосность и борясь с дальноземельем. Но это была рациональная организация, так сказать, самой территории волости, а не хозяйств, как таковых, которые продолжали хозяйствовать в условиях чрезвычайной чересполосицы и мелкополосицы.

Наоборот, «новое землеустройство» делает объектом своих действий отдельные крестьянские хозяйства, стремясь устроить их в земельном отношении, ставя перед собою задачу: каким образом при данных условиях можно наиболее рационально организовать земельную площадь данного хозяйства с точки зрения его наибольшего техни-

[1] Из доклада чл. кол. НКЗ т. Месяцева на I Съезде землеустроителей, см. брошюру «Новое землеустройство», стр. 6, изд. НКЗ, М., 1922 г.

[2] Там же, стр. 10.

ческого совершенствования. Поэтому основной формой «нового землеустройства» становится внутриселенная, а не межселенная организация земельной территории.

г) Наконец, в-четвертых, в результате закрепления наличного земельного распределения падает и представление о сельскохозяйственной площади Республики, как о таком «едином государственном фонде», которым государство непосредственно распоряжается в хозяйственных целях ведения «единого производственного хозяйства» (Ст. ст. 1, 4 Пол. о соц. землеустр.). Вместо этого ставится другая, совершенно противоположная задача — «установление бессрочности и непрерывности землепользования для каждого действительно хозяйствующего двора»,[1] т. е. создание нового трудового права на землю, ограниченного лишь выполнением своей социальной функции — хозяйствования.

2) Однако, при всех этих отступлениях от аграрного законодательства предшествовавших периодов остаются и сохраняются в силе два основных завоевания Октябрьской революции: государственная собственность на землю и трудовой характер землепользования, как основные предпосылки социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Правда, в отношении к землям трудового пользования, составляющим 97% с.-х. площади, объем правомочий государства-собственника, как мы ниже увидим, довольно ограничен, и, наоборот, сфера автономии трудового землепользования весьма обширна. Правда, трудовой принцип, вследствие некоторого запустения земель в Республике, терпит ограничения в разрешении трудовой аренды земли и подсобного найма рабочих, вызываемых хозяйственно-бытовыми потребностями трудового крестьянства.

Тем не менее, значение этих начал для устанавливающегося нового земельного режима громадно в социальном отношении. Национализация земли с ее неизбежным последствием, запрещением вещного частноправового земельного оборота, уничтожает возможность появления класса землевладельцев, получающего за счет работника нетрудовой доход в силу одного факта владения землей, этим количественно ограниченным и в то же время самым важным орудием производства. Принцип же трудового землепользования направляет развитие производительных сил сельского хозяйства в сторону кооперирования хозяйств трудовых земледельцев вместо образования крупных капиталистических организаций с их противоречивыми социальными отношениями.

---

[1] Резолюция I Съезда землеустроителей, см. брошюру «Новое землеустройство», стр. 55.

3) Последний момент необходимо особенно подчеркнуть. Ориентируясь в земельном праве периода новой экономической политики на единоличное крестьянское хозяйство, советское государство нисколько не отказывается от работы по созданию высших форм земледельческого хозяйства, высших и по своей технике и по своему социальному строению, т. е. форм коллективных. Но методом этой работы становится кооперация, постепенное объединение мелких хозяйств для совместного осуществления разнообразных хозяйственных задач, вместо прежних методов, заключавшихся в государственных мерах обязательного социалистического землеустройства или принудительного регулирования крестьянского хозяйства и исходивших из предположения, что социализм может быть достигнут лишь одним ударом, одновременным преобразованием всего хозяйства и всех хозяйств.

«У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собою достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д... Кооперация еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения... Она имеет исключительное значение со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким, доступным для крестьянина... При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу». Так оценивал значение кооперации в советском государстве Ленин.[1] Кооперация — наиболее простой, легкий и доступный для крестьянина путь к социализму.

а) Однако, необходимо указать, что великий ленинский план вовлечения многомиллионных крестьянских масс в социалистическое строительство через кооперацию заключается не в простом предоставлении кооперации свободы организации, не в утверждении, что эта кооперация, работая в условиях товарно-денежного хозяйства эпохи новой эко-

[1] О кооперации, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 139 — 145.

номической политики, сама собою, силою присущего ей развития, переведет постепенно все крестьянство на рельсы коллективного хозяйства. Такое утопическое представление чуждо современной земельной политике.

Внутренняя логика развивающегося товарного хозяйства, приводящая к торжеству капитализма, ясна советскому государству. «Развитие нашей экономики вообще в условиях нэпа проходит в противоречивых формах и в борьбе различных хозяйственных систем (частный капитал и государственное хозяйство, индивидуальные и коллективные формы хозяйства); в области сельскохозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из наиболее зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций».[1]

В этой борьбе капиталистических и социалистических элементов советское государство не остается простым зрителем. Оно активно вмешивается в стихийный процесс экономического развития и бросает всю тяжесть своей громадной финансовой и экономической мощи на социалистическую чашку хозяйственных весов. И в этом именно *творческом вмешательстве пролетарского государства* в стихию товарно-денежного хозяйства на сторону кооперации, а внутри ее — на сторону бедняцких и середняцких слоев деревни, заключается смысл ленинского кооперативного плана.

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которых стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время т о т о б щ е с т в е н н ы й с т р о й, к о т о р ы й м ы д о л ж н ы п о д д е р ж и в а т ь с в е р х о б ы ч н о г о, е с т ь с т р о й к о о п е р а т и в н ы й».[2]

Сосредоточивая в своих руках всю крупную промышленность и оптовую торговлю, весь транспорт, все банковое дело и внешнюю торговлю, советское государство предоставило кооперации налоговые

---

[1] Из постановления пленума ЦК ВКП(б) от 10 октября 1925 г. о работе партии среди деревенской бедноты.

[2] Л е н и н, О кооперации, Собр. соч., т. XVIII. ч. 2, стр. 145.

льготы и льготные условия кредита, поддержало ее в создании своих основных капиталов, сделало ее основным проводником промышленных товаров к потребителю города и деревни и сельскохозяйственных орудий к крестьянскому хозяйству. В результате ни одна страна в мире не являет такого бурного и мощного роста кооперации как по числу своих членов, так и по размерам своих оборотов, как это мы видим в советском государстве.

Вместо 24 тысяч первичных кооперативов, насчитывавшихся в довоенное время в пределах бывшей Российской империи, в Союзе ССР к началу 1927 года работало более 60 тысяч первичных сельскохозяйственных кооперативов, объединенных в 312 общих и специальных союзов и охватывавших около 7 миллионов крестьянских хозяйств, т. е. 30% их общего количества. Оборот сельскохозяйственной кооперации, составлявший в 1925/26 году 1,5 миллиарда рублей, возрос в 1926/27 году до 1,8 миллиарда рублей, охватив в области сбыта сельскохозяйственных продуктов: по льну — 36% оборота, по картофелю — 42%, по маслу — 53%, по свекле — 70%, по табаку — 85%, по хлебу — около 30%. Что касается потребительской кооперации, то цифры ее роста на 1926 год — 28 тысяч кооперативов, 15 миллионов пайщиков и 10 миллиардов оборота — говорят сами за себя.

б) Борясь с неизбежным развитием кулацкого сельского хозяйства как внутри кооперации, так и вне ее, государство предоставило ряд серьезных привилегий *сельскохозяйственным коллективам, кооперированным бедняцким хозяйствам и отдельным маломощным дворам.* В громадной работе государства по подъему разоренного войной крестьянского хозяйства: при его налоговом обложении, при организации землеустроительного или сельскохозяйственного кредита, агрономической помощи, при наделении землей, снабжении лесом, семенами, сельскохозяйственными орудиями, — всюду коллективные формы хозяйства пользуются преимуществом перед единоличными, и бедняцкие и маломощные хозяйства — перед зажиточными, при общей поддержке хозяйств середняцких. Более того, постановлениями СНК СССР от 17 марта 1926 г.[1] и СНК РСФСР от 12 июня 1926 г.[2] образованы специальные *фонды кредитования деревенской бедноты* для выдачи ссуд на срок от 3 до 6 лет на приобретение: а) рабочего скота, б) орудий производства и в) пользовательного скота, т. е. для п р о и з в о д с т в е н н о г о кредитования бедняцких хозяйств. По бюджету СССР 1926/27

[1] СЗ. 1926 г. № 27.
[2] СУ. 1926 г. № 45.

года было проведено специальное ассигнование по этому фонду в размере 10 миллионов рублей. К ассигнованиям правительства присоединяются отчисления из прибылей учреждений сельскохозяйственного кредита и с.-х. кооперации (за 1925/1926 год — 1 769 тысяч руб.), ассигнования из местного бюджета (за 1925/1926 год — 2 475 тысяч руб.) и взносы общественных организаций. В этих же целях в кооперативных организациях образуются специальные фонды ссудной помощи бедноте по оплате паевых взносов. [1]

Такова в самых сжатых чертах та сложная система финансовых и экономических мер, посредством которых советское государство борется против растущего расслоения в деревне и строит социалистическое земледелие в обстановке товарно-денежного хозяйства, осуществляя и при нем те же конечные цели, какие оно себе ставило в эпоху военного коммунизма. [2]

в) Производственное укрепление бедняцких и маломощных слоев деревни, всемерная поддержка объединения их с середняцкими хозяйствами в кооперативные учреждения, которые, начиная с организации сбыта и снабжения, должны постепенно перейти к коллективизации и сельскохозяйственного производства, — такова сущность аграрной политики советского государства в эпоху нэпа. И мы можем констатировать, что политика эта уже успела дать значительные практические результаты.

Мы видели (гл. II, § 6), что аграрная революция имела своим последствием нивелирование крестьянства, значительное уменьшение крайних полюсов деревни — беспосевных и безлошадных, с одной стороны, и крупных посевщиков и двух- и более лошадных хозяйств — с другой, при общем росте средних однолошадных хозяйств. Эволюция крестьянского хозяйства за четырехлетие с 1922 г. по 1926 г. показывает общую подвижку вверх всех его групп. Так, данные гнездовых обследований одних и тех же селений, производимых Центральным статистическим управлением по 35 губерниям, дают следующие цифры: [3]

---

[1] Постановления пленума Центрального кооперативного совета («Кооп. жизнь», 2 июля 1925 г., № 58).

[2] См. краткую сводку указанных мероприятий в книге А. Дембо, Аграрное законодательство СССР, изд. «Прибой», Ленинград, 1925 г., и в статье Наркомзема А. П. Смирнова, О государственной помощи бедняцким хозяйствам («Сельскохоз. жизнь», 1926 г., № 44).

[3] А. П. Смирнов, К вопросу о диференциации деревни, «Правда», 1926 г., №№ 244 и 245.

Группировка крестьянских хозяйств по обеспеченности посевом	В процентах			
	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 десятин . . .	46,0	40,7	36,6	33,0
» от 2 до 6 дес. . .	40,3	44,0	46,7	49,3
» » 6 » 10 » . .	5,6	7,8	9,0	10,2
» свыше 10 » . .	1,2	2,2	2,9	3,3

Таким образом, обрисовывается общий подъем крестьянского хозяйства, сопровождающийся уменьшением бедняцких хозяйств (беспосевных и с посевом до 2 десятин), значительным ростом средних слоев деревни вследствие переходов в этот разряд деревенской бедноты и серьезным увеличением высшей группы, с посевом свыше 10 десятин. Такие же выводы получаются на основании тех же переписей и при группировке хозяйств по обеспеченности рабочим и пользовательным скотом.

Группировка крестьянских хозяйств по обеспеченности скотом	Обеспечение рабочим скотом в процентах				Обеспечение коровами в процентах			
	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без скота	35,3	35,8	34,9	34,1	22,3	23,1	21,1	19,6
С 1 голов	50,6	50,9	51,0	51,0	57,6	57,3	57,0	55,7
» 2 »	10,7	10,2	10,8	11,2	16,1	15,7	17,2	18,7
» 3 »	2,1	2,0	2,1	2,3	2,9	2,8	3,3	4,1
» 4 голов. и более . . .	1,3	1,1	1,2	1,4	1,1	1,1	1,4	1,9

Эпоха новой экономической политики есть таким образом эпоха роста благосостояния всех групп крестьянских хозяйств, при уменьшении из года в год числа беспосевных и малопосевных, равно как и безлошадных и бескоровных хозяйств.

г) Предпосылками успешности изложенной нами выше аграрной политики советского государства, осуществляющейся в условиях товарно-денежного хозяйства с его 22 миллионами автономно хозяйствующих крестьянских дворов, является не только сосредоточение в руках государства всех основных средств национального производства, транспорта и обращения, не только использование государством всей этой своей экономической мощи для активного вмешательства в интересах социа-

лизма в стихию товарного хозяйства, но и система земельного права, основанная на национализации земли и трудовом характере землепользования. Система эта изложена в Земельном кодексе, являющемся законченным легальным выражением земельной политики советского государства в эпоху нэпа. Изучение этого Кодекса и составит вторую часть настоящей книги.

Земельному кодексу предшествовал основной закон о трудовом землепользовании от 22 мая 1922 г.,[1] уже содержавший главнейшие начала действующего земельного права. Так как закон этот целиком вошел в Земельный кодекс и с изданием последнего потерял свою силу,[2] то нет надобности особо на нем останавливаться. 25 мая 1922 г. 3-я сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва, во исполнение постановления IX Съезда советов по земельному вопросу, п. 8, поручила президиуму ВЦИКа внести на следующую сессию полный свод (кодекс) земельных законов, включив в него все вопросы землепользования.[3] 30 октября 1922 г. Земельный кодекс был принят на IV сессии ВЦИКа и распубликован 15 ноября 1922 г. в Собр. узак. 1922 г. № 68, ст. 901.

---

[1] Собр. узак. 1922 г. № 36, ст. 426.

[2] См. список узаконений, прекращающих свое действие с введением Земельного кодекса (Собр. узак. 1923 г. № 10, ст. 123).

[3] Собр. узак. 1922 г. № 36, ст. 427.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОДЕКС

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДЕЙСТВИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ.

Литература: «Основные начала землепользования и землеустройства», сборник статей, докладов и материалов, М., 1927 г.; Д. С. Розенблюм, Общие начала землепользования и землеустройства, ЕСЮ, 1926 г., №№ 23 и 24; А. Лисицын, Основы земельного права СССР, ЕСЮ, 1927 г. № 1; В. П. Антонов-Саратовский, К закону об основных началах землепользования и землеустройства («Советское право» 1927 г., № 3); П. Стучка, Земельный кодекс («Энциклопедия права и государства»); Ф. Некрасов, Земельный кодекс Белоруссии («Вест. сов. юст.» 1926 г., № 5); П. И. Алексеев, Давность и земельные правоотношения («Право и жизнь», 1926 г., № 6-7.

§ 1. Действие Кодекса во времени.

1) Земельный кодекс введен в действие с 1 декабря 1922 г. С этого момента отменено действие всех предшествовавших его изданию земельных уложений. Согласно п. 2 постановления ВЦИКа о введении в действие Земельного кодекса от 30 октября 1922 г., составившего вводную часть Кодекса,[1] и опубликованного 1 февраля 1923 г. списка узаконений, прекращающих свое действие с введением Кодекса,[2] потеряли силу закона и декрет II Съезда советов о земле, и декрет о социализации земли 19 февраля 1918 г., и Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию 14 февраля 1919 г., и все изданные в их развитие и разъяснение узаконения, инструкции, циркуляры. С 1 декабря 1922 г. земельные правоотношения регулируются исключительно Земельным кодексом. Так устанавливается резкая разграничительная линия между новым земельным режимом и всеми ему предшествовавшими.

2) Однако, мероприятия по землеустройству и землепользованию, проведенные до 1 декабря 1922 г. на основании действовавших в момент их производства узаконений и распоряжений советской власти,

---

[1] Собр. узак. 1922 г. № 68, ст. 901.

[2] Собр. узак. 1923 г. № 10, ст. 123.

т. е. в промежуток времени между 7 ноября 1917 г. и 1 декабря 1922 г., не подлежат пересмотру, как бы они ни противоречили постановлениям Земельного кодекса.[1] Это правило применяется не только к уже исполненным решениям и постановлениям земорганов, но и к вступившим в силу к 1 декабря 1922 г. судебным решениям, хотя еще и не проведенным в жизнь.[2]

3) Что же касается правоотношений, возникших до Октябрьской революции, т. е. до 7 ноября 1917 г. нового стиля, на основании «старого права собственности на землю, а также дореволюционного владения ею»,[3] то никакие споры по таким правоотношениям не подлежат рассмотрению ни судебных, ни иных учреждений Республики. Основанием прав не может быть не только частная собственность на землю, но и все дореволюционные вещные и иные права на землю; с Октябрьской революцией потерял силу весь старый земельный правопорядок, следовательно, и институт надельного землевладения и всякого рода дореволюционные долгосрочные и бессрочные права пользования землей. Поэтому крепостные документы дореволюционного времени не могут иметь значения для разрешения вопросов о праве на пользование той или другой из тяжущихся сторон спорным земельным участком, все равно, идет ли спор о землях бывшего нетрудового владения или о землях трудового пользования, бывших надельных или купчих.[4] Единственным источником земельных прав и для трудового земледельческого населения являются законы революции, декреты и постановления советской власти.

Отсюда следует, что обоснование права дореволюционными отношениями возможно лишь в тех случаях и лишь постольку, когда и поскольку это допускает само революционное законодательство. Это имеет место большею частью при проведении разграничительной линии между землями, остающимися в распоряжении государства, и землями, передаваемыми крестьянству в трудовое пользование.

Такова, например, ссылка ст. 59 Земельного кодекса на «бывшие крестьянские надельные и купчие земли» или ссылка ст. 5 Лесного ко-

---

[1] Разд. IV пост. ВЦИКа от 1 февраля 1923 г. (Собр. узак. 1923 г. № 10, ст. 123).

[2] См. определение ОКВК по делу № 157 — 1922 г., «Еж. Сов. Юст.» 1922 г. № 41.

[3] Разд. IV пост. ВЦИКа от 1 февраля 1923 г. (Собр. узак. 1923 г. № 10, ст. 123).

[4] Опред. ОКВК по д. № 1893 — 1922 г., «Еж. Сов. Юст.» 1923 г., № 7 — 8 и по д. № 470 — 1925 г. («СХЖ») 1925 г. № 18).

декса на лесные участки, «принадлежавшие до национализации лесов сельскому трудовому населению» и подлежащие передаче крестьянам, как леса местного значения.

Все сказанное о земельных правоотношениях, возникших под действием дореволюционных законов, относится, само собою разумеется, и к тем местностям, где после 7 ноября 1917 г. временно утверждались повстанческие правительства; изданные ими законы не подлежат также применению.

§ 2. Действие Кодекса в пространстве.

1) Союзные республики. Земельное право является, быть может, наиболее децентрализованною частью нашего хозяйственного права. Коренясь в самой разъединенности хозяйственных процессов земледелия, где еще до сих пор люди работают не столько вместе, сколько рядом, эта децентрализованность находит свое организационное выражение в том, что наркомземы союзных республик являются необъединенными наркоматами. Каждая союзная республика самостоятельно управляет и распоряжается находящимися в ее пределах землями, имеет свой особый земельный кодекс, свой особый правовой земельный режим. Здесь сказывается национальная политика советского государства. Она стремится обеспечить не только культурную автономию составляющих это государство национальностей. Давая последним самостоятельное государственное бытие, советское государство предоставляет принципиально в их исключительное распоряжение и материальный фундамент их экономической самостоятельности — землю.

Земельное законодательство имеет по общему правилу республиканский характер. Тот Земельный кодекс, который будет изложен в настоящей книге, распространяет поэтому свое действие только на территорию РСФСР; в союзных республиках он действия не имеет. Он и носит название Земельного кодекса РСФСР.

Однако, было бы ошибочно из этого сделать вывод, что между земельными кодексами союзных республик нет ничего общего или что они могут иметь различные основные принципы. Советское государство не есть просто союз государств, различных по своей социальной природе, но объединенных территориальною смежностью. Оно есть союз советских и социалистических республик, и, поскольку должен быть тождествен общественный строй этих республик, постольку должны быть общими и социальные принципы их зе-

мельного права, те принципы, которые делают их республиками советскими и социалистическими. Положение это закреплено Союзной конституцией, относящей к ведению Союза «установление общих начал землеустройства и землепользования по всей территории Союза ССР» (п. «н», гл. I, разд. II). Отсюда следует, что различия, имеющиеся в земельном законодательстве союзных республик, должны вызываться, главным образом, различием их местных условий как естественного свойства (почва, климат, система полеводства), так и исторически сложившегося уклада крестьянского хозяйства.

Общие начала землепользования и землеустройства, предусмотренные Союзной конституцией, еще не изданы. Два проекта этих общих начал, составленные Комиссией законодательных предположений при СНК СССР и Совнаркомом РСФСР, вынесенные на общественное обсуждение, вызвали большую полемику.[1]. Тем не менее содержание изданных до настоящего времени земельных кодексов союзных республик (РСФСР, Украины, Белоруссии и Грузии) чрезвычайно схоже. Объясняется это не только общностью их социального строя, но и методом составления этих кодексов. 4-я сессия ВЦИКа IX созыва, приняв в октябре-ноябре 1922 г. главнейшие действующие в РСФСР кодексы (Земельный, Гражданский, Кодекс законов о труде), поручила президиуму ВЦИКа «обратиться к правительствам договорных советских республик с дружественным предложением о проведении кодексов, принятых 4-й сессией ВЦИКа, также и в их республиках». Соответственно этому предложению, союзные республики при издании своих земельных кодексов положили в основу один и тот же Земельный кодекс РСФСР, внеся в него лишь те изменения, которые вызывались особенностями их земельного строя.

а) Так, Земельный кодекс Украины, утвержденный 29 ноября 1922 г., является текстуальным воспроизведением Земельного кодекса РСФСР с внесением в него лишь нескольких принципиальных изменений. Из 227 статей Земельного кодекса Украины лишь 33 статьи не являются перепечаткой соответствующих статей Кодекса РСФСР, точнее сказать — содержат те или другие их изменения. Украинский кодекс отличается от нашего в следующих отношениях (не считая различий в редакции статей): 1) Он не знает трудовой заимки, как способа возникновения права трудового землепользования. В Украине почти нет необжитых, не состоящих на учете земель, которые только и могут быть объектом трудовой заимки. 2) Хуторские и отрубные участки продол-

---

[1] См. приведенную выше литературу.

жают состоять в наделе земельного общества, а их землепользователи — входить в его состав. Соответственно этому невозможен и выдел отдельного двора с выходом из состава общества (ст. 169). В виду продолжающейся на Украине борьбы с кулацким элементом в деревне, Кодекс опасался считать хуторян и отрубников самостоятельными трудовыми землепользователями, освободив их тем от контроля земельного общества и его наиболее бедняцкой части — незаможных селян. Но вместе с тем Кодекс вставил ряд статей, направленных на защиту хуторских и отрубных хозяйств в земельном обществе. Так, в обществе, состоящем из хуторян и отрубников, для переделов требуется большинство в $^3/_4$ членов общества, а их улучшенные хозяйства совершенно изъяты от переделов (ст. 117, прим., ст. 121). 3) В Кодексе нашла отражение организация бедняцких хозяйств, существующая на Украине, — так называемые комитеты незаможных селян. Членам этих комитетов предоставляются в первую очередь земли, если они образуют трудовые сельскохозяйственные товарищества (ст. 6). Право выхода из общества принадлежит любому числу этих членов, при условии перехода к товарищескому способу землепользования (ст. 138, прим.). Льготно оплачиваются работы по внутриселенному землеустройству объединений незаможного селянства (ст. 178, прим. 1). В состав земельных комиссий, во всех инстанциях, включая и Особую коллегию высшего контроля по земельным спорам, входит представитель комитетов незаможных селян (ст.ст. 210, 211, 221). Во всем остальном Кодекс УССР повторил текст статей Земельного кодекса Российской федерации.

б) Земельный кодекс Белоруссии, как и Кодекс УССР, также воспроизвел структуру, последовательность и текст статей Кодекса РСФСР, но, будучи позднее издан (21 февраля 1925 г.), он учел опыт земельного законодательства и судебной практики и значительно улучшил редакцию некоторых статей, устранив возникавшие недоумения и сомнения. Кодекс, однако, содержит и принципиальные отличия. 1) Он не знает обычая, как источника земельного права, вычеркнув ссылку на обычай в ст.ст. 8, 55 и 77 Зем. код. РСФСР (ст. ст. 8, 54 и 75 Зем. код. Белоруссии). 2) Как в Кодексе Украины, устранена трудовая заимка, как основание возникновения земель трудового пользования. 3) Белоруссия не знает передельной общины. Поэтому не воспроизведены главы об общинном порядке землепользования и о переделах, и установлен принцип, что там, где нет товарищеского порядка землепользования, имеется участковый (ст. 92). Соответственно этому исключена ссылка на земельное общество из ряда статей Земельного кодекса РСФСР, содержащих указание на

предоставление земель земельными обществами при переделах или из общественного запаса. 4) Но вместе с тем неизменность размеров землепользования дворов, характеризующая участковый порядок землепользования в земельных кодексах РСФСР и УССР, признается Кодексом БССР лишь постольку, поскольку эти размеры не превышают предельной нормы, устанавливаемой Наркомземом для разных районов сообразно земельному обеспечению населения и различным системам полеводства (ст. 94). В связи с этим введен постоянный институт обрезки хозяйств, превышающих установленные нормы, применяемый не только при землеустройстве, но и помимо него, при обследованиях хозяйств или при закреплении земель (ст.ст. 96, 124). Излишки, получаемые при обрезке хозяйств, поступают в государственный запасный фонд (ст. 59), из которого земли предоставляются в трудовое пользование безземельных и малоземельных дворов.

в) Земельный кодекс Грузии, утвержденный 15 мая 1924 г., в своих основных отличиях от Кодекса РСФСР сходен с Земельным кодексом Белоруссии. Как и последний, он не признает обычая в качестве источника земельного права. Как и последний, он ограничивает непосредственное землепользование трудовых земледельцев и их объединений установленными нормами (ст. 6), зачисляя сверхнормные излишки в государственный земельный фонд (ст. 19). Особенность Грузии заключается лишь в том, что земельные нормы определены Кодексом (ст.ст. 60 — 67) и установлены не только для ведения сельского хозяйства, но и для усадебных участков, причем как в селениях (ст.ст. 82 — 85), так и в городах (ст.ст. 94 — 97). Таким образом, деревня рассматривается Кодексом как открытое для всех граждан место поселения, независимо от занятия их сельским хозяйством.

«Всем гражданам республики Грузии, — гласит ст. 82, — имеющим в деревне отдельную усадебную оседлость, независимо от того, имеют ли они право на получение земельной нормы или нет, должен быть оставлен усадебный участок мерою не более 1 200 кв. саженей в одном отрезе; усадебный участок означенной выше величины в общую земельную норму (ст. 64) не засчитывается». Этот отрыв усадебной оседлости от полевой земли и превращение деревни, как места поселения, в принципиально равный городу населенный пункт — составляет одну из интересных особенностей Земельного кодекса Грузии.

2) Помимо «общих начал землепользования и землеустройства», устанавливающих основные принципы советского земельного права, с которыми, в виду значительного сходства земельных кодексов союзных республик, мы ознакомимся при изложении Земельного кодекса РСФСР,

к компетенции Союза ССР отнесено Конституцией законодательство о «межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда» (п. «о» ст. 1). Согласно этого постановления, декретом ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1925 г.[1] учрежден Всесоюзный переселенческий комитет, на который возложено общее руководство переселенческой политикой Союза ССР и согласование и объединение переселенческих мероприятий союзных республик. Состав комитета вполне гарантирует интересы союзных республик и входящих в них автономных республик и областей, колонизация которых в дореволюционное время носила насильственный и руссификаторский характер. В комитет входят: по одному представителю от общесоюзных наркоматов, по два представителя от каждой союзной республики, за исключением Закавказской федерации, которой даны три представителя,[2] и по одному представителю от заинтересованных автономных республик и областей в тех случаях, когда обсуждаются вопросы, их касающиеся.

а) Однако, все усложняющиеся задачи сельского хозяйства уже выдвинули недостаточность той общесоюзной компетенции в области земельного дела, которая указана в Союзной конституции. Постановлением СНК СССР от 19 июля 1927 г.[3] установлен регулярный — не менее одного раза в год — созыв совещаний народных комиссаров земледелия союзных и автономных республик для обсуждения общих вопросов сельскохозяйственной политики и согласования основных вопросов операционных планов всех наркомземов. Аналогичные совещания созываются не менее двух раз в год и в пределах каждой союзной республики. Постановления совещаний обязательны для республик лишь в случае их утверждения соответственными правительствами.

б) К компетенции Союза надлежит также отнести право Союза выделять для нужд учреждений и предприятий, имеющих общесоюзное значение, например, для транспорта, военно-морского дела, крупных промышленных или горных предприятий и т. п., необходимые им для их специальных целей земельные участки, предоставляя последние в исключительное ведение этих учреждений и предприятий и, следовательно, изымая их из распоряжения соответственных республиканских народных комиссариатов земледелия (п. «з» ст. 1 Союзной конституции).

---

[1] Собр. зак. 1925 г. № 30, ст. 194.
[2] Собр. зак. 1926 г. № 33, ст. 220.
[3] Собр. Зак. 1927 г. № 45, ст. 459.

3) Земельный кодекс РСФСР не был введен в действие одновременно по всей территории федерации. Ст. 3 вводного закона к Земельному кодексу предоставила автономным республикам и областям право внести в постановления Кодекса изменения, необходимые в целях приспособления его к их особым условиям. Проекты этих изменений должны были быть представлены ЦИКами и совнаркомами республик и исполкомами областей в Федеральный комитет по земельному делу на предмет рассмотрения последним по существу и внесения во ВЦИК для утверждения. Вследствие этого срок введения в действие Земельного кодекса в автономных республиках и областях был поставлен в зависимость от утверждения ВЦИКом предложенных ими изменений и поправок и устанавливался особыми постановлениями ВЦИКа. [1]

Так, в автономных областях Марийской, Адыгейской и Коми — Земельный кодекс введен без изменений постановлением ВЦИКа от 1 марта 1923 г., распубликованным в «Изв. ВЦИКа» от 4 марта 1923 г. [2] В остальных автономных республиках и областях Земельный кодекс введен в действие 15 апреля 1923 г., а в Якутской АССР — 1 января 1926 г., с рядом изменений в тексте отдельных статей Кодекса, утвержденных постановлением ВЦИКа от 29 марта 1923 г., [3] а для Якутской республики — еще дополнительным постановлением от 14 сентября 1925 г. [4]

Мы коснемся содержания этих изменений при изложении соответствующих статей Кодекса. Здесь же отметим, что, помимо поправок, вызванных специфическими особенностями земледельческого хозяйства автономных республик и областей, всюду проходит красною нитью принцип преимущественного права туземного трудового населения этих республик и областей на находящийся в их пределах сельскохозяйственный фонд. Прямо выраженный в прим. к ст. 6 Земельного кодекса, принцип этот находит себе организационное выражение в передаче земельных фондов, расположенных в пределах автономных республик, в ближайшее непосредственное заведывание, а для государственных земельных имуществ — и в распоряжение наркомземов именно этих

---

[1] См. ст. 6 постановления ВЦИКа о порядке введения в действие в автономных республиках и областях РСФСР Зем. кодекса от 18 января 1923 г. — Собр. узак. 1923 г. № 4, ст. 78.

[2] Собр. узак. 1923 г. № 17, ст. 220.

[3] Собр. узак. 1923 г. № 26, ст. 48.

[4] Собр. узак. 1925 г. № 66, ст. 527.

республик (ст.ст. 3 и 157 в редакции постановления ВЦИКа от 29 марта 1923 года).[1]

Этот принцип децентрализации, признания права отдельных национальностей на землю своих территорий и на распоряжение ею, имеет, однако, корректив в праве ВЦИКа в законодательном порядке регулировать земельные отношения в автономных республиках и областях.

---

[1] Ср. ст. 7 и прим. Положения о переселении в автономной Карельской ССР от 6 сентября 1926 г. (С. У. 1926 г. № 70, ст. 548).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Литература: См. литературу, приведенную к главе 5-й; В. Милютин, Национализация земли («Энциклопедия права и государства»).

§ 1. Предмет Земельного кодекса.

Мы указывали в введении (§ 1), что сосредоточение в руках советского государства главнейших средств производства страны в целях их хозяйственного использования самим государством во имя достижения социалистического строя приводит к построению системы советского права по отдельным крупным отраслям народного хозяйства. Исходным моментом служит при этом не субъективное право частной собственности, ограничиваемое в публичных интересах, как это мы имеем в буржуазном гражданском праве, а установление государством-собственником правовой формы каждой сферы народного хозяйства, тех правоотношений, в которые оно ставит непосредственных работников этой сферы как к нему, государству, так и между собою. Соответственно этому происходит и группировка законодателем правового материала по отдельным кодексам.

1) В отношении к интересующему нас Земельному кодексу надлежит установить, что он имеет своим предметом регулирование правовых отношений, возникающих при эксплоатации поверхности земли для ведения сельского хозяйства. Земельный кодекс посвящен таким образом землям сельскохозяйственного назначения, нормируя вместе с тем и правоотношения по имуществу, хозяйственно необходимому для эксплоатации этих земель. В этом направлении надлежит проводить разграничительную линию между Гражданским и Земельным кодексами, установленную ст. 3 ГК. Так, прим. 3 к ст. 156 Гр. код. не распространяет указанное в этой статье право на автоматическое возобновление договора найма жилых помещений на случай найма строений, «непосредственно связанных с земле-

дельческим хозяйством». В силу того же разграничительного признака при разделе двора, имеющего усадебную оседлость в пределах действующей городской черты, правила Зем. код. о семейно-имущественных разделах распространяются лишь на раздел полевых и других угодий за пределами этой черты, равно как и на служащий для их использования сельскохозяйственный инвентарь. Спор о разделе строений, находящихся на усадебном участке такого двора, равно как и его несельскохозяйственного имущества, не подсуден земельным комиссиям и разрешается на основании норм Гражд. кодекса. [1]

Надо, впрочем, указать, что Верхсуд РСФСР проводит несколько иначе разграничительную линию между Гражд. и Зем. кодексами. Он ограничивает применение норм Зем. код. лишь теми хозяйствам, которые образованы на землях трудового пользования. Хозяйства, организованные исключительно на землях, полученных по договору аренды, хотя бы они вели сельское хозяйство, подлежат действию общегражданских норм Гр. кодекса. [2]

2) Так как более $^3/_4$ населения нашего государства занято сельским хозяйством, которое, по крайней мере, на ближайшее время будет основным резервом, поглощающим растущее население страны, то Земельный кодекс распространяет свое действие не только на земли, уже служащие целям сельского хозяйства, но и на земли, могущие быть использованными для этих целей. Так получается следующее определение объекта Зем. кодекса: «все земли сельскохозяйственного назначения, а также могущие быть использованными для сельскохозяйственного производства» (ст. 3 Зем. код.). В силу этого к сфере действия Зем. кодекса отнесен и государственный свободный земельный запас, входящий таким образом в состав сельскохозяйственного фонда. Так создается презумпция сельскохозяйственного назначения всех земель в государстве, находящихся поэтому в заведывании и, во всяком случае, на учете наркоземов федерации и автономных республик.

3) Но земля является производственной базой не только для сельского хозяйства. Она необходима и для лесного хозяйства, ибо на ней произрастает лес, она нужна для горного дела, ибо в ней находятся ископаемые, без нее не строится ни промышленность, ни транспорт, ни городское хозяйство. Так как в то же время все земли являются

---

[1] Определение ОКВК от 6 ноября 1925 г. (д. № 1772—25 г. — «СХЖ» 1926 г. 22).

[2] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 12 октября 1925 г. (прот. № 17, «ЕСЮ» № 42-43).

презумптивно землями сельскохозяйственного назначения, то к сфере ведения Зем. кодекса отнесено не только регулирование правоотношений по землепользованию для ведения сельского хозяйства, но и отвод земель для иных целей, чем сельское хозяйство, например: для разработки недр, для городских поселений, для лесного хозяйства и т. д. Поскольку такой отвод совершен, постольку отведенные земли выходят из сферы действия Зем. кодекса, как земли несельскохозяйственного назначения, и подчиняются особым изданным для них узаконениям. По отношению к этим землям Зем. кодекс ограничивается лишь установлением порядка их отвода. Компетенция земельных органов и земельных судов (комиссий) и вообще нормы Зем. кодекса на них не распространяются. Однако, презумпция принадлежности и этих земель к сельскохозяйственному фонду продолжает действовать. Она выражается в том, что, как только прекращается их служение специальным, несельскохозяйственным целям, они возвращаются в состав земельного фонда, находящегося в заведывании республиканских наркомземов, и, следовательно, вновь подпадают под действие Зем. кодекса (ст. 155).

§ 2. Национализация земли.

1) Основной нормой, определяющей правовой режим земли в советском государстве, является национализация земли, государственная собственность на землю. Ст. 2 Зем. код. объявляет все земли в пределах РСФСР, т. е. всю ее земельную поверхность, «собственностью рабоче-крестьянского государства». Кодекс отверг таким образом терминологию Крестьянского наказа о земле 1917 г. и Конституции РСФСР 1918 г. (п. «а» ст. 3) о передаче всего земельного фонда в «общенародное достояние» — термин, за которым скрывалось учение доктрины социализации земли о «равном праве на землю», о распределении земли между трудящимися «на началах уравнительного землепользования» (см. гл. II, § 1).[1] О земле, как о собственности рабоче-крестьянского государства, уже определенно постановляет Конституция РСФСР 11 мая 1925 г. (ст. 15), не проводя в этом отношении никакого различия между землей и фабриками и заводами или железнодорожным транспортом. Этим четко подчеркивается характер национализации земли в нашем праве, как категории социалистического права.

[1] Гражд. кодекс, следуя, повидимому, за Конституцией РСФСР 1918 г., также говорит о земле, как о «достоянии» государства в одной из своих статей (ст. 21).

Известно, что Ленин защищал национализацию земли в 1905 г., как наиболее последовательный и решительный шаг к развитию буржуазной революции. Освобождая землю от платежей в пользу феодального землевладения и от всякой иной зависимости от него, уничтожая самую основу абсолютной ренты, национализация земли облегчала приток капиталов в сельское хозяйство, ставя последнее на общекапиталистические рельсы в развитии своих производительных сил. Но уже 28 сентября 1917 г.[1] Ленин писал: «ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия не могут ограничиваться рамками капитализма. Жизнь уже пошла дальше этих рамок... При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает и другую постановку. Именно: национализация земли есть не только последнее слово буржуазной революции, но и шаг к социализму».

Собственность советского государства, как категория социалистического права, имеет своей задачей регулировать правоотношения, возникающие в связи с ведением народного хозяйства в плановом порядке на основе принадлежности государству трудящихся средств производства. С этой точки зрения советская государственная собственность на землю по содержанию своему не совпадает ни с понятием государственного верховенства над землями, находящимися в границах политического господства государства, ни с идеей буржуазной национализации земли, разгораживающей землю от пут частного землевладения, ни с доктриною социализации земли, имеющей своею целью уравнительное распределение всей земли в государстве между трудовыми единоличными хозяйствами. Характерным признаком собственности советского государства на землю является ее хозяйственное содержание. Основное правомочие этой собственности заключается в хозяйственной эксплоатации государством земель, в хозяйственном распоряжении ими в интересах осуществления социалистического строя. Наиболее полное выражение государственная собственность на землю нашла в Положении о социалистическом землеустройстве от 14 февраля 1919 г. Образуя из «всех земель в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании они ни состояли, единый государственный фонд», Положение передавало его «в непосредственное заведывание и распоряжение соответственных наркоматов и их местных органов», ставя их задачей «создание единого производственного хозяйства, снабжающего Советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наи-

[1] См. послесловие к 3-му изд. книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.», М., 1919 г.

меньшей затрате народного труда».[1] Мы указывали уже (гл. IV, § 3, 3), что новая экономическая политика не изменила по существу этого содержания национализации земли в советском государстве, найдя лишь новые более сложные пути и средства для ее проведения в жизнь.

2) Государственная собственность на землю имеет абсолютный и безусловный характер. Она не терпит никаких ограничений, не имеет никаких исключений. В отношении других составных частей нашего основного государственного имущества, наших «командных высот», возможны по самой их природе и по закону при некоторых условиях и денационализация и отчуждение в частную собственность. Муниципализированные строения, восстановление или капитальный ремонт которых требует затраты не менее 30% стоимости строений или которые признаются законом строениями маломерными,[2] бездействующие национализированные предприятия или оборудование их, пришедшее в ветхость или негодность или не могущее быть использованным в достаточной степени, могут быть отчуждаемы в кооперативную, а в определенных пределах и в частную собственность.[3] Но «право частной собственности на землю, недра, воды и леса отменено навсегда».[4] Владение землею других субъектов права, кроме государства, допускается только на правах пользования,[5] т. е. на правах, зависимых и производных от права государственной собственности на землю.

а) Эта безусловность национализации земли в нашем праве влечет за собой и полное изъятие земли из гражданского оборота: земля не может быть предметом распорядительных сделок, имеющих в основании своем переход права собственности. Земля стоит вне круга явлений, связанных с рынком, и частная собственность на землю, отмененная революциею, не может быть восстановлена не только в силу закона, но и в процессе хозяйственного обращения земель. Будучи необоротоспособною, земля, в отличие от остального основного государственного имущества (например, фабрик, заводов), не имеет меновой ценности, и поэтому как передача ее государством для того или иного хозяйственного использования трудовому крестьянству или государственным учреждениям и предприятиям, так и переход ее от одних пользователей к другим — поскольку такой переход допускается

[1] СУ 1919 г. № 4, ст. 44, ст.ст. 1 — 4.

[2] Декрет ВЦИК и СНК от 21 августа 1924 г. об условиях и порядке отчуждения муниципализированных строений (СУ 1924 г. № 71, ст. 697).

[3] Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 июня 1926 г. об отчуждении государственного имущества (СЗ 1926 г. № 42, ст. 305).

[4] Ст. 1 Зем. код. РСФСР.

[5] Ст. 21 Гр. код. РСФСР.

законом — не могут сопровождаться возмещением стоимости земли. В некоторых случаях допускается лишь возмещение новым землепользователем прежнему стоимости внесенных последним коренных улучшений в переходящий земельный участок, поскольку, конечно, эти улучшения остались прежним землепользователем неиспользованными, но земельный участок, как таковой, переходит безвозмездно. Если же почему-либо необходимо произвести оценку (денежную) земли, как этого требовало, например, прим. к ст. 15 декрета о трестах от 10 апреля 1923 г. в отношении земель, предоставляемых тресту по его уставу, то закон не находит другого способа, как обратиться к средним довоенным ценам, причем эта оценка носит просто справочный характер.

б) Эта полная необоротоспособность земли, это отсутствие у нее какой-либо меновой ценности приводят к тому, что переход земельных участков от одного землепользователя к другому не может происходить по общему правилу путем договорных соглашений между ними.[1] В основании пользования землями лежит всегда акт предоставления земли государством-собственником. Если пользователь прекратил по каким бы то ни было причинам хозяйственное использование предоставленного ему государством земельного участка или ведет это использование с нарушением закона, то участок возвращается обратно в распоряжение государства, которое может, если найдет это необходимым, предоставить его другому пользователю. Поэтому допускаемые нашим правом права землепользования носят строго личный характер и по общему правилу необоротоспособны. По той же причине наше земельное право не допускает суб-аренды земель как сдаваемых государством в аренду, так и в случаях трудовой аренды. Единственным исключением из этого правила необоротоспособности и землепользовательских прав является право застройки, которое может быть предметом отчуждения и залога.

3) Субъект государственной собственности на землю определен в ст. 2 всех земельных кодексов РСФСР и других союзных республик (Украины, Белоруссии, Грузии) одинаково — как «рабоче-крестьянское государство». Мы указывали в другом месте, что в этой внешней неопределенности субъекта ясно чувствуется отвлечение от указания на данное государство, на РСФСР или на какую-либо другую союзную

[1] Разрешение законом трудовой аренды земель трудового пользования является исключением из этого правила, допускаемым только в целях помощи маломощному крестьянскому хозяйству (ст. 28 Зем. код.), а не в силу правомочий на землю, принадлежащих сдатчику земли.

*

республику, как на субъекта государственной собственности, и определенно подчеркивается социальное содержание этой собственности, ее служение интересам рабочих и крестьян, как вполне достаточный комплекс ее существенных правовых признаков.[1] Однако, здесь необходимо отметить одну характерную черту советского земельного права, неразрывно связанную с национальной политикой советского государства. Не только союзным республикам принадлежит, за небольшими исключениями, указанными в Союзной конституции (см. выше, гл. V, § 2,2), исключительное заведывание и распоряжение землями, находящимися в их пределах. Но, согласно ст.ст. 3, 4 и 155 Зем. код. РСФСР в редакции, установленной декретом 29 марта 1923 г. для автономных республик, и те части земельного фонда РСФСР, которые расположены в пределах автономных республик, находятся в ближайшем непосредственном заведывании и распоряжении наркомземов этих республик и их местных органов. Соответственно этому предоставлению отдельным национальностям, организованным в автономные государства, права самостоятельного управления находящимися в их пределах землями, ст. 6 Зем. код. дополнена для автономных республик и областей специальным примечанием, гарантирующим туземному населению первоочередность при наделении землей при прочих равных экономических условиях устраиваемых групп населения.

§ 3. Право непосредственного пользования.

1) Исключительное сосредоточение права собственности на землю в руках советского государства не означает, однако, что наше право не знает никаких других вещных субъектов прав на землю, кроме государства. В эпоху военного коммунизма, когда государство ставило себе целью «создание единого производственного хозяйства, снабжающего Советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда»,[2] вся земля, в чьем бы пользовании она ни находилась, мыслилась единым государственным фондом, находящимся в непосредственной хозяйственной эксплоатации государства, в «непосредственном заведывании и распоряжении органов власти».[3] Государство принципиально считало себя в праве хозяйственно

---

[1] Д. С. Розенблюм, Общие начала землепользования и землеустройства, «ЕСЮ», 1926 г., №№ 23 и 24.

[2] Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах к переходу к социалистическому земледелию 14 февраля 1919 г., ст. 4 (СУ 1919 г. № 4, ст. 44).

[3] Там же, ст. 2.

распоряжаться всею земельною площадью Республики, изымая ее для этой цели даже из пользования крестьянского населения. На иной точке зрения стоит законодательство в эпоху новой экономической политики. Государство признало, что хозяйственное управление из единого центра всеми землями неосуществимо в той международной обстановке, в которой оно оказалось после ликвидации гражданской войны, и при том громадном распылении землепользования, которое совершила аграрная революция. Сохраняя за собою право собственности на землю, оно передало другим субъектам права, главным образом трудовым землепользователям, «всерьез и надолго», под определенными условиями, существеннейшее правомочие своего права собственности — право хозяйственной эксплоатации, которое в нашем земельном праве носит название права распоряжения.[1] Из двух правомочий, которыми положение о социалистическом землеустройстве 14 февраля 1919 г. характеризовало государственную собственность на землю,— заведывание и распоряжение, — государство в отношении ряда земель оставило за собою лишь заведывание, предоставив распоряжение ими другим самостоятельным субъектам прав. Так установилось различие между землями непосредственного пользования и государственными земельными имуществами. В то время как последние находятся в «непосредственном государственном владении», в «непосредственном распоряжении наркомземов и их органов» (ст.ст. 5 и 157 Зем. код.), первые состоят лишь в заведывании наркомземов республик, как часть единого государственного фонда (ст. 3 Зем. код.), находясь в непосредственном владении и распоряжении самих землепользователей. Вместе с этим различием создалось новое вещное право на землю — право непосредственного пользования землею (ст. 4) у тех лиц и учреждений, которым государство предоставило земли в «распоряжение».

2) Согласно ст. 4 Зем. код., земли непосредственного пользования предоставляются государством-собственником трудовым земледельцам и скотоводам[2] и их объединениям, городским поселениям и государ-

---

[1] В отличие от Гражданского кодекса, для которого распоряжение есть правомочие собственника в смысле отчуждения объекта собственности (ст. 58 Гр. код.), наше земельное право понимает под этим термином лишь хозяйственное распоряжение землей, хозяйственную ее эксплоатацию. В силу национализации земля изъята из частного оборота и не может быть ни отчуждаема, ни закладываема тем, кому она предоставлена в распоряжение.

[2] Для Туркестанской (ныне Узбекской и Туркменской), Киргизской, Башкирской, Дагестанской, Горской (ныне Северной Осетии и Ингушетии) и Бурято-Монгольской республик, а также для Чеченской и Калмыцкой автономных обла-

ственным учреждениям и предприятиям. Все земли, остающиеся в земельном фонде государства после выделения из него земель в непосредственное пользование, носят название государственных земельных имуществ. Эти земли находятся таким образом в непосредственном хозяйственном распоряжении государства и используются им либо в порядке непосредственного ведения хозяйства, либо путем предоставления их в пользование на договорных основаниях (ст. 157 Зем. код.).

Однако, государственные земельные имущества имеют еще одно существенное назначение. Из определения понятия государственных земельных имуществ путем исключения из земельного фонда государства земель непосредственного пользования следует, что в состав госземимуществ входит свободный земельный запас, т. е. «земли, не поступившие в надлежащем порядке в чье-либо постоянное или срочное пользование».[1] В порядке государственного управления землями свободный земельный запас служит источником образования земель непосредственного пользования. Согласно ст. 158 Зем. код. и ст. 20 Правил об использовании госземимуществ, свободный земельный запас предназначается, между прочим, для наделения безземельных и малоземельных граждан в трудовое пользование, для целей переселения, для отвода ведомствам или учреждениям участков специального назначения.

3) Деление земель на земли непосредственного пользования и государственные земельные имущества не должно быть понимаемо в том смысле, что земельный фонд государства расколот на две правовые части, одна с другой несвязанные, что государство-собственник, выделив тем или иным субъектам права земли в непосредственное пользование, тем самым отказалось от всякого контроля над этими землями.

Как мы указывали, государственная собственность на землю в нашем праве есть категория социалистического права, насыщенная хозяйственным содержанием. Если советское государство в переходную эпоху новой экономической политики выделило из сферы своих правомочий в пользу непосредственных землепользователей права

стей субъектами права непосредственного пользования землей могут быть и скотоводы, поскольку, конечно, формою сельского хозяйства в этих местностях является трудовое скотоводчество (Постановление ВЦИК и СНК от 29 марта 1923 г. об изменениях Земельного кодекса РСФСР для автономных республик и областей, Собр. узак. 1923 г. № 26, ст. 305).

[1] Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ (Собр. узак. 1923 г. № 74, ст. 716).

владения и распоряжения (хозяйственного) землями, то оно сделало это не для создания частных, неотъемлемых прав, а для достижения определенной государственной задачи — развития производительных сил народного хозяйства в формах, благоприятных для достижения социалистического строя. И осуществление этой задачи есть условие не только возникновения, но и самого осуществления права непосредственного землепользования. Поэтому земли непосредственного пользования и после своего выделения из государственного земельного фонда продолжают находиться в заведывании государства в лице народных комиссариатов земледелия и их органов (ст. 3 Зем. код.), которым принадлежит контроль за выполнением непосредственными землепользователями возложенной на них государством социально-хозяйственной функции, «правильного и целесообразного использования находящихся в их пользовании земельных угодий» (ст. 7 Зем. код.).

Эта социально-хозяйственная обусловленность права непосредственного пользования землями приводит к целевому предназначению этого права. При всяком предоставлении земли в непосредственное пользование лиц и учреждений государство-собственник указывает ту цель, то хозяйственное назначение, которое земли должны осуществлять. Лицо или учреждение, владеющее землей на этом праве, автономно в ее хозяйственной эксплоатации лишь в определенных границах, лишь поскольку оно выполняет указанную в акте предоставления цель, например: ведение сельского хозяйства или использование в целях железнодорожного транспорта или какого-либо промышленного производства. Поэтому государство в праве изъять землю от непосредственного пользователя, если она перестает служить назначенной ей цели (ст. ст. 20 и 155 Зем. код.).

4) При всей обусловленности права непосредственного землепользования выполнением определенной социально-хозяйственной цели, право это сохраняет свой вещный характер. В основании его возникновения лежит закон, публичный акт предоставления земли государством определенным лицам и учреждениям. Держатели земель на этом праве владеют и распоряжаются ими (хозяйственно) не в силу арендного договора с государством, которое, не будучи их хозяйственным распорядителем, не могло бы быть и их арендодателем, а на основании специального постановления государства. Поэтому право непосредственного землепользования бессрочно в смысле его осуществления впредь до прекращения его цели, «до минования надобности» (ст. ст. 11, 18, 155 Зем. код.). По миновании же надобности в тех целях,

для которых земли были предоставлены государством, или в случае прекращения предназначенного их использования, земли непосредственного пользования возвращаются в разряд государственных земельных имуществ, т. е. поступают вновь в распоряжение государства в лице Наркомзема и его органов (ст. 155 Зем. код.).

Право непосредственного пользования землей безвозмездно в том смысле, что владеющие землей на этом праве лица и учреждения не обязаны платить государству арендную плату за пользование землей, заключая для сего особые договоры с органами Наркомзема, как это имеет место в отношении государственных земельных имуществ.[1] Получив земли на основании специальных узаконений, непосредственные пользователи являются их единственными хозяйственными распорядителями, обязанными по отношению к государству лишь выполнением назначенной им цели.

Таким образом, право непосредственного пользования есть право бессрочного и безвозмездного пользования землями, предоставляемое на основании специальных узаконений для выполнения определенной указанной в законе цели.

Формулой предоставления земель на этом бессрочном и безвозмездном праве непосредственного пользования является термин «закрепление» земли. Так, земли «закрепляются» за трудовыми землепользователями (ст. 141 Зем. код.), за коммунальными предприятиями в городах (ст. 148 Зем. код.), за государственными учреждениями и предприятиями (ст. 149 Зем. код.). Как видно из этих статей, закон под выражением «закрепить землю» именно и разумеет предоставить ее на праве непосредственного пользования.

§ 4. Виды земель непосредственного пользования.

При общности признаков бессрочности и безвозмездности, земли непосредственного пользования вследствие своего целевого характера различаются в зависимости как от того общественного предназначения, той хозяйственной или иной публичной цели, которую они должны осуществлять, так и от характера субъектов землепользования. Ст. 4 Зем. код. знает три вида земель непосредственного пользования: 1) земли трудового пользования, т. е. земли, предоставляемые трудовым земледельцам и скотоводам и их объединениям; 2) городские

---

[1] Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ (Собр. узак. 1923 г. № 74, ст. 617).

земли, т. е. земли, предоставляемые городам и поселениям городского типа (рабочим, дачным и курортным поселкам), и 3) земли специального назначения, т. е. земли, предоставляемые государственным учреждениям и предприятиям. Регулированию земель трудового пользования посвящена вся первая наибольшая часть Земельного кодекса (ст.ст. 9 — 143) и большая часть статей третьей его части (ст. ст. 165 — 226), излагающей землеустройство и переселение. Нормы о городских землях изложены лишь в 10 статьях (ст. 144 — 153), а землям специального назначения уделена лишь одна статья — 155-я. Объясняется это тем, что, как мы указывали выше (§ 1, 3), Зем. кодекс ограничивается в отношении городских земель и земель специального назначения, как земель несельскохозяйственных, лишь установлением порядка их отвода, совершенно не касаясь всех связанных с их использованием правоотношений.

1) Правовое положение городских земель изложено в Положении о земельных распорядках в городах от 13 апреля 1925 г.[1] В Земельном кодексе мы находим лишь правила установления действующей городской черты и ее изменения в интересах расширения города, т. е. нормы об отводе земель городам и их отграничении от земель сельскохозяйственного назначения.

2) Право непосредственного пользования есть право бессрочного и безвозмездного использования земель согласно установленному законом их хозяйственному предназначению. Земли, предоставленные на этом праве государственным учреждениям и предприятиям, носят техническое название земель специального назначения, так как они предоставляются юридическим лицам публичного права для их специальных целей несельскохозяйственного характера. Сюда относятся, например, земли, находящиеся под лесами, горными разработками, железными дорогами, крепостями и другими военными сооружениями (ст. 155 ЗК), земли под государственными промышленными предприятиями, предоставленные им по их уставам, земельные участки курортного, научного, исторического и культурно-просветительного значения, например: заповедники, национальные парки, усадьбы, музеи и проч. О каждом роде этих земель специального назначения, а иногда и об отдельных земельных участках (напр., усадьба «Ясная Поляна», бывшая Л. Н. Толстого), в каком-либо отношении нуждающихся в специальном выделении, существуют особые узаконения — об их отводе и отграничении от общего земельного фонда, а

[1] СУ 1925 г. № 27, ст. 188.

вместе с тем и о порядке управления ими. Во всех этих актах дело идет, таким образом, об административном выделении государством из части своего национализированного земельного фонда, именно из государственных земельных имуществ, определенных участков своим служебным органам в целях выполнения ими назначенной государством цели. Объем прав пользования государственных учреждений и предприятий этими вверенными им земельными участками определяется теми целями, которые эти государственные органы преследуют, согласно закона, при их хозяйственной эксплоатации. И так как общественное предназначение земель специального назначения и н о е, чем цели сельскохозяйственного производства, которое ближайшим образом обсуждается в правовом отношении Земельным кодексом, то земли эти выходят из сферы его действия. З а в е д ы в а н и е ими наркомземами республик ограничивается отводом их управомоченным ведомствам или государственным учреждениям и предприятиям, отграничением в порядке землеустройства от земель сельскохозяйственного назначения и держанием их на своем учете, дабы, по миновании надобности государства в осуществлении указанных для них целей, земли эти вернулись обратно в сельскохозяйственный земельный фонд, — в состав государственных земельных имуществ.

Одним из необходимых признаков для отнесения земель к землям специального назначения является, помимо предоставления их в силу закона государственным учреждениям и предприятиям, с п е ц и а л ь н а я ц е л ь, которой предназначены служить эти земли, т. е. цель н е сельскохозяйственного характера, ибо земли сельскохозяйственного назначения, находящиеся в распоряжении органов государства, относятся к разряду государственных земельных имуществ (ст. 154 ЗК).[1] Эта специальная цель, это установленное в законе предназначение данных земель и должно служить руководящим признаком при разграничении между землями специального назначения и государственными земельными имуществами. Так, например, земельные участки, необходимые для производственных целей государственных мельничных предприятий, относятся к категории земель специального назначения, предусмотренных ст. 155 Земельного кодекса; но земли мельниц сельскохозяйственного назначения (сад, огород, пашня, луг), образующие подсобные сельскохозяйственные предприятия, входят в состав государственных земельных имуществ и, как таковые, должны эксплоа-

[1] См. циркуляр Наркомзема о землях специального назначения от 17 сентября 1925 г. («СХЖ» 1925 г., № 41).

тироваться губернскими земельными управлениями (местными органами Наркомзема) на договорных началах, т. е. со взиманием арендной платы.[1] По тому же принципу хозяйственного назначения закрепляются, например, за коммунальными предприятиями земли за пределами городской черты. Если эти земли заняты коммунальными сооружениями, относящимися к городскому благоустройству, как то: полями орошения, свалками, кладбищами, водопроводами, трамвайными парками, электрическими станциями, общественными парками и т. п., — то они считаются землями специального назначения, закрепляемыми за городами на праве непосредственного пользования. Наоборот, если земли за пределами городской черты находятся в сельскохозяйственной эксплоатации городов, например под разработкой торфа, то они подчиняются правилам о государственных земельных имуществах, и следовательно, города должны платить за пользование ими арендную плату.[2] По тому же основанию земли сельскохозяйственного назначения государственных предприятий (Сахаротреста, Госсельсиндиката или Винсиндиката), хотя бы они были им предоставлены по их уставам, относятся к разряду госземимуществ[3] и, следовательно, отводятся им на договорных основаниях. Наоборот, земли промышленного назначения гострестов, предоставленные им по их уставам, например усадебные призаводские участки, участки подсобного характера (под складами), являются землями специального назначения, за пользование которыми арендная плата не взимается.[4]

3) Одной из самых характерных особенностей советского земельного права, лежащей своими корнями в аграрной революции 1918 г., является предоставление государством права непосредственного землепользования и трудовым земледельцам (скотоводам) и их объединениям. В этом случае субъектами права непосредственного землепользования являются физические и юридические лица частного права, а не публичного, как это имеет место в отношении земель городских и специаль-

---

[1] См. разъяснение Наркомзема Тюменскому губземуправлению № 191257 от 25 июня 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 186).

[2] Ст. ст. 31 и 32 Инструкции НКЗ и НКВД от 18 июля 1923 г. по применению постановления Зем. код. о городских землях (Собр. узак. 1923 г. № 77, ст. 746).

[3] Постановление СТО от 25 марта 1925 г. о землях сельскохозяйственного назначения, находящихся в пользовании Сахаротреста (Собр. Зак. 1925 г. № 30, ст. 200).

[4] Ст. 2 п. «б» Правил взимания ренты с городских земель (СЗ 1927 г. № 48, ст. 494). Циркуляр НКЗ от 20 мая 1926 г., № 199 ЗГ («СХЖ» 1926 г., № 22).

ного назначения, а объектом права служат земли сельскохозяйственного назначения, а не промышленного, военного, культурно-просветительного или усадебной оседлости городских жителей, как это происходит во втором случае. Из этих различий следует, во-первых, что право непосредственного пользования землями трудовых земледельцев и их объединений должно быть полностью изложено в Земельном кодексе, который, согласно целевому построению советского права, именно и посвящен правовому регулированию земель сельскохозяйственного назначения. Именно поэтому в этом Кодексе мы находим не только основания образования этого рода земель, т.-е. порядок их отвода трудовым земледельцам и скотоводам, но и самые правила пользования этими землями. Во-вторых, получают иной характер и иное содержание, в сравнении с землями городскими и специального назначения, как сфера заведывания государства землями трудового пользования, так и права хозяйственного распоряжения ими со стороны трудовых земледельцев и скотоводов, ибо различие между лицами частного и публичного права влечет за собой и иную трактовку права непосредственного землепользования. Речь идет не о той должностной обязанности, которую города и государственные учреждения и предприятия должны выполнять, осуществляя предписанное государством предназначение земель в порядке государственной службы, а о том объеме земельных прав, о той степени автономии и тех формах хозяйственной эксплоатации, которые допускает государство, передав во владение и распоряжение частных лиц, трудовых землепользователей, наибольшую часть сельскохозяйственного земельного фонда. С другой стороны, заведывание государством землями, которое для земель городских и специального назначения ограничивается почти только одним их отводом и держанием их на учете наркоземов республик, расширяется по отношению к землям трудового пользования до постоянного контроля государства за выполнением их держателями тех условий, на основании которых они их получили от государства (ст. 7 и 57 Зем. код.).

Вследствие указанных особенностей права непосредственного землепользования трудовых земледельцев и их объединений, право это получило специальное название — права трудового землепользования, земли же, предоставленные государством на этом праве, носят название земель трудового пользования. Таким образом, земли сельскохозяйственного назначения делятся на земли трудового пользования и государственные земельные иму-

щества, а вся правовая классификация земель представится в следующем виде:

Государственный земельный фонд.	I. Земли непосредственного пользования.	а) Земли городов и поселений городского типа.	Земли несельскохозяйственного назначения.
		б) Земли специального назначения.	
		в) Земли трудового пользования.	Земли сельскохозяйственного назначения, а также могущие быть использованными для сельскохозяйственного производства.
	II. Государственные земельные имущества.		

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОБРАЗОВАНИЕ ФОНДА ЗЕМЕЛЬ ТРУДОВОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ.

Литература: А. Н. Одарченко, Идея права на землю в ее прошлом и настоящем («Право и жизнь», 1926 г., кн. 6-7); М. Большаков, Задачи и перспективы колонизации (сборник «Земельное дело», М. 1923); А. Смирнов, Наша переселенческая политика («Советское строительство», 1926 г., кн. 5); Н. П. Рудин, Основы советского колонизационно-переселенческого дела («СХЖ», 1925 г., № 23-24(; Б. Черепахин, Трудовая заимка пустопорожней земли («Право и жизнь», 1925 г., кн. I); Л. И. Дембо, Земельный строй востока, Ленинград, 1927 г.; «Земельно-водная реформа в Средней Азии», сборник материалов, М. 1926 г., изд. «Московский Рабочий».

§ 1. Земельная правоспособность.

Право трудового землепользования есть вид права непосредственного пользования землями. Его возникновение, следовательно, основано на государственном акте отвода, на выделении из единого государственного фонда земель во владение и распоряжение трудовых земледельцев и скотоводов и их объединений. Земельный кодекс знает следующие способы такого отвода в трудовое пользование: а) закрепление земель, б) наделение ими, в) переселение и г) трудовую заимку.

1) Перед тем как перейти к изложению этих оснований возникновения земель трудового пользования, необходимо остановиться на вопросе о земельной правоспособности, т. е. о том, кто имеет право пользоваться землей на праве трудового землепользования.

а) Бесчисленные ограничения, установленные царским режимом в отношении прав на владение землей для не относившихся к господствовавшей церкви и национальности, побудили еще декрет о социализации земли от 19 февраля 1918 г. (ст. 4), а в настоящее время и Зем. код. (ст. 9), подтвердить основной принцип нашего земельного права, что ни пол, ни вероисповедание, ни национальность не могут служить препятствием к получению земли в трудовое пользование.

б) Земельная правоспособность не связана и с социальным положением гражданина, не совпадая таким образом с избирательною

правоспособностью. Ст. 9 предоставляет право на пользование трудовым землями «всем гражданам РСФСР», т. е. независимо от их активного или пассивного избирательного права. Вследствие этого не лишены, например, земельной правоспособности служители религиозных культов.[1] По той же причине наличие торгово-промышленного предприятия, при условии сохранения трудового строя в хозяйстве двора, не лишает двора права на землю.[2] ЗК знает лишь одно ограничение в этой области: бывшие помещики и крупные землевладельцы, выселенные из принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйств (см. ниже § 2, 2, б), не могут быть наделены землей в тех губерниях (областях или краях), в которых эти лица владели ранее земельною собственностью (прим. к ст. 9).

в) В ст. 9 речь идет о гражданах РСФСР; подобно этому ст. 9 ЗК УССР говорит лишь о гражданах УССР. Однако, в силу ст. 1 Положения о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г.,[3] к гражданам РСФСР надлежит приравнять вообще граждан СССР. Соответственно этому, ст. 9 ЗК БССР правильно постановляет, что право на трудовое землепользование имеют «граждане БССР и СССР».

г) Что касается иностранцев, то право на трудовое пользование землей имеют лишь те трудящиеся иностранцы, которые проживают на территории РСФСР и пользуются политическими правами согласно Конституции РСФСР (прим. 2 к ст. 9).

2) Земельную правоспособность, устанавливаемую ст. 9 ЗК, нельзя смешивать с субъективно-публичным правом на землю, в силу которого каждый гражданин имеет правовое притязание на землю, адресуемое к государству. Это «субъективно-публичное право», составлявшее характерную черту декрета о социализации земли от 19 февраля 1918 г. (см. гл. II, §§ 1 — 3), отвергнуто ЗК вместе с отменою декрета о социализации земли. Институт трудового землепользования, заключающийся в праве бессрочного и безвозмездного трудового использования определенного земельного участка, тем самым исключает периодические земельные поравнения всей с.-х. площади Республики, посредством которых только и может найти себе осуществление субъективно-публичное право на землю в наших аграрных условиях преобладания мелкого крестьянского хозяйства.

---

[1] Цирк. НКЗ № 20 от 20 февраля 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 22).

[2] Разъяснение НКЗ № 170470 от 4 сентября 1924 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 23).

[3] СЗ 1924 г. № 23, ст. 202.

§ 2. Закрепление земель.

Институт закрепления был намечен уже в вышеизложенном постановлении ВЦИКа от 23 марта 1921 г. (гл. IV, § 2). Его мысль заключалась в закреплении результатов временного распределения земель 1918 г. и последующих наделений из земель нетрудового фонда. С изданием Земельного кодекса закрепление регулируется статьями 141 — 143. Согласно ст. 141, со дня издания основного закона о трудовом землепользовании от 22 мая 1922 г. «за волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями признается закрепленным в постоянное трудовое пользование все то количество земли, которое ныне находится в их фактическом трудовом пользовании и было законно предоставлено им постановлениями земельных органов или съездов советов (волостных, уездных и губернских) из земель, предназначенных к распределению в трудовое пользование».

1) Состав закрепляемых земель определен в ст. 141 крайне ограниченно. Для укрепления земли требуются по этой статье три условия: а) фактическое трудовое пользование к 22 мая 1922 г.;[1] б) принадлежность закрепляемой земли к составу земель, предназначенных к распределению в трудовое пользование, и в) постановление местной власти — земельного органа или съезда советов (волостного, уездного или губернского) — о предоставлении данного земельного участка в пользование. Условия эти указывают, что ст. 141 имеет целью закрепить земли бывшего нетрудового владения, распределявшиеся как в порядке временного распределения земель 1918 г. (гл. II, § 5), так и впоследствии по Инструкции 11 марта 1919 г. о проведении сплошного и обязательного социалистического землеустройства (гл. III, § 1, 1).

---

[1] Основной закон о трудовом землепользовании распубликован 14 июня 1922 г. в «Изв. ВЦИКа» 1922 г. № 130. Однако моментом, по которому закрепляются земли трудового пользования, должен считаться не день распубликования закона — 14 июня 1922 г., а день, указанный в ст. 141 Кодекса, т. е. 22 мая 1922 г. Точно так же поступил и Гражд. кодекс, предоставив некоторые частные имущественные права не со дня распубликования декрета об основных частных имущественных правах («Изв. ВЦИКа» от 18 июня 1922 г.), а со дня принятия этого декрета 3-й сессией ВЦИКа IX созыва, т. е. с 22 мая 1922 г. (прим. 1 к ст. 59 Гражд. код.). Ссылку ст. 141 Земельного кодекса на день издания закона при одновременном указании на день 22 мая 1922 г. мы склонны считать редакционным дефектом статьи, не могущим поколебать правового значения даты 22 мая 1922 г., как единого для Федерации дня приобретения трудовым населением новых земельных прав. Такого же мнения держится и Наркомзем (разъяснение в Тюменское губземуправление № 196312 от 10 октября 1923 г.,—«Земельный кодекс с разъяснениями Наркомзема», стр. 148).

Эта отсылка ст. 141 к периоду революционного распределения земель и употребление ею понятий и терминов этого времени заставляют как будто сделать вывод, что земли, находившиеся до революции в трудовом пользовании крестьянства (бывшие надельные, купчие и бывшие арендованные), не подлежат закреплению, так как они, ни согласно декрета о социализации земли, ни по инструкции 30 января 1918 года (гл. II, § 4), ни по инструкции 11 марта 1919 г. не «предназначены были распределению». С другой стороны, из состава подлежащих закреплению земель должны были бы быть исключены земли бывшего нетрудового владения, относившиеся к категории земель специальной культуры, как к распределению не предназначенные и считавшиеся незакономерно распределенными. [1]

Не может, однако, подлежать сомнению, что такой вывод противоречил бы всему смыслу нового института закрепления. Сам Кодекс определяет в ст. 59 земли трудового пользования, как «образованные на крестьянских надельных и купчих землях, а также на землях бывших владельческих, если они были распределены между населением в трудовое пользование на основании постановлений земельных органов или съездов советов». Если к этому прибавить, что ст. 142 Кодекса запрещает дальнейшее поравнение в с я к и х земель между волостями и селениями, а ст. 143 устанавливает порядок «оформления с у щ е с т в у ю щ е г о пользования землей», которое совершается по «бесспорному фактическому пользованию» (ст. 204), то можно положительно утверждать, что Земельный кодекс закрепляет за «волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями в с е земли, н а х о д и в ш и е с я к 22 м а я 1922 г. в и х ф а к т и ч е с к о м з а к о н о м е р н о м т р у д о в о м п о л ь з о в а н и и». В таком именно смысле изложена ст. 141 Зем. код., напр., для Якутской АССР. [2]

Установление размеров фактического и трудового землепользования к 22 мая 1922 г. не представляет затруднений, так как землепользование земельных обществ, за которыми главным образом (см. ниже) закрепляются земли, предполагается трудовым (ср. ст. 59). Но какое землепользование считать з а к о н о м е р н ы м? Очевидно, что кроме того случая, который указан в ст. 141 и который, как мы указали выше, касается лишь части фактического к 22 мая 1922 г. трудового земле-

[1] См. Инструкцию 30 января 1918 г. и циркуляр НКЗ от 11 апреля 1921 г. № 81 (гл. IV, § 2).

[2] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1925 г. (Собр. узак. 1925 г. № 66, ст. 527).

пользования, всякое другое землепользование, которое законы революции, действовавшие до 22 мая 1922 г., считали закономерным. Сводку этих случаев дала редакция ст. 141 Зем. код. для Башкирской республики и Калмыцкой области,[1] которой мы и будем придерживаться в дальнейшем изложении. Ст. 141 Земельного кодекса Башкирской республики гласит:

«Со дня утверждения Земельного кодекса РСФСР (30 октября 1922 г.) за трудовым земледельческим и скотоводческим населением Башкирской социалистической советской республики признается закрепленным в постоянное пользование все то количество земли, которое ныне находится в фактическом трудовом и закономерном пользовании волостей, селений и других с.-х. объединений.

Примечание. Закономерными признаются: 1) землепользования, образованные в порядке: а) уравнительного распределения земель по законным постановлениям земельных органов или соответствующих съездов советов (волостных, районных, уездных, кантонных, губернских и всебашкирских); б) социалистического землеустройства; в) разрешения спорных земельных дел и пересмотра государственного лугового фонда земельными органами; 2) фактические трудовые землепользования, возникшие до 19 февраля 1918 г., и 3) бесспорно существующие трудовые землепользования.

Это перечисление в прим. к ст. 141 Земельного кодекса Башреспублики состава закрепляемых в трудовое пользование земель представляет собою исчерпывающий их перечень, вполне отвечающий духу института закрепления и сложившейся практике.

а) Земельный кодекс раньше всего узаконяет временное распределение земель 1918 г. За каждым селением — точнее говоря, земельным обществом — закрепляются в постоянное трудовое пользование те земельные участки, которые оно получило по этому распределению. Мы видели (гл. II, § 5), что аграрная революция подвергла распределению не только земли бывшего нетрудового фонда (бывшие помещичьи, банковские, казенные, удельные, монастырские и т. п.), но и сверхнормные излишки надельных и в особенности купчих земель у многоземельных групп крестьянства (напр., б. государственных крестьян). Ограниченная, большею частью, территорией волости, технически беспомощная, имея в своем распоряжении лишь исконный общинно-передельный аппарат, революция эта, местная по самому су-

[1] Собр. узак. 1923 г. № 26, ст. 305.

ществу своему, была связана местонахождением распределяемого фонда, неравномерно расположенного даже в пределах волости, и потому не достигла ни полного земельного равнения, ни, тем менее, рациональной организации земельной площади обществ. Однако, как бы ни было несправедливо порою в отношении к отдельным земельным обществам временное распределение земель, как бы оно ни уменьшало в том или другом случае даже дореволюционное трудовое землевладение, — ст. 141 Земельного кодекса не допускает более никакого перераспределения сложившегося после революции землепользования. Ни бывшие собственники надельной или купчей земли, ни бывшие трудовые арендаторы частновладельческих земель, не говоря уже, конечно, о бывших нетрудовых владельцах, не могут требовать возврата находившихся в их трудовом пользовании до революции земель, если последние были отрезаны от них в порядке временного распределения земель 1918 г., хотя бы в результате такой отрезки их землепользование стало ниже местной нормы. [1]

Это правило распространяется и на отвод земель в силу постановлений земорганов, имевших место и после 1918 г., если только землепользование сохранилось к 22 мая 1922 г. Таков, напр., частый случай отвода земель сельскохозяйственным коллективам из надела земельных обществ. [2]

Ст. 141 требует для закрепления наличности постановлений местных земельных органов или съездов советов о предоставлении данного земельного участка по временному распределению земель. Однако, постановления эти большею частью за время гражданской войны погибли. В таком случае достаточно удостоверения земорганов о том, что такой факт имел место.

б) Мы указывали (гл. III, § 1), что социалистическое землеустройство, поскольку оно успело разверстать около 10% земельной площади Федерации, было проникнуто теми же началами уравнительного распределения земель, что и временное распределение 1918 г., но зато производилось с большим или меньшим соблюдением принципов землеустроительной техники. Землеустройство это заменило собою в тех местностях, где оно было произведено, то распределение земель, которое крестьянство совершило в 1918 г. своими собственными средствами. В этих местностях закрепление земель в тру-

[1] См. определения ОКВК № 1432 и № 1893 — 1923 г. («Еж. Сов. Юст.» 1923 г., № 7-8), № 1585 — 1922 г. («Еж. Сов. Юст.», 1922 г., № 13).

[2] Определение ОКВК от 10 января 1925 г. № 1951 — 1924 г. («Сборник», тезис № 21).

довое пользование производится на основании распределения, созданного землеустройством, а не временного распределения 1918 г.

в) Бесспорный характер носит закрепление земельного участка, присужденного вступившим в законную силу судебным решением, или луговых угодий, возвращенных по закону 9 марта 1922 г.[1] тем земельным обществам, у которых они были изъяты государством в силу постановления народных комиссариатов продовольствия и земледелия от 10 января 1920 г. об образовании государственного лугового фонда.[2]

г) Закрепление указанных выше трех категорий земель производится на основании определенных правовых актов революционного времени, служащих источником земельных прав. Но при временном распределении 1918 г., как мы видели, основное ядро бывших надельных и бывших арендованных земель, по общему правилу, не поступало в распределение. Эти земли образуют четвертую категорию земель, подлежащих закреплению, «как фактические трудовые землепользования, возникшие до 19 февраля 1918 г.», т. е. до дня утверждения декрота о социализации земли, вообще до революции.

Легальным основанием закономерности этих землепользований служит ст. 54 инструкции по применению Полож. о социалистическом землеустройстве от 11 марта 1919 г.,[3] согласно которой «земли, находившиеся в фактическом пользовании с.-х. объединений и отдельных землепользователей до опубликования закона о социализации земли, т. е. до 19 февраля 1918 г., и полученные ими в надел, либо в аренду, или выкупленные или перешедшие в силу каких-либо других сделок, подлежат отводу с.-х. объединениям». Таким образом, основания возникновения этих дореволюционных трудовых землепользований для института закрепления безразличны, ибо советское право принципиально отвлекается от старых дореволюционных прав на землю (гл. V, § 1, 3). Необходимо лишь, чтобы земельный участок фактически находился как до революции, так и после нее, до 22 мая 1922 г., в трудодовом пользовании селения, за которым он закрепляется, чтобы он все это время состоял в его «трудовом пользовании».[4] Так, напр., участки, разработанные крестьянами в прилегающих лесных дачах и находившиеся в их фактическом трудовом пользовании издавна на арендном

---

[1] СУ 1922 г. № 24, ст. 260 и № 44, ст. 549.

[2] СУ 1920 г. № 3, ст. 11.

[3] СУ 1919 г. № 39-40, ст. 384.

[4] Определение ОКВК № 1893 — 1922 г. («Еж. Сов. Юст.» 1923 г. № 7-8). Так же опр. ОКВК от 25 мая 1925 г. № 728 —1925 г. («Сборник», № 28).

праве, продолжают оставаться и впредь в их пользовании на правах уже трудового землепользования без особых на то постановлений земорганов или волостных, уездных или губернских съездов советов.[1] Понятно, что дореволюционные акты на надельные земли (владенные записи, уставные грамоты, данные, покупные акты) могут быть приняты во внимание при закреплении этой категории земель, но не как правооснование закрепления, а как доказательство непрерывного трудового пользования, следовательно постольку, поскольку дореволюционное владение не было изменено революцией.

д) Фактические трудовые землепользования, не имея революционного правового титула вследствие того, что они не были затронуты процессом революционного распределения земель, черпают основание своего закрепления в непрерывном нахождении в трудовом пользовании как до революции, так и после нее. Аналогичный характер имеет последняя категория закрепляемых земель — бесспорно существующие трудовые землепользования. Отличаясь от фактических трудовых землепользований своим возникновением после революции и сходясь с ними в отсутствии правового революционного титула, они подлежат закреплению в силу никем не оспариваемого факта своего существования к 22 мая 1922 г. Наиболее распространенным случаем этого рода земель являются неоформленные земорганами отводы трудовым землепользователям из фонда бывших нетрудовых земель. Так, землепользование, фактически существующее к 22 мая 1922 г. на землях, входящих в состав государственных земельных имуществ (т. е. бывших нетрудовых землях, оставшихся от распределения), со всеми признаками трудового, но по тем или иным причинам не оформленное,— считается закономерным и обращается в трудовое землепользование.[2]

2) Субъекты закрепления определены и в ст. 141 и в постановлении ВЦИКа от 29 марта 1923 г. об изменении Кодекса для автономных республик и областей — одинаково: «волости, селения и другие сельскохозяйственные объединения». Но ЗК не знает волости, как субъекта права трудового землепользования. Трудовым землепользователем является или земельное общество — совокупность дворов, связанных общностью землепользования, или обособленное единоличное трудовое хозяйство. Терминология ст. 141 заимствована из инструк-

---

[1] Разъяснение НКЗ в Тюменское ГЗУ за № 196312 от 10 октября 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ, стр. 148).

[2] Циркуляр НКЗ от 19 мая 1923 г. № 50 и разъяснение НКЗ Новгородскому губземуправлению № 196387 от 12 октября 1923 г. (ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 148).

ции 11 марта 1919 г. по применению Положения о социалистическом землеустройстве, которая требовала, чтобы до внутриволостного разверстания земли между сельскохозяйственными объединениями был произведен предварительно отвод волостям. С изданием ЗК волость, будучи единицей административного управления, перестала быть объектом землеустройства, став лишь единицей земельной регистрации, которая ведется по волостям, но и в этом случае границы ее определяются не актами закрепления земель, а линией, определяющей территорию, подведомственную волисполкому, т. е. в административном порядке.[1] Что же касается «селений и других с.-х. объединений», т. е. коммун, артелей, то обе эти формы земельной общности объединены ЗК одним термином «земельное общество». Отсюда, казалось бы, следует, что ст. 141 закрепляет земли исключительно за земельными обществами.

а) Однако, такое решение вопроса нельзя признать удовлетворительным, так как ст. 141 совершенно упустила из виду обособленные трудовые хозяйства. Мы видели (гл. II, § 5, 2), что в северных и северно-западных губерниях временное распределение 1918 г. оставило неприкосновенным хуторское и отрубное землепользование, поскольку оно не превышало местной нормы наделения. Не уничтожало хуторов и отрубов и социалистическое землеустройство. В то время как земельные участки подворного права, участки, досрочно выкупленные или укрепленные по «столыпинскому» законодательству, включались по правилам этого землеустройства в отвод земель своего общества, которое могло ими распорядиться на принятых в нем основаниях, т. е. пустить, напр., в передел, — хуторские и отрубные участки оставались в единоличном пользовании, а в общую разверстку они поступали лишь в целях уничтожения чересполосицы, причем в этом случае пользователям их предоставлялась земля в другом месте.[2] Что касается ЗК, то он стоит на почве полного нейтралитета государства в вопросе о выборе крестьянством способов землепользования, признавая, что трудовое землепользование может быть осуществляемо землепользователем отдельно, без вхождения в земельное общество (ст. 10). Более того, при определении количества земли, которое должно быть отводимо при землеустройстве обособленным хозяйствам, Кодекс предлагает руководиться количеством земель, «закономерно им предо-

---

[1] Инструкция НКЗ от 27 июля 1923 г. по производству государственной записи землепользований, ст. 7 «ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

[2] Инструкция 11 марта 1919 г., ст.ст. 197 99, 101 (СУ 1919 г. У 19г., № 39-40).

ставленных в трудовое пользование» (ст. 170, п. б), т. е. подлежащих закреплению. Надо поэтому притти к заключению, что подлежит закреплению вся земля, находившаяся к 22 мая 1922 г. в закономерном трудовом пользовании не только у земельных обществ, но и у обособленных единоличных пользователей. [1]

При закреплении земли за обособленными хозяйствами (хуторскими или отрубными) условие закономерности обсуждается так же, как и в отношении земельных обществ. Но применение другого условия, именно о трудовом характере пользования, должно встретить большие затруднения, так как здесь не действует законная презумпция трудового пользования, признаваемая Земельным кодексом для земель обществ. Поэтому земельные органы, закрепляя хуторские или отрубные участки за их пользователями, в праве проверять фактический характер пользования этими участками с точки зрения применения наемного труда. [2]

б) Особо надлежит упомянуть о праве бывших помещиков на закрепление за ними земель. Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли от 30 января 1918 г. (гл. II, § 4) предписывала выселить из имений всех бывших помещиков и нетрудовых арендаторов. Впоследствии циркуляром Отдела текущей земельной политики НКЗ от 16 сентября 1918 г. № 13 было разрешено уездным земельным отделам оставлять на месте тех бывших помещиков (а равно и отводить им землю по норме), которые не проявили своею деятельностью контр-революционных стремлений. Соответственно этому, декретом ВЦИКа от 15 ноября 1922 г. [3] было разъяснено, что бывшие помещики, наделенные землей в порядке указанного циркуляра, тем самым зачислены в разряд трудовых землепользователей и, как таковые, имеют право на закрепление за ними отведенных им земель. В 1925 г. законодательство вновь вернулось к точке зрения Временной инструкции от 30 января 1918 г. Признав, что «категория землепользователей из бывших помещиков оказалась непримиримо-враждебной по отношению к рабоче-крестьянской власти», ЦИК и СНК СССР декретом от 20 марта 19925 г. [4] постановили лишить права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадле-

---

[1] Такого же мнения держится и ОКВК (опред. от 20 ноября 1925 г. по д. № 1136/3425 — 1925 г., «СХЖ» 1926 г., № 7).

[2] Ср. разъяснение НКЗ Алистеевскому волземотделу № 190093 от 2 июня 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 120).

[3] СУ 1922 г. № 76, ст. 946.

[4] СЗ 1925 г. № 21, ст. 136.

жавших им до революции, бывших помещиков из дворян и их семьи, а также бывших крупных землевладельцев не из дворян и их семьи. Постановление не распространялось лишь на бывших земельных собственников трудового или полутрудового типа, на лиц, которые сами или родственники которых (родители, дети, мужья и братья) [1] активно боролись на стороне советской власти в рядах Красной армии, а также на лиц, имеющих особые заслуги, отмеченные верховными законодательными органами. Выселение сопровождалось ликвидацией имущественных отношений выселяемых к государству. Все сельскохозяйственное имущество выселяемых (постройки, сооружения, инвентарь), оставшееся у них со времени революции, переходило к государству, как имущество, национализированное декретом 19 февраля 1918 г. о социализаций земли. Имущество, приобретенное выселяемыми после 19 февраля 1918 г. своим трудом или на свои средства, было признано их собственностью и могло быть ими продано или вывезено.

Таким образом, бывшие помещики и крупные землевладельцы не из дворян, выселенные на основании декрета 20 марта 1925 г. из принадлежавших им до революции хозяйств, лишены права на закрепление за ними земель, которые входили в состав этих хозяйств, хотя бы их землепользование носило трудовой характер, было им предоставлено земорганами или по временному распределению земель 1918 г. и продолжалось беспрерывно все время революции. Выселенным предоставлено право получить землю лишь в порядке переселения и только в тех губерниях, в которых они не имели ранее земельной собственности. [2]

Что касается тех бывших помещиков, которые в силу своих личных заслуг или заслуг своих родственников подлежат оставлению в принадлежавших им до революции хозяйствах, то они приравниваются к трудовым землепользователям. Находящиеся в их пользовании земельные участки подлежат закреплению за ними по общим правилам закрепления земель. Кроме того, они имеют право оставить за собою на праве собственности такую часть национализированного у них революцией сельскохозяйственного имущества, которая вместе с приобре-

---

[1] Инструкция ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июня 1925 г. о порядке выселения бывших помещиков (СУ 1925 г., № 44, ст. 328).

[2] Из взятых на учет по РСФСР бывших помещиков и крупных землевладельцев были признаны подлежащими выселению 3 948 семейств, у которых было изъято 39 480 гектаров земли и национализированного имущества на сумму около 5 млн рублей (доклад Президиуму ВЦИКа об итогах выселения бывших помещико в — «Известия» от 16 декабря 1926 г.).

тенным ими после 19 февраля 1918 г. имуществом обеспечивает их потребности в жилище и составляет необходимый инвентарь для ведения трудового хозяйства нормального типа.[1]

в) Мы указали выше (§ 1, б), что служители религиозного культа не лишены земельной правоспособности. Если они поэтому имеют в своем фактическом трудовом закономерном пользовании участки земли, последние подлежат закреплению за ними. Надлежит лишь заметить, что они не имеют какого-либо преимущественного права на закрепление за ними бывших церковных и монастырских земель, изъятых от церкви и национализированных декретами о социализации земли и об отделении церкви от государства.[2] Поэтому не подлежит закреплению за причтом церковного прихода участок земли, предоставленный ему Земорганами для сельскохозяйственного использования в 1918 г. из состава бывших церковных земель этого прихода, хотя бы это землепользование и сохранилось к 22 мая 1922 г.[3]

3) Последствия закрепления земель кратко указаны в ст.ст. 142 — 143 ЗК. Во-первых, «прекращается дальнейшее поравнение земель между волостями и селениями в обязательном порядке», т. е. в порядке того сплошного принудительного государственного землеустройства, которое было прокламировано Положением о социалистическом землеустройстве 14 февраля 1919 г. и в особенности инструкцией к нему от 11 марта 1919 г. Во-вторых, «впредь землеустройство производится лишь для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальноземелья и пр.» и, по общему правилу, производится лишь по желанию заинтересованного населения и на его средства (ст. 168 ЗК), оставляя в неприкосновенности то количество земель, которое закреплено за обществами или предоставлено отдельным дворам Кодексом (ст. 169). Соответственно этому закреплению определенных земельных участков за определенными земельными обществами или обособленными хозяйствами, Кодекс предписывает в тех районах, где нет запутанности поземельных отношений, оформить существующее пользование землей, выдавая населению соответствующие документы, в которых должны быть указаны размеры и границы землепользования (ст. 143).

---

[1] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля 1927 г. (СУ 1927 г. № 37, ст. 245).

[2] СУ 1918 г. № 18, ст. 263, и инструкция НКЮ о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства, ст. 16 (СУ 1918 г., № 62, ст. 685).

[3] Определение ОКВК от 14 октября 1924 г. («Сборник», № 17).

Таким образом институт закрепления ликвидирует как уравнительное распределение земли декрета о социализации земли с его конструкцией субъективного публичного права на землю (гл. II, § 3, 4), так и сплошное обязательное землеустройство Положения о социалистическом землеустройстве (гл. III, § 1, 1). Отныне сельскохозяйственный фонд распадается на две части: 1) земли трудового пользования, распределенные между множеством земельных обществ, владеющих ими каждое в определенном размере в твердых границах бессрочно и безвозмездно (в отношении к государству-собственнику) на особом вещном праве, праве трудового землепользования, и 2) государственные земельные имущества, которые только и находятся в непосредственном хозяйственном распоряжении государства. Пользование частных лиц трудовыми землями закреплено за ними государством, как увидим ниже, под условием соблюдения ими определенных требований пролетарского государства, которое вместе с тем, посредством сложной системы мер экономического и финансового воздействия на крестьянское хозяйство, осуществляет задачи социалистического строительства в деревне. Но тем не менее созданная закреплением устойчивость и определенность земельных прав трудовых земледельцев сохраняют все свое принципиальное значение.

Один пример ярко выявляет различие между собственно государственными и трудовыми землями. Одним из правомочий трудового землепользования является право пользователя свободно избирать любой порядок землепользования (ст. 58). Поэтому это право предоставлено Кодексом и сельскохозяйственным коллективам, образованным на землях трудового пользования (бывших надельных, купчих и бывших владельческих, распределенных между населением после революции — ст. 59). Наоборот, если сельскохозяйственные коллективы образованы на землях советских хозяйств, являющихся государственными земельными имуществами, то на них не распространяются общие правила Земельного кодекса о свободе выбора форм землепользования (прим. к ст. 59). И понятно почему.

Держатели государственных земельных имуществ пользуются ими на договорных началах, на арендном праве от государства, являющегося их непосредственным хозяйственным распорядителем. Поэтому без соглашения с государством эти держатели не имеют права изменять организацию территории предоставленного им земельного участка, например разбить его на отдельные хутора или отруба. Наоборот, держатели закрепленных земель владеют ими не на основании договора с государством-собственником, а в силу особого госу-

дарственного акта закрепления, наделяющего управомоченных лиц под определенными условиями правом автономной хозяйственной эксплоатации земель.

Из двух частей сельскохозяйственного фонда, земли трудового пользования составляют его подавляющую часть. Указанный нами выше состав закрепляемых земель полностью совпадает с существующим крестьянским землепользованием, как оно сложилось после революции. Таким образом, в непосредственном хозяйственном распоряжении государства Кодекс оставил менее 4% сельскохозяйственной площади Федерации (гл. II, § 6, 2). Тем самым центр тяжести всего сельского хозяйства Республики и государственной земельной политики перенесен на трудовое крестьянское хозяйство, работающее на о п р е д е л е н н о м земельном участке. Институт же закрепления вынуждает это хозяйство сосредоточить свое внимание и хозяйственную энергию именно на этом одном определенном участке. Прежние способы прокормления растущего населения и удовлетворения увеличивающихся потребностей путем расширения землепользования, а после революции — путем постоянного перераспределения и уравнения земель, теперь отпали. Отсюда — крайняя настоятельность перехода от отсталого векового трехполья к более интенсивным культурам и, как предпосылка такого перехода, реорганизация традиционного общинного землепользования путем рационально поставленного землеустройства. Вот почему Земельный кодекс посвятил так много статей правовым формам организации трудового земледельческого хозяйства и способам его землеустройства.

4) Земельный кодекс закрепляет в ст. 141 — 143 не существующее землепользование вообще, а лишь то, которое сложилось п о с л е революции, не всякую земельную действительность 1922 г., а лишь р е в о л ю ц и о н н у ю его действительность. Поэтому во всех тех местностях, где, как, напр., в Крымской, Дагестанской и бывшей Горской автономных республиках, вследствие событий гражданской войны не было произведено перераспределение земель и где на почве общей запутанности земельных отношений наблюдается наличность землепользования нетрудового, полутрудового или незакономерного характера, там закрепление земель производится не по правилам ст. 141, не на основании фактического землепользования. Закреплению предшествует производство на основании особых законов сплошного и обязательного землеустройства, имеющего своей задачей перераспределить землю между пользователями по определенным нормам, с целью уничтожения нетрудового землепользования. То же имеет место в районах к о ч е-

вого и полукочевого хозяйства, где нет предпосылки закрепления — фактического трудового землепользования — и где вследствие царской насильственной колонизационно-переселенческой политики сложились ненормальные взаимоотношения между различными национальностями. Вместе с тем землеустройство кочевого и полукочевого населения ставит себе задачей путем организации льготного кредита содействовать переходу кочевников к оседлому земледельческому или скотоводческо-земледельческому хозяйству в тех республиках и областях, хозяйственное развитие которых было задержано колонизаторской политикой царского правительства.

Таким образом, после издания Земельного кодекса закрепление земель производится уже не как легализация результатов стихийного революционного процесса, основывавшегося на местных законодательных актах, а как последовательная аграрная реформа, производимая на основании законов центрального правительства. Начиная с 1924 г. был издан по обоим указанным выше направлениям, охватывающим юг и восток Федерации, ряд крупнейших законодательных актов, завершающих аграрную революцию 1918 г. Мы остановимся прежде всего на автономных республиках и областях Крыма и Кавказа.

а) Согласно Положения о порядке наделения землей в Крыму от 15 декабря 1924 г.,[1] единицей наделения является «сельскохозяйственное объединение», т. е. земельное общество (ст. 4). Однако, существующие хуторские и отрубные участки могут быть оставляемы за их пользователями, если они не создают чересполосности с землями смежных с.-х. объединений, расположены группами и если размер их будет утвержден районным земельным отделом (ст. 13). Количество земель, отводимых каждому земельному обществу в постоянное трудовое пользование, определяется на основании норм наделения, выработанных первым Учредительным съездом советом Крыма в 1921 г., и учета населения в этом обществе (ст.ст. 5 — 6). Однако, в определенные таким образом размеры отвода должны быть внесены поправки в соответствии с местными естественными и хозяйственно-экономическими условиями землеустраиваемого района, фактическим землепользованием, характером и мощностью наделяемых хозяйств и в зависимости от фактической возможности трудового и целесообразного использования земель при нормальных условиях теми, кому они предоставляются (ст. 4). Поэтому при подготовке землеустроительного дела производятся не только учет землеустраиваемого населения и земель, но

[1] СУ 1925 г. № 1, ст. 6.

и почвенные, оценочно-статистические, сельскохозяйственные и бытовые исследования (ст. 5). Задачей наделения, производимого в порядке междуселенного землеустройства, ставится таким образом создание жизнеспособных хозяйств, могущих при данных естественных и экономических условиях полностью удовлетворить потребности населения и правильно вести сельское хозяйство. При невозможности достичь этой задачи в данном землеустраиваемом районе, должны быть приняты меры к расселению и переселению земледельческого населения (ст. 14).

б) Перед гораздо большими задачами, чем Положение о наделении землей в Крыму, стояли законодательные акты об аграрных реформах в республиках и областях Кавказа. Сюда относятся: Положения о землеустройстве в Северо-осетинской автономной области от 19 июня 1926 г., в Дагестанской АССР от 6 сентября 1926 г., в Ингушской автономной области от 29 ноября 1926 г., в Чеченском национальном округе от 9 мая 1927 г. и в Карачаевской автономной области от 27 июня 1927 г.[1]

Здесь необходимо было не только осуществить дело аграрной революции 1918 г. — ликвидировать нетрудовое землепользование и исторически сложившуюся неравномерность крестьянского землепользования, но и поднять на высшую хозяйственную ступень первобытное сельское хозяйство туземного населения, загнанного в горы руссификаторской политикой царизма. Организовать переселение оседло-земледельческого населения с гор на плоскость, помочь переходу от кочевого и полукочевого состояния к оседлому положению и устроить в земельном отношении районы, сохраняющие свой скотоводческий характер, — таковы дополнительные задачи, которые разрешают указанные выше Положения. Задачи эти могут быть осуществлены при бедности населения только путем прямого государственного вмешательства и за государственный счет. Поэтому Положения постановляют, что все землеустроительные работы носят сплошной и обязательный характер и ведутся на общегосударственные средства в сметном порядке.

Единицей наделения, как и во всем земельном законодательстве революции, является земельное общество и вообще «каждая обособленная по землепользованию группа хозяйств». Количество земель, отводимых каждому обществу, определяется по особым нормам, устанавливаемым для отдельных районов наркомземами рес-

---

[1] СУ 1926 г., № 37, ст. 295; № 60, ст. 463; № 87, ст. 630; и СУ 1927 г. № 46, ст. 303, и № 69, ст. 464.

публик или исполкомами областей, в соответствии с естественными и экономическими условиями, причем для учета населения, подлежащего наделению, принимаются во внимание все наличные к моменту составления проекта землеустройства трудовые хозяйства всех типов, поселившиеся в данной местности до 22 мая 1922 г.

Стараясь возможно меньше колебать уже существующие трудовые землепользования, Положения предписывают, в качестве общего правила, оставлять трудовому оседлому сельскому населению в счет нормы земли его фактического пользования, в особенности разработанные населением террасовые, поливные и богарные земли, именно: сады, пашни, сенокосы, клеверники, перелоги, присельные выгоны. В случае же невозможности или нецелесообразности такого оставления, эти земли могут быть переданы другим лицам, которые, однако, обязаны возместить прежним пользователям стоимость неиспользованных ими затрат. Лишь в кочевых и полукочевых районах фактическое землепользование не принимается во внимание при отводе по нормам, так как это землепользование не носит здесь постоянного характера.

Хозяйства, занимающиеся скотоводством или скотоводством и земледелием, обеспечиваются, кроме постоянных земельных наделов, пастбищами, которые могут быть закреплены и за несколькими общинами полуоседлого населения. Разверстывание пастбищ общего пользования обязательно лишь между оседлым и полуоседлым земледельческим населением, с одной стороны, и кочевниками и полукочевниками — с другой.

Чтобы дать возможность кочевому и полукочевому населению перейти на оседлое положение, а трудовому оседло-земледельческому населению переселиться с гор на плоскость, и вообще во всех случаях переселения и расселения, вызываемых землеустройством, Положения предписывают за счет особо ассигнуемых государственных средств:

1) предоставлять кредит, сроком до десяти лет, на приобретение живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря;

2) выдавать натурой семенной материал с рассрочкой возврата до пяти лет;

3) бесплатно отпускать лесные материалы для постройки жилых домов и хозяйственных строений;

4) предоставлять долгосрочные кредиты на устройство артезианских колодцев и магистральных оросительных сооружений;

5) оказывать агрономическую помощь и

б) выдавать безвозвратные ссуды на перенос построек для переселенцев и расселенцев.

Помимо того, землеустраиваемые хозяйства освобождаются от единого с.-х. налога на сроки от одного до пяти лет, в зависимости от трудности обработки вновь отведенных земель.

Так советское государство проводит свою национальную политику и в земельном законодательстве, борясь с последствиями великих исторических преступлений, совершенных царизмом в отношении отсталых народностей.

в) Если в отношении автономных областей и республик Кавказа, занимающих сравнительно незначительные территории, аграрные реформы усложнились благодаря кочевому и полукочевому характеру некоторых их районов, то для автономных республик и областей востока Федерации, территории которых превышают территорию Западной Европы, а туземное население ведет на огромных пространствах главным образом кочевое скотоводческое хозяйство, упорядочение землепользования и закрепление земель представляли еще большие трудности. Тем не менее они были разрешены рядом смелых и решительных законодательных актов. Сюда относятся: 1) Положение о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской республики от 10 мая 1923 г.,[1] ныне действующее, вследствие национального размежевания Средней Азии и упразднения Туркестанской республики, в соответственных районах Узбекистана, Туркменистана и Казакской республики; 2) Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Казакской (бывш. Киргизской) республики от 17 апреля 1924 г.,[1] распространенное декретом от 23 марта 1925 г.[2] с небольшими поправками на Калмыцкую автономную область. Наиболее разработанным из этих актов является Казакское положение, которое мы положим в основание дальнейшего изложения.

Указанные Положения, как видно из самого их наименования, не имеют применения в тех оседло-земледельческих районах, где нет пастбищ для кочевников или полукочевников. В этих районах закрепление земель происходит по общим правилам ст. 141 ЗК. В других районах, на ряду с отводом земель для земледельческих хозяйств, производится наделение пастбищами скотоводческих

---

[1] СУ 1923 г. № 43, ст. 455.
[2] СУ 1924 г. № 40, ст. 366.
[3] СУ 1925 г. № 20, ст. 146.

хозяйств, которые таким образом рассматриваются законом в указанных автономны республиках как трудовые землепользователи, имеющие право на предоставление им земель в трудовое пользование наравне с земледельцами, несмотря на то, что норма земельного обеспечения для кочевого хозяйства значительно выше земледельческих норм. Правило это есть лишь следствие общего принципа нашего земельного права, передающего сельскохозяйственный фонд, расположенный в пределах автономных республик, в их ближайшее непосредственное заведывание (см. гл. V, § 2, 3).

Единицей наделения является «скотоводческая община», состоящая из совокупности дворов (семей). Хотя норма земельного обеспечения определяется по количеству пастбищных угодий, необходимых двору, но отводимые угодья закрепляются за общиной, за кочевым или полукочевым обществом. Земли, подлежащие отводу кочевому населению, образуются из следующих частей: а) *призимовочная территория*, закрепляемая за данной скотоводческой общиной и состоящая из отводимого в определенных границах зимнего пастбища и находящихся в фактическом пользовании общины постоянных построек, наличных водопоев, других угодий постоянного пользования, сенокосов, пашен, а также оросительных сооружений для пашен и сенокосов; б) *сезонные пастбища* (летние, весенние и осенние) и кочевые пути, которые отводятся в общее пользование определенных общин, обособленных в пользовании призимовочными территориями; в) *страховые пахотно-сенокосные участки*, предназначенные для создания запасов готового фуража на случай бескормицы у кочевников и полукочевников. Участки эти отводятся нескольким хозяйственно-связанным между собою кочевым общинам в размере, обеспечивающем готовым фуражем на круглый год 10% нормального стада этих общин; и г) *запасные участки*, предназначенные для перехода кочевого населения к оседло-земледельческому хозяйству в будущем. Последние участки поступают в состав государственных земельных имуществ впредь до возникновения в них надобности для указанной цели.

Нормы землепользования среднего двора определяются по каждой из указанных категорий земель из расчета его *наибольшего благосостояния, возможного без применения наемного труда* в наличных объективных условиях данного района. Как и при отводе земель в республиках и областях Кавказа, устройство землепользования в кочевых районах востока Федерации производится в порядке сплошного и обязательного землеустройства на общегосудар-

ственные средства при предоставлении тех же кредитов и безвозвратных пособий (см. выше, б), причем проекты о необходимых ссудах и пособиях, их размерах и условиях их выдачи землеустраивающимся хозяйствам составляются землеустроителями по каждому земельному обществу одновременно с проектом землеустройства. [1]

г) Аграрная революция в поземельных отношениях оседло-земледельческих районов Средней Азии была задержана басмаческим движением. Вследствие этого закрепление земель в этих местностях, как и в Крыму и в национальных республиках Кавказа, производится лишь после проведения в жизнь земельно-водных аграрных реформ, имеющих своей задачей ликвидацию нетрудового землепользования так наз. баев и манапов (хозяйств помещичьего типа) и наделение землей безземельных и малоземельных дехкан (крестьян). Реформы эти основаны в Узбекистане на декрете от 2 декабря 1925 г., а для Зеравшанской области (часть бывш. Бухары) — на декрете от 16 декабря 1926 г.; в Туркменской республике — на декрете от 24 сентября 1925 г. и в Киргизской АССР — на постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 4 июля 1927 г. [2]

Указанные декреты повторяют основные принципы аграрной революции 1918 г., признававшей единственным источником прав на землепользование — личный труд. В сельскохозяйственный фонд, из которого производится наделение безземельных и малоземельных, поступают следующие безвозмездно отчуждаемые земли и имущества: 1) все земли хозяйств, владеющих площадью поливной земли в сорок и выше гектаров, как хозяйств помещичьего типа, независимо от местопребывания их пользователей, вместе со всем живым и мертвым инвентарем и постройками сельскохозяйственного значения, находящимися на отчуждаемой земле; 2) все земли, принадлежащие лицам, не обрабатывающим без уважительных на то причин своих земель собственным трудом или трудом своей семьи, независимо от размеров находящейся в их пользовании земельной площади; 3) земельные излишки трудовых хозяйств сверх норм наделения, устанавливаемых для каждого данного района, и 4) земли, принадлежащие религиозным и культурно-просветительным вакуфам. Очереди наделения из образуемого таким образом сельскохо-

---

[1] Правила оказания помощи и льгот при землеустройстве трудовому кочевому, полукочевому и переходящему к оседлому хозяйству населению Казакской АССР от 19 июля 1926 г. (СУ 1926 г. № 45, ст. 344), распространенные на Калмыцкую область декретом от 18 октября 1926 г. (СУ 1926 г. № 72, ст. 569) и на Киргизскую АССР — декретом от 28 февраля 1927 г. (СУ 1927 г. № 26, ст. 170).

[2] СУ 1927 г. № 71, ст. 478.

зяйственного фонда идут в следующем порядке: а) в первую очередь наделяются издольщики (чайрикеры), трудовые арендаторы и батраки; б) во вторую — малоземельные трудовые земледельцы (дехкане) данного района и в) в третью — безземельное трудовое население, желающее обрабатывать землю личным трудом. Распределение земли производится по особым нормам для каждого района, конфискованный же у хозяйств помещичьего типа живой и мертвый инвентарь распределяется между батраками, издольщиками (чайрикерами) и вообще безинвентарными хозяйствами по норме, не превышающей количества, необходимого для обработки предоставленной данному хозяйству земли.

Эта полная ликвидация крупного и кулацкого землепользования терпит лишь одно ограничение: особо культурные частновладельческие хозяйства не подлежат распределению, а перечисляются в состав советских, т. е. государственных хозяйств. Беспощадно расправляясь с нетрудовым землевладением, как средством эксплоатации сельскохозяйственного пролетариата и трудового крестьянства, и ставя на его место мелкие трудовые крестьянские хозяйства, советское государство в то же время охраняет от распыления действительно культурные крупные сельскохозяйственные предприятия, национализируя их, как ячейки будущего обобществленного сельского хозяйства.

Земельная реформа Узбекистана передала в руки трудового дехканства и батрачества в Ферганской, Ташкентской и Самаркандской областях 194 229 десятин земли, что позволило устроить 55 230 хозяйств.

§ 3. Наделение землей в постоянное трудовое пользование.

Закрепление земель в трудовое пользование исходит из уже существующих, сложившихся после аграрной революции трудовых землепользований. Но ЗК знает и порядок образования новых земель трудового землепользования, именно — наделение землей в постоянное трудовое пользование. В противоположность ст. 9 Положения о социалистическом землеустройстве 14 февраля 1919 г., прекращавшей со времени издания этого Положения распределение всех вообще земель в единоличное пользование, пытавшейся таким образом положить предел революционному процессу распыления земельного капитала страны, ст. 158 ЗК предусматривает порядок предоставления государственных земельных имуществ в постоянное пользование трудовых земледельцев и их объединений путем наделения безземельных и малоземельных граждан, переселения или расселения. Соответ-

ственно общему характеру права трудового пользования, земли, на таком праве предоставленные, исключаются из состава государственных земельных имуществ и перечисляются в состав земель трудового пользования.

1) Постановлением III Всесоюзного съезда советов от 20 мая 1925 г. было признано необходимым «передать в малоземельных губерниях крестьянству часть земель государственного фонда (в том числе арендуемых государственными органами), если эти земли используются не по прямому назначению или нецелесообразно».[1] Согласно этой директивы, НКЗем РСФСР предписал передать в трудовое пользование земельным обществам с недостаточным земельным обеспечением: а) участки госземимуществ, вклинивающиеся или вкрапленные в крестьянские земли или сдаваемые в аренду малоземельным земельным обществам или коллективам; б) земли государственного земельного запаса, за исключением той его площади, которая необходима для удовлетворения государственных, общественных и агрикультурных надобностей (напр., для образования новых агроучастков, специальных семенных и племенных хозяйств, крупных овцеводческих хозяйств и т. п.); в) совхозы, недостаточно мощные для включения в губернскую сеть трестов, как то: мелкие, не имеющие агрикультурного значения, или состоящие в аренде у малоземельных обществ и у коллективов, или, наконец, находящиеся в эксплоатации госпредприятий, но используемые ими не по прямому назначению или же нецелесообразно, и г) участки сельскохозяйственного значения из состава лесного фонда.[2]

Таким образом, указанными постановлениями устанавливается правило, что государственные имущества не должны служить источником получения денежного дохода от сдачи их в аренду трудовому крестьянству. Все земли, которые не нужны государству для удовлетворения общегосударственных, общественных или агрикультурных надобностей, должны быть перечислены в разряд земель трудового пользования. Нормальным отношением между государством-собственником и трудовым крестьянством по пользованию последним землями является отношение из безвозмездного и бессрочного права трудового землепользования, а не отношение из возмездного и срочного договора аренды.

Этому новому наделению трудовых землепользователей в малоземельных районах закон придал характер с р о ч н о й г о с у д а р с т в е н н о й м е р ы, долженствующей быть законченной к 1 октября

[1] СЗ 1925 г. № 35, ст. 248, п. 5.

[2] Циркуляры НКЗема от 9 июня 1925 г. № 302/78, от 8 июня 1925 г. № 323/79 и от 7 октября 1925 г. № 513/111 («СХЖ» 1925 г., №№ 20 и 43).

1926 г.[1] Поэтому земельные органы в праве предъявить иск о досрочном расторжении арендного договора на государственные земельные имущества, подлежащие передаче трудовым землепользователям,[2] каковые иски свободны от обложения судебной пошлиной.[3]

НКЗемом РСФСР намечено к передаче 16 788 000 *га*, из которых на долю госземимуществ, насчитывающих около 14 000 000 гектаров, падает 7 215 000 гектаров, т. е. более половины, и на долю земель с.-х. значения из состава лесного фонда — 9 583 000 *га*. На первое октября 1926 г. было передано малоземельным обществам около $9^1/_2$ млн гектаров; в результате наделения можно констатировать заметное увеличение землепользования двора и общества. Так, в губерниях Курской, Орловской и Ульяновской прирезка дала обществу повышение на 15 — 30% прежнего землепользования. Что же касается увеличения землепользования отдельного двора, получившего землю, то оно колеблется в среднем от 0,5 до 1,4 гектара по ряду малоземельных губерний; в частности, по Псковской губ. на получивший землю двор падает 2,7 гектара.[4]

2) Субъектами наделения являются местные малоземельные общества и вообще местное безземельное и малоземельное население. Однако, особенным преимуществом пользуются военнослужащие (красноармейцы и лица командного состава) как состоящие на военной службе, так и уволенные со службы — в течение года со дня увольнения, равно как и их семьи. Им земли предоставляются в первую очередь, преимущественно перед всеми другими гражданами, притом во всякой местности, а не только в той, уроженцами которой являются военнослужащие. Обязательному наделению землей, по заявкам Наркомвоенмора, подлежат лица командного и соответствующего ему состава, прослужившие не менее 5 лет, равно как имеющие орден Красного знамени, независимо от срока пребывания их на военной службе, если они до поступления на службу занимались сельским хозяйством в качестве трудовых землепользователей. Соответственно общему покровительству коллективному землепользованию, объединениям военнослужащих с товарищеским порядком землепользования отдается преимущество в наделении землей.[5]

---

[1] Постановление ЦИК и СНК СССР от 3 сент. 1926 г. (СЗ 1926 г. №59, ст. 440).

[2] Определение ОКВК от 18 августа 1926 г. № 3478 («СХЖ» 1926 г., № 40).

[3] Цирк. НКЗ и НКЮ от 28 октября 1926 г. № 194/316 («ЕСЮ» 1926 г., № 45).

[4] Данные о наделении заимствованы из отчета о работе отдела госземимуществ за 1925/26 г. («СХЖ» 1927 г., № 1).

[5] Инструкция СНК РСФСР от 13 июля 1925 г. по применению льгот в области трудового землепользования и сельского хозяйства для военнослужащих и их семей (СУ 1925 г. № 50, ст. 383).

3) Порядок наделения не предоставлен исключительно усмотрению административных земельных органов. Составленные окружными и уездными земельными управлениями списки передаваемых в трудовое пользование госземимуществ объявляются населению путем рассылки особых извещений через рай-, волисполкомы и сельские советы с предложением заявить в двухмесячный срок о желании получить тот или другой земельный участок. Последовавшие затем постановления окружных и уездных земуправлений о распределении передаваемых госземимуществ, в случае заявления на них жалоб, передаются ими в окружные и уездные земельные комиссии для разрешения возникших споров в судебном порядке. [1]

4) Мы видели (см. выше, § 2, 4), что аграрные реформы в автономных республиках и областях Кавказа и востока Федерации имеют, между прочим, своей задачей исправить исторические несправедливости, причиненные колонизационной политикой царизма туземному населению этих республик и областей. Перед аналогичными задачами стоит советское государство по отношению к двум национальностям, евреям и цыганам, исторические условия существования которых сделали из них специфически неземледельческое население. Между тем государственная организация промышленности и сосредоточение торговли в руках кооперации лишили всяких средств к существованию евреев — мелких ремесленников и торговцев. Так возникла проблема земельного устройства трудящихся евреев, равно как перехода кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни.

Для осуществления первой задачи образован при президиуме ЦИКа Союза ССР Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ), [2] имеющий своею целью определение районов вселения евреев и земельных участков для их переселения, содействие водворению еврейских переселенцев на выделенных участках и принятие мер к обеспечению хозяйственного развития новоселов на местах водворения. При переходе к земледельческому труду евреи пользуются всеми льготами, предоставленными переселенцам. [3]

Вопрос о переходе кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни только недавно поставлен. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 октября 1926 г. [4] союзным республикам предложено принять меры

---

[1] Цирк. НКЗ № 205/42 от 21 июня 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 27).

[2] Постановление ЦИК СССР от 25 сентября 1925 г. (СЗ 1925 г. № 69, ст. 509).

[3] Цирк. НКЗ № 719/221 от 27 ноября 1924 г. («СХЖ» 1924 г., № 50).

[4] СЗ 1926 г. № 67, ст. 507.

к первоочередному льготному наделению землей цыган, желающих перейти к земледельческому труду, причем новоселам предоставляются все льготы, установленные для переселенцев.

§ 4. Переселение.

1) Переселение представляет собою продолжающийся еще и по настоящее время исторический процесс заселения окраин, перемещения населения из густонаселенных и местами перенаселенных и, следовательно, малоземельных центральных местностей — в редконаселенные окраины государства. При ежегодном накоплении в сельском хозяйстве избыточного труда в количестве по меньшей мере в 1 500 тысяч человек, которые могут быть поглощены развивающеюся промышленностью самое большее в одной трети, и наличности пустующих земель в Поволжьи, Сибири, Дальнем Востоке, Урале и восточных автономных республиках — естественно ставится и после революции проблема переселения.

С учреждением Всесоюзного переселенческого комитета (см. гл. V, § 2, 2) переселение заняло значительное место в ряду сельскохозяйственных мероприятий государства. Десятилетний переселенческий план рассчитан на переселение 5 000 000 душ, по 500 000 чел. ежегодно. Декретом от 5 апреля 1926 г.[1] объявлено национализированным и передано в ведение Наркомзема РСФСР все имущество переселенческих пунктов, организованных бывшим переселенческим управлением на линиях железных дорог и водных путях сообщения, со всеми находящимися на их территории строениями и принадлежавшим им имуществом. В местах водворения открыты районные переселенческие управления.[2] Для облегчения переселения бедняцких элементов деревни отменено установленное раньше требование материальной обеспеченности переселенцев. Лишь для переселенцев, направляющихся в Поволжье, где своеобразные условия края требуют быстрого развертывания хозяйства, осталось требование наличия у переселенцев собственных средств не ниже 900 р. на хозяйство.[3] Переселение таким образом финансируется государством: из бюджетных средств — на подготовку колонизационного фонда и организацию переселения, и в виде долгосрочного ссудного кредита — на обзаведение хозяйством в месте водворения.

---

[1] СУ 1926 г. № 21, ст. 167.

[2] Положение о районных переселенческих управлениях («СХЖ» 1926 г., № 49).

[3] Цирк. НКЗема от 25 января 1927 г. № 26/8 («СХЖ» 1927 г., № 5).

2) Переселение является аналогичным наделению основанием возникновения права трудового землепользования. Его отличие от наделения заключается в предоставлении государственных земельных имуществ, именно государственного земельного запаса, *иногуберн-ским* землепользователям. Поэтому переселение порождает проблему взаимоотношений между местным и пришлым населением. В этом вопросе советское право держится принципа, что в *колонизационный фонд* могут зачисляться из свободного земельного запаса лишь те земли, которые не являются безусловно необходимыми для местного населения. В особенности решительно проводится этот принцип нашим законодательством в отношении автономных республик и областей, интересы населения которых игнорировались до революции центральною властью при организации переселений. Мы указывали уже (см. гл. VI, § 2, 3), что земельный фонд, находящийся в пределах автономных республик, находится в ведении их наркомземов и предназначен для земельного обеспечения прежде всего туземного населения (ст. ст. 3, 155 и 157 и прим. к ст. 6 ЗК в редакции для автономных республик). Та же мысль подчеркнута, напр., в Положении о переселении в Карельскую АССР от 6 сентября 1926 г.,[1] согласно ст. 7 которого при отводе участков для цели колонизации преимущественное право на их зачисление имеют при равных условиях жители Карельской республики.

Охраняя интересы как коренного населения, так и самих переселенцев, и борясь с самовольными переселениями, закон (ст. 223) допускает переселение в те или иные местности лишь после формального объявления их *открытыми* для переселения. Декретом от 1 декабря 1924 г.[2] это право объявления того или другого района открытым или закрытым для переселения или ходачества (для предварительного осмотра и выбора земель), предоставленное ст. 223 ЗК Президиуму ВЦИКа, передано непосредственно Наркомзему РСФСР.

3) Переселение характеризуется отводом землепользователю земли в новом месте его жительства с прекращением ведения хозяйства в прежнем месте (ст. 21). И так как земля предоставляется под условием ее трудового использования, то переселенец с момента отвода ему земли в новом месте должен был бы терять все права на землю в прежнем месте жительства. Однако, учитывая частые случаи возвращения переселенцев в прежние места их оседлости и необходимость некоторого

[1] СУ 1926 г. № 70, ст. 548.
[2] СУ 1925 г. № 3, ст. 17.

времени для ликвидации ими своего имущества в случае окончательного водворения на новых местах, прим. к ст. 18 Зем. кодекса сохраняет за переселенцами право на земельный участок в прежнем месте на срок до двух лет с момента зачисления за ними земли в месте переселения, а в отдельных случаях, с разрешения Наркомзема, и до трех лет. Поэтому переселенец в праве сдать в аренду на указанные сроки свой прежний земельный участок (прим. к ст. 34). Отсюда следует, что до истечения этих сроков сохраняется за переселенцем и право членства в прежнем земельном обществе.

4) Переселенцы пользуются рядом льгот в течение первых лет их водворения на новых местах.[1] При переезде на новые места переселенцы, их семьи и имущество перевозятся по льготному переселенческому тарифу; перевозимое имущество освобождено также от обложения местным налогом с грузов. Переселенцы и их объединения (артели, коммуны, товарищества) освобождаются от обложения сельскохозяйственным налогом: в течение одного года, если они возводят на новых участках постройки, необходимые для ведения хозяйств; в течение трех лет, если устройство хозяйства требует разработки целинных земель, и в течение пяти лет, если устройство хозяйства требует раскорчевки или других мелиораций по подготовке культурных земель. На сроки освобождения от уплаты сельскохозяйственного налога переселенцы освобождаются и от уплаты страховых платежей по обязательному окладному страхованию.[2]

а) Переселенцы на остров Сахалин, кроме указанных общих льгот, получают бесплатно для своих строительных нужд лес на корню, пользуются правом на получение сельскохозяйственного кредита в размере 500 рублей в среднем на семью и имеют право на возврат стоимости проезда всех членов семьи и провоза их имущества, оплаченных по льготному переселенческому тарифу.[3] Кроме того, они и переселившиеся вместе с ними члены их семей мужского пола освобождены от отбывания действительной военной службы, а срок освобождения от сельскохозяйственного и промыслового налогов продлен до 10 лет при водворении на обжитых наделах, и до 15 лет — при водворении на необжитых переселенческих участках.[4]

---

[1] Постановление ЦИК и СНК СССР от 10 сентября 1926 г. (СЗ 1926 г. № 61, ст. 455).

[2] Инструкция ЭКОСО РСФСР от 23 сентября 1926 г. по применению льгот по обязательному окладному страхованию в сельских местностях РСФСР на 1926/27 год (СУ 1926 г. № 61, ст. 473).

[3] СУ 1926 г. № 71, ст. 565.

[4] СЗ 1927 г. № 9, ст. 83.

б) Все указанные льготы предоставляются по общему правилу лишь плановым переселенцам, т. е. переселяющимся с разрешения местных земуправлений (получивших от них особые переселенческие и ходаческие свидетельства) и в установленном ими порядке (ст. 225). Однако, значительность самовольного переселения и еще слабая государственная организация планового переселения побудили закон (прим. к ст. 225) предоставить и внеплановым переселенцам те же льготы, что и плановым, если только они водворились на землях переселенческого фонда или на отведенных им государственных земельных имуществах или, наконец, были приняты в земельные общества в местах переселения.

5) Стремясь объединить самодеятельность переселенцев по новому устройству их жизни, декрет 9 августа 1924 г.[1] предоставил им право образовывать как в местах выхода, так и в местах вселения, переселенческие товарищества, которые признаются одним из видов сельскохозяйственной кооперации. Переселенческое товарищество получает через систему сельскохозяйственного кредита ссуды на организацию хозяйств своих членов и может получить из переселенческого фонда участок земли в общее пользование или для распределения между своими участниками. По получении участка переселенческое товарищество приобретает все права земельного общества. Таким образом, субъектами наделения и при переселении, как и при закреплении земель и наделении ими, являются объединения землепользователей, а не отдельные хозяйствующие семьи.

6) Особый вид переселения составляет сельскохозяйственная иммиграция и реэмиграция из-за границы в Союз. Порожденная той притягательной силой, которую первое в мире пролетарское государство имеет для трудящихся буржуазных государств и бывших подданных царской России, эмигрировавших вследствие религиозных или политических преследований, иммиграция и реэмиграция вызвали специальные мероприятия по их урегулированию. Еще в 1923 г. была учреждена особая Комиссия СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции[2] и создан специальный фонд в 220 000 десятин для сельскохозяйственной иммиграции.[3] В настоящее время, вследствие упразднения Комиссии[4] и уничтожения иммигрант-

---

[1] СУ 1924 г. № 68, ст. 681.

[2] Постановление СНК СССР от 17 февраля 1925 г. (СЗ 1925 г. № 16, ст. 119).

[3] Пост. СТО от 8 июня 1923 г. (СУ 1923 г. № 53, ст. 525).

[4] СЗ 1927 г. № 10, ст. 95.

ского земельного фонда,[1] сельскохозяйственная иммиграция и реэмиграция производится с разрешения Наркомземов республик по согласованию с Наркоминделом и республиканскими Наркомвнуделами.

Сельскохозяйственная иммиграция и реэмиграция допускаются лишь в многоземельных и окраинных районах и на тех земельных участках, которые не нужны местному населению. Она имеет своею целью, между прочим, «дать местному населению примеры организации агрикультурно-показательных хозяйств, основанных на применении достижений современной агрономической техники».[2] Поэтому непременным условием предоставления земли иммигрантам и реэмигрантам является организация их в сельскохозяйственные коллективы (коммуны, артели или переселенческие товарищества) и ввоз с собой капитала (основного и оборотного), необходимого для самостоятельной организации и ведения образцового показательного хозяйства. Однако, земли отводятся им на началах договорного пользования, за определенную арендную плату, по общим правилам использования государственных земельных имуществ, хотя и без торгов и на льготных условиях. Лишь в случае исправного выполнения всех условий арендного договора и по истечении его срока иммигрантский коллектив может получить земельный участок в трудовое пользование, если все члены коллектива удовлетворяют требованиям прим. 2 к ст. 9 (см. гл. VII, § 1, 1, г).

Иммигрантам и реэмигрантам предоставлены все льготы, установленные для переселенцев (см. выше § 4, 4), а ввозимые ими сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, а также предметы личного и домашнего потребления, освобождены от оплаты таможенными пошлинами и сборами и акцизами.[3]

§ 5. Трудовая заимка.

1) Особым основанием возникновения права трудового пользования на землях, входящих в состав государственных земельных имуществ, является трудовая заимка.[4] Этот способ появления в хозяйственном обороте трудовых земель отличается от всех выше нами изложенных тем, что он основан не на отводе земли органом государственной власти, не на публичноправовом акте наделения, а на само-

[1] Постановление СТО от 1 июля 1926 г. (см. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 сентября 1926 г. — СУ 1926 г. № 59, ст. 458).

[2] Инструкция СНК РСФСР от 28 января 1927 г. об условиях и порядке предоставления земель для нужд с.-х. иммиграции (СУ 1927 г. № 19, ст. 130).

[3] Пост. ЦИК и СНК от 31 марта 1925 г. (СЗ 1925 г. № 23, ст. 152).

[4] Цирк. НКЗ от 2 июля 1923 г. № 57, Правила устройства трудовых заимок земли для постоянного с.-х. использования («Земельный кодекс с разъяснениями НКЗ», стр. 30).

вольном занятии пустующих земель земледельцем, без предварительного на то разрешения государства, но с последующей регистрацией, в течение годичного срока со дня занятия, в ближайшем земельном управлении.

Ст. 16 Кодекса определяет категорию земель, которая может быть освоена трудовым населением под заимки, как земли «свободные, т. е. не находящиеся в чьем-либо пользовании, никому не предназначенные и состоящие в непосредственном распоряжении государства». В то время как земли свободного земельного запаса, поступающие в порядке наделения или переселения трудовым землепользователям, должны быть предварительно предназначены, отведены земорганами для этих целей, трудовая заимка возможна лишь на тех землях этого земельного запаса, которые даже не состоят на учете земорганов, которые им известны лишь, так сказать, количественно, без их какого-либо осмотра. Поэтому трудовая заимка запрещается в лесах защитных и общегосударственного значения и вообще на землях, предназначенных для о п р е д е л е н н ы х целей: концессий, горных разработок, колонизации и т. п. В нашем гигантском колонизационном фонде имеются огромные пространства земель, главным образом в Сибири и на севере Европейской России, на которых еще никогда не велось ни сельского, ни лесного хозяйства. По данным 1907 г., из всей земельной площади России около 819 миллионов десятин не состояли на учете, т. е. о них не имелось никаких сведений.[1] Эти-то свободные, пустующие, необжитые земли и являются основным фондом для трудовых заимок, которые до революции были типичной формой сельскохозяйственного освоения земель не только в Восточной и большей части Западной Сибири (и Средней Азии), но встречались в заметных размерах на северной, восточной и даже южной окраинах Европейской России. Отсутствие таких земель на Украине является причиной того, что Земельный кодекс УССР не знает трудовой заимки, как основания возникновения права трудового землепользования.

2) Прим. к ст. 16 Зем. кодекса, согласно общего характера тех земель, которые могут быть занимаемы под трудовые заимки, требует, чтобы районы, где допускается их устройство, устанавливались особой инструкцией Наркомзема. Для автономных республик инструкция эта издается Федеральным комитетом по земельному делу по представлению Наркомзема соответствующей республики, а для автономных областей — Наркомземом Федерации по соглашению с Федеральным комите-

---

[1] См. таблицу, приведенную у Н. Л е н и н а, Аграрная программа социал-демократии в первую русскую революцию 1905—1907 гг., 2 изд., М., 1919 г., стр. 40.

том по земельному делу. Вышеуказанные правила о трудовых заимках от 2 июля 1923 г. и являются этой инструкцией, изданной Наркомземом на основании прим. к ст. 16.

Районами, где разрешаются трудовые заимки, объявлены почти вся Сибирь, север и северо-восток Европейской России,[1] причем в этих губерниях и областях устанавливаются внутригубернские районы, где, в соответствии с местными экономическими, бытовыми и прочими условиями, допускается устройство трудовых заимок. Районы эти открываются для трудовых заимок объявлениями губисполкомов, которые для лесных районов должны согласовать свои постановления с Наркомземом Федерации.

3) Соответственно общему характеру права трудового землепользования, заимка должна быть трудовой, т. е. размер ее не должен превышать того количества земли, которое хозяйство заимщика может освоить трудом своих членов, применяя наемный труд только в случаях, разрешенных ст. ст. 39 — 41 Зем. код. В тех же целях заимщик обязан в пятилетний срок обратить занятый им участок в с.-х. угодья, а также возвести на нем постоянное жилое помещение. При неисполнении заимщиком этих требований закона участок может быть занят другими лицами. Но право пользования на заимку возникает с момента приступа к работам на заимке, нуждаясь лишь в регистрации в ближайшем земуправлении в течение годичного срока под опасением, в противном случае, недействительности заимки.

Так как занятие земли под заимки совершается по собственной инициативе заимщика, без предварительного на то разрешения земорганов, то заимщики не пользуются никакими льготами, предоставленными переселенцам, кроме права на проезд по льготному переселенческому тарифу.[2]

---

[1] Ст. 6 правил подробно перечисляет эти районы. Сюда относятся губернии: Мурманская, Архангельская, Северо-двинская, Череповецкая, Костромская, за исключением уездов Костромского и Нерехтского, Вятская, Пермская, Екатеринбургская, за исключением уездов Шадринского, Камышловского и Ирбитского, Тюменская, Томская, Енисейская, Иркутская, Омская, Забайкальская, Прибайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская и области Карельская, Коми, Монголо-Бурятская и Ойратская.

[2] Цирк. НКЗ от 22 июля 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 31).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ТРУДОВОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ.

Литература: М. Шульгин, Право трудового землепользования («Сельское и лесное хозяйство», кн. 13); И. Б. Новицкий, Право трудового землепользования, М., 1925 г.; И. Б. Новицкий, Трудовая аренда земли и вспомогательный наемный труд, М., 1925 г.; М. М. Гершонов, Устойчивость землепользования как фактор развития сельского хозяйства («Техника, экономика и право», 1925 г., кн. 1); И. Войтинский, Батрачество («Энциклопедия права и государства»); А. Гайстер, Аренда и сдача земли («На аграрном фронте», 1927 г., № 6); В. Мокеев, Арендные отношения в деревне («ЕСЮ» 1927 г., № 1/2); В. Мокеев, Наемный труд в деревне («ЕСЮ» 1927 г., № 10).

А. ГОСУДАРСТВО-СОБСТВЕННИК И ТРУДОВОЙ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЬ.

§ 1. Социально-хозяйственные условия права трудового землепользования.

Закрепив «в постоянное трудовое пользование» почти всю сельскохозяйственную площадь Республики (96-97%), предоставив ее в непосредственную хозяйственную эксплоатацию отдельным частным юридическим и физическим лицам — земельным обществам и обособленным трудовым хозяйствам, каждому в определенном размере и определенных границах, и продолжая наделение трудового населения на том же праве трудового землепользования из оставшегося, главным образом еще неосвоенного земельного фонда в необжитых районах страны, — государство, однако, оставило за собою правовое верховенство над трудовой землей, как гарантию сохранения социалистического характера за установленным Кодексом земельным режимом. Чтобы обеспечить за вновь созданным правом его трудовой характер и воздействовать на его дальнейшую эволюцию в направлении к социализму, Земельный кодекс, как мы видели, вновь категорически выдвинул основное завоевание Октябрьской революции в области земельных отношений — национализацию земли.

Соотношение между правом государственной собственности на землю и правом трудового землепользования проявляется в земельном праве прежде всего в форме ряда социально-хозяйственных условий, которые государство ставит трудовому землепользователю и которые он обязан выполнять под страхом утраты права на землю. Условия эти по своему значению не имеют ничего общего с теми ограничениями, которые буржуазное государство налагает на частную собственность в так называемых публичных интересах или в интересах соседей. Как бы широки ни были эти ограничения, какую бы социальную функцию они ни знаменовали собою, но право частной собственности предшествует им, как принципиально абсолютное и самому себе довлеющее право. Поэтому за пределами этих ограничений частная собственность на землю полностью, всеми оставшимися у нее правомочиями, всеми еще заложенными в ней возможностями, служит только своему господину, данному субъекту прав. И именно поэтому так наз. социальная функция частной собственности является для нее досадным препятствием к полному проявлению своего исключительного служения частному интересу, — препятствием, которое она, несмотря на гражданскую и уголовную ответственность перед законом, стремится всячески обойти.

Социально-хозяйственные условия права трудового землепользования не являются ограничениями этого права, ибо оно само возникает, как право производное от государственной собственности на землю, которая и исторически и догматически предшествует праву трудового землепользования. Советское государство предоставило земли на вещном праве трудового пользования не для создания неотъемлемых частных прав. Наоборот, государство-собственник выделило из сферы своих правомочий по социалистическому преобразованию общественного производства точно определенные права трудового землепользования для достижения определенной государственной задачи — развития производительных сил сельского хозяйства в формах, ведущих к его коллективизации. И осуществление этой задачи есть условие самого существования прав на землю.

Более того. В переходную эпоху новой экономической политики в такой отсталой в техническом отношении крестьянской стране, как наша Республика, можно достичь интенсификации сельскохозяйственного производства и повышения его техники лишь путем предоставления земель в непосредственную эксплоатацию множества самостоятельных трудовых землепользователей. Но в то же время само содержание этой их хозяйственной автономии, все ее правомочия опреде-

ляются тою ц е л ь ю, которую государство поставило трудовым землепользователям, — целью «правильного и целесообразного использования находящихся в их пользовании земельных угодий» (ст. ст. 7 и 57 Зем. кодекса). Трудовой землепользователь имеет по отношению к предоставленному ему земельному участку лишь те правомочия, которые необходимы для ведения на нем сельского хозяйства собственным трудом. За пределами этих правомочий у права трудового землепользования нет никакого иного положительного содержания. Остаются социально-хозяйственные условия осуществления этих правомочий, требования, которые ставит государство трудовому землепользователю при осуществлении им предоставленной ему определенной хозяйственной автономии.

1) Одним из главнейших социально-хозяйственных условий права трудового землепользования является и з ъ я т и е э т о г о п р а в а и з ч а с т н о г о о б о р о т а. Несмотря на то, что трудовой землепользователь владеет отведенной ему государством землей на бессрочном праве постоянного пользования, ему запрещены «продажа, запродажа, завещание или дарение, а также залог» этого права (ст. 27) и, за некоторыми исключениями (см. ниже, § 2), уступка его на срок, т. е. сдача земли в аренду. Этим запрещением с одной стороны обеспечивается невозможность сосредоточения земли в немногих руках, а с другой — не допускается использование земли как источника нетрудового дохода, могущего возникнуть благодаря исключительному праву частных лиц на определенный земельный участок.[1]

а) Изъятие права трудового землепользования из частного оборота есть следствие л и ч н о г о характера этого права, в свою очередь вытекающего из его трудового характера. Поэтому, перечисление сделок, запрещенных ст. 27, имеет лишь п р и м е р н о е значение. Правильнее формулирует соответствующую статью Белорусский ЗК, который заключает перечисление запрещенных сделок общим выводом: «и, вообще, в с я к а я переуступка права пользования землей», кроме так наз. трудовой аренды (см. ниже, § 2).

---

[1] Собственность советского государства на землю п р и н ц и п и а л ь н о не противоречит возможности частного оборота производных от этой собственности вещных прав. Так, введенное нашим Гражд. кодексом право застройки на городские земли есть переходящее по наследству, отчуждаемое и подлежащее залогу вещное право, субъектом которого могут быть и частные лица. Следовательно, постановление ст. 27 ЗК является специальным правилом нашего земельного права, установленным в интересах охранения права трудового землепользования от его капиталистического вырождения, но не вытекает, само по себе, из государственной собственности на землю.

Особо подлежит обсуждению вопрос о мене земельными участками. Подпадая под общее запрещение ст. 27 ЗК, обмен земельными участками допускается, однако, судебною практикою с разрешения земельного общества, если обмениваемые участки входят в состав надела общества, или уездных земорганов, если обменивающие пользуются участками не в составе земельного общества, причем разрешение может быть дано лишь в том случае, если обменивающие участки землепользователи «не преследуют приэтом каких-либо корыстных целей и не совершают под видом обмена сделку купли-продажи земли или другую запрещенную ст. 27 ЗК сделку». [1]

Собственно говоря, при таких условиях нет мены, как договора; в основании обмена участками лежит распоряжение земельного общества или земоргана о наделении землепользователей определенными участками с точки зрения хозяйственной целесообразности такого наделения. Эту мысль выразил Белорусский ЗК, запретив лишь «самовольную мену земли» (ст. 26), т. е. обмен участками на основании договора. Несколько шире разрешает мену земельными участками ст. 122 ЗК Якутской республики, предоставившая «право отдельным дворам в промежутках между переделами по взаимным их соглашениям производить обмен отведеных им угодий в целях лучшего их сельскохозяйственного использования», под условием регистрации такого рода обменов в местном наслежном (сельском) совете. [2] Очевидно, что и в этом случае сельские советы могут регистрировать лишь такие соглашения о мене, которые имеют своею целью исключительно «лучшее сельскохозяйственное использование» обмениваемых участков, не сопровождаясь какими-либо денежными или иными доплатами за производство обмена.

б) Санкция запрещения, указанного в ст. 27, двоякая: уголовная и гражданская. Однако, как правильно разъяснил пленум Верхсуда, [3] в виду беспредметности самого отчуждения земли, за отменою частной собственности на землю, совершение сделок на землю, запрещенных ст. 27 ЗК, в уголовном порядке не наказуемо, если самое заключение сделки не сопровождалось уголовно-наказуемым деянием (мошенничеством, спекуляцией и пр.). Лишь в том случае, если нарушение ст. 27 ЗК является общественно-опасным или злостно направлено против интересов трудящихся (систематическая скупка права

---

[1] Опред. ОКВК от 9 ноября 1925 г. № 2857 («СХЮ» 1926 г., № 13).
[2] СУ 1925 г. № 66, ст. 527.
[3] Прот. № 22, от 24 ноября 1924 г. («ЕСЮ» 1925 г., № 1).

пользования землей кулаком и т. п.), оно должно рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. ст. 10 и 136 Угол. код. (ст. ст. 16 и 59^{11} Угол. код. 1926 г.).[1]

Гражданская ответственность определена ст. 27, как объявление запрещенной сделки недействительной с лишением права пользования землей, которая была предметом сделки, т. е. с последствиями, предусмотренными ст. 147 ГК: участок переходит в распоряжение земельного общества или земельного органа, а покупная цена взыскивается в доход государства.[2] Однако, строгое применение ст. 147 ГК терпит в данном случае два ограничения:

Во-первых, к сделкам, предусмотренным ст. 27 ЗК, как совершаемым трудовыми землепользователями, должно быть применено твердо установленное пленумом Верхсуда[3] положение, что не всякий договор, опороченный в силу ст. 147 ГК, должен непременно влечь за собою последствия по ст. 147 ГК, а лишь такой договор, в отношении которого в каждом отдельном случае судом будет установлена сознательность сторон при заключении противозаконного договора, их злостность, спекулятивность и т. п. При отсутствии этих признаков противозаконные сделки должны признаваться недействительными с последствиями не по ст. 147, а по ст. 151 ГК, т. е. стороны должны быть возвращаемы к первоначальному положению, в котором они находились до заключения сделки, или даже оставлены в том положении, в каком они находятся после незаконной сделки, если обе стороны являются трудящимися и возврат к первоначальному положению лишь разрушит их хозяйства.[4]

Во-вторых, непосредственным землепользователем, фактически осуществляющим право трудового землепользования, является двор, коллектив лиц, который не может нести ни уголовной, ни гражданской ответственности за совершение противозаконной сделки, даже когда она заключена его законным представителем, домохозяином. Более

---

[1] Ст. 59^{11} УК в редакции 1926 г., предусматривающая нарушение государственных монополий, должна быть изменена в силу утвержденного 25 февраля 1927 г. 3-й сессией ЦИК СССР Положения о преступлениях государственных (СЗ 1927 г., № 12, ст. 123), знающего только нарушение положений о монополии внешней торговли (ст. 26). Но в таком случае отпадает применение ст. 59^{11} УК и по аналогии.

[2] Разъяснение НКЗ РСФСР в НКЗ ССР немцев Поволжья № 171757 от 10 октября 1924 г. («ЗК с разъясн. НКЗ», стр. 53).

[3] Разъяснения от 15 февраля 1926 г. — прот. № 3, от 12 октября 1925 г. — прот. № 17.

[4] Так же опред. ОКВК от 9 ноября 1925 г. («СХЖ» 1926 г., № 13).

того, члены двора имеют сами право на иск о признании недействительности совершенной домохозяином сделки и о возврате от покупщика проданной им земли. Самое большее, что можно признать в этом случае, это — лишение домохозяина, совершившего незаконную сделку, причитающейся ему земельной доли в хозяйстве. [1]

2) Мы указывали, что право трудового землепользования носит целевой характер, имеет определенное социально-хозяйственное назначение, именно ведение сельского хозяйства собственным трудом субъекта этого права. Поэтому во всех тех случаях, когда прекращается выполнение этой указанной законом цели, наступает временное или даже окончательное лишение земли.

а) Случаи, влекущие за собой временное лишение земли, на срок не более одного севооборота, а при отсутствии правильного севооборота — на срок не свыше трех лет, заключаются: а) в оставлении без уважительных причин земли без хозяйственного использования (ст. 60) и б) в ведении хищнического, истощающего землю хозяйства, в частности, в умышленном уклонении, в ожидании земельных переделов, от внесения в землю имеющегося у землепользователей удобрения (ст. 61). Случаи эти относятся только к трудовому хозяйству в целом, т. е. к земледельческому двору, являющемуся хозяйствующей единицей, и не должны быть смешиваемы ни с длительным отсутствием членов двора из хозяйства, которое продолжает вести обработку земли, ни с образованием неиспользуемых земель у земельных обществ. Первое обстоятельство совершенно не подходит под ст. 60, последствия же второго, как будет указано ниже, трактуются ЗК иначе, чем в отношении к отдельному двору. [2]

Ст. 60 не перечисляет тех уважительных причин, которые освобождают хозяйство от временного лишения земли в случае оставления ее без хозяйственного использования. Причины эти, очевидно, совпадают с обстоятельствами, дающими право землепользователю сдавать землю в трудовую аренду и указанными в ст. 28 Зем. код., именно: временное ослабление хозяйства вследствие стихийных бедствий (неурожай, пожар, падеж скота и т. п.), недостаток инвентаря или рабочей силы, а также убыль последней за смертью, призывами по мобилизации, советской и общественной службой по выборам, пребыванием в учебных заведениях, временным отходом из хозяйства на трудовые заработки и т. п. Понятно также, что сдача земли в разрешенную

[1] Так же опред. ОКВК от 13 июня 1924 г. № 135 («СХЖ» 1924 г., № 31).
[2] Разъяснение ОКВК от 8 июня 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 33).

законом аренду не подпадает под случай, указанный в ст. 60, как это, впрочем, следует из ее текста.

Если оставление земли без хозяйственного использования продолжается более трех лет, то, при отсутствии уважительных на то причин, землепользователь (т. е. двор, трудовое земледельческое хозяйство) может быть окончательно лишен земли, ибо столь длительное невыполнение трудовым землепользователем возложенной на него государством хозяйственной обязанности обозначает по Земельному кодексу (ст. 20) прекращение двором ведения хозяйства, погашающее право на землю (ст. 18).

б) Указанная выше социально-хозяйственная обусловленность права трудового землепользования приводит к тому последствию, что единственным основанием к прекращению этого права является прекращение сельскохозяйственного производства на данном земельном участке посредством личного труда членов двора, которому этот участок предоставлен в трудовое пользование. Вместе с тем эта же обусловленность трудового права на землю влечет за собой для хозяйствовавшего двора, прекратившего сельское хозяйство, погашение всех прав на находившуюся в его пользовании землю, вследствие этого переходящую или в распоряжение земельных органов, если дело идет об обособленном земледельческом хозяйстве, или в распоряжение земельного общества, если дело идет о дворе, входившем в его состав.

Земельный кодекс (ст. 18) перечисляет следующие случаи прекращения личной обработки земли силами двора, влекущие за собой прекращение права трудового землепользования: 1) добровольный отказ от земли всех членов двора; 2) прекращение двором ведения самостоятельного хозяйства полностью, наступающее, как мы видели (см. выше, 2, а), после трех лет хозяйственного неиспользования земли по неуважительным причинам (ст. 20); 3) выморочность двора, т. е. смерть всех его членов; 4) окончательное переселение двора в другое место с прекращением в прежнем месте самостоятельного хозяйства (см. гл. VII, § 4, 3); 5) лишение права на пользование землею по суду за указанные в законе преступления, из которых действующее право знает лишь нарушение ст. 27 Кодекса, т. е. отчуждение или переуступку права пользования землей (см. выше, 1, б); 6) занятие земли в установленном порядке для государственных и общественных надобностей (см. ниже, 6). Сюда же надлежит отнести еще случай невозобновления самостоятельного хозяйства на сданной в аренду земле ее сдатчиком после непрерывного пребывания земли в аренде свыше двух севообо-

*

ротных сроков, а при отсутствии правильного севооборота — свыше 12 лет (ст. 30).

в) Ст. 18 ЗК предусматривает случаи прекращения сельскохозяйственного производства на трудовых землях. Но государство ставит трудовому землепользователю не только хозяйственное требование использования земли, не истощающего ее природных сил. Оно выдвигает и социальное требование сохранения за использованием земли трудового характера, «ведения сельского хозяйства своим трудом» (ст. 9), а не наемным. Правда, как мы увидим ниже (§ 3), закон разрешает применение на трудовых землях наемного труда, но труд этот должен иметь подсобное значение к собственному труду трудового землепользователя, хозяйство которого должно сохранять в основном свой трудовой строй (ст. 39). Поэтому судебная практика правильно установила еще одно основание прекращения права трудового землепользования, кроме перечисленных в ст. 18: обработку земли исключительно наемным трудом без уважительных к тому оснований.[1]

Положение это остается в силе и после издания СНК РСФСР инструкции от 24 июля 1925 г. к «Временным правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах».[2] Вторая часть ст. 1-й инструкции допускает такую организацию крестьянского хозяйства на землях трудового пользования, при которой «хозяйство ведется в основном с помощью наемного (не подсобного) труда», требуя лишь, чтобы к таким хозяйствам применялись постановления об условиях труда в советских хозяйствах. Однако, это постановление надлежит считать отмененным новой редакцией ст. ст. 39 и 40 ЗК, принятой ВЦИК и СНК РСФСР 22 февраля 1926 г.[3] и измененной постановлением тех же органов от 28 июня 1926 г.,[4] согласно которой в трудовых земледельческих хозяйствах, т. е. в хозяйствах, образованных на землях трудового пользования, допускается применение наемного труда только в качестве подсобного, даже в том случае, если наемный труд применяется на арендованных трудовых землях.

г) Вышеуказанные основания прекращения права трудового землепользования являются numerus clausus, замкнутым числом таких

---

[1] Опред. ОКВК от 14 октября 1924 г. по д. № 1137 («Сборник», № 19).
[2] СУ 1925 г. № 54, ст. 411.
[3] СУ 1926 г. № 11, ст. 89.
[4] СУ 1926 г. № 43, ст. 328.

оснований. Трудовой землепользователь не может быть ни окончательно ни временно лишен земли по каким-либо иным основаниям, чем указанные в законе (ст. 11). Ограничены, следовательно, и основания временного лишения земли на срок не более одного севооборота, а именно: оставление земли без использования по неуважительным причинам в течение менее трех лет, сдача земли в аренду с нарушением закона и хищническое использование земли (см. выше, 2, а). Поэтому лишение земли, напр., за невзнос налога не допускается ни в административном порядке ни по судебному решению.[1]

3) Хозяйственная функция права трудового землепользования, заключающаяся в осуществлении его путем ведения сельскохозяйственного производства, естественно, приводит к обязанности землепользователя испрашивать разрешение государства, в лице уездного земельного управления, если он намерен обратить предоставленные ему земли под несельскохозяйственные промыслы и производства (ст. 13 Зем. код.). При выдаче таких разрешений земельные органы должны иметь в виду, что изменение сельскохозяйственного значения земель трудового пользования возможно, главным образом, в тех случаях, когда имеются земли неудобные, не получившие какого-либо специального назначения в хозяйстве и по хозяйственным соображениям наиболее целесообразно могут быть использованы только под несельскохозяйственные промыслы (напр., устройство мельницы).[2]

Правило это применяется и в том случае, когда субъектом права трудового землепользования является земельное общество, в частности, когда дело идет о сдаче общественных земель под застройку (прим. к ст. 13).

4) Лишение земли за ее неиспользование для сельскохозяйственного производства как временное, так и окончательное, может распространяться по самому существу своему только на полевые угодия (пашня, сенокос), на которых должно было вестись сельское хозяйство, но оно не может касаться права пользования усадебной землей, если члены двора продолжают на ней проживать, осуществляя тем самым социально-хозяйственное назначение этой категории

---

[1] Разъяснение НКЗ Череповецкому губземуправлению № 190254 от 5 июня 1923 г., отношение НКЮ № 14930 от 11 июня 1923 г. в Управмелиозем («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 35).

[2] Разъяснение НКЗ Ленинградскому губземуправлению № 197172 от 29 октября 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 26).

земель. [1] Вывод этот подтверждается и ст. 43, согласно которой конституирующим (образующим) признаком земельного общества служит совместное пользование именно полевыми угодьями. Поэтому члены двора, лишенные права пользования трудовыми землями по ст. ст. 18 и 20, выходят из земельного общества, если они в его составе пользовались до того землей, но сохраняют вместе с тем право на усадебную оседлость в этом обществе, точнее говоря, на построечное место. [2]

Судьба построек, насаждений и вообще предметов, соединенных с участком земли, при прекращении права трудового землепользования, обсуждается ниже (§ 4, 7).

5) Социально-хозяйственная обусловленность права трудового землепользования наполняет большим содержанием то заведывание государством трудовыми землями, которое оно оставило за собою в отношении ко всем землям непосредственного пользования (гл. VI, § 2). Для городских земель и земель специального назначения это заведывание ограничивается, как мы видели, помимо отвода их и отграничения от земель сельскохозяйственного назначения, одним только состоянием на учете наркомземов и их органов, ибо юридические лица публичного права, которым принадлежит право непосредственного пользования этими землями, осуществляют их социально-хозяйственное назначение в порядке государственной службы, будучи ответственными за выполнение этого назначения, как должностные лица. Но по отношению к землям трудового пользования, находящимся в хозяйственной эксплоатации частных лиц, заведывание ими наркомземами республик по необходимости расширяется до контроля государства за пользованием землей, за выполнением ее держателями тех условий, на основании которых государство закрепило ее за ними. Ст. 7 Зем. код. устанавливает общее положение, согласно которого земельным органам принадлежит общий контроль за правильным использованием землепользователями предоставленных им земель, а ст. 57 возлагает на земельные общества ответственность за правильное и целесообразное использование находящихся в их пользовании земельных угодий.

а) Контроль государства над хозяйственным использованием земли трудовым землепользователем осуществляется не административным порядком, не путем административного распоряжения земельных орга-

---

[1] См. разъяснение НКЗ Ярославскому губземуправлению № 185880 от 1 февраля 1923 г. и № 196315 от 10 октября 1923 г. («З.К.» с разъяснениями НКЗ», стр. 37).

[2] Опред. пленума ОКВК от 20 мая 1927 г. — прот. № 6, п. 7, («СХЖ» 1927 г., № 22).

нов, а в судебном порядке, путем рассмотрения столкновения между публичным интересом государства и частным правом землепользователя, как спора о праве гражданском, «в порядке, установленном для рассмотрения земельных споров» (ст.ст. 20, 60, 61). Органы государства, установив наличность такого неиспользования земли, которое указано в ст.ст. 20, 60 и 61, не в праве по собственному усмотрению лишить трудового землепользователя земли. Они должны предъявить к нему иск в земельном суде, земельной комиссии, которая только и может, проверив все обстоятельства дела, вынести решение о временном или окончательном лишении земли (ст. 207).

б) Порядок предъявления исков о лишении трудового землепользователя земли различен в зависимости от того, ведет ли он хозяйство обособленно, без вхождения в состав земельного общества (хутора или отруба), или в составе последнего. В первом случае — иски предъявляются в волостной земельной комиссии земельными органами, а полевые угодья, в случае удовлетворения иска, поступают на время или окончательно в запасный земельный фонд, находящийся в ведении этих органов. Во втором — Кодекс предоставляет преимущественное право на возбуждение дела земельным обществам (ст.ст. 60 и 61), учитывая, с одной стороны, возложенную на них ответственность за правильное и целесообразное использование закрепленных за ними угодий (ст. 57), а с другой — переход отобранных по суду земель в их распоряжение (ст. 62). Но двор не может быть лишен землепользования приговором земельного общества, которое, установив основания для такого лишения, должно предъявить о том иск в земельной комиссии.[1] При непредъявлении иска земельным обществом дело может быть возбуждено земельным органом (ст. 61).

в) Этот отказ государства от административного разрешения своих столкновений с правом трудового землепользования является одной из самых характерных черт земельного правопорядка, установленного Земельным кодексом. Публичноправовое отношение между государством и гражданином о земле конструируется вместе с тем и как гражданско-правовое отношение между собственником земли и ее пользователем, содержание которого изложено в законе. Нарушение этого отношения землепользователем, выражающееся в хозяйственном неиспользовании или нетрудовом использовании земли, влечет за собою его расторжение, временное или окончательное, по судебному решению, последовавшему по иску государства-собственника к землепользова-

[1] Опред. ОКВК от 25 мая 1925 г. по д. № 1270 («Сборник», № 30).

телю. Таким построением достигаются одновременно и полнота содержания понятия государственной собственности на землю, и наивысшая защита трудового землепользователя при столкновении с всемогущим государством.

С одной стороны, национализация земли теряет свой отвлеченный характер верховной власти государства над землями, находящимися в границах его политического господства, становясь реальною земельною собственностью, деятельно выступающею в судебном процессе в защиту публичного, общественного интереса. С другой — землепользователь защищен от административного усмотрения государства, зачастую вырождающегося в произвол его местных органов, имея в судебном разрешения своего столкновения с государством твердую гарантию прочности и устойчивости своих земельных прав.

6) Мы видели, что изъятие государством земли от трудового землепользователя возможно лишь в порядке контроля государства над ее хозяйственным использованием и только по судебному решению. Однако, настоятельные потребности общественного хозяйства могут требовать занятия определенного земельного участка для каких-либо государственных или общественных надобностей, например, для устройства железных дорог, для нужд электрификации, для разработки ценных ископаемых, устройства военным ведомством лагерей, аэродромов, посадочных площадок и т. п., хотя бы право трудового пользования этим участком и осуществлялось в полном соответствии с законом. В этих случаях закон [1] допускает изъятие земли в особом порядке, по специальному постановлению СТО или ЭКОСО союзных республик, в зависимости от того, необходим ли земельный участок общесоюзному или республиканскому органу. Это изъятие земли (ст. 22) вполне аналогично реквизиции имущества, допускаемой законом о реквизиции и конфискации имущества от 28 марта 1927 г., [2] охраняющим и трудовых землепользователей в их правах пользования земельным участком и в их праве собственности на сооружения, возведенные на этом участке. Поэтому, ст. 166 п. «в», указывающая, что изъятие земли для государственных или общественных надобностей производится в порядке землеустройства, устанавливает лишь порядок этого изъятия, но не право его совершения. Для последнего необходимо, согласно ст.ст. 4

---

[1] См., напр., постановления СТО о порядке отвода земель военному ведомству под лагеря, стрельбища, аэродромы от 28 сентября 1924 г. (СУ 1924 г. № 6, ст.ст. 28 и 30), Положение о недрах земли, ст. 17 (С У 1923 г. № 54, ст. 532).

[2] СУ 1927 г. № 38, ст. 248.

и 5 закона от 28 марта 1927 г., постановление ЭКОСО РСФСР, в случае недостижения соглашения с землепользователем.

а) При изъятии земли у трудового землепользователя ему возмещаются все убытки от такого изъятия, а взамен изъятой земли отводится земля в другом месте (ст. 23). Отвод нового участка и определение размера убытков производятся в землеустроительном процессе. Землепользователь получает поэтому возмещение за затраты и улучшения, внесенные им в изъятую землю и оставшиеся им неиспользованными (ст. 191, п. «е»), расходы на перенос построек или возмещение их стоимости при невозможности их переноса и т. п.

б) Особое место занимает отвод земель трудового пользования под разработку недр, точнее говоря, отвод поверхности этих земель, так как недра составляют собственность государства. Положение о недрах земли и разработке их от 7 июля 1923 г. стоит на точке зрения горной свободы, предоставив поиски, разведки, добычу и переработку полезных ископаемых всем гражданам и юридическим лицам Союза. Вследствие этого, правила о порядке производства отводов участков поверхности для нужд горной промышленности, изданные НКЗ РСФСР и ВСНХ СССР на основании ст. 17 Положения о недрах,[1] допускают добровольное соглашение между горнопромышленником, получившим горный отвод, и пользователем поверхности о возмездной уступке последним своего участка на все время горных работ или на иные сроки по усмотрению сторон. Однако, это соглашение, являющееся как бы отступлением от общего правила сельскохозяйственного назначения земель трудового пользования, есть лишь суррогат принудительного изъятия земель для государственной или общественной надобности. Во-первых, при недостижении соглашения, поверхность, необходимая для разработки горного отвода, отводится горнопромышленнику в порядке обязательного землеустройства по соглашению между начальником соответственного горного округа и уездным земельным управлением по отделу землеустройства (§ 10 правил). А во-вторых, при заключении соглашения последнее должно быть представлено горнопромышленником в месячный срок на регистрацию в уземуправление, которое в праве, если найдет вознаграждение землепользователя за уступку им своего участка превышающим действительный размер причиненного ему этой уступкой убытка, возбудить в земельной комиссии иск об обращении излишков вознаграждения в доход казны по смете НКЗ (§§ 6 и 8 правил). В этом постановлении проявляется общий прин-

---

[1] См. «ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 392.

цип Земельного кодекса, не допускающий, чтобы исключительное право трудового пользования определенным земельным участком стало источником нетрудового дохода.

В отличие от принудительного изъятия земли для горных разработок, землепользователь, уступивший горнопромышленнику по добровольному соглашению часть предоставленных ему в пользование участков поверхности, не имеет права требовать от земоргана замены этих участков другими (§ 7 правил).

§ 2. Трудовая аренда земли.

Мы видели, что условия, на которых государство предоставило земли в трудовое пользование, заключаются в выполнении землепользователями определенных требований, вытекающих из социальных и хозяйственных задач социалистического государства. Запрещение использования владения землею для получения нетрудового дохода и запрещение обработки ее исключительно наемным трудом— таковы социальные условия права трудового землепользования. Сельскохозяйственное использование земли, не истощающее ее природных сил, — таково хозяйственное требование государства-собственника. Считаясь, однако, с «хозяйственно-бытовыми потребностями трудового крестьянства», Земельный кодекс ввел недопускавшиеся до него революционным земельным правом новые институты трудовой аренды земли и вспомогательного наемного труда в трудовых земледельческих хозяйствах, под тем, однако, условием, чтобы приэтом была «исключена всякая возможность закабаления одного хозяина другим и не допущены никакие отступления от незыблемой основы земельного законодательства Рабоче-крестьянской республики — государственной собственности на землю».[1]

Хотя аренда трудовых земель и не указана в ст. 27 в числе запрещенных сделок, в противоположность декрету о социализации земли (прим. 3 к ст. 39), тем не менее не может подлежать сомнению, что личный характер права трудового землепользования находится в резком противоречии с какой бы то ни было уступкою этого права на договорных началах. Ибо это означало бы допустить получение нетрудового дохода (ренты) землепользователем, которому участок земли предо-

[1] Постановление X Всероссийского съезда советов о мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства, п. 5-й.

ставлен под условием его обработки личным трудом. По общему правилу, сдача трудовых земель в аренду запрещена.[1] Поэтому двор, прекративший полностью ведение самостоятельного хозяйства на предоставленном ему участке земли, вследствие ли окончательного переселения (гл. VII, § 4, 3), или перехода к другим занятиям, или по иным причинам, указанным в ст. 18, не в праве сдать этот участок в аренду (ст. 34), ибо с этим прекращением личного труда погашается для него и самое право трудового пользования участком. По той же причине сдача в аренду земель в одном месте, сопровождаемая и вызываемая получением на арендных началах земли в другом месте, не может допускаться.[2]

Это, вызываемое личным характером права трудового землепользования, запрещение аренды имеет в виду, естественно, непосредственного работника на земле, т. е. или единоличное земледельческое хозяйство (двор), или коллективное хозяйство (сельскохозяйственное товарищество, артель, коммуну). Но в отношении к землям земельных обществ, не ведущих коллективного хозяйства и распределяющих закрепленные за ними земли между входящими в их состав дворами (общества с общинным или участково-чересполосным порядками землепользования), запрещение сдачи их земель в аренду не столь безусловно. Являясь юридическими лицами, распоряжающимися землей в интересах всей совокупности образующих их дворов, эти земельные общества в праве сдавать в аренду свои земли, находящиеся в общественном запасе, как отдельным землепользователям, так и иным организациям, учреждениям и предприятиям, для всяких их целей, в том числе и под застройку (прим. к ст. 28 и прим. к ст. 13). Подробнее об этом см. гл. IX, § 6, 3,б.

1) Исключением из общего правила запрещения аренды трудовых земель является трудовая аренда земли. Ее особенности заключаются раньше всего в личностях договаривающихся сторон.

а) Сдатчиками земли могут быть лишь временно ослабленные трудовые хозяйства, у которых нарушено равновесие между трудовыми силами семьи и размером ее земельного обеспечения. Причины этого ослабления примерно перечислены в ст. 28: стихийные бедствия (неурожай, пожар, падеж скота и т. п.), переселение, недостаток инвентаря или рабочей силы, убыль ее за смертью, призы-

[1] Опред. ОКВК от 30 октября 1925 г. по д. № 1706/3090 — 1925 г. («СХЖ» 1926 г., № 11).

[2] Разъяснение НКЗ в Гомельское губземуправление № 194508 от 6 сентября 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 54).

вами по мобилизации, советской и общественной службой по выборам, временным отходом из хозяйства на трудовые заработки, вследствие болезни или пребывания в учебных заведениях (прим. к ст. 75). Таким образом, сдача в аренду земли разрешается лишь в целях поддержки временно ослабленного трудового хозяйства, но не в качестве постоянного источника нетрудового дохода. Именно поэтому, если сдатчик по истечении разрешенного законом максимального срока аренды окажется не в состоянии вести самостоятельное хозяйство на сдававшейся в аренду земле, то наступают последствия прекращения права трудового землепользования, т. е. земля переходит в запасный фонд земельного общества, если сдатчик входил в его состав, или в запасный фонд государства — в прочих случаях (ст. 30).

К временно ослабленным хозяйствам, имеющим право на сдачу своих земель в аренду, приравниваются переселенцы, а также хозяйства, расселившиеся в порядке землеустройства на новые участки, требующие раскорчевки, осушения или других мелиоративных работ. Этим хозяйствам предоставлено право, несмотря на использование ими вновь отведенных земель, сдать в аренду свои участки в прежнем месте жительства на срок до двух лет, а с разрешения Наркомзема — и до трех, с момента зачисления за ними земли в месте переселения или расселения (прим. к ст. 34).

б) Съемщиком трудовой земли может выступать лишь хозяйство, способное силами своих членов или с помощью подсобного наемного труда обработать арендуемую дополнительно к своему наделу землю (ст. 32). Съемщиком может быть поэтому и безземельный двор, если только он располагает достаточной для ведения хозяйства на арендуемой земле собственной рабочей силой, прибегая к наемному труду, лишь как подсобному. Таким образом, условия применения наемного труда на арендованных трудовых землях те же, что и на землях, предоставленных съемщику в трудовое пользование: обработка арендуемых земель исключительно наемным трудом законом воспрещается; и на арендованных хозяйством землях его трудоспособные члены должны участвовать в работе «наравне с наемными рабочими» (ст. 40). Это правило предохраняет трудовую аренду земель от перерождения в аренду капиталистическую, устанавливая пределы количеству арендуемых хозяйством земель. И на стороне съемщика аренда носит трудовой характер, имея своею конечною целью дать приложение избыточному труду членов хозяйства, не имеющего достаточного для этого земельного обеспечения.

Лично-трудовой характер аренды для съемщика имеет своим естественным последствием запрещение субаренды: съемщик не в праве передавать от себя арендованную землю другим лицам (ст. 35).

2) Трудовое хозяйство, сдающее землю в аренду, должно быть ослаблено лишь временно, будучи по своей экономической силе вообще в состоянии выполнить свою хозяйственную функцию сельскохозяйственной обработки земли. Поэтому Кодекс определяет максимальный срок аренды: не более двух севооборотных сроков при севообороте шестипольном или выше шестипольного и не свыше 12 лет при севообороте ниже шестипольного или при отсутствии правильного севооборота (ст. 29). При невозможности для сдатчика по истечении этих сроков восстановить свое собственное самостоятельное хозяйство, для него наступают, как мы выше указали, последствия прекращения трудового землепользования.

Прекращение права трудового землепользования вследствие невозможности самостоятельной обработки сдававшейся в аренду земли по истечении предельных сроков аренды может иметь место лишь после наступления этих сроков. Поэтому земельное общество или земорган не в праве не допускать сдачи земли в аренду и вынести постановление об отобрании ее у трудового хозяйства на том основании, что оно все равно является окончательно ослабленным, вследствие чего земля становится для него не объектом применения личного труда, а только средством к существованию посредством сдачи в трудовую аренду. Таков, например, случай так называемых «прожиточных наделов», наделения землей земельным обществом своих престарелых членов или одиноких вдов, не имеющих рабочего скота, и т. п. И в этом случае трудовое право на землю погашается лишь после истечения предельных сроков, ибо за время аренды возможно изменение состава двора посредством брака или примачества, и следовательно, восстановление его рабочей силы.[1] То же самое относится и к земельным наделам детей-сирот, которые могут сдаваться опекунами в трудовую аренду для содержания опекаемых, причем в этих случаях предельным сроком аренды должно считаться совершеннолетие опекаемых.

3) Поскольку закон регулирует содержание договора трудовой аренды, он направлен на защиту сдатчика земли, ибо в этом договоре последний является слабой стороной (временно ослабленное хозяйство), в то время как арендатор, напротив того, — эконо-

---

[1] Разъяснение НКЗ в Ярославское губземуправление № 199059 от 3 декабря 1923 г. («Земельный кодекс с разъяснениями НКЗ», стр. 55).

мически более сильной. Поэтому Кодекс (ст. 35) обязывает съемщика вести хозяйство на арендуемой земле, как его должен вести старательный и предусмотрительный хозяин, не истощая хищнически земли. Более того, в договоре должна быть непременно указана обязанность арендатора произвести улучшения в арендуемой земле и, соответственно этому, указаны условия и способ расчета за них в случае их неполного хозяйственного использования арендатором (прим. к ст. 35), так как улучшения, неотделимые от земли без ущерба для хозяйственной годности участка, переходят по окончании срока аренды к сдатчику (ст. 37). Требуя помещения такого условия в договоре трудовой аренды, Кодекс борется с возможными вредными последствиями для развития производительных сил сельскохозяйственного производства от ведения арендатором хозяйства не на своей, а на чужой земле.

В целях той же защиты сдатчика, Кодекс постановляет, что все сборы, налоги и повинности, падающие на его сельское хозяйство, уплачиваются арендатором в течение всего срока аренды в части, соответствующей количеству арендованной им земли (ст. 35). Размер арендной платы, которая может быть определена деньгами, продуктами или иными видами вознаграждения (ст. 28), Кодексом не регулируется, но договор не должен носить кабального характера (ст. 38), т. е. условия его не должны быть явно невыгодны для одной из сторон (например, сдатчика), согласившейся на них под влиянием крайней нужды. В предупреждение кабальных сделок и в целях обеспечения интересов маломощных хозяйств, Кодекс возложил на губ. и облземуправления обязанность распубликовать типовые договоры аренды (прим. к ст. 33).

4) Для того, чтобы разрешенный Кодексом договор аренды земли трудового пользования не выходил за пределы вышеуказанных условий о личностях договаривающихся сторон, сроке аренды и содержании договора, условий, делающих его средством помощи временно ослабленному хозяйству, а не орудием эксплоатации последнего экономически более сильным хозяйством, — закон установил определенную форму для этих договоров. Договор трудовой аренды, а также дополнительное соглашение об его изменении или дополнении его условий, должны быть для своей действительности обязательно зарегистрированы в местном сельском совете (ст. 32). Без этой регистрации договор недействителен.

Последствия недействительности определяются не только ст. 151 ГК, т. е. возвращением сторон к первоначальному положению, в котором они находились до заключения арендного договора, но и ст. 35 ЗК, в силу которой на сдатчика будут падать все налоги и сборы, причитаю-

щиеся за сданную в аренду землю по незарегистрированному договору.

Эта строгая формальность договора аренды земли трудового пользования обусловлена тем, что органы власти обязаны при регистрации сделки проверить соответствие ее условий требованиям закона (ст. 32). Они поэтому в праве отказать в регистрации, если находят, что эти условия противоречат постановлениям закона о субъектах договора аренды, его предельных сроках и его содержании. Отказ в регистрации стороны могут обжаловать в волостную земельную комиссию (ст. 38), соответственно общему принципу о разрешении всех столкновений между государством-собственником и трудовым землепользователем — в судебном порядке в земельных комиссиях (см. выше, § 1, 5).

Для регистрации арендных договоров, в сельсоветах ведутся специальные ордерные книги арендных договоров, прошнурованные по страницам и пропечатанные губземуправлением. Листы ордерной книги для сельсоветов состоят из 4 отрезов. В каждой из отрезов записывается совершенно одинаково содержание договора, а именно: кто является сдатчиком и съемщиком земли, количество всей земли сдатчика и сдаваемой им в аренду, срок аренды и ее условия, а также и документы на землепользование договаривающихся сторон. Далее следуют подписи сдатчика и съемщика, которые скрепляются подписью и печатью председателя сельсовета. Два отреза выдаются на руки заинтересованным сторонам, один ордер посылается сельсоветом в волисполком для сведения, а корешок записи остается в сельском совете. [1]

Таким образом, договор трудовой аренды земель совершается при непосредственном участии органов государственной власти. Поэтому совершенно безразлично, заключен ли он предварительно сторонами в письменной или устной форме (ст. 33), ибо он совершается, собственно, по особой форме в сельсовете, где и приобретает обязательную для сторон силу.

Помимо административного контроля договоров аренды земель трудового пользования при их регистрации, Кодекс предоставляет земельным органам право предъявить иск в судебном порядке в земельной комиссии о расторжении уже заключенного договора — по противозаконности ли его содержания или вследствие неисполнения арендатором указанных в законе или содержащихся в договоре условий арендного договора (ст. 36). Такое же право иска и по тем же основаниям имеет, конечно, и сдатчик. Однако, иск о растор-

[1] Инструкция НКЗ о земельной регистрации от 27 июля 1923 г., ст.ст. 144 — 149 («ЗК с разъяснениями НКЗ», приложение № 65).

жении договора по тому основанию, что он носит кабальный характер, предъявляется в народном суде (ст. 38; ст. 5 инструкции НКЗ и НКЮ о порядке рассмотрения спорных земельных дел).

§ 3. Вспомогательный наемный труд.

1) Как и аренда, применение наемного труда для ведения сельского хозяйства на трудовых землях противоречит основному условию права трудового землепользования, принципу личного труда. Однако, как и при аренде, Кодекс, считаясь с «хозяйственно-бытовыми потребностями трудового крестьянства», допустил вспомогательный или подсобный наемный труд в трудовых земледельческих хозяйствах. Подсобный характер наемного труда заключается в том, что применяющее его хозяйство должно сохранять свой «трудовой строй», т. е. «все его наличные трудоспособные члены должны принимать участие в работах хозяйства наравне с наемными рабочими» (ст. 40). Таким образом, наемный труд в хозяйстве трудового землепользования допускается «в целях поощрения большего вкладывания накапливаемых крестьянами средств в обработку и удобрение земли для усиления интенсификации и повышения доходности»,[1] но при сохранении за таким интенсивным крестьянским хозяйством его трудового характера. Само собою разумеется, что наемный труд разрешается и в тех случаях, когда трудовое хозяйство, по состоянию своей рабочей силы или инвентаря, не может выполнить своевременно необходимые сельскохозяйственные работы. В этих случаях, совпадающих по своему фактическому составу с перечисленными в ст. 28 условиями, когда допускается сдача трудовой земли в аренду, не будет противоречием ст.ст. 39 и 40 даже исключительное применение наемного труда (напр., в случае болезни или инвалидности членов двора).

2) Условия применения подсобного наемного труда на трудовых землях определены «Временными правилами», утвержденными СНК СССР 18 апреля 1925 г.,[2] и изданной на основании этих правил инструкцией СНК РСФСР от 24 июня 1925 г.[3] Эти правила и инструкция заменяют для подсобного наемного труда в трудовых земледельческих хозяйствах Кодекс законов о труде, постановления которого таким образом не распространяются на батраков и батрачек, работающих в этих хозяйствах. Поэтому условия найма не могут ухудшать

[1] Из постановления пленума ВКП(б) от 20 апреля 1925 г.
[2] СЗ 1925 г. № 26, ст. 183.
[3] СУ. 1925 г. № 54, ст. 411.

положения батрака (батрачки) по сравнению с Временными правилами и Инструкцией, но не с Кодексом законов о труде (ст. 2 Инструкции).

Установленные «Временными правилами» обязательные минимальные условия подсобного наемного труда существенно разнятся от требований Кодекса законов о труде. Отметим наиболее важные различия. «Временные правила» допускают в качестве нормального рабочего времени удлиненный рабочий день, т. е. рабочий день свыше 8 часов, продолжительность которого устанавливается по соглашению сторон для каждого времени года отдельно, в зависимости от напряженности работ в отдельные сельскохозяйственные периоды. Подростки допускаются к работе по найму, по общему правилу, не моложе 14 лет, но для особо легких работ допускается наем подростков в возрасте от 12 до 14 лет. Запрещается применять труд подростков, а также беременных женщин, на непосильных и вредных для их здоровья работах.

Выходное пособие в размере двухнедельной заработной платы выдается в случае увольнения батрака или батрачки без предупреждения за две недели. В случае болезни, несчастного случая или родов наниматель обязан сохранить за батраком (батрачкой) место, выплачивать им обусловленную заработную плату и предоставить жилье и харчи в течение 2 недель со дня прекращения работы, если батрак или батрачка были наняты только на отдельные периоды сельскохозяйственных работ и проработали в хозяйстве не менее 2 недель. Если же батрак или батрачка были наняты на более продолжительные сроки и проработали в хозяйстве не менее одного месяца, то указанная гарантия удлиняется до одного месяца. Само собою разумеется, что, в случае застрахования батрака или батрачки, выплата заработной платы за время болезни или родов производится страховой кассой, а не нанимателем. Но страховать своих подсобных наемных рабочих в порядке социального страхования обязаны лишь те крестьянские хозяйства, которые пользуются одновременно наемным трудом не менее трех батраков или батрачек в течение целого сельскохозяйственного года, т. е. от начала до конца сельскохозяйственных полевых работ. Время отдыха составляют однодневный отдых один раз в неделю, 6 революционных праздников и другие праздники, которые празднуются в данной местности. Работа в праздничные и нерабочие дни допускается лишь в том случае, если и сам наниматель участвует в работе в эти дни.

Эти ослабленные в сравнении с Кодексом законов о труде правовые гарантии применяются лишь к тем крестьянским хозяйствам, в которых наемный труд является подсобным. К крестьянским хозяй-

ствам промышленного типа должны применяться постановления об условиях труда в советских хозяйствах. Установление признаков крестьянских хозяйств промышленного типа предоставлено краевым, областным и губернским исполкомам и совнаркомам автономных республик, в зависимости от местных хозяйственных и бытовых условий.

3) Так как определение условий труда подсобных сельскохозяйственных рабочих во многих отношениях предоставлено соглашению сторон, то, во избежание кабального характера этих соглашений, «Временные правила» требуют заключения трудовых договоров в письменной форме, которые должны быть представлены нанимателем в сельский совет для регистрации в течение двух недель со дня найма. Лишь наем работника на срок не более 2 недель одновременно или одного месяца в разные сроки в течение одного года может быть заключен устно. Хотя сельский совет обязан зерегистрировать письменное соглашение, не внося в него никаких изменений, однако, инспекция труда или профессиональный союз в праве требовать изменения или расторжения соглашения, нарушающего «Временные правила», и привлечь нанимателя к уголовной ответственности по ст. 133 УК (в ред. 1926 г.).

4) Подсобный характер наемного труда в крестьянских хозяйствах, предоставление батраку или батрачке нанимателем в своем доме «жилья и харчей» порождают ряд мелких трудовых конфликтов, которые требуют разрешения на месте. Это обстоятельство побудило «Временные правила» учредить при вол (рай) исполкомах примирительные комиссии, которые, не имея характера третейского суда, имеют своей задачей достичь соглашения между спорящими сторонами и разбирают возникший спор лишь в том случае, если обе стороны (батрак и наниматель) согласны на такое разбирательство. Поэтому председатель вол (рай) исполкома или его заместитель, являющийся председателем примирительной комиссии, имеет в ней лишь совещательный голос, в то время как решающий голос принадлежит остальным двум членам примирительной комиссии: со стороны рабочих — представителю союза Работземлес, со стороны нанимателя — нанимателю или его уполномоченному.[1] При недостижении соглашения в примирительной комиссии, дело переходит в народный суд.

---

[1] Постановление НКТ, НКЗ, НКВД и НКЮ РСФСР от 1 октября 1924 г. («Известия НКТ СССР» 1924 г., № 41) и Инструкция НКТ РСФСР № 181/1316 от 20 июня 1925 г.

5) Особо надлежит упомянуть об условиях найма общественных пастухов, регулировать труд которых Инструкция СНК РСФСР от 24 июля 1925 г. поручила НКТ РСФСР на основе «Временных правил». Постановление НКТ от 26 октября 1926 г.[1] распространяет свое действие на пастухов, чабанов и подпасков, работающих у земельных обществ и у групп владельцев скота. Постановление вводит обязательное социальное страхование нанимателями пастухов и подпасков и сохраняет за ними в случае болезни в течение месяца место, жилье и харчи (если они по договору должны предоставляться натурой). Наниматели обязаны также снабжать пастухов и подпасков рабочей одеждою и обувью, а не имеющих своего жилья — бесплатным помещением.

По «Временным правилам» удержания и вычеты из заработной платы батрака или батрачки наниматель может производить только по решению примирительной комиссии или нарсуда и лишь в том случае, если батраком или батрачкой будет причинен нанимателю злостный (умышленный) ущерб порчей или утратой имущества нанимателя. Наоборот, при найме общественных пастухов, в случае потравы или гибели скота по их вине, наниматель в праве производить удержания из заработка на покрытие убытков, но в размере, не превышающем за весь срок найма одной трети причитающегося заработка. Вычеты в большем размере возможны лишь при нанесении злостного ущерба и только по судебному решению.

Уволить пастуха и подпаска наниматель может только по уважительной причине и с предупреждением об увольнении за 2 недели. В случае увольнения без предупреждения, пастух или подпасок имеют право на выходное пособие в размере двухнедельного заработка.

Как и при найме батраков в крестьянском хозяйстве, обязательно заключение письменного трудового договора.

Б. ПРАВОМОЧИЯ ТРУДОВОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

§ 4.

Мы видели, что хозяйственно-социальная обусловленность права трудового землепользования заключается в обязанности землепользователя личным трудом вести сельскохозяйственное производство на предоставленном ему в трудовое пользование земельном участке. Это социальное и хозяйственное требование государства, как мы указали,

[1] «Известия НКТ РСФСР» 1926 г., № 40 (Цирк. № 252/1324).

точно регулировано в Земельном кодексе установлением замкнутого круга оснований прекращения права трудового землепользования, смягчено рядом исключений и льгот, сообразно с хозяйственно-бытовыми условиями крестьянского хозяйства, в виде трудовой аренды, вспомогательного наемного труда, временной необработки земельного надела, и защищено от произвольного толкования административных властей передачей всех столкновений между земельными органами государства-собственника и трудовыми землепользователями на разрешение судебных учреждений, земельных судов. Но если только эти условия, которые ставит государство трудовому землепользователю, выполняются последним, — а их выполнение не представляет для него никаких затруднений, так как они выражают собою трудовую природу мелкого и среднего крестьянского хозяйства, являющегося господствующей формой сельского хозяйства нашей страны, — то его право на землю становится совершенно автономным вещным правом хозяйственной эксплуатации земли, в пределах, конечно, основного предназначения этого права — ведения сельскохозяйственного производства.

1) Право трудового землепользования бессрочно (ст. 11) и как вид права непосредственного пользования землями (гл. VI, § 3) безвозмездно в смысле платежа арендной платы государству-собственнику за пользование землей.[1] Этими двумя существенными признаками трудовые земли отличаются от государственных земельных имуществ, собственно государственных земель (совхозы и доходные статьи), которые могут быть предоставлены лишь в срочное пользование (на срок не свыше 12 лет и лишь в случае возведения ценных хозяйственных построек или иных капитальных затрат — на срок не свыше 24 лет) и только за определенную арендную плату.[2] Различие это вытекает из различия самих оснований прав на землю: публично-правового акта поземельного устройства трудового земледельческого

---

[1] Безвозмездность пользования землей не исключает обложения земли дополнительной (диференциальной) рентой, как это мы видим на примере земельных участков, обслуживающих национализированные и частновладельческие строения в городах (ст. 15 Положения о земельных распорядках в городах от 13 апреля 1925 г. — СУ 1925 г. № 27, ст. 188). С интенсификацией сельского хозяйства и ростом индустриализации страны, естественно, возникнет вопрос о распространении рентного обложения и на земли сельскохозяйственного значения.

[2] Декрет СНК от 23 августа 1923 г. о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ, ст.ст. 8 и 15 (Собр. узак. 1923 г., № 74, ст. 716). Исключения из этого правила — см. гл. XIV, § 3.

населения в первом случае и частноправового договора аренды — во втором.

2) Объем правомочий трудового землепользователя определяется ст. 24 как свобода хозяйственной эксплуатации своего земельного надела, как право хозяйственно использовать землю по своему усмотрению. Характеризуя таким образом правомочия трудового землепользователя, Кодекс, раньше всего, подчеркивает принцип невмешательства государства в ведение сельского хозяйства отдельным крестьянским двором. В отношении к земельному обществу тот же принцип хозяйственной автономии выражается в правиле ст. 58 Зем. код., согласно которому каждое земельное общество имеет право сохранить или избрать любой порядок землепользования (из допускаемых Земельным кодексом). Но это обращенное к государству утверждение хозяйственной автономии не относится к тем ее ограничениям, которые устанавливает земельное общество, вводя тот или другой порядок землепользования на закрепленных за ним землях: этому порядку трудовое земледельческое хозяйство (двор), пока оно состоит в обществе, обязано подчиняться (ст. 10).

Ст. 24 говорит просто о хозяйственном использовании земли, не указывая в точности, какой вид хозяйства она имеет в виду, но сопоставление со многими статьями Кодекса, в особенности со ст. 13, не оставляет сомнений в том, что дело идет о сельскохозяйственном использовании земли. Основным правомочием трудового землепользователя является, таким образом, использование предоставленной ему трудовой земли по своему усмотрению в целях сельскохозяйственного производства.

3) Указанное правомочие трудового землепользователя по общему правилу требует лишь использования поверхности земли. На находящиеся же в недрах трудового земельного участка полезные ископаемые право трудового пользования не распространяется, так как это не вытекает из основного хозяйственного предназначения этого права — ведения сельскохозяйственного производства. В отношении к ним трудовой землепользователь не имеет больших прав, чем всякий другой горнопромышленник, ибо полезные ископаемые принадлежат государству. Трудовой землепользователь может разрабатывать месторождения ископаемых, находящихся в недрах его земельного участка, лишь получив на них от государства горный отвод и за плату, установленную государством.[1] Исключение составляют агрономические

[1] Положение о недрах земли и их разработке (СУ 1923 г. № 82, ст. 799).

руды, напр., фосфориты, известняки, мергель и т. п., строительные камни, мраморовидные известняки, песчаники, глины всех сортов, песок и т. п. общераспространенные ископаемые. Эти ископаемые трудовой землепользователь в праве разрабатывать в пределах предоставленного ему земельного участка без разрешения государства, в лице органов Главного управления горной промышленности, и без особой платы ему, но только для собственной надобности, а равно для удовлетворения потребностей своего хозяйства, сельского или кустарного промысла.[1]

а) В аналогичном положении находятся торфяные залежи на землях трудового пользования и в лесах местного значения (см. гл. XV, § 3, 2).[2] Входя в состав государственного торфяного фонда, они прежде всего обеспечивают непосредственные нужды в топливе, подстилке и удобрении местного крестьянского населения. Преимущественное право на бесплатную разработку торфяных залежей на землях трудового пользования и в лесах местного значения, но только для собственных нужд, имеет население, на землях которого расположена торфяная залежь. Если запасы торфа в залежи превышают потребность населения, на землях которого она расположена, потребность, устанавливаемую губернскими (областными) исполкомами как в отношении годовой нормы, так и в отношении числа лет для каждого района, то право бесплатной разработки излишков торфа сверх указанной потребности имеют граждане других селений, не имеющие своих торфяных болот и не обеспеченные другими видами топлива, подстилки и удобрения. Предварительное обеспечение местного населения торфом на срок не свыше 36 лет производится и в том случае, когда торфяная залежь отводится для нужд промышленных предприятий. Но, в отличие от трудовых землепользователей, эти предприятия платят государству за разработку торфяных залежей, расположенных на землях трудового пользования и в лесах местного значения. Отвод торфяных болот с необходимыми суходолами для граждан других селений и промышленных предприятий производится в порядке изъятия трудовых земель (ст.ст. 22 и 23 — см. выше, § 1, 6).

Общие задачи осушения болот и превращения в сельскохозяйственные земли выработанной площади торфяников, а равно и удовлетворе-

---

[1] Положение о недрах, ст. 20, п. «г».

[2] Правила разработки местным крестьянским населением торфяных залежей для удовлетворения собственных нужд в топливе, подстилке и удобрении, от 24 марта 1926 г. (СУ 1926 г. № 21, ст. 161), отменившие циркуляр Наркомзема от 16 марта 1925 г. («СХЖ» 1925 г., № 15).

ния потребности населения в торфе, побудили государство установить правило, что крестьянскому населению, не имеющему своих торфяных болот, при невозможности отвода ему торфяной залежи на трудовых землях других земельных обществ, местные земельные органы отводят торфяные залежи с необходимыми суходолами на территории государственных земельных имуществ и государственного лесного фонда на срок не свыше 12 лет и на таком же праве бесплатной разработки. Впрочем, правила 25 марта 1925 г. оговаривают, что бесплатный порядок разработки этих торфяных залежей устанавливается временно.

При разработке торфяных болот трудовые землепользователи обязаны соблюдать план ведения торфяного хозяйства на данной залежи и выполнять правила их надлежащей и целесообразной разработки. Поэтому, приступая к добыванию торфа на своих трудовых землях или в отведенных лесах местного значения, население обязано уведомить о том местные земельные органы не позднее, чем за месяц до начала работ, для получения свидетельства на право разработки, которое должно быть выдано в месячный срок после получения уведомления. Несвоевременная выдача свидетельства не может служить препятствием для начала работ. Предварительное получение свидетельства на разработку необходимо и во всех других случаях разработки торфяных залежей.

Соответственно общему принципу поощрения кооперирования населения, во всех случаях отвода торфяных болот преимущественное право на такой отвод перед единоличными крестьянскими хозяйствами предоставляется торфяным товариществам.

4) Аналогично с вопросом о недрах разрешается вопрос и о правомочии трудового землепользователя в отношении к воздушному пространству над закрепленным за ним земельным участком.[1] Никаких особых частных прав на это пространство он не имеет, ибо право трудового землепользования не имеет, подобно праву собственности буржуазного права, какого-либо абсолютного содержания, включающего все возможные правомочия, кроме тех, которые исключены специальным постановлением закона.[2] Наоборот, содержание правомочий

[1] См. В. Гуковский, Пределы прав землепользователей на воздушный столб («ЕСЮ» 1923 г., № 48); Ив. Перетерский, К вопросу о праве землепользователей на воздушное пространство («ЕСЮ» 1924 г., № 6).

[2] Так, § 905 Герм. гражд. улож. гласит: «право собственника поземельного участка простирается как на пространство, находящееся над поверхностью, так и на недра земли, расположенные под нею. Собственник не может однако воспретить воздействие, происходящее на такой высоте или в такой глубине, что устранение его не представляет для него интереса».

субъекта права трудового землепользования ограничено при самом его возникновении: оно определяется только установленною законом целью этого права, только хозяйственным предназначением трудовых земель. Отсюда следует, что трудовой землепользователь имеет право использования воздушного пространства над его земельным участком постольку, поскольку это необходимо для ведения им сельскохозяйственного производства и возведения им для этой цели, а равно и для жилищных надобностей, строений и сооружений. И только в пределах этого своего правомочия он в праве воспрещать или требовать устранения воздействия третьих лиц на это воздушное пространство.

5) Автономия сельскохозяйственного использования трудового земельного участка обеспечивается предоставлением трудовому землепользователю особой упрощенной и ускоренной защиты его фактического землепользования в судебном порядке. Согласно ст. 26 Зем. код., в случае нарушения земельных прав как земельных обществ, так и отдельных землепользователей, или не основанного на законе вмешательства в их хозяйства, земельная комиссия, по просьбе землепользователя, обязана восстановить нарушенное землепользование или хозяйство до разрешения спора о нарушенном праве по существу. Особенность того процесса, который описан в ст. 26 Зем. код., заключается в том, что земельный суд, не входя в рассмотрение прав спорящих сторон на земельный участок и не принимая поэтому от них доказательств этих прав, исходит из одного факта самовольного нарушения фактического землепользования, защищая последнее как таковое и запрещая поэтому его нарушение.[1]

Такая постановка процесса, естественно, влечет за собою и быстроту вмешательства судебной власти. Согласно ст. 6 Инструкции НКЮ и НКЗ о порядке рассмотрения спорных земельных дел от 10 января 1924 г.,[2] в случае подачи трудовым землепользователем просьбы о восстановлении нарушенного ответчиком землепользования (самовольный захват или запашка земли) или хозяйства (самовольный покос или потрава или порубка), земельная комиссия должна немедленно назначить дело к слушанию и, установив в открытом заседании факт нарушения землепользования или хозяйства, вынести частное определение о восстановлении нарушенного землепользования или хозяйства, подлежащее немедленному исполнению, хотя бы это определение и было обжаловано нарушителем. Уже после вынесения

[1] Разъяснение ОКВК от 5 июля 1927 г. («СХЖ» 1927 г. № 33).
[2] «ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 68.

этого определения и после восстановления нарушенного землепользования дело может быть рассмотрено по существу прав на спорную землю, если об этом ходатайствует нарушитель землепользования.

Таким образом, защита фактического землепользования, предусмотренная ст. 26 Зем. код., является, в сущности, гражданскоправовой санкцией преследуемого и в уголовном порядке самоуправства, «т. е. самовольного, помимо установленной власти, осуществления кем-либо своего действительного или предполагаемого права, оспариваемого другим лицом» (ст. 90 Угол. код.).

а) Ст. 26 не устанавливает какого-либо срока на возбуждение дела о восстановлении нарушенного землепользования или хозяйства. Между тем, сущность той защиты фактического землепользования, которую дает статья 26, предполагает, что этот срок должен быть кратким, что по его истечении самовольный нарушитель, захвативший, напр., спорный участок, становится тем фактическим землепользователем, которого защищает ст. 26, и права которого могут быть оспорены лишь в порядке иска о самом праве на спорную землю. Зем. код. Белоруссии (прим. 3 к ст. 199) предоставляет для подачи просьбы о восстановлении нарушенного землепользования месячный срок со дня нарушения землепользования.

б) С просьбою о восстановлении нарушенного землепользования или хозяйства может быть соединен и иск об убытках, причиненных нарушением. То обстоятельство, что ст. 207 Зем. код., определяющая компетенцию земельных комиссий, не указывает на подведомственность им споров об убытках, не противоречит этому, так как здесь дело идет о таком требовании истца, которое тесно связано со спором о землепользовании и зависит от решения земельного спора.[1]

в) Декретом СНК РСФСР от 15 апреля 1925 г.[2] установлен особый порядок определения размера убытков, причиненных крестьянскому хозяйству потравами пашен, лугов и т. д. В каждом селении образуется особая комиссия в составе председателя, члена сельсовета и двух очередных сельских исполнителей, а в случае их отсутствия — двух местных граждан по назначению сельсовета. По требованию потерпевшего комиссия производит осмотр места потравы и устанавливает сумму убытков, предъявляя акт осмотра обоим сторонам: потерпевшей и учинившей потраву. При несогласии какой-либо из сторон с оценкой, произведенной комиссией, или при неплатеже

---

[1] См. опред. ОКВК от 9 ноября 1925 г. по д. № 650/2614 («Сборник», № 39).
[2] СУ 1925 г. № 25, статья 178.

суммы убытков, дело о возмещении убытков переходит в суд по требованию одной из заинтересованных сторон.

Такой же предварительный характер носит определение и оценка убытков от повреждения (потравы) войсками земельных угодий, производимые особыми оценочными комиссиями по постановлению СТО от 18 сентября 1923 г.,[1] или от повреждения угодий при производстве топографо-геодезических работ, — по постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1927 г.[2] И здесь при несогласии землепользователей с оценкой комиссии им предоставляется обратиться в народный суд. При решении дела для суда должны иметь обязательное значение лишь акты осмотра мест повреждения, устанавливающие определенные факты по свидетельству должностных лиц.

6) Статья 24 предоставляет трудовому землепользователю еще одно весьма существенное правомочие: право возводить, устраивать и использовать на землестроения и сооружения для хозяйственных, точнее, сельскохозяйственных и жилищных надобностей. В то время как на городских, напр., землях или на землях, входящих в состав государственных земельных имуществ, частные лица и государственные предприятия могут возводить строения лишь на основании права застройки, заключив с коммунальными отделами особые для того нотариальные договоры (Гр. кодекс, ст. 71 и след.),[3] трудовой землепользователь имеет право возведения строений на предоставленной ему трудовой земле на праве собственности, без всяких на то договоров с земельными или иными органами государства, соблюдая лишь строительные правила, установленные с точки зрения противопожарных и санитарных мероприятий.[4] Это правомочие принадлежит трудовому землепользователю даже в том случае, когда он не имеет пахотных угодий, а пользуется в земельном обществе лишь усадебной землей, так

---

[1] СУ 1923 г. № 100, ст. 199.

[2] СЗ 1927 г. № 19, ст. 212.

[3] Исключение из этого правила составляют жилищно-строительные кооперативы, которым пост. ЦИК и СНК СССР от 21 ноября 1926 г. (СЗ 1927 г. № 2, ст. 14) предоставлено право возводить строения и на праве собственности. В этом случае участки, обслуживающие строения, предоставляются на праве бессрочного пользования.

[4] См. пост. СНК РСФСР от 31 августа 1927 г. о распланировании и застройке сельских поселений (СУ 1927 г. № 93, ст. 610). Несоблюдение установленных разрывов между строениями влечет за собою снос или перенос строений по судебному решению, постановленному на основании ст.ст. 108 и п. «д» ст. 20 УК, ред. 1926 г. (Цирк. НКЮ от 12 октября 1926 г. № 182, «ЕСЮ» 1926 г., № 42).

как и последняя является землей трудового пользования, на которой постоянный пользователь ее в праве возводить строения для жилищных надобностей.[1]

Правомочие возведения строений и сооружений на праве собственности имеет, как и само право трудового землепользования, целевой характер: строения и сооружения должны служить потребностям сельского хозяйства или удовлетворять жилищные надобности трудового землепользователя. Отсюда следует, что возведение строений на трудовых землях для иных целей, напр., для организации промышленного предприятия, возможно лишь в порядке ст. 13, т. е. с разрешения уездного земуправления. Точно так же противоречит смыслу ст. 24 возведение строения с целью превращения его исключительно в источник дохода. Однако, предоставление строения во временное (сезонное) пользование и при сохранении за ним его основного назначения, указанного в ст. 24, законом допускается. Более того. Согласно прим. 3 к ст. 156 Гр. код., на эти случаи найма строений, непосредственно связанных с земледельческим хозяйством, не распространяется указанное в ст. 156 Гр. код. право на автоматическое возобновление договора найма жилых помещений без согласия наймодателя.

7) Провозглашенная новой экономической политикой хозяйственная самостоятельность крестьянского хозяйства привела к установлению принципа, согласно которого «все сооружения, постройки, посевы и растения и вообще все, соединенное с участком земли, находящимся в пользовании землепользователя, принадлежит ему» (ст. 25) на праве собственности, как это право определено Гр. кодексом. Это постановление приводит к определенному правовому разрыву между земельным участком и всеми видами имущества, перечисленными в ст. 25. Земельный участок изъят из гражданского оборота, и право трудового пользования им является личным необоротоспособным правом, которое может перейти к другому лицу не по частноправовой сделке, а в силу предписанного законом порядка наделения землями, совершаемого земельными обществами или земельными органами. Между тем имущества, «соединенные с участком земли», точнее — с поверхностью участка, как принадлежащие на праве собственности трудовому землепользователю, могут быть предметом гражданскоправовых сделок, купли-продажи, залога и др. Возникающие при этом коллизии легче всего могут быть обсуждены, если мы подразделим перечисленные в

---

[1] Разъяснение НКЗ № 170410 от 2 сентября 1924 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 135).

ст. 25 имущества по их связи с землей общим хозяйственным назначением.

а) Посевы предназначены в силу самого процесса их хозяйственной эксплуатации к отделению от земли. Поэтому они могут быть предметом свободного распоряжения трудового землепользователя не только после их фактического отделения от земли, но еще до того, находясь на корню. Так, наше право допускает залог посевов на корню (будущего урожая) обществам сельскохозяйственного кредита,[1] Сельскохозяйственному банку РСФСР и СССР,[2] Главному хлопковому комитету.[3]

б) Растения (напр., древесные насаждения сада) и сооружения (напр., оросительные и осушительные работы, всякого рода мелиорации) не могут быть отделены от земли без существенного изменения хозяйственного назначения земельного участка и соединенного с ним имущества. Они не могут быть поэтому кому-либо переданы без одновременной передачи земельного участка. Отсюда следует, что ст. 27 Земельного кодекса, запрещающая отчуждение и вообще всякую переуступку права трудового землепользования, распространяется и на гражданскоправовые сделки, имеющие своим предметом сады, виноградники и неотделимые от земли сооружения. Эти виды имуществ следуют таким образом за землей. Собственник этих имуществ может получить их эквивалент лишь в случаях прекращения его права трудового землепользования участком, на котором находятся насаждения и сооружения, от того землепользователя, к которому этот участок перейдет, и притом лишь в форме возмещения неиспользованных собственником затрат труда и средств.

Установленное циркуляром Верхсуда от 16 июля 1924 г. № 24[4] правило это основано на ст.ст. 37, 110, 119, 131 ЗК, предусматривающих возмещение неиспользованных затрат и улучшений земельного участка при прекращении трудовой аренды (сдатчиком съемщику), при переделах как пахотных, так и луговых угодий. Этот же принцип

---

[1] Нормальный устав обществ с.-х. кредита от 27 февраля 1923 г. (С. У. 1923 г. № 19, ст. 234, § 25).

[2] § 37 Устава банка (СУ 1924 г. № 11, ст. 31, отдел II).

[3] § 11 Положения о Главном хлопковом комитете (СУ 1923 г. № 51, ст. 513).

[4] Циркуляр Верхсуда от 16 июля 1924 г. № 24 («ЕСЮ» 1924 г., № 32): «В отношении садов и виноградников надлежит признать, что продажа древесных насаждений возможна лишь только в связи с пользованием землей, т. е. лицу, получившему участок земли, на котором находятся насаждения, в пользование в установленном порядке (трудовое пользование, аренда и т. п.); продажу

лежит в основании ст. 25 [1] Земельного кодекса, действующей для бывшей Туркестанской, Дагестанской, бывшей Горской автономных республик, для Чеченской автономной области, а также и для Якутской республики. [1] Она запрещает передачу отдельно от земельного участка сооружений, неотделимых от земли (оросительных, осушительных и т. п.) или создающих сельскохозяйственные угодья из пространств, в естественном виде совершенно непригодных к земледелию (каменных террас, вырытых склонов, наносной земли в горных участках). Лишь при передаче земельных участков, на которых возведены эти сооружения, другим трудовым землепользователям, последние должны возместить прежним пользователям стоимость неиспользованных ими материальных средств и труда, затраченных на создание этих сооружений.

По изложенным правилам обсуждается и судьба строений и других насаждений при прекращении права трудового землепользования, напр., при переселении. Переселяющийся в другое место двор «в праве продать строение и иные неиспользованные насаждения тому двору, которому будет предоставлен соответствующий земельный участок». [2]

По существу мы здесь не имеем договора купли-продажи, ибо личность «покупщика» определяется не продавцом, а или порядком наделения трудовыми землями, установленным в публичном интересе государством, или приговором земельного общества, в зависимости от того, переходит ли земельный участок после прекращения права трудового землепользования в распоряжение земельных органов или земельного общества; здесь нет и покупной цены, ибо она определяется не соглашением сторон, а по принципу возмещения неиспользованных затрат, носящих совершенно объективный характер и обязательных для обеих сторон. Поэтому, в случае разногласия между ними по вопросу об оценке этих затрат, спор разрешается земельной комиссией, решению которой обе стороны должны подчиниться, так как сама передача земельного участка с насаждениями и прочими сооружениями уже совершена в порядке не добровольного соглашения сторон, а публично-правового акта наделения. Реализация трудовым землепользователем

сада на сруб надлежит считать противоречащей хозяйственной целесообразности (ст. 1 ГК) и недопустимой». Ср. разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 19 апреля 1927 г. («Судебная практика РСФСР», № 8), разрешающее продажу с публичных торгов садов в сельских местностях, при условии получения покупателем от земельного общества согласия на передачу в его пользование земельного участка.

[1] СУ 1925 г. № 66, стр. 527.

[2] Разъяснение Витебскому губземуправлению № 162449 от 18 февраля 1924 г. («Земельный кодекс с разъяснениями НКЗ», стр. 39).

своего права собственности на неотделимые от земельного участка сооружения и древесные насаждения путем получения возмещения своих неиспользованных затрат от пользователя, наделенного этим земельным участком, не имеет таким образом ничего общего с частноправовым договором купли-продажи. Это скорее установленный законом порядок расчета между лицами, юридически связанными обстоятельствами, возникшими помимо их воли.

в) Следуют ли строения, подобно насаждениям и сооружениям, за земельным участком, на котором они возведены? Проблема эта возникает лишь в том случае, когда строение отчуждается не на снос или перенос, ибо в последнем случае мы имеем отчуждение не строения как такового, а груды материалов, из которых строение сооружено и отчуждение которых, как и посевов, находится в свободном распоряжении трудового землепользователя. [1]

Для буржуазного права, исходящего из частной собственности на землю, ответ ясен: строение следует судьбе земельного участка. [2] Но в советском праве земля стоит вне рыночных отношений и не имеет меновой ценности. С другой стороны, всякое право оценивается им с точки зрения его цели, его социально-хозяйственного назначения. К решению вопроса надо поэтому подходить с этой последней точки зрения. Если строение служит жилищным надобностям, а дворовое место, на котором оно возведено, обслуживает те же нужды, то разве не было бы вполне последовательно с точки зрения хозяйственного предназначения прав, чтобы земельный участок, обслуживающий строение, следовал за строением, а не наоборот?

Именно так решает поставленный вопрос советское право по отношению к городским строениям. Согласно прим. 2 к ст. 15 Полож. о земельных распорядках в городах от 13 апреля 1925 г., [3] «при переходе в законном порядке от одних лиц к другим арендных прав (перенаем и т. п.) на муниципализированные строения или права собственности на строения частновладельческие, все права и обязанности по земельным участкам, обслуживающим эти строения, тем самым переходят к новым арендаторам и владельцам». Земельный участок, обслуживающий строение, следует таким образом за строением. Однако, по отношению

---

[1] См. п. 3 цирк. Верхсуда РСФСР от 16 июля 1924 г., № 24.

[2] «К существенным составным частям поземельного участка принадлежат вещи, прочно связанные с почвой, в частности строения, равно как произведения земли, доколе они связаны с почвой» (§ 94 Герм. гражд. улож.).

[3] СУ 1925 г. № 27, ст. 188.

к строениям, расположенным на трудовых землях и вообще в сельских поселениях, указанный выше циркуляр Верхсуда от 16 июля 1924 г. и Инструкция НКЮ, НКФ, НКВД и НКЗ от 13/15 января 1925 г.[1] установили противоположное правило: строения могут быть отчуждены только тем лицам, которым земельные органы или земельные общества предоставят в установленном порядке усадебные участки продавцов, т. е. поставили гражданский оборот строений в такие же условия, как и оборот насаждений и сооружений. Но такое решение вопроса означает, в сущности, лишение трудовых землепользователей права распоряжения принадлежащими им строениями, в противоположность городским жителям, которым такое право предоставлено.

Дворовое построечное место, обслуживающее строение в сельском поселении, по своему хозяйственному назначению ничем не отличается от земельных участков, обслуживающих городские строения. Это признает и ЗК, постановляя, что усадебные участки не подлежат уравнительным переделам, отрезкам и передвижкам (ст. 126), и сохраняя усадьбы за теми членами земельного общества, которые прекратили ведение сельского хозяйства и вышли поэтому из состава общества, но продолжают жить на его территории, имея там жилое строение (см. выше, § 1, 4). Таким образом, и ЗК признает служебное назначение усадебного участка по отношению к возведенному на нем строению. Мы не видим поэтому никаких препятствий, с точки зрения правового режима трудовых земель, к распространению и на строения в сельских поселениях принципа, действующего в городах: земельный участок, обслуживающий строения, следует за строением. Мы не говорим уже о том, как установление этого правила способствовало бы развитию жилищного строительства в деревне, и как противоположное правило, действующее в настоящее время на основании судебной практики Верхсуда и ОКВК, задерживает это развитие.

Ненормальность существующего положения вещей признана, впрочем, и самим Наркомземом, более всех других ведомств отстаивающим сельскохозяйственный характер усадебных угодий, правда, признана только в отношении одного вида строений — м е л ь н и ц. В циркуляре от 21 декабря 1926 г. за № 417/75,[2] Наркомзем, констатируя, что «при переходе мельниц, устроенных на общественных землях, из одних рук в другие, земельные общества отказываются признавать за новым владельцем мельницы право на пользование мельничными участками земли,

[1] «ЕСЮ» 1925 г., № 3.
[2] «СХЖ» 1926 г., № 52.

вследствие чего самая передача мельниц оказывается невозможной», для устранения возникающих при этом недоразумений, провел различие между участками земли, «необходимыми для производственных целей мельничных предприятий», и «смежными с ними участками сельскохозяйственного значения (пашня, луг, сад, огород), находящимися в пользовании владельца мельницы». И затем циркуляр устанавливает правило, совершенно тождественное указанному выше прим. 2 к. ст. 15 Пол. о зем. распорядках в городах: «в случаях перехода мельницы от одного владельца к другому или передачи мельницы в чье-либо договорное пользование, все права и обязанности по земельным участкам, непосредственно обслуживающим эти мельницы и составляющим с ними одно хозяйственное целое, переходят к новым владельцам и пользователям мельниц».

Содержание только что приведенного циркуляра может быть полностью применено и ко всем другим строениям на усадебных трудовых землях. Усадебный участок также делится на две части: 1) дворовое построечное место, т. е. участок, обслуживающий строение, и 2) приусадебные угодья (огород, сад, конопляник, пасека и т. п.), т. е. участки сельскохозяйственного назначения.[1] В отношении к дворовому построечному месту может быть поэтому целиком применено действующее в городе правило: земля следует за строением.

г) Порядок отчуждения строений, возведенных на землях трудового пользования, был спорен в судебной практике по вопросу: надлежит ли применять к нему постановления Гражданского кодекса, главным образом ст. 185 ГК, предписывающую нотариальный порядок совершения сделок по отчуждению строений, и ст. 182 ГК, запрещающую покупателю, его супругу и несовершеннолетним детям иметь более одного владения, а продавцу, его супругу и опекунам его несовершеннолетних детей — отчуждать более одного владения в течение трех лет. Вопрос был разрешен указанными выше циркулярами Верхсуда от 16 июля 1924 г. № 24 и Инструкцией НКЮ, НКЗ, НКФ и НКВД от 13/15 января 1925 г. в отрицательном смысле: 1) ст.ст. 182 и 185 ГК к отчуждению строений, расположенных на трудовых землях, не применяются; 2) вместо нотариального порядка введена обязательная регистрация сделок по купле-продаже строений в сельском

[1] Инструкция по земельной регистрации от 27 июля 1923 г., ст. 23 («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

совете,[1] который ведет для этого особые регистрационные книги. Со сделок взимается гербовый сбор в размере одного процента с покупной цены или оценки, установленной для страхования или для взимания налогов и сборов, смотря по тому, которая из них выше, и полпроцента — за регистрацию в сельсовете (четверть процента, если стоимость продаваемых строений ниже 100 р.).[2]

Возможность неприменения к сделкам об отчуждении строений, возведенных на трудовых землях, ст. 182 ГК объясняется тем, что эти сделки циркуляр Верхсуда от 16 июля 1924 г. подчинил действию правила: строение следует за усадебным участком. Социальные же условия права трудового землепользования, его личный и трудовой характер, в частности, уравнительное наделение усадьбами (ст. 127) являются достаточной гарантией того, что в руках трудового землепользователя не будет сосредоточиваться в деревне более одного владения и что в ней не разовьется спекуляция строениями. Во всяком случае регистрация сделок о купле-продаже строений в сельсовете служит дополнительной гарантией этих обстоятельств.

Само собою разумеется, что в случае распространения и на деревню городского правила о том, что усадебный участок, обслуживающий строение, следует за строением, должна восстановить свое действие и ст. 182 ГК.

д) Так как ст. 271 ГПК запрещает обращать взыскание на строения, составляющие необходимую принадлежность трудового сельского хозяйства, то з а л о г с т р о е н и й, расположенных на землях трудового пользования, допускается, по общему правилу, только в отношении строений, не составляющих такой принадлежности.[3] Строения, необходимые для трудового землепользователя, могут быть закладываемы только кредитно-кооперативным товариществам в обеспечение ссуд на возведение таких строений (прим. 2 к ст. 271 ГПК). Порядок залога аналогичен порядку отчуждения строений с тем лишь различием, что согласие земоргана или земельного общества на предоставление усадебного участка, на котором расположено закладываемое строение, требуется только в случае продажи строения с публичных торгов.

8) Правомочия сельскохозяйственного использования трудовых земель терпят, однако, два ограничения: а) в интересах соседей и б) в инте-

[1] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г. о расширении прав и обязанностей местных органов власти (СУ 1927 г. № 79, ст. 533).

[2] Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1926 г. об оплате работ волисполкомов и сельсоветов по земельной регистрации (СУ 1925 г. № 42, ст. 319).

[3] Цирк. НКЮ и НКЗ от 30 июля 1927 г. № 142 («ЕСЮ» 1927 г., № 34).

ресах общественных, из которых законом регулировано лишь право на береговую полосу.

а) Согласно ст. 24 ЗК, землепользователь не имеет права совершать на предоставленной ему земле действия или устраивать сооружения, нарушающие существенные интересы соседних землепользователей. Закон не регламентирует более подробно этот провозглашенный им принцип соседского права, предоставляя земельному суду, который, согласно ст. 24, должен разрешать столкновения интересов смежных землепользователей, устанавливать их взаимоотношения. Руководящим началом должно приэтом служить правило, что трудовой землепользователь при осуществлении своих прав не должен нарушать только существенные интересы соседа, т. е. такие, которые определяют самую возможность ведения соседом своего хозяйства или ведение этого хозяйства с нормальными для данного района результатами. Не регулирует наш закон и других проблем соседского права, — например, взаимоотношений смежных пользователей усадебных участков по поводу их прав на межники, на части деревьев, проникших из смежного участка, на плоды, упавшие с дерева соседнего участка, и проч. Особо надлежит указать на право землепользователя требовать пропуска (пеший проход, конный проезд) через смежный участок при отсутствии сообщения с общественной дорогой или на право проведения через нее водоотводной канавы. Такое проложение дороги или предоставление водопоя совершается в порядке землеустройства (ст. 166, п. «ж»).

б) К соседскому праву относится и регулирование взаимоотношений прибрежных землепользователей при пользовании ими водоподпорными сооружениями,[1] водяными мельницами, плотинами и т. п. Судебная практика установила положение, что, при разрешении споров о подтопе земель этими сооружениями, необходимо при изыскании мер устранения подтопа по возможности «не нарушать производственной деятельности предприятия (напр., мельницы) ответчика, ибо рабоче-крестьянское государство заинтересовано в развитии промысловых предприятий». Неправильно поэтому решение земельной комиссии, обязавшее владельца мельницы понизить уровень воды мельничного пруда, каковое понижение может неблагоприятным образом отразиться на производстве мельницы. Исходя поэтому не из

---

[1] См. Временное положение об устройстве, переустройстве и содержании водоподпорных сооружений на мелкой речной сети РСФСР, от 12 июля 1926 г. (СУ 1926 г. № 47, ст. 356).

частных прав смежных землепользователей, а из общих интересов государственного хозяйства, судебная практика предоставила право земельному суду устанавливать новые права спорящих сторон на земельные участки для разрешения спора. Так, земельная комиссия в праве обязать стороны совершить в порядке землеустройства обмен участков смежных землепользований, т. е. подтопляемой земли истца на равноценное количество смежных угодий ответчика.[1]

в) С переходом к новой экономической политике, закреплением земель за определенными землепользователями и введением принципа платности услуг, потребовал урегулирования и институт безмездного общего пользования некоторого рода землями, как то: дорогами, берегами рек и озер.

Предоставление дорог в общее пользование достигается путем выделения их в особую категорию земель специального назначения, находящихся поэтому в исключительном заведывании и распоряжении дорожных государственных органов, именно органов Наркомпути — по отношению к дорогам государственного значения, и местных исполкомов и сельсоветов — по отношению к остальным дорогам (губернским, уездным, волостным, сельским и полевым).[2] Таким образом, общее пользование дорогами составляет все содержание их хозяйственного предназначения, а обеспечение этого пользования является служебною обязанностью органов, в ведении которых дороги находятся.

Иначе конструируется право общего пользования берегами рек и озер для нужд судоходства и сплава. Оно рассматривается как ограничение права землепользования прибрежных владельцев. Границы прибрежных землепользований определяются поэтому по фактической линии берега, имевшейся на 22 мая 1922 г., т. е. на тот момент, на который закрепляются земли трудового пользования (статья 141, см. гл. VII, § 2).[3] Та полоса берега, которая предоставлена в общее пользование для нужд судоходства и сплава, остается землей сельскохозяйственного назначения, находящейся в трудовом пользовании или составляющей государственное земельное имущество; она

---

[1] Опред. ОКВК от 15 октября 1925 г. по д. № 2124 («Сборник», № 40).

[2] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1924 г. о подразделении шоссейных и грунтовых дорог РСФСР на разряды (СУ 1924 г. № 72, ст. 709) и Инструкция к этому декрету, утвержденная СНК РСФСР 26 мая 1925 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 439).

[3] Циркуляр Наркомзема от 5 июня 1925 г. № 320/77 («СХЖ» 1925 г., № 20).

может быть и предоставлена, как земля специального назначения, каким-либо государственным органам. Право же общего пользования этою полосою есть ограничение прав землепользования ее владельцев, земельных обществ или государственных учреждений и предприятий, которые обязаны не препятствовать общему пользованию предоставленными им берегами. За пределами тех ограничений, которые установлены в интересах судоходства и сплава, землепользователи в праве использовать береговую полосу соответственно своим правам на закрепленные за ними земли.

г) Такое построение права общего пользования берегами ставит вопрос о пределах прав прибрежных пользователей на естественно изменяющуюся береговую линию. Границы прибрежных землепользований доходят только до фактической линии берега на 22 мая 1922 г. Земли, находящиеся под водными пространствами общего пользования (реки судоходные и сплавные, озера и т. п.), а также вновь образующиеся острова, состоят в государственном земельном фонде. Что касается намывов почвы у берега, то судьба их определяется указанным циркуляром Наркомзема от 5 июня 1925 г. (см. выше, в) в зависимости от их размеров. Значительные намывы являются государственными земельными имуществами, которые, однако, должны быть используемы с учетом степени земельного обеспечения прибрежных трудовых землепользователей, в особенности тех из них, у которых произошло уменьшение земельной площади вследствие отмыва берега. Незначительные намывы, образующиеся постепенно, причисляются непосредственно к соответствующим прибрежным землепользованиям.

д) Право общего пользования берегами рек, озер и морей[1] для нужд судоходства установлено союзным законом 22 сентября 1925 г.[2] только по отношению к судоходным рекам и озерам. Из этого, однако, не следует, что на берегах рек несудоходных не существует такого же права общего пользования, напр., для лодочного или барочного движения. Союзный закон нормирует право пользования берегами судоходных рек и озер только потому, что последние относятся к союзному законодательству, как находящиеся в ведении общесоюзного наркомата, именно Наркомпути, тогда как несудоходные реки составляют предмет законодательства республиканского. По той же при-

---

[1] Разъяснение НКЗ от 16 февраля 1926 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 42).

[2] Пост. ЦИК и СНК от 22 сентября 1925 г. об использовании берегов судоходных рек и озер в интересах транспорта (СЗ 1925 г. № 71, ст. 525).

чине указанный закон излагает ограничение прав пользования берегами прибрежных владельцев только в интересах транспорта, а не сплава.

Полоса берега, предоставленная в общее пользование для нужд транспорта, определяется в десять сажен, считая от уреза воды. На этой полосе вне черты городских поселений разрешается б е з в о з м е з д н о: 1) бечевая тяга, 2) причал, нагрузка и выгрузка судов, если для этого не устроены специальные приспособления, и 3) случайная зимовка и постройка зимовочных помещений, а также использование полосы при авариях на срок, необходимый для производства связанных с аварией операций. В пределах городских поселений безмездная бечевая тяга разрешается только в том случае, если нет технических препятствий к ней, что устанавливается местными исполкомами. Что касается причалов, нагрузки и выгрузки судов, то городские советы обязаны отвести для этого особые пристанские территории общего бесплатного пользования без права, однако, занятия берега под склады грузов или использования городских сооружений. Право занятия береговой полосы на случай аварии или зимовки распространяется и на берега судоходных рек, протекающих по городской территории.

Десятисаженное пространство береговой полосы может быть уменьшено по соглашению между управлениями внутренних водных путей сообщения и теми органами, в ведении которых находится соответствующая полоса берега. В этом же порядке могут быть совершенно освобождены от действия ограничений отдельные береговые участки, необходимые для возведения на них постоянных строений и сооружений или для иных целей, осуществление которых не может быть достигнуто при таких ограничениях.

Помимо изложенных выше правомочий общего пользования берегами судоходных рек и озер, принадлежащих всем судоходцам, Народному комиссариату путей сообщения предоставляется право б е с п л а т н о г о пользования этими берегами для выполнения возложенных на него обязанностей по управлению внутренними водными путями сообщения. Так, он имеет право пользоваться береговой полосой в целях производства работ по охране и поддержанию беспрепятственного судоходства (углубление рек, спрямление русла, устройство дамб, укрепление и очистка берегов и т. п.), с правом использовать для этой цели находящиеся на полосе грунт, гравий, камень и береговые заросли. Он в праве ставить на береговой полосе ориентировочные и указательные знаки, маячные и сигнальные фонари, сторожевые будки, устраивать телеграфно-телефонную сеть, производить лесные вырубки, но без права бесплатного использования вырубленного леса.

е) Право общего пользования берегами рек и озер с их рукавами и протоками в интересах сплава леса регулируется республиканским законодательством, именно декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г.[1] Установив в статье 1 юридическую характеристику этого общего пользования, как ограничение прав пользования берегами сплавных рек и озер, декрет провозглашает общий принцип нашего водного права о предоставлении в общее пользование движущей силы всякого естественного водоема: «все реки и озера с их рукавами и протоками, а также каналы, которые фактически пригодны в естественном состоянии для производства по ним сплава древесины, являются сплавными водными путями, предоставленными в общее пользование» (ст. 2 декрета). Поэтому даже содержатели вододействующих установок, мельниц, лесопильных заводов, плотин, а также мостов, обязаны устроить такие приспособления, которые обеспечивали бы свободный пропуск и сплав древесины через эти установки. Но этот сплав безвозмезден только «в период времени пригодности реки для сплава при естественном состоянии уровня воды» (ст. 7 декрета). Проход древесины в иное время при помощи воды, поднятой в интересах вододействующего сооружения, допускается только за плату, по соглашению с держателями сооружения. При недостижении соглашения вопрос разрешается в порядке рассмотрения земельных споров (ст. 8 декрета).

Береговая полоса, безмездно предоставленная вне городских поселений в общее пользование для нужд сплава, определяется в те же двадцать метров (10 сажен), считая от гребня воды, как и при ограничениях в интересах транспорта. Не подлежат занятию для нужд сплава на пространстве полосы лишь усадебные участки, а также земли, занятые садами, виноградниками и другими ценными насаждениями, гидротехническими и мелиоративными сооружениями.

Право общего пользования для нужд сплава заключается в праве безмездного пользования береговой полосой для следующих действий: «временное (в период сплава и подготовки к нему) складывание подлежащей сплаву древесины, сплачивание бревен в плоты, подготовка древесины к пуску сплавов, погрузка и выгрузка лесных материалов, бечевая тяга, причал плотов и сплавных судов, временное (на тот же период) хранение и складка сплавного материала, хранение на тот же период материалов, выгруженных по случаю аварии плота и судна» (ст. 3 декрета). Вместе с тем лесозаготовители обязаны не

[1] СУ 1926 г. № 70, ст. 552.

только немедленно после пуска древесины или судна в сплав очистить участки от сучьев, щепы, коры, леса и т. п., но и возместить землепользователям все убытки, какие им нанесены вследствие порчи лугов или посевов или от засорения и загрязнения участков.

Потребности лесозаготовок и подготовки к сплаву вызывают часто необходимость занять лесоматериалами участки земли за пределами двадцатиметровой береговой полосы, так наз. полои. Устанавливая правило, что такие участки могут быть заняты лишь на основании договоров с землепользователями, закон, однако, не мог не предусмотреть случая отказа последних от заключения договора. В этом случае, по просьбе лесозаготовителей, уездные земельные управления имеют право давать разрешение на занятие полоев, передавая в земельные комиссии вопрос об установлении условий пользования ими. В решениях комиссий должен быть определен характер и размер арендной платы в пользу землепользователей, а также указаны обязанности лесозаготовителей возмещать землепользователям все убытки, какие могут для них проистекать от порчи лугов, посевов, гидротехнических и мелиоративных сооружений и пр., от загрязнения и засорения мест полоев, а также обязанности лесозаготовителей очищать полои и другие прибрежные места от оставшегося на них, в результате лесозаготовок и сплава, леса, сучьев и проч.

Государственные лесозаготовители и объединения лесной кооперации пользуются особыми льготами при занятии ими полоев: за земли сельскохозяйственного назначения они платят по таксам, утверждаемым губернскими или соответствующими им исполкомами, а прочие земли предоставляются им бесплатно.

Мы изложили в настоящей главе совокупность отношений между государством, как собственником земель трудового пользования, и трудовым землепользователем, как их непосредственным хозяйственным распорядителем, и старались отметить весь объем правомочий обоих этих субъектов земельных прав. Мы видели, что за признанием хозяйственной автономии трудового земледельческого хозяйства последовал, как ее естественный результат и необходимая предпосылка, институт трудовых земель, бессрочного и неотъемлемого у работника права трудового землепользования, закрепляемого за ним в определенных размерах и границах публичноправовым актом поземельного устройства, исходящим из принципа правовой закономерности революционного раздела нетрудового землевладения. Но, прекратив дальнейшее поравнение земель между земельными обществами и предоставив отдельным входящим в них дворам полную свободу хозяйственной эксплуатации

своих земель и общегражданское право собственности на продукт своего труда, — советское государство приняло, вместе с тем, меры против капиталистической эволюции трудового земледельца, индивидуалистически хозяйствующего в обстановке товарного и денежного хозяйства. Оно противопоставило этой эволюции свое право собственника трудовой земли, поставившего землепользователю определенные социально-хозяйственные условия, гарантирующие трудовой характер землепользования и невозможность превращения владения землей в источник нетрудового дохода, а также выполнение трудовым землепользователем его хозяйственной функции — ведения сельскохозяйственного производства. Нарушение землепользователем этих социальных и хозяйственных условий влечет за собой лишение его права землепользования по судебному решению, последовавшему по иску собственника — государства — к землепользователю. Так построило рабоче-крестьянское государство свое социалистическое аграрное право, работая в капиталистическом окружении, в обстановке товарного и денежного хозяйства. И вместе с тем, посредством целой системы финансовых и экономических мероприятий, направленных на производственное укрепление бедняцких и середняцких элементов деревни, оно направляет сельскохозяйственную эволюцию, вместо капитализма, в сторону свободного кооперирования трудовых земледельческих хозяйств, долженствующего постепенно создать и высшие формы коллективного хозяйства.

Поставив в центре своего регулирования трудовое земледельческое хозяйство, как уже сложившуюся после революционной борьбы за землю хозяйственную единицу, Земельный кодекс не ограничился установлением взаимоотношений между ним и государством-собственником. Великая забота о поднятии производительных сил сельского хозяйства побудила советского законодателя посвятить большую часть статей Земельного кодекса урегулированию взаимоотношений трудовых землепользователей между собой: организация земельного общества, как исторически сложившейся совокупности дворов, с его различными порядками землепользования; организация двора, как совокупности работников на земле; землеустройство, как наилучшая с точки зрения развития производительных сил сельского хозяйства организация сельскохозяйственной территории; порядок рассмотрения земельных споров, — все эти вопросы земельного права нашли себе решение в Земельном кодексе. Изложению этих решений будут посвящены следующие главы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Литература: Земельное общество («Энциклопедия права и государства»); А. Н. Гранина, Неудобные крестьянские земли («Право и жизнь» 1924 г., кн. 10); С. Чугунов, Сельсоветы и земельные общества (сб. «Советское строительство», 1926 г. кн. 4/5); С. Чугунов, Вопросы организации и деятельности сельских советов, ГИЗ, 1925 г.; Н. И. Козлов, О земельном обществе, ГИЗ, 1926 г.; М. Еремеев, Земельные общества и их обязательства («ЕСЮ» 1927 г., № 2).

§ 1. Деревенская форма поселения.

Исторический процесс расселения населения по территории нашего государства сделал господствующей формой поселений земледельческого населения деревенскую форму поселения. В то время как в Западной Европе крестьянство расселено в настоящее время в большинстве местностей отдельными хуторами, в которых земля каждого хозяина окружает его жилище и изгородями, рвами и насыпями отделена от соседних участков, а если и живет деревнями, то полевыми угодьями владеет совершенно обособленно друг от друга, — у нас занятое сельским хозяйством население живет деревнями, селениями, в которых усадьбы сосредоточены в одном месте поселения — деревне, селе, — а пахотные угодья, сенокосы, леса, пастбища и неудобные земли находятся в общей меже, в общем земельном наделе, распределяемом между жителями деревни тем или другим способом или находящемся у них в совместном пользовании на тех или других основаниях. Здесь не место останавливаться на далеко еще не выясненных причинах этих различий систем поселения и владения землями на Западе и у нас и определять, насколько здесь влияли заходящие вглубь средневековой истории условия расселения населения и насколько воздействовал землеустроительный процесс раздела общинных земель и уничтожения всяких общих пользований, начавшийся в странах Западной Европы еще с XVIII века. Для настоящего изложения доста-

точно установить факт подавляющего преобладания у нас деревенской системы поселения и владения землями.

Весь наш аграрный строй, все земельные реформы как до революции, так и после нее, и сама аграрная революция 1918 г. исходили из деревни, селения, как единицы поземельного устройства.

Деревнями владели помещики. Реформа 1861 г. и все последовавшие за ней законодательные акты поземельного устройства, создавшие институт надельного землевладения (см. гл. I), производили наделение крестьян, вернее — отрезки от их дореформенного землепользования, по отношению к целому селению, носившему название с е л ь с к о г о о б щ е с т в а. В актах, выдававшихся крестьянам на их земли — владенные записи у б. государственных крестьян, уставные грамоты и данные у б. помещичьих и удельных крестьян — владельцами земель были обозначены сельские общества. Эти сельские общества признавались собственниками отведенных им земель со всеми правомочиями, содержавшимися в праве частной поземельной собственности, поскольку правомочия не были ограничены специальными постановлениями закона.

Революция, как мы видели, шла по тому же пути. И временное распределение земель 1918 г., и последовавшее за ним волостное землеустройство распределяли конфискованную частновладельческую землю и производили земельное равнение между «селениями» и «с.-х. объединениями», т. е. теми обществами крестьян, которые были собственниками надельных земель. Более того, аграрная революция даже усилила это общественное владение землями, ибо последнее поглотило и купчие (товарищеские и единоличные) земли и — в подавляющем числе местностей — столыпинские хутора и отруба (см. гл. II, § 5). На той же позиции стояла и Инструкция 11 марта 1919 г. о социалистическом землеустройстве, включавшая в общий состав отвода подлежащего объединения участки, досрочно выкупленные, укрепленные, состоявшие во владении членов общества на подворном праве (ст. 101).

Наконец, ЗК закрепил землепользование, сложившееся в результате великой земельной революции, также за селениями и другими сельскохозяйственными объединениями, упустив даже из виду оставшиеся, правда, в сравнительно ничтожном количестве обособленные от общества единоличные трудовые хозяйства (ст. 141, см. гл. VII § 2, 2). Соответственно этому, ст. 13 Инструкции от 27 июля 1923 г. по производству государственной записи землепользования (земельной регистрации),[1] изданной на основании ст. 49 ЗК, регистрирует землю, со-

[1] «ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65.

стоящую в общинном, участково-чересполосном, общем или коллективном пользовании, как о д и н участок, без разделения ее между отдельными землепользователями, на каковой участок все общество и получает единый документ — з е м е л ь н у ю з а п и с ь.[1] В отношении хуторских и отрубных участков инструкция от 27 июля 1923 г. исправляет пробел ст. 141 ЗК, регистрируя эти участки, каждый в отдельности, и выдавая каждому хуторянину и отрубщику отдельные земельные записи с обозначением размера и границ их участков.

Таким образом, основным, главнейшим субъектом пользования землями трудового пользования является в настоящее время исторически сложившееся и укрепившееся в процессе революции общество, названное ЗК з е м е л ь н ы м о б щ е с т в о м.

§ 2. Земельное общество как трудовой землепользователь.

1) Исторически сложившаяся форма общего владения землями была использована самодержавным государством в целях административного управления и финансового обложения. Дореволюционное сельское общество было не только собственником надельной земли, распределявшим ее между своими членами, но и органом управления и податной единицей, отвечавшей перед государством круговой порукой всех составлявших сельское общество дворов за выполнение распоряжений власти и уплату налогов и выкупных платежей. Революция 1905 г., заставившая царизм окончательно отменить и выкупные платежи и круговую поруку, оставила, однако, в силе все административные функции сельского общества: заведывание благоустройством, путями сообщения, делами призрения и обучения грамоте, раскладкою податей и повинностей, назначением опекунов и попечителей и т. д.

Октябрьская революция провела определенную разграничительную линию между з е м е л ь н ы м о б щ е с т в о м, как поземельным союзом, и административной сельской единицей, с е л ь с к и м с о в е т о м. Земельное общество объединяет только дворы, т. е. хозяйства, которые имеют общее пользование трудовыми землями (ст. 43); оно есть «общество землепользователей» по определению ЗК; его членами поэтому могут быть и лица, не имеющие избирательных прав (см. гл. VII, § 1, 1, б); его задачи и деятельность заключаются только в хозяйствен-

[1] Инструкция о форме, порядке составления и выдачи земельных записей, от 2 мая 1923 г., ст.ст. 1 и 11 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 312).

ном управлении предоставленными ему землями, и на рассмотрение его сходов не могут ставиться вопросы, подлежащие рассмотрению общих собраний граждан сельских поселений.[1] Напротив того, сельский совет есть орган государственной власти, избираемый всеми трудящимися, проживающими на его территории, а не только сельскохозяйственным населением; предметы его ведения суть разнообразные задачи государственного управления в пределах подведомственной ему территории,[2] в том числе ряд задач по введению улучшенных способов ведения сельского хозяйства, развития коллективных хозяйств, землеустройства и пр. Более того, поскольку к предметам ведения сельских советов, согласно ст. 7 Положения о них, относится наблюдение за выполнением всех распоряжений центральных и местных органов власти, следовательно, и за выполнением земельных законов и распоряжений, следует признать, что сельский совет является до известной степени и органом надзора за земельным обществом.[3] Это принципиальное различие между земельным обществом и сельским советом сказывается и во все большем несовпадении территории сельского совета и надела земельного общества: потребности административного управления вызывают укрупнение сельских советов; задачи землеустройства требуют, наоборот, разделения земельных обществ на части и создания мелкопоселковой формы землепользования.

Несмотря на столь резкое и принципиальное разграничение между земельным обществом и сельским советом, ЗК, как увидим ниже, сохранил в некоторых организационных вопросах, а равно и в правах на земли общественного пользования, остатки дореволюционного смешения земельного и сельского общества.

2) Таким образом, земельное общество не является государственным органом. В одном из своих определений[4] ОКВК высказала мнение, что земельные общества не могут быть отнесены и к «организациям публичноправового порядка, каковы, напр., профессиональные союзы рабочих и служащих»; что они являются «по преимуществу частноправовыми хозяйственными организациями».

---

[1] Пост. ВЦИК СНК РСФСР от 14 марта 1927 г., прим. к ст. 1 (СУ 1927 г. № 51 ст. 333).

[2] Полож. о сельсоветах от 16 октября 1924 г. (СУ 1924 г. № 82, ст. 827), дополненное пост. ВЦИК и СНК от 15 июня 1925 г. (СУ 1925 г. № 35, ст. 249).

[3] ЗК Белоруссии возлагает наблюдение за правильным применением земельным обществом законов на сельский совет (прим. к ст. 54), вместо волисполкома, как это постановляет ЗК РСФСР (прим. к ст. 55).

[4] Опред. ОКВК от 20 ноября 1924 г. по д. № 1136—1925 г. («СХЖ» 1926 г., № 7).

Для советского земельного права вопрос о публичноправовом или частноправовом характере земельного общества не имеет практического значения, ибо и в том и в другом случае оно выполняет в общем хозяйственном строе советского государства определенную социально-хозяйственную функцию, содержанием которой и определяются все правомочия и все обязанности земельного общества. Важно лишь установить эти правомочия и обязанности и, исходя из них, определить правовое положение земельного общества по отношению к государству, третьим лицам и составляющим общество дворам.

а) Земельное общество — не механическая совокупность дворов. Оно является особой земельно-хозяйственной организацией, пользующейся правами юридического лица (ст. 64). За ним, как за юридическим лицом, отличным от составляющих его дворов, закрепляются земли «в постоянное трудовое пользование» (ст. 141), вследствие чего на имя общества выдается и акт закрепления — земельная запись. Этому обозначению законом земельного общества трудовым землепользователем соответствует и объем земельных прав общества. Все правомочия трудового землепользователя, указанные нами в главе VIII, принадлежат и земельному обществу. Так, оно автономно в сельскохозяйственном использовании своих земель. Согласно ст. 51, земельное общество устанавливает и изменяет порядок пользования различными угодиями в обществе, избирая для того любой порядок землепользования (ст. 58), разрешает ходатайства о зачислении в общество новых землепользователей со стороны и о выходе из общества с землей, постановляет о производстве землеустройства, о переходе на широкие полосы, хутора и отруба, о разделе земли между частями общества, производит земельные переделы и разверстки, разрешает при чересполосном пользовании землей вопросы об общем севообороте, общей пастьбе скота и пр., распоряжается угодиями общего пользования и свободными земельными участками, вводит общественную обработку земли (ст. 113), устанавливает недробимость хозяйств (ст. 87). В тех же целях хозяйственного управления закрепленными за ним землями земельное общество в праве «получать под вексельные и другого рода обязательства ссуды на производство землеустроительных, мелиоративных и агрикультурных работ, на приобретение сельскохозяйственного инвентаря и для других надобностей правильного и целесообразного использования находящихся в его пользовании земельных угодий».[1]

---

[1] § 23 Нормального устава земельного общества («СХЖ» 1926 г., № 6).

В качестве субъекта права трудового землепользования земельное общество выступает как юридическое лицо в делах по землеустройству, в спорах о праве на закрепленные за ним земли, в требованиях о возмещении убытков за потравы, произведенные, напр., войсками или при топографо-геодезических работах (см. гл. VIII, § 4, 5, б).

К земельному обществу, как к трудовому землепользователю, обращены и требования государства о выполнении социальных и хозяйственных условий права трудового пользования (ст. 57). Оно поэтому имеет право, как хозяйственный распорядитель земель, и обязанность, как ответственный перед государством землепользователь, предъявить иск о временном или окончательном лишении земли, в случае оставления ее входящим в его состав двором без хозяйственного использования или в случае ее нетрудового использования (ст.ст. 20, 60 и 61 — см. гл. VIII, § 1, 2) или прекращения права на землю (ст. 18), обращая изъятую землю в свой общественный земельный запас (ст. 62).

Таким образом, по отношению к государству и третьим лицам, т. е. во внешних отношениях, земельное общество выступает в качестве юридического лица, являющегося самостоятельным трудовым землепользователем со всеми правомочиями и обязанностями, установленными законом для права трудового землепользования.

б) Однако, исторически сложившиеся порядки использования земель внутри земельного общества побудили многих авторов (Д. И. Иваницкий, И. Б. Новицкий, И. И. Евтихиев) считать подлинным субъектом права трудового землепользования входящие в его состав отдельные дворы или даже отдельных земледельцев. При этом построении земельное общество является только единицей поземельного устройства, а не хозяйственным распорядителем земель. Дело в том, что лишь незначительная часть земельных обществ (с.-х. коллективы) соединяет общественное обладание землями с коллективным хозяйством. Лишь в этом случае все изложенные в главе VIII постановления о правомочиях и обязанностях трудового землепользователя применяются без каких-либо существенных видоизменений. Подавляющее же большинство земельных обществ распределяют закрепленные за ними земли между входящими в их состав дворами, которые только и используют земли в хозяйственном отношении. Именно вследствие этого Земельный кодекс при характеристике права трудового землепользования во многих статьях относит его к двору, к отдельному хозяйству, как к субъекту права, идет ли в Кодексе речь о прекращении права, или о его полномочиях, или о его социально-хозяйственных условиях. А в обобщающей по своему содержанию

ст. 12 ЗК право трудового землепользования отнесено к отдельным непосредственным земледельцам, как к субъектам земельных прав.

Однако, указанные нами выше правомочия и обязанности земельного общества дают право утверждать, что, с точки зрения установления *прав на землю*, в ст. 12 речь идет о *правах членства* в земельных обществах, а не о независимых от общества правах на землю отдельных дворов, т. е. о регулировании *внутренних* отношений в земельном обществе. Ни одна организация, будь то товарищество гражданского права или общество земельного права, не может исключительно по собственному усмотрению определять свои взаимоотношения к входящим в ее состав членам. Закон всегда регулирует эти отношения, защищая отдельных членов в большем или меньшем объеме от произвольных решений организации, устанавливая обязательные для нее права членства. То же самое мы имеем и в земельном обществе. Мы уже указывали, что за отдельным двором или земледельцем, состоящим в земельном обществе, земля не закрепляется, что они получают землю по предоставлению *от земельного общества*, которое и несет ответственность перед государством за целесообразное использование закрепленных за ним земель. То же обстоятельство, что член земельного общества имеет право на долю земли из его надела или на участие в совместном пользовании его угодиями, не находится ни в каком противоречии с признанием земельного общества юридическим лицом, самостоятельным субъектом земельных прав, трудовым землепользователем, автономно распоряжающимся землями, закрепленными за ним, а не за входящими в его состав дворами или земледельцами. Земельное общество есть земельно-хозяйственная корпорация, действующая на основании закона или обычая, поскольку последний не противоречит закону. Но в каждой корпорации, в каждом обществе, являющемся юридическим лицом, отличным от входящих в его состав членов, последние имеют определенные права на пользование общественным имуществом, установленные уставом. Это право членства во многих обществах (напр., кооперативах) доходит до права выхода из состава общества с требованием возврата своего пая, который является частью общественного имущества. Однако такое широкое право членства нисколько не уничтожает природу кооператива, как юридического лица, самостоятельно распоряжающегося своим имуществом.

в) Права отдельных землепользователей или дворов, указанные в ст. 12, суть права членства в земельном обществе. Они различны в земельных обществах с разными порядками землепользования, в отноше-

нии к разным видам земельных угодий, но не находятся ни в каком противоречии с признанием земельного общества самостоятельным трудовым пользователем своих земель. Если при общинном порядке землепользования каждый двор имеет право на отвод ему в натуре, согласно установленной обществом разверстке, доли в переделяемых угодиях и на выход из общины с выделом соответственной доли из общественной земли, — то это есть лишь своеобразный вид исторически сложившегося земельного коллектива с обширными правами членства, не превращающегося от этого в простого регулятора независимых от него земельных прав своих членов. Достаточно вспомнить свободу усмотрения общины при переделах и установление ею самою разверсточной единицы для выдела своего члена, чтобы увидеть, что перед ними не «регулятор» земельных прав земледельцев, а ответственный перед государством, хозяйственно-распоряжающийся своими землями, согласно ст. 25, трудовой землепользователь.

г) В земельных обществах (кроме обществ с товарищеским порядком землепользования) права членства осуществляются через семейно-хозяйственные единицы, д в о р ы. Между ними производится передел полевых угодий; они, а не отдельные земледельцы, входящие в их состав, имеют право на выдел; в отношении к ним действует прекращение права трудового землепользования; из их представителей, в количестве не менее $^1/_2$, составляется сход; наконец, само земельное общество образуется из дворов. И подобно тому как государство подходит к отдельным дворам только через составляющее их земельное общество, так само земельное общество подходит к отдельным землепользователям, своим членам (ст. 47), только через дворы, в которые они входят и вследствие принадлежности к которым они осуществляют свои земельные права. Так мы получаем инстанцию субъектов земельных прав: г о с у д а р с т в о — з е м е л ь н о е о б щ е с т в о — д в о р — з е м л е п о л ь з о в а т е л ь, из которых первому принадлежит право собственности на землю, второму — право трудового пользования ею, третий же, являясь объединением непосредственных землепользователей, членов общества, имеет право участия, соответственно своему составу, в земле, закрепленной за земельным обществом как трудовым землепользователем, на правах членства, т. е. согласно устава общества или установленного в нем порядка землепользования. При хуторском и отрубном порядках землепользования, как увидим ниже, из этого ряда выпадает земельное общество, при товарищеском — двор.

§ 3. Основания возникновения земельного общества.

1) По основаниям своего возникновения земельные общества делятся на фактически существующие земельные общества и добровольные объединения дворов или лиц.

а) Фактически существующие земельные общества приобретают свое юридическое бытие, свои права юридического лица в самом факте своего существования ко дню издания ЗК,[1] а свои земельные права — в институте закрепления согласно ст. 141 (гл. VII, § 2). Такое земельное общество может от своего имени управлять землями, приобретать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде, ходатайствовать в учреждениях, не нуждаясь для этого в особой регистрации, предписанной ст. 49. Достаточно простого удостоверения органа местной власти, сельсовета или волисполкома о его существовании путем засвидетельствования какого-либо акта земельного общества, напр., доверенности или уполномочия, чтобы выдаваемые обществом документы были действительны. Однако, ст. 49 требует постепенного оформления и фактически существующих обществ путем принятия ими устава и его регистрации.

Принятый на общем собрании членов общества устав, составленный применительно к нормальному уставу земельных обществ[2] и подписанный большинством его полноправных (см. ниже, § 5) членов, представляется вместе с протоколом общего собрания в вол (рай) исполком, где ведется, согласно Инструкции от 27 июля 1923 г. о земельной регистрации,[3] особый реестр земельных обществ.

Каждому обществу отведено 16 граф, в которых описывается состояние общества: число его дворов и полноправных членов в них, общая площадь принадлежащих обществу земельных участков, порядок его землепользования, переделы и их разверсточные единицы, приговоры об избрании выборных органов, время регистрации и пр. Таким образом, после проведения в жизнь государственной записи землепользований во всех волостях Федерации, каждое земельное общество будет иметь в регистрации формальный момент своего юридического бытия и признания за ним прав юридического лица.

---

[1] Опред. ОКВК от августа 1925 г. по д. № 2464 («Сборник», № 41).

[2] Инструкция о порядке образования земельных обществ и утверждения их уставов, от 5 января 1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 6).

[3] «ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65.

б) Земельные общества могут возникнуть и после издания ЗК как из уже существующих обществ в порядке землеустройства, путем выделения из них группы дворов в отдельный поселок, так и в порядке отвода земель государством, путем наделения или переселения (гл. VII, §§ 3 и 4). И в этом случае основанием возникновения земельного общества следует признать факт наделения землями, а регистрация является лишь последующим актом их оформления, как и у фактически существовавших земельных обществ.

в) Наоборот, так наз. добровольные объединения дворов или лиц получают свое существование только с момента регистрации (ст. 49), а свои земельные права черпают или в специальном постановлении земорганов об отводе или в учредительном приговоре (договоре) о слиянии участков членов в один общий надел земельного общества (ст. ст. 107 и 108). Сюда относятся в первую очередь сельскохозяйственные коллективы (коммуны, артели, товарищества с общественной обработкой земли), которые строятся одновременно и как сельскохозяйственные кооперативные товарищества и как земельные общества. Их кооперативный устав должен включать в себе нормы устава земельного общества, главным образом, о составе земель коллектива и его земельно-хозяйственных распорядках. Прим. 2 к ст. 42 требует для признания сельскохозяйственного коллектива земельным обществом — состава его не менее, чем из 15 взрослых, т. е. достигших 18 лет (возраст гражданского совершеннолетия) трудовых земледельцев.

Добровольное земельное общество может возникнуть и путем соглашения обособленных трудовых землепользователей (хуторян, отрубщиков или земельных обществ). Для земельных обществ, состоящих из дворов, а не лиц, как в коллективах, необходим минимальный состав в три двора.

2) Основным признаком земельного общества является общность земельного отвода, общность права на тот или иной участок трудовых земель. В подавляющем большинстве случаев (земельные общества с общинным, участково-чересполосным или товарищеским порядками землепользования) эта общность права сопровождается и совместным землепользованием, «общим пользованием дворов полевыми землями» (ст. 43). Этот наиболее распространенный случай Кодекс и выдвигает в качестве основного определения земельного общества (ст. 43): общее пользование здесь всегда означает и общность земельных прав. Однако, поземельная община, произведшая внутриселенное землеустройство путем «наибольшего складывания полос вплоть до перехода к отрубному пользованию зе-

млей»,[1] т. е. уничтожившая общее пользование полевыми землями, может и остаться земельным обществом в отношении к этим землям, если только вновь образовавшиеся отрубщики единогласно пожелают сохранить эту земельноправовую организацию, т. е. признать общность своих прав на землю.[2] По той же причине, хотя хуторской и отрубной порядки землепользования большею частью сопровождаются и пользованием землей «без вхождения в состав земельного общества» (ст. 10), однако, путем добровольного соглашения, хуторяне и отрубщики могут образовать и земельное общество, сохранив отрубную форму землепользования (ср. гл. XI, § 4, 2).[3]

а) Земельное общество предполагает общность права образующих его дворов на земли трудового пользования. Коллектив, обрабатывающий землю на арендном праве, по договору с земельным органом, не может считаться земельным обществом.

б) Общность права на земельный участок не следует смешивать с расположением земель в общей меже. Часть селения, фактически имеющая раздельное, хотя бы и чересполосное, пользование полевою землею, которою она распоряжается независимо от другой части селения в смысле распределения ее только между членами своей группы,— должна считаться самостоятельным земельным обществом (прим. к ст. 43).[4] Наоборот, части селения, до революции имевшие отдельные акты на землю, но в настоящее время объединившиеся в распоряжении всей землей и распределяющие ее между всеми членами обеих частей селения,— почитаются одним земельным обществом.

в) В историческом процессе распределения земель и расселения земледельческого населения создались совместные пользования, различные для полевых земель (пашни, луга) и вспомогательных угодий (выгон, лес). Весьма часты случаи, когда селения или части селений, имея совершенно обособленные пахотные угодья, сообща пользуются выгоном или лесом. Аналогичное положение получается при разверстании надела земельного общества на хутора или отруба с оставлением в общем пользовании выгона или леса. Такие совместные пользования Кодекс также признает земельными обществами, но только

---

[1] Рекомендованная декретом СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. (СУ 1925 г. № 72, ст. 572) форма внутриселенного землеустройства, поскольку не представляется возможным установить товарищескую форму землепользования.

[2] Опред. ОКВК от 11 августа 1925 г. по д. № 2464 («Сборник», № 41).

[3] Отрубную форму землепользования в земельном обществе допускает и нормальный устав земельного общества («СХЖ» 1926 г., № 6).

[4] Разъяснение НКЗ Иваново-вознесенскому губземуправлению № 194543 от 7 сентября 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 75).

по общему пользованию вспомогательными угодиями (ст. 44). Вследствие этого создается, в сущности, правило, что всякое совместное пользование каким-либо видом сельскохозяйственных угодий, вытекающее из общности права на них, дает основание для образования земельного общества.

г) Земельное общество прекращается, когда в нем окажется менее трех дворов или менее 15 членов сельскохозяйственного коллектива, а также в случае прекращения общности землепользования по постановлению общего собрания.[1]

§ 4. Состав земельного общества.

Состав земельного общества определяется по составу дворов (хозяйств), образующих общество; членами общества являются таким образом все лица, входящие в состав его дворов, независимо от пола и возраста (ст. 47). Этим положением устанавливается право на членство в земельном обществе, т. е. право на участие в пользовании земельным наделом общества, соответственно тому порядку землепользования, который оно установит.

Проблема членства вызывает затруднения, главным образом, в отношении фактически существующих обществ. Состав сельскохозяйственного коллектива определяется по общим правилам всякого производственного кооперативного товарищества. Поэтому ст. 47 и касается только земельных обществ, состоящих из дворов, а не отдельных физических лиц.

1) Если состав общества определяется по составу дворов, то раньше всего возникает вопрос о принадлежности двора к данному земельному обществу. Здесь действует общий принцип, связанный с институтом закрепления земель (гл. VII, § 2): «дворы, которые фактически вели трудовое хозяйство на земле земельного общества до 22 мая 1922 г., имеют право на вступление в состав этого общества».[2] На основании этого правила был разрешен, напр., исторический спор между так наз. иногородними и бывшим казачьим населением на Северном Кавказе. Дворы, поселившиеся в бывших казачьих областях до

---

[1] § 23 нормального устава земельного общества («СХЖ» 1926 г., № 6).

[2] Прим. к ст. 46 ЗК Якутской республики (СУ 1925 г. № 66, ст. 527). Так же ст. 3 положения о землеустройстве Дагестанской республики (СУ 1926 г. № 60, ст. 463) и опред. ОКВК от 24 августа 1925 г. по д. № 1620 («СХЖ» 1925 г. № 43).

революции и ведшие хозяйство на арендованных у казаков землях или на условиях батрачества (иногородние), тем не менее входят в состав земельного общества, наравне с бывшими казачьими хозяйствами, если они вели трудовое хозяйство к 22 мая 1922 г.[1] Таким образом, основания прав на землю того или иного двора до 22 мая 1922 г. не имеют значения для определения его принадлежности к составу земельного общества: соответственно общему принципу закрепления земель, решающим является факт ведения трудового хозяйства на земле общества к 22 мая 1922 г. Отсюда следует, что не являются членами земельного общества и, следовательно, не имеют права на наделение его землей граждане, не пользовавшиеся к 22 мая 1922 г. на каком бы то ни было основании полевой землей общества, т. е. не ведшие в нем сельского хозяйства, хотя бы они постоянно проживали в месте поселения общества или имели даже в нем дома с усадебными при них участками[2] (ср. гл. VIII, § 1,4).

2) Указанным только что правилом определяется так сказать первоначальный состав земельного общества. Дальнейшее его увеличение после 22 мая 1922 г., не касаясь обязательного для земельного общества внутреннего процесса роста числа его членов вследствие увеличения состава дворов от естественного прироста или посредством брака (см. гл. X, § 2,2), может происходить только с согласия общества (ст. 46 и ст. 51 п. «в»). Это правило является необходимым последствием закрепления земель за земельными обществами. Само собою ясно, что прекращение междуселенного земельного равнения и сосредоточение хозяйственной энергии землепользователей на определенных участках свелись бы к нулю, если бы земельные органы имели право по своему усмотрению включать в состав общества безземельных граждан.

Однако, автономия земельного общества по определению состава своих членов имеет место лишь до тех пор, пока обществом осуществляются социально-хозяйственные предпосылки права трудового землепользования (гл. VIII, § 1). В тех земельных обществах, у которых вследствие земельных избытков земли совсем не используются или используются хищнически, что чаще всего встречается в местностях, открытых для переселения (прим. к ст. 46), там земельные органы в праве или изъять излишние земли в переселенческий фонд, или дополнительно к земельному обществу безземельных или малоземель-

[1] Подтвержденное СНК РСФСР 15 октября 1925 г. разъяснение НКЗ от 11 августа 1925 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 74).

[2] Опред. ОКВК от 15 июня 1925 г. («Сборник», № 31).

ных граждан, если общество согласно принять их в свой состав на равных основаниях с остальными членами общества. Такому изъятию или дописелению должно предшествовать установление порайонных ориентировочных земельных норм, обеспечивающих устойчивость и возможность дальнейшего развития хозяйств при местных естественных и экономических условиях. Установление наличия излишних земель в данном земельном обществе сверх этих земельных норм, а равно внесение необходимых поправок в эти нормы, в связи с условиями действительного землепользования в данном земельном обществе, производятся в порядке землеустройства, со всеми теми гарантиями, которые предоставляет землеустроительный процесс заинтересованной стороне (см. гл. XII, § 5).

Наделение землями из фонда земельных излишков производится в определенной очередности. За безземельными и малоземельными земледельческими хозяйствами, находящимися в селении, но не входящими в состав земельного общества, признанного имеющим излишние земли, следует проживающее в том же селении трудовое безземельное население, желающее заниматься сельским хозяйством (батраки, пастухи, кустари и т. п.). Лишь после наделения этих групп, проживающих на территории земельного общества, могут получить земли в порядке той же очередности такие же группы населения, но проживающие на территории уезда (округа). В последнюю очередь идут трудовые землепользователи, переселяющиеся из других районов.[1]

3) Для определения состава земельного общества имеет существенное значение принцип нашего права, по которому «ни один двор не может состоять более, чем в одном обществе».[2] Правило это относится не только к дворам, этим семейно-трудовым объединениям членов земельного общества, но и к отдельным членам, входящим в состав дворов. Но применяется оно только к пользованию полевыми землями. Как мы уже указывали (см. выше, § 3, 2, в), отдельные дворы или совокупность их могут принадлежать по основным, главным угодиям к составу одного общества, а по вспомогательным (выгон, лес) — к составу другого.

Указанная норма вытекает из общих начал нашего земельного права. Трудовой характер землепользования и вытекающее из него запрещение использовать землю в качестве источника нетрудового

---

[1] Правила о порядке признания земельных обществ имеющими излишние земли и об использовании таковых земель (Цирк. НКЗ от 14 января 1927 г. № 17,— «СХЖ» 1927 г., № 4).

[2] § 3 Нормального устава земельного общества («СХЖ» 1926 г., № 6).

дохода являются главнейшим основанием к такому решению. Оно находит себе полное подтверждение в прим. к ст. 66 ЗК, согласно которого лицо, входящее в состав двора посредством брака или примачества и приобретающее поэтому право на пользование землей и имуществом общего пользования в составе этого двора, тем самым теряет право на пользование землей в составе прежнего двора. В этом смысле высказалась и судебная практика,[1] указав, что «по духу действующих законов каждый может иметь землепользование лишь в одном с.-х. объединении и притом в том, в котором он имеет оседлость или, хотя не имеет оседлости, но в которое он принят обществом. Исключения из этого могут быть допускаемы лишь при наличии особо уважительных обстоятельств, как, напр., образование товарищества для осушения земель, их мелиорирования и проч.».

С этой же точки зрения недопустимо, чтобы землепользователь одновременно состоял и членом земельного общества и пользовался также обособленным от общественной земли участком, без вхождения по отношению к нему в состав земельного общества. В этих случаях обособленный участок землепользователя должен рассматриваться как входящий в состав земель общества, членом которого состоит землепользователь, со всеми вытекающими отсюда последствиями.[2]

а) Иметь землепользование по праву членства в земельном обществе и, помимо того, особый участок не на основании договора трудовой аренды, а на праве трудового землепользования, возможно лишь под условием производства мелиоративных работ или расчисток. В целях обращения неудобных земель (болота, озера, бросовые земли) и лесных площадей, предназначенных к обращению в сельскохозяйственные угодия, в культурные земли, положение о мелиоративных товариществах от 22 декабря 1923 г.[3] предоставляет право отдельным дворам и лицам образовывать мелиоративные товарищества, которые, являясь видом сельскохозяйственной кооперации, могут получать на правах земельного общества дополнительный отвод, сверх земельного наделения своих членов, из особой площади неудобных и бросовых земель государственного фонда. Мелиорированные и хозяйственно-освоенные участки находятся у мелиоративного товарищества на праве трудового землепользования и, в случае ликвидации товари-

---

[1] Опред. ОКВК по д. № 1048—1922 г. («Еж. Сов. Юст.», 1922 г., № 46 - 47).

[2] Опред. ОКВК от 20 ноября 1925 г. по д. № 1136/3425 — 1925 г. («Сборник», № 44).

[3] СУ 1924 г. № 5, ст. 22.

щества, остаются полностью в пользовании его членов, в качестве трудовых земель.

4) Принадлежность к составу земельного общества связана с участием в его землепользовании, предоставленном обществу государством. Поэтому она не может быть аннулирована обществом. Если для вступления в состав общества после 22 мая 1922 г. необходимо его согласие, то исключение из его состава не может последовать по постановлению какого-либо большинства членов общества, как это имеет место в кооперативных или общественных организациях. Единственным основанием для утраты права членства в земельном обществе является утрата права на землепользование, наступающая только в определенных, точно установленных законом, случаях (ст.ст. 18, 20, 60, 61 — см. гл. VIII, § 1, 2).[1]

5) Принадлежность двора к данному земельному обществу и состав членов этого двора (см. гл. X, § 2), определяя собою членство в обществе, имеют и формальные признаки. Согласно ст. 72, на сельские советы возложена обязанность регистрации дворов данного земельного общества и их состава. Регистрация эта производится в подворных списках с поименным указанием всех членов двора и его домохозяина. Списки эти ведутся по отдельным земельным обществам и, по изготовлении, подписываются всеми полноправными, т. е. совершеннолетними членами каждого двора с обязательством сообщать о всех дальнейших изменениях состава двора. О каждом дворе указывается: наименование домохозяина, число едоков с их поименным перечислением и указанием возраста и отношения к домохозяину, размер землепользования как в полевых угодиях, так и в усадебной земле, отсутствующие члены, применение наемного труда и трудовой аренды и др.[2] Записи в подворном списке, как и всех сведений, содержащихся в актах регистрации (ст. 200), имеют характер достоверности, т. е. обязательны для всех учреждений и частных лиц, пока они не опорочены судебным решением. В виду столь важного их значения, отказ сельсовета в регистрации какого-либо члена двора, становящегося тем самым и членом земельного общества, т. е. отказ во внесении его в подворный список, может быть обжалован заинтересованной стороной в 14-дневный срок в волостную (районную) земельную комиссию (ст. 72).

---

[1] Разъяснение НКЗ от 5 ноября 1926 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 88).

[2] Инструкция от 27 июля 1923 г. о земельной регистрации («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

§ 5. Органы управления.

1) Земельное общество, как особое юридическое лицо, пользующееся на праве трудового землепользования определенными, закрепленными за ними, землями, имеет и собственные органы управления. Делами земельного общества ведает общее собрание его членов (сход), которое разрешает все вопросы, касающиеся земельного общества (ст.ст. 50 и 51, — см. выше, § 2, 2, а). Так как право членства, в смысле права на участие в пользовании землей общества, имеют все члены дворов, образующих общество, независимо от возраста, а с другой стороны, для решения дел в общих собраниях необходим определенный возраст, то Кодекс ввел категорию полноправных членов общества (ст.ст. 47 и 50), понимая под последними тех членов, которые имеют право на участие в общих собраниях с правом решающего голоса. Полноправными членами считаются все члены дворов, входящих в состав общества, мужского и женского пола без различия, не моложе 18-летнего возраста, а также самостоятельно ведущие хозяйство домохозяева, хотя бы они и были моложе этого возраста. Последнее отступление от общегражданского совершеннолетия вызвано особенностями крестьянского быта, в котором подростки часто являются единственными работниками в хозяйстве.

2) Кроме общего собрания (схода), земельное общество имеет и выборные органы управления, именно особых «уполномоченных по земельным делам» (прим. к ст. 50). В тех же обществах, земельный надел которых совпадает с территорией, находящейся в ведении сельского совета, исполнительным органом земельного общества является сельский совет. Это правило представляет собою наследие дореволюционного смешения земельного и сельского обществ (см. выше, § 2, 1). Если сельский совет является органом государственной власти, которому принадлежит надзор за деятельностью земельного общества, если его ревизионная комиссия проверяет финансово-хозяйственную деятельность земельных обществ (правда, только там, где последние совпадают в своих границах с районами сельских советов),[1] то совершенно недопустимо положение, при котором «высший орган государственной власти становится исполнительным органом собрания, представляющего в лучшем случае десятую часть всех правоспособных граждан»[2] и разрешающего вопросы, касающиеся частных земельных

---

[1] Положение о ревизионных комиссиях при сельсоветах от 15 марта 1926 г.— ст. 9 п., «д». (СУ 1926 г. № 17, ст. 134).

[2] С. Чугунов, Вопросы организации и деятельности сельсоветов, стр. 91, ГИЗ, 1925 г.

прав только одной части граждан, живущих на территории сельсовета и притом не всегда пользующихся избирательными правами.

а) Судебная практика [1] установила, что постоянными уполномоченными по земельным делам, равно как председателями и секретарями на общих собраниях земельного общества не могут быть лица, не имеющие избирательных прав в советы. В основании такого решения лежит соображение, что «земельное общество должно признаваться юридическим лицом с публичноправовыми функциями по распределению общественной земли между дворами, принадлежащими к его составу». Однако указанные лица могут быть уполномоченными по какому-либо одному поручению земельного общества (напр., судебному).

б) Кодекс не указывает компетенции ни сельсовета (как органа управления земельного общества, а не органа власти), ни особого уполномоченного по земельным делам, отнеся решение всех вопросов, касающихся земельного общества в целом, к компетенции общего собрания. Поэтому компетенция выборных органов управления определяется в каждом отдельном случае постановлениями общего собрания об их полномочиях при выполнении ими того или другого порученного им обществом дела.

3) Для действительности постановлений общих собраний земельного общества необходимы определенный их состав (кворум) и принятие решений определенным большинством голосов. Нормальным законным кворумом схода является присутствие на нем не менее половины домохозяев или других представителей состоящих в обществе дворов или не менее половины наличных полноправных землепользователей в тех обществах, где они не объединены в отдельные дворы (коммуны и артели — ст. 53). Представители дворов на сходе должны быть, конечно, полноправными членами, ибо они должны иметь право решающего голоса (ст. 54). В отношении к коммунам и артелям сужение кворума до половины наличных полноправных членов объясняется возможной отлучкой членов общества по причинам, которые Кодекс сам считает законными основаниями отсутствия (военная служба, призыв по мобилизации, выбор на советские или общественные должности, пребывание в учебных заведениях, отход на трудовые заработки — ст. 17, прим. к ст. 75 и др.). Нормальным законным большинством Кодекс считает простое абсолютное большинство присутствующих на сходе полноправных членов общества.

Этот кворум и это большинство требуются для решения обществом всех его дел. Исключение составляют лишь дела об установлении или

[1] Разъяснение ОКВК от 30 мая 1927 г. («СХЖ» 1927 г. № 33).

изменении порядка землепользования (напр., переход от общинного порядка к отрубному, но не переход на широкие полосы или введение многопольного севооборота, или производство переделов; для постановления приговоров по таким делам требуется нормальные кворум и большинство — ст.ст. 102 и 116 Кодекса), постановления о слиянии с другим земельным обществом в единое земельное общество [1] и о добровольном объявлении земельным обществом недробимости хозяйств входящих в его состав дворов (ст. 87). Для решения этих дел кворум установлен в количестве представителей не менее $^2/_3$ дворов и не менее половины всех полноправных членов общества, а большинство — в $^2/_3$ присутствующих на сходе полноправных членов (ст.ст. 53 и 54).

а) Если общее собрание не состоится за недостаточностью его кворума, то вторичное общее собрание с уменьшенным кворумом может быть созвано только в многодворных земельных обществах, состоящих из 250 и более дворов (прим. к ст. 53). Для обществ с меньшим числом дворов и при вторичном общем собрании, собравшемся вследствие того, что первое не состоялось, обязательны те же кворум и большинство, которые требовались для первого собрания.

Вторичное общее собрание в многодворных обществах составляется из представителей групп дворов — по одному от каждых 10 дворов в обществах, имеющих в своем составе от 250 до 500 дворов, и по одному от каждых 20 дворов — в обществах, состоящих из 500 и более дворов. Выборы представителей производятся на собраниях полноправных членов, соответствующих групп дворов: распределение дворов на группы производится сельским советом. В прим. к ст. 53 не указано, каковы должны быть кворум и большинство на избирательных собраниях групп дворов. По аналогии со ст. 53, вопрос этот должен быть разрешен в смысле определения кворума в количестве половины полноправных членов соответствующей группы, а большинство — в количестве половины присутствующих на собрании. Кворум и большинство вторичных общих собраний, состоящих из представителей групп дворов, определяются по правилам ст.ст. 53 и 54.

б) Соответственно правилам о действительности общих собраний земельного общества, Кодекс предписывает и соблюдение особой формы их протоколов — приговоров. В приговоре должно быть указано время и место его составления, общее число присутствующих на сходе представителей дворов и полноправных членов, число голосовавших за принятое решение, которое, конечно, должно быть также изложено.

[1] Опред. ОКВК по д. № 564/3108 — 1925 г. от 2 декабря 1925 г. («Сборник», № 45).

Приговор подписывается председателем и секретарем собрания, и большинством присутствующих на собрании землепользователей (ст. 56).

4) Земельное общество в пределах своей компетенции, ограниченной задачами хозяйственного управления закрепленными за ним землями (см. выше, § 2, 1 и 2, а), является вполне самоуправляющейся земельно-хозяйственной организацией. По общему правилу, кроме специально оговоренных исключений, постановления (приговоры) земельного общества не подлежат утверждению каких-либо органов власти. Хозяйственное распоряжение обществом закрепленными за ним землями вполне автономно. Приговор общества вступает в силу с оформлением его участвовавшими в общем собрании полноправными членами (ст. 56). Поэтому земельные органы не в праве вмешиваться в распределение земель между входящими в состав общества дворами, уравнивая их землепользование по своему усмотрению.[1]

а) Лишь в отношении некоторых распоряжений земельных обществ о своих землях, изменяющих в корне установившийся способ пользования ими, требуется предварительная регистрация приговоров общества. Сюда относятся: приговоры о переделах, регистрируемые волисполкомами (ст. 120), приговоры о всяком землеустроительном действии или о переделах, вызываемых этими действиями, регистрируемые уездными земельными управлениями (ст. 140, п. «б»), постановления о недробимости хозяйств (ст. 87), регистрируемые в волисполкоме. Во всех случаях регистрации приговоров в ней может быть отказано органом власти лишь по нарушению постановлений закона. Только постановления о производстве землеустроительных действий рассматриваются земельными органами с точки зрения их целесообразности по хозяйственно-производственным соображениям (ст. 182), ибо землеустройство является государственным мероприятием по реорганизации крестьянского хозяйства на новых технических и социальных основах.

б) Но, само собою разумеется, общий принцип подзаконности распоряжений земельного общества по управлению своими землями дает право всякому члену общества, законные права которого нарушены действиями или приговорами общества, обратиться к судебной власти за защитой путем предъявления иска в волостной (районной) земельной комисси к земельному обществу об отмене незаконного приговора.

Такое же право принадлежит и волисполкому, на которого прим. к ст. 55 возлагает наблюдение за правильным применением законов обществом при разрешении земельных дел. Соответственно неодно-

---

[1] Опред. ОКВК № 936 — 1922 г. («ЕСЮ» 1923 г., № 4-5).

кратно нами указанному общему характеру взаимоотношений между государством и трудовым землепользователем, это наблюдение, при нарушении закона обществом, может найти себе выражение не в административном вмешательстве волисполкома, а в опротестовании действий общества путем иска к нему в волостной (районный) земельной комиссии, действуя в этих случаях на правах прокурорской власти. [1]

Иск волисполкома к земельному обществу может иметь своим предметом не только отмену приговора или распоряжения общества по нарушению им закона или земельных прав тех членов общества, охрана интересов которых лежит на обязанности низового советского аппарата (семьи красноармейцев, бедняцкие слои деревни). Он может заключаться и в обязании земельного общества провести те мероприятия, выполнение которых возложено законом на земельные общества, напр., лишить права на пользование землей в случаях ее нетрудового использования или потери трудовой связи с хозяйством, пользующимся землей (ср. ст. 61).

в) Земельные общества при разрешении земельных дел могут руководиться не только действующими узаконениями, но и местными обычаями, если последние не противоречат закону (ст.ст. 48 и 55). На местный обычай, в качестве источника земельного права, указывает и ст. 8. Допущение Земельным кодексом местного обычая в качестве действующей нормы, при отрицательном отношении к обычаю со стороны Гражданского и Гражд. процессуального кодексов, не является каким-либо необъяснимым противоречием. Наоборот, оно лишь подтверждает правильность позиции последних кодексов. Обычаи, на которые ссылается Земельный кодекс, сложились в экономической обстановке крестьянского хозяйства, основанного и до революции в подавляющем большинстве случаев на непосредственном труде владельца земли, ведшего вековую классовую борьбу с крупным землевладением, эксплуатировавшим рабочие силы этого хозяйства. Эти обычаи поэтому только в слабой степени могут оказаться пропитанными духом капиталистической эпохи. Те же обычаи, которые должен был бы принимать во внимание Гражданский кодекс, имеющий своим предметом регулирование частной собственности и договорных сделок в переходную эпоху новой экономической политики, сложились в атмосфере товарно-денежного капиталистического хозяйства, и с ними советскому праву делать нечего даже при оговорке: «если они не противоречат закону».

[1] Опред. ОКВК от 28 сентября 1926 г. по д. № 5843—1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 48).

§ 6. Составные части общественного надела.

Права членства неодинаковы в земельных обществах и находятся в зависимости от существующих в них порядков землепользования, при изложении которых нами будут описаны и эти права. Но так как их объем и сама земельно-распорядительная власть земельного общества определяются также и категориями земель, находящихся в распоряжении общества, то необходимо остановиться, раньше всего, на определении составных частей общественного надела. У обществ с товарищеским порядком землепользования юридическое положение различных категорий их земель определяется их уставом, устанавливать содержание которого представлено Кодексом добровольному соглашению входящих в них землепользователей (ст. 104). Поэтому Кодекс содержит нормы о делении земель лишь в обществах с общинным и участково-чересполосным порядками землепользования, составляющих подавляющее большинство всех земельных обществ.

Соответственно самой природе сельскохозяйственного производства, Кодекс знает три вида угодий общества: а) полевые угодия (ст.ст. 43, 44), охватывающие не только пахотную землю (при зерновом хозяйстве), но часто также и луга (при травосеянии, травопольном хозяйстве — ст.ст. 130, 137), обыкновенно периодически переделяемые между дворами обществ; б) усадебную оседлость и в) земли общего (нераспределенного) пользования. Правовое положение этих трех видов угодий различно.

1) Полевые угодия используются в земельных обществах (кроме обществ с товарищеским порядком землепользования) большею частью путем распределения их между дворами, входящими в состав общества, путем отвода их в натуре для ведения сельского хозяйства. Эта землераспределительная функция земельного общества составляет его обязанность, пока им не изменен порядок землепользования, как это видно из ст. 9, устанавливающей право граждан, входящих в состав земельных обществ, на наделение их землей обществами. Таким образом, в обществах с общинным и участково-чересполосным порядками землепользования право членства заключается, обыкновенно, в праве на наделение полевыми угодиями, на получение той или иной их доли в индивидуальное хозяйственное использование отдельного двора. Этому отвечает и другое право двора — право на выдел ему земли, на выход из состава земельного общества с выделением ему части угодий, закрепленных за обществом (ст. 134 — 136; § 4 нормального устава). При изложении порядков землепользования (гл. XI) мы более подробно

изучим эти права членства. Здесь же необходимо, однако, заметить, что земельное общество, будучи хозяйственным распорядителем своих земель (см. выше, § 2), в праве по постановлению простого большинства голосов, вместо распределения полевых земель между дворами, ввести общественную обработку земли на всей площади своих земель или на их части, путем совместного применения труда и общего использования средств и орудий производства при запашке, засеве земель, уборке урожая и т. п. (ст. 112). Таким образом, наделение обществом землей отдельных дворов полевыми угодиями есть один из способов хозяйственного использования обществом своих земель, но не осуществление независимых от общества земельных прав его членов, что еще раз подтверждает правильность взгляда на земельное общество, как на самостоятельного трудового землепользователя (см. выше, § 2).

а) Полевые земли носят в Кодексе иногда название главных, основных угодий, в отличие от вспомогательных угодий, к которым относятся луга, выгоны (ст. 44, 103). Однако, главными угодиями не всегда будут пахотные земли. Какие угодия считать основными, какие — вспомогательными, зависит в каждом отдельном случае от системы хозяйства; так, для зернового хозяйства главным угодием является пашня, для скотоводческого — пастбища и луга, для огороднического — усадьба, точнее, часть усадьбы, примыкающая к дворовому построечному месту, так называемые приусадебные угодья: огород, сад, коноплянник, пасека и т. п.

Различие между главными и вспомогательными угодиями имеет значение при переделах земли между дворами. Основания распределения вспомогательных угодий определяются по основаниям, установленным для распределения главных угодий. По главным угодиям определяется принадлежность двора к земельному обществу (ст. 43, 103), существующий в обществе порядок землепользования (прим. к ст. 90).

2) Распорядительная власть земельного общества имеет наименьшее приложение к усадебным землям. Усадебным участком считается не только усадьба в тесном смысле этого слова, т. е. земля под жилыми строениями и службами (дворовое, построечное место). К нему относятся и непосредственно примыкающие к дворовому месту приусадебные угодия: огород, сад, коноплянник, пасека и т. п.[1] Согласно ст. 126, эти земли, составляя часть надела земель-

[1] Инструкция по земельной регистрации, ст. 23 («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

ного общества, находятся в исключительном пользовании каждого двора и не подлежат никакому перераспределению (см. тл. XI, § 2, 4, б и в).

Мы указывали выше (гл. IX, § 4, 7, в) на необходимость проведения разграничения между дворовым местом, т. е. земельным участком, обслуживающим строения, и приусадебными угодиями. Эти две части усадьбы различны по своему хозяйственному назначению: первая используется трудовым землепользователем для своих жилищных или промысловых надобностей, вторая продолжает оставаться землей сельскохозяйственного назначения. Именно поэтому, как мы видели, административная практика Наркомзема начинает и в деревне смотреть на дворовое место, как на принадлежность строения, устанавливая принцип, что земельный участок, обслуживающий строение (мельницу), следует за строением и потому для перехода его к покупателю строения не требуется разрешения земельного общества; по той же причине при прекращении двором ведения сельского хозяйства он лишается лишь полевой земли и, выходя потому из состава земельного общества, сохраняет право на пользование усадебным участком, если он его использует для жилищных надобностей (гл. VIII, § 1, 4). Но тем самым дворовое место совершенно изъемлется не только из распорядительной власти земельного общества, но из самого состава общественного надела, ибо нельзя допустить положение, по которому земельное общество, которому земля предоставлена для определенной социально-хозяйственной цели, для трудового ее использования путем ведения сельского хозяйства, имеет право на земли, находящиеся в постоянном пользовании граждан, не входящих в состав земельного общества и связанных с его членами лишь общностью своего местожительства. Между тем по действующему праву дворовые места граждан, живущих на усадебной территории земельного общества и не являющихся его членами (рабочие, кустари и др.), принадлежат к составу земель, закрепленных за обществом, которое в праве приводить размеры этих усадебных участков в соответствие с установленной им усадебной нормой (ст. 127) и в распоряжение которого они переходят в случае выморочности (ст. 62). Такое построение вредит и интересам сельского благоустройства, требующего передачи мест поселения местным советам, ведующим этим благоустройством.

Очевидно, что мы имеем здесь остаток дореволюционного смешения земельного и сельского обществ, частнохозяйственной организации землепользователей и административной сельской единицы. Сельское поселение не есть просто населенный пункт, открытый для поселения всех граждан и администрируемый местным советом, как это имеет

место в городах. Это — общество крестьян, общество граждан, занимающихся сельским хозяйством, распоряжающихся всеми землями, находящимися в пределах территории сельского поселения, как землями сельскохозяйственного назначения.[1] Ясно, что такое построение, уместное для эпохи натурального хозяйства, воздвигшего стену между деревней и городом, совершенно устарело для индустриализирующейся и растущей в культурном отношении страны.

3) Еще более противоречиво правовое положение третьей категории угодий, входящих в надел земельного общества, — угодий общего пользования (ст. 63).

К угодиям общего пользования относятся: а) несельскохозяйственные угодия, предназначенные для непосредственного обслуживания общественных потребностей; таковы: улицы, площади, дороги, воды, места под общественными зданиями, школами и т. п. (ст. 63); б) неудобные земли, непригодные по своим естественным свойствам к сельскохозяйственной культуре; и в) земли сельскохозяйственного назначения, находящиеся в общем нераздельном пользовании членов общества, напр. выгоны. Сюда же относятся лесные угодия, в частности, леса местного значения (гл. XV, § 3). Промежуточное место занимают свободные земельные участки (ст. 51, п. «ж»), неиспользуемые полевые земли и усадебные участки, которые почему-либо оказались нераспределенными между дворами или перешли в распоряжение общества как земли выморочные, отобранные в случаях нарушения социально-хозяйственных условий трудового землепользования (ст. 60 и 61) или его прекращения (ст. 18), остающиеся после лиц, отказавшихся от земельного надела (ст. 62), образующие в совокупности общественный земельный запас (ст. 17).

а) Ст. 63 включает земли, предназначенные для непосредственного обслуживания общественных потребностей, предоставленные в силу самого своего хозяйственного назначения в общее пользование всех граждан, как, напр., «прогоны», «воды», — в состав надела земельного общества, предоставляя их в его непосредственное распоряжение. Такое частнохозяйственное построение права общего пользования объясняется традицией, смешением земельного общества с административной сельской единицей. Оно изменено последующим законодательством.

---

[1] Так, согласно ст.ст. 13 и 21 Инструкции по земельной регистрации, вся совокупность усадебных участков в пределах черты селения регистрируется как один участок, но записывается за земельным обществом.

Постановлением четырех ведомств — Наркомзема, Наркомюста, Наркомфина и Наркомвнудела — от 11 июля 1925 г.[1] постоянные базарные и торговые площади в селениях переданы в ведение соответствующих волисполкомов. Списки и размеры этих площадей определяются волисполкомами и утверждаются уисполкомами при отсутствии споров со стороны заинтересованных лиц и организаций (т. е. и земельных обществ). В противном случае, соответственно общему характеру взаимоотношений между государством и трудовым землепользователем, спор разрешается в общем порядке рассмотрения земельных споров, т. е. земельной комиссией.

В исключительное ведение сельских советов переданы и дороги сельские и полевые, т. е. не только дороги, соединяющие селения между собой или соединяющие селения с дорогами высших разрядов (сельские дороги), но и дороги, обслуживающие исключительно сельскохозяйственные нужды тех землепользований, по которым они пролегают (полевые дороги). Без разрешения подлежащих сельских советов полосы отвода под эти дороги (6,5 *м* и 21 *м*) никем не могут быть использованы для собственных нужд.[2]

б) Мы видели, что земельное общество является трудовым пользователем закрепленного за ним земельного участка, что распределение последнего между составляющими общество дворами или предоставление его целиком или в части под общественную запашку составляют лишь способы хозяйственного использования обществом своих земель (см. выше, § 2). Отсюда следует, что общество должно иметь право сдавать свои земли в трудовую аренду. Но здесь возникает ряд вопросов, далеко еще не разрешенных ни Земельным кодексом, ни практикою.

Объектом аренды могут быть не только земли сельскохозяйственного использования, общественный земельный запас, образовавшийся в порядке ст. 62 (см. выше, 3), но и неудобные земли, могущие быть использованными для несельскохозяйственных промыслов и производств (ст. 13). В первом случае мы сталкиваемся не только с правом членов земельного общества на их наделение, конкурирующим с желанием общества сдать данный свободный участок в аренду, но и с тем, что сдача в аренду теряет свой трудовой характер, так как сдатчиком является не ослабленное крестьянское хозяйство,

---

[1] СУ 1925 г. № 43, ст. 315.

[2] Инструкция СНК РСФСР от 26 мая 1925 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 11) к постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1924 г. о подразделении шоссейных и грунтовых дорог РСФСР на разряды (СУ 1924 г. № 72, ст. 709).

для которого аренда является средством укрепления своей производственной самостоятельности, а юридическое лицо, для которого сдача в аренду есть источник нетрудового дохода. Последнее приложимо в еще большей степени к сдаче в аренду неудобных для сельского хозяйства земель, напр., под застройку, разрешенную земельным обществам прим. к ст. 13.

Право членов земельного общества на наделение их землей из общественного запаса идет впереди извлечения из него дохода путем сдачи его в аренду земельным обществам. Как правильно указала ОКВК, «согласно ст. 57 ЗК и основным началам земельной политики, распределение свободных общественных земель (в частности, пустующих усадебных участков) между дворами должно определяться соображениями хозяйственной целесообразности, степенью нуждаемости в этой земле соискателей, дворов — членов общества, и, наконец, при прочих равных условиях, их социально-экономическим положением, причем наиболее бедные дворы должны наделяться землей в первую очередь. Поэтому, незакономерен приговор общества о наделении свободными усадьбами дворов в зависимости от приобретения ими на торгах строений, находящихся на этих усадьбах». [1]

Что же касается доходов, получаемых земельным обществом от сдачи земель в аренду, то прим. к ст. 28 постановляет, что эти доходы направляются на нужды сельского и волостного бюджета. Так разрешается законом коллизия между запрещением частным лицам или их объединениям использовать предоставленные им земли в качестве источника нетрудового дохода и хозяйственною необходимостью использования пустующих земель. [2]

Обращение арендной платы от сдачи обществом в аренду свободных общественных земель в сельский и волостной бюджеты указано в разделе о трудовой аренде (прим. к ст. 28), имеющей своим объектом земли сельскохозяйственного назначения. Так может возникнуть предположение, что это правило не относится к сдаче в аренду неудобных земель под несельскохозяйственные промыслы и производства, напр., под кирпичный завод, мельницу, под застройку, могущую иметь место лишь с разрешения уездных земельных органов (ст. 13 и

---

[1] Опред. ОКВК от 21 октября 1924 г. по д. № 1260—1924 г. и от 10 ноября 1924 г. по д. № 1578 — 1924 г. («Сборнию», №№ 1 и 33).

[2] § 22 Нормального устава земельного общества («СХЖ» 1926 г., № 6) указывает в качестве источника средств общества «арендную плату от сдачи общественных угодий». Но это постановление находится в явном противоречии с прим. к ст. 28 ЗК.

прим.).[1] Однако, запрещение трудовому землепользователю получать нетрудовой доход от эксплуатации предоставленного ему участка должно действовать в еще большей степени в отношении неудобных земель, чем по отношению к сельскохозяйственным землям, ибо для приведения последних в культурное состояние был все-таки затрачен труд членами земельного общества.[2]

Нельзя не признать, что предоставление земельным обществам права сдавать свободные общественные угодия в аренду и под застройку под условием обращения получаемой обществом арендной платы от этой сдачи в сельский и волостной бюджет — внутренне противоречиво. Это признает и Наркомзем, который в одном из своих разъяснений указал, что «согласие земельного общества на распоряжение арендной платы для Рик'а и Сельсовета не обязательно; однако, в целях сохранения жизненности прим. к ст. 28 необходимо, чтобы арендная плата расходовалась на нужды того именно общества, за земли которого она получена».[3] Это противоречие надлежало бы разрешить по отношению к неудобным землям передачей их в ведение сельского совета, так как земли закрепляются в трудовое пользование для определенной социально-хозяйственной цели, для ведения сельского хозяйства, а не для создания абсолютного вещного права на земли, в содержание которого входило бы и правомочие получать от них нетрудовой доход. Что касается общественного земельного запаса, служащего для наделения членов земельного общества полевыми землями и усадебными участками, то казалось бы целесообразным, сохраняя его в составе надела земельного общества, применить к нему полностью правила о трудовой аренде, отменив обращение арендной платы в сельский и волостной бюджеты, так как такая аренда носит временный и случайный характер.

в) В правовом положении сельскохозяйственных угодий, находящихся в общем, нераздельном пользовании, также смешаны частные интересы членов земельного общества с задачами административного управления угодиями общего пользования. Это смешение резко сказывается при регулировании законом, напр., лесов местного значения. С одной стороны, эти леса передаются в бессрочное и бесплатное пользование

---

[1] См. типовой договор на сдачу земельными обществами в аренду общественных земель («СХЖ» 1925 г., № 51).

[2] Так же разъяснение НКЗема от 30 сентября 1926 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ». стр 27).

[3] Разъяснение НКЗема от 14 апреля 1926 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 56).

земельным обществам (ст. 7 Лесн. код.), входя таким образом в состав их общественного надела. Поэтому в актах передачи на них возлагаются обязанности ведения в переданных лесах правильного лесного хозяйства, охраны их от пожаров, самовольных порубок, расчисток и соблюдения других требований сохранения лесов (ст. 8 Лесн. код.), под страхом привлечения к уголовной ответственности и даже отобрания лесов в случае систематического нарушения правил лесного хозяйства (ст. 10 Лесн. код.). В случае образования в лесных участках от неправильного ведения лесного хозяйства пустырей, безнадежных к естественному лесовозобновлению, на лесопользователей, т. е. на земельные общества, возлагается обязанность искусственного возобновления этих площадей.

Но с другой стороны, право хозяйственного использования леса местного значения принадлежит не только земельному обществу, которому он предоставлен, но и проживающему в месте поселения общества безземельному трудовому населению, не входящему в состав общества (прим. к ст. 7 Лесн. код.). Помимо этого земельное общество обязано назначить часть годичного лесопользования на удовлетворение местных общественных надобностей (лес для ремонта или постройки школы, избы-читальни и т. п.).

Решение это совершенно правильное. В древесном топливе и строевой древесине, а также в различных побочных пользованиях в лесах, — сенокошении, пастьбе скота, сборе грибов и ягод, добыче глины, песку, камня — нуждаются не только члены земельного общества, но и все трудящиеся граждане, живущие на территории общества, хотя бы они и не входили в его состав. Древесина нужна и для местных общественных надобностей. Но в таком случае мы имеем в сущности дело не с лесными угодиями, закрепленными за земельным обществом, а с лесом, предоставленным в общее пользование всего трудового населения, живущего на территории данной административной сельской единицы. И не правильнее ли было бы в таком случае передать леса местного значения в ведение сельских советов? Это устранило бы ряд противоречий в их правовом положении и, несомненно, способствовало бы их сохранению. Так, напр., правила отпуска леса и распределения его между гражданами устанавливались бы в таком случае общими собраниями граждан, проживающих на территории сельского совета или данного населенного пункта. Между тем в настоящее время эти правила устанавливаются сходом земельного общества, но в виду заинтересованности в них всего местного трудового населения, они

утверждаются сельским советом и могут быть отменяемы вол(рай)исполкомами по жалобам на неправильность установленного порядка распределения древесины. [1]

Кроме лесов местного значения, закон не урегулировал пользования другими угодиями общего (нераспределенного) пользования. Так, неясен вопрос: в праве ли нечлены земельного общества, живущие на его территории, пускать скот на выгон, входящий в состав надела общества, или они обязаны платить за это обществу? По аналогии с лесами местного значения надлежало бы этот вопрос разрешить в пользу всех трудящихся граждан. Но в таком случае и по отношению к выгонам возникает тот же вопрос, который был поставлен нами в отношении лесов: не надлежит ли их передать в ведение сельских советов, приурочивая пользование ими к отдельным населенным пунктам? Однако, тесная связь пользования выгонами с самою системою земледелия в данном обществе и возможность их вовлечения в тот или другой севооборот при интенсификации сельского хозяйства не дает возможности дать на этот вопрос одинаковый во всех случаях ответ. Как правильно замечает С. Чугунов, «выгоны надлежало бы поделить на две части: одну оставить в земельном обществе, а другую (очевидно, ту, которая всегда останется пастбищем для скота) передать сельсоветам или населенным пунктам». [2]

Положение о рыбном хозяйстве от 3 июля 1925 г. [3] (ст. 15) закрепляет рыболовные угодья, не объявленные в установленном порядке имеющими республиканское или местное значение, в трудовое пользование земельных обществ, в границах земель которых эти угодья находятся. Правила пользования этими рыболовными угодиями не установлены, но все сказанное нами о лесах местного значения может быть целиком отнесено и к рыболовным угодьям, так как они имеют еще менее отдаленное отношение к ведению сельского хозяйства, к земледелию, чем леса, и должны, как и леса, сохраняя свое хозяйственное назначение, находиться в общем пользовании всех граждан, живущих на территории земельного общества, а не только его членов.

г) Кроме земельных (неудобные земли, общественный земельный запас, выгоны), лесных (леса местного значения) и рыболовных угодий, в непосредственном распоряжении земельного общества, но уже на праве собственности, а не пользования, могут находиться имуще-

---

[1] Положение о лесах местного значения («СХЖ» 1925 г., №№ 23, 24 и 48).

[2] С. Чугунов, Вопросы организации и деятельности сельских советов, ГИЗ, 1925 г., стр. 96.

[3] СЗ 1925 г. № 58, ст. 440.

ства и капиталы. Так, мельницы, просо- и крупорушки, принадлежавшие до революции сельским обществам, в случае их национализации, подлежат возврату соответствующим земельным обществам, независимо от числа имеющихся в мельницах поставов.[1] Согласно Нормального устава земельного общества (§ 22), оно может установить членские взносы, получать доход от обработки общественных полей и ведения общественных предприятий, получать государственные и кооперативные ссуды и займы. Таким образом, у земельного общества могут быть и собственные капиталы.

Так как земельное общество является юридическим лицом, правоспособность которого определяется целью его деятельности и которое поэтому в праве «в целях улучшения способа ведения хозяйства испрашивать под вексельные и другого рода обязательства ссуды на производство землеустроительных, мелиоративных и агрикультурных работ, на приобретение с.-х. инвентаря и для других надобностей правильного и целесообразного использования находящихся в его пользовании земельных угодий»,[2] то возникает вопрос об ответственности членов земельного общества за его долги. Собственного имущества общества в большинстве случаев так мало, что кредитоспособность его может быть основана только на этой ответственности. Нормальный устав общества (§ 24) устанавливает по этому вопросу правило, гласящее: «по своим обязательствам общество отвечает имуществом всех своих членов». На чем основано это утверждение солидарной ответственности членов общества по его обязательствам, доходящей до блаженной памяти круговой поруки, трудно сказать. Можно лишь констатировать, что в тех случаях, когда закон касается этого вопроса, он решает его иначе. Так, по обязательствам по ссуде на производство землеустроительных мероприятий, выданным уполномоченным земельного общества, «ответственность по взятой ссуде несет каждое отдельное хозяйство в размере причитающейся на его долю ссуды».[3]

---

[1] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 августа 1925 г. о порядке установления прав на мельнично-крупяные предприятия, прим. к ст. 4 (СУ 1925 г. № 58, ст. 463).

[2] § 23 Нормального устава земельного общества («СХЖ» 1926 г., № 6).

[3] Постановление ЭКОСО РСФСР от 2 декабря 1926 г. о кредитовании землеустроительных мероприятий (СУ 1927 г. № 8, ст. 64).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДВОР.

Литература: М. Шульгин, О социальной и юридической природе крестьянского двора («Журнал сельского и лесного хозяйства», М. 1924, кн. 14); А. Лисицын, Двор («Энциклопедия права и государства»); А. Н. Гранина, Имущественный субстрат крестьянского двора, Иркутск, 1925 г.; А. Н. Гранина, Личный состав крестьянского двора («Право и жизнь» 1924 г., кн. 10); Гр. Черненков, О юридической конструкции крестьянского двора («Право и жизнь» 1925 г., кн. 9, 10); Н. Семенов, Крестьянский двор («Революция права» 1927 г., кн. 1); А. Панферов, Обычное право в укладе крестьянского двора («Революция права» 1927 г., кн. 2); Д. С. Розенблюм, Раздел двора, («ЕСЮ» 1927 г., №№ 27 и 28); Л. Литошенко, Ограничение дробимости крестьянских хозяйств (сб. статей «О земле», вып. I, М. 1921 г.); А. Селиванов, К вопросу об установлении в законодательном порядке норм недробимости крестьянских хозяйств («На аграрном фронте» 1927 г., кн. 5).

§ 1. Понятие о дворе.

1) Вместе с земельным обществом революция унаследовала от старого порядка и составлявшие его земледельческие хозяйства (дворы). Но она реорганизовала их исторически сложившуюся правовую организацию на основе своих творческих идей о труде, как источнике прав, и социальном равенстве: она уничтожила личную собственность старшего в доме, домохозяина, на имущество семьи, введенную столыпинским законодательством, сделав домохозяина простым представителем двора. Она уравняла права всех членов двора на общее семейное имущество, уничтожив исторические неравенства, связанные с полом и возрастом. Но, как мы видели, революция оставила в силе самый принцип организации земельного общества (при общинном и участково-чересполосном порядках пользования), как совокупности дворов, в которые должен входить каждый член общества и к которым только и приурочиваются его земельные права. Именно поэтому ст. 65 допускает, что двор может состоять и из одного бессемейного лица, без различия пола. И так

как при этом построении каждый член двора становится тем самым членом общества, то от согласия последнего зависит в некоторых случаях и приобретение членства во дворе.

Как мы уже указывали, двор может и не входить в состав земельного общества, именно при хуторском и отрубном порядках землепользования, но это обстоятельство не означает, что к нему не применяются все правила о дворе, кроме, конечно, тех правил, которые регулируют взаимоотношения между двором и земельным обществом. Напротив того, при товарищеском порядке землепользования, в сельскохозяйственном коллективе, и земельные и имущественные отношения по ведению сельского хозяйства строятся как отношения физических лиц, к которым и приурочиваются права и обязанности. Здесь, следовательно, не могут найти себе применения правила о дворе.

а) Кодекс определяет двор как семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство (ст. 65). Таким образом, двор есть и семейный, кровный, и трудовой, хозяйственный союз. Его состав определяется, с одной стороны, отношениями родства, а с другой — общностью труда в ведении данного хозяйства. Для того, чтобы принадлежать к составу двора, необходимы по общему правилу оба признака, чем двор существенно отличается как от гражданскоправового товарищества, так и от семьи, в которой права и обязанности возникают только из брака и действительного происхождения. Конечно, нормы Кодекса о браке и семье обязательны для членов двора, поскольку они связаны установленными им семейными отношениями, но двор есть не только семья, — он охватывает собою и имущественные отношения, возникающие из совместного ведения сельского хозяйства. В какой бы близкой степени родства ни состояло к членам двора то или иное лицо, но если оно не участвует в общем хозяйстве трудом или хотя бы имущественными вкладами, оно перестает быть членом двора и теряет право на семейное сельскохозяйственное имущество. Напротив, лицо, не состоящее в родстве с членами двора, но принятое в семью на правах члена и связанное с нею общностью труда и хозяйства, становится членом двора и пользуется одинаковыми правами с кровными членами семьи.

б) Двор образуется только при совместном ведении семьей сельского хозяйства в различных его культурах: хозяйство зерновое, скотоводчество, огородничество, садоводство, виноградарство, табаководство, пчеловодство и др. Семья, занятая не сельским хозяйством, а, например, кустарным промыслом, не будет двором; ее

внутренняя имущественноправовая организация подлежит действию не Земельного кодекса, а общегражданских законов. Но если кустарный или иной несельскохозяйственный промысел, которым занята вся семья или отдельные ее члены, имеет подсобное к сельскому хозяйству значение, то такая семейная организация хозяйства продолжает оставаться двором.[1] Так, доход от таких подсобных промыслов включается в общий доход от сельского хозяйства, облагаемый сельскохозяйственным налогом.[2]

в) Для образования двора необходимо ведение сельского хозяйства на землях трудового пользования. «Хозяйства, организованные исключительно на землях, предоставленных в пользование на основании договора аренды (из состава государственных земельных имуществ), подлежат действию общегражданских норм Гражданского кодекса, а не Земельного кодекса».[3]

§ 2. Состав двора.

1) Как и при определении дворов, входящих в состав земельного общества (гл. IX, § 4, 1), должен быть, прежде всего, установлен первоначальный состав двора, т. е. тот исходный момент, когда те или другие лица признаются членами двора, независимо от тех или других условий приобретения членства в дворе, установленных Кодексом. Эта мысль содержится и в ст. 66, считающей членами двора «всех наличных его участников». Моментом этим является день вступления в действие ЗК, 1 декабря 1922 г. «Членами двора признаются лица, фактически находившиеся к 1 декабря 1922 г. в составе двора на положении его членов, хотя бы они не были зарегистрированы как члены двора в подворных списках (приемыши, побочные родственники и т. д.)».[4] Поэтому, требование согласия земельного общества на вступление во двор примаков не может распространяться на случаи примачества, имевшие место до 1 декабря 1922 г.[5]

Указанный момент — 1 декабря 1922 г. — восполняет недостаток, главным образом, внешних условий членства во дворе, реги-

---

[1] Ср. ст. 28 Инструкции о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов) от 20 марта 1927 г. (СУ 1927 г., № 32, ст. 213).

[2] Положение о сельскохозяйственном налоге, ст. 7 (СЗ 1927 г. № 17).

[3] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 12 октября 1925 г. (прот. № 17 — «ЕСЮ» 1925 г. № 42-43).

[4] Ст. 11 указанной выше инструкции о разделах.

[5] Определение ОКВК от 14 августа 1925 г. по д. № 1827 («Сборник», № 36).

страции в подворных списках, согласия земельного общества. Внутренние условия членства не могут быть заменены одним фактом участия в хозяйстве двора трудом или имущественными вкладами. Для несвязанных кровным родством с членами двора лиц необходимо намерение двора иметь их в своем составе на правах члена двора, выразившееся или в признании их таковыми, или в том, что они фактически находятся на положении членов двора. Поэтому имевшиеся к 1 декабря 1922 г. во дворе наемные рабочие или призреваемые, даже подопечные,[1] не причисляются еще тем самым к составу двора.

Напротив, члены семьи являются членами двора в силу своих семейных отношений независимо от участия их в хозяйстве своим трудом, например, малолетние, престарелые (ст. 66). Но, в отличие от общегражданского семейного отношения, которое неразрывно связано и с личностью субъекта, к которому оно приурочивается, член двора может потерять членство во дворе, несмотря на свою семейную связь с его членами, при прекращении участия в хозяйстве двора (см. ниже, 2).

2) Первоначальный состав двора определяется не только наличными в сельском хозяйстве двора на 1 декабря 1922 г. членами семьи и лицами, фактически находившимися в этот момент на положении членов двора. Общая связь деревни со всем общественным и государственным хозяйством и экономическое явление отхожих промыслов побудили ЗК включить в состав двора также тех членов двора, которые отсутствуют из него по законным причинам или ушли временно на трудовые заработки (ст. 66).

а) Законные причины отсутствия хозяйства, не лишающие прав членства в дворе, как бы долго такое отсутствие ни продолжалось, хотя бы и более двух севооборотов, перечислены в примечании к ст. 75. Сюда относятся: пребывание на военной службе, прибавляя к сроку пребывания еще один год со дня увольнения со службы,[2] мобилизация государственная или общественная (например, в профессиональных организациях), служба по выборам, болезнь и пребывание в учебных заведениях. Не является основанием для невключения в состав двора и безвестное отсутствие до тех пор, пока, в порядке

---

[1] Разъяснение НКЗ в Главсоцвос № 185742 от 27 января 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 96).

[2] Ст. 13 Инструкции СНК РСФСР от 13 июля 1925 г. по применению льгот для военнослужащих и их семей в области трудового землепользования и сельского хозяйства (СУ 1925 г. № 50, ст. 383).

ст. 12 Гражданского кодекса и приложения к ней, безвестно отсутствующий не будет признан умершим. [1]

б) Отсутствие из хозяйства вследствие отхода на заработки или по другим причинам, не указанным в качестве законных причин отсутствия, влияет на принадлежность к составу двора в зависимости от трех моментов: 1) характера заработков вне двора, 2) сохранения отсутствующим членом двора трудовой связи с двором и 3) срока отсутствия.

Отсутствие члена двора из хозяйства вследствие перехода его вне двора к нетрудовым заработкам (например, ведение торгового предприятия или вступление в число служителей религиозного культа) должно было бы влечь за собой, согласно ст. 66, выбытие из состава двора. Но мы указывали (гл. VII, § 1, 1, б), что земельная правоспособность не совпадает с избирательною правоспособностью. Отсюда следует, что если отсутствующий из двора вследствие нетрудовых заработков продолжает тем не менее участвовать личным трудом в ведении общего хозяйства двора, напр., систематически участвует в летних работах двора, то нет никаких оснований лишать его членства во дворе. Другое дело — постоянная помощь такого члена двору своими средствами, приравненная ст. 75 к участию в хозяйстве личным трудом, в качестве основания для сохранения отсутствующим членства во дворе. Такая помощь может иметь значение, лишь когда она черпается из трудовых заработков; имея же своим источником нетрудовой доход, она не может быть приравнена к личному труду, являющемуся основанием права трудового пользования и, следовательно, не может сохранить членство во дворе. По тем же основаниям член двора, отсутствующий из хозяйства вследствие вступления своего в монахи, теряет право на наделение землей в обществе, к которому принадлежит его двор. [2]

в) Члены двора, ушедшие на трудовые заработки, к которым относится и нахождение на советской службе, [3] сохраняют свое членство, если они участвуют в общем ведении хозяйства трудом (например, систематическим участием в летних работах двора) или имущественными вкладами (ст. 75), и до тех пор, пока продолжается это

---

[1] Циркуляр НКЗ от 24 февраля 1923 г. № 21 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 35; определение ОКВК от 16 сентября 1924 г. по д. № 1348 — 1924 г. («Сборник», № 7).

[2] Определение ОКВК от 16 сентября 1924 г. по д. № 1348—1924 г. («Сборник», № 7).

[3] Пост. пленума ОКВК от 20 мая 1927 г., прот. № 6 («СХЖ» 1927 г., № 22).

трудовое участие или помощь имуществом, полученным от трудовых источников дохода. В этом постановлении нашли свое отражение экономические условия нашего крестьянского хозяйства, доход которого состоит не только из доходов от сельского хозяйства, но и от заработной платы его работников, постоянно проживающих вне двора, или от заработков от отхожих промыслов.[1] Размер трудовой или имущественной помощи двору, необходимый для сохранения членства во дворе за членом, ушедшим из него на трудовые заработки, должен, очевидно, находиться в некотором соответствии с размерами заработка, получаемого им вне сельского хозяйства и входящего в общий бюджет хозяйства: ушедший на заработки должен помогать двору «в меру своей возможности»,[2] «соответственно своему заработку».[3]

г) В том случае, когда члены двора, отсутствующие из хозяйства без уважительных на то причин (прим. к ст. 75), не участвуют в хозяйстве ни трудом, ни средствами в течение более двух севооборотов, а при отсутствии правильного севооборота — более шести лет под ряд, они теряют членство во дворе, а следовательно, и право на общее его имущество.[4] Таким образом, ЗК установил особый давностный срок (два севооборота и не менее шести лет), погашающий право на членство во дворе при отсутствии трудовой связи с ним. С какого момента этот срок исчисляется? В аналогичной со ст. 75 статье 17-й, излагающей влияние на членство в земельном обществе тех же обстоятельств, которые нами только-что изучены в отношении их влияния на членство во дворе, этим моментом указано «время отхода на трудовые заработки». Трудность вопроса возникает лишь в тех случаях, когда начало указанного двухсевооборотного или 6-летнего срока падает на время до издания Зем. кодекса. Так как по общему правилу закон обратной силы не имеет, то надлежало бы исчислять этот срок со дня вступления в действие ЗК, т. е. с 1 декабря 1922 г. Однако, в виду того, что до издания ЗК правоотношения, возникающие из принадлежности к двору, недостаточно полно регулировались действовавшим в то время законодательством, то по аналогии с ст. 4 вводного закона к Гр. код., надлежит применять к этим отношениям действие ЗК, следовательно, исчислять указанный давностный срок с момента

---

[1] Ср. ст. 27 Положения о сельскохозяйственном налоге от 2 апреля 1927 г. (СЗ 1927 г. № 17, ст. 189).

[2] Ст. 9 Инструкции о семейно-имущественных разделах от 30 марта 1927 г. (СУ 1927 г. № 32, ст. 213).

[3] Постановление пленума ОКВК от 20 мая 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 22).

[4] Ст. 9 Инструкции о семейно-имущественных разделах от 30 марта 1927 г.

фактического ухода со двора, хотя бы этот момент приходился и на время до 1 декабря 1922 г.[1]

д) Указанные выше правила о правах членов семьи, отсутствующих из хозяйства, на членство во дворе (пп. а, б, в и г) действуют не только для определения первоначального состава двора, т. е. к моменту введения в действие ЗК, но являются общими нормами действующего земельного права, применяемыми к определению этого состава и после 1 декабря 1922 г. Вместе с тем, эти нормы устанавливают и членство в земельном обществе (кроме сельскохозяйственного коллектива), так как состав общества определяется по составу образующих общество дворов. Так, ст. 17, излагающая права отсутствующих на наделение их землей обществом, повторяет основания, указанные в ст.ст. 66, 75 и прим. к ст. 75 (ср. гл. XI, § 2, 6).

3) Состав двора, установленный по основаниям, выше нами изложенным, может изменяться вместе с естественным ростом или уменьшением семьи вследствие рождения или смерти (ст. 66).

а) К такому же естественному увеличению состава двора должен быть отнесен и случай брака. Как правильно разъяснил Наркомзем,[2] «в случае вступления кого-либо из членов двора в брак, супруг или супруга этих членов двора тем самым становятся членами того же двора. Ни согласия земельного общества, ни согласия других членов двора для вступления в состав двора новых членов по браку — не требуется. Поэтому, при производстве регистрации таких членов двора в подворных списках (по ст. 72 ЗК), сельские советы не в праве требовать представления доказательств согласия на то двора или общества», довольствуясь доказательствами брака, т. е. удостоверением о регистрации брака или судебным решением.[3]

Само собою разумеется, что один факт брака с членом двора еще не делает вступившего в брак членом двора. Для этого необходимо еще, чтобы вступивший(ая) в брак изъявил желание вступить во двор. Доказательством такого волеизъявления служит

---

[1] Ср. разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 24 ноября 1924 г. («ЕСЮ» 1925 г., № 10). Также циркуляр Верхсуда УССР от 23 июля 1924 г. № 36 (М. И. Гершонов и Е. И. Кельман, «Комментарий к ЗК УССР», 2-е изд., стр. 139).

[2] Цирк. НКЗ от 20 марта 1925 г. № 178/34 («СХЖ» 1925 г., № 12-13). Также опред. ОКВК от 26 августа 1924 г. по д. № 1026 — 1924 г. («Сборник», № 6).

[3] Разъяснение пленума Верхсуда от 16 мая 1927 г., прот. № 9 («Судебная практика», № 12).

регистрация нового члена двора в подворном списке, производимая по его заявлению сельским советом [1] (ср. ниже, б).

Изложенное правило распространяется и на несовершеннолетних детей вступающего в состав двора по браку. Они также признаются членами двора, в который вступает по браку их мать или отец, независимо от согласия земельного общества или других членов двора, если только их родитель желает зачислить их в состав нового двора. [2] Регистрация и в этом случае производится путем одной заявки родителя сельскому совету, который в праве требовать лишь доказательств рождения детей.

б) Особое положение занимает прием во двор нового члена в случае примачества, который должен быть обсуждаем иначе, чем случай брака.

Под примачеством разумеется встречающийся в крестьянском быту прием во двор, на правах члена двора, постороннего лица, основанный на соглашении между членами двора и вступающим. Соглашение это имеет целью обыкновенно снабжение двора недостающим ему постоянным работником. Таков, например, случай, когда члены двора преклонного возраста, не имея своих средств и сил на ведение хозяйства, принимают в дом на правах члена двора примака, иногда семейного человека с детьми.

Соглашение о примачестве стремится восполнить дефекты рабочего состава семьи и является суррогатом естественного образования этого состава. Оно имеет целью создать нового члена того семейно-трудового объединения, каким является двор. Но состояние членства во дворе имеет все признаки семейного отношения, содержание которого точно установлено законом и которое не может быть изменено или дополнено частными соглашениями. Поэтому и договор о примачестве, поскольку он касается условий вступления в состав двора нового члена, столь же невозможен, как и договор о браке. Совершаясь в форме регистрации примака в подворном списке, примачество этим одним актом предоставляет примаку все права и обязанности члена двора. Как правильно указал Наркомюст в циркуляре от 6 сентября 1924 г., [3] «права примака на имущество двора и пользование землей определены законом и не могут быть предметом договорных отно-

---

[1] Опред. ОКВК № 1026 — 1924 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 102).

[2] Ст. 12 указанной Инструкции о семейно-имущественных разделах от 30 марта 1927 года.

[3] СУ 1924 г. № 73, ст. 724.

шений, почему нотариальные конторы не должны принимать к засвидетельствованию договоры о примачестве». Но договоры имущественного характера по поводу примачества, не делающие обусловленным самое вступление примака в состав двора и не касающиеся его прав на землю и имущество двора, — вполне законны.

Совершение примачества ставит еще один вопрос: нужно ли согласие всех совершеннолетних членов двора и земельного общества для примачества? Так как всякое лицо, становящееся членом двора, тем самым приобретает права членства в земельном обществе, т. е. право на получение надела из закрепленной за последним земли, то совершение примачества без согласия общества означало бы, что каждый двор имел бы возможность вводить в общество по своему усмотрению новых членов с обязательством общества наделять их землей. Но это находилось бы в прямом противоречии со ст.ст. 46 и 51 п. «в» ЗК, требующими согласия общества на зачисление новых землепользователей со стороны (гл. IX, § 4, 2). В противоположность приему нового члена во двор по браку, «для вступления в состав двора новых членов на основании примачества необходимо, во-первых, согласие всех полноправных членов двора и, во-вторых, согласие земельного общества. Сельские советы, производя регистрацию примаков в подворных списках, обязаны удостоверяться в соблюдении означенных требований». [1]

Это различие между браком и примачеством вытекает из различия оснований увеличения в этих случаях состава двора. В случае примачества мы имеем, при самом его возникновении, договор, соглашение между двором и вступающим, которое не может считаться обязательным для третьих лиц — земельного общества. Брак же не основан на договоре. Вытекая из основных потребностей человеческого общества, он регулируется правом «в интересах государственных и общественных», [2] как событие, имеющее громадное социальное значение, и должен быть по природе своей отнесен к таким же естественным причинам увеличения состава двора, как и рождение, перед которыми должны склониться интересы третьих лиц.

Отказ земельного общества принять в свой состав примака дает право заинтересованным лицам предъявить иск в волостной (районной) земельной комиссии к обществу о допущении примака. Но общество обязано дать согласие на принятие примака лишь в тех случаях, «когда

---

[1] Циркуляр НКЗ от 20 марта 1925 г. № 178/34 («СХЖ» 1925 г. № 12-13). Так же опред. ОКВК от 26 августа 1925 г. по д. № 1026 — 1924 г. («Сборник», № 6).

[2] Ст. 1 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

по обстоятельствам хозяйства примачество является единственным средством выйти из длительных затруднений и наладить хозяйство, обеспечив его рабочею силою (например, когда двор состоит из престарелых и малолетних лиц»).[1]

в) В особом положении во дворе находятся воспитанники детских домов, переданные в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду.[2]

Воспитанники вступают во двор на основании договора, заключаемого двором и местным органом народного образования. Они не входят в состав двора на правах его членов и потому не становятся и членами земельного общества; по той же причине они не имеют права ни на общее имущество двора, даже по достижении совершеннолетия, ни на получение надела от земельного общества. Двор, принимающий воспитанника, получает по договору единовременную помощь за счет местного бюджета и дополнительный надел на воспитанника из государственного земельного запаса в размере среднего земельного обеспечения в данной местности, освобождаемый от сельскохозяйственного налога в течение 3 лет со времени отвода. За это двор обязуется содержать принятого воспитанника наравне с остальными детьми или подростками двора, приучать его к ведению сельского хозяйства и предоставлять ему возможность получения знаний и политического развития, для чего воспитанники освобождаются от платы за учение во всех школах и снабжаются бесплатно учебными пособиями.

По достижении воспитанником совершеннолетия, на каковой срок, обыкновенно, заключается договор о его приеме во двор, ему возвращается надел, полученный на него двором, который оказывает ему единовременную помощь для ведения самостоятельного хозяйства, чем ограничиваются все права воспитанника на имущество двора. Земельное общество обязано лишь в порядке очереди отвести бывшему воспитаннику, выходящему из двора, усадьбу. Однако, если бывший воспитанник остается по достижении совершеннолетия, по соглашению с двором, в его составе на правах члена двора, оставляя в хозяйстве полученный им земельный участок, то земельное общество не в праве возражать против этого, и бывший воспитанник становится полноправным членом двора и земельного общества.

---

[1] Циркуляр НКЗ от 20 марта 1925 г. № 178/34 («СХЖ» 1925 г. № 12/13).

[2] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. о порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи (СУ 1926 г. № 21, ст. 168); Инструкция Наркомпроса, Наркомфина и Наркомзема РСФСР от 5 октября 1926 г. по применению указанного постановления («СХЖ» 1926 г., № 50).

4) Для определения состава двора имеет существенное значение принцип, вытекающий из начала недопустимости состояния одного и того же двора в двух земельных обществах (см. гл. IX, § 4, 3): одно и то же лицо не может состоять одновременно в двух дворах (прим. к ст. 66). Правило это есть не только следствие того, что состав земельного общества определяется по составу входящих в него дворов. Оно вытекает и из общего характера членства во дворе, который является не только имущественным, но и личным союзом. Применение этого правила имеет место, большею частью, при вступлении во двор по браку и примачеству. Поэтому прим. к ст. 66 регулирует только этот случай. В предупреждение возможных злоупотреблений судебная практика установила положение, что при регистрации в подворном списке примака, «регистрирующий орган (сельский совет) обязан сообщить сельсовету по месту нахождения прежнего двора примака о вхождении последнего в состав нового двора». [1]

5) Лица, вступающие во двор из другого двора по браку или примачеству, становятся с момента вступления, удостоверяемого регистрацией в подворном списке, членами нового двора, одновременно теряя членство в прежнем дворе. Это положение влечет за собою и определенные имущественные последствия.

а) В новом дворе новые его члены приобретают равные со старыми членами двора права на пользование землей и общим имуществом двора, в том числе и тем, которое образовалось до их вступления во двор (прим. к ст. 66). Попытка некоторых судов провести разграничение между новыми и старыми членами двора, основанная на превращении двухсевооборотного срока неучастия в хозяйстве, как основания для потери членства во дворе (см. выше § 2, 2, г), в срок участия в хозяйстве, обусловливающий приобретение членства во дворе, была правильно отвергнута пленумом Верхсуда РСФСР. [2] Ст. 66 устанавливает принципиальное равенство прав всех членов двора, независимо от пола и возраста, на землю и общее имущество двора. Это равенство распространяется не только на пользование этим имуществом, но и на определение долей в нем при разделе двора, и вытекает из природы двора, который является не только трудовым, но, прежде всего, семейным союзом, в котором в публичных инте-

---

[1] Определение ОКВК от 26 августа 1924 г. по д. № 1026 — 1924 г. («Сборник», № 6).

[2] Разъяснение от 24 ноября 1924 г. («ЕСЮ» 1924 г., № 50).

ресах всегда устанавливается принципиальное равенство его членов. Поэтому срок пребывания во дворе не оказывает влияния на приобретение членства во дворе, а следовательно и на право требовать его раздела или выдела из него: это право имеют и «вошедшие во двор со стороны, независимо от продолжительности их пребывания во дворе». [1] Как увидим ниже (§ 7, 3, б), срок пребывания во дворе может, но не должен влечь за собой внесение некоторых поправок в принципиально равные доли всех членов двора при его разделе.

б) В прежнем дворе, из которого новые члены выходят в силу самого факта своего вступления в другой двор, они теряют право на пользование землей (прим. к ст. 66), так как перестали быть его членами. По той же причине, не будучи более членами прежнего двора, они не имеют прав и на остальное общее его имущество. Но само собой разумеется, выходящий из двора, вследствие вступления в другой двор, не может быть лишен права на выдел ему доли из того общего имущества двора (кроме земли), которое находилось во дворе к моменту его выхода, [2] в создании которого он участвовал, быть может, много лет. Противоположное мнение ОКВК [3] основано на соображении, что было бы неосновательным обогащением сохранить за новыми членами двора право на имущество прежнего двора при предоставлении им, согласно примечания к ст. 66, права пользования имуществом нового двора без всякой трудовой затраты. Но, во-первых, доля, выделяемая из общего имущества двора его члену, выходящему из его состава и вступающему в другой двор (например, приданое при выходе замуж), обычно вносится им в состав имущества этого двора. А во-вторых, при праве каждого члена двора требовать выдела из общего имущества (ст. 81), было бы совершенно неправильно лишать этого права того члена двора, который выходит из его состава вследствие, например, вступления в брак, и сохранить это право за членом, уходящим из двора по каким-либо другим причинам. При таком решении вопроса брак и примачество становятся основаниями для лишения имущественных прав, что недопустимо.

---

[1] Ст. 10 Инструкции о семейно-имущественных разделах от 30 марта 1927 г. Так же разъяснение Верхсуда РСФСР от 30 ноября 1925 г. («ЕСЮ» 1926 г., № 2). Иначе решает ЗК Белоруссии, дающий право новым членам двора требовать раздела до истечения двухсевооборотного срока лишь в исключительных случаях, устанавливаемых судом (прим. 2 к ст. 73).

[2] Разъяснения пленума Верхсуда РСФСР от 16 марта 1925 г., прот. № 4 («ЕСЮ» 1925 г., № 13) и от 19 июля 1926 г. («ЕСЮ» 1926 г., № 34).

[3] Определение от 19 июня 1924 г. по д. № 729 («СХЖ» 1924 г., № 31).

6) Выше (1 — 5) были изложены материальноправовые признаки членства во дворе. Но это членство имеет и формальный критерий: внесение лица в подворный список, ведущийся в сельском совете (см. гл. IX, § 4, 4). Хотя отсутствие такой записи и не опорачивает материального права на членство во дворе, но момент вступления во двор определяется именно регистрацией данного лица сельским советом в подворных списках (ср. выше, 3, а).[1]

§ 3. Органы управления.

1) Органом управления двора, этого своеобразного коллектива земельного права, является домохозяин — юридическая фигура, заимствованная Кодексом из крестьянского обычного права. В простой семье, состоящей из родителей и нисходящих, домохозяином был глава семьи, который таким образом соединял права домохозяина по управлению имуществом двора с властью отца и мужа. Но это положение оставалось и в семье сложной, при наличности боковых родственников. Из этой власти «домовладыки» исторически выросла частная индивидуальная собственность. Этот процесс происходил и в капиталистической России по мере проникновения товарно-денежного хозяйства в натуральный строй патриархальной крестьянской семьи. Он был завершен столыпинским законодательством, объявившим земельный надел и все общее имущество двора, достояние всей семьи, личною собственностью домохозяина (см. гл. I, § 7, 1).

Революция сохранила фигуру домохозяина, но она настолько существенно реорганизовала все его правовое положение, что от старого осталось одно только название.

Для Кодекса домохозяин только представитель двора. Правда, ст. 68 не содержит указаний на порядок избрания домохозяина членами двора, предоставляя это целиком их собственному усмотрению. Но так как в подворном списке, который ведет сельсовет, особо отмечается, кто является домохозяином, и сам список подписывается всеми полноправными членами двора (см. гл. IX, § 4, 4), то этот формальный момент совершенно исчерпывает вопрос о выборе домохозяина. Кодекс при этом подчеркивает, что состояние домохозяина не является привилегией главы семьи — деда, отца или мужа. Домохозяином, во-первых,

---

[1] Разъяснения пленума Верхсуда РСФСР от 20 ноября 1925 г., прот. № 20 («ЕСЮ» 1926 г., № 2), и от 6 июля 1927 г., прот. № 10 («Судебная практика» 1927 г., № 1).

может быть и женщина (ст. 68). А во-вторых, в случае нерадивого ведения хозяйства, ведущего к разорению двора, домохозяин может быть, по ходатайству членов двора, постановлением волостного исполнительного комитета заменен другим лицом из состава того же двора (ст. 69). Для этого члены двора, очевидно — полноправные, должны подать заявление в волисполком, получив предварительно заключение сельсовета по этому вопросу. Отказ в удовлетворении просьбы волисполкомом, соответственно общей конструкции взаимоотношений между государством и трудовым землепользователем, может быть обжалован в волостную земельную комиссию.

Если в составе двора останутся одни несовершеннолетние дети, то сельский совет назначает к ним опекуна, который пользуется всеми правами домохозяина и указывается в подворном списке в графе о личности домохозяина двора. Свои опекунские обязанности он исполняет по правилам Кодекса о браке, семье и опеке.

2) Полномочия домохозяина заключаются в общем заведывании хозяйством (ст. 69) и в представительстве двора как в публичной сфере, так и в гражданском обороте (ст. 68). Домохозяин — законный представитель двора; он поэтому в праве совершать сделки в интересах двора без особой доверенности от других полноправных членов двора.[1] Он же представляет двор в общем собрании земельного общества и в правительственных и общественных учреждениях. Однако, по общим правилам деятельности представителей (ст. 32 Гражд. код.), члены двора в праве оспаривать судебным порядком сделку домохозяина, заключенную им от имени двора, если она явно выходит за пределы целесообразного хозяйственного распорядка и наносит существенный ущерб хозяйству или его членам (ср. ниже, § 5, 2). Для некоторых актов, имеющих основное значение для хозяйства, Кодекс требует изъявления воли всеми полноправными членами двора, а не только домохозяином. Сюда относятся добровольный отказ от права на землю (ст. 18) и объявление хозяйства недробимым (ст. 87).

В правах на имущество общего пользования домохозяин не имеет никаких преимуществ в сравнении с остальными членами двора. Он нераздельно с ними пользуется общим имуществом на одинаковых условиях, располагая лишь особыми полномочиями по праву своего представительства. Кодекс, таким образом, решительно отверг так называемую личную собственность домохозяина столыпинского законо-

[1] Разъяснение НКЮ («ЕСЮ» 1924 г., № 22).

дательства, отдавшего имущество общего пользования, достояние всей семьи, в бесконтрольное распоряжение главы семьи, сплошь и рядом обездоливавшего ее младших членов.

§ 4. Имущество двора.

1) Имущество двора состоит из двух частей, находящихся в различном юридическом положении: имущество общего пользования и имущество личного пользования членов двора.

а) Так как двор имеет своим назначением ведение земледельческого хозяйства, то всякое имущество, служащее для этой цели, становится имуществом общего пользования, независимо от того, приобретено ли такое имущество на общие средства двора или на личные средства одного из членов, заработанные им вне двора, например в городе.[1] В последнем случае мы будем иметь имущественный вклад в хозяйство, являющийся, согласно ст. 75, формой участия в нем. К имуществу общего пользования относится поэтому, прежде всего, право на находящуюся в пользовани двора землю, являющееся правом трудового пользования при хуторском и отрубном землепользованиях и осуществлением права членства при общинном и участково-чересполосном порядках. К нему же принадлежат постройки и сельскохозяйственный инвентарь, живой и мертвый (ст. 67), урожай, приносимый хозяйством, все доходы последнего и вообще все предметы, служащие хозяйству двора.

Кроме сельскохозяйственного имущества к имуществу общего пользования относится и домашнее обзаведение (мебель, утварь) и вообще «все предметы и вещи, обслуживающие потребности двора».[2]

б) Если в отношении состава имущества общего пользования определяющим признаком служит хозяйственное назначение предметов, то для признания вещи, принадлежащей к имуществу личного пользования, необходимы два условия: как служение ее личным потребностям члена двора (например, одежда, белье, обувь), так и приобретение ее на его личные средства (ст. 77), т. е. на полученные или

---

[1] Определение ОКВК от 4 ноября 1924 г. по д. 1741—1924 г. («Сборник», №12). Так же разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 15 июня 1925 г. (прот. № 9, «ЕСЮ» 1925 г., № 27).

[2] Опред. ОКВК от 4 ноября 1924 г. по д. № 1741 — 1924 г. («Сборник», № 12).

заработанные вне земледельческого хозяйства двора.[1] Однако, учитывая, что в хозяйстве исключительно земледельческом ни у одного из членов двора не может быть личных средств, между тем как строго личное имущество, например одежда, по общему правилу, не является предметом общего пользования, Кодекс (ст. 77) разрешает считать имуществом личного пользования и то имущество, которое, хотя и приобретено на средства двора, но признается личною принадлежностью отдельных членов двора по местным обычаям. Таковы, например, ткацкие работы, изготовленные женщинами.

К имуществу личного пользования относится и имущество, находящееся у членов двора, проживающих на стороне, если только оно не принадлежит самому двору или не приобретено на его средства.[2] Поскольку член двора, проживающий на стороне, вне двора, проявляет свое участие в хозяйстве путем систематических имущественных вкладов во двор «в меру своей возможности», постольку имеющееся у него имущество, сверх этих вкладов, должно быть признано имуществом личного пользования.

2) Правовое положение имущества общего пользования весьма своеобразно. Оно «принадлежит всем членам двора в полном его составе, независимо от пола и возраста», гласит ст. 67. Следовательно, ни право пользования землей двора, ни право собственности на его хозяйственное и домашнее имущество не принадлежат двору, как субъекту права, как отдельному от членов двора юридическому лицу. И то и другое принадлежит «всем членам двора». Но в то же время имущество общего пользования — не общая собственность Гр. кодекса (ст.ст. 61 — 65). Его главнейшая юридическая особенность и вместе с тем отличие от общей собственности заключается в том, что члены двора не имеют в имуществе общего пользования определенных идеальных долей, как это имеет место в общей собственности (ст. 61 ГК). Они лишь сообща участвуют в совместном пользовании принципиально нераздельного семейного имущества. Поэтому член двора не может продать или каким-либо иным образом распорядиться своим правом на общее имущество (не говоря о земле, которая изъята из оборота), своею долею в нем, как это в праве сделать сособственник в общей собственности Гр. Кодекса. Свое право на общее имущество член двора может осуществить лишь в составе двора, не имея, помимо такого совместного с другими

---

[1] Ст. 16 Инструкции о семейно-имущественных разделах.

[2] Ст. 17 указанной Инструкции.

членами двора пользования и распоряжения, никакого самостоятельного права на общее имущество, никакой определенной доли в нем.[1] Отсюда и все другие отличия от общей собственности: кредитор члена двора по его личным долгам не может обратить взыскание на право должника в имуществе общего пользования и даже не имеет права требовать, как увидим ниже, принудительного выдела из имущества двора имеющейся в нем доли должника; после смерти члена двора в праве его на общее имущество не открывается наследование и т. д. Такое построение Кодексом правового положения имущества общего пользования несколько напоминает так называемую совокупную собственность (Gesammteigentum) германского и швейцарского права.

Единственная возможность для члена двора получить часть общего семейного имущества — это выйти из состава двора, предъявив требование о семейно-имущественном разделе или о распределении общего имущества (см. ниже § 7). Только при таком выходе может определиться доля члена двора в имуществе последнего, до тех пор неопределимая и потому несуществующая. Но установление этой доли исходит приэтом не столько из имевших место до выхода имущественных взаимоотношений выходящего из двора и остающихся в нем членов, не столько из размеров их трудового участия в создании семейного имущества, сколько из соображений хозяйственной целесообразности, имея своей основной задачей — образование при разделе жизнеспособных, устойчивых земледельческих хозяйств, а при распределении имущества — обеспечение остающемуся хозяйству всего необходимого для его продолжения. Именно этот публичный интерес влечет за собой лишение кредитора члена двора по его личным долгам права требовать принудительного выдела доли должника (см. ниже, § 5, а), т. е. распада трудового земледельческого хозяйства, в противоположность, например, ст.ст. 289 и 299 Гр. код., предоставляющим такое право кредитору при простом или полном товариществе.

3) Имущество личного пользования принадлежит членам двора на праве собственности, как оно определено Гражданским кодексом, и потому нет надобности останавливаться на нем в настоящем изложении более подробно. Отметим лишь, что, в силу нераздельного характера семейного имущества, член двора не может считаться собственником строений, возведенных на предоставленной двору земле трудового поль-

---

[1] «Члены двора не могут иметь самостоятельного права пользования отдельными частями земельного надела двора, а поэтому и не в праве заключать договоры на сдачу в аренду земельных долей или частей указанного надела» (определение ОКВК от 27 апреля 1926 г. по д. № 2725 — 1926 г., — «СХЖ» 1926 г., № 38).

зования, почему он имеет право приобретать немуниципализированное городское жилое строение, не нарушая тем ст. 182 Гражд. код., запрещающей сосредоточение в одних руках более одного владения. [1]

§ 5. Ответственность за долги двора и его членов.

Правовое положение имущества общего пользования, как нераздельной принадлежности всех членов двора, приводит к установлению общего правила, по которому имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов двора (в том числе и домохозяина), сделанные ими для своих личных надобностей (ст. 71). В этих случаях отвечает лишь имущество личного пользования. Таким образом, ответственность за личные долги отдельных членов двора не может распространяться даже на предполагаемые доли их в общем имуществе, которое целиком, единой своей массой, защищено от взыскания по таким личным долгам.

а) Но может ли кредитор члена двора потребовать в судебном порядке выдела своего должника из двора с целью обращения взыскания на ту часть имущества двора, которая будет предоставлена должнику при его выделе? Так как в имуществе общего пользования член двора не имеет определенной доли, то, как мы уже указывали, выделение члену двора части этого имущества возможно лишь в порядке раздела двора или распределения его имущества, т. е. путем выхода члена двора из его состава. Но распад трудового земледельческого хозяйства представляет для государства нежелательное явление, с которым оно борется целым рядом мероприятий, которые будут нами изложены ниже (см. § 7). И одною из таких мер является лишение кредитора права требовать выдела части семейного имущества на взыскание долгов с члена двора. Ст. 56 Кодекса законов о браке, семье и опеке лишает ребенка, при взыскании средств на свое содержание с члена двора, права требовать «принудительного выдела земли, скота, инвентаря и других предметов общего хозяйственного обзаведения двора, если такой выдел не производится в порядке и на условиях, установленных Земельным кодексом для разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов)». Если таким образом кредитор по алиментарной претензии на члена двора не имеет права требовать принудительного выдела из имущества общего пользования, который может совершаться лишь в специальном порядке, установлен-

[1] См. разъяснение коллегии НКЮ от 10 мая 1924 г. («ЕСЮ» 1924 г., № 31).

ном ЗК, то тем менее имеет такое право кредитор по всяким другим личным долгам члена двора.[1]

б) К имуществу общего пользования относится не только обзаведение двора, хозяйственное и домашнее (ст. 67), но и продукты хозяйства и денежные суммы. Ст. 56 Код. о браке, семье и опеке дает право алиментарному кредитору обратить взыскание на долю должника — члена двора — только в этом, так сказать оборотном капитале трудового земледельческого хозяйства, причем при определении доли надлежит исходить из предполагаемого законом равенства долей членов двора в имуществе общего пользования. Имеет ли такое же право кредитор по другим личным долгам члена двора? Ст. 71 ЗК дает основание к отрицательному ответу на этот вопрос, так как она защищает всякое имущество двора от обращения на него взыскания по личным долгам членов двора. Однако, потребности гражданского оборота и, в особенности, возможность злонамеренного перевода денежных сумм должника — члена двора — на имя домохозяина, как законного представителя двора, могли бы послужить основанием к распространительному толкованию ст. 56 Код. о браке, семье и опеке в смысле ее применения ко всем кредиторским претензиям по личным долгам членов двора.

2) Если имущество двора не отвечает за долги отдельных членов двора, сделанные ими для своих личных надобностей, то напротив того, за долги, возникшие из сделок, заключенных домохозяином или членом двора для нужд хозяйства, двор отвечает всем семейным имуществом. Это различие в ответственности, отвечающее различию между имуществом общего пользования и имуществом личного пользования, делает крайне важным определение того признака, по которому можно судить о том, на какое из этих имуществ падает ответственность за сделку, заключенную членом двора. Текст ст. 71 ЗК дает ясную руководящую линию в этом вопросе. Заключил ли сделку домохозяин или другой член двора, существенен для решения вопроса лишь один момент: для чьих нужд заключена сделка, — личных ли нужд члена двора или всего хозяйства, или — как формулирует постановление народных комиссариатов юстиции и земледелия от 28 июля 1923 г.

---

[1] Такого же мнения держался пленум Верхсуда РСФСР еще до издания Кодекса о браке, семье и опеке (разъяснение от 12 апреля 1926 г., прот. № 6, «ЕСЮ» 1926 г., № 19). Ст. 3 циркуляра НКЮ от 3 июля 1925 г. о порядке исполнения решений («ЕСЮ» 1925 г., № 27), дающая право кредитору члена двора обращать взыскание на его долю в имуществе общего пользования, должна считаться потерявшей силу.

о применении ст. 71 Зем. кодекса,[1] — пользовалось ли или должно было пользоваться все трудовое хозяйство в целом выгодами от договорных или иных имущественных отношений члена двора.

Однако, гражданский оборот был бы чрезвычайно затруднен, если бы третьи лица, вступающие в сделку с домохозяином или членами двора, обязаны были устанавливать, для чьих именно надобностей — двора или личных нужд домохозяина — заключается сделка. Если хозяин является законным представителем двора, то отсюда следует, что «всякий долг домохозяина предполагается долгом всего двора, пока не доказано противоположного».[2] Взыскание, обращенное на имущество двора по сделке, заключенной домохозяином для своих личных надобностей, может быть поэтому оспорено только другими членами двора путем жалобы на действия судебного исполнителя или путем иска об освобождении семейного имущества от взыскания. Напротив того, обязательства, выданные членами двора, но не домохозяином, предполагаются выданными от их личного имени; следовательно, по ним отвечает только их личное имущество. Однако, кредитор по такому обязательству может оспорить это предположение привлечением в качестве ответчика и домохозяина, если докажет, что сделка заключена членом двора для надобностей всего двора.[3]

3) Указанное в ст. 71 правило о неответственности семейного имущества двора за личные долги его отдельных членов терпит одно ограничение, установленное постановлением НКЮста и НКЗема от 28 июля 1923 г.[4] Конфискация имущества и взыскание штрафов, наложенных в судебном или административном порядке на лиц, состоящих членами крестьянского двора, могут быть обращаемы на имущество двора в тех случаях, когда такие члены проживают совместно и ведут общее хозяйство с остальными членами двора. Однако, ответственность двора по таким взысканиям не может превышать доли члена двора в общем хозяйстве; споры, могущие возникнуть при определении этой доли при исполнении взыскания, разрешаются

---

[1] СУ 1923 г. № 70, ст. 685.

[2] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 12 апреля 1926 г. (прот. № 6, «ЕСЮ» 1926 г., № 19).

[3] Там же.

[4] СУ 1923 г. № 70, ст. 685. Второе ограничение, установленное этим постановлением в интересах детей и возлагавшее на двор, в пределах его материальной возможности, ответственность за алименты, присужденные с члена двора, при недостаточности личных средств родителей на содержание ребенка, — отменено вышеизложенной ст. 56 Кодекса о браке, семье и опеке.

народным судом. Это исключение из общего правила ст. 71 вызывается публичным характером личного долга члена двора, требующим его взыскания во имя интересов революционного порядка.

4) При всех взысканиях с имущества двора имеют применение ст. 271 Гражданск. процессуального кодекса и перечень видов имущества, на которое не может быть обращено взыскание по налогам, пошлинам и сборам, утвержденный СНК РСФСР 10 марта 1927 г. [1] и распространяющий свое действие и на частные взыскания. Перечень этот охраняет хозяйственный и прожиточный минимум трудовых хозяйств и отдельных лиц (в том числе необходимые для сельского хозяйства жилые и хозяйственные постройки) от всех взысканий, производимых в судебном или бесспорном порядке какими бы то ни было кредиторами. Единственным исключением являются те постройки и предметы живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, которые, хотя и не превышают указанного в перечне минимума, [2] приобретены на ссуды, полученные от кредитных, ссудосберегательных или кредитных сельскохозяйственных товариществ, и заложены в соответствующем товариществе в обеспечение исправного платежа по выданной ссуде (прим. 2 к ст. 271 Гр. проц. код.).

§ 6. Наследование.

1) Нераздельность имущества общего пользования двора влечет за собой и значительные особенности в наследовании после членов двора и его выморочности. Если в имуществе общего пользования двора ни один член двора, в том числе и домохозяин, не имеет определенной доли участия, то ни о каком наследовании ни по закону, ни по завещанию в этом имуществе после смерти члена двора не может быть и речи. [3] Член двора, сменивший умершего домохозяина в управлении

---

[1] СУ 1927 г. № 27, ст. 182.

[2] Минимум этот составляет: а) в отношении живого инвентаря и на каждое хозяйство: одна корова, одна лошадь (или один верблюд, или один мул, или пара волов, либо соответствующее количество рабочего скота других видов), одна голова молодняка рабочего скота в возрасте до трех лет и один теленок до полутора лет; б) в отношении мертвого инвентаря: одна соха, один плуг, одна борона, одна телега, одни сани, сбруя и необходимое количество мелкого инвентаря (косы, серпы, топоры, грабли, вилы, лопаты и т. п.). Для скотоводческих хозяйств минимум живого инвентаря повышается до 7 голов крупного скота при числе едоков не более 3 на хозяйство и до 10 голов — при числе едоков свыше трех.

[3] См. разъяснение НКЮ в «ЕСЮ» 1924 г., № 32, и определение ГКК Верхсуда РСФСР от 1 июня 1926 г. по д. Экгардт («ЕСЮ» 1926 г., № 46).

трудовым хозяйством, замещает его не в силу какого-либо универсального преемства, а по единогласному избранию оставшихся в живых членов двора, в качестве нового представителя двора. Право же совместного участия умершего члена двора в общем имуществе просто прекращается с его смертью, ибо возможность превращения этого участия в определенную долю в общем имуществе могла быть осуществлена умершим только путем выхода из состава двора, но этот выход является чисто личным правом, не переходящим по преемству. Со смертью члена двора происходит как бы естественное приращение его доли участия в хозяйстве ко всем оставшимся долям совместного пользования, и то лишь вследствие участия меньшего количества членов двора в пользовании общим имуществом, но не открывается никакого наследства. Поэтому имущество двора за смертью домохозяина или члена двора переходит в пользование наличных членов двора, хотя бы последние являлись его боковыми родственниками или совсем не были связаны с ним кровным родством (примаки). Дети же умершего или вообще его нисходящие, если они в момент его смерти входили в состав другого двора, имели отдельное хозяйство, не приобретают никаких прав на имущество двора, в которое входил умерший, как не имели они этих прав и до его смерти. [1]

Правила СНК РСФСР от 20 января 1927 г. об исчислении налога с имуществ, переходящих по наследованию и дарению,[2] подтверждают установленное судебной практикой положение о невозможности открытия наследования в имуществе двора. Ст. 22 правил исключает из состава наследственной массы «имущество, находящееся в пользовании или собственности трудового двора (хозяйства), членом которого был умерший, т. е. права на находящуюся в трудовом пользовании двора землю, строения, входящие в состав трудового двора, сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь (скот, орудия, машины и т. п.), а также продукты сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности».

Влияние смерти члена двора на размер его трудового землепользования имеет некоторые особенности в зависимости от порядка осуществления этого землепользования. При участковом порядке (хуторском, отрубном и участково-чересполосном) земля двора не изменяется в своих размерах вследствие смерти одного из членов двора, оставаясь

---

[1] Опред. ОКВК по д. № 1987 — 1922 г. («ЕСЮ» 1923 г., № 14) и от 18 мая 1926 г. по д. № 1436 — 1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 38).

[2] СУ 1927 г. № 12, ст. 86.

в трудовом пользовании наличных членов в прежних размерах. При общинном порядке землепользования земельное общество в праве снять со двора приходившуюся на умершего долю в земле при некоторых, однако, условиях, которые изложены нами в следующей главе.

2) Спорный вопрос о том, открывается ли наследование в имуществе двора, когда умер его единственный, последний член, т. е. когда к моменту смерти двор состоял из одного бессемейного лица (ст. 65), разрешен судебной практикой [1] в положительном смысле. Последний представитель двора в праве завещать имущество двора лицам, перечисленным в ст. 418 ГК, а при отсутствии завещательного распоряжения это имущество переходит к наследникам по закону на общих основаниях, указанных в Гр. код., т. е. и не к членам двора, если они относятся к лицам, призываемым к наследованию по ст. 418 ГК. Иными словами, выморочность двора наступает не в том случае, когда умирают все его члены, а в том, когда после смерти последнего члена двора у него не окажется вне двора наследников, указанных в ст. 418 ГК, или когда эти наследники не явятся за наследством или откажутся от него (ст. 433 ГК). Решение это основано на том соображении, что Гражданский кодекс устанавливает общие нормы, распространяющие свое действие на всех граждан, поскольку те или другие правоотношения не изъяты из его действия специальными постановлениями закона. Если после смерти члена двора не открывается наследование в имуществе общего пользования, то это происходит от того, что двор, как хозяйственное и юридическое единство, продолжается другими, оставшимися в живых, членами двора. Там же, где последних нет во дворе, и трудовое земледельческое хозяйство должно прекратиться со смертью его последнего члена, нет никаких оснований для установления изъятий из общих правил Гражданского кодекса.

Открытие наследования в имуществе двора после смерти его последнего члена относится только к имуществу двора, т. е. к его хозяйственному и домашнему обзаведению, но не к праву пользования трудовой землей. Право это, будучи личным правом, прекращается со смертью последнего члена двора, и земельный участок переходит или в общественный запас земельного общества, если участок входил в состав его земель (ст. 62) или в распоряжение земельных органов, если умерший вел земледельческое хозяйство вне состава земельного общества.

---

[1] Разъяснение пленума Верхсуда от 19 января 1925 г. (прот. № 11, «ЕСЮ» 1925 г., № 6); постановление пленума ОКВК от 24 сентября 1926 г. (прот. № 11, «СХЖ» 1927 г., № 1).

3) В отступление от 433 ст. Гр. код., согласно которой выморочное имущество переходит к государству, декрет СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. [1] передал выморочное имущество двора в пользование и распоряжение крестьянских обществ взаимопомощи, а где их нет — в распоряжение соответствующих сельских советов. [2]

4) После умершего члена двора наследование открывается лишь в его имуществе личного пользования, причем наследование обсуждается по правилам Гражданского кодекса (ст.ст. 416 — 435), которые мы здесь излагать не можем. Необходимо лишь отметить, что, так как в крестьянском быту большая часть личного имущества члена двора заключается в предметах домашней обстановки и обихода, то и это имущество должно перейти, в случае его смерти, согласно ст. 421 Гр. код., к пережившему супругу и тем из его нисходящих, кто совместно проживал с умершим, т. е. опять-таки к наличным членам двора, а не к тем нисходящим, кто проживал отдельно от наследодателя.

§ 7. Раздел двора.

Трудовое земледельческое хозяйство — двор — является, как мы видели, своеобразным семейно-трудовым объединением земельного права, все имущество которого находится в нераздельном и совместном пользовании только его членов, работающих в нем или помогающих ему имущественными вкладами, но не имеющих в нем определенных долей участия. Исключая из своего состава переставших принимать в нем участие, без сохранения за выбывшими каких-либо прав на общее имущество, в какой бы близкой степени родства они ни находились с оставшимися в нем, двор становится самому себе довлеющим хозяйством, имущество которого может принадлежать только его работникам. Но именно этот трудовой характер организации двора влечет за собой признание за каждым его членом, вложившим в хозяйство свой труд, права требовать возмещения его путем выдела части общего семейного имущества, если участник хозяйства не может или не

---

[1] СУ 1925 г. № 71, ст. 566.

[2] 2-я часть ст. 68 Гражд. кодекса, основанная на декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 7 декабря 1925 г. (СУ 1925 г. № 92, ст. 663), передала крестьянским обществам взаимопомощи не выморочное имущество двора, т. е. имущество, непринятое наследниками после смерти последнего члена двора, но имущество бесхозяйных дворов. Повидимому, под бесхозяйными дворами надлежит разуметь выморочные дворы, ибо выражение «бесхозяйный двор» противоречиво и неясно.

хочет больше работать во дворе. Так, ст. 75 дает право каждому совершеннолетнему члену двора требовать раздела имущества общего пользования. Это провозглашенное Кодексом право на семейный раздел, коренящееся в самой природе индивидуалистически хозяйствующей в товарно-денежной обстановке трудовой крестьянской семьи, дало за время революции необычайный рост общего числа дворов, а следовательно и их измельчание. Если Республика вступила в революцию с 15-16 миллионами дворов, то в настоящее время, по данным статистики по сельскохозяйственному налогу, их насчитывается 22-23 миллиона.

Между тем, одним из самых серьезных препятствий для развития производительных сил сельского хозяйства в странах с преобладанием мелкого крестьянского хозяйства является его чрезмерное измельчание, его парцелляция, получающаяся в результате дробления хозяйств при разделах между членами семьи. Чем меньше крестьянское хозяйство, тем меньше его валовой доход на одну рабочую силу, тем больше приходится мертвого инвентаря на единицу удобной площади. Парцеллярное хозяйство оказывается переобремененным постройками, живым и мертвым инвентарем, рабочими руками. [1]

В капиталистических странах, где крестьянский земельный участок принадлежит на праве частной собственности единоличному владельцу, смерть его приводит к разделу участка между всеми наследниками, т. е. к его измельчанию. В борьбе с этим распылением земельной собственности многие германские государства ввели институт преимущественного наследования, согласно которого все крестьянское хозяйство с землей, постройками, живым и мертвым инвентарем переходит только к одному из нисходящих умершего собственника, преимущественному наследнику, который выплачивает деньгами остальным наследникам их доли. Чтобы облегчить обременение хозяйства этими денежными выплатами, значительными при высокой стоимости земли, доля остающегося на земле наследника обыкновенно увеличивается на 15 — 40%. Тем не менее, эти платежи в пользу членов семьи, ушедших из хозяйства, лежат тяжелым бременем на крестьянском хозяйстве.

Другими формами борьбы западных государств с дроблением мелких крестьянских хозяйств является факультативное объявление земель-

---

[1] См. данные сельскохозяйственной переписи России и Швейцарии, приведенные проф. Литошенко в его статье: Ограничение дробимости крестьянских хозяйств (сборн. «О земле», М., 1921 г., вып. I).

ного участка заповедным. В результате такого объявления участок не может быть отчуждаем без согласия семьи, а также и за долги собственника, и раздробляем. Таковы: американское законодательство о заповедных семейных участках (Homestead), французский закон 1909 г. о неотчуждаемой семейной собственности (bien de famille), швейцарское законодательство о семейных убежищах (Familienheimstätte).

Советское земельное право значительно облегчает борьбу с раздроблением крестьянских хозяйств и может итти иными путями, чем капиталистические страны. Благодаря институту двора с его нераздельной принадлежностью земли и всего хозяйственного имущества членам двора, без открытия наследства после их смерти, все меры предупреждения измельчания хозяйств сосредоточиваются на борьбе с семейными разделами. В этом же отношении уничтожение частной собственности на землю в значительной степени разрешает проблему. Ст. 74 ЗК допускает раздел двора лишь при том условии, «когда по наличию у основного двора земельных угодий и сельскохозяйственного инвентаря представляется возможным выделить отделяющимся такое количество земли и инвентаря, при котором все вновь образующиеся дворы получают все необходимое для образования жизнеспособного устойчивого хозяйства». [1]

Таким образом, раздел двора заключается не в выделе выходящим из двора его членам причитающейся им доли из общего имущества, а в раздроблении двора на два или несколько самостоятельных жизнеспособных хозяйств. Этой цели подчиняется весь порядок производства раздела, ею определяется и состав имущества, получаемого каждым из дворов. Если же выходящие из двора не имеют целью образование нового земледельческого хозяйства или если земли и инвентаря у основного двора недостаточно для совершения раздела, то в таких случаях допускается лишь распределение всего имущества общего пользования, кроме земли, т. е. выдел отделяющимся их доли в имуществе двора, причем и в этом случае, как увидим ниже, принимаются меры к тому, чтобы остающиеся в хозяйстве были обеспечены всем необходимым для продолжения хозяйства. Таким образом, у остающихся в хозяйстве получается громадное преимущество в виде нераздробленного земельного участка, из которого они не должны выплачивать никаких долей уходящим из хозяйства, как это имеет место в капита-

[1] Ст. 4 Инструкции о производстве семейно-имущественных разделов (СУ 1927 г., № 32, ст. 213).

листических странах. Земля у нас не имеет меновой ценности, и потому при разделе по отношению к земле не допускаются ни зачеты ее другими предметами, ни выплата вместо нее деньгами (ст. 76). Выплата же долей в остальном имуществе общего пользования, при его незначительности в нашем крестьянском хозяйстве, не может лежать тяжелым бременем на дворе.[1]

2) Право требовать семейно-имущественного раздела имеют все совершеннолетние члены двора. Следовательно, и лица, вступившие во двор со стороны, по браку или примачеству, в праве предъявлять таковое требование, независимо от продолжительности их пребывания во дворе (ср. выше § 2, 5). К совершеннолетним членам приравниваются в этом отношении и те несовершеннолетние члены двора, которые являются домохозяевами (ст. 47), а также замужние женщины, хотя бы они и не достигли совершеннолетия.[2]

а) Это требование совершеннолетия для возбуждения дела о разделе вытекает из цели раздела, имеющего своей задачей образование жизнеспособных хозяйств. Поэтому недостигшие совершеннолетия участвуют в разделе лишь тогда, когда он производится по требованию кого-либо из взрослых членов двора и лишь вместе с последними, получая тогда и причитающуюся на них долю.[3] Однако, когда того требуют интересы детей, специальная охрана которых составляет характерную черту советского права во всех его областях, например в случае вредного влияния двора на детей, жестокого с ними обращения и т. п., опека над несовершеннолетними в праве предъявить требование о разделе. В этом случае на опеке лежит обязанность озаботиться дальнейшим продолжением тем или иным способом хозяйства выделенных несовершеннолетних путем, например, сдачи земли в аренду, обработки ее трудом родственников и т. п.[4]

б) Участие несовершеннолетних в разделе двора ставит общий вопрос о взаимоотношении между их правом на алименты, вытекающим из их семейного состояния, и их правом на участие в разделе,

---

[1] «По данным вологодских бюджетов, в общей сумме материальных ценностей крестьянского хозяйства земля занимает до 60%. В земледельческих районах соответствующая цифра повышается еще более» (проф. Л. Литошенко, «Ограничение дробимости крестьянских хозяйств», сб. статей «О земле», вып. I, стр. 102).

[2] Прим. к ст. 13 указанной выше Инструкции о разделах.

[3] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 5 апреля 1925 г., прот. № 5 («ЕСЮ» 1925 г., № 16).

[4] Ст. 13 Инструкции о разделах.

основанным на их членстве во дворе. Так, в то время как в городе иск оставленной мужем жены с малолетними детьми имеет своим предметом алименты, ежемесячное содержание, но не единовременное обеспечение детей до их совершеннолетия, в деревне этот иск направляется в порядке семейно-имущественного раздела; если жена была принята в дом мужа, т. е. имеет своим предметом предоставление жене и детям трудового хозяйства для самостоятельного существования. Однако, алиментарная обязанность неразрывно связана с личностью обязанного лица, вытекая из его семейного состояния. Поэтому выдел имеющим право на алименты по Кодексу о браке, семье и опеке их доли из имущества двора только тогда погашает их право на содержание (алименты), когда с получением выдела для них обеспечена возможность существования. В противном случае, а также при изменившемся после раздела их материальном положени, имеющие право на получение содержания (дети, братья и сестры, родители, дед и бабка, внуки, — ст. ст. 42, 49, 54 и 55 Кодекса о браке, семье и опеке) сохраняют свое право требования алиментов с родственников, несмотря на получение доли из общего семейного имущества.[1]

в) В аналогичном положении с несовершеннолетними находятся и те совершеннолетние члены двора, которые по нетрудоспособности своей не в состоянии вести сельское хозяйство (престарелые, инвалиды). Так как раздел имеет своей целью образование отделяющимися членами самостоятельного хозяйства, то нетрудоспособные члены двора не имеют права требовать раздела; они могут лишь участвовать в нем, получая причитающуюся им долю на стороне тех отделяющихся членов, которые их принимают в свое новое хозяйство. Самостоятельного права на раздел и даже на распределение имущества общего пользования они не имеют. Борясь с измельчанием крестьянских хозяйств, Инструкция о разделах от 30 марта 1927 года (ст. 8) предоставила таким нетрудоспособным членам двора, когда совместная жизнь во дворе стала для них невозможной, лишь право требовать от двора алиментов, именно «обособленного жилья, продуктов и денежных выдач в размере, необходимом для прожития». Таким образом, эта алиментарная обязанность двора основана не на семейных отношениях, а на членстве во дворе, заменяя собою право нетрудоспособных членов на получение доли из общего семейного имущества.

Факт нетрудоспособности устанавливается либо по актам органов социального страхования, либо по заключению местного сельского

---

[1] Ст. 14 Инструкции о разделах.

*

совета, выраженному в форме протокольного постановления. Однако, весь вопрос об обеспечении нетрудоспособных членов, в том числе и вопрос об их специальной нетрудоспособности к сельскому хозяйству,[1] в случае спора может быть передан на разрешение земельной комиссии, если эти члены требуют раздела, и народного суда, если спор идет о распределении имущества или размере алиментов.

3) Разделу подвергается все имущество общего пользования (см. выше § 4, 1); однако, имущество личного пользования исключается из состава делимого имущества лишь по требованию заинтересованных членов (ст. 77). Следовательно, при отсутствии возражений со стороны собственников личного имущества, последнее также может быть включено в раздел.

При производстве раздела необходимо различать три подразделения имущества общего пользования, имеющее каждое свою судьбу и свои основания распределения: 1) право на пользование землей, полевой и усадебной; 2) сельскохозяйственное имущество и 3) остальное имущество двора (например домашнее обзаведение).

а) Основания распределения между делящимися полевой земли определяются тем порядком землепользования, при котором делящийся двор осуществляет свое землепользование. В обществах с общинным порядком землепользования (см. гл. XI, § 2) земля при разделе делится между членами двора согласно принятых в обществе разверсточных единиц (ст. 84), например по едокам. Это правило не означает, однако, что в этих общинах, составляющих подавляющее большинство земельных обществ нашей страны, не возникает и проблема раздела, так как в них земельные угодия распределяются между членами двора на определенных основаниях, устанавливаемых независимо от того, достаточен ли земельный надел для образования жизнеспособных устойчивых хозяйств или нет. Определение земельных долей делящихся членов двора по принятым в обществе разверсточным единицам не дает еще основания для того, чтобы не ставить вопроса о том, достаточно ли для образования жизнеспособного хозяйства то количество разверсточных единиц, которые получает каждый из образующихся при разделе дворов. Так, например, в Московской губернии действует постановление губисполкома, по которому раздел двора может быть разрешаем лишь в том случае, если на каждый из дворов придется земли не менее, чем на 4 едока.

---

[1] Разъяснение ОКВК от 27 мая 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 33).

При участковой форме землепользования (хуторской, отрубной, участково-чересполосной) основания распределения между делящимися полевой земли определяются их соглашением, а при недостижении соглашения — волостной земельной комиссией.

Раздел усадьбы находит свой предел в усадебной норме, одинаковой для всех дворов, устанавливаемой обществом (ст. 127). При невозможности выдела из усадьбы двора усадебного участка установленной обществом нормы, усадьба не делится, и на ней остается один из образующихся при разделе дворов. При недостижении соглашения, вопрос о том, кому оставаться на старой усадьбе, решается земельной комиссией по соображениям хозяйственной целесообразности, считаясь при этом с семейным положением сторон, степенью их имущественной обеспеченности, их трудоспособностью и другими обстоятельствами, затрудняющими или облегчающими переход на новое место жительства. [1]

Двор, не получивший при разделе усадебного участка, имеет право требовать отвода ему усадьбы из общественного земельного запаса (см. гл. IX, § 6, 3, б), если таковой имеется (ст. 83).

б) Определение долей делящихся членов двора в имуществе общего пользования (кроме земли) исходит из принципа равенства этих долей для всех членов двора, независимо от их пола и возраста (ст. ст. 67 и 73), независимо от продолжительности их пребывания во дворе (см. выше § 2, 4). Как мы уже указывали, это принципиальное равенство членов двора вытекает из самой природы двора, являющегося не только трудовым, но и семейным союзом, в котором все члены равны. Проявляясь при жизни двора в совместном пользовании всеми членами двора имуществом общего пользования, равенство это при распаде двора и разделе имущества находит себе выражение в равной доле членов двора в денежной ценности имущества. «Стоимость имущества делится на число всех членов двора, и определенная таким путем денежная сумма принимается за долю каждого в общем имуществе». [2]

Однако, организация двора не только как семейного союза, но и как трудового товарищества, с одной стороны, и публичный интерес государства в борьбе с измельчанием крестьянского хозяйства — с другой, влекут за собой внесение ряда поправок в равную денежную долю делящихся членов. Доля эта может быть изменена для того или

---

[1] Ст. ст. 21 и 22 Инструкции о разделах от 30 марта 1927 г.
[2] Ст. 26 Инструкции о разделах.

другого члена двора: 1) «в виду непродолжительного или незначительного его участия трудом или средствами в хозяйстве и 2) в тех случаях, когда при разделе поровну одна сторона получила бы больше, чем ей нужно для своего хозяйства, в то время как другая не получила бы даже самого необходимого». [1]

Последняя поправка, вытекающая из ст. 73, в сущности говоря, поглощает собою принцип равенства долей. Смысл этой поправки заключается в том, что так как цель раздела — создание жизнеспособных земледельческих хозяйств, то принцип равенства должен быть применяем к образующимся в результате раздела дворам, а не к составляющим его членам. Раздел должен стремиться к тому, чтобы, при данном числе едоков, рабочих сил и данном возрастном составе образующихся дворов, земельные угодия и имущество общего пользования были распределены таким образом, чтобы образовались два экономически одинаково сильных хозяйства. Понятно, что такое равенство хозяйств не непременно соединяется с равенством долей, например, детей, взрослых работников и стариков.

Принцип равенства долей всех членов двора в имуществе общего пользования применяется наиболее полно лишь при распределении имущества, т. е. там, где дело идет не об образовании нового хозяйства, а о выделе отделяющимся от двора их доли в общем имуществе, без образования ими нового земледельческого хозяйства. При разделе же этот принцип отступает перед началом хозяйственного равенства образующихся дворов.

в) Стремление обеспечить при разделе двора экономическую жизнеспособность образующихся из него хозяйств приводит к разделению имущества общего пользования на две части: 1) сельскохозяйственное имущество, т. е. все то имущество, которое необходимо для ведения сельского хозяйства: жилые и хозяйственные постройки, живой и мертвый инвентарь, запасы, семена для посева и проч. и 2) все остальное имущество общего пользования: вещи домашнего обихода и проч. Опись подлежащего разделу имущества, составляемая сельским советом при участии всех наличных членов двора и приглашенных ими сторонних лиц, разделяется в связи с этим на две части: в первую вносится сельскохозяйственное имущество, во вторую — все остальное имущество. [2]

---

[1] Ст. 26 Инструкции о разделах.
[2] Там же, ст. 23.

Прежде всего делится в натуре сельскохозяйственное имущество с таким расчетом, чтобы «всем образующимся дворам было выделено, по возможности, все необходимое для ведения хозяйства».[1] Если при таком распределении получается значительное неравенство долей, приходящихся на каждого члена из вновь образованных дворов, несмотря на поправки, внесенные в определение этих долей (см. выше, 3, б), то двор, получивший меньшую стоимость, чем причиталось каждому его члену, компенсируется несельскохозяйственным имуществом, внесенным во вторую часть описи, или деньгами за счет другого двора.

г) Из изложенного ясно, что надлежащая денежная оценка подлежащего разделу имущества имеет большое значение для правильного производства раздела. Инструкция о разделах от 30 марта 1927 года предписывает поэтому одновременно с описью производить оценку имущества. Оценка эта устанавливается по соглашению сторон, которое должно, однако, соответствовать существующим местным ценам; за этим соответствием наблюдает сельский совет. При отсутствии соглашения оценку устанавливает сельский совет при участии сторонних лиц. На описи отмечается согласие сторон с произведенной описью и оценкой, а при отсутствии согласия — их возражения. Опись и оценка подписываются сторонами, сельским советом и присутствовавшими сторонними лицами.

Опись и оценка имущества общего пользования делящегося двора производится сельским советом при участии членов двора и предшествуют самому разделу или судебному спору о нем. Несмотря на это, земельная комиссия не связана данными, содержащимися в акте описи и оценки, и в праве их проверять, выезжая для этого, в нужных случаях, на место.

д) Несельскохозяйственное имущество (вторая часть описи) распределяется, сообразуясь с пожеланиями сторон и целесообразностью предоставления тех или других предметов. Так, имущество, обслуживающее подсобные кустарные промыслы, успешное ведение которых возможно только со стороны тех или других членов, предоставляется этим членам с зачетом его в причитающуюся им долю.

е) Изложенный выше порядок раздела и определения долей делящихся в имуществе общего пользования разрешает столкновение двух иногда противоречащих друг другу принципов: а) равенства долей участников общего хозяйства с поправкою на степень их участия в нем тру-

---

[1] Ст. 27 Инструкции о разделах.

дом или средствами, — принципа, вытекающего из характера двора как трудового товарищества и семейного союза; и б) публичного интереса государства в создании при разделе экономически жизнеспособных хозяйств, независимо от права делящихся на трудовой эквивалент.

Выделив из общей массы имущества общего пользования сельскохозяйственное имущество, Инструкция 30 марта 1927 года распределяет это имущество между образующимися при разделе дворами в натуре, руководясь при этом исключительно вторым принципом раздела, т. е. обеспечением дворов всем необходимым для ведения сельского хозяйства. Получающиеся вследствие такого распределения несоответствия трудовым долям участия в семейном имуществе делящихся членов двора Инструкция выравнивает распределением остального, несельскохозяйственного имущества, а при недостаточности последнего — возложением обязанности доплат деньгами. Во избежание значительности таких выравниваний и доплат, Инструкция разрешает вносить в трудовые доли членов делящегося двора поправку, исходящую из начала возможного хозяйственного равенства (по ценности имущества) образующихся дворов. Что же касается распределения земли, то эта операция производится по принятым в земельном обществе основаниям ее распределения и, за отсутствием у земли меновой ценности, не вызывает больших затруднений.

4) Мы уже указывали (см. выше, 1), что в тех случаях, когда отделяющиеся от двора не имеют целью образование нового самостоятельного земледельческого хозяйства или когда такое хозяйство не может быть образовано за отсутствием у основного двора такого количества земельных угодий и сельскохозяйственного инвентаря, которого было бы достаточно для обеспечения всех образующихся при разделе дворов всем необходимым для образования жизнеспособного хозяйства, — происходит не раздел двора, а распределение имущества общего пользования (кроме земли), т. е. выдел из этого имущества доли отделяющимся членам (ст. 74). Определение долей и порядок распределения семейного имущества при этом выделе, в сущности, те же, что и при разделе. Трудовые доли всех членов делящегося двора в общем имуществе определяются, как и при разделе, путем деления на число всех членов двора стоимости подлежащего распределению имущества, полученной при его описи и оценке (см. выше 3, г) с поправкою не непродолжительное или незначительное участие трудом или средствами в хозяйстве. Однако, поправка на хозяйственное равенство образующихся дворов не может иметь применения, так как отделяющиеся члены хозяйства не образуют. Как и при разделе, подле-

жит распределению, прежде всего, сельскохозяйственное имущество, которое предоставляется в натуре остающимся во дворе в количестве необходимом для продолжения хозяйства, независимо от размера их трудовых долей. «Отделяющиеся же удовлетворяются из имущества, включенного в первую часть описи, только тем, что остается за удовлетворением первых, а в остальном выдел им производится из имущества, внесенного во вторую часть описи. При невозможности удовлетворить отделяющихся до полной доли наличным имуществом, выдел им недостающей части производится деньгами или продуктами, с рассрочкою выплаты таковых на срок не свыше пяти лет».[1] Так и при распределении имущества обеспечиваются прежде всего интересы хозяйствующего двора.

а) Получившие выдел из имущества двора в порядке распределения семейного имущества прекращают ведение сельского хозяйства, выходя из состава двора и не получая от него ни земли, ни достаточного количества сельскохозяйственного инвентаря. Помимо того, перестав быть членами какого-либо двора, они — в силу правила ст. 47, по которому членство в земельном обществе приобретается и прекращается по членству во дворах, составляющих общество, — должны были бы считаться вышедшими из состава земельного общества, т. е. потерять право на наделение в нем землей. Эту «пролетаризацию» неужившихся во дворе членов Инструкция 30 марта 1927 года смягчила, признав, что вышедшие из состава двора в порядке распределения семейного имущества «продолжают быть членами земельного общества и имеют право на наделение землей на принятых в обществе основаниях при ближайшей разверстке земли (переделе или скидке-накидке, см. гл. XII, § 2, 4) или из общественного земельного запаса».[2] Но при хуторском или отрубном землепользовании, осуществляющемся вне принадлежности к земельному обществу, выдел из двора означает и потерю права на землепользование в данном земельном участке, закрепленном за двором.

5) Имея целью «предупреждение и возможное сокращение случаев нецелесообразных разделов трудовых земледельческих хозяйств, нарушающих их прочность и устойчивость» Инструкция 30 марта 1927 года (ст. 7) ввела форму частичного раздела, сохраняющего хозяйство. В случаях, когда члены двора, в силу сложившихся в семье отношений, не имеют возможности вести домашнего хозяйства, совместное же ведение сельского хозяйства признают для себя возмож-

---

[1] Ст. 29 Инструкции о разделах.
[2] Там же, ст. 30.

ным, допускается распределение между ними только жилых построек и предметов домашнего обихода, с оставлением земли и сельскохозяйственного имущества в общем пользовании двора. Такие хозяйства не считаются разделившимися, и члены их продолжают числиться в составе одного двора, сохраняя за собой право в любое время, на общем основании, потребовать раздела двора с вычетом полученного ими имущества. Таким образом Инструкция борется с самым частым поводом разделов — семейными раздорами.

6) Выполнение всех установленных законом и изложенных нами выше условий производства раздела и распределения семейного имущества двора, имеющих целью предохранить трудовое крестьянское хозяйство от измельчания, требует контроля государственной власти над производящимися семейными разделами. Этот контроль производится двумя путями: при разделах, совершаемых в договорном порядке, так называемых добровольных разделах, — сельскими советами при регистрации ими раздельных записей (договоров о разделе); при судебных разделах и распределениях имущества — непосредственным решением спорного дела земельной комиссией или народным судом.

а) Совершению добровольного раздела должна предшествовать опись и оценка подлежащего разделу имущества, производимая при участии сельского совета (см. выше 3, г). Только при наличности такой описи возможна при регистрации раздельной записи проверка раздела по существу. В совершаемой делящимися раздельной записи указывается: а) когда и между какими членами двора состоялось соглашение о разделе; б) где и какие земельные участки (по их роду, размеру и местоположению) поступают в раздел и как распределяются они между участниками соглашения; в) как распределяется имущество между делящимися; г) срок и порядок исполнения раздела; д) другие, не противоречащие закону условия и е) подписи участников соглашения (ст. 78).[1]

Раздельная запись подписывается всеми членами двора, причем за малолетних дают свое согласие родители, а в случае их отсутствия или лишения родительской власти — опекуны. Согласие на совершение данной раздельной записи должно иметься и от отсутствующих членов двора.

б) Добровольный раздел подчиняется общему условию допустимости семейно-имущественных разделов, установленному ст. 74. Он может быть совершен лишь в том случае, когда у делящегося двора имеется

---

[1] Примерная форма раздельной записи приведена в циркуляре НКЗ от 30 ноября 1925 г. № 575/125, («СХЖ» 1925 г., № 49)..

достаточное количество земельных угодий и сельскохозяйственного инвентаря для обеспечения образующихся при разделе дворов всем необходимым для образования жизнеспособного хозяйства. Для выполнения этого условия ЗК установил обязательную регистрацию раздельной записи в сельском совете, без которой раздельная запись считается недействительной. Двор, разделивший свои земли и имущество без регистрации раздела в сельском совете, продолжает считаться единым двором как при землеустройстве и переделах земель, так и при взыскании всех сборов, налогов и повинностей, падающих на хозяйство (ст. 89). Правило это имеет большое значение, например, для взимания единого сельскохозяйственного налога, размер которого определяется в зависимости от числа едоков в хозяйстве, [1] или для получения льгот при призыве на военную службу по семейно-имущественному положению. [2]

Так как сельский совет для регистрации должен удостовериться в наличности условий, указанных в ст. 74, то он обязан войти в рассмотрение содержания раздельной записи по существу и в праве отказать в регистрации, если придет к отрицательному заключению. Отказ в регистрации возможен и по формальным соображениям, если отсутствует производимая при участии сельсовета опись и оценка делимого имущества или если не выразили своего согласия на раздел какие-либо члены двора.

На отказ в регистрации делящиеся стороны могут подать жалобу в 14-дневный срок в волостную (районную) земельную комиссию.

Для регистрации ведется особый «наряд раздельных записей трудовых земледельческих хозяйств», куда подшиваются копии зарегистрированных раздельных записей. [3] О состоявшейся регистрации делаются записи в подворном списке сельского совета (гл. IX, § 4,4) и в реестре земельных обществ в волисполкоме (гл. IX, § 3, 1, а) по тому обществу, в которое входят образовавшиеся при разделе дворы.

в) Семейно-имущественный раздел может быть совершен в судебном порядке, по иску, подаваемому в волостную (районную) земельную комиссию одной из делящихся сторон к другой, в том случае, если между сторонами не достигнуто соглашение о разделе и невозможно поэтому подписание раздельной записи (ст. 80). При рассмотрении

---

[1] Положение о едином сельскохозяйственном налоге от 2 апреля 1927 г., ст.ст. 31 и 33 (СЗ 1927 г. № 17, ст. 189).

[2] Закон об обязательной военной службе, прим. 4 к ст. 94 (СЗ 1925 г., № 62, ст. 463). Ср. цирк. НКЗема от 10 января 1927 г. № 11/4. («СХЖ» 1927 г., № 3).

[3] Инструкция НКЗема о земельной регистрации от 27 июля 1923 г., ст. 142.

дела волземкомиссия предварительно выясняет посредством запроса или вызова в судебное заседание представителя земельного общества, если делящийся двор входит в состав общества, или уездного земельного управления, если дело идет о разделе хуторского или отрубного хозяйства, — не имеются ли в обществе или в распоряжении землеуправления неиспользуемые земли, на которых истцы могли бы устроить свое хозяйство, дабы таким образом избежать дробления делящегося двора. Лишь при установлении невозможности такого устройства может производиться раздел земельных угодий хозяйства (ст. 82).

Вызову в суд по делам о разделах подлежат все члены двора, причем отсутствующие, местожительство которых неизвестно, вызываются повестками, посылаемыми в делящийся двор и, кроме того, в сельский совет для вывешивания на видном месте. Вместо малолетних, не находящихся на попечении родителей, вызываются их опекуны.[1]

При решении дела волземкомиссия применяет все изложенные нами выше (§ 7,3) условия допустимости раздела (ст. 74), основания исчисления трудовых долей и порядок распределения сельскохозяйственного и остального имущества общего пользования.

При вступлении решения земельных комиссий о разделе в законную силу, решение это в случае удовлетворения требований истца должно быть представлено делящимися для регистрации в сельский совет, который, в силу обязательности вступивших в законную силу судебных решений, делает отметку о регистрации раздела, не входя в его рассмотрение по существу (ст. 80). Чтобы регистрация судебного решения о разделе не обходилась делящимися, циркуляр НКЗема от 10 января 1927 г. № 11/4[2] предписывает включать в вынесенное решение оговорку о том, что оно может быть приведено в исполнение только после регистрации его в сельском совете.

7) В случае отказа в регистрации раздельной записи сельским советом на основании ст. 74, подтвержденного при обжаловании и земельными комиссиями, или в случае отказа в иске о разделе, а также когда отделяющиеся члены двора, не имея целью образование самостоятельного хозяйства, не достигли соглашения с остающимися во дворе членами о выделе причитающейся им доли из семейного имущества, — перед членами двора, не считающими для себя возможной дальнейшую совместную жизнь во дворе, остается один выход: иск о распределении имущества двора, т. е. всего имущества общего пользования,

---

[1] Ст. 34 Инструкции о производстве разделов.

[2] «СХЖ» 1927 г., № 3.

кроме земельных угодий (см. § 7, 4). Согласно статьи 81, такой иск подведомствен народному суду. По мысли закона тот публичный сельскохозяйственный интерес, который заключается в сохранении жизнеспособного трудового земледельческого хозяйства, уже обеспечен при распределении имущества исключением из него земельных угодий, составляющих основу хозяйства. Поэтому решающую роль в споре начинает играть правильное определение размеров трудового участия отделяющихся членов двора в создании общего имущества, а такой спор, по общим правилам судебной подведомственности, подсуден народному суду.

Однако, в силу процессуального правила, по которому суд обязан разрешить весь спор между тяжущимися сторонами, не отсылая их к другому процессу, а по возможности — и суду, распределение имущества может быть произведено и земельной комиссией. Так, «если земельная комиссия по делу о разделе двора в таковом отказывает, а находит возможным произвести одно только распределение имущества, то она не в праве прекращать у себя такое дело производством и передавать его на разрешение народного суда, а должна сама произвести такое распределение имущества». [1] То же имеет место, если в деле о разделе двора тяжущиеся стороны сняли спор о земле, как разрешенный ими добровольным соглашением. [2]

Основания распределения имущества, указанные нами выше (§ 7, 4), установленные Инструкцией НКЗема и НКЮста от 30 марта 1927 г., обязательны как для народного суда, так и для земельной комиссии. И народный суд должен исходить из описи и оценки имущества, произведенной при участии сельского совета, если, конечно, она не вызывает у него сомнений. А распределение сельскохозяйственного имущества в натуре должно быть произведено таким образом, чтобы прежде всего обеспечить им остающихся в хозяйстве членов двора.

Распределение имущества, как не влекущее за собой образование новых хозяйств, не подлежит регистрации.

8) Цена иска в делах о распределении имущества двора определяется ценой отыскиваемой истцом доли, указанной им в исковом заявлении, а не всего подлежащего разделу имущества, [3] причем иск всегда

---

[1] Ст. 33 Инструкции о производстве разделов от 30 марта 1927 г.; так же определение ОКВК от 17 октября 1924 г. по д. № 1289—1924 г. («Сборник», № 19).

[2] Определение ОКВК от 12 сентября 1924 г. по д. № 410—1924 г. («Сборник», № 11).

[3] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 7 апреля 1924 г. («ЕСЮ» 1924 г., № 21).

подсуден народному суду по месту нахождения двора, независимо от цены иска.[1] Так же определяется и цена иска в деле о разделе, предъявляемом в земельной комиссии, ибо, хотя этот иск имеет своим предметом и долю в земле и часть остального неземельного имущества общего пользования, но оценке подлежит только последняя часть иска: земля меновой ценности не имеет. Лишь при вынесении решения о разделе земельная комиссия определяет размер судебной пошлины, подлежащей взысканию в части, касающейся земли, которая не может быть ниже одного рубля и определяется вне всякой зависимости от денежной оценки земельных угодий.[2]

§ 8. Недробимость двора.

Ст. 74 Кодекса и развитые на ее основании постановления Инструкции о производстве разделов от 30 марта 1927 года являются серьезным средством борьбы с измельчанием крестьянских хозяйств. Неразрешение семейно-имущественного раздела, путем ли отказа в регистрации раздельной записи или отказа в иске о разделе, есть, в сущности, установление судом недробимости двора в каждом отдельном случае по отношению к данному индивидуальному хозяйству. Мы уже указывали, что, заменяя раздел распределением имущества и оставляя при производстве распределения сельскохозяйственное имущество прежде всего у остающихся в хозяйстве членов двора, сельский совет или земельный суд предохраняют трудовое хозяйство от измельчания и ослабления своей экономической мощи, ибо оставляют в его распоряжении нераздробленный земельный участок, из которого он не должен выплачивать никаких долей уходящим из хозяйства, как это имеет место в капиталистических странах.

1) Эта идея о превращении семейно-имущественного раздела в распределение только хозяйственного имущества (кроме земли), заключающаяся уже в ст. 74, лежит в основании мер против измельчания хозяйств, принимаемых Кодексом не в отношении каждого отдельного двора, а в качестве мероприятия, охватывающего целую губернию. Кодекс (ст. ст. 85 — 89) предоставил право губисполкомам по пред-

---

[1] Циркуляр Верхсуда РСФСР от 30 июля 1924 г. («ЕСЮ» 1924 г., № 33).

[2] Ст. 19 Инструкции о порядке взимания судебных пошлин «Земельный кодекс с разъяснен. НКЗ», прил. № 69); ст. 1 декрета ВЦИК и СНК о судебных расходах по спорным делам о землепользовании, от 14 ноября 1923 г. (Собр. Узак. 1923 г., № 89, ст. 868).

ставлениям губземуправлений, утвержденным Наркомземом, объявлять трудовые земледельческие хозяйства ниже определенной нормы — недробимыми (ст. 85). В хозяйстве, объявленном недробимым, семейно-имущественный раздел не может иметь места (ст. 86). Выходящий из такого хозяйства член имеет право потребовать выдела деньгами или натурой только за причитающуюся ему долю имущества, но не земли, причем размер выплаты не может превышать одной трети стоимости общего хозяйственного обзаведения двора (ст. 88). Таким образом, помимо того преимущества, которое имеют остающиеся в хозяйстве благодаря отсутствию частной собственности на землю, сохраняя в своем трудовом пользовании весь земельный участок двора, без всякой компенсации выделяющегося, — экономическая мощность трудового хозяйства защищена еще максимальным размером выплаты, оставляющим в хозяйстве $^2/_3$ его хозяйственного обзаведения. Но, чтобы облегчить и эту сравнительно незначительную выплату, Кодекс дает право, по требованию остающихся во дворе, рассрочить ее на срок не свыше 5 лет, без начисления каких-либо процентов за рассрочку (ст. 88).

2) Если национализация земли и институт крестьянского двора облегчают задачу борьбы против измельчания трудовых земледельческих хозяйств, то господствующая форма землепользования в земельных обществах — общинная форма — способствует, наоборот, этому измельчанию. Ее уравнительный аппарат, периодически распределяющий данное количество закрепленной за обществом земли между все возрастающим с естественным размножением населения числом едков, неизбежно приводит к созданию все более мелких хозяйств потребительского типа и сводит, в сущности, на-нет всякие нормы недробимости в общинах. Сознание этого обстоятельства побудило Земельный кодекс ввести два способа объявления хозяйств недробимыми: принудительный и добровольный.

а) Объявленные губисполкомами или ЦИКами автономных республик нормы недробимости являются обязательными только для хуторских и отрубных хозяйств, раздел которых на части, меньшие установленных норм, воспрещается. Что же касается хозяйств, входящих в состав земельных обществ с общинным и участково-чересполосным порядками землепользования, то здесь возможен лишь добровольный порядок объявления недробимости (ст. 86), т. е. объявленные нормы недробимости для этих хозяйств обязательны лишь в том случае, если они изъявят на это согласие в особом порядке. Добровольное объявление хозяйств недробимыми производится для целого общества по по-

становлению о том $^2/_3$ полноправных членов общества, т. е. квалифицированным большинством, повидимому, и при квалифицированном кворуме (ст. ст. 53, 54), хотя об этом в ст. 87 не сказано. К этому заключению приводит постоянное соединение статьями 53 и 54 квалифицированных большинства и кворума при разрешении обществом особо важных дел, вносящих коренные изменения в землепользование своих членов. В постановлении схода должен быть указан срок, на который все хозяйства объявляются недробимыми, причем он не может быть менее одного севооборота, а при его отсутствии — менее трех лет. Каждый двор может и помимо общества объявить свое хозяйство недробимым при согласии на то всех его полноправных членов (ст. 87). По аналогии с земельным обществом, надлежит признать, что и двор может указать в своем соглашении срок недробимости.

б) В виду серьезных юридических последствий объявления хозяйств недробимыми, как приговор общества, так и соглашение членов двора подлежат р е г и с т р а ц и и: первый — в волисполкоме, второе — в сельсовете, которые ведут для сего особый «наряд разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов) и случаев объявления хозяйств недробимыми».[1] О произведенной регистрации добровольного объявления хозяйства недробимым делается отметка в реестре земельных обществ и в подворном списке (см. гл. IX, § 3, 1, а и § 4, 4).

в) Конфликт между нераздельностью хозяйства в силу объявления его недробимым и работою уравнительного аппарата общины, уменьшающего размер землепользования двора в целях равномерного распределения земли между всеми ее членами, разрешается Кодексом в пользу общины. В обществах с общинным порядком землепользования соглашение о недробимости хозяйств не препятствует обществу производить переделы земель и приэтом изменять размеры земельных наделов недробимых хозяйств (дворов) — ст. 87. Таким образом, из двух факторов, вызывающих постоянное измельчание трудовых земледельческих хозяйств — семейные разделы и общинное землепользование, — наше земельное право борется пока лишь с первым из них — семейно-имущественными разделами.

---

[1] Инструкция по земельной регистрации от 27 июля 1923 г., ст. 48.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ПОРЯДКИ ТРУДОВОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ.

Литература: С. М. Дубровский, Очерки русской революции, вып. I, изд. 2-е, М. 1923; А. А. Карелин, Общинное владение в России; Н. Суханов, Община в советском аграрном законодательстве («Основные начала землепользования и землеустройства», сб. статей, М. 1927); М. Кубанин, Община при диктатуре пролетариата («Основные начала землепользования и землеустройства», сб. статей, М. 1927); П. Н. Першин, Участковое землепользование в России, М. 1922 г.; И. А. Конюков, Коллективное земледелие, изд. 2-е, М. 1925.» Комхозы СССР, Из итогов строительства с.-х. коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли в 1925 г.», М. 1926; К. Киндеев, Коллективные хозяйства, М. 1927 г.

§ 1. Понятие о порядке трудового землепользования.

Излагая содержание права трудового землепользования, как вида права непосредственного пользования землями (гл. VII), мы останавливались на двух моментах: на взаимоотношениях между государством-собственником и трудовым землепользователем и на объеме правомочий последнего. Поскольку трудовым землепользователем является двор, т. е. поскольку государство, как собственник земли, становится ко двору в непосредственные земельнохозяйственные отношения, что имеет место при землепользовании хуторами и отрубами, — постольку учение о порядках трудового землепользования почти совершенно исчерпывается изложением содержания права трудового землепользования, с одной стороны, и главой о дворе — с другой. Но наиболее распространенным, почти единственным трудовым землепользователем является земельное общество. Мы видели (гл. II, § 5, 2), что хуторские и отрубные землепользования, образовавшиеся в результате «столыпинского» земельного законодательства, были в большей части своей включены аграрной революцией в общину, и пользование трудовыми землями в составе земельных обществ стало столь общераспространенной формой трудового землепользования, что ст. 141 ЗК знает лишь одного

субъекта закрепления совершенного революцией распределения земель — земельное общество.[1] Это обстоятельство выдвинуло перед Кодексом серьезную задачу урегулирования взаимоотношений в пользовании землей между земельным обществом и образующими его дворами и отдельными членами. Этому урегулированию посвящены не только раздел VI, озаглавленный «о порядках трудового землепользования», но и следующие разделы, VII — IX, излагающие правила о переделах, об усадебных и луговых землях и о выделах земли из земельного общества. Таким образом, учение Кодекса о порядках трудового землепользования представляет собою, главным образом, изложение форм земельноправовой организации земельных обществ, земельных прав, которые имеют в этих обществах их члены.

1) Ст. 90 Кодекса перечисляет следующие возможные порядки трудового землепользования в земельных обществах: а) общинный, б) участковый с его подвидами: участково-чересполосный, хуторской и отрубной;[2] в) товарищеский, принимающий формы сельскохозяйственной коммуны, артели или товарищества по общественной обработке земли, и г) для Казакской, Бурято-Монгольской и Якутской автономных республик и автономной Калмыцкой области[3] — смешанный с различными порядками пользования по разным хозяйственным угодиям, в том числе кочевой и полукочевой.

Это перечисление имеет исчерпывающий характер. Хотя ст. 58 предоставляет земельному обществу избрать «любой способ (порядок) землепользования», но под «любым» надлежит разуметь один из тех порядков землепользования, которые регулированы Кодексом. Подобно тому как Гражд. кодекс признает только замкнутое число (numerus clausus) вещных прав,[4] так и Зем. кодекс допускает лишь упомянутые

[1] О степени распространения владения землей обществами как до революции так и после нее, см. С. М. Дубровский, Очерки русской революции, вып. I, изд 2-е, стр. 142 — 145, М., 1923.

[2] Как видно из ст. 90, а также и ст. 96, хуторское и отрубное землепользование отнесены к той же рубрике, что и участково-чересполосное, которое является видом общественного землепользования. Между тем, как мы неоднократно указывали (см. ст.ст. 10, 12, 19, 96, 129, 166 п. «д», 170 п. «б»), хутора и отруба являются «обособленными хозяйствами, не входящими в состав земельного общества» (ст. 10). Эта неправильная классификация объясняется, как увидим ниже (§ 4), историей составления Земельного кодекса.

[3] В редакции ст. 90 для указанных республик и области (пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 29 марта 1923 г. — СУ 1923 г., № 26, ст. 305; от 30 июня 1924 г. — СУ 1924 г., № 59, ст. 81; от 13 сент. 1925 г. — СУ 1925 г., № 66, ст. 527).

[4] Проф. А. Г. Гойхбарг, Хозяйственное право РСФСР, т. I, 3-е изд., стр. 98.

в ст. 90 порядки землепользования. Будучи формами осуществления права трудового землепользования, этого вещного права в сфере земельных отношений, порядки землепользования не должны вступать в столкновение с теми социальными и хозяйственными условиями, которые являются предпосылками этого права. Уже это одно обстоятельство препятствует установлению земельным обществом любой формы своей земельноправовой организации. Мы указывали затем, что вся проблема порядков землепользования возникает, главным образом, вследствие закрепления почти всех трудовых земель за исторически-сложившимися юридическими лицами — земельными обществами. Но организация внутреннего земельного строя этих обществ не может быть предоставлена целиком их усмотрению как в интересах охраны земельных прав непосредственного работника на земле — члена общества, так и в общегосударственных интересах.

Исчерпывающий характер перечня порядков землепользования, сделанного ст. 90 Кодекса, подтверждается и тем, что, установив для восточных республик и Калмыцкой области особый смешанный порядок землепользования, Кодекс предоставил «ближайшее определение форм смешанного землепользования, а также порядок урегулирования внутренних земельных отношений в каждой из них», не свободному усмотрению земледельческого населения, а з а к о н у, который должен быть выработан ЦИКом соответствующей республики и внесен на утверждение ВЦИКа (прим. 2 к ст. 90). Такой же порядок Кодекс установил и для Башкирской, Дагестанской и бывшей Горской автономных республик и Чеченской автономной области, которые знают большие особенности в формах землепользования в районах горно-лесных, скотоводческо-земледельческих и полукочевых.

2) В виду того, что для различных угодий земельные общества обыкновенно устанавливают различные порядки землепользования (например: общинный или отрубной — для пашни и товарищеский — для выгона), то основным считается для данного земельного общества тот порядок, который существует для г л а в н ы х хозяйственных угодий (прим. к ст. 90 — см. гл. IX, § 6, 1).

3) Предоставив право земельному обществу свободно избрать один из признаваемых Кодексом порядков землепользования (ст. 58), Кодекс, однако, оградил и н т е р е с ы м е н ь ш и н с т в а при разрешении этих кардинальных вопросов крестьянского хозяйства. Несмотря на законное постановление общего собрания о переходе от одного порядка землепользования к другому (ст. ст. 53, 54), несогласные на такой переход члены общества могут оставаться при прежнем порядке, выделив

свои земли к одному месту по правилам о выделах земель (ст. 91). Кодекс не указывает, каково должно быть это меньшинство, т. е. должно ли оно совпадать с тем меньшинством, которое всегда имеет право требовать выдела (ст. 136). Однако специальное упоминание ст. 91 о праве меньшинства на выдел — что было бы излишне при наличности ст. 136 — дает основание сделать вывод, что при переходе общества к другому порядку землепользования, л ю б о е меньшинство, несогласное на такой переход, в праве требовать выдела.

§ 2. Общинный порядок землепользования.

Мы видели (гл. IX, § 2), что земельное общество является самостоятельным трудовым землепользователем, члены же составляющих его дворов имеют лишь право членства в обществе, которое заключается в праве на участие в пользовании землями, закрепленными за обществом. Мы остановимся раньше всего на изложении п р а в ч л е н с т в а в наиболее распространенной форме земельных обществ — в о б щ и н е.[1] Общества с общинным порядком землепользования охватывали до 1905 г. около $^4/_5$ надельной земли. С ликвидацией аграрной революцией 1918 г. помещичьего землевладения и — в большинстве местностей — хуторских и отрубных участков и с освоением всех этих земель крестьянством с помощью уравнительного аппарата общины (см. гл. II, § 5), последняя значительно расширила размеры своей территории. Можно утверждать, что в настоящее время более $^4/_5$ трудовых земель, составляющих 96% сельскохозяйственной площади Республики, подчинены общинному порядку землепользования.

1) Ст. 92 определяет земельные права членства в общине как «право каждого двора, состоящего в обществе, на долю земли из надела общества, которая может быть изменяема в целях уравнительного распределения земли между членами общества». Таким образом, статья подчеркивает две характерные черты общинного порядка землепользования: 1) каждый двор имеет право на отвод ему в н а т у р е для индивидуального хозяйства доли из земель, закрепленных за земельным обществом; 2) но доля эта определяется не принадлежащими двору, раз навсегда фиксированными правами, а интересами уравнительного распределения надела общества между его членами, почему и является изменяемой долей, в зависимости от основания разверстки, принима-

[1] Поземельная община является общепринятым в литературе термином для обозначения земельного общества с общинным порядком землепользования.

емого обществом. Ясно, что сущность общины заключается в этом уравнительном распределении земли между дворами; так, ст. 90 характеризует общинный порядок землепользования как порядок «с уравнительными переделами земли между дворами». И поскольку община функционирует, поскольку общество сохраняет общинный порядок землепользования, его землераспределительная деятельность должна проявляться, а вместе с тем осуществляются и земельные права членов общества — право на наделение, уравнительное с остальными членами общества.

Это право двора на уравнительное наделение его членов землей общества зависит от решения общества совершить передел земли между своими членами, принимаемого им простым большинством голосов при обыкновенном кворуме (ст. ст. 53 и 54). Гораздо шире другое право двора — право на выход из общества с выделом ему причитающейся на его членов доли из общественной земли (ст. 134). Как и при наделении, размер доли, причитающейся двору при выделе, определяется не земельными правами двора, как такового, а той долей в земле общества, которую двор может получить в момент выдела при уравнительном распределении всей земли между членами общества. Таким образом право членства в обществе с общинным порядком землепользования заключается в праве: а) на уравнительное наделение и б) на уравнительный выдел.

2) Передельная община, как правильно указывает С. М. Дубровский,[1] «является необходимой организацией крестьянства на определенной ступени развития производительных сил сельского хозяйства», именно — той его стадии, когда оно основано на эксплуатации исключительно естественных свойств почвы.

Земли надела общества не представляют во всех частях одинаковую экономическую ценность. Части надела различаются между собою, раньше всего, по качеству почвы, затем по расстоянию от усадьбы, по удобству проезда, по самой топографии своей (склон менее удобен и меньше задерживает влаги, чем ровное поле). Но поскольку урожайность земли зависит почти исключительно от естественных свойств почвы, которые усиливаются в своем эфекте лишь крайне незначительным удобрением, постольку община, стремясь к уравнительному распределению земли между дворами, должна уравнять их и в хороших, и в плохих землях, и в супеси, и в суглинке,

---

[1] С. М. Дубровский, Очерки русской революции, вып. I, Сельское хозяйство, М., 1923, стр. 70.

и в близких к селению участках, и в дальних запольных, и в ровном поле, и в крутом откосе, и т. д. Каждый должен получить землю лучшего и худшего качества, ибо при замене качества земли ее количеством получивший лишь плохую землю не сумеет ее использовать, раз сельское хозяйство основано на эксплуатации лишь естественных свойств почвы. К этому присоединяется примитивная система полеводства — трехполье (озимь, ярь и пар), не обогащающая почву новыми элементами, как это, напр., имеет место при травосеянии. Не умея достигать равноценности отводимых земель посредством зачета и замены разнокачественных и разнородных угодий, община не может наделять дворы, напр., отрубными участками, для возделывания которых нужна к тому же более сложная система полеводства, чем трехполье. Она делит каждое из своих трех полей (озимое, яровое и паровое), или клиньев, на столько «конов» и «ярусов», сколько окажется в нем разнокачественных угодий, в зависимости от разнообразия почвы, рельефа и орошения местности, а также степени удаленности угодий от места поселения. Каждый кон делится на столько душевых полос, сколько окажется паев по установленному основанию разверстки, напр., на число едоков в обществе, если земля делится по едокам. И каждому двору отводится в каждом коне — конечно, рядом — столько душевых полос, сколько у него разверсточных единиц (напр., едоков).[1]

Таково распределение земли в общине при общинном порядке землепользования. Она достигает этим того, что каждый пай равноколичествен и равноценен, но зато каждый двор имеет в каждом коне по одной полосе, т. е. получается то состояние землепользования, которое называется внутренней дробной чересполосицей. Так, из описанных в 90-х годах 800 общин Московской губ. среднее число конов в каждом поле трехпольного севооборота, т. е. среднее число полос у каждого двора в каждом поле составляло 11

---

[1] Душевая полоса называется обыкновенно душой. Таким образом, душа есть частное, получаемое от деления всей переделяемой площади на общее число паев, определяемое числом разверсточных единиц (в нашем примере — едоков). Название «душа» осталось от былого распределения земли по ревизским душам, т. е. по числу душ мужского пола, насчитывавшихся при периодических переписях тяглого населения (ревизиях). Ревизские души были обложены подушной податью, по ним поэтому и распределялись земли для того, чтобы вынести тягло. Техника переделов подробно описана в дореволюционной литературе об общине,— см. напр., Ф. А. Щербина, Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду, стр. 141 и след.; В. Орлов, Формы крестьянского землевладения в Моск. губ., в сборнике статистических сведений по Московской губ., т. IV, в. I, стр. 22 и след.; А. А. Карелин, Общинное владение в России, стр. 31 и след.

Чем крупнее общество, тем больше его надел, следовательно, тем разнокачественнее его земля, тем более конов в каждом поле, тем сильнее внутриселенная чересполосица. Само собою понятно, что чересполосица ведет к мелко- или узкополосице, доходящей иногда до того, что борона не может пройти по полосе лежмя, и ее приходится пускать боком. Длинные, узкие полоски, разбросанные в 40 — 50, а иногда и более местах, в перемежку с такими же полосками соседних дворов, не отделенные от них дорогами, которые в случае своего проведения к каждой полоске двора отняли бы значительную часть надела общества, — такова обычная картина общинного поля.

а) Влияние этого уравнительного распределения земель общиною на систему полеводства было обрисовано проф. О. А. Хауке[1] еще до революции и до настоящего времени остается, к сожалению, в полной силе. «Недостаток специальных пастбищ и специальных кормов побуждает крестьян пасти скот по пару и жнивью. При раздроблении полей на более или менее значительное количество узких полос, не представляется возможным индивидуализировать эту пастьбу на пашне, т. е. ограничить каждого пастьбой своего скота только на своих полосах. Естественно устанавливается право каждого домохозяина пасти свой скот по всем полосам и обязанность терпеть пастьбу чужого скота на своих полосах. Устанавливается, следовательно, общий выпас скота по пару и жнивью. Дробность разбивки земли по конам, чересполосица и мелкополосица обычно сопровождаются недостатком дорог. Навозка удобрения и вывозка урожая возможны только при условии переезда через чужие полосы. Устанавливается, следовательно, право переезда каждого через чужие участки и обязанность терпеть, по отношению к своим полосам, подобные же права своих соседей. Общность выпаса и права переезда через чужие полосы обычно влекут за собой одинаковость полеводства, выражающуюся в обязанности одновременного производства полевых работ всеми домохозяевами, так как всякое опаздывание в этом отношении имеет последствием затаптывание неубранного посева ранее управившимися соседями, а иногда и потраву скотом. Из тех же обстоятельств проистекает и одинаковость, а следовательно, и обязательность принудительного севооборота, выражающаяся в выборе одинаковых растений для культуры и в одинаковости их чередования». К этому нужно присоединить невозможность применить глубокую, а тем более поперечную вспашку на узкой полосе, по

[1] О. А. Хауке, «Крестьянское земельное право», М., 1914 г., стр. 97.

которой и вдоль трудно пройти несколько раз, не отваливая земли на соседнюю полосу.

б) Революция, призвав трудовые массы сельского населения к непосредственному участию не только в государственном управлении, но и в самом хозяйственном строительстве, тем самым поставила вопрос о ликвидации общинного порядка землепользования в его традиционных формах. Интенсификация сельского хозяйства, ставящая себе целью усовершенствовать основное орудие полеводства, самое почву, несовместима с исторически сложившейся передельной общиной. Проблема ее реорганизации на основах научного земледелия, с одновременной охраной интересов маломощных и бедняцких слоев деревни и сохранением предпосылок для социалистического строительства на селе, есть проблема внутриселенного землеустройства, которую мы изложим в главе XII.

3) Временное распределение земель 1918 и 1919 гг., как мы видели (гл. II, § 5,5), усилило работу уравнительного аппарата общины, приведя к значительному ухудшению сельскохозяйственной обработки и удобрения полей. Отрицательные стороны передельной общины приняли столь серьезные размеры, что уже в 1920 г. декрет от 30 апреля [1] поставил определенные пределы стихийному процессу чуть ли не ежегодных переделов. Декрет исходил из той точки зрения, что «производящиеся в настоящее время частые и бесхозяйственные земельные переделы неизбежно сопровождаются понижением производительности сельского хозяйства, препятствуют правильной и интенсивной обработке и удобрению полей и создают в отдельных крестьянских хозяйствах неуверенность в использовании их трудовых затрат». Этот взгляд на переделы усвоен и Земельным кодексом, изложившим в ст.ст. 116—133 правила о переделах земли в обществах с общинным порядком землепользования.

Ст. 93 Кодекса различает два вида переделов: а) общие переделы и б) скидки-накидки, или частичные переделы (ст. 207 ЗК и ст. 140 Инструкции 27 июля 1923 г. по земельной регистрации). Общий передел заключается в перераспределении всей земли между дворами общества с целью устранения неравномерности, вызываемой изменением состава отдельных дворов. При таком переделе изменяется общее число паев, разверсточных единиц (напр., едоков), следовательно, и число, и размер полос. При скидке-накидке перераспределяются полосы лишь отдельных дворов: от одних, состав которых уменьшился, скиды-

[1] Собр. узак. 1920 г., № 35, стр. 170.

вается некоторое число полос и накидывается дворам, состав которых увеличился. При скидке-накидке общее число паев (душевых полос) и их размер остаются неизменными.

Общий передел производится по приговору общего собрания, имеющего нормальный кворум, т. е. не менее половины домохозяев, постановленному простым большинством голосов.[1] В приговоре должно быть указано: а) какие угодья переделяются, б) род разверсточных единиц (едоки, рабочие силы и пр.), в) количество единиц, приходящихся на каждый двор, г) срок, на который производится передел, д) порядок пользования запасными земельными участками, если таковые остаются при переделе.[2] Остановимся подробнее на каждом из этих пунктов приговора о переделе.

4) Состав переделяемых угодий не охватывает собою всей территории общественного надела.

а) В него не входят, раньше всего, угодия общего, нераспределенного пользования (ст. 63 — см. гл. IX, § 6,3). Эти угодия или по самому своему несельскохозяйственному назначению (дороги, неудобные земли), или по характеру своего сельскохозяйственного использования(выгоны, леса, озера), не могут подлежать распределению. Сюда же относятся и земли, на которых введена общественная обработка (ст. 113). Наоборот, общественный земельный запас (неиспользуемые полевые земли) является по самому своему назначению переделяемым угодием (см. гл. IX, § 6, 3, б).

б) Кроме угодий общего пользования, переделу в натуре не подлежат участки земли, находящиеся под хозяйственными и иными строениями и огородами, а также участки, занятые садами, виноградниками и другими особенно ценными насаждениями (ст. 118). Аналогичное правило содержит и ст. 126, согласно которой правила о переделах и разверсточных единицах на усадебные участки трудовых землепользователей не распространяются, и эти участки, без согласия их пользователей, уравнительным переделам, отрезкам и передвижкам не подлежат. Ст. 118 по своему содержанию шире ст. 126. Последняя защищает от переделов лишь усадьбу, т. е. построечное место совместно с непосредственно примыкающим к нему

---

[1] Поэтому дела о переделах не могут быть разрешаемы путем сбора голосов по домам, вместо решения их на общих собраниях (разъясн. НКЗема в Моск. губземком. № 200268, от 22 декабря 1923 г. («ЗК с разъяснен. НКЗ», стр. 129).

[2] Примерный (т. е. имеющий значение образца) приговор о переделе приложен к инструкции НКЗема от 27 июля 1923 г. о земельной регистрации («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

огородом, садом, конопляником, пасекой и т. п. приусадебными угодиями.[1] Статья же 118 исключает из состава переделяемых угодий участки, занятые строениями, огородами и ценными насаждениями, независимо от нахождения их на усадебном участке. Поэтому двор может иметь и более одного усадебного участка, — если только добавочный участок занят культурой, обычно разводимой на приусадебных угодиях, или застроен,[2] — или даже иметь усадебную оседлость вне пределов усадебной территории общества.[3]

в) Однако, это изъятие усадебных участков из землераспределительной деятельности общины имеет место лишь в том случае, если эти участки используются для целей, для которых они предназначены (под постройки, гуменники, под обычные трудоемкие культуры приусадебных угодий: сады, конопляники, хмельники, пасеки и т. п.). Если же усадьбы используются как полевые земли (для посева хлебных злаков, полевого огородничества, как сенокос, под выгон скота и пр.), то излишки их, сверх установленной в обществе усадебной нормы, могут быть изъяты земельным обществом и переданы нуждающимся в усадьбах наличным или вновь образующимся дворам (прим. 1 к ст. 127). Так как указанное изъятие излишков усадебных земель основано на неиспользовании их в качестве усадебной оседлости, то оно может производиться лишь в том случае, если на таких излишках можно организовать самостоятельное усадебное хозяйство или если их можно присоединить непосредственно к соседним маломерным усадьбам (прим. 2 к ст. 127). Как и во всех случаях изъятия земли или разрешенного законом перехода ее от одного землепользователя к другому, новый землепользователь обязан возместить прежнему «стоимость неиспользованных последним трудовых и материальных затрат, вложенных в изымаемую из его пользования землю» (прим. 3 к ст. 127).

Это изъятие излишков усадебных участков, используемых в качестве полевых угодий, совершается в общем порядке при скидках-накидках или при общих переделах, следовательно, вне землеустроительного порядка.[4]

Вторым исключением из общего правила о нераспространении переделов, общих или частичных, на усадебные земли является их перемещение или даже отрезка от них сверхнормных излишков в интере-

---

[1] Ст. 23 Инструкции о земельной регистрации от 27 июля 1923 г.

[2] Разъяснение НКЗема Тамб. губземуправлению № 200256 от 22 декабря 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 135).

[3] Опред. ОКВК от 22 ноября 1924 г. по д. № 1891—1924 г. («Сборник», № 16).

[4] Разъяснение ОКВК от 20 мая 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 33).

сах сельского благоустройства, распланирования сельских мест поселения. Но такая передвижка усадеб может совершаться, без согласия их пользователей, только в порядке землеустройства (ст. 126, ст. 166 п. «з»), следовательно, со всеми гарантиями, предоставленными землепользователю землеустроительным процессом (гл. XIII, § 5).[1]

г) Исключая из состава определяемых угодий усадебные земли, Кодекс признает за каждым двором право на наделение усадебным участком из усадебной оседлости общества (ст. 125). Таким образом, на ряду с правом на уравнительное наделение в переделяемых угодиях, в право членства двора входит и право на отвод усадебного участка в постоянное пользование. В осуществление этого права общество может расширять усадебную оседлость селения за счет других угодий для производства прирезок земли к маломерным усадьбам и отвода новых усадебных участков для дворов, образовавшихся, напр., в результате семейно-имущественного раздела (ст.ст. 128 и 83).

Несмотря на исключение из переделов усадебных участков и земель, занятых под строениями и трудоемкими культурами, все эти земли подчинены, однако, началу уравнительности. Но последняя осуществляется не путем их распределения, а посредством принятия в расчет площади этих земель и участков при определении отводимого их владельцам количества прочих угодий (ст. 118). По отношению к усадебным землям, на наделение которыми имеет право каждый двор, этот зачет одних угодий за другие производится таким образом, что предварительно определяется общим собранием, простым большинством голосов, усадебная норма, одинаковая для всех дворов, независимо от числа членов в каждом из них. Излишки и недостатки земли в усадебных участках дворов по сравнению с установленной нормой уравниваются в других угодиях, с принятием во внимание общего количества всей земли, включая и усадебную норму, причитающегося данному двору, а также качества земли (ст. 127). Так, за излишнюю десятину усадебной земли может быть вычтена десятина же лучшей пашни или $1^1/_2$-2 десятины и т. д. худшей земли, каковой зачет должен быть указан в приговоре о переделе.[2]

Однако, это уравнение возможно только в отношении приусадебных угодий и земель под ценными насаждениями, как земель сельскохозяйственного назначения. Входящее в усадьбу дворовое, по-

[1] Опред. ОКВК от 24 ноября 1925 г. по д. № 1865/2773 («СХЖ» 1926 г., № 11).
[2] Опред. ОКВК от 4 января 1925 г. № 4459/3542—1925 г. («Сборник», № 46).

строечное место не может быть по самому способу своего использования подвергнуто сравнительной оценке с полевыми землями. И это обстоятельство является дополнительным соображением в пользу необходимости изъятия из состава надела земельных обществ усадебной оседлости селения, как населенного пункта (см. гл. IX, § 6, 2).[1]

Зачет приусадебных угодий, как земель сельскохозяйственного назначения, в переделяемые полевые земли, несмотря на изъятие их в натуре от переделов, естественно, приводит к выводу, что при определении общего количества разверстываемых земель, при общих переделах и всякого рода разверстаниях земли, принимаются во внимание и приусадебные угодия, и следовательно, «количество земли на разверсточную единицу должно исчисляться из всего количества земли, имеющейся у общества, в том числе и усадебной».[2]

д) Борясь с возможным понижением переделами производительности сельского хозяйства, Кодекс защищает и тех пользователей, которые произвели на своих участках (полевых, не усадебных) коренное улучшение, в частности — искусственное орошение или осушение (ст. 119) или расчистку из-под леса, тальниковых зарослей или кочкарника (для Якутской АССР).[3] Участки, коренным образом улучшенные, должны, по общему правилу, сохраняться при переделах за прежними их пользователями. Но в отличие от усадебных земель и земель с ценными насаждениями, эти участки могут быть, при невозможности или нецелесообразности их оставления у прежних дворов, переданы другим лицам, которые обязаны в таком случае возместить прежним пользователям стоимость неиспользованных ими особых затрат (ст. 119). То же правило действует и при коренном улучшении луговых угодий (ст. 131).

е) Некоторая защита при переделах дана и участкам пахотной земли, подвергавшимся правильной обработке и удобрению. Они также предоставляются по возможности прежним их пользователям (прим. к ст. 119), но при передаче их в порядке передела другим хозяйствам, последние не обязаны возмещать прежним пользователям стоимость неиспользованных ими затрат на правильную обра-

---

[1] Постановление пленума ОКВК от 24 сентября 1926 г. (прот. № 11), обсуждая вопрос об отношении усадебных земель к переделяемым угодиям, относит первые к «землям сельскохозяйственного назначения» («СХЖ» 1927 г., № 1). Ясно, что в нем речь идет о приусадебных угодиях, а не о построечном месте.

[2] Постановление пленума ОКВК от 24 сентября 1926 г., прот. № 11 («СХЖ» 1927, № 1).

[3] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1925 г. (СУ 1925 г. № 66, ст. 527).

ботку и удобрение своих участков. Эти обработка и удобрение являются обычным улучшением земельного участка, вытекающим из той хозяйственной заботливости о нем, которая возложена на трудового землепользователя законом и за невыполнение которой он может быть временно лишен земли (ст. 61). Поэтому он не в праве требовать возмещения за такие затраты.

ж) С разрешением трудовой аренды, в особенности с удлинением ее срока до 12 и более лет (ст. 29), возможно столкновение права общества на передел всей закрепленной за ним земли с частным правом съемщика земли по договору аренды. Не может подлежать сомнению, что хотя для сдачи двором земли в аренду не требуется согласия общества, но общество не может быть стеснено в своем праве уравнительного распределения надела существующими в момент передела договорами на аренду. Право сдачи в трудовую аренду вытекает из права хозяйственного использования земли, предоставленного земельным обществом двору на определенный срок до нового передела. Следовательно, и договор трудовой аренды может быть заключен, во всяком случае, лишь на срок до нового общего или частичного передела: приговор о переделе представляет собою лишь обязательный для сдатчиков и съемщиков случай прекращения всех частных договоров на аренду участков подлежащих переделу угодий. Так, Зем. кодекс Якутской АССР содержит прямое постановление (прим. к ст. 30), согласно которого «договоры на аренду пахотной земли заключаются с таким условием, чтобы окончание срока аренды совпадало с моментом предстоящего передела». [1]

Взаимные отношения сторон при изменении переделом расположения или площади участка, относительно которого заключен арендный договор, определяются их соглашением, которое может продолжить действие арендного договора с изменением его условий. При недостижении соглашения спор может быть передан на решение волостной (районной) земельной комиссии. [2]

Из изложенного следует, что состав переделяемых угодий определяется посредством исключения из общественного надела угодий общего пользования, участков под ценными насаждениями и усадебных земель. Промежуточное положение занимают участки, на которых произведено коренное улучшение или которые подвергались правильной обработке

---

[1] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сент. 1925 г. об изменениях Зем. код. РСФСР для Якутской АССР (СУ 1925 г., № 66, ст. 527).

[2] Разъяснение НКЗ в Яросл. ГЗУ от 1 окт. 1925 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 60).

и удобрению. Таким образом, по общему правилу, переделяемыми угодиями являются пахотные земли (кроме предоставленных под общественную обработку) и луговые угодия.

5) Одним из самых существенных моментов землераспределительной деятельности общины является избрание ею основания для разверстки земли — *разверсточной единицы* — расчета, по которому земля распределяется между дворами. Выбор этого основания зависит всецело от усмотрения общества (ст. 95). В Зем. кодексе не содержится никаких ограничений для общества в выборе им разверсточной единицы при совершении общих переделов.[1] Однако, общество в праве избирать лишь такие разверсточные единицы, которые не уничтожают самой сущности передела, как действия, направленного на уравнение землепользований дворов, как *уравнительного* передела. Принятие, напр., в качестве разверсточной единицы *фактического землепользования* дворов противоречило бы самому понятию общинного порядка землепользования, которое характеризуется именно изменяемостью земельных долей дворов в целях уравнительного распределения земли между ними.[2] То же надлежит сказать и о распространенной до революции разверстке по «ревизским душам». Распределять в настоящее время землю по числу душ мужского пола, которые значились по ревизии 1858 г. и по которым крестьяне наделялись землей и облагались платежами в 1861 г., значило бы, во-первых, установить неизменность земельных долей дворов, а во-вторых, основывать распределение земли не на стремлении достигнуть уравнительности в землепользовании, исходя из данного состояния отдельных хозяйств, а на исторических правах дореволюционного наделения, потерявших всякую силу и значение. Таким образом, свобода выбора земельным обществом разверсточной единицы не должна нарушать основной цели общего передела — уравнения землепользования дворов.[3]

Надо, впрочем, заметить, что выбор обществом оснований для разверстки земли может быть ограничен и распоряжениями власти. Статья 95 Кодекса предоставляет право губисполкомам, по представлению губземуправлений и с утверждения Наркомзема, устанавливать разверсточные единицы по губернии или по отдельным ее районам применительно к местным условиям и системам хозяйства.

---

[1] Разъяснение НКЗ Екатеринбургскому губземуправлению № 185336 от 15 янв. 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 132).

[2] Опред. ОКВК от 21 авг. 1924 г. по д. № 1339 — 1924 г. («Сборник», № 5).

[3] Проф. Н. П. *Рудин*, «Основные начала Земельного кодекса», М., 1923 г., стр. 7.

а) Ст. 116 указывает примерно два рода разверсточных единиц: едоки и рабочие силы. Эти основания переделов являются типичными образцами двух главных систем разверсток — потребительных и производительных.

Производительные разверстки распространены были в тех обществах, где платежи и повинности, падавшие на надел, превышали его доходность, где поэтому в обществе возникала борьба не за наделение землей, а против наделения. Земля раскладывалась тогда между дворами соответственно их «мощи», их рабочему составу; при таком только условии можно было «осилить» надел. Такой же принцип распределения возникает в тех случаях, когда, вследствие тяжести обработки, необходимости удобрения и сравнительно низкой урожайности, надел может прокормить только при наличности достаточных рабочих сил.

Наоборот, когда доходность надела превышает обременяющие его повинности, когда он из разорителя становится кормильцем, производительная разверстка заменяется потребительной, разверсткой по едокам, по наличным душам. Мы видели (гл. II, § 5, 5), что временное распределение земель 1918 г., после свержения Октябрьской революцией власти буржуазно-помещичьего государства и крупного землевладения со всей их грабительской финансовой системой и голодными арендными ценами, отдало решительное предпочтение потребительному признаку. Точно так же и социалистическое землеустройство рассчитывало размер нормы наделения на наличную душу — едока, которую оно принимало за разверсточную единицу (ст. 45 Инструкции 11 марта 1919 г.). Наконец, Зем. кодекс, предоставляя определение разверсточной единицы свободному усмотрению общины, тем не менее сам считает самым справедливым способом распределения земли между смежными земельными обществами, при отсутствии или недостаточности доказательств их прав на землю, распределение ее соразмерно количеству едоков в них и земельному обеспечению (прим. к ст. 204).

Как производительная, так и потребительная разверстка дают ряд отклонений от своей типичной формы. Так, при производительной разверстке делается поправка на возраст, напр., на подростков с 10 лет — $^1/_2$ души, с 14 лет — душа, с 19 — $1^1/_2$ души (полный надел); с 55 лет скидывается полдуши, с 60 — 1 душа, а с 70 лет крестьянин совершенно освобождался от тягла. Такая же поправка встречается и в потребительной разверстке, из которой иногда исключаются малолетние дети, в виду меньшего объема их потребительских нужд, а иногда допускается дробная повозрастная разверстка, при которой младшие возрасты наделяются землей в меньшем размере по сравнению со старшими. Наконец,

мы встречались и с разверсткой поровну на каждый двор, именно — при установлении усадебной нормы (ст. 127).

б) Какую бы разверсточную единицу ни указало общество в своем приговоре о переделе, она должна быть применена одинаково ко всем дворам общества. Ни одно хозяйство в обществе не может быть поставлено в привилегированное положение при переделе в отношении размера получаемой им площади из расчета на принятую разверсточную единицу (ст. 117). Это правило в особенности относится к тем дворам, которые владели до революции купчей землей на ряду с надельной и продолжают пользоваться ею и по настоящее время: эта купчая земля должна быть также пущена в передел.[1] (Ср. гл. IX, § 4, 3).

в) Различные угодия могут распределяться по разным разверсточным единицам: так, усадебная оседлость распределяется поровну на каждый двор, в то время как пашня, напр., по едокам. Но на луговые угодия, которые обычно переделяются в общине ежегодно по своеобразным системам разверстки (напр., по числу голов скота), Зем. кодекс, вследствие острого кризиса лугового хозяйства, распространил действие правил о переделах пахотных угодий. Распределение луговых угодий должно производиться на тех же основаниях и по тем же разверсточным единицам, как и распределение пахотных земель, причем установление разных разверсточных единиц в одном и том же обществе для переделов пашни и лугов (напр., передел пашни по едокам, а лугов по числу голов скота) не допускается (ст. 130). Отсюда следует, что максимальный срок переделов, установленный для пахотных угодий, обязателен и при переделах лугов.

6) Распределение земли при переделах производится между дворами, которые имеют право на получение земли в таком размере, сколько приходится на каждый двор разверсточных единиц (напр., едоков). Приэтом общество должно исходить при распределении земли из состава двора, из количества числящихся у него членов. Состав членов общества, имеющих право на наделение, определяется составом членов дворов, образующих общество. Поэтому ст. 17, устанавливающая право членов земельного общества с общинным порядком землепользования на получение земли в обществе при переделе или из общественного запаса,[2] находится в полном соответствии со ст. 75, определяющей состав членов двора (см. гл. X, § 2).

---

[1] Опред. ОКВК № 1801 — 1922 г. («Еж. Сов. Юст.» 1923 г. № 10).

[2] См. разъяснение ст. 17 пленумом ОКВК от 20 мая 1927 г., прот. № 6 («СХЖ» 1927 г., № 22).

Отсюда следует, что из числа отсутствующих членов общества из распределения земли исключаются: а) члены дворов, ушедшие на нетрудовые занятия, а также проживающие при них и находящиеся на их иждивении малолетние, причем причитающаяся на них земля может быть снята с хозяйства и до передела, с момента установления того обстоятельства, что отсутствующие члены двора имеют на стороне нетрудовые занятия; б) члены дворов, отсутствующие из хозяйства вследствие ухода на трудовые заработки, но не помогавшие хозяйству ни трудом, ни средствами в течение двух севооборотных сроков, а при отсутствии правильного севооборота — в течение 6 лет, считая с момента отхода, причем в этом случае причитающаяся на долю ушедшего земля снимается с хозяйства только при ближайшем переделе общем или частичном, хотя бы этот передел имел место после истечения двух севооборотов. Напротив того, не могут быть исключены из числа лиц, имеющих право на участие в переделе, члены дворов, отсутствующие по уважительным причинам, именно: вследствие ухода на военную службу, призыва по мобилизации, выборов на советские или общественные должности, пребывания в учебных заведениях, как бы долго ни продолжалось отсутствие, связанное с этими обстоятельствами. Точно так же не может быть снята с хозяйства и должна быть предоставлена при переделе земля, причитающаяся на долю членов двора, отсутствующих из хозяйства вследствие ухода на трудовые заработки и более двух севооборотов, если только эти члены двора ежегодно во время отпусков принимали участие в работах хозяйства наравне с другими его членами или оказывали хозяйству постоянную помощь средствами соответственно своему заработку.

а) Особого упоминания заслуживает право на наделение членов дворов, безвестно отсутствующих. В связи с событиями последних лет — империалистической войной, революцией и гражданской войной — случаи безвестного отсутствия весьма часты. Безвестно отсутствующие члены дворов только тогда теряют право на наделение, когда они будут в особом порядке, указанном в прилож. к ст. 12 Гражд. кодекса, объявлены судом умершими. До этого объявления они сохраняют в составе двора, в котором они числятся, право на надел и не могут быть исключены из состава членов общества, имеющих право на землю при переделе.[1]

[1] Цирк. Наркомзема № 21 от 24 февраля 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 35).

б) Моментом, на который определяется состав членов земельного общества, имеющих право на наделение землей по приговору о переделе, является время постановления приговора. Позднейшие изменения в составе двора не могут изменить числа причитающихся двору разверсточных единиц. [1]

в) В общинной практике встречается выделение при переделе из состава полевых земель особых запасных участков на предмет наделения возвращающихся в хозяйство отсутствующих членов или вообще прибылых душ. Однако, как видно из текста ст. 116 и ст. 17, образование такого запасного фонда необязательно для общества. Поэтому члены дворов, на долю которых не было отведено при переделе земли, но которые сохранили право на наделение, должны при отсутствии запасных участков ждать нового передела для получения земли. Понесенные ими от такого неправильного лишения земли убытки они в праве взыскивать с земельного общества, причем суд при разрешении дела должен принять во внимание добросовестность или недобросовестность ответчиков и имущественное положение сторон. [2]

7) Мы указывали выше (§ 2, 1), что сущность общины заключается в уравнительных переделах, в систематическом приведении размера землепользования двора в соответствие с составом его членов. И поскольку система земледелия в общине основана на эксплуатации исключительно естественных свойств почвы, постольку частые переделы составляют неизбежное последствие ее уравнительного земельного аппарата. Но отсюда же следует, что, как только назревает экономическая необходимость в интенсификации сельского хозяйства, «во вкладывании накапливаемых крестьянами средств в обработку и удобрение земли, с целью повышения ее доходности», [3] постоянное «равнение» земли общиной между дворами, при индивидуальном ведении ими хозяйства, становится серьезным препятствием повышению производительности труда в сельском хозяйстве. Одним из средств борьбы с частыми переделами является установление минимального промежуточного срока между общими переделами.

Ст. 1211 повторила срок, установленный еще декретом от 30 апреля 1920 г. о переделах земли: «пахотные угодия могут быть переделяемы не ранее истечения того времени, какое потребно для трехкратного

---

[1] Опред. ОКВК от 16 сент. 1924 г. по д. № 1348 — 1924 г. («Сборник», № 7).

[2] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 7 марта 1927 г., прот. № 5 («Судебная практика» 1927 г., № 15).

[3] Цирк. НКЗ от 21 мая 1925 г. № 291/66 о недопущении частых переделов («СХЖ» 1925 г., № 20).

проведения принятого в обществе севооборота, а при отсутствии правильного севооборота — не ранее истечения 9 лет со времени последнего передела». Правило это, как видно из ст. 130, распространяется и на передел луговых угодий; лишь в исключительных случаях, по особым местным условиям, губернские или соответствующие им (краевые, областные) исполкомы имеют право установить особые сроки и условия для переделов луговых угодий (прим. к ст. 130).

В каждом приговоре об общем переделе должен быть непременно указан срок, на который производится передел и в течение которого землепользование двора должно остаться неизменным. Определение этого срока предоставлено усмотрению общества; он только не может быть менее 9 лет. Требуя установления в приговоре срока передела, закон имеет в виду недопущение нового передела до истечения этого срока, но он совершенно не обязывает общество совершить непременно передел по его истечении.

а) Какова санкция соблюдения земельными обществами указанного в ст. 121 срока? Вопрос этот имеет тем большее значение, что, как свидетельствует циркуляр Наркомзема от 21 мая 1925 г.,[1] «многие земельные общества не соблюдают установленных сроков для производства земельных переделов, допуская более частые переделы». Помимо обжалования заинтересованным двором незаконного приговора о переделе в волостную (районную) земельную комиссию, указанный циркуляр обязывает земельные органы, в особенности низовой советский аппарат в лице волисполкомов и сельсоветов, «принимать меры к восстановлению существовавшего до незаконного передела землепользования, с привлечением уполномоченных по земельным делам (прим. к ст. 50) к ответственности, как за должностное преступление».

б) Соответственно общей тенденции Зем. кодекса обеспечить развитие производительных сил сельского хозяйства, он допускает и досрочный передел, т. е. до истечения срока, указанного в приговоре, в тех случаях, когда этого требуют интересы повышения уровня земледельческой культуры. Поэтому досрочный передел угодий может быть допущен в случае перехода общества к улучшенным формам землепользования и хозяйства (от мелкополосицы к широким полосам, от трехполья к многопольному севообороту и т. п.), а также для распределения земли в случаях принудительного изъятия части угодий, выделов земли из общества либо проведения землеустройства (ст. 122).

---

[1] «СХЖ» 1925 г., № 20.

в) Ограничение действия уравнительного аппарата общины определенным сроком может иметь применение лишь в тех земельных обществах с общинным порядком землепользования, которые произвели после революции общий передел хотя бы однажды. Соответственно общим принципам советского законодательства, земельное право эпохи новой экономической политики может применяться лишь к революционной аграрной действительности, т. е. к той, которая покончила с земельным неравенством старого порядка (ср. гл. VII, § 2, 4). Поэтому в тех земельных обществах с общинным порядком землепользования, в которых за время с 7 ноября 1917 г. не было произведено общего передела или уравнительного распределения земли на одинаковых для всех членов общества основаниях и в которых сохранилась, вследствие этого, значительная неравномерность в землепользовании дворов по сравнению с имеющимися в их составе разверсточными единицами, общий или частичный уравнительный передел производится по требованию хотя бы меньшинства членов общества, но с разрешения, в каждом отдельном случае, губернских, областных или краевых исполкомов (прим. к ст. 116). Производству таких обязательных переделов должно предшествовать специальное обследование уездным (окружным) земельным управлением землепользования того общества, члены которого подали заявление о производстве уравнительного передела, на предмет установления обстоятельств, указанных в прим. 1 к ст. 116. Это обследование с заключениями уездного и губернского земельного управлений представляется в соответствующий исполком, который и разрешает вопрос о производстве обязательного передела.[1]

После производства общего или частичного передела в обязательном порядке, дальнейшие переделы могут производиться только на общих основаниях, т. е. только в случае согласия земельного общества, выраженного в приговоре его общего собрания, и с соблюдением срока, установленного для переделов.

8) В виду ряда изложенных нами выше ограничений в свободном усмотрении общины при производстве переделов, установленных Кодексом в интересах развития производительных сил сельского хозяйства, ст. 120 требует обязательной регистрации приговоров о переделе волисполкомом, как предварительного условия их исполнения. Волисполком обязан войти в рассмотрение приговора по существу как с точки зрения соблюдения установленных для переделов

[1] Цирк. НКЗ от 28 мая 1926 г. № 205/37 («СХЖ» 1926 г., № 23).

правил (напр., минимального срока для передела, распределения луговых угодий по другим разверсточным единицам, чем пахотных и т. п.), так и с точки зрения соблюдения общиною прав отдельных членов общества (напр., охраны хозяйств с трудоемкими и ценными культурами, обезземеления отдельных дворов и т. п.), поскольку эти нарушения видны из самого содержания приговора. Как видно из ст. 120, вопрос о целесообразности производства передела лежит вне компетенции волисполкома; его решает совершенно автономно общество. В случае отказа в регистрации приговора, исполком обязан указать допущенные в приговоре неправильности. Отказ волисполкома может быть обжалован обществом в уездную земельную комиссию в 14-дневный срок. Хотя такой порядок обжалования и не указан в Кодексе, но, соответственно общим правилам о взаимоотношениях между государством-собственником и трудовым землепользователем (гл. VIII, § 1, 5), его необходимо допустить. Приговор, зарегистрированный волисполкомом, может быть обжалован отдельным двором, считающим свои права нарушенными предстоящим переделом, в общем порядке рассмотрения земельных споров, т. е. путем предъявления иска к обществу в волостной земельной комиссии.

Для регистрации приговоров по каждой волости ведется особый «наряд приговоров о переделах земли», куда подшиваются копии зарегистрированных приговоров (ст. 142 Инструкции 27 июля 1923 г. по земельной регистрации). О времени регистрации делается отметка в реестре земельных обществ (гл. IX, § 3, 1, а).

9) Смысл установления минимального срока для переделов заключается в том, что в промежутки между переделами, которые во всяком случае должны быть не менее трех севооборотных сроков, хозяйству обеспечена возможность использования сделанных им затрат по повышению урожайности своих земельных участков. Отсюда следовало бы, что в передельный период, указанный в приговоре о переделе, отобрание части надела у двора, ведущего хозяйство, недопустимо, хотя бы число разверсточных единиц у него и сократилось. Однако Кодекс отступил от этой позиции. Он усвоил общинную практику скидок-накидки наделов, согласно которой и в промежутках между переделами допускается исправление тех отклонений от уравнительного землепользования, которые возникают в результате неизбежных изменений в личном составе дворов (вступление и выбытие новых членов). Прим. к ст. 93 поставило лишь эту практику в определенные границы, установив минимальный срок для скидок-накидок — не чаще, чем один

раз в течение севооборотного срока и притом не иначе, как перед началом севооборота.

По самому существу частичного передела, применяемые им скидки и накидки неразрывно связаны друг с другом. Поэтому накидка наделов может делаться только или за счет той земли, которая освобождается от скидки, или за счет запасного участка, если таковой имеется. При отсутствии в обществе дворов, на которые можно распространить скидку, т. е. таких, у которых уменьшилось число разверсточных единиц, принятых для них при последнем общем переделе, а также запасного участка, поравнение землепользования отдельных хозяйств возможно лишь путем нового общего передела. [1]

б) Правила, защищающие от общих переделов усадебные земли и участки, занятые строениями, трудоемкими и ценными культурами, а также коренным образом улучшенные земли (ст.ст. 118, 119, 126, 131 — см. выше, 4), распространяются и на частичные переделы, скидки-накидки, ибо последние являются лишь видом переделов вообще.

в) Скидка и накидка наделов может быть произведена, как и общий передел, лишь по приговору общества, постановленному при законном кворуме простым большинством голосов, причем в приговоре должны быть указаны дворы и лица, с которых снимаются или которым даются наделы, а также число разверсточных единиц скидки и накидки (ст. 123). В отличие от приговоров об общих переделах, приговоры о скидке и накидке наделов н е н у ж д а ю т с я для своего исполнения в предварительной р е г и с т р а ц и и, а следовательно, и в утверждении каких-либо земельных органов. Однако общества обязаны представить эти приговоры в регистрационные органы при волисполкоме для отметки в реестре земельных обществ (ст. 198, п. «г»; ст. 140 Инструкции по земельной регистрации).

Недовольные приговором члены общества могут обжаловать состоявшийся приговор в 14-дневный срок в порядке разрешения земельных споров, т. е. путем предъявления иска к обществу в волостной земельной комиссии. Предъявление иска останавливает приведение в исполнение приговора о скидке и накидке налогов впредь до разрешения дела (ст. 124). Однако, п р о п у с к с р о к а н а о б ж а л о в а н и е приговора о частичном переделе не погашает права на иск об отмене приговора, а лишь дает право земельному обществу привести в исполнение свое постановление. [2]

---

[1] Разъяснение НКЗ в Брянское губземуправление от 8 февраля 1924 г. № 161958 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 116).

[2] Опред. ОКВК от 10 февр. 1925 г. № 228 — 1925 г. («Сборник», № 26).

10) Мы изложили выше, как посредством общих и частных уравнительных переделов община наделяет землею своих членов. Но право членства в земельном обществе заключается, как мы указывали, не только в праве на уравнительное наделение, но и в праве на уравнительный выдел, в праве на выход из состава земельного общества с выделом выходящим части общественной земли (ст. ст. 134 — 136). Этот выдел совершается в порядке землеустройства и знаменует собою отчасти распад, отчасти реорганизацию исторически сложившейся поземельной общины с ее традиционным «равнением». Процесс и формы выдела земли будут нами изучены в главе о землеустройстве.

§ 3. Участково-чересполосный порядок землепользования.

Земельный кодекс относит к одному порядку землепользования, участковому, три формы землепользования: участково-чересполосную, отрубную и хуторскую. Они объединяются им по признаку неизменности размера земли, которою дворы пользуются в обществе (ст. 96). Но мы уже указывали (см. выше гл. IX, § 3, 2), что отрубное и хуторское землепользования являются единоличными хозяйствами, не входящими по своим главным угодиям в земельные общества, и потому рассматриваются Кодексом как самостоятельные трудовые землепользователи, находящиеся в непосредственных отношениях к государству в области своих земельных прав и обязанностей. Наоборот, участково-чересполосное землепользование есть землепользование в составе земельного общества; общество, а не единоличное хозяйство, является при нем тем трудовым землепользователем, за которым закрепляются земли на праве трудового пользования, который получает на них земельную запись и управляет ими, согласно ст.ст. 51 — 54, как это имеет место и при общинном порядке землепользования. Да и сам Кодекс объединяет во многих статьях общинное и участково-чересполосное землепользования по признаку их общественного характера (ст. ст. 86, 134). Мы поэтому полагаем, что правильнее было бы отнести участково-чересполосный порядок землепользования к той же категории, что и общинный порядок, т. е. к порядку использования земель земельными обществами, отделив от них обоих хуторской и отрубной порядки, как виды единоличного, индивидуального пользования землей.

1) Общество с участково-чересполосным землепользованием представляет собою общину, которая как бы в последний раз проявила свои уравнительно-передельные функции и затем замерла, прекратив навсегда всякие уравнительные переделы. То количество разверсточных

единиц, паев, которое имел каждый двор при последнем переделе, закрепляется за ним, и мы получаем так называемую долевую общину, в которой каждый двор имеет право на определенную и неизменную долю в земельном наделе общества. В отличие от дореволюционного подворного владения, преемником которого, собственно, и является участково-чересполосное землепользование, двор не простирает своих земельных прав на конкретные участки в полевой земле. Местоположение и границы этих участков могут быть изменяемы обществом по приговору большинства полноправных членов в целях уменьшения чересполосицы, перехода на широкие полосы, введения многопольного севооборота и т. п. (ст. 102). Общество, таким образом, в праве производить и при участково-чересполосном землепользовании переделы, но не количественные, а известные в литературе об общине так наз. качественные переделы, направленные на изменение не размеров участия дворов в общественном наделе, а местоположения полос, их количества.

2) Будучи долевой общиной, общество с участково-чересполосным землепользованием не исключает весьма сильной дробной внутренней чересполосицы. Как и при передельной общине, земля каждого двора представляется в виде более или менее значительного числа узких полос, разбросанных по всему наделу и перемешанных с узкими полосами других дворов (ремневое, шнуровое землепользование). Мы встречаем и здесь общий выпас скота по жнивью и в паровом поле, право прохода и переезда через чужие полосы, одинаковость системы полеводства, общий принудительный для всех хозяйств севооборот (см. выше, § 2, 2). Можно даже утверждать, что участково-чересполосное землепользование страдает большею внутриселенною чересполосицей, чем община, так как последняя во время периодических уравнительных переделов старается как-нибудь сократить ее наиболее уродливые формы.

3) На общества с участково-чересполосным землепользованием распространяются все правила о земельных обществах: об их составе, органах управления, земельных правах и обязанностях (ст.ст. 42 — 63; см. гл. IX). Земельно-распорядительная власть долевой общины ограничена лишь неизменностью доли двора в наделе общества. Поэтому к ней неприменимы правила об уравнительных (но не качественных) общих переделах или о скидке-накидке надела. Член двора, отсутствующий без уважительных причин и не помогающий хозяйству даже более 6 лет, не уменьшает этим земельной доли двора.[1]

---

[1] Цирк. НКЗ от 24 февраля 1923 г. № 21 («ЗК с разъясн. НКЗ», стр. 36).

И вообще, как бы ни уменьшался состав двора и какие бы изменения в нем ни происходили, но, если только он не оставляет своей земли без хозяйственного использования, общество не в праве уменьшить закрепленной за ним доли, его земельного пая. Всякое распределение, вернее, перемещение земель в обществе с участково-чересполосным землепользованием может совершаться лишь по количеству паев отдельных дворов, т. е. по размерам их фактического землепользования. Единственное исключение из этого общего правила представляет выдел земли из надела общества, которого мы коснемся в главе о землеустройстве (см. гл. XII, § 2, 4, б).

4) При участково-чересполосном землепользовании приобретает большое юридическое значение фиксация тех постоянных долей в наделе общества, на которые имеют право отдельные дворы, равно как установление самого факта существования в обществе такого порядка землепользования. Факт этот определяется по пользованию главными угодиями общества (ст. 100), соответственно общему правилу об установлении по этому признаку порядка землепользования в обществе. Доказательством могут служить акты поземельного устройства не только революции, но и дореволюционной эпохи (владенные записи — для бывших государственных крестьян, уставные грамоты и данные — для бывших помещичьих; [1] см. ст. 36 Инструкции по земельной регистрации 27 июля 1923 г.), а также приговоры самого общества (ст. 100). Что касается размера земельных долей дворов, то для исторически существующих земельных обществ он определяется по бесспорному фактическому трудовому пользованию, а в случае споров — земельными комиссиями, для вновь же образуемых — приговорами земельного общества (ст. 101). Порядок землепользования отмечается в реестре земельных обществ, который ведут волисполкомы, а размер земельной доли двора — в подворном списке, ведущемся сельсоветом.

§ 4. Хуторской и отрубной порядки землепользования.

Как передельная, так и долевая община, т. е. общества с общинным и участково-чересполосным порядками землепользования, являются общественными формами трудового землепользования. В них, следо-

[1] Так как участково-чересполосное землепользование Зем. кодекса представляет собою более правильно регулированное бывшее подворное владение дореволюционного крестьянского права, то оно чаще всего будет встречаться в бывших малороссийских и западных губерниях. Наоборот, община почти сплошь распространена в земельных обществах бывших Великороссии и Новороссии.

вательно, главные угодия находятся в совместном пользовании определенной совокупности дворов (ст. 43), имеющих на них общее право трудового землепользования. Хотя в этих обществах закрепленная за ними земля, по общему правилу, и отводится в натуре отдельным хозяйствам для индивидуального пользования, но этот отвод является осуществлением права членства этих хозяйств в обществе, которое остается хозяйственным распорядителем общественных земель, выступая перед государством как самостоятельный трудовой землепользователь, со всеми его земельными правомочиями и обязанностями.

Совершенно иначе строятся хуторской и отрубной порядки землепользования. Здесь трудовое земледельческое хозяйство (двор) пользуется главными угодиями (напр., пашней) вне земельной общности с другими дворами; для чего эти угодия и сведены к одному месту (ст. ст. 98 и 99). Отрубщик или хуторянин не входит поэтому по своим основным угодиям в состав земельного общества (ст. 10), являясь перед государством самостоятельным трудовым землепользователем — «обособленным хозяйством» (ст. 170 п. «в») — с непосредственною ответственностью перед земельными органами за выполнение социальных и хозяйственных условий права трудового землепользования.[1] Его участок регистрируется в реестре землепользований как отдельная земельная единица, на которую он получает и отдельную земельную запись.[2] В случае прекращения права трудового землепользования (ст. 18), земельный участок переходит в распоряжение государства, а не какого-либо земельного общества; государству же, в лице его земельных органов, принадлежит непосредственный контроль за надлежащим использованием отрубщиком или хуторянином закрепленной за ним земли (ст. ст. 60 и 61). Правила о дворе, конечно, распространяются на его хозяйство, но изменения в составе двора не влияют на размер его землепользования,[3] ибо участок в определенном неизменном размере закреплен за хозяйством, как таковым, а не за данным количеством его членов.[4]

---

[1] Так же решает и судебная практика: опред. ОКВК от 22 августа 1925 г. по д. № 2463 — 1925 г. и от 20 ноября 1925 г. по д. № 1136/3425 — 1925 г. («Сборник», №№ 41 и 44).

[2] Ст. 13 Инструкции по земельной регистрации от 27 июля 1923 г. и ст. 11 Инструкции о форме, порядке составления и выдачи земельных записей 2 июля 1923 г. («Земельный кодекс с разъяснениями НКЗ», прил. № 65 и стр. 312).

[3] Цирк. НКЗ от 24 февр. 1923 г. о правах на землю безвестно отсутствующих («Зем. кодекс с разъяснениями НКЗ», стр. 36).

[4] Со сказанным в тексте находятся в противоречии ст.ст. 90 и 96, относящие хуторской и отрубной порядки землепользования к виду порядков землепользо-

1) Юридическое единство хутора или отруба неразрывно связано с его хозяйственно-территориальным единством. Характерным и обязательным признаком последнего является сосредоточение в одном участке — обыкновенно, прямоугольной формы, приближающейся к квадрату — главных угодий хозяйства. Не будет отрубом хозяйство, пашня которого находится в нескольких севооборотных полях, хотя бы в каждом из них у него было по одной полосе. С другой стороны, вспомогательные угодия отруба или хутора (выгон, лес) могут находиться в совместном пользовании с другими хозяйствами, не влияя тем на самый характер порядка землепользования. Что касается усадьбы, дворового места, то по ее местонахождению при участковом землепользовании определяется различие хутора от отруба. Если дворовое место находится в общем поселении, в деревне, мы будем иметь отруб; наоборот, нахождение дворового места в составе сведенных к одному месту основных угодий характеризует хутор в отличие от отруба. Хуторское землепользование ликвидирует, таким образом, исторически сложившуюся деревенскую форму поселения, достигая наибольшего приближения полевых земель к центру хозяйства.

Обе формы участкового землепользования создают хозяйственную независимость дворов. Они возникают из борьбы с внутренней дробной чересполосицей земельных обществ. Уничтожая последнюю и сводя десятки разбросанных полос в один отруб, участковое землепользование освобождает хозяйство от общего выпаса скота, взаимных прав прохода и переезда через чужие полосы

вания в земельном обществе. Это противоречие имеет историческое объяснение. Ст. 10 проекта Зем. кодекса, внесенного в СНК РСФСР, гласила: «право на землю трудового пользования осуществляется отдельными землепользователями не иначе, как через объединение их в земельное общество». В соответствии с этим были составлены и ст.ст. 90 и 96. Однако, при рассмотрении проекта СНК РСФСР редакция ст. 10 была изменена в смысле допущения осуществления права на землю «отдельно, без вхождения в состав земельного общества», каковая редакция и была утверждена сессией ВЦИК и вошла в действующую статью 10. Но ст.ст. 90 и 96 остались в прежней редакции.

Наоборот, на Украине хуторские и отрубные хозяйства обязательно входят в состав земельного общества. В интересах борьбы с кулацким крестьянством, бывшим в 1922 г. еще достаточно мощным на Украине, ЗК Украины установил, что осуществление права трудового землепользования возможно лишь в составе земельного общества с подчинением установленному обществом порядку землепользования (ст. 10). Он поэтому только оговаривает для обособленного двора его право переходить к улучшенной системе хозяйства, не спрашивая согласия общества (прим. к ст. 10).

и принудительного севооборота. В этом хозяйственный смысл хуторского и отрубного землепользования.

2) Мы уже указывали (гл. IX, § 3, 2), что основным признаком земельного общества является не столько совместность пользования главными угодиями, сколько общность права на них. Поэтому отрубные и хуторские хозяйства могут образовать и земельное общество, но только путем добровольного, а следовательно, и единогласного соглашения о том всех обособленных хозяйств.[1] Такое соглашение не означает непременно уничтожения отдельного, отрубного пользования землей. Оно лишь знаменует собою возможность установления в порядке ст.ст. 53 и 54, т. е. путем надлежащего приговора земельного общества, другого порядка землепользования, чем отрубной или хуторской, напр., товарищеского. Как и всякое добровольное объединение дворов или лиц, земельное общество из хуторян или отрубщиков может возникнуть только на основании регистрации его в реестре земельных обществ (см. гл. IX, § 3, 1, б).

3) Участковое землепользование возникает, главным образом, в процессе распадения земельных обществ путем выдела из них отдельных хозяйств или общего разверстания на хутора или отруба. Процесс этот будет нами изучен при изложении землеустройства. Однако от «столыпинского» законодательства остались и по настоящее время, главным образом в северных и северо-западных губерниях, хутора и отруба (см. гл. II, § 5, 2, г). Кодекс узаконил эти фактически существующие отрубные хозяйства (см. гл. VI, § 2, 2, а). Отрубные участки, образовавшиеся в дореволюционное время путем разверстания земельного общества и с тех пор непрерывно находившиеся в фактическом трудовом пользовании отдельных дворов, не образуют общего поля какого-либо земельного общества и потому не могут без согласия их пользователей подлежать общему или частичному уравнительному переделу.

а) Отграничение существующих участковых хозяйств от надела земельных обществ представляет, впрочем, большие трудности, в виду общего отрицательного отношения революционного распределения земель к хуторам и отрубам и включению их в большинстве губерний в отвод земельного общества (см. гл. II, § 5, 2, г). Мы уже указывали, что пользование отрубным участком с сохранением права членства в земельном обществе влечет за собою включение отруба в общественный надел (гл. IX, § 2, 4), так как такое совмещение свидетельствует

---

[1] Опред. ОКВК от 22 авг. 1925 г. по д. № 2463—1925 г. («Сборник», № 41).

о непризнании земельной революцией обособленного от общества пользования отрубом, а следовательно, о невозможности его закрепления (ст. 141). «Если хуторянин или отрубщик, помимо отдельного участка, имеет в своем пользовании общественную землю, то он должен считаться членом земельного общества, и последнее поэтому, в силу ст. 10 ЗК, имеет право считать его отдельный участок принадлежащим к составу общественных угодий и включить его в состав переделяемых земель». [1]

б) Таким же образом должен быть разрешен случай совместного пользования группою отрубных хозяйств, имеющих обособленные участки, и другими полевыми землями, полученными ими во время революции. Так как единицей наделения как при временном распределении земель, так и при социалистическом землеустройстве было «селение», вообще сельскохозяйственное объединение, то дополнительное наделение землей селения, разверстанного дореволюционным землеустройством на хуторские и отрубные участки, доказывает образование из этих участков и дополнительной прирезки к ним единого надела восстановленного революцией земельного общества. Поэтому такие селения могут избрать любой порядок землепользования, в том числе и общинный, пустив в передел как отрубные участки, так и прирезанную революцией землю. [2]

4) По общему правилу хуторские и отрубные участки, как не входящие в состав надела земельного общества, переделам, отрезкам и передвижкам не подлежат. Их землепользователи обеспечены в неприкосновенности не только размера своего землепользования, как при участково-чересполосном порядке, но и местоположения и границ своих участков, кроме, конечно, случаев землеустройства (ст. 102). Если же на хуторских и отрубных участках ведется улучшенное хозяйство, то они подлежат особо квалифицированной защите даже при землеустройстве, которое может изменять их границы лишь «в случаях особой необходимости государственного значения» (ст. 102), т. е. когда такое изменение «вызывается особою необходимостью удовлетворения настоятельных потребностей со стороны государственных учреждений, или предприятий, или организаций публичноправового порядка, напр., профессиональных союзов рабочих и служащих, но не со стороны земельных обществ, являющихся по преимуществу частноправовыми хозяй-

[1] Опред. ОКВК от 20 ноября 1925 г. под № 1136/3425—1925 г. («Сборник», № 44).

[2] Разъяснение НКЗ Псковскому губземуправлению от 13 окт. 1923 г. № 196502 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 239).

ственными организациями».[1] К таким улучшенным хозяйствам относятся землепользования, которые по способам ведения хозяйства (напр., по применению многопольного севооборота, разведению высокопородистого скота) или по применению трудоемких, особо ценных культур (садовых растений, лекарственных трав и т. п.), отличаются в указанных отношениях от средних хозяйств данного района, и потому имеют показательное значение».[2]

§ 5. Товарищеский порядок землепользования.

1) В основании всех описанных нами выше порядков землепользования как земельными обществами, так и отрубами, вне земельного общества, — лежит единоличное, мелкое хозяйство крестьянской семьи, обрабатывающее участок земли в соответствии со своими рабочими силами, без применения, по общему правилу, наемного труда (трудовое земледельческое хозяйство, двор). В товарищеском порядке землепользования мы встречаемся с принципиально иным положением. Главные угодия находятся в совместной обработке членов товарищества без отвода участков отдельным членам для их единоличного пользования (ст. 103). Этим признаком коллективного производства на общественной земле, общей обработки земли, хозяйственно объединенной (ст. 109, п. «г») и характеризуется товарищеский порядок землепользования в отличие от других порядков. Если ст.ст. 105 и 106 говорят о «земельных долях, причитающихся каждому члену товарищества», то эти доли указываются не для распределения надела товарищества между его членами, ибо это находилось бы в решительном противоречии со ст. 103, а для определения размера членского пая в «распределении продуктов, получаемых с угодий общей обработки» (ст. 109, п. «д») или на случай раздела земли товарищества при его прекращении (ст. 111).

Коллективная организация сельскохозяйственного производства в земельном товариществе представляет ту форму организации сельскохозяйственного предприятия, которая в наивысшей степени способствует и развитию производительных сил сельского хозяйства, и укреплению в деревне социалистических начал преобразования современного общества. Покончив со всякой чересполосицей, объединив в одном отрубе значительных размеров свою земельную площадь, товарищество

---

[1] Опред. ОКВК от 20 ноября 1925 г. под № 1136/3425 — 1925 г. («Сборник», № 44).

[2] Там же.

соединяет все преимущества крупного предприятия, в особенности возможность машинизации сельскохозяйственных работ, с личною заинтересованностью работника в продукте своего труда. И в то же время оно достигает этих результатов не в противоречивых формах капиталистического хозяйства, основанного на эксплуатации наемного труда, а на началах экономического равенства, вытекающего из принадлежности товариществу всех средств производства и равного участия всех его членов в производственном процессе. Неудивительно поэтому, что Октябрьская революция, на знамени которой начертана борьба за достижение социалистического строя, с самых первых своих дней поставила в программу своей земельной политики содействие развитию сельскохозяйственных коллективных хозяйств — «колхозов».

Первый период коллективизации деревни (см. гл. III, § 1, 2) был отмечен бурным ростом сельскохозяйственных коллективов, которые с 1 579 колхозов в 1918 г. достигли 16 012 в 1921 г. Рост этот был вызван жестоким продовольственным кризисом, толкавшим неземледельческие слои населения к оседанию на землю, и громадными льготами, которые получали коллективы от государства. Они получали землю из государственного фонда, почти бесплатно — постройки и инвентарь бывших помещичьих имений, в первую очередь — семенные ссуды, прямую денежную помощь, лучшие угодия при выделении из общества. Наконец, играла роль активная организационная и идеологическая поддержка земельных органов, ставивших в основу своей политики содействие всем видам коллективизации в земледелии.

С наступлением новой экономической политики колхозы были предоставлены собственным силам. С одной стороны, был исчерпан фонд бывших помещичьих имений, с другой — «прежнее увлечение идеей коллективизации со стороны земельных органов сменилось в начале нэпа равнодушным, а местами прямо неприязненным отношением к коллективным хозяйствам».[1] Посыпались требования арендной платы за предоставленные колхозам бывшие помещичьи земли, постройки и инвентарь. Несмотря на это, после кратковременного кризиса, продолжавшегося до второй половины 1923 г. и уменьшившего число коллективов по всему Союзу до 14 039, начинается новый подъем коллективного движения, основанный на вовлечении в него земель трудового пользования и организации простейших форм артелей и товариществ по общественной обработке земли. Число коллективов неуклонно растет: 15 591

[1] К. Киндеев, Коллективные хозяйства, М., 1927 г., стр. 8; о том же свидетельствует цирк. НКЗ от 2 июня 1924 г. № 374/75 («СХЖ» 1924 г., № 24).

в 1923 г., 16 277 — в 1924 г. и 21 923 — в 1925 г.; число ликвидирующихся колхозов падает: в 1921 г. ликвидировались 70% всех коллективов РСФСР, в 1924 г. — 21,4%, в 1925 г. — уже только 14,4%; земельная площадь (по СССР) с 2 100 151 дес. в 1921 г. возросла до 3 073 262 дес. в 1925 г., имея в среднем 154 дес. на один коллектив. [1] Эти цифры неоспоримо свидетельствуют о жизненности движения к коллективизации земледелия, о соответствии его определенным экономическим условиям нашей действительности.

2) Рост и укрепление сельскохозяйственных коллективов в годы общего подъема хозяйственной жизни страны вместе с тем значением, которое колхозы имеют в деле социалистического переустройства сельского хозяйства и организации деревенской бедноты, вызвали решительный поворот земельной политики в направлении усиления организованной помощи коллективному движению со стороны государства. 16 марта 1927 г. издается союзный закон о коллективных хозяйствах, [2] имеющий громадное значение для их производственного укрепления и развития. Закон этот проведен в жизнь на территории РСФСР постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 22 августа 1927 г. [3]

Констатировав, что «рост диференциации крестьянства, невозможность поглощения всего избыточного населения деревни промышленностью, наличие в деревне значительных слоев маломощного крестьянства, не имеющего возможности в индивидуальном порядке поднять свое хозяйство, стремление этих слоев деревни хозяйственно укрепиться и освободить себя от эксплуатации деревни, — что все это толкает наиболее активные слои маломощного крестьянства, в особенности деревенскую бедноту, на путь коллективизации своего хозяйства»; что «на ряду с этим развитие машинизации, в частности, тракторизации земледелия создает, в связи с невозможностью рационального использования сложных и дорого стоящих сельскохозяйственных машин в индивидуальном порядке, новый важнейший источник развития коллективного земледелия. . . в простейших формах машинных товариществ и товариществ по общественной обработке земли», — закон 16 марта 1927 г. принял ряд мероприятий, направленных к усилению капиталов сельскохозяйственных коллективов и превращению их в высокоорганизованные сельскохозяйственные технические предприятия.

---

[1] К. Киндеев, Коллективные хозяйства, М. 1927 г.
[2] СЗ 1927 г. № 15, ст. 161.
[3] СУ 1927 г. № 92, ст. 605.

а) Прежде всего были урегулированы отношения между государством и колхозами по передаче последним в 1918 — 1921 гг. бывших помещичьих имений и вообще государственного имущества. Все земли, предоставленные колхозам в аренду или находящиеся у них в неоформленном пользовании ко дню издания закона, передаются им в трудовое пользование. Соответственно с этим, заключенные на эти земли арендные договоры аннулируются, накопившаяся недоимка по арендной плате слагается.

Переданное колхозам государственное имущество (постройки, инвентарь и т. п.) переходит в их собственность[1] в качестве их неделимого капитала; стоимость же этого имущества зачисляется в основной капитал коллективного хозяйства в качестве бессрочной и беспроцентной ссуды, подлежащей погашению деньгами или натурой только при ликвидации колхоза. Для обеспечения интересов государства и целесообразного использования передаваемого имущества, коллективные хозяйства обязаны в процессе хозяйственной эксплуатации этого имущества не уменьшать его ценности, не сдавать его в аренду, а отчуждение и залог строений производить лишь с разрешения губернских или соответствующих им исполкомов. Как и при передаче земель, аннулируются все договоры на указанное имущество и слагается накопившаяся недоимка.

б) На таком же основании, как и строения бывших помещичьих имений, передаются сельскохозяйственным коллективам все находящиеся на их территории промышленные и подсобные предприятия (свеклосахарные, винокуренные, лесопильные, черепичные и т. п. заводы), хотя бы они находились в ведении государственных предприятий или местных исполкомов. Передача наиболее крупных из этих предприятий производится на условиях, устанавливаемых ЭКОСО РСФСР. Если же хозяйственно связанные с колхозами предприятия находятся на смежной с ними территории, то они передаются коллективам на условиях льготной аренды.

в) Упрочив основные капиталы сельскохозяйственных коллективов, закон 16 марта 1927 г. усилил их оборотные средства путем организации кредита. Он образовал особый фонд долгосрочного кредитования колхозов как за счет государственного бюджета, так и за счет специальных кредитов Центрального сельскохозяйственного банка, обязав его выделить для этой цели не менее 2 миллионов рублей. Про-

[1] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 22 августа 1927 г. (СУ 1927 г., № 92, ст. 605).

водя все кредитование коллективных хозяйств через систему сельскохозяйственного кредита, закон обязал эту систему увеличить их кредитование (в 1926/1927 г., примерно, на 3 миллиона руб.), в особенности при распределении кредитов на борьбу с засухой, на восстановление хозяйства центральных черноземных губерний и на другие специальные мероприятия.

г) Закон 16 марта 1927 г. предоставил коллективным хозяйствам ряд налоговых и иных льгот: землеустройство колхозов производится в первую очередь и за счет государственных средств, отпущенных на проведение землеустроительных работ; отпуск леса производится на льготных условиях, которыми пользуется беднейшее сельское трудовое население, т. е. со скидкою с «особых» цен (ниже довоенных при приравнении рубля особой цены довоенному рублю — прим. к ст. 21 Лесн. код.) в размере до 75%; сложные сельскохозяйственные машины (тракторы и пр.) отпускаются колхозам в первую очередь; единый сельскохозяйственный налог исчисляется с колхозов, исходя из среднего по уезду (району) дохода на едока по единоличным крестьянским хозяйствам со скидкою с исчисленного таким образом дохода в размере 25%, хотя бы действительный доход коллективного хозяйства был выше указанного среднего дохода; наконец, эксплуатируемые колхозами промышленные предприятия облагаются налогами наравне с предприятиями первичных кооперативов.

3) Земельные товарищества являются одновременно и земельными обществами (прим. 2 к ст. 42) и сельскохозяйственными кооперативами, входящими в общую систему сельскохозяйственной кооперации [1] в качестве производительных товариществ. Они являются земельными обществами по своим правам на землю, отличаясь, однако, от участково-чересполосных и передельных обществ тем, что вся их внутренняя организация определяется их кооперативною природою. Так, они возникают на основании добровольного соглашения физических лиц (минимум 15) согласно устава, регистрируемого и в волисполкоме — по реестру земельных обществ, и в местном земельном управлении — по реестру сельскохозяйственных кооперативов. Все статьи ЗК о первоначальном составе земельных обществ, их органах управления, условиях приема членов, распределении земель, не относятся к сельскохозяйственным коллективам, на которые в этих вопросах распространяется коопера-

[1] Ст. 10 Постановления ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г.

тивное право. Зем. кодекс нормирует только условия выхода из товарищества (ст.ст. 110 и 111), поскольку дело идет о распаде земельной общности коллектива, довольствуясь в остальном перечислением тех вопросов, которые должны найти свое разрешение в уставе. Таковы: а) условия приема в земельное товарищество новых членов и выхода из него наличных участников, б) порядок приобретения и использования инвентаря, в) степень общности труда, средств производства и другого имущества членов товарищества, г) порядок общей обработки земли и правила участия членов товарищества в хозяйственных работах, д) общие правила распределения продуктов, получаемых с угодий общей обработки, е) способ образования общих средств (капиталов), ж) порядок прекращения товарищества и другие, не противоречащие закону условия и правила, какие члены товарищества признают необходимым установить (ст. 109).

4) Земельный кодекс знает три вида земельного товарищества: а) сельскохозяйственную коммуну, б) артель и в) товарищество с общественной обработкой земли (ст. 90). Эти формы сельскохозяйственных коллективов были установлены еще Положением о социалистическом землеустройстве от 14 февраля 1919 г., в эпоху непосредственной коллективизации сельского хозяйства (см. гл. III, § 1). Они различались между собою по степени обобществления земли и инвентаря членов общества и формам распределения дохода коллектива между своими членами.

а) В настоящее время вопросы эти различно решаются в разного рода коллективных хозяйствах, завися от усмотрения членов товарищества и представляя собою большое разнообразие типов. По нормальным уставам в коммуне мы имеем полное обобществление всего сельскохозяйственного имущества (земли, построек, живого и мертвого инвентаря), так что каждый вступающий в коммуну обязан передать коммуне принадлежащее ему имущество, имеющее сельскохозяйственное назначение. Что касается распределения дохода, то в коммуне по общему правилу или действует принцип: «работать по способности и получать по потребности», или просто делят по едокам.

б) Наоборот, устав артели требует от вступающего лишь «обязательного артельного взноса», который может быть внесен и имуществом и который возвращается члену артели при выходе из артели или исключении из нее. Распределение результатов труда артели производится по трудовым паям, по «трудо-дням». Однако, существует много промежуточных форм между этими двумя основными типами,

встречающихся как в коммунах, так и в артелях.[1] Отметим лишь, что закон 16 марта 1927 г. подверг сомнению уравнительный принцип распределения дохода, господствующий в коммунах, и признал очередной задачей «углубление наметившегося перехода к новым формам вознаграждения за труд на началах, стимулирующих личную заинтересованность членов в развитии коллективного хозяйства (правильный учет труда и соответствующая его оплата)».

в) Зем. кодекс проводит различие между коммуною и артелью по признаку размера земельных долей, которые имеют в товариществе его члены. В коммуне доли эти оставляются без определения в виду более или менее полной коллективизации в ней как производства, так и потребления. В артели или товариществе с общественной обработкой земли доли их членов в хозяйственных угодиях могут быть установлены или в постоянном размере, или на началах последующего уравнительного перераспределения (ст. 106). Как мы уже указывали, определение земельных долей в артели имеет своею целью или определение членского пая в распределении продуктов, получаемых с угодий общей обработки, или устанавливается на случай раздела земли товарищества при его прекращении (ст. 111), но оно не может означать распределения земли в натуре между членами, как это имеет место в участковых или передельных земельных обществах, ибо совместная обработка всех угодий артели, без отвода участков отдельным членам для их единоличного пользования (ст. 103), составляет сущность всякого сельскохозяйственного коллектива.

5) Из всех элементов правовой организации земельного товарищества Кодекс регулирует лишь выход из его состава. В отличие от права на уравнительный выдел земли в натуре в земельных обществах, член земельного товарищества не имеет права требовать при выходе выдела ему земли, хотя бы даже в том размере, в каком он ее внес в товарищество, разве все члены товарищества согласятся на такой выдел.[2] Он имеет лишь обязательственное требование к товариществу о выплате ему возмещения за вложенный труд, поскольку он не был оплачен при ежегодном распределении дохода коллектива, а также за оставляемую товариществу долю в остальном общем имуществе — постройках, инвентаре, запасах, предстоящем урожае и пр. (ст. 110). Не имея права на выдел земли, выходящий не может

---

[1] См. цитированную работу К. Киндеева, Коллективные хозяйства.

[2] Так же разъяснение НКЗ в Уральское облземуправление от 18 декабря 1925 г. № 373/750 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 123).

требовать и возмещения ему ее стоимости, как это он имеет право требовать по отношению к остальному общему имуществу товарищества, так как земля в нашем аграрном строе не имеет меновой ценности. Требованию выходящего товарищество может противопоставить претензию о возмещении ему убытков, проистекающих от выхода, напр., от удорожания сбора урожая, если член товарищества выходит непосредственно перед летними работами. Все связанные с выходом споры разрешаются земельными комиссиями.

Выход из товарищества с землей возможен лишь при прекращении товарищества — вследствие ли его ликвидации или перехода к другому порядку землепользования, общинному или участковому (ст. 111). Земельные доли членов товарищества в товарищеских угодиях определяются в этом случае согласно устава товарищества, а при отсутствии в нем указаний — на основании постановления ликвидационного общего собрания членов товарищества.

Это отрицание Кодексом института выдела из земельного товарищества даже того земельного пая, который член товарищества внес в него, объясняется специальною охраною государством коллективных хозяйств. Нельзя также не принять во внимание того обстоятельства, что выдел из товарищеского поля, составляющего единое хозяйственное целое, отдельных участков выходящим членам разрушил бы в корне принятую систему полеводства и всю организацию коллективного хозяйства. Однако, нужно признать, что решение, данное ЗК в данном вопросе, совершенно неудовлетворительно, ибо, грозя обезземелением каждому неужившемуся в коллективе члену, оно задерживает развитие коллективного земледелия и несправедливо. По приводимым, напр., К. Киндеевым[1] данным Уральской РКИ, «из трех обследованных ею коммун было выброшено на произвол судьбы 504 человека, всего же по области (Уральской) их насчитывается вместе с артелями 452 хозяйства, и таким образом можно представить, какое колоссальное количество крестьянских хозяйств оставлено без земли».

б) Особое место среди форм товарищеского порядка землепользования занимает общественная обработка земли.

а) Она может носить раньше всего характер общественной запашки, т. е. временного выделения земельным обществом части своего надела или даже всей площади своих земель для общественной обработки с какою-либо специальною целью, напр., для получения улучшенных семян. В этом случае мы имеем форму проявления

[1] Цит. сочинение, стр. 61.

земельно-распорядительной власти земельного общества, которое в праве постановлением общего собрания, принятым простым большинством голосов, изменить на время предназначение своих угодий (ст. 112). Так как здесь нет установления товарищеского порядка землепользования, то не требуется и составления какого-либо устава (ст. 107). Приговор о переходе к общественной обработке земли с указанием условий и порядка ее производства должен быть зарегистрирован в сельсовете в порядке регистрации приговоров о переделах и отмечен в реестре земельных обществ (см. выше § 2, 8).

б) Иначе должен быть разрешен случай, когда земельное общество устанавливает на своих землях новый, товарищеский порядок землепользования. Приговор о таком переходе требует квалифицированного кворума и большинства, а несогласное с таким переходом меньшинство в праве потребовать выдела причитающихся ему земель к одному месту (ст. 91).

в) В обратном случае, когда меньшинство членов общества желает перейти к общественной обработке земли при несогласии на то большинства, оно также в праве требовать выделения ему из надела общества соответствующего участка к одному месту по правилам о выделах (ст. 114). Кодекс не указывает численности этого меньшинства, но по соображениям, указанным нами при толковании ст. 91 (см. выше § 1, 3), и учитывая покровительство закона установлению товарищеского порядка землепользования, необходимо притти к заключению, что это меньшинство не должно непременно включать $^1/_5$ состоящих в обществе дворов или не менее 50 дворов, если общество имеет свыше 250 хозяйств (ст. 136). Оно лишь должно состоять не менее, чем из 15 взрослых трудовых земледельцев, как минимума, установленного Кодексом (прим. 2 к ст. 42) для возникновения земельного товарищества. [1]

г) Ст. 115 Кодекса предполагает случай общественной обработки земли, входящей в надел общества с общинным порядком землепользования, не всем обществом, как это возможно при общественной запашке, а лишь некоторыми его дворами, не вышедшими притом из состава общества, как это имеет место при выделе. Здесь, повидимому, мы встречаемся с временной совместной обработкой земли несколькими хозяйствами с согласия общества или без его согласия, но на смежных полосах, не затрагивающих полос других хозяйств. Такую частичную общественную обработку Кодекс защищает от рас-

[1] Опред. ОКВК от 13 апреля 1925 г. по д. № 506 — 1925 г. («Сборник», № 24).

пределительной деятельности общины, как это имеет место с участками, занятыми трудоемкими и ценными насаждениями (огороды, сады, виноградники). Земли, состоящие в такой обработке, сохраняются за соответствующими землепользователями при переделах, а также не подлежат уменьшению, хотя бы они и превышали количество земли, приходящейся на их долю по разверсточным единицам (ст. 115). Само собой разумеется, что площадь полевых угодий, находящихся в совместной обработке, должна быть, как и в случае ст. 118, принята в расчет при определении отводимого во время передела отдельным дворам количества прочих земель.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО.

Литература: Н. И. Козлов, Землеустройство, Лнгр., 1925; П. М. Орлов, Землеустройство, Лнгр., 1925; Н. П. Огановский, Проблема землеустройства в связи с развитием производительных сил (сб. «Земельное дело», М. 1923); Б. Д. Бруцкус, Аграрный вопрос и аграрная политика, Птгр. 1922; П. Н. Першин, Землеустройство и агрономия (сб. «Земельное дело», М. 1923); П. Лященко, Проблема землеустройства в условиях новой экономической политики («На аграрном фронте», 1925 г., № 1); П. Н. Першин, Социально-экономическая теория землеустройства («На аграрном фронте», 1925 г., №№ 5-6, 7-8); К. Киндеев, Вопросы землеустройства, М. 1925; А. Лисицын, Землеустройство («Энциклопедия права и государства»); Ф. Г. Некрасов, Введение в землеустройство, Одесса, 1925; Ф. Г. Некрасов, Основы землеустройства, Одесса, 1925; А. А. Ржаницын, Междуселенное землеустройство, 2-е изд., М. 1927; А. А. Ржаницын, Внутриселенное землеустройство, М. 1927 г.; О. Хауке, Отвод земли городам (сб. «Земельное дело», М. 1923); А. Лисицын, Городские земли («Энциклопедия права и государства»); М. М. Шульгин, Земельная регистрация на Западе и в СССР, М. 1927 г.

§ 1. Понятие о землеустройстве.

Мы видели (гл. II), что Октябрьская революция, уничтожив экономическое и политическое владычество в деревне помещичьего землевладения с его голодными арендными и высокими продажными ценами на землю, создала основную предпосылку для подъема производительных сил крестьянского хозяйства. Расширив землепользование безземельных и абсолютно малоземельных групп путем безвозмездной передачи им как частновладельческих, так и сверхнормных купчих, а иногда и надельных крестьянских земель, революция изъяла землю из частного оборота, освободив трудовое земледельческое хозяйство от эксплуатации земельных банков и торговцев землею. Но освобожденные революцией от дворянско-буржуазного гнета 15-16 миллионов мелких крестьянских хозяйств обрабатывали свои наделы примитивными орудиями, по системе средневекового трехполья, в земельных обществах с их уравнительными переделами, громадной внутренней дробной чересполоси-

цей, с принудительным севооборотом и подавлением хозяйственной инициативы (см. гл. XI, § 2, 2). Проблема интенсификации крестьянского хозяйства, разрешения которой настоятельно требовал все обострявшийся кризис сельского хозяйства, выражавшийся в угрожающем падении урожайности полей, уперлась, таким образом, в неразрывно связанные друг с другом традиционное трехполье и устарелую земельную организацию передельной и долевой общины. Сельскохозяйственное предприятие, поля которого состоят из 47 участков, размером каждый в 0,14 десятины,[1] разбросанных на значительном пространстве вперемежку с такими же небольшими участками других хозяйств, — такое предприятие не может сделать шагу вперед, пока оно не организует свою сельскохозяйственную территорию, свою земельную площадь.

1) Основные недостатки исторически сложившейся организации территории крестьянского хозяйства сводятся к внутриселенной дробной чересполосице, дальноземелью и значительной междуселенной чересполосице.

а) Происхождение дробной чересполосицы, ее связь с примитивным земледелием, основанным на эксплуатации исключительно естественных свойств почвы, ее последствия — были нами указаны в главе об общинном и участково-чересполосном порядках землепользования (гл. XI, § 2, 2). Размеры этой чересполосицы, устраненные до сих пор лишь в самой незначительной степени, по данным 1913 г. громадны. Процент хозяйств, имеющих свыше 20 до 100 и даже свыше 100 полос, составляет на северо-западе страны 85,8%, на севере — 99,2%, в центре — 48,8%.[2] Наоборот, Поволжье, Юго-восток и Юг, где 92,8% всех дворов хозяйствуют на сравнительно незначительном количестве участков — от 4 до 20, — страдают от необычайного дальноземелья.

б) По подсчетам агрономов, расстояние поля от усадьбы, превышающее 3 версты, так удорожает для крестьянского хозяйства транспортные расходы, что делает вывозку на поле удобрения убыточной.[3] Так, в Орловской губ. удобрение земли приостанавливается на участках, лежащих далее 3-х верст от усадьбы.[4] Между тем, по данным обследова-

---

[1] Деревня Мотыли, Тверской губ., Вышневолоцкого у., в 1923 г.

[2] Проф. П. Н. Першин, Участковое землепользование в России, М., 1922, стр. 14.

[3] Проф. Н. И. Козлов, Землеустройство, 1923 г., стр. 16.

[4] Проф. П. Н. Першин, Участковое землепользование в России, М., 1922 г., стр. 30.

ния НК РКИ, в Поволжьи и Юго-востоке 88,1% всех крестьянских хозяйств имело дальноземелье свыше 3 верст (из них 33% — свыше 10 верст), а в черноземном районе — таких дальноземельных хозяйств 46%. Иную картину представляет Северо-запад, где 96% всех хозяйств имеют полосы на расстоянии не далее 3 верст от усадьбы.[1]

Дальноземелье связано с многодворностью земельных обществ, 75,5% которых насчитывают в черноземной полосе более 100 дворов (из них 8,3% — более 1 000 дворов).[2] Отсюда — необходимость расселения больших сел, разверстания их на небольшие поселки.

Неразрывно связана с дальноземельем и внутренняя многополосица, вынуждающая при обработке земли совершать длинные и частые переезды с полосы на полосу. Чтобы вывезти, напр., навоз на 1 десятину, состоящую из 10 полос, нужно затратить 2,6 трудовых дня; при количестве полос от 10 до 20 — эта затрата труда доходит до 4,7 дня, а свыше 20 полос — уже 5,2 дня.[3]

в) Наконец, Северо-восток европейской части СССР имеет сильно развитую межселенную чересполосицу, остаток залежной системы полеводства и связанной с ней волостной общины, когда целый ряд селений, занимающих значительную территорию, сообща владеет рядом угодий, а если и владеет угодиями раздельно, то в крайне запутанной чересполосице. Здесь распространены так называемые однопланные селения, раздел которых составляет также очередную задачу землеустройства. Значительная межселенная чересполосица была создана реформою 1861 г., когда единицей поземельного устройства принималось не отдельное селение, как таковое, а совокупность деревень, принадлежавших одному помещику.

2) Указанные недостатки расположения сельскохозяйственной территории крестьянского хозяйства, слагавшиеся веками в процессе расселения и наделения, выдвигают следующую землеустроительно-техническую формулу, эти недостатки устраняющую: максимальная концентрация земельной площади (уничтожающая чересполосицу) с максимальным приближением к усадьбе, как к хозяйственному центру (уничтожающим дальноземелье). Мы увидим ниже, что это положение нуждается в серьезных поправках, вносимых размером земельной площади устраиваемого хозяйства, составом его хозяйственных угодий,

---

[1] К. Кинделев, Вопросы землеустройства, М., 1925 г., стр. 15.
[2] Там же, стр. 14.
[3] Проф. П. М. Орлов, Землеустройство, М., 1924 г., стр. 72.

возможностью его интенсификации, условиями водоснабжения, наличностью свободных капиталов и рядом других агрономо-экономических моментов. Тем не менее теоретическая правильность этого положения общепризнана.[1] Отсюда следует, что с точки зрения правовой землеустройство предполагает на время его совершения правовую унификацию всех устраиваемых земель, забвение частных прав на определенные, конкретные участки, которые лишаются своей правовой оболочки и сливаются в одну земельную массу, единый земельный фонд, распределяемый между участниками землеустройства соответственно их количественным правам на землю и требованиям хозяйственно-технической целесообразности (ст. 165). Вот почему наш аграрный строй, не знающий частной собственности на землю, а в отношении закрепленных земель не знающий и бессрочных прав трудового пользования определенными участками ни в передельной, ни даже в долевой общине, является наиболее благоприятным для быстрого и успешного завершения землеустроительной реформы.

Западная Европа также знает и внутреннюю дробную чересполосицу, и дальноземелье. Чересполосицу создает не только общинное землепользование. Земледельческое население всякой исторической страны, веками эксплуатировавшее при занятии сельским хозяйством только естественные свойства почвы, вынуждено было приспособлять свое производство к расположению территории, изыскивая свободные от болот, лесов и других неудобств земельные участки, дробя их вместе с процессом своего размножения и создавая тем самым и чересполосицу и дальноземелье. Но борьба с этими недостатками сельскохозяйственной территории растянулась на Западе более чем на столетие и не закончена во многих местностях и до сих пор. И одной из причин этого, несомненно, является частная собственность на землю. Это признает даже такой ее защитник, как проф. Б. Д. Бруцкус: «Землеустройство требует, хотя и единовременно, ограничения свободного распоряжения землей; в связи с этим в некоторых странах, как Франция, Бельгия, Голландия, где институт частной собственности на землю укрепился особенно прочно, землеустроительный закон не мог быть проведен... Там возможен только добровольный обмен участков. Разумеется, такой обмен не может удовлетворительно решить землеустроительной проблемы».[2]

[1] Проф. П. Першин, Землеустройство и агрономия, М., 1923 г., стр. 10; также сб. «Земельное дело», стр. 96; опр. ОКВК от 16 апреля 1926 г. по д. № 2744 — 1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 28).

[2] Проф. Б. Д. Бруцкус, Аграрный вопрос и аграрная политика, Петроград, 1922 г., стр. 7 и 156.

3) Государственная собственность на землю и осуществление ее советским государством в целях социалистического строительства в деревне расширили понятие землеустройства в сравнении с тем, как его знают буржуазные страны. Советское землеустройство является прежде всего государственным мероприятием, а не судебно-земельным процессом, возникшим по постановлению квалифицированного большинства или даже по единогласному решению участников землеустройства, как это мы встречаем на Западе. «Производимые земельными органами землеустроительные работы не могут быть признаны действиями, направленными в интересах отдельных частных лиц, а являются чрезвычайной важности мероприятием, осуществляющим широкие государственные задачи земельной политики».[1] Этот государственный характер землеустройства проявляется в производстве его исключительно органами государственной власти, в праве земельных органов начать землеустройство по собственной инициативе, в предоставлении права возбуждения землеустройства меньшинству участников землеустройства, в принудительном порядке образования дачи разверстания, в прямом воздействии государственной власти на самое направление землеустроительных работ и их результаты и т. д. Мы познакомимся ниже с отдельными чертами землеустройства, как обязательного государственного мероприятия.

Непосредственное строительство хозяйственной жизни страны в направлении к социализму вызвало расширение задач советского землеустройства за узкие пределы разрешения только землеустроительно-технической проблемы. Реорганизуя территорию сельскохозяйственного предприятия (крестьянского хозяйства, земельного общества или товарищества), советское землеустройство ставит себе вместе с тем целью реорганизовать само сельскохозяйственное производство. Задача заключается не только в том, чтобы уничтожить недостатки расположения земельной площади, чтобы по возможности сконцентрировать эту площадь в одном участке, приблизив его к усадьбе землепользователя, но и в том, чтобы одновременно с тем выработать план перехода к улучшенному ведению хозяйства, указав пути перехода от средневекового трехполья к травосеянию и многополью. На ряду с землеустроительным проектом должен быть составляем «агрономический проект переустройства хозяйства,

[1] Разъяснение НКЗ в управление земледелия Марийской области от 29 октября 1923 г. № 197173 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 289).

который по рассмотрении и одобрении его населением должен проходить все ступени рассмотрения землеустроительного дела, как его составная часть». [1] Так, за революцией в поземельных отношениях, совершенной Октябрем, следует производственная революция в самом строе крестьянского хозяйства.

Однако, землеустройство не ограничивается разрешением землемерно-технической и агрономо-экономической задач. Основные цели советского государства обязывают землеустроительные органы стремиться к установлению по возможности товарищеской формы землепользования, к такой группировке землеустраивающихся хозяйств, которая создавала бы благоприятные условия для кооперирования сельскохозяйственного производства и его машинизации. [2]

Таким образом мы можем определить советское землеустройство как совокупность государственных мероприятий, направленных на рациональную организацию сельскохозяйственной территории, сопровождаемую техническим переустройством сельскохозяйственного производства в формах, наиболее благоприятных для обобществления сельского хозяйства.

4) Государственная собственность на землю и признаваемая Кодексом презумция сельскохозяйственного назначения земель (см. гл. VI, § 1, 2) приводят к расширению советского землеустройства за пределы собственно сельскохозяйственной территории. Как видно из ст. 166, в порядке землеустройства производится всякого рода отвод земель как из состава государственных земельных имуществ, так и путем изъятия от землепользователей. Землеустройство же охватывает и подготовку территории для предстоящих отводов, именно образование земельных фондов специального назначения (переселенческого, концессионного), а также отграничение лесного государственного фонда от земельного. [3]

---

[1] Ст. 3 декрета СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. о мерах по улучшению землеустройства (СУ 1925 г. № 72, ст. 572).

[2] Ст. 2 указанного декрета.

[3] Положение о порядке отграничения государственного лесного фонда РСФСР от 13 февраля 1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 8); опред. ОКВК от 19 июля 1926 г. по д. № 3401 — 1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 40).

§ 2. Основные принципы землеустройства.

1) По общему правилу, землеустройство носит добровольный характер в том смысле, что землеустроительные действия производятся лишь по ходатайствам о том заинтересованных сторон (ст. 168). Но в виду того, что эти действия совершаются исключительно органами государственной власти, органами землеустройства уездных (районных) и губернских землеуправлений (ст. 167), и что они по необходимости затрагивают землепользования хозяйств, о землеустройстве и не просивших, удовлетворение ходатайства о землеустройстве не обязательно для землеустроительных учреждений. Они в праве отказать в производстве землеустройства не только тогда, когда стороны ходатайствуют о производстве землеустроительных действий, противоречащих требованиям закона, но и в том случае, если эти действия будут ими признаны по хозяйственно-производственным соображениям нецелесообразными (ст. 182). Это право земельных органов дает возможность государству регулировать землеустройство в желательном ему направлении.

В связи с этим стоит право землеустроительных учреждений начинать землеустройство и по собственному почину, придавая ему обязательный характер для населения. Такими случаями могут быть: 1) образование и изменение состава фондов специального назначения и 2) признание землеустроительными учреждениями необходимости немедленно устранить в том или ином районе недостатки землепользования, особо вредные по их влиянию на хозяйство или обостряющие поземельные отношения (ст. 168). Так, губернская земельная комиссия, установив по делу наличие недостатков в землепользовании нескольких земельных обществ, обостряющих их поземельные отношения и вызывающих необходимость в их немедленном устранении, имеет право вынести решение о производстве землеустроительных действий и передать дело для исполнения в уездное земуправление.[1]

В особом положении находится обязательное и сплошное землеустройство восточных и северо-кавказских республик и автономных областей, которое, как мы указывали (гл. VII, § 2, 4), не является собственно землеустройством в указанном нами выше смысле организации сельскохозяйственной территории уже существующих землепользований, а представляет собою распространение принципов аграрной революции на сложившиеся еще при старом порядке позе-

---

[1] Опред. ОКВК от 24 августа 1925 г. по д. № 1620—1925 г. («Сборник», № 35).

мельные отношения, т. е. направлено на создание новых, признаваемых советским государством, трудовых землепользований. Это производимое за государственный счет сплошное землеустройство имеет, как мы видели, свои особые исходные точки зрения.

2) Уничтожение чересполосицы, как внутриселенной, так и междуселенной, и дальноземелья невозможно в отношении данного хозяйства без одновременного включения в землеустроительный процесс земель других хозяйств, связанных с землями этого хозяйства. В обществах с общинным и участково-чересполосным порядками землепользования нельзя устроить в земельном отношении один двор, собрав все его полосы к одному месту, в один или несколько отрубных участков, не затронув вместе с тем полос всех остальных дворов общества. То же относится и к междуселенной чересполосице в отношении отдельных селений. Таким образом, землеустройство, возбужденное одним хозяйством, затрагивает землепользования многих других, с ним связанных в земельном отношении хозяйств. Так получается землеустроительная единица — д а ч а р а з в е р с т а н и я, включающая все земли, связанные с той, которую требуется устроить, и устраиваемые одновременно и совместно с последней (ст. 171).

Это включение носит п р и н у д и т е л ь н ы й характер. Если по просьбе данного хозяйства или данной группы хозяйств районный землеустроитель или уездное земуправление признали реорганизацию их в землеустроительном отношении целесообразной, то землеустроитель-землемер в праве включить в дачу разверстания, не спрашивая их на то согласия, все те смежные с просителями хозяйства, без перемещения угодий которых нельзя разрешить землеустроительной задачи в отношении к возбудившим землеустройство.[1] Но тем самым в к л ю ч е н н ы е в дачу хозяйства становятся такими же участниками землеустройства, как и в о з б у д и в ш и е его, и должны быть реорганизованы на таких же началах рационализации земельной площади и самого полеводства. В этом институте дачи разверстания, быть может, наиболее рельефно проявляется общегосударственный характер землеустройства.[2]

3) При всем своем значении обязательного государственного мероприятия землеустройство, однако, нуждается для своего вмешательства в сложившийся строй земельных отношений в возбудителе, исхо-

---

[1] Опред. ОКВК от 16 апреля 1925 г. по д. № 1021—1925 г. («Сборник», № 27).

[2] Проф. Н. Р у д и н, Основные начала Зем. кодекса РСФСР, М., 1923, стр. 11 — 12).

дящем от населения. Это право возбуждения землеустроительного дела, право вызвать для данного района, для данного земельного общества землеустроительные действия имеет особое значение для внутриселенного землеустройства, в виду множества вовлекаемых им хозяйств. Государство, считая уничтожение чересполосицы, дальноземелья и других недостатков землепользования назревшей задачей сельского хозяйства, зашедшего в тупик постоянных неурожаев и недородов, ждет, однако, от населения, в виду коренного преобразования крестьянского хозяйства, совершаемого землеустройством, доказательств того, что эта задача сознается им необходимой, что землеустройство не явится бюрократическим насаждением сверху чуждых населению форм хозяйства. Но для свидетельства об этом достаточно — при государственной собственности на землю и постоянной практике уравнительных и качественных переделов — и сознания инициативного меньшинства, ибо остальное большинство придет к убеждению общеполезности землеустроительного дела в течение самого землеустроительного процесса.

а) Для земельных обществ, т. е. для подавляющей массы трудовых землепользователей, Кодекс дает право возбуждения землеустройства меньшинству в 50 хозяйств (дворов), а если в обществе менее 250 дворов, то $^1/_5$ их числа (ст. 136). Правда, ст. 136 говорит лишь о праве этого меньшинства потребовать выхода из общества с землею к одному месту, но ясно, что, при общей связанности всех полос состоящих в обществе дворов, выдел земли меньшинству означает проведение землеустройства на всем наделе общества, который всегда является готовой дачей разверстания вследствие господствующей на нем дробной чересполосицы. Мы видели, что при переходе части членов общества к общественной обработке земли право возбуждения землеустройства признается за 15 членами общества (ст. 114, см. гл. XI, § 5, 6).

б) Указанное меньшинство необходимо для начатия внутриселенного землеустройства при несогласии на него всего общества. Точно так же не требуется согласия общества для землеустройства при общих переделах, когда происходит в обществах с общинным порядком землепользования передвижка всех полос, и вообще при разверстании земель в обществе, по каким бы причинам такое разверстание ни возникало. В это время любое число дворов и даже отдельные дворы имеют право требовать выдела земли к одним местам, т. е. возбудить землеустройство (ст. 135). Понятно, что уже значительное меньшинство выделяющихся во время передела хозяйств вызывает общее землеустройство всех дворов общества. По той же причине не требуется

согласия общества и при выделе любого числа дворов на пустопорожние и естественно обособленные участки в любое время, если только таким выделом не вызывается общий передел в обществе (ст. 136).

в) При последовательном осуществлении права инициативного меньшинства на возбуждение внутриселенного землеустройства большинство земельного общества могло бы быть в течение нескольких лет под ряд подвергаемо всем потрясениям землепользования, связанным с землеустройством, если бы за выделом одного меньшинства следовало другое, а затем и третье. Чтобы избежать такого положения, ст. 139 устанавливает срок, в течение которого законное меньшинство не может воспользоваться своим правом на выдел; срок этот равен максимальному предельному сроку (ст. 121) со времени последнего выдела, если последний был связан с общей передвижкой полос, а не происходил, напр., на естественно обособленные участки.

4) Мы видели, что землеустройство имеет своею целью устроить в земельном отношении хозяйство, т. е. рационально организовать его земельную площадь в связи с устанавливаемою системою полеводства. Тем самым землеустройство исходит, как из данного, из уже существующих прав на землю каждого хозяйства, каждого участника землеустройства, точнее говоря, из того количества земли, на которое устраиваемые хозяйства имеют право по закону (ст. 169), но не из прав на конкретные земельные участки, непризнание которых составляет предпосылку землеустроительного процесса (см. выше, § 1, 2).

а) Особого упоминания заслуживает определение прав на землю дворов при землеустройстве в земельных обществах. Когда участниками землеустройства являются землепользователи, владеющие землею на праве непосредственного пользования, — будь-то земельное общество, как таковое, или обособленное трудовое хозяйство, или государственное учреждение и предприятие, пользующееся землей специального назначения, — их права на землю удостоверяются особыми актами: земельными записями — в отношении закрепленных земель трудового пользования (ст. 170 п. «б»), актами об отводе — в отношении других самостоятельных землепользователей (ст. 170 п. «д»). Если этими документами землепользователи еще не располагают, то существуют постановления земельных или иных органов, на основании которых эти документы могут быть выданы и которые поэтому могут быть положены в основание суждения о правах на землю.

Но права на землю дворов в земельном обществе, как мы неоднократно указывали, суть права членства в обществе и поэтому они никакими актами за ними не закреплены. Они зависят от установленного порядка землепользования и от постановления общих собраний, принятых на основании этого порядка. Они, поэтому, могут быть определены на случай ликвидации общества его уставом, если дело идет о земельном товариществе, и законом — по отношению к фактически существующим земельным обществам. Земельный кодекс установил, что права на землю дворов в земельных обществах определяются в случае землеустройства по моменту приступа к землеустройству особым приговором схода об основании разверстки земли (разверсточной единице), причем таким основанием могут быть лишь три вида разверсточных единиц: 1) по едокам, 2) по рабочим силам и 3) смешанная (ст. 137).

Таким образом, всякому землеустроительному действию в земельном обществе непосредственно предшествует приговор общества как бы об общем переделе, в котором указывается как род разверсточной единицы, так и число приходящихся на каждый двор этих единиц (ст. 137, ст. 170 п. «в»). Это справедливое постановление Кодекса, исходящее из принципа равенства всех членов в обществе, отвергло «столыпинское» предоставление преимуществ при выделе фактическим землепользователям (см. гл. I, § 7, 1).

б) Но Кодекс идет еще дальше в защите малоземельных дворов при землеустройстве. Изложенный выше принцип определения прав на землю по моменту землеустройства он применяет не только к обществам с общинным порядком землепользования, но и к обществам с участковым порядком. Мы видели, что в последних обществах каждый двор имеет право на неизменную долю в наделе общества, определяемую главным образом по фактическому землепользованию, что совершающиеся в них качественные переделы этих долей не уменьшают и не увеличивают, как бы ни изменялся состав двора (гл. XI, § 3, 1). Но при землеустройстве, когда дело идет большею частью о распадении земельного общества, когда двор получает участок, в размеры которого более не сможет быть внесена поправка земельным обществом на увеличение состава семьи путем хотя бы перехода от участково-чересполосного к общинному порядку землепользования, справедливо уравнять и в долевой общине хозяйства перед землеустройством. В действительности, правила о выделах земли, следовательно и ст. 137, распространяются одинаково и на передельную, и на долевую общину (ст. 134). Ст. 170, определяя

количество земель, отводимых участникам землеустройства, распространяет в п. «в» на все земельные общества правило об определении этого количества по числу разверсточных единиц, приходящихся на долю участников землеустройства, а не по их фактическому землепользованию или определенным долям. Поэтому «фактическое землепользование не может быть принято за основание определения количества земли, приходящегося на долю участников внутриселенного землеустройства, и не может быть применяемо в качестве разверсточной единицы».[1]

5) Землеустройство не может ни увеличить ни уменьшить объема прав на землю устраиваемых хозяйств; каждый участник землеустройства должен выйти из землеустроительного процесса с правами на землю, равноценными тем, которые он имел при вступлении в процесс. Мы видели, что передельная община, приступая к общему переделу, разрешала аналогичную задачу путем отвода каждому двору полосы земли — шириною по числу причитающихся ему разверсточных единиц — в каждом разнокачественном угодии, в каждом коне (см. гл. XI, § 2, 2). Но землеустройство имеет целью уничтожить возникающую из этой уравнительной практики дробную чересполосицу путем максимальной концентрации земельной площади хозяйства. Чтобы достигнуть этой цели и соблюсти в то же время равноценность прав на землю у участников землеустройства до приступа к нему и после его завершения, землеустройство пользуется методом замены и зачета земель и угодий как одинакового, так и различного рода и качества, устанавливая предварительно их сравнительную расценку (ст. 169). Уравнение разнокачественности почвы и различной отдаленности земель от усадьбы, как хозяйственного центра, достигается главным образом увеличением или уменьшением отводимых при землеустройстве участков, так что худшее качество земли уравновешивается увеличением ее количества и наоборот.

а) При оценке земель приобретает огромное значение та неразрывная связь землеустройства с агрономией, которую советское землеустройство считает одним из основных принципов землеустройства (см. выше, § 1, 3). Можно сказать, что лишь оставление трехполья с введением, по крайней мере, травосеяния делает в некоторых случаях сравнительную оценку земель, а следовательно и само землеустройство, возможным. Ибо получивший худшую землю даже

[1] Опред. ОКВК от 21 августа 1924 г. по д. № 1339—1924 г. («Сборник», № 5).

в большем количестве не сумеет ее использовать, раз сельское хозяйство основано на эксплуатации лишь естественных свойств почвы. Поясним это примером, приводимым известным московским агрономом А. Зубрилиным. «Вред от узкополосицы сознает каждый хозяин; но так как в прежнее время плодородие отдельных полос обусловливалось исключительно навозным удобрением, которым каждый отдельный хозяин, в зависимости от наличия скота, располагал в разном количестве, то более состоятельные крестьяне оберегали свои полосы, как зеницу ока. Но вот на полях появился клевер и, благодаря своей особенности обогащать землю воздушным азотом, значительно выровнял почвенное плодородие на всех полосах. Опытным учреждениям нечерноземного района общеизвестен факт изумительного влияния даже небольших доз навоза после клеверищ на поднятие урожаев последующих хлебов: если при трехпольи, с утоптанным пастьбой, а потом распыленным поздней обработкой паром, 40 возов навоза дают урожай в 30-40 пудов с десятины, то после клевера та же норма удобрения поднимает урожай до 50-70 пудов и даже более... Крестьяне очень скоро учли такое «поравнение» плодородия земли, и стремление многих хозяев сохранить свои полосы, как бы узки они ни были, во что бы то ни стало, при травосеянии отпало, и во многих случаях прежние «супротивники» передела явились его сторонниками, при обязательном условии введения широкополосицы». [1]

Таким образом соединенный с землеустройством переход к улучшенным системам полеводства, повышая урожайность худших земель, входящих в дачу разверстания, дает возможность образовывать и из этих земель отрубные участки для участников землеустройства, не рискуя ослаблением их хозяйственной мощи.

б) Оценка земель на землеустройстве разделяется на бонитировку и таксацию. Первая заключается в разделении устраиваемых земель на разряды на основании целого ряда общих и местных данных — качества почвы, урожайности различных участков дачи разверстания, топографии местности, возможности использования данного участка при существующей системе полеводства и улучшенной, вводимой при землеустройстве, и других условий места и времени. «Опыт учит, что специалисты-агрономы или почвоведы одни справиться с этой задачей полностью не могут: к оценке земли должны обязательно привлекаться местные люди из среды опытных, сознательных и добросовест-

[1] А. Зубрилин, Многополье, революция и нэп в Яропольской вол., М., 1924 г., стр. 27.

ных землепользователей».[1] Таким образом, землемер-землеустроитель должен разделить всю дачу разверстания на разряды по качеству ее отдельных участков (первый, второй, третий и т. д.), следуя в этом вопросе больше всего указаниям самих участников землеустройства, хорошо знающих свои земли, и лишь корректируя вместе с агрономом даваемые ими сведения.

Таксация заключается в сравнительной оценке установленных бонитировкой разрядов; например, гектар второго разряда равен $^3/_4$ гектара первого разряда, а гектар третьего разряда — $^1/_2$ гектара первого, или, принимая условную оценку гектара первого разряда в 100 руб., соответственно понижать условные оценки гектара остальных разрядов (85 руб., 75 руб. и т. д.). Как и бонитировка, таксация определяется целым рядом местных условий, так как соотношение разрядов зависит не только от объективных свойств почвы участков и их местоположения, но и от субъективных данных мощности хозяйств землепользователей, их способности перейти к той или иной системе полеводства на том или другом участке и т. п. Поэтому расценка производится самими участниками землеустройства под руководством землеустроителя, с привлечением в случае надобности сторонних добросовестных из местных сведущих людей.[2]

в) Уравнение разнокачественных угодий имеет предел, за которым замена одних угодий другими не может иметь места. По общему правилу, обмен и зачет происходит только в угодиях одного и того же рода, например, пашня может заменяться только другой пахотной землей, луг — лугом. В особенности недопустима замена угодий, бывших в пользовании, землями, еще не разработанными, например пашни — лесной вырубкой или неудобной землей. Однако, в крайних случаях такая замена возможна и без согласия на то землепользователей, если иначе нельзя провести правильное землеустройство (ст. 169). В этих случаях должна оказать громадную помощь агрономо-экономическая сторона землеустройства, долженствующая указать пути к созданию жизнеспособного хозяйства и на лесной вырубке или даже неудобной земле (например, посредством мелиорации).

г) Участки, пользующиеся особой защитой при общих переделах, т. е. усадебные земли (ст. 126), участки, занятые под хозяйственными и иными строениями, огородами, садами, виноградниками и

---

[1] Проф. П. М. Орлов, Землеустройство, М. 1924 г., стр. 48; ст. 25 хозяйственно-технических правил землеустройства от 21 декабря 1922 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 259).

[2] Хозяйственно-технические правила землеустройства от 21 декабря 1922 г.

другими особенно ценными насаждениями (ст. 118), участки, на которых проведено коренное улучшение (ст. 119), а также улучшенные хуторские и отрубные участки (ст. 102), хотя и включаются в дачу разверстания для определения общего количества разверстываемых земель, а следовательно и количества земли, приходящегося на одну разверсточную единицу, но могут, по общему правилу, подлежать обмену лишь при согласии на то их землепользователей.[1] Однако, в крайних случаях, когда землеустройство не может быть совершено путем примежевания к этим участкам тех земель, которые причитаются их землепользователям, допускаются отрезки от них и их передвижки (ст. 126, ч. 2), но с тем, чтобы были соблюдены требования ст. 119, т. е. чтобы были возмещены неиспользованные затраты на разработку участков и приведение их в более культурный вид, а также расходы по перемещению построек в случае передвижки усадебных участков, земельным обществом или отдельными дворами, в интересах которых эта передвижка совершается (ст. 131 и ст. 191, п. «е»).[2]

Замена количественного уравнения угодий денежным возмещением, конечно, невозможна — в силу изъятия земли из частного оборота, как это имеет место и при семейно-имущественных разделах (ст. 76).

д) Таким образом, перед землеустроительной задачей — рационально организовать не только сельскохозяйственную территорию участников землеустройства, но и самое их хозяйство, — отступают, в случае необходимости, все частные права пользования на различного рода участки, обыкновенно наиболее защищаемые от всякого рода отрезок и передвижек. В дачу разверстания не только в смысле учета земли, но и для ее перемещения, в крайнем случае могут быть включены и усадебные земли, и участки, занятые ценными насаждениями, и хуторские, и отрубные участки. Единственным угодием, не могущим быть включенным в дачу разверстания, являются леса, в частности леса местного значения, которые «не могут подвергаться землеустройству в порядке положений Земельного кодекса, за исключением лишь случаев их отграничения от земель сельскохозяйственного значения».[3] Это правило отвечает общему положению лесов в нашем земельном праве, выделившем их из состава земельного фонда в особый лесной

---

[1] Хоз.-технические правила землеустройства, ст. 32, п. «е».

[2] Разъяснение НКЗ Псковскому губземуправлению № 196502 от 13 октября 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 239).

[3] Опред. ОКВК от 19 июля 1926 г. по д. № 3401 — 1926 г. («СХЖ» 1926 г., № 40).

фонд, правовое положение которого регулируется и особым Лесным кодексом.

Однако, с передачей лесов местного значения в бессрочное и бесплатное пользование земельным обществам, в качестве их общественных угодий, хотя и под условием сохранения этими лесами их специального лесного назначения (см. гл. XV, § 3), землеустройство может встретиться, главным образом при междуселенном землеустройстве, почти с непреодолимыми затруднениями, раз оно не может поднять вопроса о передвижке лесов и ни в коем случае не может их включить в дачу разверстания. Ибо могут оказаться случаи, когда лес местного значения в результате землеустройства окажется вкрапленным среди земель сельскохозяйственного назначения, делая невозможным хозяйственное использование последних. Нам казалось бы, что в таких крайних случаях землеустройством может быть поставлен вопрос об о б м е н е л е с о в, если в смежности имеются леса государственного значения и обмен на них леса местного значения разрешает землеустроительную задачу, т. е. и смежные леса могут быть включены в дачу разверстания, но под условием з а м е н ы л е с а л е с о м, с сохранением за этими угодиями их специального характера.

6) Разбивка дачи разверстания на разряды и их сравнительная оценка дают возможность определить у с л о в н у ю с т о и м о с т ь всей разверстываемой земли (в рублях или в гектарах первого разряда), а посредством деления этой стоимости на общее число разверсточных единиц или иных долей участников землеустройства можно определить, какую условную стоимость земли нужно нарезать каждому участнику землеустройства.[1] При нарезке в натуре отдельных участков необходимо придавать им по возможности прямоугольную форму, приближающуюся к квадратной, обеспечить каждый участок годной для питья

[1] П р и м е р. Дача разверстания состоит из 445 гектаров пашни, 75 гектаров луга, 45 гектаров выгона и 55 гектаров под усадебными участками. Пахотная земля делится на три разряда (115 *га*, 150 *га* и 180 *га*); если гектар первого разряда оценить в 100 руб., то гектар второго должен быть оценен в 75 руб., а гектар третьего — в 50 руб. Луг оказался двух разрядов: первый разряд, площадью в 45 *га*, одинаков по ценности с пашней 2-го разряда, а луг второго разряда, в количестве 30 *га*, равноценен пашне 3-го разряда. Выгонная земля признана в пять раз хуже пашни первого разряда, а усадебная — в два раза ценнее. Дача разверстания представляет собою надел земельного общества, состоящего из 647 едоков и 135 дворов. Землеустроительная задача — разверстать всю дачу на отруба между дворами. Ценность всей земли у общества составит 48 525 руб., что на одного едока дает 75 руб. Зная ценность каждого разряда земли, число едоков в каждом дворе и то, что на каждого едока следует нарезать земли на 75 руб., не трудно произвести самую нарезку участков.

водой, удобными путями сообщения, стоком для воды в случае избытка влаги, снабдить необходимыми угодиями, — словом, создать землепользование, приспособленное к развитию производительных сил образованного на нем хозяйства. Правильная нарезка и размещение землепользований, образующихся в результате землеустройства, составляют предмет особой науки о технике землеустройства, которая лежит вне нашего рассмотрения. Мы здесь остановимся на принципах распределения между участниками землеустройства уже нарезанных участков, соответствующих числу разверсточных единиц каждого двора.

Как бы широко ни применялись во время землеустройства замена однородных участков, зачет большего количества земли низшей категории соответственно меньшим количеством земли высшей категории и даже замена одних угодий другими, но каждое устраиваемое хозяйство должно выйти из землеустроительного процесса с правами на землю, равноценными тем, которые оно имело при вступлении в процесс. Однако достичь полной равноценности возможно лишь в редких случаях. Земли так разнородны и по качеству, и по топографии, и по своему расстоянию от усадьбы, что их сравнительная расценка производится только приблизительно. Получившиеся при окончании землеустройства земельные участки в действительности значительно разнятся между собой, в особенности в отношении расстояния от селения, от усадьбы, по обеспеченности необходимыми угодиями, водой, дорогами, по трудности их обработки.

Два приема выработала «житейская» практика для распределения образованных после землеустройства «равноценных» участков. Во-первых — метание жребия. Во-вторых — торги: «участники землеустройства, домогаясь в порядке соревнования получения желательных для них участков, делают скидки с причитающихся на их долю количеств разверсточных единиц. Эти скидки увеличивают размер тех участков, на которые предъявляется наименьший спрос со стороны соревнователей на торгах». [1] И так как крепкие дворы в состоянии обработать и менее удобные участки, то в результате торгов они получают участки в значительно большем размере, чем им следовало бы по разверсточным единицам.

Дедовскому приему метания жребия и капиталистическому началу торгов советское землеустройство противопоставило классовый принцип, который вместе с тем совпадает с общими началами пра-

[1] Опред. ОКВК от 29 ноября 1924 г. по д. № 1858—1924 г. («Сборник», № 20).

вильного землеустройства, направленного к повышению производительных сил крестьянского хозяйства. Декрет СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. обязал местные земельные органы «при проведении землеустройства неуклонно соблюдать интересы маломощного крестьянского хозяйства, в частности, отводить маломощным хозяйствам земли, по качеству и местоположению соответствующие их мощности и облегчающие создание жизнеспособных хозяйств в размере, определяемом их правами на землю, с соблюдением необходимых хозяйственно-технических условий землепользования других слоев деревни». [1]

Соответственно с этим, судебная практика установила правило: «выделы из общественных земель должны производиться не только с соблюдением хозяйственно-технических правил землеустройства, но и с принятием во внимание мощности хозяйств. Поэтому места выдела должны намечаться с таким расчетом, чтобы при прочих равных условиях земли, более удобные и ближе расположенные к селениям, а также более легкие для обработки и лучше обеспеченные необходимыми угодиями, водой и дорогами, отводились преимущественно менее обеспеченным слоям деревни». [2]

Этот учет при землеустройстве мощности хозяйств, это признание преимущественного права на лучшие участки за беднейшими дворами не означают ли отступления от основного принципа землеустроительного процесса о неизменности прав на землю во время землеустройства? Не нарушаются ли этим ст.ст. 165 и 169 Земельного кодекса, согласно которым ни один участник землеустройства не должен выйти из него с большими (по оценке) правами на землю, чем он их имел при начале землеустройства?

Мы думаем, что на эти вопросы следует дать отрицательный ответ; что в данном случае, как и во многих других, классовая линия совпадает с интересами развития производительных сил. Во-первых, преимущественное право менее обеспеченных хозяйств на более удобные и ближе расположенные к усадьбам земли предоставляется этим хозяйствам «при прочих равных условиях», т. е. не нарушая оценки устраиваемой земельной площади, сохраняя равенство условной стоимости земли, приходящейся на разверсточную единицу, для всех участников землеустройства. Мощность дворов должна быть принята во внимание землеустроителем для устранения неизбежного и неустранимого нера-

---

[1] СУ 1925 г. № 72, ст. 572.

[2] Опред. ОКВК от 4 ноября 1924 г. по д. № 1797—1924 г. («Сборник», № 14).

венства уже расцененных земельных участков, того неравенства, которое разрешалось «метанием жребия» или торгами. Дело идет здесь, главным образом, о различиях в землях по их расстоянию от усадьбы, по их снабжению водой и дорогами, по их большей или меньшей трудности для обработки, т. е. о таких свойствах земельных участков, которые обыкновенно не принимаются во внимание при оценке земель, подвергаемых землеустройству.

А, во-вторых, сам по себе принцип предоставления лучших земель беднейшим слоям деревни нисколько не нарушает установленных Земельным кодексом начал землеустройства. Землеустройство есть не только землемерно-техническая проблема. Оно есть одновременно и проблема агрономо-экономическая. Его задача — вместе с рациональной организацией земельной площади рационально организовать само трудовое земледельческое хозяйство, связывая обе эти стороны землеустроительного процесса в одно неразрывное целое. Но если задача землеустройства заключается в создании рационально организованных хозяйств (а не только территорий в них), т. е. наиболее производительных в данной природной и экономической обстановке, то разве не будет вполне последовательным предоставлять маломощным дворам наиболее легкие для обработки участки, вследствие ли их большей близости к усадьбе или лучшего снабжения водой и дорогами? Таким путем мы ставим эти хозяйства после землеустройства в условия, наиболее благоприятствующие их развитию и благосостоянию, а в этом, в конечном счете, цель землеустройства.

7) Одним из основных вопросов землеустройства является вопрос об устанавливаемых в связи с ним формах землепользования. Согласно ст. 58, каждое земельное общество в праве сохранить или избрать любой порядок землепользования, любой из тех, которые допускают земельные кодексы РСФСР и автономных республик (см. гл. XI, § 1, 1). Эта точка зрения была повторена III Съездом советов СССР, предписавшим «строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования, согласно Земельного кодекса, не ставя административных преград выделению на отруба и хутора, принимая одновременно меры, направленные к росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития механизации сельского хозяйства и кооперирования его (поселки, выселки и проч.)».[1]

Уже последняя оговорка в постановлении III Союзного съезда показывает, что провозглашеный государством нейтралитет по

[1] СЗ 1925 г. № 35, ст. 258, п. 7.

отношению к избираемым населением формам землепользования не означает, что оно безразлично относится к этим формам. Государство отказалось только от принудительно-административных мер воздействия на землеустраивающееся население в этом вопросе, но оно обращает всю свою культурную и финансово-экономическую силу на направление землеустройства по линии обобществления сельского хозяйства. В особенности невозможно безразличие землеустроительных органов государства к вопросу о формах землепользования с тех пор, как перед этими органами поставлена задача перевода землеустраиваемых крестьянских хозяйств на улучшенные системы полеводства.

Еще в циркуляре от 14 июня 1923 г. о выработке наиболее целесообразных типов землеустройства и форм землепользования Наркомзем указал, что наибольший экономический эфект землеустройства может быть достигнут только при условии, «если типы проводимого землеустройства и устанавливаемые в связи с ним формы землепользования, отвечающие заданиям сельскохозяйственной и земельной политики, будут вместе с тем наилучше согласованы с местными природными, хозяйственно-экономическими и бытовыми особенностями, а также с организационно-производственными потребностями устраиваемых хозяйств. В виду изложенного, выработка и выбор наиболее целесообразных типов землеустройства и форм землепользования являются обязательными и первоочередными задачами землеустроительной организации».

а) С точки зрения разрешения чисто технической землеустроительной формулы: максимальной концентрации земельной площади с максимальным приближением к усадьбе как к хозяйственному центру, — хутор, если не говорить о товарищеской форме землепользования, является наиболее совершенным хозяйством. Он одновременно уничтожает два основных недостатка расположения сельскохозяйственной территории: дальноземелье и чересполосицу. Однако, «столыпинское» землеустройство, насаждавшее хутора и отруба из чисто политических соображений образования крупно-крестьянских и полукапиталистических хозяйств, создало во всей черноземной полосе, и в особенности на юге и юго-востоке, совершенно нежизнеспособные хозяйственные единицы, сдававшие свои земли в аренду и забрасывавшие хозяйство; мы видели (гл. II, § 5, 2, г), что аграрная революция смела в этих областях хуторские и отрубные хозяйства. Объясняется это обстоятельство тем, что всякая землеустроительная задача должна быть обсуждаема не только с землемерно-технической,

но с агрономо-экономической точек зрения, чего не делало «столыпинское» землеустройство. Мы указывали, что цель землеустройства заключается в том, чтобы так организовать сельскохозяйственную территорию двора или группы дворов, чтобы при данных условиях рынка, размера земельной площади, состава угодий, водоснабжения и благосостояния участников землеустройства — создались рационально организованные хозяйства (а не только территории в них), т. е. наиболее производительные в данной природной и экономической обстановке. Так, установлено, что нельзя разверстывать на хутора, когда вновь образумые хозяйства нет возможности обеспечить ни трудовой нормой, т. е. такою площадью, которая в состоянии поглотить все трудовые силы семьи при данной системе хозяйства, ни достаточными средствами для хозяйственного обзаведения на хуторе и для переноса построек, ни водою, ни развитою дорожною сетью, когда в населении вообще нет стремления к ведению обособленного хозяйства.[1] По этой причине, а также в виду того, что хуторские и отрубные формы землепользования, создавая обособленные хозяйства, неблагоприятны для задач механизации сельского хозяйства и его обобществления в будущем, эти формы землепользования абсолютно и относительно все уменьшаются, несмотря на громадный рост землеустройства. Если в 1924 г. площадь земель, разверстанных на хутора и отруба, составляла 6% от всей площади землеустройства земель трудового пользования, то в 1925 г. этот процент понизился до 5,3%, а в 1926 г. — до 3,9%, дав и абсолютное уменьшение (с 983 тысяч гектаров в 1925 г. до 893 тысяч гектаров в 1926 г.). Лишь Западный район показывает абсолютный и относительный рост хуторов и отрубов (с 257 тысяч гектаров в 1925 г. до 335 тысяч гектаров в 1926 г., или относительно с 36,9% до 52,5%),[2] уничтожая таким образом господствующую в этом районе чересполосицу (см. выше, § 1, 1). Благодаря природным и экономическим условиям северо-запада (обилие вод, разнообразие естественных угодий, достаточное количество земли, развитие рыночных отношений, стремление к интенсификации), хуторская система развивалась в этом районе и до революции, которая почти не затронула в нем этой системы (см. гл. II, § 5, 2, г).

б) Борясь культурными и финансово-экономическими мерами против единоличных форм землепользования, государство наиболее

[1] Указанный циркуляр НКЗ о наиболее целесообразных формах землепользования.

[2] См. доклад заведующего отделом землеустройства НКЗема в Земплане от 11 марта 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 12).

покровительствует товарищеской форме — образованию коммун, артелей и товариществ с общественной обработкой земли.[1] Но процесс коллективизации индивидуально хозяйствующих крестьянских дворов может итти лишь постепенно и медленно, и всякое принуждение в этом направлении государством категорически отвергается.[2] Поэтому на передний план в землеустройстве выдвигается так называемое групповое землеустройство, «типы землеустройства, направляемые на усовершенствование общины, с ее сохранением, а именно: на разделение крупных и сложных общин на части, на разверстание общинных земель на широкие полосы, на рациональную организацию угодий общего пользования (луговых, пастбищных и лесных). Такие меры дают сразу массовый сдвиг землепользования в сторону его улучшения и должны быть предпочитаемы устройству хозяйств-одиночек. Значение этих мер возрастает, если к внешнему усовершенствованию землепользования есть возможность присоединить еще меры воздействия агрономического и мелиорационного (рационализация хозяйства и, в частности, введение многопольных севооборотов; приведение неудобных земель в культурный вид и другие)».[3] Так наметилась наиболее желательная и вместе с тем наиболее распространенная форма реорганизации землепользования при землеустройстве: создание мелкого поселка (25-30 дворов) с переходом на широкие полосы и введением многопольного севооборота.

По мысли неоднократно цитированного нами закона о мерах по улучшению землеустройства от 9 октября 1925 г., эти землеустроительно-технические и агрономическо-экономические задачи должны быть разрешены в каждом данном случае одновременно. Однако, вследствие грандиозных размеров советского землеустройства, не имею-

---

[1] Декрет СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. о мерах по улучшению землеустройства (СУ 1925 г. № 72, ст. 572).

[2] «При проведении работы по развитию коллективного движения необходимо иметь в виду, что положенные в основу кооперативного строительства начала добровольного членства и свободы выбора организационных форм должны найти в коллективном движении наиболее последовательное и полное применение. Какое бы то ни было принуждение при организации коллективных хозяйств или искусственное форсирование перехода от простейших форм коллективных хозяйств к более сложным формам неизбежно нанесли бы коллективному движению огромный вред и задержали бы его развитие» (постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. о коллективных хозяйствах — СЗ 1927 г. № 15, ст. 161).

[3] Указанный выше циркуляр НКЗ о наиболее целесообразных формах землепользования.

щих себе примера в истории (см. ниже, 11), и недостатка землеустроителей и агрономов, эти задачи осуществляются сплошь и рядом раздельно.

в) За разбивкой крупных селений на части без переноса усадеб, но с отводом каждому селению земли в отдельном отрубе (4,1 миллиона гектаров в 1926 г., или 18,3% всех землеустроенных в этом году земель), операции более простой, следует образование поселков, с переносом усадеб, требующее значительных кредитов на хозяйственное устройство расселенцев и перенос построек (1,3 миллиона гектаров в 1926 г., или 5,6%). Обе эти формы внутриселенного землеустройства имеют своей задачей уничтожить дальноземелье, приблизить поле к усадьбе.

г) Особо значительный рост обнаруживает переход передельной или долевой общины на широкие полосы, ставящий себе целью борьбу с внутренней дробной чересполосицей. Переход этот заключается в коммасации или консолидации полос, при которой земельное общество во всем своем составе остается при прежнем порядке землепользования, но дробная чересполосица устраняется посредством частичного или полного складывания полос. Если число полос каждого двора соответствует числу севооборотных полей, т. е. при трехпольи — три полосы, при восьмипольи — восемь полос, то, очевидно, ни о какой вредной чересполосице не может быть и речи, ибо и хуторянин должен разбить свои полевые угодья на определенное число участков, соответственно принятому им севообороту. Отличие будет заключаться лишь в том, что в хуторе эти участки смежны друг с другом, а в земельном обществе они чередуются с полосами других дворов. Это несколько большее отдаление поля от хозяйственного центра возмещается полностью теми трудностями расселения, на которые наталкивается переход к хуторскому землепользованию, и тою задержкою в культурном и коллективно-хозяйственном росте деревни, которую создает расселение ее на отдаленные и независимые друг от друга хозяйства.

Консолидация земель, вместо расселения деревни на хутора, распространилась во вторую половину XIX столетия в Швейцарии и западной Германии, где образцом послужили приемы консолидации, выработавшиеся в крестьянской среде в герцогстве Нассау еще в XVIII столетии и оформленные в законодательном порядке в 1829 г. Ее считает очередной задачей и закон 9 октября 1925 г., предписавший «при подворном внутриселенном землеустройстве принять меры к наибольшему складыванию полос вплоть до пере-

хода к отрубному пользованию землей, поскольку не представляется возможным установить товарищескую форму землепользования».

Переход на широкие полосы обычно сопровождается оставлением трехполья и введением в севооборот первоначально травосеяния, а затем и клубнеплодов и корнеплодов. Приводимый проф. П. М. Орловым пример дер. Курово, Московской губ., Дмитровского у., показывает громадные результаты, получающиеся от консолидации полос вместе с переходом к улучшенной системе полеводства. В этой деревне из общего количества пахотной земли в 122 дес. под межниками приходилось при трехпольи и узкополосице свыше 6 десятин, т. е. около 5% всей пашни; при переходе к многополью и широким полосам межники были совершенно уничтожены. В 1879 г. при трехпольи получалось хлеба на едока — 4,6 пуд., в 1898 г. при четырехпольи (клевер) — 10,2 пуд. и в 1922 г. при восьмипольи — 12,6 пуд.; в то же время количество сена сравнительно с 1879 г. увеличилось в пять раз, а доход двора поднялся с 100 руб. 40 к. в 1879 г. до 316 руб. 25 к. при многопольи. Вместо 40 полос у каждого двора имеется теперь по две полосы в поле, т. е. 16 полос. [1]

Как свидетельствует цитированный нами доклад о достижениях в землеустройстве, «в 1926 г. сильно возрос переход на широкие полосы (с 2,8 млн гектаров в 1925 г. до 4,2 млн гектаров в 1926 г., или относительно с 15,2% до 18,3%). Этому виду работ предстоит сильное развитие, если он не упрется в отсутствие необходимого посевного материала для роста многопольных севооборотов».

8) Если целью землеустройства является создание рационально организованых хозяйств, а не только территорий в них, то понятно, что в основе его должно лежать «улучшение подворно-хозяйственного пользования землей», [2] внутриселенное землеустройство, т. е. разверстание земель внутри земельного общества. Все изложенные нами выше формы землепользования и относятся к внутриселенному землеустройству. Однако, неопределенность границ земельных обществ и чересполосность закрепленных за ними земель делают предпосылкою внутриселенного землеустройства землеустройство междуселенное, ибо нельзя разверстывать земли общества между дворами, если не определен состав этих земель, т. е. если не установлена в точных границах и по возможности в одном отрубе дача разверстания (см. выше, § 2, 2). Поэтому междуселенное землеустрой-

[1] Проф. П. М. Орлов, Землеустройство, М., 1923 г., стр. 73 — 74.
[2] Декрет СНК РСФСР от 9 октября 1925 г.

ство занимает еще большое место во всех землеустроительных работах. Из общей площади землеустроенных в 1926 г. трудовых земель в 22,6 млн *га* междуселенное землеустройство охватило 11,8 млн *га*. Выросши абсолютно по сравнению с 1925 г. на 1 млн *га*, оно относительно ко всему крестьянскому землеустройству понизилось с 58,9% в 1925 г. до 52,1% в 1926 г.

Закон 9 октября 1925 г., придавая центральное значение внутриселенному землеустройству, указал поэтому, что необходимо «межселенное землеустройство по возможности сопровождать внутриселенным, групповым и подворным землеустройством».

9) В финансировании землеустройства проведен тот же принцип защиты маломощных слоев крестьянства и покровительства коллективизации земледелия, который мы могли наблюдать во всех изложенных нами выше основных началах землеустройства.

а) Согласно ст. 176, за исполнение землеустроительных действий, независимо от того, вызваны ли они ходатайствами заинтересованных сторон или совершаются по почину землеустроительных учреждений (см. выше, § 2, 1) взыскивается особая плата со сторон, в интересах которых эти действия производятся. Плата эта носит характер установленной законом таксы, определена с гектара землеустраиваемой площади и изменяется в зависимости от рода работ (межселенное землеустройство, групповое землеустройство, переход на широкие полосы, хутора и отруба и др.) и от того, к какой из 4 групп, на которые разбита в этом отношении РСФСР, принадлежит та губерния или область, в которой производится землеустройство.[1] Плата за землеустроительные работы взыскивается со всех участников землеустройства, как возбудивших его, так и привлеченных к нему путем включения в дачу разверстания (см. выше, § 2, 2), соразмерно устроенной для каждого из них площади, причем 30% вносится при возбуждении дела о землеустройстве, 50% — при включении дела в план работ для исполнения в натуре и остальные 20% — перед предъявлением окончательного землеустроительного проекта. Эта оплата населением землеустроительных работ обязательна для него. В случае неуплаты какого-либо из взносов по уже производящемуся землеустройству, последнее не приостанавливается, а плата взыскивается в порядке взимания налогов, т. е. в административном порядке.

---

[1] Пост. СНК РСФСР от 3 мая 1927 г. об оплате землеустроительных и земельно-регистрационных работ (СУ 1927 г. № 41, ст. 265).

Сверх указанной платы, с заинтересованных сторон взимаются прогонные деньги для исполнителя работ по действительной стоимости проезда в оба конца. Участники землеустройства обязаны также, сверх той же платы, предоставлять землеустроителям: а) удобные для жилья и занятия помещения, т. е. квартиру с отоплением, освещением и необходимой для жилья и занятий обстановкой; б) материалы для работ и устройства межевых знаков; в) подводы для перевозок инструментов и материалов для работ по землеустройству и г) необходимую рабочую силу (ст. 177).

б) Плата за землеустроительные и земельно-регистрационные работы (см. ниже, § 6), хотя и вносится в государственную казну, но составляет в ней специальный фонд, за счет которого содержится весь землеустроительный аппарат и производится все землеустройство. Фонд этот расходуется на условиях бездефицитности всего землеустроительного дела.

Поэтому краевые, областные и губернские исполкомы в праве и понижать (но не повышать) установленные указанным выше законом 3 мая 1927 г. таксы, если только при таком понижении сохраняется бездефицитность землеустройства или если дефицит покрывается за счет местного бюджета. По той же причине, при производстве землеустройства в обязательном порядке за счет государства, например, при образовании земельных фондов специального назначения (переселенческого, концессионного и др.), расходы по землеустройству относятся на местные или общегосударственные средства в зависимости от назначения образуемого фонда (ст. 176).

в) Такова система финансирования по Земельному кодексу, действовавшая до 1924 г. Нельзя отрицать, что при оплате расходов по землеустройству исключительно из средств населения и притом непосредственно при самом производстве работ, без рассрочки на длительные сроки, землеустройство поневоле обслуживало интересы более имущих слоев деревни. С 1924 г. положение резко меняется: государство во все большей степени принимает землеустройство на свой счет как путем ассигнований из государственного бюджета, так и посредством организации долгосрочного (до 5 лет) кредита, причем устанавливается принцип: расходы по землеустройству беднейшей части крестьянского населения принимаются на счет государства, а середняцкой части — кредитуются на срок до 5 лет; лишь зажиточные слои оплачивают землеустройство в порядке, установленном Кодек-

сом, т. е. из собственных средств и непосредственно при самом производстве работ.

Списки хозяйств, землеустраиваемых за счет государства, составляются при самом начале данного землеустройства сельскими советами при участии местных комитетов крестьянских обществ взаимопомощи, утверждаются волостными (или соответствующими им) исполкомами и составляют неразрывную часть всего землеустроительного производства. При составлении списков сельские советы руководятся степенью нужды каждого хозяйства, включая в первую очередь бедняцкие хозяйства, освобожденные от взимания сельскохозяйственного налога, а также граждан, переходящих к коллективным формам хозяйства (коммуны, артели и пр.) или выходящих на поселки (см. выше, 7, б).

Кредитование середняцкой части землеустраиваемого населения производится по линии сельскохозяйственного кредита.[1] Ссуды на производство землеустроительных работ выдаются: в первую очередь — сельскохозяйственным коллективам — в размере до 90% стоимости работ и на срок в 5 лет; во вторую очередь — земельным обществам и группам отдельных землепользователей — в размере до 75% стоимости работ и на срок в 2 года, если дело не идет о землеустройстве, связанном с расселением или коренным улучшением земельных работ, когда срок ссуды может быть удлинен до 5 лет. Заявление о ссуде подается вместе с ходатайством о землеустройстве в местные земельные органы, которые производят обследование материального состояния просителей, определяют стоимость землеустроительных работ и размер необходимой ссуды и препровождают все дело в кредитующие учреждения (общества с.-х. кредита, с.-х. кредитные товарищества). В случае удовлетворения просьбы о выдаче ссуды, последняя не выдается заемщику, а вносится в финорганы, в фонд специальных средств НКЗема на производство землеустройства.[2]

г) Указанные предписания закона нашли себе реальное осуществление. Помимо усиления доли государственного бюджета в расходах по оплате административного землеустроительного аппа-

---

[1] Постановление ЦИК и СНК СССР от 10 сентября 1926 г. о льготах крестьянскому населению по землеустройству и переселению (СЗ 1926 г., № 61, ст. 455); постановление СНК РСФСР от 1 февраля 1927 г. о льготах по землеустройству (СУ 1927 г. № 14, ст. 100) и пост. ЭКОСО РСФСР от 2 декабря 1926 г. и 11 января 1927 г. (СУ 1927 г. № 8, ст. ст. 64 и 65).

[2] Инструкция ЭКОСО РСФСР от 6 августа 1927 г. (СУ 1927 г. № 88, стр. 591).

рата и по техническому снабжению, участие государства в непосредственной оплате землеустроительных работ выразилось в процентах к общей стоимости землеустроительных работ: в 1925 г. — 15,1% (1 699 170 руб. при общей их стоимости в 11 237 327 руб.), в 1926 г. — 22,1% (3 096 237 р. при общей стоимости их в 14 025 445 руб.) и в 1927 г. — 23,4% (3 569 651 р. при общей стоимости в 15 232 500 руб.).

На ряду с этим участие государства в землеустройстве сильно возросло по линии кредитования. На кредитование расходов на оплату землеустроительных работ было отпущено в 1926 г. — 1 842 300 руб., а в 1927 г. — уже 6 253 000 руб.

Еще сильнее участие государства в расходах по хозяйственному устройству, связанному с землеустройством (перенос построек, расселение, устройство колодцев, прудов и т. п.): на эти цели было отпущено в 1926 г. — 5 633 965 руб., а в 1927 г. — 7 961 000 руб.[1] К изложенному необходимо прибавить, что расселенцам при землеустройстве предоставлены те же льготы, что и переселнцам (см. гл. VII, § 4, 4).

Так создается советским государством реальная база для действительного осуществления в землеустройстве классовой линии борющегося за социализм пролетариата, для проведения землеустройства в интересах беднейших и середняцких слоев деревни и направления его в сторону развития производительных сил сельского хозяйства в формах, наиболее благоприятных для коллективизации земледелия.

10) Построение советского землеустройства как задачи не только переустройства территории участников землеустройства, но и производственной реорганизации их хозяйств, повлекло за собой осуществление в землеустроительном порядке крупнейших государственных мероприятий по восстановлению центральных черноземных губерний[2] и по переустройству сельского хозяйства засушливой области.[3] Из специально ассигнованных на эти мероприятия государственных средств производится — одновременно с внутриселенным землеустройством по расселению многодворных селений на поселки и по переходу на широкие полосы с многопольным севооборотом —

[1] Н. В. Гендзехадзе, Достижения и очередные задачи по землеустройству, «СХЖ» 1927 г., № 3.

[2] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 г. об ассигновании 25 млн рублей на 1925/1926 год на восстановление центральных черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношениях (СУ 1925 г. № 65, ст. 523).

[3] Пост. ЦИК и СНК СССР от 3 июля 1925 г. об ассигновании 77 млн рублей на трехлетие 1925 — 1928 гг. для борьбы с засухой (СЗ 1925 г. № 42, ст. 314).

снабжение участников землеустройства живым и мертвым инвентарем, семенным и племенным материалом, обводнение их хозяйств, внедрение засухоустойчивых и технических культур, усиление животноводства в устраиваемых хозяйствах и ряд других мер по коренному переустройству крестьянского хозяйства в этих областях.

11) Мы уже указывали, что землеустройство, т. е. рациональная организация территории земледельческого хозяйства, является необходимою предпосылкою перехода от исторической системы земледелия, основанной на эксплуатации естественных свойств почвы и на приспособлении к территории, к научному земледелию, преобразующему самое природную лабораторию сельскохозяйственного продукта — п о ч в у. Поэтому все исторические страны (кроме новых государств, например Сев. Америки) прошли и проходят через радикальные землеустроительные реформы. Такой реформой была, напр., знаменитая система «огораживания» в Англии, яркие картины которой описаны Марксом в I томе «Капитала». Пользуясь своим политическим владычеством, английские лэндлорды обезземелили значительные массы трудящегося сельского населения, уничтожили прежние деревни и, разбив землю на правильные крупные участки, сдали их в аренду капиталистам. Английское землеустройство знаменовало собою целый социальный переворот, имевший роковое значение для английского крестьянства и определивший весь аграрный строй Англии. Такой же характер носило землеустройство на севере Германии, в особенности в Мекленбурге, где, начиная с XVI века, под предлогом выделения из чересполосицы дворянских земель, производилось насильственное обезземеление крестьянства. Лишь скандинавские страны, южная Германия и Швейцария знают землеустройство, совершившееся и совершающееся более или менее в интересах трудового крестьянства. Но землеустроительный процесс в южной Германии и в особенности в соседних романских странах — Франции и Бельгии, — благодаря господству частной собственности на землю, происходит необычайно медленно.

Советское землеустройство имеет все данные для того, чтобы назревшее преобразование традиционного земельного строя крестьянского хозяйства, которое должно определить все сельскохозяйственное будущее страны, совершалось не только темпом, о котором не может и мечтать проникнутое «фанатизмом собственности» западно-европейское крестьянство, не только в исключительных интересах трудящегося сельского населения и в особенности его наименее обеспеченных слоев, но и в формах, которые послужат основанием для социалистического преобразования мелкого крестьянского хозяйства.

Советское землеустройство получило размах, не имеющий себе примера в истории. Если оставить в стороне землеустроительные работы на землях нетрудового пользования (устройство госземимуществ, отвод земель государственным учреждениям и предприятиям, городам — всего около 2 млн дес. в 1926 г.), то землеустроительные работы на трудовых землях охватили площадь: в 1922 г. — 2 млн дес., в 1923 г. — 11,9 млн, в 1924 г. — 17,4 млн, в 1925 г. — 18,3 и в 1926 г. — 22,7 млн дес. Самая важная часть землеустройства — землеустройство внутриселенное — составила по 1924 год — 13 млн дес., в 1925 г. — 7,5 млн дес. и в 1926 г. — 10,9 млн дес.[1] Значение этих цифр может быть понято хотя бы при сравнении с «столыпинским» землеустройством, которое на западно-европейский масштаб имело грандиозные размеры. За четыре года 1907 — 1910 это землеустройство было выполнено на 7 166 179 дес., т. е. на меньшем количестве земель, чем одно внутриселенное землеустройство охватило в 1925 г. И, несмотря на такой беспримерный размах советского землеустройства, процент удовлетворения заявок населения выражается всего в 45%. Так широко пробудила Октябрьская революция в самой толще трудящихся крестьянских масс жажду хозяйственного творчества.

§ 3. Выделы земли.

1) Мы видели, что землеустройство на трудовых землях занимает и количественно и по значению своему для сельского хояйства Республики центральное место во всей проблеме землеустройства (см. выше, § 2, 11). И среди двух видов этого землеустройства, междуселенного и внутриселенного, на первый план выдвигается последнее, так как только оно доходит до отдельного двора, осуществляя тем основную задачу землеустройства — одновременную рациональную организацию территории и сельскохозяйственного производства отдельного земледельческого хозяйства.

Междуселенное землеустройство, составляющее все еще почти половину всех землеустроительных работ, являющееся предпосылкою для внутриселенного землеустройства (см. выше, § 2, 8), не представляет особенно больших затруднений ни с точки зрения землеустроительной техники, ни с правовой точки зрения. Стремясь к сведению в один отруб каждому земельному обществу его участков, находящихся

---

[1] Цифры взяты из цитированных выше книги К. Киндеева и статьи Н. В. Гендзехадзе.

в чересполосном пользовании с участками других земельных обществ, оно исходит из бесспорных прав на земли участников землеустройства и ограничивается главным образом разрешением землемерно-технической задачи.

Внутриселенное землеустройство несравненно более сложно. Ставя перед собою проблему создания новых рациональных хозяйств, оно привлекает к разрешению этой проблемы и агронома, и гидротехника, чтобы совместными усилиями решить вопросы о наилучших для новых хозяйств — при данных природных и экономических условиях — формах землепользования, системах полеводства, о способах снабжения их всеми необходимыми угодиями, водою, дорогами и т. д. С точки зрения правовой, если оставить в стороне переход на широкие полосы, который не изменяет субъекта трудового землепользования — данного земельного общества и его земельных прав, а лишь реорганизует его территорию и систему полеводства, внутриселенное землеустройство означает собою в большей или меньшей степени распад земельного общества, *выход из него его членов с землею*. Идет ли речь о выходе членов общества для образования коллективного хозяйства, или на хутора, или отруба, или о разверстании всех земель общества на хутора и отруба, или о разделении многодворного земельного общества на части, на несколько земельных обществ без переноса усадеб, или с их переносом (поселки, выселки), — во всех этих видах внутриселенного землеустройства, различных по сложности поставленных задач для землеустроителя, агронома и гидротехника, с точки зрения правовой мы имеем одну форму — *выход из состава общества с выделом причитающейся земли*.

2) Излагая основные принципы землеустройства, мы указали уже главнейшие черты выдела: а) право каждого двора общества на уравнительный выдел, т. е. на получение такого земельного пая, который причитался бы ему, если бы общество в момент выдела произвело общий передел по едокам, рабочим силам или по смешанной разверстке, причем принцип этот распространяется одинаково как на общества с общинным порядком землепользования, так и на общества с участково-чересполосным порядком (см. выше, § 2, 4); б) субъекта права возбуждения дела о выделе, т. е. права вызвать землеустройство без согласия земельного общества (см. выше, § 2, 3). Остановимся здесь более подробно на *объекте права на выдел*.

а) Ст. 134 постановляет, что выделу подлежит лишь *земля*, т. е. выдел производится из земельного надела общества, а не из другого его имущества, которое может ему принадлежать, как юридическому

лицу (ст. 64). Общество нередко владеет так называемыми доходными статьями — рыбными ловлями, мельницами; оно может иметь и общественные капиталы (см. гл. IX, § 6, 3, г). Из такого имущества, по точному смыслу ст.ст. 134 — 140, выделяющийся двор не может требовать доли, так как и по общему переделу, который лежит в основании определения объема его прав на выдел, ему такой доли не причиталось бы.

Однако, судьба имущества земельного общества, в случае его разделения на несколько земельных обществ или разверстания всех его земель на хутора или отруба, законом не определена. Нам казалось бы, что проблема эта значительно подвинулась бы к своему разрешению, если бы было уничтожено то смешение функций земельного общества и сельского совета, на которое мы указывали выше (гл. IX, § 6).

б) Но выдел не может быть произведен и из всей земли, закрепленной за земельным обществом. Земли, предназначенные для удовлетворения общественных потребностей, долженствовавшие находиться в ведении сельских советов (гл. IX, § 6, 3, а), каковы, например, школьные участки, земли под общественными зданиями, базарными площадями и т. п., не могут, конечно, итти в раздел. Что касается угодий общего нераспределенного пользования (ст. 63), главным образом лесов местного значения и выгонов, то первые, как не подлежащие землеустройству (см. выше, § 2, 5, д), не могут быть и разделены. По отношению к ним все образовавшиеся при землеустройстве земельные общества или обособленные хозяйства продолжают составлять одно земельное общество (ст. 44). В отношении же выгонов хозяйственно-технические правила землеустройства, утвержденные НКЗ 19 декабря 1922 г.,[1] как будто устанавливают противоположное правило. Пункт «з» ст. 32 этих правил гласит, что «общие между землепользователями угодия по возможности должны быть подвергаемы разделу с отводом причитающейся на долю каждого землепользователя части общего угодья по смежности с основным его участком и с производством, если потребуется, необходимого для сего зачета угодий, а при неисполнении сего — в возможной близости к основному отдельному его участку». Если это правило более или менее применимо к разделению земельного общества на части или к выходу на поселки, то при разверстании всех земель общества на хутора или отруба оно вызывает большие сомнения. Осторожность в разделе угодий общего пользования диктуется как агрономическими соображениями,

[1] «ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 259.

подвергающими большому сомнению рациональность во всех случаях индивидуального выпаса скота и его стойлового содержания,[1] так и опытом позднейшего землеустройства в южно-германских государствах и швейцарских кантонах, издавших ряд законов, запрещающих раздел общинных земель.

В особом положении находятся неудобные земли, которые, не имея сельскохозяйственного значения, обыкновенно не подвергаются сравнительной оценке (см. выше, § 2, 5) и распределяются между участниками землеустройства по их соглашению, если, конечно, не предусмотрено в землеустроительном проекте их мелиорирование.

в) Основными угодиями, из которых производится выдел, являются полевые угодия (пахотные, луговые и др.) и усадебные земли, по отношению к которым определяется, как и при всяком общем переделе, причитающееся выделяющемуся хозяйству число разверсточных единиц. Разверсточная единица, следуя общим правилам о переделах, должна быть одинаковой как для всех угодий, так и для всех дворов, т. е. выделяющихся из общества и остающихся в нем (ст. 137). В случае раздела вспомогательных угодий (см. гл. IX, § 6, 1, а), они рассматриваются как принадлежность главного угодия, т. е. распределяются по тем же разверсточным единицам.

3) Уравнительный выдел есть реализация права членства в обществе; это — выход двора, как совокупности членов общества, из его состава с правом получить свой членский пай.[2] Поэтому выделяющийся не может требовать выдела только части находящейся в его пользовании полевой земли, оставляя остальную в составе общества. В отношении к главным угодиям, как мы указывали выше (см. гл. IX, § 4, 3), землепользователь не может одновременно ни состоять в двух земельных обществах, ни иметь обособленный участок, будучи в то же время членом земельного общества, и, следовательно, имея право на уравнительное наделение в нем. Точно так же выделяющийся не может получить и большее количество земли, чем по причитающемуся на его долю числу разверсточных единиц, например, просить о выделе ему и находящейся у него в аренде земли, так как последняя не входит в его членский пай, а находится в его пользовании на особых, договорных основаниях.

---

[1] Проф. П. Першин, Землеустройство и агрономия, Москва, 1923 г., стр. 12.

[2] См. статью проф. А. Э. Вормса, Выдел из общины по действующему праву, относящуюся к дореволюционному крестьянскому праву, но в теоретической постановке вопроса сохраняющую свое значение и для настоящего времени. («Вестник права», 1906 г., кн. 4.)

4) Субъектом права на выдел, как видно из текста ст. 134, является двор (хозяйство). Член двора, как член земельного общества, осуществляет свое право на выдел только через двор, точно так же, как он осуществляет через двор и свое право на уравнительное наделение в передельной общине или на долевое пользование землей в долевой общине. Поэтому выделы земли не могут производиться отдельным членам дворов. [1]

Вышедший из общества двор, получивший причитавшуюся ему долю в главных угодиях земельного общества, не может более притязать на участие в пользовании наделом общества, ибо он более не состоит в его составе. При выходе на хуторские участки или выделе земель части селения, образующей новое земельное общество, это правило должно быть распространено на все угодия общества, в том числе и на усадебные земли. Учитывая, однако, трудность переноса построек на новые места, ст. 129 Кодекса предоставляет право вышедшим дворам пользоваться своими прежними усадебными участками в селении в течение еще трех лет после выхода. По окончании этого срока усадебные участки переходят к тем землепользователям, которым они назначены по землеустроительному плану. Так как, благодаря такой отсрочке, вышедшие дворы будут временно пользоваться усадебными участками, которые им более не причитаются, то в землеустроительном проекте должно быть оговорено право землепользователей, к которым эти участки должны перейти по землеустройству, пользоваться в течение того же времени равновеликою площадью из земли, выделенной вышедшим из общества. Само собою разумеется, что в эту площадь не могут входить участки, избранные выходящими для образования усадеб на новом месте поселения. [2]

§ 4. Отвод городских земель.

1) Мы уже указывали (см. выше, § 1, 4), что государственная собственность на землю выводит советское землеустройство за пределы сельскохозяйственной территории. В порядке землеустройства производится образование всяких непосредственных землепользований (см. гл. VI, § 3), хотя бы и не для сельскохозяйственных целей, и всякое их перемещение. Ст. 166, перечисляющая все виды землеустроительных

---

[1] Опред. ОКВК от 10 ноября 1924 г. по д. № 983 — 1924 г. («Сборник», № 13.)

[2] Разъяснение Гомельскому губземуправлению за № 195476 от 24 сентября 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 138).

действий, относит к ним, кроме перечисленных нами видов, еще положение, перемещение и упразднение дорог, предоставление водопоев, распланирование сельских мест поселения, установление и изменение границ волостей.

Из всех отводов земель несельскохозяйственного назначения Земельный кодекс более подробно останавливается на отграничении городских земель от волостных, так как города являются такими же исторически данными землепользователями, как и, например, земельные общества, и точное определение их территории составляет предпосылку их целесообразного использования.

2) Городские земли составляют особый вид земель непосредственного пользования. В отношении земель специального назначения (см. гл. VI, § 4, 2) преходящий характер той цели, которой они предназначены служить, заставлял закон предусматривать возможность их возврата в состав государственных земельных имуществ (ст. 155). Но выделение городских земель имеет более прочный характер, знаменуя собою окончательное закрепление, в пределах человеческого предвидения, ибо города в современной экономической жизни имеют тенденцию к росту и укреплению своего хозяйственного значения. Поэтому городские земли по выделении своем образуют самому себе довлеющий особый земельный фонд. Закон не предусматривает возможность возврата их в состав государственных земельных имуществ. Наоборот, из состава городских земель могут быть выделяемы земли специального назначения, так называемые «изъятые из непосредственного ведения городов» земли,[1] которые по миновании надобности возвращаются в состав «городских земельных имуществ»; таковы, например, транспортные земли, земли военного ведомства.

Городские земли не состоят вследствие этого на учете Наркомзема. Так, земельная регистрация охватывает все земельные участки, находящиеся в волостях, в чьем бы пользовании они ни находились: государственных ли учреждений и предприятий или земельных обществ, или земельных органов, за исключением лишь участков, находящихся в действующей черте города.[2] Соответственно этому, городские исполкомы ведут собственную регистрацию земельных участков в пределах

---

[1] Положение о земельных распорядках в городах, ст. 2 (Собр. узак. 1925 г., № 27, ст. 188).

[2] Инструкция по земельной регистрации от 27 июля 1923 г., ст. 11 («Зем. кодекс с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

городской черты,[1] а земельные органы не в праве производить работы по отграничению отдельных землепользований внутри городской черты.[2]

Правила отграничения городских земель от земель, находящихся в волостях, т. е. установления действующей городской черты и ее изменения в интересах расширения городов, включены вследствие указанного положения городских земель в Земельный кодекс (ст.ст. 144—153) и развиты в инструкции Наркомзема и Наркомвнудела от 18 июля 1923 г., изданной на основании ст. 153 Земельного кодекса.[3]

3) В состав действующей городской черты включаются, раньше всего, земли, являющиеся городскими по своему хозяйственному предназначению, т. е. все застроенные кварталы города с находящимися в них садами, парками и т. п. Но трудность вопроса заключается в землях, примыкающих к этим застроенным землям. В отношении этих земель Кодекс признал правомерность дореволюционной их принадлежности городам на праве собственности. Все примыкающие к городам земли, принадлежавшие им до Октябрьской революции на праве собственности, признаются в настоящее время городскими, хотя бы они ранее и не входили в городскую черту.[4] Правило это имеет значение для городов в особенности для бывших выгонных земель.

а) При генеральном межевании во второй половине XVIII века всем городам был отведен выгон, из расчета по две версты вокруг селитебной черты. Этот громадный земельный фонд, обеспечивавший городам возможность их дальнейшего роста, эксплуатировался ими до революции путем сдачи в аренду под огороды, пашни и выпас. Аграрная революция 1918 г. в большинстве местностей распределила выгонные городские земли между пригородными селениями. Таким образом, правомерность дореволюционной земельной городской собственности столкнулась с правовою закономерностью революционного раздела земель (ст. 141, см. гл. VII, § 2). Кодекс отдал предпочтение последнему принципу (ст. 145). Таким образом, получается следующий состав городских земель: все земли, принадлежавшие до революции городам на праве собствен-

---

[1] Полож. о земельных распорядках в городах, ст. 8; Инструкция ЭКОСО РСФСР от 23 сентября 1926 г. о производстве регистрации земель в пределах городской черты (СУ 1927 г. № 15, ст. 101).

[2] Цирк. НКЗ и НКВД от 22 декабря 1926 г. № 421/77 («СХЖ» 1926 г., № 52).

[3] СУ 1923 г. № 77, ст. 746.

[4] Ст. 145 и §§ 6 и 7 указанной выше инструкции НКЗ и НКВД от 18 июля 1923 г.

ности и примыкающие непосредственно к застроенным кварталам, за исключением тех из этих земель, которые к 22 мая 1922 г. были в фактическом, закономерном и трудовом пользовании. Правило это не знает никаких других исключений, кроме указанного. Поэтому нахождение бывших городских земель после революции в заведывании земельных органов не может сколько-нибудь умалить прав городов на эти земли. [1]

б) К городским землям относятся также земли, которые, хотя и не были до революции городскими, но состояли в фактическом заведывании городских советов к 1 августа 1922 г. По тем же признакам обсуждается принадлежность к городским землям усадебной оседлости примыкающих к городу селений и подгородных слобод. Она входит в городскую черту, если состояла в ней до 1917 г. или если она к 1 августа 1922 г. фактически вышла из управления волисполкомов и перешла в ведение горсоветов.

в) По указанным признакам устанавливается действующая городская черта. Но к городским землям, хотя и несколько на ином праве, относятся также некоторые земли, находящиеся в пределах волостей, за городской чертой. Это, во-первых, земли, занятые коммунальными сооружениями, относящимися к городскому благоустройству, как то: полями орошения, свалками, кладбищами, водопроводами, трамвайными парками, электрическими станциями, горными разработками, общественными парками и подобного рода предприятиями, обслуживающими городское благоустройство. Эти земли закрепляются за городом как земли специального назначения (ст. 155). Их отличие от собственно городских земель заключается, следовательно, в том, что, перестав обслуживать цели городского благоустройства, они переходят в состав государственных земельных имуществ; они поэтому подлежат земельной регистрации в волостном реестре землепользований, в отличие от городских земель, которые в нем не регистрируются (см. выше, 2).

Во-вторых, остаются в пользовании городов и земли, находящиеся в их сельскохозяйственной эксплуатации, например, под разработкой торфа, но уже на ином праве — на арендном, так как эти земли, как не предназначенные для целей городского благоустройства, должны быть отнесены к категории государственных земельных имуществ, находящихся в непосредственном распоряжении Наркомзема и его органов. [2]

---

[1] Опред. ОКВК от 21 ноября 1924 г., по д. № 1965 — 1924 г. («Сборник», № 18).
[2] §§ 31 и 32 указанной инструкции о городских землях.

г) Определение на основании изложенных выше принципов действующей городской черты, а равно отвод городам земель в пределах волостей, производятся в порядке общего землеустроительного процесса, в котором городские советы (коммунальные отделы) являются стороною, участником землеустройства. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 7 декабря 1925 г.[1] предельным сроком для определения городской черты всех городов РСФСР установлен день 1 января 1929 г.

4) Так как во имя верховного права революции Земельный кодекс лишил города перешедших в трудовое пользование их бывших выгонных земель, отведенных им еще по генеральному межеванию, то, стремясь обеспечить им возможность расширения своей территории на случай их роста, он предоставил право городским советам, в целях предупреждения неправильной застройки земель, могущих со временем войти в черту города, составлять планы и правила застройки земель, находящихся за городской чертой (ст. 150). Со дня утверждения этих правил и объявления их населению, воспрещается возведение новых построек, нарушающих эти планы и правила; в случае возведения таких построек, они могут быть снесены за счет лиц, которые их возвели, когда земли перейдут к городу (ст. 150).

Кодекс дал право городам и расширять свою территорию, перемещать городскую черту в тех случаях, когда это вызывается: а) ростом количества городского населения и необходимостью расширения селитебной площади для удовлетворения жилищной нужды, б) развитием городского благоустройства путем расширения зеленой зоны, устройства парков, создания сооружений, связанных с водоснабжением, канализацией, освещением и т. п., и в) фактическою застройкою земельных участков, прилегающих к действующей городской черте и приобретающих характер пригорода. Расширение городской территории, в целях увеличения городского арендного фонда, для сельскохозяйственного использования не допускается. Вопрос о перемещении городской черты разрешается в порядке землеустроительного производства, начинающегося с заявления городского совета в уездное земельное управление, с приложением планов и проектов использования земельной площади, намечаемой к включению в городскую черту.

Однако, когда расширение территории города требует включения в городскую черту сельских и иных поселений, необходимо предварительно разрешение на такое включение Президиума ВЦИКа.[2]

---

[1] СУ 1925 г. № 93, ст. 671.

[2] Декрет от 30 марта 1925 г. (СУ 1925 г. № 21, ст. 155).

5) Земельные распорядки внутри городов, согласно ст. 147, определяются особыми узаконениями, и на городские земли не распространяются ни действия земельных органов, ни компетенция земельных судов (комиссий). Таким специальным законом является Положение о земельных распорядках в городах от 13 апреля 1925 г.[1] Основной принцип его заключается в том, что все земли внутри городской черты с лесами, недрами и водами, в чьем бы пользовании они ни находились, состоят в непосредственном ведении местных исполкомов в лице их органов городского хозяйства. Здесь, таким образом, вновь подтверждено указанное нами выше самостоятельное, независимое от земельных органов, управление местных исполкомов городскими землями.

Изложение земельных отношений в городах, относясь к области коммунального права, выходит за пределы земельного права, регулирующего правоотношения по пользованию землями для ведения сельского хозяйства и по отводу земель для иных хозяйственных целей.[2]

§ 5. Землеустроительный процесс.

1) Землеустроительный процесс разделен Кодексом на две части: землеустроительную и судебную. В первую входит вся землемерно-техническая и агрономо-экономическая сторона землеустроительной задачи, завершающаяся составлением землеустроительного проекта. Вторая заключается в разрешении всех неустраненных до составления проекта споров, жалоб и протестов. Первая совершается специальным землеустроительным государственным аппаратом, состоящим из кадра землемеров-землеустроителей, руководимых в пределах каждого землеустроительного участка, охватывающего территорию района или одной или нескольких волостей, участковыми землеустроителями, подчиненными, в свою очередь, связанным в инстанционном порядке отделам землеустройства — уездным (окружным), губернским (областным или краевым) и отделам землеустройства при наркомземах. Вторая — отправляется судебно-земельными комиссиями.

Соответственно общему характеру землеустройства, как государственного мероприятия, направленного на реорганизацию сельскохозяйственной территории и сельскохозяйственного производства (см. выше, § 1), весь землеустроительный аппарат состоит на государствен-

---

[1] СУ 1925 г. № 27, ст. 188.

[2] Подробнее о городских землях см. книгу: И. И. Евтихиев и С. А. Тиняков, Законодательство о городских землях, М., 1926.

ной службе, и землемеры-землеустроители являются должностными лицами. Категорически воспрещается поэтому «использование частного землемерного труда в какой бы то ни было форме, в том числе и для чисто технических исполнений».[1] По той же причине землеустроителям не могут быть поручаемы работы в тех волостях (районах), в которых они сами или их родственники либо свойственники имеют трудовые землепользования.[2]

2) Центральное место в землеустроительном процессе занимает составление землеустроительного проекта и предъявление его участникам землеустройства. Все действия, ему предшествующие, направлены на выяснение и установление обстоятельств, которые необходимы для его составления, как все действия, следующие за ним, имеют своею целью его утверждение и исполнение. Значение проекта объясняется тем, что в нем и сопровождающем его плане точно описаны и нанесены все землепользования, которые образуются в результате землеустройства, и излагаются все обязанности, права и повинности, которые устанавливаются для землепользователей в связи с пользованием землями, предоставленными им по утвержденному проекту землеустройства (ст. 190). Исполнение законченного землеустроительного дела и заключается в перенесении в натуру землеустроительного проекта, т. е. в натуре проводятся границы новых землепользований так, как они указаны в утвержденном проекте.

Землеустроительный процесс проходит следующие стадии (ст. 179):

а) возбуждение землеустроительного дела;

б) составление землеустроительного проекта и предъявление его участникам землеустройства со всеми предшествующими этому составлению землеустроительными действиями (ст. 184);

в) рассмотрение и утверждение проекта с разрешением споров, протестов и жалоб, заявленных по содержанию проекта, и

г) исполнение утвержденного проекта землеустройства и выдача участникам землеустройства документов на новые землепользования.

Остановимся последовательно на каждой из указанных стадий.

3) Соответственно двум способам возникновения землеустройства (см. выше, § 2, 1), дело о землеустройстве открывается или по ходатайству заинтересованных сторон (выборочное землеустройство), или по почину государства в лице местных отделов землеустройства (сплошное или гнездовое землеустройство).

---

[1] Цирк. НКЗ от 12 декабря 1924 г. № 767/228 («СХЖ» 1924 г., № 52).
[2] Цирк. НКЗ от 4 июня 1925 г. № 314/74 («СХЖ» 1925 г., № 20).

а) Возбудить землеустройство на данной земельной площади могут: при внутриселенном землеустройстве — двор или группа дворов или землепользователей, имеющих право возбуждения землеустройства (ст.ст. 134 — 136, см. выше, § 2, 3); при междуселенном землеустройстве — земельное общество; для земель нетрудового пользования — учреждения и лица, в пользовании которых земли находятся.

Заявления подаются участковому или районному землеустроителю, который в недельный срок препровождает их со своим заключением в уездное или окружное земуправление (ст. 181). Трудовые землепользователи могут заявлять ходатайства устно.

Ходатайства о землеустройстве могут быть отклонены указанными земуправлениями не только потому, что они противоречат требованиям закона (напр., ходатайство о выделе без согласия земельного общества, поданное менее чем 50 домохозяевами при количестве дворов в обществе, превышающем 250), но и по хозяйственно-производственным соображениям (напр., при отсутствии каких-либо существенных недостатков в землепользовании). Жалобы на отказ в производстве землеустройства подаются в двухнедельный срок со дня извещения просителей о таком отказе в губернское (областное или краевое) земельное управление, решения которого окончательны и дальнейшему обжалованию не подлежат (ст. 182).

б) Удовлетворение ходатайства о землеустройстве влечет за собою включение его в производственный план работ, составляемый и утверждаемый уездными земуправлениями, а в районированных местностях — райисполкомами, на операционный год с 1 октября до 1 октября, в пределах тех технических сил и финансовых средств, которые назначены по району.[1] Мы уже указывали, что включение в план работ на ближайший полевой период связано со взносом 50% установленной платы за производство землеустройства (см. выше, § 2, 9). Тогда же назначаются по каждому делу землеустроитель и агроном, которым поручается его проведение.[2]

в) Растущее участие государства в расходах по производству землеустройства как по государственному бюджету (для бедняцких хозяйств), так и по линии банковского кредитования — для середняцких хозяйств (см. выше, § 2, 9, б) уже в настоящее время поставило перед

---

[1] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г., ст. 108 (СУ 1927 г. № 79, ст. 533); цирк. НКЗ от 27 апреля 1927 г. о рационализации землеустройства («СХЖ» 1927 г., № 18).

[2] Инструкция о порядке участия агрономического персонала в землеустроительных работах от 18 февраля 1925 г. («СХЖ» 1925 г., № 9).

советским землеустройством задачу перехода от производства землеустройства на небольших территориях по выборочному методу, по заявкам населения, к работам, рассчитанным на плановый охват больших территорий в наиболее важных по производственному признаку районах, по гнездовому методу. Так, переустройство крестьянского хозяйства в центральных черноземных губерниях и в засушливых областях (см. выше, § 2, 10) производится в тех или других районах по выбору земельных органов, охватывая, по возможности, все хозяйства данной местности, в особенности бедняцко-середняцкие группы. Этот гнездовой метод землеустройства не означает, однако, что землеустройство принимает принудительный, обязательный для населения характер. Отбор земельных обществ и групп хозяйств в них для производства землеустройства «не должен нарушать принцип добровольного вовлечения объединений и хозяйств в реорганизацию».[1] При 55% неудовлетворенных заявок (см. выше, § 2, 11) и государственной помощи не только на оплату землеустроительных расходов, но и на производственную реорганизацию устраиваемого хозяйства (агрикультурные мероприятия, снабжение средствами производства), плановое регулирование землеустройства и собственные желания населения должны крайне редко вступать между собою в столкновение.

4) Составление землеустроительного проекта и сопровождающего его проекта агрикультурных улучшений требует совершения ряда землеустроительных действий, вкратце перечисленных в ст. 184. Еще до выезда своего на место землеустроитель обязан собрать и изучить относящиеся к порученному ему делу плановые и иные материалы, характеризующие состояние землепользования землеустраиваемого района. Все дальнейшие свои действия землеустроитель совершает на месте при непосредственном участии заинтересованных землепользователей, в присутствии председателя сельского совета, а в наиболее важные моменты и представителя вол(рай)исполкома, на обязанности которых лежит, кроме общего содействия производящемуся землеустройству, главным образом, защита прав и интересов бедняцко-середняцких слоев землеустраиваемого населения (ст. 185). Участники землеустройства лично или в лице их представителей извещаются о явке для участия в каждом землеустроительном действии настолько заблаговременно, чтобы они, по местным условиям, имели возможность

[1] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 июня 1927 г. о мероприятиях по борьбе с засухой (СУ 1927 г. № 57, ст. 394).

прибыть в назначенное время в указанное место (ст. 174). Мы уже указывали (см. выше, § 2, 5), что в таком важном акте, как оценка устраиваемых земель, решающая роль принадлежит самим участникам землеустройства, а представители государства, землеустроитель и агроном, являются лишь руководителями, помогающими своими знаниями и опытом правильному решению поставленной задачи, стремясь достичь добровольного соглашения между землепользователями. Это участие пользователей устраиваемых земель в землеустроительных действиях считается Кодексом настолько важной гарантией правильности землеустроительного преобразования, что опоздавшим по уважительным причинам (тяжелая болезнь, стихийное бедствие и т. п.) к совершению какого-либо действия, выполненного в их отсутствие, предоставляется и председателем сельского совета.

В виду серьезности и сложности актов, предшествующих составлению землеустроительного проекта, землеустроитель оформляет свои действия в течение всего землеустроительного процесса путем ведения подневного протокола, а в важнейших моментах работы (определение прав на землю, оценка земель) — путем составления особых протоколов, подписываемых участниками землеустройства и председателем сельского совета.

а) Землеустроительным действиям в натуре предшествует выяснение всех элементов землеустройства, из которых главнейшими являются установление состава земель, подлежащих землеустройству — дачи разверстания (см. выше, § 2, 2) и определение земельных прав участников землеустройства (см. выше, § 2, 4). Это предварительное выяснение совершается в широкой общественной обстановке. Так, землеустроитель прежде всего — при устройстве земель трудового пользования — созывает общее собрание земельного общества, на котором в присутствии председателя сельского совета разъясняет существо данного ему поручения, его цель и значение, и характер предстоящего землеустроительного процесса. Он обязан также разъяснить все льготы и преимущества, которыми пользуются бедняцкие и середняцкие слои деревни и семьи красноармейцев по освобождению от платы за землеустройство (см. выше, § 2, 9, б) и снижению ее,[1] по семенным и племенным ссудам, по сельскохозяй-

[1] Ходатайства семей красноармейцев включаются в производственный землеустроительный план в первую очередь и выполняются со скидкою против установленных ставок на 50% (Инструкция СНК РСФСР от 13 июля 1925 г. по применению льгот для военнослужащих, ст. 9, — СУ 1925 г. № 50, ст. 383).

ственному кредиту,[1] по освобождению от сельскохозяйственного налога в случае расселения на новые места (см. гл. VII, § 4, 4), по льготному отпуску леса (см. гл. XV, § 5, 2, б) и т. д. В тех же целях он предлагает сельсовету составить совместно с комитетом общественной взаимопомощи список бедняцких хозяйств, которые должны быть землеустроены за счет государства, представляя эти списки на утверждение вол(рай)исполкома и прилагая утвержденные списки к землеустроительному производству, а также помогает середняцким хозяйствам в исходатайствовании ими ссуд на оплату землеустроительных работ, если такие ходатайства не были поданы ими при самом заявлении о землеустройстве (см. выше, § 2, 9, б).

Но главнейшими элементами землеустройства, которые должен установить землеустроитель перед составлением землеустроительного проекта, являются определение дачи разверстания, прав на землю участников землеустройства и устанавливаемых форм землепользования. Эти элементы он выясняет при непосредственном участии заинтересованных сторон, стремясь устранить путем соглашения между ними возникающие при этом споры и занося в протоколы те желания сторон, которые он не мог удовлетворить по соображениям хозяйственной целесообразности, а равно и те их споры, по которым не достигнуто соглашения. Так как землеустроитель таким образом активно участвует в разрешении всех возникающих при землеустройстве проблем, то он должен и собрать данные, на которых он основывал свои решения и которые послужат основаниями для проверки этих решений последующими инстанциями. Он поэтому производит: 1) хозяйственно-техническое обследование устраиваемой территории, заключающееся в определении ее размеров по плановым материалам, состава, количества и расположения отдельных участков, из которых состоит дача разверстания, недостатков землепользования, смежных землепользователей и других данных; 2) экономическое обследование устраиваемых хозяйств, заключающееся в описании форм и порядков землепользования, системы сельского хозяйства и пр.; 3) для определения прав на землю участников землеустройства, землеустроитель прилагает к делу имеющиеся у населения документы на земли, переданные в трудовое пользование, подворный список земельного общества на момент землеустройства, приговор

[1] Учреждения сельскохозяйственного кредита обязаны кредитовать семьи красноармейцев, в особенности их маломощные хозяйства, в первую очередь и на льготных условиях (пост. ЦИК и СНК СССР от 23 августа 1925 г., СЗ 925 г. № 57, ст. 427).

общества о разверсточной единице для землеустройства (ст. 140; см. выше, § 2, 4).

б) Одновременно и совместно с землеустроителем, начиная с первоначальной стадии выяснения дела, работает агроном; он помогает населению в выборе наилучших систем хозяйства, применительно к местным условиям и интересам участников землеустройства, способствует их объединению в коммуны, артели и товарищества с общественной обработкой земли и разрабатывает план организации хозяйства на устраиваемой территории. В итоге своей работы агроном составляет конкретный план введения агрикультурных улучшений с установлением рациональных типов хозяйства и систем севооборотов, определяет формы и условия перехода к ним, а также очередность и сроки приступа к пользованию вновь отведенными угодиями и необходимые технические действия для осуществления всего агрономического проекта (разбивка на поля, сводка полос и т. п.). Как и землеустроительные действия, агрономические предположения обсуждаются и принимаются непосредственно самим землеустраиваемым населением.[1]

в) В результате выяснения правовых, организационных и хозяйственных основ будущего землеустройства и намечаемого землеустроителем решения возникших споров между участниками землеустройства, землеустроитель составляет предварительные предположения целесообразной организации устраиваемой территории и схематический чертеж проектируемых землепользований, указывая в этих предположениях необходимые для их осуществления землемерно-технические и агрономические действия, размер дорожных и гидротехнических изысканий, время, потребное для их исполнения, и примерный расчет падающих на каждого участника землеустройства расходов по его производству.

Эти предварительные предположения со всеми материалами предъявляются участниками землеустройства в присутствии председателя сельсовета. Предъявление это оформляется особым протоколом, в котором землеустроитель излагает все сделанные по проекту замечания, возражения и жалобы, достигнутые между участниками землеустройства соглашения и свои заключения по существу споров и жалоб. Протокол

---

[1] Цирк. НКЗ от 5 января 1925 г. № 11/4 о проведении агрономических улучшений в связи с землеустройством и Инструкция НКЗ от 18 февраля 1925 г. о порядке участия агрономического персонала в землеустроительных работах («СХЖ» 1925 г., № 9).

подписывается землеустроителем, всеми присутствовавшими сторонами и председателем сельсовета.

5) После выяснения всех элементов землеустройства и предъявления его участникам предварительных предположений будущего землеустройства, землеустроитель приступает к перенесению этих предположений в натуру.

Полевые работы по землеустройству требуют сложных технико-землемерных измерений. Между тем последние основываются на предварительных решениях землеустроителя по возникшим между участниками землеустройства спорам даже по таким кардинальным элементам землеустройства, как определение дачи разверстания и установление прав на землю. Правда, все эти решения будут пересмотрены судебно-земельной комиссией при утверждении землеустроительного проекта, если споры не окажутся устраненными в процессе землеустроительных действий. Но возможная переделка полевых работ, при несогласии земельной комиссии с решениями землеустроителя, представляет громадную затяжку землеустройства и требует затраты больших средств. Чтобы избежать, по возможности, таких переделок и вместе с тем не приостанавливать производства землеустройства до разрешения земельным судом неустраненных споров, применяются две меры: 1) при сложности спора землеустроитель представляет предварительные предположения участковому или районному землеустроителю, а где их нет — уездному или окружному землеустроителю, для дачи указаний и разъяснений, и 2) сторонам, спорящим между собою о правах на землю, последняя отводится, по возможности, смежно, для того чтобы при ином решении спора земельной комиссией, чем это указано в землеустроительном проекте, не было надобности в перемещении всех новых землепользований.

Все полевые работы производятся при непосредственном участии не только заинтересованных сторон, но и смежных землепользователей, граничащих с землеустраиваемой территорией и заинтересованных поэтому в том или ином исходе землеустройства.[1]

Полевые работы начинаются с отграничения и съемки землеустраиваемой территории, целесообразного спрямления ее границ и определения ее размеров как в целом, так и по угодьям. Лишь затем землеустроитель приступает к сравнительной расценке угодий (см. выше, § 2, 5) и, на основании всех добытых данных, устанавливает новые землепользо-

---

[1] Пост. пленума ОКВК от 11 октября 1926 г. (прот. № 12, — «СХЖ» 1927 г., № 1).

вания для участников землеустройства как на плане, так и в натуре, с обозначением их межевыми знаками (ст. 184). На каждую часть этой сложной землеустроительной работы составляется особый протокол, куда заносятся все желания и возражения заинтересованных сторон за их подписями.

б) По выполнении всех действий в натуре, землеустроитель составляет особый акт, называемый землеустроительным проектом.

а) По содержанию своему проект делится на две части: а) вводную и б) резолютивную. В первой излагается история возникновения землеустроительного дела, дается описание землеустроенной территории и составлявших ее землепользований с указанием всех их недостатков, перечисляются все произведенные землеустроительные действия и главнейшие основания, принятые в расчет при составлении проекта, и излагаются возникшие споры, как они были устранены, а если они остались неустраненными, то решения, данные им землеустроителем. Резолютивная часть проекта содержит: а) перечисление участников землеустройства и описание отводимых им участков в соответствии с планом; б) особые условия и повинности, устанавливаемые для землепользователей в связи с пользованием землями, предоставленными им по проекту (напр., обязательство содержать в исправности дороги, мосты, водоемы, участие в пастьбе скота, в пользовании водопоями и т. д.); в) какое, кому и от кого причитается вознаграждение за вложенные в землю затраты и улучшения, оставшиеся неиспользованными прежними землепользователями, и г) срок, порядок и условия приступа к пользованию землями в новых границах (ст. 184).

К землеустроительному проекту прилагается план, на который наносятся все границы новых землепользований, и составленный агрономом проект агрикультурных улучшений.

б) Землеустроительный проект с планом составляет завершение всех произведенных до его составления работ, которые находят в нем свое выражение. В связи с этим находится один из важнейших моментов землеустроительного процесса — предъявление проекта. После своего составления проект предъявляется землеустроителем на плане и в натуре сторонам в присутствии представителя от вол(рай)-исполкома и председателя сельсовета; неприбытие первого из этих должностных лиц не приостанавливает, однако, предъявления проекта (ст. 185).

Председатель сельсовета и представитель вол(рай)исполкома должны при предъявлении проекта наблюдать в особенности за тем,

чтобы были полностью соблюдены интересы маломощных крестьянских хозяйств, стремясь в то же время включить в проект все пожелания сторон, поскольку они не направлены к ущербу требованиям хозяйственно-технической целесообразности (ст. 185). О предъявлении проекта составляется особый протокол, в который землеустроитель вносит все неустраненные им споры и жалобы сторон и протесты председателя сельсовета и представителя вол(рай)исполкома, равно как и свои заключения по содержанию этих жалоб и протестов. Протокол подписывается землеустроителем, участниками землеустройства и представителями власти.

Предъявление проекта, как действие, заканчивающее производство землеустройства и его подытоживающее, составляет необходимую стадию землеустроительного процесса. Непредъявленный сторонам проект, подписанный только землеустроителем, не имеет юридической силы; указанные в таком проекте новые землепользования не могут быть образованы. [1]

в) Для того чтобы землеустроительный проект стал основанием новых земельных прав, в нем изложенных, он требует еще утверждения подлежащими земельными органами. Порядок утверждения различен в зависимости от того, заявлены ли споры и жалобы или протесты по проекту или не заявлены. Надо заметить, что стороны, вызванные к предъявлению проекта, но не присутствовавшие при этом акте, имеют право в течение двух недель со дня предъявления проекта подать жалобу на предъявленный проект в уездное земельное управление или в райисполком — заведующему земельным столом — непосредственно или через участкового или районного землеустроителя (прим. к ст. 187).

Бесспорными проектами являются те проекты, при предъявлении которых присутствовали все участники землеустройства и представители власти и которые не вызвали споров, жалоб и протестов, не улаженных землеустроителем путем соглашения сторон или путем внесения им самим в проект пожеланий сторон (ст. 187). Бесспорными являются и те проекты, на которые не было подано жалоб в течение двух недель сторонами, вызванными к предъявлению проекта, но не присутствовавшими при этом акте. Остальные проекты являются спорными.

---

[1] Опред. ОКВК от 24 октября 1923 г. № 971 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 306).

Все проекты — как беспорные, так и спорные — с планами и всем производством по делу представляются землеустроителем в уездное земельное управление (или в райисполком, заведующему земельным столом). Бесспорные проекты утверждаются указанными земельными управлениями без вызова сторон, после проверки хозяйственной целесообразности произведенного землеустройства; спорные же передаются в уездную (районную) земельную комиссию вместе с мотивированным заключением по существу споров и жалоб, заявленных как при предъявлении проекта, так и в течение 2-недельного срока после его предъявления (ст. 188). Земельная комиссия, рассмотрев споры и жалобы в общем порядке рассмотрения земельных споров, т. е. с вызовом сторон и согласно общих правил гражданского процесса (см. гл. XIV), либо отклоняет эти споры и жалобы и утверждает проект в неизменном виде, либо вносит в него необходимые изменения, если это возможно без исправления или пересоставления проекта в натуре, либо, наконец, направляет проект в уездное земельное управление или в райисполком для исправления или пересоставления (в целом или части), указывая все требующиеся изменения и основания, которыми они вызываются (ст. 189).

г) Исполнение землеустроительного проекта заключается в укреплении проектированных границ новых землепользований постоянными межевыми знаками (ст. 191) и, следовательно, в праве участников землеустройства перейти к пользованию землями согласно утвержденного проекта. По общему правилу, такое исполнение возможно лишь после утверждения бесспорного проекта уездным земельным управлением или райисполкомом или после вступления в законную силу решения уездной или районной земельной комиссии по спорному проекту. Однако, землеустроительный процесс знает и предварительное исполнение.

Бесспорный проект обращается к предварительному исполнению одновременно с направлением его на утверждение уездного земуправления или райисполкома, если в акте предъявления проекта не установлено для перехода к пользованию землями, согласно проекта, особого срока (ст. 186). Что касается спорных проектов, то уездная или районная земельная комиссия, в случае отклонения ею заявленных сторонами споров и жалоб и оставления предъявленного проекта без изменений, имеет право постановить о приведении проекта в исполнение, независимо от истечения срока на обжалование ее решения, если только проект землеустройства не связан с расселением (образование поселков, выселков и хуторов) и если при том возможное, в случае обжало-

вания ее решения, изменение проекта после приведения его в исполнение в натуре не повлечет за собою существенных затруднений для заинтересованных сторон (ст. 190).

д) На основании постановления об окончательном утверждении проекта землеустройства и после его исполнения делается запись новых землепользований в общем волостном реестре землепользований, который ведется в уездном земельном управлении (или участковым землеустроителем, если такая должность уже открыта). На основании этой записи участникам выдаются документы на право землепользования — земельные записи. В этих записях указываются: а) даты постановления земуправления или земельной комиссии об утверждении землеустроительного проекта и составленного плана и номера участков данного землепользования; б) наименование землепользователей; в) местоположение, границы, состав (по угодьям) и площадь участков и неудобных земель; г) общие пользования с другими землепользователями, не входящие в состав указанных в записи участков (напр., выгон, лес), с подробным указанием их наименования, номеров по волостному реестру землепользований, наименования соучастников и указания количества долей, причитающихся получающим запись землепользователям; д) постановления Земельного кодекса об ответственности землепользователей перед государством за правильное и целесообразное использование предоставленных им угодий, и е) дороги общего пользования и всякого рода обременения и полномочия (сервитуты), связанные с землепользованием, например: дороги, которыми данный землепользователь может пользоваться, как частным проездом, право водопоя, проведения оросительных и осушительных каналов, прогона и взаимной пастьбы скота и т. д. На средине свободной части листа записи помещается выкопировка или копия (в соответственном масштабе) чертежа землепользования (ст. 192 и Инструкция от 2 мая 1923 г.[1] о форме, порядке составления и выдачи земельных записей).

Таким образом, в содержании земельной записи, основного документа, выдаваемого трудовому землепользователю в удостоверение прав на землю, нашли себе выражение обе главнейшие черты права трудового землепользования: вещный и бессрочный характер этого права, нуждающегося в силу этого в точной определенности, прочности, известности, и его обусловленность выполнением ряда социальных

[1] «ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 312.

и хозяйственных требований под страхом ответственности перед государством-собственником.

7) Могут ли участники землеустройства просить о прекращении дела во всяком его положении? Землепользователи, включенные в дачу разверстания постановлением землеустроителя, такого ходатайства заявить не могут, ибо их включение в землеустроительный процесс имеет принудительный для них характер (см. выше, § 2, 2). Просить о таком прекращении имеет право лишь сторона, возбудившая производство о землеустройстве, но только до утверждения землеустроительного проекта. Однако просьба эта должна быть уважена лишь при двух условиях: 1) если на продолжении дела не будет настаивать кто-либо из прочих участников землеустройства, даже из числа включенных в дачу разверстания, так как и возбудившие дело о землеустройстве, и привлеченные к нему впоследствии — обладают после привлечения равными процессуальными правами; 2) если сторона, просящая о прекращении дела, согласна оплатить все расходы по землеустроительным действиям, произведенным до прекращения дела (ст. 183). Так как при несогласии одного из участников землеустройства на прекращение дела последнее продолжается исполнением, то сторона, отказывающаяся от землеустройства, попадает в положение участника, включенного в дачу разверстания, и, следовательно, обязана участвовать в расходах по землеустройству на общих основаниях, т. е. соразмерно устраиваемой для нее площади и сообразно роду производимых действий (ст. 183).

Особенности представляет вопрос о прекращении землеустройства, начатого на наделе земельного общества, ибо здесь решение сталкивается с проблемою права возбуждения землеустройства. В случае отказа, напр., большинства дворов земельного общества в процессе работ по разверстанию его земель на хуторские и отрубные участки от дальнейшего продолжения землеустройства и при настоянии меньшинства на продолжении работ, дальнейшее производство землеустройства возможно лишь в порядке выдела земли меньшинству, т. е. если это меньшинство, требующее осуществления землеустройства, удовлетворяет требованиям ст. 136 Зем. кодекса или же если в составе земель общества имеются пустопорожние и обособленные участки, выдел на которые не вызовет необходимости общего передела земли в обществе. [1]

---

[1] Разъяснение НКЗ от 12 октября 1923 г. № 196381 («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 296).

§ 6. Земельная регистрация.

1) Закрепление революционного распределения земель, охватившее 96% сельскохозяйственной площади Республики, на праве трудового землепользования за земельными обществами и, местами, за единоличными обособленными хозяйствами и осуществление контроля государства, как верховного собственника земель, за целесообразным и правильным использованием землепользователями закрепленных за ними земель на указанных в законе социальных и хозяйственных условиях, — потребовали организации государственной записи землепользований, земельной регистрации.

Юридическая земельная регистрация в капиталистических странах сложилась главным образом в интересах обеспечения правильности земельного оборота: ее основная задача — охрана интересов участников сделки о недвижимости и в особенности вещного кредитора, приобревшего огромное значение вместе с быстрым ростом задолженности землевладения и всею системою реального кредита. В некоторых странах земельные книги прямо носят название ипотечных книг, так как сама вотчинная система возникла в них из необходимости обеспечить прочность именно залоговым, ипотечным правам. Если поэтому в земельных книгах и указываются сведения о хозяйственном положении недвижимостей, то только постольку, постольку это необходимо для их юридического определения, для придания земельным правам надлежащей прочности, известности и определенности. Центр тяжести всех сведений, содержащихся в земельных книгах, заключается поэтому не в фактическом описании земельного участка, а в описании его правового состояния, т. е. принадлежности участка, характера права, лежащих на нем обременений, залоговых прав и повинностей и т. д. Хозяйственное описание земельных единиц отнесено в западно-европейских странах к так называемому кадастру, имеющему целью определение доходности земельных участков в целях земельного обложения и ведущемуся отдельно от правовой земельной регистрации.

Советское земельное право не знает ни сделок с землей, ни залоговых прав на нее. Конечно, поскольку сельскохозяйственная площадь Республики закреплена отдельными участками за частными лицами и обществами на бессрочном праве трудового землепользования, поскольку государственные сельскохозяйственные предприятия (советские хозяйства) и их объединения — тресты — работают на хозяйственном расчете, постольку эти общества, лица и предприятия заинтересованы

в придании своим правам на землю точности, ясности и определенности. Они поэтому нуждаются в правовой земельной регистрации. Но этот их интерес вытекает из потребностей надлежащей хозяйственной эксплуатации своей земли, а не вызывается возможностью ее отчуждения или залога. Поэтому правовое описание нашего земельного участка несравненно проще и не столь существенно для третьих лиц, как это имеет место в буржуазных странах. Важнее и существеннее хозяйственные данные земельных участков.

Тот же правовой и хозяйственный интерес имеет и государство. Ибо, предоставив принадлежащий ему и находящийся в его управлении государственный земельный фонд в пользование множества трудовых землепользователей, оно обязано держать все участки на учете, следить за выполнением землепользователями социальных и хозяйственных условий этого предоставления и вообще знать состояние фонда в каждый данный момент для правильного управления им. Поэтому наша земельная регистрация может совмещать в себе и правовую земельную регистрацию в тесном смысле этого слова, и кадастр, содержа сведения, характеризующие земельные участки и в правовом и в хозяйственном отношениях, включая и данные об их доходности. Недаром в наших земельных книгах, — так наз. актах земельной регистрации: волостном реестре землепользований, реестре земельных обществ, реестре усадебных участков селений, — оставляются несколько свободных граф на случай необходимости регистрации каких-либо новых фактов для той или другой отрасли народного хозяйства. Ст. 194 дает правильное и ясное определение земельной регистрации. Она «имеет задачей собирать и хранить, в систематическом и наглядном виде, верные и современные сведения о правовом и хозяйственном положении всех землепользований в интересах общегосударственного управления землями, а также для надобностей различных отраслей народного хозяйства и для ограждения прав и интересов землепользователей».

2) Вотчинная система ведения земельных книг в капиталистических странах знает ряд основных положений, обеспечивающих прочность земельного оборота. Главнейшим из них является начало внесения, согласно которого всякое возникновение, изменение и прекращение права на землю имеет место лишь постольку, поскольку оно занесено в земельные книги. В основании того или другого права на земельный участок лежит не сделка между сторонами, а запись в зе-

мельной книге. В своем крайнем выражении этот принцип гласит: «чего нет в книге, того нет на свете». Отсюда — принцип публичной достоверности записей в книгах, т. е. действительности сделок, совершенных на их основании, для добросовестного приобретателя, хотя бы запись и не соответствовала действительности.

Наше земельное право, не имея надобности в защите земельного оборота, интересов залогодателей и покупщиков, не нуждается в таких сильных средствах. Для записей в актах земельной регистрации Кодекс довольствуется предположением об их истинности, которое может быть всегда оспорено в суде, чем будет погашено и право, основанное на несоответствующей действительности записи. Согласно ст. 200, сведения, содержащиеся в актах регистрации и в выданных из них выписях, должны приниматься всеми учреждениями и частными лицами за достоверные, пока противное не будет доказано в порядке рассмотрения земельных споров. Для обеспечения этого доверия, которое должно питать население к данным земельной регистрации, Кодекс возлагает на органы земельной регистрации ответственность за правильность сведений, содержащихся в регистрационных актах.

3) Государственная земельная регистрация разделяется на основную, заключающуюся в первоначальном заполнении карт и реестров, и текущую, имеющую целью своевременное занесение в акты регистрации тех изменений в правовом, хозяйственном и природном состоянии земельных участков, которые происходят с течением времени (ст. 195). Регистрация распространяется на все земли Федерации, кроме земель, находящихся в действующей черте городов (см. выше, § 4,2), и носит реальный, вещный характер, т. е. данные группируются по «отдельным земельным участкам» (ст. 197). Группировка персональная, по личностям землепользователей, хотя и ведется, но исходит из данных основной книги, общего волостного реестра землепользований, который ведется уземуправлениями или участковыми землеустроителями.[1]

а) Каждому отдельному земельному участку в волостном реестре землепользований, едином для всей волости, открывается отдельный лист, состоящий из левой и правой страницы реестра. Понятие земельного участка, являющегося регистрационной единицей, — одновременно и правовое и хозяйственное. Земля, состоящая в пользовании земельных обществ, независимо от суще-

[1] Порядок земельной регистрации установлен Инструкцией НКЗ от 27 июля 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 65).

ствующего в них порядка землепользования — общинного, участково-чересполосного, товарищеского — регистрируется как один участок, без разделения ее между отдельными дворами или землепользователями, и само общество считается отдельным землепользователем. Наоборот, хуторские и отрубные участки регистрируются каждый в отдельности, а отрубщик, хуторянин, заимочник являются отдельными землепользователями. В предыдущих главах мы неоднократно указывали на всю правовую обоснованность такой группировки земель трудового пользования, прямо предписанной ст. 197 Кодекса (см. гл. XI, § 4). Отдельными участками считаются землепользования государственных и общественных организаций, учреждений и предприятий, находящиеся у них на праве непосредственного пользования (ст. 24 Инстр.), и все государственные имущества, которые регистрируются отдельными участками по их хозяйственным и природным свойствам (площадь земли, окаймленная одной сомкнутой линией, сплошная лесная площадь, сплошной свободный земельный участок и т. д.).

б) Каждый отдельный земельный участок носит свой порядковый номер по волостному реестру, который в то же время является и номером в волостной карте и отмечается и в алфавитном списке землепользователей, и в реестре земельных обществ. За порядковым номером следуют: название участка, наименование землепользователя и ряд граф о составе угодий и их площадях (пашни, сенокоса, леса, выгона, усадьбы и др., а также неудобных земель — оврагов, песков, солонцов, болот, вод и др.) и общее количество площади участка. Этим исчерпывается левая страница реестра. Правая страница открывается графой об усадьбе, ее номере, ее расстоянии от поля и имеющихся на ней постройках и хозяйственных обзаведениях, и затем следует более специальная, правовая характеристика участка: а) основание права землепользования (землеустроительные акты, акты отвода, постановления земорганов и земельных комиссий и т. п.); б) плановые и иные материалы, характеризующие участок; в) лежащие на участке особые обременения и повинности и связанные с его использованием особые полномочия, с указанием на их основания (например: право проезда по дорогам необщественного пользования, право водопоя, прогона и взаимной пастьбы скота, право проведения оросительных и осушительных канав, изъятия по платежу налогов и отбыванию повинностей, обременения арендного и концессионного характера);[1] г) земельное общество, в которое вхо-

[1] Разъяснение НКЗ Воронежскому губземуправлению № 186345 от 20 февраля 1923 г. («Зем. кодекс с разъяснениями НКЗ», стр. 318).

дит данный землепользователь (напр., по вспомогательным угодьям); д) время отметки о регистрации, выдачи земельных записей и т. п., и е) несколько свободных граф.

Кроме общего волостного реестра землепользований, ведется по той же системе по каждому селению отдельно р е е с т р его у с а д е б н ы х у ч а с т к о в, и составляются единая общая волостная карта и, для каждого селения, особая карта (ст. 196).

4) Помимо этой, лежащей в основании всей регистрации, р е а л ь н о й описи земельных участков волости и усадебных участков селения, ведутся, как мы выше указывали, п е р с о н а л ь н ы е р е е с т р ы, имеющие большое юридическое значение для каждого земельного общества и составляющих его дворов, ибо многие юридические факты (раздел дворов, смена домохозяев, состав двора, примачество, недробимость трудового хозяйства, трудовая аренда, общий передел, изменение порядка землепользования) приобретают законную силу с момента регистрации, являясь иногда недействительными без нее. Сюда относятся: 1) реестр земельных обществ, который ведется волисполкомом (см. выше, гл. IX, § 3, 1, а); 2) подворный список, который ведется сельсоветом для каждого земельного общества (см. выше, гл. IX, § 4,4); 3) ордерная книга арендных договоров (в сельсовете — см. выше, гл. VIII, § 2, 4); 4) наряды приговоров о переделах земли (см. выше, гл. XI, § 2, 8) и 5) наряды раздельных записей и случаев объявления хозяйств недробимыми (см. выше, гл. X, § 7, 6, б и § 8, 2, б), ведущиеся в сельсовете и в волисполкоме.

За регистрацию в этих персональных реестрах и книгах соответственных юридических фактов взимается п л а т а в размере от одного до трех рублей (за регистрацию изменений в составе двора — 10 коп.) в пользу волостного бюджета. За регистрацию договоров трудовой аренды, перехода к улучшенной или общественной обработке земли и объявления хозяйств недробимыми — плата не взимается. [1]

Кроме вышеизложенных реальных и персональных актов земельной регистрации, ведутся вспомогательные списки: а) алфавитный указатель землепользователей — в уземуправлении и б) список населенных пунктов волости — в волисполкоме.

5) П р о в е д е н и е в ж и з н ь о с н о в н о й г о с у д а р с т в е н н о й з е м е л ь н о й р е г и с т р а ц и и представляет собою громадную работу при общей неопределенности границ землепользований,

[1] Предельные размеры ставок за регистрацию установлены декретом СНК РСФСР от 10 июля 1926 г. (СУ 1926 г. № 42, ст. 319) и Инструкцией НКЗ от 19 февраля 1927 г. № 57/13 («СХЖ» 1927 г., № 9).

создавшихся лишь в процессе революции. Составление персональных регистрационных актов и их заполнение, являясь прямою обязанностью волисполкомов и сельсоветов и не требуя в то же время сколько-нибудь значительных предварительных изысканий, предписано Наркомземом в качестве повсеместной и безотлагательной задачи. Помимо того, все землеустроительные учреждения и земельные комиссии обязаны все свои постановления и решения препровождать в 2-недельный срок в регистрационные органы для записи в акты регистрации (ст. 203).

Иное значение имеет составление реальных актов: волостного реестра землепользований и реестров усадебных участков для каждого селения волости, требующее сплошь и рядом землемерных действий в натуре. В этом отношении громадную помощь должно оказать землеустройство, получившее столь невиданный в истории размах (см. выше, § 2, 11).

Основанное на измерении земельных площадей и определении состава их по угодьям, устанавливая в землеустроительном проекте, среди прочих данных, какие земли по их роду, количеству, местоположению и границам, кому и для какой надобности отводятся, а также какие особые условия, повинности и полномочия устанавливаются для землепользователей в связи с пользованием предоставленными им землями (ст. 191), землеустройство становится главнейшим источником волостного реестра землепользований. Поэтому, согласно ст. 192, утвержденный землеустроительный проект препровождается в орган земельной регистрации для записи вновь образованных землепользований в актах регистрации, и только после этой записи участники землеустройства могут получить документы на свои участки — земельные записи, которые являются, таким образом, выписями из актов регистрации.

Землеустройство может явиться и источником кадастровых сведений. Декрет СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. о мерах по улучшению землеустройства [1] предложил Наркомзему «произвести опыт предварительного кадастра земель при землеустройстве». Результаты опыта еще не опубликованы.

6) Для ускорения основной государственной земельной регистрации Кодекс создал особый земельно-регистрационный процесс, оформляющий существующие землепользования. Процесс этот может иметь место лишь в том случае, когда для оформления прав

[1] СУ 1925 г. № 72, ст. 572.

на земельные участки не требуется производить в них каких-либо изменений, напр. по спрямлению границ, по обмену участков, хотя бы равновеликих или равноценных между собою, когда все дело сводится как бы к простому «фотографированию» участков. Во всех других случаях необходимо составление землеустроительного проекта, который должен проходить — и при предварительной его проработке и при составлении и утверждении — все стадии землеустроительного процесса.[1]

а) Земельно-регистрационный процесс может носить или сплошной, обязательный характер для волости, или производиться по частной инициативе землепользователей, заинтересованных в оформлении своих землепользований и получении на них документов — земельных записей. И в том и в другом случае регистрация производится за счет населения (ст. 205) по максимальной (предельной) таксе, установленной декретом СНК РСФСР от 3 мая 1927 г. (см. выше, § 2, 9, а). Ее задача — определить размеры, состав и границы регистрируемых землепользований.

Для решения земельно-регистрационного дела собираются предварительно все имеющиеся прежние акты и документы (планы и акты генерального и специального межевания, земские окладные книги, уставные грамоты и данные бывших помещичьих крестьян, владенные записи бывших государственных крестьян и пр.), а также и акты волостного землеустройства по Инструкции от 11 марта 1919 г. (см. выше, гл. III, § 1, 1). Затем землемер-землеустроитель проверяет на месте данные, имеющиеся в прежних актах, и вносит в них необходимые исправления путем обследования землепользований в натуре. Лишь при отсутствии материалов или их несоответствии с действительностью по своей устарелости, он производит непосредственные измерения. Как проверка документов, так и непосредственные измерения производятся при участии заинтересованных сторон, которые в праве вносить в протоколы регистрационных работ все возражения. По окончании дела землеустроитель предъявляет сторонам проекты документов на их землепользование — земельных записей, которые он представляет в уземуправление или в райисполком на утверждение. Заинтересованные стороны в праве обжаловать в уездное (окружное) земельное управление предъявляемый им проект земельной записи в 14-дневный срок со дня его предъявления.

б) Границы землепользований при земельно-регистрационном процессе определяются по бесспорному фактическому зем-

[1] Цирк. НКЗ от 19 февраля 1926 г. № 74/19 о порядке прохождения дел земельной регистрации («СХЖ» 1926 г., № 9).

лепользованию или по соглашению смежных землепользователей (ст. 204). В тех случаях, когда такого соглашения нет, невозможен и земельно-регистрационный процесс. Ибо, если землеустроительный процесс исходит, как из данного, из уже существующих прав участников землеустройства на землю, отсылая их в случае спора к земельному суду, то тем более должен это делать процесс земельно-регистрационный, могущий лишь «фотографировать» регистрируемые им участки.

в) В некоторой связи с земельно-регистрационным процессом, хотя по существу не связанный с ним, стоит земельный спор, предусмотренный прим. к ст. 204 и представляющий собою частный случай междуселенного землеустройства. Дело идет о разделе участка общего пользования между смежными земельными обществами (общего выгона, общих луговых угодий). Основания этого раздела, установленные прим. к ст. 204 — «соразмерно количеству едоков в земельных обществах и земельному обеспечению» — заключаются в уравнении землепользования заинтересованных сторон за счет спорного участка, не затрагивая их остального бесспорного землепользования. [1] В порядке землеустройства, следовательно с применением метода сравнительной расценки угодий (см. выше, § 2, 5), определяется условное (напр., в рублях) земельное обеспечение на едока каждого из спорящих земельных обществ, исходя из их бесспорного землепользования, а также общая условная оценка спорного участка, принимая во внимание, конечно, различную ценность разрядов угодий, из которых состоит участок. Обществу с меньшим (на едока) земельным обеспечением прежде всего нарезается такая часть спорного участка, которая уравнивала бы его землепользование с более обеспеченным землей обществом. Если после сделанного уравнения остается в спорном участке какое-либо количество земли, то оно распределяется между земельными обществами, соучастниками в общем пользовании, пропорционально числу едоков в каждом из них.

Указанный порядок раздела общего участка между земельными обществами требует производства землеустройства, с применением сравнительной расценки угодий. Однако, в тех случаях, когда, вследствие незначительных размеров спорной земли и неравного земельного обеспечения обществ, представляется очевидным, что спорный участок подлежит передаче полностью одной из сторон, имеющей худшее зе-

---

[1] Опред. ОКВК от 28 марта 1925 г. по д. № 807 — 1925 г. («Сборник», № 25), подтвержденное общим собранием ОКВК («СХЖ» 1925 г., № 29/30).

мельное обеспечение в сравнении с другими тяжущимися обществами, дело может быть решено судом и без обращения его к землеустроительному порядку производства. То же имеет место при столь незначительных общих размерах спорного участка, что результаты раздела не оправдали бы сложных работ по образованию дачи разверстания, охватывающей, как видно из изложенного, не только спорный участок, но и бесспорные землепользования спорящих обществ. [1]

7) Громадные размеры землеустройства и предоставление им всех основных данных для наших земельных книг, реальных актов земельной регистрации, в частности волостного реестра землепользований, ведут к все большему сокращению чисто земельно-регистрационных работ. Они уменьшились с 11,2 миллионов гектаров в 1925 г. до 5,1 млн гектаров в 1926 г. Такое резкое уменьшение, которое Наркомзем стремится довести до 1,7 млн *га* в год, объясняется его директивой — проводить земельную регистрацию в качестве самостоятельной работы только на землепользованиях, не требующих землеустройства. [2]

---

[1] Опред. ОКВК от 19 апреля 1926 г. по д. № 5811/4796 — 1926 г. («СХЖ», 1926 г., № 26).

[2] Доклад заведующего отделом землеустройства Н. В. Гендзехадзе («СХЖ» 1927 г., № 12).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА.

Литература: А. Лисицын, Госземимущества, «Энциклопедия права и государства»; Ф. Галевиус, Агрикультурная роль совхозов, «На аграрном фронте» 1925 г., № 12; А. П. Смирнов, Советские хозяйства и коллективы, их значение для реорганизации и укрупнения сельского хозяйства, «СХЖ» 1926 г., № 25/26.

§ 1. Понятие о госземимуществах.

1) С точки зрения национализации земли все земли можно было бы назвать государственными земельными имуществами. Но в нашем земельном праве под этими имуществами разумеется гораздо более узкая категория земель. Как мы уже указывали (см. гл. VI, § 3, 1 и 2), государственные земельные имущества составляют все земли, которые остаются в государственном земельном фонде после выделения из него земель непосредственного пользования: земель трудового пользования, специального назначения и городских земель. Это те земли, которые еще остались в непосредственном хозяйственном распоряжении государства, «в общем заведывании и распоряжении Наркомзема и его органов» (ст. 157), в отличие от земель непосредственного пользования, хозяйственная эксплуатация которых передана государством-собственником на определенных условиях отличным от него юридическим лицам публичного и частного права, а отчасти и отдельным физическим лицам. Из самого понятия государственных земельных имуществ следует, что к их составу относятся все земли, не предоставленные кому-либо в непосредственное пользование. Поэтому земли непосредственного пользования, потерявшие почему-либо свой характер, — вследствие ли отпадения специальной цели у земель специального назначения или невыполнения социально-хозяйственных условий права трудового землепользования пользователями трудовых земель, — возвращаются обратно в состав государственных земельных

имуществ (ст. 159 Зем. Кодекса). В то же время эти имущества являются постоянным источником образования земель непосредственного пользования. Среди других своих предназначений, о которых мы скажем ниже, государственные земельные имущества служат «для наделения безземельных и малоземельных граждан в трудовое пользование, для целей переселения и расселения, для отвода ведомствам или учреждениям участков специального назначения».[1]

2) По размерам территории главнейшую часть государственных земельных имуществ составляет государственный земельный запас, т. е. земли, не используемые наркомземами или их органами ни непосредственно, ни путем сдачи в аренду. Основное ядро этих земель состоит из свободных пространств, вообще не освоенных для сельскохозяйственной культуры. Аграрная революция, завоевания которой закреплены земельными кодексами союзных республик, оставила в фонде государственных земельных имуществ менее 4% сельскохозяйственной площади, насчитывающей по РСФСР около 220 миллионов десятин.

Последующими узаконениями, в особенности постановлением III Союзного съезда советов (см. гл. VII, § 3, 1), фонд земель трудового пользования все расширялся за счет государственных земельных имуществ. В непосредственном распоряжении государства остались сравнительно незначительные по своей площади (около 2 384 000 *га*), хотя и важные по своему социальному и хозяйственному значению, советские хозяйства, доходные статьи (1 055 000 *га* и 527 000 *га* лугового фонда) и значительный государственный земельный запас (около 10 миллионов гектаров).[2] Последний сосредоточен на Севере и Юго-востоке Российской Федерации и в Сибири (12 214 000 *га*) и является в большинстве случаев неудобным для непосредственной колонизации, требуя предварительной затраты значительных средств, в особенности в таежных пространствах Сибири и в засушливых районах Юго-востока.[3]

Помимо государственного земельного запаса, в состав государственных земельных имуществ входят советские хозяйства (совхозы) и доходные статьи.

---

[1] Ст. 20 декрета СНК РСФСР от 23 августа 1923 г. (Собр. узак. 1923 г. № 74, ст. 716).

[2] Цифры взяты из доклада Отдела госземимуществ НКЗ («СХЖ», 1927 г. № 1, стр. 31).

[3] М. Большаков, Задачи и перспективы колонизации («Земельное дело», сборник статей, изд. НКЗ, М., 1923 г.).

§ 2. Советские хозяйства.

1) Советские хозяйства представляют собою государственные крупные сельскохозяйственные предприятия в отличие от 22-23 миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, работающих на трудовых землях.

Советские хозяйства были организованы из бывших частновладельческих крупных хозяйств, технически наиболее совершенных. Еще революционное законодательство эпохи военного коммунизма стремилось сохранить их от распыления и сделать из них «фабрики хлеба и мяса», «создающие условия для перехода к коммунистическому земледелию», являющиеся вместе с тем для окружающего населения «культурно-агрономическими центрами».[1] Однако, аграрная революция в большинстве случаев не пощадила крупных помещичьих хозяйств, которые лишились не только лучших своих земельных угодий, но и значительной части мертвого и в особенности живого инвентаря. К этому присоединились продовольственные затруднения гражданской войны, вынудившие передать около половины совхозов (2 082 хозяйства из общего их числа в 4 316) в пользование промышленных предприятий и крупных профессиональных союзов «для удовлетворения продовольственных потребностей промышленного пролетариата». В этих так называемых приписных совхозах цели, поставленные Положением о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию 14 февраля 1919 г., осуществлялись в самой незначительной степени.

В эпоху новой экономической политики советские хозяйства вошли почти без основных и оборотных капиталов, лишенные органически связанных с ними сельскохозяйственных технических предприятий (винокуренных и свеклосахарных заводов, лесопильных и мукомольных предприятий), которые были переданы в ведение органов промышленности. Между тем, Зем. кодекс (ст. 160) выдвинул на первый план значение совхозов, как показательных хозяйств, как агрономических центров, воздействующих на сельское хозяйство окружающего населения в целях поднятия его производительности. Советские хозяйства «имеют своим назначением служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления. Для осуществления этих целей они в ближайшее время ведут работы по поднятию и улучшению сельскохозяйственного производства в них, постановке опытно-показательных мероприятий и производству агрикультурных

[1] Ст. 29 Пол. о социалистическом землеустройстве от 14 февраля 1919 г. (СУ 1919 г. № 4, ст. 44).

ценностей (улучшенные породы скота, сортовые семена и т. п.), а также по воздействию на сельскохозяйственное производство окружающего населения или обслуживанию специальных задач (учебных и культурно-просветительных заведений, курортов и проч.)». Таким образом, советские хозяйства должны быть главным образом культурными хозяйствами, работающими не для прибыли, а как наглядный образец технической и социальной выгодности обобществленного крупного сельскохозяйственного предприятия, «последовательно социалистического предприятия в сельском хозяйстве».[1] Но советские хозяйства не могли осуществить эти задачи в том состоянии, в каком они находились ко дню издания Кодекса. Тем менее отвечали заданиям Зем. кодекса приписные совхозы.

Кодекс отменил вызванный продовольственными затруднениями институт приписки совхозов и земельных участков к профессиональным организациям, фабрично-заводским предприятиям и государственным учреждениям. Согласно ст. 161, с изданием Кодекса все совхозы переходят в исключительное распоряжение наркоземов республик, входящих в Федерацию. Они должны были быть еще в силу п. 6 постановления ВЦИКа о введении в действие Зем. кодекса от 30 октября 1922 г. приведены в срочном порядке в известность и землеустроены, с точки зрения их измерения и отграничения от смежных владений, с составлением им подробной инвентарной записи. Порядок их использования может быть двоякий: хозяйственным способом и путем сдачи в аренду. Поэтому все учреждения и организации, состоявшие пользователями советских хозяйств до издания Зем. кодекса и не оформившие своего пользования договорами, обязаны были оформить свое пользование заключением арендных договоров под страхом потери права на пользование ими (ст. 163, прим.), причем землеустройство совхоза должно производиться за их счет.[2] В отношении совхозов, сдаваемых в аренду, должно быть также соблюдаемо их общее социально-хозяйственное назначение опытно-показательного хозяйства. В договорах должны быть предусмотрены те агрикультурные мероприятия, которые арендаторы обязаны провести в течение обусловленного срока (ст. 163), и земельные органы обязаны наблюдать за тем, чтобы и сданные в аренду советские хозяйства в своей производственной и агрикультурной работе входили в тесное общение с местным земледельческим населением. В этих целях с ними может быть связана

[1] Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. о советских хозяйствах (СЗ 1927 г. № 15, ст. 162).

[2] Правила об использовании госземимуществ, ст. 3.

организация агрикультурных мероприятий (племенных, семенных рассадников, случных и прокатных пунктов, ремонтных сельскохозяйственных мастерских и т. п.) — ст. 162.

2) Осуществление целей, предусмотренных Кодексом в отношении советских хозяйств, требовало целого ряда предварительных мероприятий по их организационно-хозяйственному устройству, по обеспечению их основным и оборотным капиталами, по усилению их кредитования, по включению их в общий план реконструкции сельского хозяйства. Необходимо было также поставить подъем и укрепление советских хозяйств в круг деятельности земельных органов, в качестве очередной задачи земельной политики, так как наступление нэпа повлекло за собою в отношении к совхозам столь же «недостаточно внимательное отношение со стороны земельных органов», [1] как это имело место и в отношении колхозов.

а) С 1923 г. начинается реорганизация управления советскими хозяйствами, объединение наилучше поставленных советских хозяйств в губернские сельскохозяйственные тресты. Действовавшие первоначально на основании Положения, утвержденного Наркомземом 17 февраля 1923 г., тресты эти в настоящее время переводятся на устав, согласно декрета от 30 марта 1925 г. о с.-х. трестах. [2] Согласно этого декрета, сельтресты строятся на тех же принципах, что и промышленные тресты. Поэтому во всех случаях, не предусмотренных декретом о сельтрестах, применяются правила декрета 10 апреля 1923 г. о государственных трестах. Этою ссылкою на декрет от 10 апреля 1923 г. подчеркивается, что сельские тресты, несмотря на свое местное название (по губерниям), являются трестами республиканского значения, находящимися в непосредственном ведении Наркомзема РСФСР или наркомземов республик. Лишь в автономных республиках могут быть учреждаемы с.-х. тресты местного значения. [3]

Сельтресты представляют собою особую хозяйственную единицу, состоящую из одного или нескольких советских хозяйств и подсобных к ним промышленных предприятий, самостоятельно выступающую в

---

[1] Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. о советских хозяйствах (СЗ 1927 г. № 15, ст. 162).

[2] СУ 1925 г. № 21, ст. 150.

[3] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. о с.-х. трестах автономных республик (СУ 1926 г. № 21, ст. 165). С изданием нового общесоюзного Положения о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г. (СЗ 1927 г. № 39, ст. 392) должен быть издан и новый республиканский закон о сельскохозяйственных трестах.

торговом обороте в качестве юридического лица. Сельтрест действует на началах «хозяйственного расчета», в отличие от «коммерческого» расчета промышленных трестов. Это значит, что он преследует не столько цели извлечения прибыли, сколько выполнение основной задачи советского хозяйства — «служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления» (ст. 160 Зем. код.), соблюдая в то же время начало самоокупаемости в своих операциях. В промышленных трестах не допускается переход основного капитала в оборотный; в случае дозволенной законом продажи частей основного капитала, вырученные суммы идут на его восстановление. Наличие в составе основного капитала сельтрестов живого инвентаря, дающего приплод и в то же время часто изнашивающегося, вызывает необходимость особого правила, в силу которого допускается перемещение этой части основного капитала в оборотный и обратно. Своеобразно положение земли в структуре сельтреста. Как земля сельскохозяйственного значения, предоставленная государственному предприятию, она остается в составе государственных земельных имуществ (см. гл. VI, § 4, 2) и потому передается сельтресту на договорных и возмездных началах, как это имеет место, напр., в Сахаротресте. [1]

б) Упорядочение организационного строения советских хозяйств, произведенное декретом о сельскохозяйственных трестах, не могло, конечно, само по себе поднять совхозы на уровень образцовых крупных сельскохозяйственных предприятий. Совершенно недостаточные основные и оборотные капиталы совхозов этим улучшением организации еще не пополнялись. Декрет от 6 марта 1925 г. о мерах по укреплению экономического положения советских хозяйств [2] предписал поэтому ряд мер, направленных к созданию для совхозов прочной экономической базы. Советские хозяйства, находящиеся в эксплуатации Наркомзема, т. е. и входящие в состав сельтрестов, освобождены от уплаты арендных платежей за те участки, которые используются ими непосредственно. Эта мера подтверждена руководящим директивным союзным законом от 16 марта 1927 г. о советских хозяйствах. [3]

в) Предписав принять мероприятия по улучшению полевого хозяйства совхозов, переходу к посеву технических культур и снабжению их мертвым инвентарем, в частности тракторами, декрет 6 марта 1925 г.

[1] СЗ 1925 г. № 30, ст. 200.
[2] СУ 1925 г. № 18, ст. 121.
[3] СЗ 1927 г. № 15, ст. 162.

распределил советские хозяйства по выполняемым ими задачам на четыре группы: а) агрикультурно-производственные, б) арендно-приписные, в) учебные и г) опытно-показательные. Значение последних двух групп ясно из самого их названия; на совхозах, сдаваемых в аренду, мы остановимся ниже. Центральное место в системе советских хозяйств занимают агрикультурно-производственные совхозы, обязательно объединяемые в сельтресты, трестированные совхозы. Задачи этих хозяйств заключаются в том, чтобы, оставаясь хозяйственно-доходными предприятиями, они служили опорным пунктом агрикультурного воздействия на окружающие крестьянские хозяйства, были рассадниками агрикультурных ценностей (племенной, семенной и посадочный материал) и, будучи примером преимущества крупного сельского хозяйства, содействовали переходу единоличного крестьянского хозяйства к обобществленному производству как прямою помощью организации коллективных хозяйств, так и объединением населения на основе переработки сельскохозяйственных продуктов. [1]

г) Стремление законодателя усилить основные капиталы советских хозяйств побудило его принять решение о возврате этим хозяйствам сельскохозяйственных технических предприятий, переданных в течение революции органам промышленности. Согласно постановления ЭКОСО РСФСР от 17 марта 1925 г., [2] подтвержденного для всего Союза постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г., сельскохозяйственные технические предприятия, находящиеся на территории трестированных советских хозяйств и составляющие органическую их часть, подлежат передаче в ведение соответствующих сельтрестов. Сюда относятся предприятия: а) перерабатывающие сырье, производимое совхозами или окружающим крестьянским населением (крахмальные, маслобойные, винокуренные, лесопильные и т. п. заводы), б) подвергающие дальнейшей переработке продукцию только-что указанных заводов (напр., ректификационные заводы) и в) обслуживающие сельскохозяйственное производство (напр., ремонтные мастерские). Все эти предприятия передаются в ведение сельтрестов особыми приемно-сдаточными комиссиями на ходу с всем активом и пассивом; [3] последним сроком передачи установлено 1 июня 1927 г. [4]

[1] Все эти директивы подтверждены для всего Союза указанным нами выше союзным законом от 16 марта 1927 г. о советских хозяйствах.

[2] «СХЖ» 1925 г., № 17.

[3] Инструкция ЭКОСО РСФСР от 24 июля 1926 г. о порядке приема и сдачи государственными с.-х. трестами советских хозяйств и других хозяйственных предприятий (СУ 1926 г. № 53, ст. 406).

[4] СУ 1927 г. № 24, ст. 161.

д) Передача трестированным совхозам подсобных и сельскохозяйственных технических предприятий имеет целью создать из них индустриализированные крупные сельскохозяйственные предприятия. Помимо того, государство ассигновало по бюджету суммы на усиление основных капиталов советских хозяйств с тем, чтобы они были израсходованы на пополнение живого и мертвого инвентаря. Согласно союзного закона от 16 марта 1927 г. о советских хозяйствах, зачислены в основные капиталы трестированных совхозов все целевые кредиты, полученные ими по 1 января 1926 г., и ассигнованы на усиление тех же капиталов 6 000 000 руб. по бюджету 1926/1927 года.

В целях того же усиления основных капиталов сельскохозяйственных трестов, в случае включения в их состав советских хозяйств или других предприятий, находящихся в пользовании государственных или местных учреждений или предприятий без формальных договоров (бывшие приписные совхозы), основной капитал этих хозяйств или предприятий передается трестам без всякого возмещения. [1] То же имеет место и при передаче земельным органам бывших приписных совхозов: внесенное учреждениями и предприятиями в эти совхозы имущество, а также возведенные ими строения, передаются земельным органам безвозмездно. [2]

Союзный закон от 16 марта 1927 г. предписал усилить путем кредитования и оборотные средства совхозов и предоставить им преимущественные условия при снабжении их целевыми кредитами на приобретение усовершенствованных машин и орудий (в частности, тракторов) и разного рода оборудования при организации технических предприятий и прокатных пунктов.

е) Советские хозяйства пользуются и налоговыми льготами. Все поступления по единому сельскохозяйственному налогу с трестированных советских хозяйств идут на организацию особых фондов по кредитованию советских хозяйств. Советские хозяйства и их подсобные предприятия, за исключением торговых предприятий с.-х. трестов, платят социальное страхование по льготному тарифу, установленному для учреждений, состоящих на бюджете, т. е. 10%.

ж) Всеми указанными выше мерами создается в настоящее время материальная база для выполнения советскими хозяйствами тех задач, которые возложила на них революция еще в эпоху «бури и натиска» и

---

[1] Ст. 7 указанной Инструкции ЭКОСО РСФСР от 24 июля 1926 г.

[2] Пост. ЭКОСО РСФСР от 17 марта 1927 г. (СУ 1927 г. № 33, ст. 222).

которые ст. 160 правильно формулирует как задачу «служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления».

Из общей площади совхозов в 2 384 000 гектаров находится в распоряжении губернских сельскохозяйственых трестов 683 000 *га* (на 1 октября 1926 г.) и в распоряжении Сахаротреста — 398 000 *га*, т. е. всего 46% всей площади. Сельские тресты объединены в один синдикат (Государственный сельскохозяйственный синдикат — Госсельсиндикат), обслуживающий тресты в деле снабжения их орудиями производства и реализации их продукции. По данным за 1926 г. трестированные, а равно нетрестированные совхозы ведут громадную работу по семеноводству (1 220 000 *га*), по племенному животноводству (550 тыс. *га*), по коннозаводству и табунному коневодству (170 000 *га*), по тонкорунному и племенному овцеводству (180 000 *га*).[1]

§ 3. Эксплуатация госземимуществ.

Кроме трестированных советских хозяйств и советских хозяйств, находящихся в непосредственном хозяйственном управлении наркомземов республик, все остальные государственные земельные имущества эксплуатируются, по общему правилу, посредством сдачи в аренду в возмездное пользование,[2] за исключением, конечно, тех госземимуществ, которые предоставляются по особым предписаниям закона в непосредственное пользование трудовых землепользователей (см. гл. VII, § 3, 1), государственных учреждений и предприятий (земли специального назначения — гл. VI, § 4, 2) и городов (гл. XII, § 4).

Самовольное занятие госземимуществ, без заключения арендного договора, карается взысканием трехкратной средней арендной платы данного района.

Правила 23 августа 1923 г. регулируют отдельно сдачу в аренду совхозов и доходных статей.

1) Арендаторами совхозов могут быть как государственные учреждения и предприятия, так и общественные и кооперативные учреждения и частные лица. Но при равенстве прочих условий пред-

---

[1] «СХЖ», 1927 г., № 1, стр. 31.

[2] Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ от 23 августа 1923 г. (СУ 1923 г. № 74, ст. 716), дополненные постановлениями от 12 июня 1925 г. (СУ 1925 г. № 45, ст. 342), от 15 сентября 1926 г. (СУ 1926 г. № 61, ст. 469), от 16 июня 1927 г. (СУ 1927 г. № 57, ст. 401) и от 10 сентября 1927 г. (СУ 1927 г. № 96, ст. 637).

почтение перед другими соискателями отдается крестьянским и пролетарским организациям. С другой стороны, воспрещается сдавать в аренду совхозы бывшим владельцам и вообще нетрудовым земельным собственникам, владевшим землей в пределах данного уезда.

2) В содержании договора должны быть предусмотрены те агрикультурные мероприятия, какие арендатор обязан осуществить в течение обусловленного срока, и указано, что хищническая эксплуатация земельных угодий или инвентаря и построек влечет за собой расторжение договора. За пользование совхозом взимается арендная плата, исчисляемая в денежной форме и взыскиваемая в порядке взыскания налогов. Лишь при наличности особых местных условий допускается установление арендной платы в иной форме, а именно — в виде обязательства арендатора выполнить определенные государственные задания в области агрикультуры, мелиорации и т. п. или восстановить постройки или инвентарь.

Суб-аренда не разрешается, за исключением советских хозяйств, сдаваемых в аренду государственным промышленным предприятиям для удовлетворения их производственных нужд (свеклосахарные, табачные, хлопковые плантации и проч.).

3) Срок аренды не может быть по общему правилу больше 12 лет. Лишь при возведении арендатором ценных хозяйственных построек, сложных сооружений или при производстве других капитальных мелиоративных затрат допускается аренда совхозов на 24 года.

4) Сдача в аренду производится в порядке соглашения, когда соискателями выступают государственные учреждения и предприятия, сельскохозяйственная кооперация или прежний исправный арендатор, или когда участок сдается для организации специальных отраслей сельского хозяйства, под застройку, или когда он обслуживает строение, принадлежащее соискателю на праве собственности. Во всех остальных случаях госземимущества сдаются с торгов, которые могут быть заменены соревнованием, когда по соображениям государственной целесообразности или особого предназначения совхоза или вообще участка требуется устранение случайных и нежелательных соискателей. При сдаче с торгов или путем публичного соревнования, преимуществом пользуются при прочих равных условиях сельскохозяйственная кооперация, крестьянские общества взаимопомощи, земельные общества и профессиональные союзы.

Арендный договор на советское хозяйство, согласно ст. 153, должен быть совершен, под страхом недействительности, в нотариальном порядке. Договоры с арендной платой менее 5 000 руб. в год или

когда участки, входящие в состав госземимуществ, сдаются в бессрочно-безвозмездное пользование трудовым землепользователям (см. ниже, 5, б) или комитетам крестьянских обществ взаимопомощи — заключаются уездными и окружными земуправлениями. Договоры с арендной платой в 5 000 руб. в год и более, на сроки свыше 12 лет или когда участки сдаются в бессрочно-безвозмездное пользование государственным органам (см. ниже, 5, а), заключаются краевыми, областными и губернскими земуправлениями. Лишь концессионные и генеральные договоры (с Сахаротрестом, с Госсельсиндикатом) заключаются Наркомземом. Договоры на срок до одного года, независимо от суммы годовой арендной платы, и на имущества, переданные в заведывание районных и волостных исполкомов, без ограничения суммы и на срок до 24 лет — заключаются этими исполкомами.

5) Из этих общих правил сдачи в аренду советских хозяйств и вообще госземимуществ закон наш знает два исключения:

а) Согласно прим. 2 к ст. 8 Правил 23 августа 1923 г., госземимущества могут передаваться государственным учреждениям, обслуживающим учебные, культурно-просветительные, лечебные и иные специальные нужды, в бесплатное пользование впредь до минования надобности, для которой эти хозяйства передаются. Несмотря на большое сходство с землями специального назначения, совхозы и земли, передаваемые на основании указанного примечания, продолжают считаться государственными земельными имуществами и передаются в договорном порядке, так как они служат целям сельскохозяйственного производства и освобождаются от платежа арендной платы лишь потому, что используются не в целях извлечения коммерческой прибыли. Так, к землям, сдаваемым в бесплатное пользование государственным учреждениям, относятся: 1) земельные участки, отводимые для земельного обеспечения учебных заведений и детских учреждений, 2) земельные участки, передаваемые органам Наркомсобеса для обслуживания жилищных и продовольственных нужд домов отдыха и колоний инвалидов, 3) земли, передаваемые Военведу для нужд подведомственных ему государственных конных заводов, 4) участки, предоставляемые органам Наркомздрава в прямых лечебных и санитарных целях вне границ земель, отведенных Главному курортному управлению в качестве земель специального назначения, и 5) земли, предоставляемые Главному управлению местами заключения для организации трудовых сельскохозяйственных колоний лишенных свободы, в целях исправительно-трудового воздействия на них, а также для устрой-

ства сельскохозяйственных ферм, огородных и иных участков, обслуживающих исключительно продовольственные нужды мест заключения.[1]

б) В том случае, когда государственные земельные имущества предоставляются трудовым землепользователям под условием ведения ими на предоставляемых им землях каких-либо специальных культур, напр. посевов свеклы, или вообще под каким-либо условием, не предусмотренным общими правилами о социально-хозяйственной обусловленности права трудового землепользования, госземимущества, вместо наделения, могут быть предоставлены в бессрочное и безвозмездное пользование на основании особых договоров (прим. 2 к ст. 157). Договорный характер такого предоставления дает право расторжения договора и изъятия земли, как только землепользователем не выполняется условие, на котором ему предоставлены земли.

6) Кроме общегосударственного земельного запаса и советских хозяйств, третью категорию государственных земельных имуществ составляют доходные статьи. Сюда относятся прежде всего земельные участки, которые по своим размерам, составу и хозяйственному значению не могут рассматриваться в качестве оборудованных сельскохозяйственных предприятий, напр. небольшие пахотные участки, луговые пространства и сенокосы, места, находящиеся в сельских местностях и годные для застройки (около 1 527 000 *га* по РСФСР на 1 октября 1926 г., включая и луговой фонд). Но доходные статьи могут быть и неземельного характера. Незначительные хозяйственные единицы промышленного и промыслового значения, могущие служить источниками для получения дохода, относятся также к доходным статьям. Таковы, напр., мельницы невысокой производительности, находящиеся на участках, входящих в состав государственных земельных имуществ.

Условия, сроки и порядок сдачи в аренду доходных статей те же, что и совхозов. Имущества эти, сами по себе незначительные, теряют еще более свое значение после постановления III Союзного съезда советов о передаче земельных доходных статей малоземельным крестьянским обществам на праве трудового землепользования (см. гл. VII, § 3, 1).

---

[1] Цирк. НКЗ и НКФ от 17/19 ноября 1925 г. («СХЖ» 1925 г., № 41) и цирк. НКЗ от 7 февраля 1927 г. («СХЖ» 1927 г., № 8).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ СУД.

Литература: А. Лисицын, Земельные комиссии, «Энциклопедия права и государства; А. Дмитриев, Преобразование земельного суда, «ЕСЮ» 1927 г., № 11; Я. Бранденбургский, К вопросу о реформе земельных судов, «ЕСЮ» 1927 г., № 24; Б. К. Тумский, Народные суды или земельные комиссии?, «СХЖ» 1927 г., № 23; И. В. Сахаров, Старая история, «СХЖ» 1927 г. № 31; А. А. Ржаницын, Роль ОКВК в свете новых законоположений, «СХЖ» 1927 г., № 34.

§ 1. Земельные комиссии.

1) В изъятие из единой судебной системы Федерации, Кодекс создал для разрешения споров по земельным делам особый земельный суд, имеющий отдельные от общего суда инстанции и представляющий собою как бы особое ведомство. Волостные и районные, уездные и окружные, губернские, областные и краевые земельные комиссии[1] и возглавляющая их Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам РСФСР связаны только между собою как судебно-инстанционною, так и дисциплинарною соподчиненностью, и никакой иной местный орган Республики не в праве изменять или отменять вынесенные ими постановления (ст. 208). Хотя подготовка и доклад дел и вообще техническое обслуживание земельных комиссий, а также приведение в исполнение их решений возложены на землеустроительный аппарат соответствующих земуправлений (в волостных земкомиссиях — заведывающий земельным столом волисполкома, в районных — районный землеустроитель, в остальных комиссиях — соответствующие отделы землеустройства — прим. к ст. 216), тем не менее земельные комиссии действуют самостоятельно и независимо от тех земельных адми-

[1] Украинский зем. кодекс назвал эти комиссии «земельными судебными комиссиями», подчеркивая тем их характер судебного, а не административного учреждения.

нистративных учреждений, при которых они состоят, и ни в каком отношении им не подчинены.

2. Это выделение земельных комиссий в особую замкнутую земельно-судебную организацию проявляется в самом их составе.

а) Волостная земкомиссия образуется в составе председателя из числа членов соответствующего волисполкома по его назначению и двух членов, избираемых на один год на волостном съезде советов. Более сложен состав районных земельных комиссий, которым передано разрешение спорных дел по землеустройству. Кроме председателя, назначаемого райисполкомом из числа своих членов, и одного члена, избираемого на районном съезде советов, в состав комиссии входят: агроном и землеустроитель по назначению окружного земельного управления и народный судья по назначению окружного суда (ст. 209). Таким же порядком назначаются и избираются кандидаты к членам комиссий. Все члены районной земкомиссии, кроме избранного на районном съезде, и кандидаты к ним подлежат утверждению соответствующего исполкома.

б) Уездная (окружная) и губернская (областная или краевая) земкомиссии имеют состав, почти аналогичный составу районных земкомиссий. Они также состоят из председателя и четырех членов, причем председатель избирается соответствующим исполкомом, членами же являются: землеустроитель, агроном и мелиоратор, назначаемые соответствующими земельными управлениями, и народный судья, назначаемый окружным, губернским или областным (краевым) судом. Тем же порядком назначаются к членам заместители, которые, как и члены, подлежат утверждению соответствующего исполкома (ст. 210). Таким образом, большее постоянство состава земельного суда и усиление его лицами, знающими землеустройство, уже проявившиеся в определении законом состава районной земкомиссии, нашли еще более полное выражение в составе уездной (окружной) и губернской или областной (краевой) земкомиссиях. Несмотря на более многочисленный состав, заседания районных, уездных, окружных, губернских и областных (краевых) комиссий считаются состоявшимися при наличии только трех членов: председателя или его заместителя, члена-землеустроителя и народного судьи. Агроном и мелиоратор участвуют в решении спорного дела, когда этого требуют его особенности, главным образом в землеустроительных делах.

Все члены земельных комиссий, в том числе и волостной (районной), при отправлении ими судейских обязанностей, пользуются правами народных судей (ст. 212).

3) Земельные комиссии по порядку рассмотрения дел являются подлинными судебными учреждениями, как их называет Украинский зем. кодекс. Так как до издания Земельного кодекса (точнее, до издания Положения от 24 мая 1922 г. о порядке рассмотрения земельных споров) споры по земельным делам разрешались земотделами, действовавшими в качестве административных учреждений, то, чтобы подчеркнуть значительность происшедшей перемены с учреждением земельных комиссий, ст. 206 сочла необходимым указать, что дела в них рассматриваются в порядке состязательного процесса. Но эту состязательность надлежит понимать в том смысле, что в земельных комиссиях действует тот судебный процесс, который установлен Гражд. проц. кодексом, за исключениями, указанными в Положении о земельных комиссиях (ст.ст. 206 — 221). Ст. 1 Гр. проц. кодекса распространяет на все учреждения, снабженные судебными функциями, общие правила советского гражданского процесса, разрешающего данный спор не на основании только представленных тяжущимися сторонами объяснений и материалов, а руководясь и доказательствами, собранными судом по собственной инициативе в стремлении выяснить действительные права и взаимоотношения тяжущихся. Поэтому Инструкция НКЗ и НКЮ от 10 января 1924 г. о порядке рассмотрения спорных земельных дел, изданная на основании ст. 221 Зем. кодекса,[1] распространила на земельные комиссии как основные первые шесть статей Гр. проц. кодекса, так и большинство его процессуальных правил.

§ 2. Компетенция земельных комиссий.

Компетенция земельных комиссий определена ст. 207 как разрешение «всех спорных дел, возникающих при землеустройстве», «всех споров о правах на землепользование», и «утверждение проектов землеустройства, предусмотренных ст. 188», т. е. спорных проектов. Этим правилом устанавливается отграничение круга дел, подведомственных земельным комиссиям, от народных судов, с одной стороны, и от административной компетенции земорганов — с другой.

1) Отграничение от народных судов определяется, раньше всего, предметом спора — землей, но не землей вообще, а землями сельскохозяйственного назначения, правоотношения по которым обсуждаются Зем. кодексом (см. гл. VI, § 1). Поэтому

[1] См. «Земельный кодекс с разъяснениями НКЗ», прил. № 68.

споры, возникающие по отношению к городским землям, т. е. землям, находящимся внутри городской черты или закрепленным за городами на праве непосредственного пользования в пределах волостей (см. гл. XII, § 4), разбираются в народных судах или в арбитражных комиссиях, если дело идет о споре между государственными учреждениями и предприятиями, а неподсудные ни судам, ни арбитражным комиссиям — в коммунальных отделах.[1] Но, как мы уже указывали, дела об установлении действующей городской черты и ее расширении производятся в общем порядке землеустроительного процесса, в котором городские советы, в лице коммунотделов, являются одною из заинтересованных сторон и который протекает, в случае спора, в земельных комиссиях, начиная с уездной или районной в качестве первой инстанции (ст. 214).[2]

2) Земельным комиссиям подведомственны споры о всех правах на земли сельскохозяйственного назначения, независимо от того, являются ли эти права бессрочным правом трудового землепользования или срочным правом, основанным на договоре аренды, относятся ли они к землям трудовым или к госземимуществам. Поэтому земельным комиссиям подсудны не только споры дворов и земельных обществ, имеющие своим предметом закрепленные за ними земли, по какому бы поводу они ни возникали (общие и частичные переделы, захваты усадьбы, семейные разделы и т. д.), не только споры, возникающие из трудовой аренды земель (за исключением расторжения договоров, носящих кабальный характер, подведомственного народному суду), но и споры по арендным договорам, заключенным земорганами на отдачу в аренду совхозов и других государственных земельных имуществ как по их исполнению, так и по их расторжению.[3] Однако, иски о взыскании арендной платы и неустойки по договорам аренды на госземимущества подсудны общим судам, а не земкомиссиям.[4]

Если спор о взыскании имущества или денег предъявлен вместе с спором о земле сельскохозяйственного значения, как вытекаю-

---

[1] Инструкция НКЗ и НКВД по применению постановлений Зем. кодекса о городских землях от 18 июля 1923 г., ст. 4 (СУ 1923 г. № 77, ст. 746).

[2] Ст.ст. 145, прим. 1, и 146 Зем. кодекса, ст.ст. 1 и 2 Инструкции о городских землях.

[3] Ст. 21 Декрета СНК от 23 августа 1923 г. о порядке, условиях и сроках использования госимуществ (Собр. узак. 1923 г. № 74, ст. 716); ст. 5 Инструкции НКЗ и НКЮ от 10 января 1924 г. о порядке рассмотрения спорных земельных дел.

[4] Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 21 февраля 1927 г. («Судебная практика» 1927 г., № 5).

щий из него и зависящий в своем решении от земельного спора, то дело подлежит во всей своей совокупности рассмотрению земельных комиссий. Таков, напр., иск об убытках от нарушения землепользования, предъявленный вместе с требованием о восстановлении нарушенного землепользования (см. гл. VIII, § 4, 5, б), иск о разделе имущества общего пользования, предъявленный вместе с иском о разделе земли (см. гл. X, § 7, 7) и т. д. Но те же иски, предъявленные без требований о земельных участках или когда споры о последних уже разрешены земельными комиссиями, подлежат компетенции народных судов. [1]

3) Особенно надлежит подчеркнуть, на что мы указывали выше (гл. VIII, § 1, 5) и что особо оговаривает ст. 207, подсудность земельным комиссиям всех споров между государством, в лице земорганов, и трудовыми землепользователями по невыполнению ими социальных и хозяйственных условий права трудового землепользования и вообще по всякому притязанию государства на землю трудового пользования. Согласно ст. 207, «ведению земельных комиссий подлежат: ... полное или частичное лишение пользователей находящейся в их пользовании земли в установленных законом случаях, изменение размеров, границ, местоположения и состава землепользования (землеустройство, мелиорация, дорожное строительство, отчуждение для государственных и общественных надобностей и т. д.)». Таким образом, Кодекс исключает всякое административное разрешение столкновения прав государства и землепользователя на земли с.-х. назначения. Это правило соблюдается, как мы неоднократно указывали, и в случаях отказа сельсоветов или волисполкомов в регистрации юридических фактов, договоров и приговоров, которые без такой регистрации не могут стать действительными и порождать те или другие юридические последствия.

4) От спора об уже существующем праве на землепользование, между какими бы лицами и учреждениями такой спор ни происходил, надо отличать ходатайство о наделении землей (гл. VII, § 3), о создании права на землю. Распоряжение государственными земельными имуществами, в которые входит и свободный земельный запас, находится в исключительной компетенции органов Наркомзема, которым государство вверило управление ими на предмет их надлежащего использования. Вопросы, связанные с таким распоряжением, разре-

---

[1] Ср. разъяснение пленума Верхсуда от 7 марта 1927 г., п. 7 («Судебная практика» 1927 г., № 5).

шаются в административном порядке и не подлежат ведению земкомиссий.[1] Поэтому на отказ уездного земельного управления в отводе земли в порядке наделения на праве трудового землепользования или в сдаче совхоза или какой-либо доходной статьи в аренду можно жаловаться лишь в высшую административную инстанцию, в губземуправление.

§ 3. Земельно-судебные инстанции.

1) Земельный суд состоит из следующих судебных учреждений: волостная, уездная и губернская земельные комиссии и Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам. В районированных местностях волостной, уездной и губернской земкомиссиям соответствуют — по составу (кроме районной — см. выше, § 1, 2, а), но не по компетенции — районная, окружная и областная (краевая) земкомиссии.

В районированных местностях, в виду обширности территории области или края, областные и краевые исполкомы имеют право открывать в окружных городах постоянные сессии областных и краевых земельных комиссий, а также организовывать временно выездные сессии (прим. 2 к ст. 206). В силу тех же соображений Центральному исполнительному комитету Якутской АССР предоставлено право открывать в наслегах (селениях) постоянные и выездные сессии улусных (волостных) земельных комиссий, причем два члена этой сессии, кроме председателя, назначаемого улусным исполкомом, избираются не волостным (улусным) съездом советов, а наслежным (сельским) сходом.[2]

2) Из перечисленных земельных комиссий волостная, районная и уездная земкомиссии являются первыми инстанциями, где спорное земельное дело разбирается по существу, но объем компетенции каждой из этих комиссий различен: в районированных местностях мы имеем гораздо большее приближение суда к местам, чем в нерайонированных.

Вторая инстанция и следующая за ней, разбирающая земельный спор в порядке надзора, определяется последовательным восхождением по линии административного деления. Так, по отношению к волостной земкомиссии второй инстанцией будет уездная, а контролирующей — губернская; по отношению к районной — окруж-

---

[1] Опред. ОКВК от 5 ноября 1925 г. по д. № 2636—1925 г. («Сборник», № 42).

[2] Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1925 г. об изменении Зем. код. для Якутской АССР (СУ 1925 г. № 66, ст. 527).

ная и областная (краевая); по отношению к уездной земкомиссии — губернская и ОКВК в ее судебном заседании. Соответственно этому правилу, в тех губерниях, которые разделены непосредственнно на районы, без уездов, первой инстанцией будет районная земкомиссия, второй — губернская, а контролирующей — ОКВК.

а) Для определения подсудности земельного дела в нерайонированных местностях необходимо различать: 1) споры о правах на пользование землею и 2) земельные споры, возникающие при землеустройстве. Первые подсудны волостной земельной комиссии, если только одною из сторон не является государственное учреждение или предприятие или общественная организация (профсоюз, с.-х. коллектив), в каком случае спор о землепользовании становится подсудным уездной земкомиссии (ст.ст. 213 и 214).

Отсюда следует, что споры о правах на пользование землей между отдельными лицами, дворами или земельными обществами подсудны волостной земельной комиссии, а споры, возникающие, напр., в связи с пользованием госземимуществами, находящимися в ведении земельных органов, подсудны уездной земкомиссии (ст. 214).

Все земельные споры, возникающие при землеустройстве, подсудны уездной земельной комиссии. К ее же ведению относится утверждение спорных землеустроительных проектов (ст. 187).

б) В районированных местностях все споры и дела, подсудные волостной и уездной земкомиссиям, т. е. споры и по землепользованию и по землеустройству, переданы районной земельной комиссии (ст. 215-а).

в) Иски предъявляются по территориальной подсудности, т. е. в той волостной, районной или уездной земкомиссии, в районе которой расположен спорный земельный участок. Место жительства спорящих сторон или приписка их к земельному обществу не имеют при этом никакого значения. [1]

3) Жалобы на решения земельных комиссий, вынесенные ими в качестве первой инстанции, подаются через земельную комиссию, постановившую обжалуемое решение, не позднее 2-недельного срока со дня объявления решения в окончательной форме. Жалобы вместе с делом представляются комиссией, постановившей решение, в высшую инстанцию не позднее 2-недельного срока после ее подачи (ст. 217).

Отдельно от жалоб на решения первой инстанции могут подаваться

---

[1] Разъяснение НКЗ Псковскому губземуправлению № 192951 от 4 августа 1923 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», стр. 334).

в семидневный срок со дня объявления определения жалобы во всех тех случаях, когда определениями земкомиссии прекращается возможность для тяжущейся стороны продолжать судебное дело, а именно, жалобы: а) на медленность производства и на непринятие искового заявления или жалобы земельной комиссией; б) на определение земкомиссии об отказе в восстановлении срока на обжалование; в) на непринятие заявлений сторон о восстановлении срока; г) жалобы на определения земкомиссий об обеспечении иска и д) жалобы на определения земкомиссий о прекращении дела. Никакие другие жалобы, кроме указанных, не могут приниматься отдельно от жалоб на окончательные решения первой инстанции.

Кроме жалоб на медленность и непринятие искового заявления, подаваемых непосредственно во вторую инстанцию, все остальные частные жалобы подаются через земкомиссию, постановившую обжалуемое определение. [1]

4) Вторая инстанция (см. выше, 2) пересматривает обжалованное решение на основании тех доказательств, которые представлены сторонами или собраны судом в первой инстанции. Вызов свидетелей и представление новых доказательств во второй инстанции не допускаются (ст. 215-в). Вторая инстанция может поэтому или оставить в силе обжалованное решение, или отменить его и передать дело на новое рассмотрение первой инстанции, если дело не выяснено и нужно собрать новые доказательства, или, наконец, перерешить дело и вынести свое собственное решение, если имеющиеся данные полностью выясняют все обстоятельства дела.

5) На определения и решения второй инстации заинтересованные стороны могут подавать жалобы в следующую, контролирующую инстанцию, которая, однако, рассматривает дела лишь в порядке надзора. Порядок этот изложен ниже (§ 5).

§ 4. Особенности земельного процесса.

1) Судебный процесс протекает в земельных комиссиях по общим правилам гражданского процесса, установленным Гр. проц. кодексом (ст. 216). Инструкция от 10 января 1924 г. распространила на земкомиссии статьи этого Кодекса, касающиеся штрафов, процессуальных сроков, вызова в суд, доказательств, экспертизы, вынесения решения

---

[1] Ст.ст. 49 — 52 Инструкции НКЗ и НКЮ от 10 января 1924 г.

и исполнительного производства, изменив лишь некоторые из них в целях приспособления к условиям деревенского быта. Так, обеспечение иска может состоять не только в наложении ареста на спорное имущество и запрещении совершать те или другие действия, но и в приостановлении или в приведении в исполнение распоряжений местных сельских и волостных органов (напр., в случае отобрания земли). Разбирательство дела может происходить и в месте расположения спорного участка, когда этого требуют особенности данного земельного спора. При проверке представляемых сторонами в качестве доказательств документов, выдаваемых сторонам сельскими должностными лицами (сельсоветами, райсоветами, волисполкомами и проч.), в виде удостоверений, свидетельств, справок и т. п. бумаг, — земкоммисия обязана, в случае явной недостоверности содержащихся в них сведений, не только исключить эти документы из числа доказательств, но и сообщить их в подлинниках или копиях прокурорскому надзору на предмет привлечения должностных лиц, выдавших указанные документы, к уголовной ответственности.

Особенности представляет и исполнение решений земельных комиссий. По общему правилу, они приводятся в исполнение землеустроительными органами: заведывающим земельным столом волисполкома, районным землеустроителем или отделами землеустройства земуправлений (прим. к ст. 216). Не допускают эти решения и предварительного исполнения. В виду трудности поворота решений по земельным делам, земельный процесс не знает исключений из общего правила, в силу которого решение суда подлежит исполнению по истечении срока на его обжалование, а в случае подачи жалобы — лишь по утверждении решения второй инстанцией (ст. 218). Ст. ст. 187 и 187-а Гр. проц. код. не могут иметь применения к решениям земельных комиссий, предметом которых является земля, за исключением лишь одного случая — удовлетворения иска на основании занесенного в протокол признания ответчика. [1] Лишь в делах о разделах, когда решение вол(рай)земкомиссии касается присуждения имущества (не земли), решения могут быть обращаемы к немедленному исполнению в порядке п. «в» ст. 187-а Гр. проц. кодекса, т. е. когда по особым обстоятельствам дела от замедления в исполнении решения может последовать значительный и непоправимый ущерб для взыскания или самое исполнение может сделаться невозможным. [2] Случаи допусти-

---

[1] Разъяснение ОКВК от 20 апреля 1927 г., («СХЖ» 1927 г., № 33).

[2] Ст. 35 Инструкции о производстве семейно-имущественных разделов.

мости предварительного исполнения землеустроительного проекта были указаны выше (ст.ст. 186 и 190, см. гл. XII, § 5, б, г).

2) Но главнейшею особенностью земельно-судебного процесса является то у ч а с т и е в нем, которое принимает с е л ь с к и й с о в е т при разрешении некоторых дел. Предусмотренное еще Положением о сельских советах от 16 октября 1924 г.,[1] участие это было введено в жизнь лишь Инструкцией ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля 1927 г. о порядке участия сельских советов в рассмотрении земельных споров отдельных граждан.[2]

а) Сельские советы могут принимать участие в разрешении земельных споров только в первой инстанции и только в спорах между о т д е л ь н ы м и г р а ж д а н а м и, но не в спорах между всем земельным обществом и отдельными гражданами или между частями общества, ибо в очень многих местностях сельский совет совпадает или почти совпадает по своей территории с земельным обществом. Это будут таким образом дела о семейно-имущественных разделах, об усадьбах, о захватах земли, о трудовой аренде и т. п., где члены совета являются незаинтересованными в том или ином решении дела.

б) Задача сельского совета заключается прежде всего в том, чтобы предупредить возбуждение судебного дела. Поэтому, в случае возникновения земельного спора между отдельными гражданами, сельский совет должен, отнюдь не оказывая на спорящие стороны какого-либо давления, привести их к соглашению и, в случае успеха, помочь сторонам изложить это соглашение в письменной форме и, по подписании его сторонами, оставить его при делах сельского совета. Инструкция 4 апреля 1927 г. не придала такому м и р о в о м у с о г л а ш е н и ю силы судебного решения; поэтому оно имеет значение договора, который может быть оспорен судебным порядком.

В интересах предупреждения судебных дел, уездные (окружные) исполкомы имеют право устанавливать на территории данного уезда или округа предварительную регистрацию земельных споров в сельских советах до внесения их в земельные комиссии.

в) Если земельная комиссия затрудняется в правильном разрешении спора между отдельными гражданами, она в праве или потребовать у сельских советов тех селений, граждан которых спор касается, письменного заключения, или обязать представителей сельского совета

---

[1] Пункт «и» ст. 8 Положения (СУ 1924 г. № 82, ст. 827).
[2] Собр. узак. 1927 г. № 37, ст. 244.

явиться в заседание земельной комиссии для дачи объяснений по делу. Но сельский совет и сам имеет право вступить в земельный процесс, в целях его правильного освещения, не ожидая требования земельной комиссии, в особенности в делах, где затронуты интересы бедняцких и середняцких слоев деревни. Чтобы дать возможность сельским советам реально осуществить это свое право, земельные комиссии обязаны, одновременно с посылкой повесток сторонам, посылать извещения о назначенных к слушанию делах и тем сельским советам, граждан которых эти дела касаются.

г) Письменные заключения сельского совета и личные объяснения его представителя при разборе дела не являются обязательными для земельной комиссии. Они имеют значение заключения весьма компетентного эксперта, с мнением которого земельная комиссия обязана считаться. Поэтому, при несогласии с заключениями сельского совета, земкомиссии должны указать, в каком отношении и по каким причинам они считают заключение сельского совета неправильными.

д) Чтобы гарантировать беспристрастие сельских советов при даче ими заключений по производящимся в земкомиссиях делам, Инструкция 4 апреля 1927 г. предписала отводить при даче заключений, письменных или устных, тех членов сельского совета, которые являются заинтересованными в том или ином исходе данного дела или находятся в особых отношениях с кем-либо из тяжущихся (родственники, хозяева — работники и проч.). В тех же интересах даваемые сельскими советами заключения должны быть утверждены их протокольными постановлениями. И наконец, за сообщение в письменных заключениях неверных сведений или за заведомо ложные показания при разборе дела члены совета, принимавшие участие в даче заключения или командированные на заседание земкомиссии, отвечают в порядке уголовной ответственности.

е) Сельские советы имеют право опротестовать перед местным прокурором всякое вступившее в законную силу решение земельной комиссии, которое они находят явно неправосудным.

§ 5. Судебно-земельный контроль.

1) Особенность земельного процесса, которой не знает общая судебная система, заключается в том, что всякое вступившее в законную силу решение и определение земельной комиссии может быть пересмотрено в порядке судебно-земельного контроля, т. е.

в порядке надзора.[1] Этот контроль осуществляется не только по протесту прокуратуры (прокурора Федерации, прокуроров республик и областных (краевых) и губернских прокуроров), не только по представлениям о том земельных комиссий, окончательно разрешивших дело, но — в отличие от гражданского процесса — и по жалобам заинтересованных сторон, т. е., напр., стороны, проигравшей дело во второй инстанции. Так создается, собственно, третья инстанция для всех земельных дел.

Правда, пересмотр вступившего в законную силу решения земельной комиссии возможен лишь в случаях: 1) противоречия действующим законам; 2) существенного нарушения интересов Рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс и 3) явной хозяйственной нецелесообразности. А подача жалобы заинтересованными сторонами (но не протеста прокурором) ограничена годичным сроком со дня вступления решения в законную силу. Но эти ограничительные условия не колеблят самого принципа проверки всех решений земельных судов.

2) Институт пересмотра и отмены особыми судебными инстанциями всех вступивших в законную силу судебных решений по земельным делам, вносящий, несомненно, некоторую неустойчивость в уже определенные судом земельные права, затягивающий судебно-земельный процесс, несмотря на общую тенденцию советского судебного процесса решать быстро, не допуская волокиты и сутяжничества, — объясняется грандиозностью переворота, совершенного революцией в поземельных отношениях. Эти отношения еще до сих пор не отлились в сколько-нибудь законченные формы, они до сих пор переживают революционный процесс преобразования внутри деревни.

Достаточно привести пример внутриселенного землеустройства, стремящегося реорганизовать на новых социально-технических основаниях веками сложившийся традиционный земельный строй общины и охватившего в 1926 г. почти 11 миллионов гектаров. Наблюдать за этим великим процессом, направлять его по линии защиты бедняцких и середняцких слоев деревни, не давая вырасти на его почве новой сельской буржуазии, закладывать в самом строе поземельных отношенний основы для социалистического строительства в деревне, — такова задача государственной власти. И для осуществления этих целей необходимо единое руководство всеми судебно-земельными делами, вырастающими на почве этого преобразования деревни, постоянное вмешательство и

---

[1] Положение об Особых коллегиях высшего контроля по земельным спорам РСФСР и автономных республик.

исправление процесса, имеющего и капиталистическую тенденцию развития. Отсюда и право пересмотра всех вступивших в законную силу судебных решений: ведь дело идет о производственной революции, определяющей на многие десятилетия социальные судьбы деревни.

3) Инстанциями, имеющими право пересматривать в порядке надзора вступившие в законную силу решения и определения, являются: областные и краевые земкомиссии — по делам, окончательно разрешенным районными и окружными земкомиссиями, и губернские земкомиссии — по делам, окончательно разрешенным волостными и уездными земкомиссиями. Решения и определения губземкомиссий, постановленные ими в качестве второй инстанции, обжалуются в порядке надзора в Особую коллегию высшего контроля по земельным спорам РСФСР или соответственно в Особые коллегии высшего контроля автономных республик.

4) Жалоба заинтересованных сторон в орган контроля об отмене вступившего в законную силу решения, а равно и протест прокурора на такое решение, могут быть поданы или непосредственно в орган контроля, или через ту земкомиссию, решение которой обжалуется, причем последняя обязана представить жалобу или просьбу в орган контроля не далее недельного срока со времени ее поступления.

Подача жалобы в орган контроля не приостанавливает исполнения по вступившему в законную силу решению. Однако, председатели органов контроля, прокурор РСФСР и прокуроры автономных республик, а также наркоматы земледелия РСФСР и автономных республик, в праве приостановить приведение в исполнение обжалованного решения.

5) Орган контроля может отменить вступившее в законную силу решение земкомиссии в следующих случаях: 1) когда решение находится в противоречии с действующими законами, 2) когда оно существенно нарушает интересы Рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс и 3) когда оно явно хозяйственно нецелесообразно.

Судебные заседания органов контроля публичны; хотя заинтересованные стороны и не вызываются к заседанию, но явившиеся допускаются для объяснения по делу.

Отмена органом контроля решения приостанавливает, естественно, и исполнение по отмененному решению. Если же решение к моменту получения на месте определения органа контроля исполнено в такой части, что оставление его в таком виде хозяйственно нецелесообразно, то вопрос о дальнейшем исполнении решения рассматривается губернской (областной, краевой) земкомиссией, определе-

ния которой по этим вопросам обжалованию не подлежат. Поворот исполненного, но отмененного после исполнения, решения возможен лишь после нового решения по делу.

б) Чтобы сохранить единство всей системы земельно-судебного контроля, закон постановляет, что перечисленные выше местные органы контроля действуют в качестве сессий Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам РСФСР, назначаемой Президиумом ВЦИКа по представлению Наркомзема и Наркомюста РСФСР в составе председателя, двух его заместителей и 10 членов, из которых двое должны быть представителями автономных республик.

а) ОКВК Федерации действует в составе пленума и судебной коллегии. В качестве судебной коллегии — в составе 5 членов — ОКВК выполняет двоякого рода функции: 1) пересматривает в порядке надзора решения губземкомиссий, постановленные ими в качестве второй инстанции, и 2) пересматривает по вновь открывшимся обстоятельствам в порядке ст. ст. 251 — 253 Гр. проц. код. все вступившие в законную силу решения земельных комиссий. Местные органы контроля (см. выше, 3) не имеют права пересмотра решений по этому основанию. Кроме того, судебная коллегия разрешает пограничные земельные споры автономных республик и автономных областей как между собой, так и со смежными губерниями, краевыми и областными объединениями. Решения судебной коллегии по этим делам окончательны и обжалованию не подлежат.

Такую же компетенцию, кроме разрешения пограничных споров, имеют и Особые коллегии автономных республик в отношении решений земельных комиссий, действующих на их территории.

б) Но центр тяжести всей системы судебно-земельного контроля лежит в деятельности пленума Особой коллегии Федерации. Именно в составе пленума (председатель или его заместитель и не менее половины членов) Особая коллегия является верховным учреждением земельного суда, единым для всей Федерации, распространяющим свою деятельность на всю территорию РСФСР, включая автономные республики и области. Пленуму принадлежит установление правильного и единообразного толкования действующих земельных законов и правил судебного процесса. Для достижения этой цели пленум имеет право издавать обязательные для всех земкомиссий директивные письма, циркуляры и разъяснения, ревизовать и инструктировать все земкомиссии РСФСР. В тех же целях реального осуществления единства применения земельных законов на всей терри-

тории РСФСР, пленум может пересматривать определения всех органов судебного контроля, начиная с судебной коллегии ОКВК РСФСР (см. выше, а) и Особый коллегий автономных республик и кончая местными органами контроля (областными и краевыми земкомиссиями и губернскими, когда последние действуют в порядке надзора, а не в качестве второй инстанции). Но, в отличие от обжалования вступивших в законную силу решений земкомиссий (см. выше, 1), возбуждать ходатайства об отмене определений органов судебно-земельного контроля могут лишь определенные должностные лица: председатель Особой коллегии РСФСР, прокурор РСФСР и прокуроры автономных республик и Народный комиссар земледелия РСФСР и народные комиссары земледелия автономных республик: первый — по всем делам в пределах РСФСР, вторые — по делам в пределах соответствующей республики. Единственным исключением из этого общего правила являются споры междуселенного характера, когда тяжущиеся стороны принадлежат к различным национальностям. В этом случае обжаловать в пленум определение органа судебно-земельного контроля могут и заинтересованные стороны. Подача протеста, — а в указанном только-что случае и жалобы — не ограничена никаким сроком в отличие от жалобы в орган контроля, подача которой, как было указано (см. выше, 1), ограничена годичным сроком.

в) Пленум Особой коллегии РСФСР подчинен в порядке надзора непосредственно Президиуму ВЦИКа. Отменить определение или разъяснение пленума может лишь Президиум ВЦИКа. Но возбудить ходатайство о такой отмене могут лишь председатель Особой коллегии РСФСР, прокурор РСФСР, председатель Верховного суда РСФСР (через пленум Верховного суда) и Народный комиссар земледелия РСФСР.

2) В целях достижения единства толкования земельных законов по двум линиям судебной системы: общей и земельной, прокурор РСФСР и председатель Верховного суда РСФСР могут входить в пленум Особой коллегии с предложением об истолковании вопросов земельного права.

§ 6. Судебные расходы.

Судебные расходы по ведению земельного дела отличны от судебных расходов по общегражданскому делу. [1]

---

[1] Инструкция о порядке взимания судебных пошлин и особого канцелярского сбора от 17 ноября 1924 г. («ЗК с разъяснениями НКЗ», прил. № 69в); см. Постановл. ЦИКа и СНК от 14 ноября 1923 г. (Собр. узак. 1923 г. № 89, ст. 868).

1) Все земельные споры, как возникшие при землеустройстве, так и о правах на землепользование, свободны от обложения гербовым сбором. Совершенно свободны от обложения судебною пошлиною, особым канцелярским сбором и всеми другими сборами и расходами по делу — спорные земельные дела, возникающие при землеустройстве (см. гл. XII, § 5), а также все земельные споры (в том числе и споры о правах на землепользование) красноармейцев и дворов, в состав которых они входят.

2) Все остальные споры о правах на землепользование, возникшие вне землеустроительного производства, подлежат обложению судебною пошлиной и прочими расходами по делу (кроме гербового). Но так как земля в нашем государстве меновой ценности не имеет, то размер судебной пошлины с земельных исков устанавливается земельной комиссией при вынесении решения по соображению с имущественным положением сторон и заинтересованных трудовых хозяйств, но не может быть ниже одного рубля.

О размере судебных пошлин по иску о семейно-имущественном разделе см. гл. X, § 7, 8. Спорные земельные дела о прекращении или продолжении договоров трудовой аренды или арендных договоров на участки земли из состава госземимуществ облагаются судебной пошлиной по сумме арендной платы за остающийся срок действия договора по ставкам, установленным ст. 35 Гражд. проц. кодекса.

Судебная пошлина с жалоб, подаваемых во вторую инстанцию, взимается в размере половины той суммы, которая была определена по решению земельной комиссии, рассматривавшей дело по существу.

Определения земкомиссий об обложении судебной пошлиной земельных исков подлежат немедленному исполнению в бесспорном порядке, но могут быть обжалованы отдельно от жалобы на решение по делу в 7-дневный срок со дня объявления стороне. Жалобы эти подаются через земельную комиссию, вынесшую определение об обложении судебной пошлиной. Принесение жалобы не приостанавливает взыскания судебной пошлины.

Излишне взысканные судебные пошлины подлежат немедленному возвращению.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЛЕСНОГО КОДЕКСА.[1]

Литература: А. Шульц, Лесной кодекс, «Энциклопедия права и государства»; Колонтаев В. С., Лесной кодекс РСФСР, М. 1927 г.; Л. Дембо, Лесной кодекс РСФСР, 1927 г; А. Шульц, Леса местного значения и лесные нужды крестьянского хозяйства, «СХЖ» 1926 г., № 7.

§ 1. Лесное право как часть хозяйственного права.

Соответственно общему строению советского права по отдельным отраслям народного хозяйства (см. введение, § 1), вытекающему из сосредоточения в руках государства всех основных средств производства, правовое регулирование лесного хозяйства выделено в особый свод — Лесной кодекс, принятый 2-й сессией ВЦИКа X созыва 7 июля 1923 г. и введенный в действие с 1 августа 1923 г.[2]

Лесное хозяйство является, собственно, отраслью сельского хозяйства. Как правильно указало постановление ВЦИКа о введении в действие Земельного кодекса, «вопросы землепользования и землеустройства теснейшим образом связаны с условиями и порядком использования лесного фонда», вследствие чего «Лесной кодекс должен быть рассматриваем как продолжение Земельного кодекса». Тем не менее, сама природа леса и место, занимаемое им в экономии народного хозяйства, требуют выделения учения о лесе в самостоятельную ветвь права.

1) В основе отношений человека к земле лежит труд, — и урожай каждого года, собираемый земледельцем с поля, есть результат его труда, поскольку мы еще не живем в коммунистическом обществе, в котором

---

[1] Лесной кодекс, по важности затрагиваемых им тем и обширности циркулярного и инструкционного материала, требует, конечно, особого и подробного изложения. Наша задача заключается лишь в том, чтобы наметить основные принципы нашего лесного права, знакомство с которыми необходимо для понимания земельного права.

[2] Собр. узак. 1923 г. № 58, ст. 564.

не только средства производства, но и предметы потребления будут общественным достоянием. Наоборот, в наших условиях лесного хозяйства, с его необъятными первобытными лесами, труд человека в отношении к лесу играет ничтожную роль. Предметом лесного пользования является не земля, а древесина, урожай которой получается по истечении десятков лет, в большинстве случаев без всякого применения человеческого труда. Если в полеводстве земля и изъята из частной собственности, то результат ее обработки, хлебные и промышленные злаки, остаются, в силу трудового начала, собственностью землепользователя — все равно, является ли им единоличное крестьянское хозяйство или сельскохозяйственная производительная коммуна. Наоборот, в лесном хозяйстве не только земля, но и ее плод — древесина — изъемлются из частной собственности и становятся собственностью Рабоче-крестьянского государства (ст. 1 Лесного кодекса).

2) Из вышесказанного следует, что при определении прав пользования лесом не может быть и речи об установлении трудового начала. Лежащий в основании права трудового землепользования принцип, что оно может принадлежать лишь тем, кто обрабатывает землю собственным трудом, не может быть применен к лесу по самой его природе. Здесь в основании права пользования лежит потребность в лесе, личная и производственная, без всякого отношения к принципу «труда». С другой стороны, одним из существенных предметов земельного права является определение взаимоотношений государства-собственника к непосредственным землепользователям, ибо земля распределена между ними для ведения сельского хозяйства и иных производительных целей. Но лес, по общему правилу, не распределяется между гражданами на отдельные дачи, рощи, деревья, кусты. Он всегда остается предметом непосредственного государственного хозяйства, находясь в управлении у тех или иных органов государства.

3) К этим особенностям, вытекающим из роли человеческого труда в процессе воспроизводства леса, присоединяется огромное значение естественно выросших лесных массивов для климата страны, судоходства ее рек, орошения ее полей, сохранения влаги ее почвами. Однажды вырубленная лесная площадь может быть воссоздана вновь лишь в несколько десятков лет, в течение которых ее отсутствие может причинить неисчислимые бедствия, раньше всего земледелию. Вот почему лесное хозяйство более, чем какое-либо иное, должно быть государственным хозяйством, и национализация лесов означает и обобще-

ствление самого хозяйственного процесса. В то время как национализация земли сопровождалась ее распылением, распределением 96% сельскохозяйственной площади Республики между 15-16 миллионами трудовых земледельческих хозяйств, лесной фонд, национализированный декретом ВЦИКа от 27 мая 1918 г. о лесах,[1] весь сохранился в непосредственном заведывании и распоряжении государства, и лишь Лесной кодекс ввел институт наделения лесами трудовых землепользователей.[2]

§ 2. Лесной и земельный фонды.

1) При всем значении лесов для климата страны и ее земледелия, а также как источника древесины, рост земледельческой культуры и расширение посевной площади требуют обращения лесных площадей в сельскохозяйственные угодья. Между лесною и сельскохозяйственною площадью должно быть установлено таким образом определенное равновесие, зависящее от целого ряда местных условий и могущее быть выясненным лишь на основании сложных обследований отдельных местностей. Декрет 27 мая 1918 г. о лесах, отмененный с изданием Лесного кодекса,[3] стал в этом вопросе на защиту леса. Он определял понятие леса как «земельной площади, предназначенной для выращивания дровяной, строительной и поделочной древесины» (ст. 5). Вследствие такого определения в состав лесного фонда были включены бывшие крестьянские леса, представлявшие собой мелкие дачи, площадь которых была, напр., в средней полосе Европейской России занята на 63% кустарниками и на 32% дровяным лесом. Этому законному предположению, что всякое древесное насаждение, предназначенное по своей природе для выращивания древесины, является лесом, Лесной кодекс противопоставил новое понятие. К признаку, установленному декретом 27 мая 1918 г., он присоединил еще формальный момент — отграничение лесов от земель иного, т. е. сельскохозяйственного, назна-

---

[1] Собр. узак. 1918 г. № 42, ст. 522.

[2] Это общегосударственное значение лесов сознали и капиталистические государства. Начиная с XIX века, во всех государствах Европы началась скупка частных лесов государством. В Сев.-американских штатах федеральное правительство чрезвычайно энергично стало скупать леса у штатов, благодаря чему площадь федеральных лесов, составлявшая в 1901 г. всего 23 млн десятин, возросла к 1915 г. до 65 млн десятин («СХЖ» 1923 г., № 44, ст. М. Здорика, Государственное лесное хозяйство).

[3] Список узаконений, прекративших свое действие с введением Лесного кодекса, распубликован в Собр. узак. 1924 г. № 2, стр. 236.

чения. Таким образом, не всякое древесное насаждение предполагается лесом и требует специального постановления государственных органов для исключения его из лесного фонда; лесом признается лишь то насаждение, которое, при отграничении от земель сельскохозяйственного назначения, будет признано таковым. Так ст. 1 Лесн. код. постановляет, что состав государственного лесного фонда образуют «все леса и земельные площади, предназначенные для выращивания древесины и для нужд лесного хозяйства, отграниченные в установленном для того порядке от земель иного назначения». В соответствии с этим постановление ВЦИКа от 25 июля 1923 г. о введении в действие Лесного кодекса обязывало Наркомзем выделить из состава государственного лесного фонда для передачи трудовым землепользователям земельные площади, не имеющие лесохозяйственного значения и предназначенные для обращения в сельскохозяйственные угодья. С другой стороны, как видно из ст. 1 Лесн. код., в состав лесного фонда входят не только леса, но и безлесные земельные площади, если они предназначены для выращивания древесины или для нужд лесного хозяйства. Сюда относятся, напр., невозобновившиеся вырубки, гари, прогалины, посадки или земельные участки, на которых находятся жилые помещения лесной администрации, кордоны для лесной охраны и т. п.

2) Лесные участки, подлежащие выделению из состава лесного фонда и передаче в земельный, согласно постановления от 25 июля 1923 г., в качестве земельных площадей, предназначенных к обращению в сельскохозяйственные угодия, не являющиеся таким образом лесами, носят название земель нелесного пользования. Согласно ст. 2 Лесного кодекса и инструкции Наркомзема от 1 февраля 1924 года,[1] сюда относятся:

а) лесные участки, входившие до революции в земельные наделы крестьян и не значащиеся на планах лесными угодиями, как то: все заросли на бывших пашнях, сенокосах, пустошах, выгонах, перелески и находящиеся между ними колки. Эти участки передаются тем же крестьянским обществам, которым они принадлежали до издания декрета о национализации лесов от 27 мая 1918 года.

б) лесные участки, приобретенные крестьянскими обществами и товариществами в дореволюционное время в целях расширения землепользования, т. е. для расчистки, или предоставленные им для той же цели до издания Земельного кодекса в процессе ли временного распределения земель или социалистического землеустройства. Если эти

[1] «СХЖ», 1924 г., № 9.

участки являются по своему характеру лесами, то они также подлежат передаче населению, но на ином основании, т. е. как леса местного значения (см. ниже, § 3), а не для превращения в сельскохозяйственные угодья.

в) лесные площади, принадлежавшие до революции казне, уделам, кабинету, монастырям, банкам, частным владельцам и т. п., вклинивающиеся в земли трудового пользования и создающие неудобства для ведения сельского хозяйства. И в этом случае действует та же оговорка, что и в случае, указанном под рубрикой «б». Если эти площади нецелесообразно исключать из лесного пользования, то они передаются населению как леса местного значения.

г) безлесные площади, пашни, сенокосы и тому подобные участки, ненужные для лесного хозяйства, если выделение их из лесного фонда не создает чересполосицы.

д) все перечисленные лесные площади передаются земельным обществам на праве трудового землепользования особыми уездными комиссиями, в которых, кроме представителей земельного и лесного управления, принимает непосредственное участие низовой советский аппарат, в лице представителей волостных или районных исполнительных комитетов и сельских советов,[1] а также уполномоченные заинтересованных земельных обществ. Лес, предназначенный к сведению на переданных лесных участках не бывшего крестьянского владения, реализуется лесными органами, если он имеет товарный характер, т. е. если он имеет сбыт на ближайших рынках и не тоньше двух вершков на высоте груди. В противном случае он переходит к землепользователям вместе с земельным участком. Мы указывали (гл. VII, § 3, 1), что из лесного фонда предназначено к передаче в трудовое землепользование около 9 583 000 *га* земель сельскохозяйственного значения.

3) Перечисленные случаи исключения из лесного фонда лесных площадей, в качестве земель нелесного пользования, имеют место, так сказать, однократно, в виду предписанного постановлением ВЦИКа от 25 июля 1923 г. о введении в действие Лесного кодекса отграничения лесного фонда от земель сельскохозяйственного значения. Но помимо того, Лесной кодекс знает текущий, постоянный переход лесов в другой вид угодий, соответственно потреобностям народного хозяйства и в целях расширения сельскохозяйственного фонда. Обращение лесных площадей в другой вид угодий носит техническое название расчистки. Ст. 59 Лесн. кодекса разрешает

---

[1] Собр. узак. 1925 г. № 72, ст. 571.

расчистки в лесах государственного и местного значения, но не в защитных, лишь в трех случаях: а) для государственных потребностей — железных дорог, бечевников, для устройства полигонов, стрельбищ, лагерей, зданий и других надобностей государственного значения; б) когда улучшение земледельческого хозяйства вызывает необходимость расширения хозяйственных угодий за счет лесных; в) в целях колонизационных. Для расчистки требуется, в каждом отдельном случае, разрешение губернского, областного или краевого исполкома. Срубленный лес, как собственность государства, продается по общим правилам отпуска леса, если расчистка производится в государственных лесах (ср. гл. IX, § 4, 3, а).

§ 3. Леса местного значения.

Лесной фонд, остающийся после выделения из него земель нелесного пользования, делится на две части: леса местного значения и леса общегосударственного значения.

Разделение это есть результат исторически сложившихся условий. Декрет 27 мая 1918 г. о национализации лесов включил в состав общегосударственного лесного фонда большинство лесов, принадлежавших до революции крестьянам на праве собственности в силу ли наделения их лесами по дореволюционным актам поземельного устройства или по приобретению по частным сделкам. Крестьянские леса представляли собою мелкие дачи, площадь которых, составлявшая 7% всех лесов (не считая Сибири), была в большей части занята кустарниками. Так, в средней полосе Европейской России в крестьянских лесах строевым лесом было занято только 5%, дровяным — 32% и кустарниками — 63%. Вследствие национализации этих лесов создалось положение, явно невыгодное как для населения, так и для правильно организованного государственного лесного хозяйства. С одной стороны, крестьянские леса, будучи разбросаны небольшими дачками среди крестьянских полей, требовали больших затрат на их охрану, не представляя ценности для лесного хозяйства, с другой — трудовое земледельческое хозяйство лишилось лесов, без которых его трудно было вести, так как крестьянские леса давали населению, без всяких хлопот, топливо и мелкий строевой лес, служили выпасом для скота, местом для постановки пасек, давали материал для мелких кустарных изделий и т. п.

Лесной кодекс, с целью удовлетворения нужд сельского трудового населения в древесном топливе и строевой древесине, устранил эту ошибку первого декрета о национализации лесов. Он ввел институт

наделения крестьянства лесами, получившими название лесов местного значения.

1) Правовое положение лесов местного значения в государственном лесном фонде аналогично положению земель трудового пользования в земельном фонде. Они передаются государством, собственником лесов, земельным обществам в бессрочное и бесплатное пользование (ст. 7 Лесн. код.), под условием соблюдения лесопользователями определенных социально-хозяйственных требований сохранения лесов (ст. 8 Лесн. код.). Все эти обязанности лесопользователя указываются в особом акте или договоре, на основании которого леса местного значения передаются земельным обществам. Невыполнение этих обязанностей влечет за собой привлечение к ответственности по ст. 85 Угол. код., карающей нарушение законов и обязательных постановлений, установленных в интересах охраны лесов от хищнической эксплуатации и истребления, а равно несоблюдение правил лесного хозяйства, которое ведется в лесах местного значения по упрощенным планам (ст. ст. 8 и 9 Лесн. код.). А систематическое нарушение лесопользователями этих правил, установленное судебным приговором, дает право государству в лице губернских или соответствующих им исполкомов отобрать от лесопользователей леса местного значения (ст. 10 Лесн. код.).

а) Леса местного значения, предоставленные земельным обществам, входят в состав угодий их земельного надела, образуя, с точки зрения их правового положения, леса трудового пользования. Соответственно этому, древесина этих лесов поступает в размере годичной лесосеки, предусмотренной планом хозяйства или особыми правилами эксплуатации лесов, издаваемыми губернскими земельными управлениями, в полное распоряжение лесопользователей (прим. к ст. 7 Лесного кодекса). Кроме получения древесины, лесопользователи имеют право в переданных им лесах производить сенокошение, пасти скот, собирать грибы, ягоды, добывать глину, песок, камень и вообще осуществлять всякие иные побочные лесные пользования. Одним словом, право хозяйственной эксплуатации леса местного значения — в пределах соблюдения плана лесного хозяйства — принадлежит исключительно тому земельному обществу, которому этот лес предоставлен и которое в праве не допускать соседние земельные общества ни к побочным, ни к каким-либо иным пользованиям в этом лесе. [1]

---

[1] Положение о лесах местного значения, §§ 9, 19 и 20 («СХЖ» 1925 г., №№ 23/24 и 48).

б) Однако, в отношении пользования лесом местного значения состав земельного общества расширяется в сравнении с тем его составом, который устанавливается для пользования землями трудового пользования (см. гл. IX, § 6,3,в). В древесном топливе и строевой древесине, а равно и в побочных пользованиях, нуждаются не только дворы, образующие земельное общество, но и проживающее в месте поселения этого общества безземельное трудовое население, не входящее в состав этого общества. Древесина нужна и для местных общественных надобностей. Поэтому, хотя лес местного значения и предоставляется государством земельному обществу, как лесопользователю, но на древесину этого леса, а равно и на побочные в нем пользования, имеет право и безземельное трудовое население, проживающее в месте поселения общества, но не входящее в его состав (прим. к ст. 7 ЛК). Помимо того, земельное общество обязано бесплатно отпустить часть годичного лесопользования на удовлетворение местных общественных надобностей, напр. на постройку и ремонт школы и т. п. [1]

Это расширение состава земельного общества при пользовании лесом местного значения до состава граждан данного населенного пункта проявляется и в регулировании правил отпуска леса и распределения его между гражданами. Устанавливаемые общими собраниями (сходами) земельного общества, правила эти утверждаются сельскими советами и могут быть отменяемы вол(рай)исполкомами по жалобам на неправильность установленого порядка распределения древесины.

2) Субъектом наделения является земельное общество или частный вид его — сельскохозяйственная коммуна или артель (ст. 7 Лесного кодекса). Приэтом соблюдается правило о недопустимости дробления лесных участков на части для удовлетворения нужд отдельных обществ. Лес, могущий обслуживать несколько земельных обществ, передается объединению этих обществ, которые в отношении пользования им образуют особое земельное общество (ст. 44 Зем. код.). Однако, небольшие лесные участки могут быть передаваемы и отдельным дворам, не входящим в состав земельного общества (хуторянам и отрубщикам), когда участки эти находятся на отрубном земельном наделе и годичный прирост древесины в них не первышает потребности данного хозяйства. Однако, преимущество всегда предоставляется общественному лесопользованию. [2]

---

[1] Прим. к ст. 7 ЛК, декрет СНК РСФСР от 16 марта 1927 г. (СУ 1927 г. № 28, ст. 191).

[2] Цирк. НКЗ от 7 сентября 1925 г. № 458/146 («СХЖ» 1925 г., № 41).

3) В состав лесов местного значения, выделяемых из государственного лесного фонда, входят следующие леса:

а) все леса бывшего крестьянского владения, т. е. лесные участки, принадлежавшие до национализации лесов сельским обществам, в силу ли наделения крестьян лесами или пробретения по частным договорам (ст. 5 ЛК). Этот принцип возвращения лесов крестьянам привел, в виду непризнания революцией права частной собственности на леса, к расширению этого правила. Подлежат выделению в леса местного значения не только леса, принадлежавшие крестьянам до революции на праве собственности, но и вообще находившиеся у них до революции в лесном или подсечном пользовании, на каком бы юридическом титуле это пользование ни основывалось, на праве ли аренды или покупки в собственность с рассрочкой платежа.[1]

Бывшие крестьянские леса подлежат выделению и в том случае, если они носят защитный характер, т. е. если они укрепляют пески, овраги, имеют ветрозащитное, снегосборное или почвозащитное значение. Но пользование такими лесами происходит на основании особых правил, имеющих целью сохранить ненарушимость защитного значения древесного насаждения.[2]

Лишь в исключительных случаях леса бывшего крестьянского владения могут быть, по представлению краевых, областных или губернских исполкомов и с разрешения соответствующего Наркомзема, оставлены в составе общегосударственных лесов, но в этом случае они должны быть заменены равноценными лесными площадями из состава государственного лесного фонда, с тем, чтобы такая замена не создавала для населения чересполосицы и значительной отдаленности от селений (прим. 1 к ст. 5 ЛК).

Эта безусловность выделения в леса местного значения всех лесов бывшего крестьянского владения не означает, однако, денационализации лесов в смысле возвращения их прежним собственникам. Институт лесов местного значения вызван заботой государства о снабжении крестьянства древесным топливом и строевой древесиной и осуществляется путем предоставления земельным обществам государственных лесов (т. е. лесов, остающихся на праве собственности у государства) на особом праве бессрочного и бесплатного пользования. Это положение ярко проявляется в правиле, что леса бывшего кресть-

---

[1] Дополнение от 7 сентября 1925 г. к Инстр. о выделе лесов местного значения от 1 февраля 1924 г. («СХЖ» 1925 г., № 41).

[2] См. Правила пользования в защитных лесах местного значения от 7 сентября 1925 г. («СХЖ» 1925 г., № 41).

янского владения передаются трудовым землепользователям независимо от того, кому они принадлежали до революции. [1]

б) В состав лесов местного значения передаются также бывшие помещичьи, частновладельческие, церковные, удельные, казенные и другие леса, т. е. государственные леса, если они вклиниваются в крестьянские земли или вообще расположены в границах земель, предоставленных земельному обществу (ст. 5 ЛК, п. «б»).

в) В тех местностях, где не было лесов крестьянского владения и где в то же время лесистость превышает 35%, в леса местного значения выделяются, по постановлению губисполкомов, окраинные участки лесных массивов, прилегающие к землям трудового пользования. Однако, такое выделение возможно лишь в том случае, если оно не влечет за собой чересполосицы и вклиниваний и не нарушает общегосударственного значения лесного массива (ст. 5 ЛК, п. «в»).

г) В лесах Севера, в местностях с лесистостью более 50%, где не было лесов крестьянского владения, выделяются в леса местного значения государственные леса из расчета не более двух десятин на душу.

4) Распределение лесов местного значения между земельными обществами производится через особые уездные комиссии в составе: представителя губземуправления, районного инспектора лесов и местного лесничего при непременном участии председателей вол(рай)исполкомов и сельсоветов, а также уполномоченных от заинтересованных земельных обществ. Недовольные решением комиссии могут его обжаловать в месячный срок со дня объявления им решения в соответствующее обл(губ)земуправление. Жалобы на решения обл(губ)земуправлений подаются в Наркомзем в двухмесячный срок. И в том и в другом случае жалобы подаются в обл(губ)земуправление или непосредственно, или через соответствующие вол(рай)исполкомы, сельсоветы и лесничества. [2]

5) До 1 апреля 1926 г. по РСФСР передано крестьянству лесов местного значения 18 431 000 десятин, не считая 8 670 000 десятин нелесного пользования. По отношению к 10 300 000 десятин лесных участков, принадлежавших крестьянам до революции, это составляет более 200%. Ежегодная нормальная лесосека в переданных лесах составляет 369 000 десятин, стоимостью свыше 26,5 млн рублей. [3] Общий же лесной фонд по РСФСР составлял до революции около 145 000 000 десятин.

---

[1] Пост. 2-й сессии ВЦИК XII созыва о лесах местного значения (СУ 1925 г. № 87, ст. 642).

[2] Инструкция о рационализации и упрощении порядка разрешения жалоб в связи с выделением и передачей лесов местного значения («СХЖ» 1925 г., № 41).

[3] Из доклада нач. Управл. лесами А. И. Шульц («СХЖ» 1926 г., №18, стр. 29).

§ 4. Леса особого назначения и защитные леса.

1) Все леса, оставшиеся после выделения из государственного лесного фонда лесов местного значения, составляют леса общегосударственного значения, из которых в свою очередь выделяются леса особого назначения (ст.ст. 13 и 14 Лесн. код.). Это деление лесов напоминает деление государственного земельного фонда на земли трудового пользования и государственные земельные имущества, из которых, как мы видели (см. гл. XIII, § 1, 1), выделяются земли специального назначения.

Однако, это конструктивное сходство не совпадает с хозяйственным значением различных категорий. Земли трудового пользования составляют 96% сельскохозяйственной площади Республики, и основу сельского хозяйства образуют мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, объединение которых в кооперативы и колхозы составляет лишь задачу настоящего и будущего дня. Разграничение лесов местных и общегосударственных почти уже закончилось. Из указанного нами выше состава лесов местного значения ясно видно, что дело идет о сравнительно незначительной части всего лесного фонда. Лесное хозяйство Республики и после наделения крестьянства лесами остается централизованным государственным хозяйством.

2) Леса общегосударственного значения разделяются на леса особого назначения и леса собственно государственные (ст. 14 Лесн. код.). Леса особого назначения и по своему хозяйственному и по своему правовому положению аналогичны землям специального назначения Земельного кодекса. Они выделяются из лесов общегосударственного значения для удовлетворения особых нужд государства, отличных от обычной лесохозяйственной эксплуатации и составляющих публичную функцию других государственных учреждений и предприятий, чем Наркомзем и его органы (ст.ст. 37 и 39 Лесн. код.). В основании этого выделения лежит и формальный признак, именно особые положения, вырабатываемые Наркомземом соответствующей республики и утверждаемые Совнаркомом или Экономическим советом Федерации (ст. 39 ЛК). Соответственно этому, леса особого назначения поступают обратно в состав общегосударственного лесного фонда по миновании надобности в этих лесах для учреждений и предприятий, которым они были переданы (ст. 40 ЛК).

Этот принцип образования лесов особого назначения не вполне выдержан Лесным кодексом. Ст. 38 ЛК относит к этой категории лесов и леса концессионные. Эксплуатацией концессионных лесов не

удовлетворяются какие-либо специальные нужды государства, отличные от лесохозяйственной эксплуатации, ибо содержание концессии заключается в предоставлении концессионеру ежегодного, в течение договорного срока, использования древесины на лесосеках, отводимых ему согласно плана хозяйства (ст. 55 ЛК). Концессионные леса поэтому не выделяются из лесного фонда, а остаются в общем административном заведывании Наркомзема соответствующей республики (ст. 55 ЛК). Условия, которые должны быть предусмотрены в концессионных договорах о лесах (ст. 56 ЛК), принципиально ничем не отличаются от долгосрочных лесорубочных договоров. Особый порядок заключения концессионного договора — необходимость утверждения Совнаркомом — не может, конечно, ничего изменить в самой природе отношений.

а) Мы видели (см. гл. VII, § 4, 2), что разграничение между землями специального назначения и государственными земельными имуществами проходит, между прочим, по линии несельскохозяйственного назначения первого рода земель. Но леса особого назначения насчитывают в своем составе лесные дачи, которые эксплуатируются так же, как и собственно государственные леса, т. е. путем использования древесины на годичных лесосеках, устанавливаемых оборотом рубки.

И если эти дачи закрепляются за определенными государственными учреждениями и предприятиями, то лишь в целях передачи их древесины постоянным государственным лесопотребителям, нуждающимся в ней по производственным соображениям. Таковы, напр., горнозаводские леса, леса, предоставленные государственным транспортным или промышленным предприятиям в порядке создания комбинированных хозяйств (ст. 38 ЛК), или для нужд лесной промышленности (ст. 58 ЛК). Эти леса предоставляются поэтому на договорных началах, на определенный срок, с условием платежа государству попенной платы, т. е. платежа за древесину. Нельзя отрицать, что отнесение передаваемых на таких условиях лесов к лесам особого назначения вряд ли правильно. Так, «для длительного обеспечения древесиной металлургических заводов Урала, работающих на древесном горючем», приписаны лесные дачи уральским трестам, обязанным оплачивать вырубаемую по плану лесного хозяйства древесину по минимальной попенной плате.[1] Сроком на 20 лет на таких же основаниях передан Сибирским железным дорогам лесной массив в Ново-Николаевской губ. «Каргатская Дубрава».[2] Сюда же надлежит отнести передачу Мурманской желез-

[1] Собр. узак. 1922 г. № 67, ст. 900.
[2] Собр. узак. 1924 г. № 7, ст. 35.

ной дороге сроком на 10 лет трех миллионов десятин лесной территории вдоль железной дороги от Петрозаводска до Мурманска.[1]

б) Условия и порядок передачи лесных дач особого назначения горнозаводским, транспортным и промышленным предприятиям в порядке создания комбинированных хозяйств установлены особым Положением от 5 декабря 1924 г.[2] и Инструкцией Наркомзема, Наркомфина, ВСНХ и Наркомпути по применению этого Положения от 8 августа 1925 г.[3]

Передача указанных лесов производится на основании особых договоров, заключаемых наркомземами республик с теми наркоматами, в ведении которых состоят предприятия, которым отводятся леса, и утверждаемых Экономическим советом Федерации. Лесные дачи, по общему правилу, остаются в административно-хозяйственном заведывании Наркомзема, предприятиям же предоставляется лесосека, назначаемая на ряд лет вперед, с правом монопольной ежегодной рубки и использования соответствующей годичной лесосеки. Впрочем, по особым постановлениям ЭКОСО РСФСР леса могут быть переданы и в административно-хозяйственное управление предприятий, но с тем, чтобы их лесные аппараты были в инспекторском и контрольном отношении подчинены лесным органам Наркомзема. Срок договора не должен превышать 30 лет.

Корневая цена леса устанавливается, исходя из продажной цены леса на корню ко времени передачи лесных дач, причем цена эта подлежит пересмотру через каждые три или, самое большее, пять лет.

Изменение размера платы за лес подлежит утверждению ЭКОСО РСФСР. Для предприятий обязателен план лесного хозяйства, установленный в переданных им в эксплуатацию лесных дачах. Заготовляемая древесина должна быть использована по прямому назначению, указанному в договоре, т. е. для непосредственных производственных нужд предприятия, и не может служить ни для расплаты по заготовке леса, ни для каких-либо иных целей. Все споры, возникающие в связи с заключенными договорами, разрешаются ЭКОСО РСФСР.

На аналогичных условиях заключаются договоры на эксплуатацию лесосек сроком на 10 лет с государственными предприятиями и кооперативными организациями, основной задачей которых является механическая или химическая обработка древесины

---

[1] Собр. узак. 1923 г. № 50, ст. 493.
[2] Собр. узак. 1925 г. № 5, ст. 30.
[3] «СХЖ» 1925 г., № 36.

(ст. 58 ЛК). Договоры эти заключаются наркоземами непосредственно с предприятиями и, при отсутствии возражения Наркомфина РСФСР, не подлежат утверждению Экономического совета Республики. [1]

3) Совершенно иной характер носят леса учебно-опытные, курортные, памятники природы, защитные и городские леса, отнесенные ст. 38 ЛК к лесам особого назначения и гораздо более близкие по своему правовому положению к землям специального назначения. Использование этих лесов имеет целью не хозяйственную их эксплуатацию, а удовлетворение разнообразных нужд народного здравия, науки, истории, охраны водоемов и других целей, не связанных с добыванием древесины согласно планов лесного хозяйства. Передача этих лесов другим ведомствам или выделение их из состава собственно государственных лесов, с оставлением в заведывании Наркомзема, происходит поэтому на основании особых положений, а не по договорам, и в виду их специального предназначения — без платежа какой-либо попенной платы за древесину.

а) Специальная цель защитных лесов заключается в защите посредством лесных насаждений от стихийных бедствий и в охране благ, имеющих хозяйственное, научно-историческое, гигиеническое или эстетическое значение. Защитными могут быть не только леса, но и кустарники, если последние служат целям защиты. Согласно ст. 41 ЛК защитными признаются леса и кустарники: а) сдерживающие сыпучие пески или препятствующие их распространению, б) предохраняющие от понижения уровень воды в истоках и устьях рек и речек, в) охраняющие берега рек и водных источников от обрывов, размывов и повреждений ледоходом, г) удерживающие оползни земли, обрывы скал или препятствующие размыву почвы, образованию снежных обвалов и быстрых потоков, д) имеющие значение снегосборных и снегозащитных полос, е) имеющие гигиеническое или эстетическое значение и ж) подлежащие по каким-либо научным основаниям сохранению в их естественном состоянии памятники природы. [2]

---

[1] Собр. Узак. 1925 г. № 5, ст. 36.

[2] Постановлениями СНК от 30 июля 1923 г. (Собр. узак. 1923 г. № 71, ст. 689) и от 12 мая 1924 г. (Собр. узак. 1924 г. № 46, ст. 421) учреждены Крымский и Кавказский государственные заповедники для целей сохранения крымского и кавказского горного леса с населяющими его животными и растениями (в особенности крымского оленя и кавказского зубра). Кроме того установлены заповедники: Астраханский (охрана водоплавной и болотной птицы); Ильинский (охрана на Урале месторождений минералов); Косинский (охрана ледникового периода озер), Пензенский (охрана целинной степи и леса) и Баргузинский (охрана байкальского редкостного соболя, чернобурой лисицы и куницы).

Леса снегозащитные, курортные и памятники природы могут передаваться в заведывание соответствующих ведомств: Путей сообщения, Здравоохранения и Просвещения на особых условиях, обеспечивающих сохранение защитного характера этих лесов. К категории защитных лесов относятся лесные площади, имеющие характер парков, обслуживающие лечебные заведения (курорты) общегосударственного значения и передаваемые в ведение Наркомздрава (ст. 43 ЛК).

Хозяйство в защитных лесах ведется на особых основаниях, преследующих не цели извлечения дохода, а сохранение в неприкосновенном виде этих лесов, в виду чего в них, как общее правило, запрещаются как главные, так и побочные пользования. В пределах заповедников, например, абсолютно воспрещены: всякая рубка леса, охота, рыбная ловля, пастьба скота и прочие виды побочных пользований.

б) Учебно-опытные леса передаются лесным, лесотехническим и высшим сельскохозяйственным учебным заведениям для надлежащей постановки учебно-опытного лесного дела, имеющего показательное значение. Доходы, выручаемые от эксплуатации этих лесов, поступают в качестве специальных средств в распоряжение соответственного учебного заведения и расходуются на развитие в нем учебно-опытного дела и на нужды лесного хозяйства в учебно-опытных лесных дачах (ст. 46 ЛК). [1]

в) Согласно ст. 49 ЛК, все лесные площади на бывших городских землях считаются городскими лесами и включаются в городскую черту. Здесь нет той оговорки, которую делает ст. 145 Зем. кодекса в отношении земель, находящихся в фактическом пользовании крестьянского населения (гл. XII, § 4, 3, а), так как леса, как мы указывали, не поступали в распределение среди трудовых землепользователей ни в процессе временного распределения земель, ни по Положению о социалистическом землеустройстве 14 февраля 1919 г. Распространяя правило ст. 49 ЛК и на дачные поселения, находящиеся в ведении городских советов, Лесной кодекс делает из него одно исключение: в состав городских лесов не включаются лесные дачи, переданные лесным, лесотехническим и высшим сельскохозяйственным учебным заведениям (на правах лесов особого назначения), хотя бы эти леса находились в городской черте (прим. 2 к ст. 49 Лесн. код.). Передача городским поселениям лесной площади, не находящейся в городской черте, производится соглашением губернских земельных управлений и коммунальных отделов, утверждаемым Наркомземом соответствующей республики (ст. 50).

---

[1] Положение об учебно-опытных лесных дачах от 20 января 1926 г. (СУ 1926 г. № 5, ст. 33 и 1927 г. № 36, ст. 240).

Городские леса находятся в исключительном заведывании и хозяйственном распоряжении городских советов, которые могут объявлять их заповедными полностью или в отдельных частях (ст. 51).

Хозяйство ведется в городских лесах парковое или эксплуатационное по особым правилам и инструкциям, издаваемым Наркомвнуделом по соглашению с Наркомземом.

§ 5. Государственные леса и их эксплуатация.

1) После выделения из лесного фонда земель нелесного пользования, наделения земельных обществ лесами местного значения и выделения лесов особого назначения и защитных, в государственном лесном фонде остаются собственно государственные леса (ст. 14 ЛК). Как уже указывалось выше, леса эти, охватывающие до 90% всей лесной площади Федерации, находятся в непосредственном заведывании и хозяйственном использовании у лесных органов наркомземов соответствующих республик, составляя доходную статью государственного хозяйства. Это сосредоточение в руках государства громадной территории в сотни миллионов десятин леса дает возможность осуществить государственную организацию централизованного, планомерного лесного хозяйства.

Согласно ст. 16 ЛК в каждой лесной даче должен быть установлен план лесного хозяйства, определяющий оборот рубки, размер и порядок других лесных пользований, а также основания работ по лесовозобновлению, лесоразведению и уходу за лесом. Основным принципом лесохозяйственной эксплуатации является правило, в силу которого размер ежегодного отпуска леса из данной лесной дачи не должен превышать годичного прироста в ней древесины (ст. 17), т. е. того ее количества, на которое все вместе взятые деревья этой дачи увеличились в течение года в толщину и высоту. В устроенных и обследованных государственных лесных дачах этот ежегодный отпуск леса определяется по сметам, основанным на утвержденном плане хозяйства. В дачах неустроенных ежегодная лесосека определяется по особым расчетам, утверждаемым Наркомземом (ст. 17 ЛК).

Лишь в исключительных случаях, при необходимости отпустить лес трудовому населению или на местные общественные надобности сверх сметы, когда исчерпан лес, указанный в ст. 20 Лесн. код., т. е. лес мертвый или поврежденный, бурелом, подлежащий вырубке при про-

чистках, прореживаниях, проведении дорог и т. п., который вообще отпускается сверхсметно, — разрешается сверхсметный отпуск в размере одного годичного сметного назначения, под условием сответственного уменьшения отпуска в последующие годы. [1]

2) Нормальным способом эксплуатации леса государством является отпуск леса на корню, т. е. заключение лесорубочных договоров с различными организациями и отдельными лицами. За незначительным исключением, о котором мы скажем ниже, государство по общему правилу непосредственно не эксплуатирует лесов в смысле собственного производства. Управление лесами Наркомзема через свои органы составляет оборот рубки леса, заведывает работами по уходу за лесами, по лесовозобновлению и лесоразведению, наблюдает за выполнением лесопотребителями плана хозяйства, несет на себе охрану лесов от хищений, но не является эксплуатационным органом. Годичная лесосека продается на корню за плату: или по таксам, определенным по стоимости лесных материалов на корню (корневая цена, попенная плата), или по соревнованию, или с торгов. При этом отпуске леса государство принимает во внимание нужды трудового населения, государственных учреждений и предприятий и кооперации.

Правила о порядке отпуска леса различным категориям лесопотребителей, о способах исчисления попенной платы, о порядке заключения и исполнения лесорубочных договоров, о взыскании попенной платы в доход казны и контроле за ее поступлением и т. д. — составляют главное содержание и лесного законодательства и громадного циркулярного и инструкционного материала, издаваемого ведомствами. [2] Остановимся здесь лишь на наиболее общих положениях, определяющих условия получения населением леса на корню.

а) Годичная лесосека отпускается в первую очередь, в особенности в малолесных районах, сельскому трудовому населению и кустарям и их артелям, а также рабочим и служащим государственных учреждений и предприятий и их комитетам. Этот отпуск леса, льготный по отпускным ценам, производится только для удовлетворения хозяйственных нужд населения: на топливо, постройки, домашние надобности и для кустарных производств, но не для пере-

---

[1] Собр. узак. 1924 г. № 26, ст. 248 (пост. ЭКОСО РСФСР от 13 марта 1924 г.).

[2] См. подробную Инструкцию Наркомзема РСФСР для отпуска леса из общегосударственных лесов РСФСР от 6 мая 1926 г., вышедшую отдельным изданием (485 параграфов и 34 приложения к ним — 276 страниц).

продажи. Поэтому размер предоставляемых делянок устанавливается по нормам, определяемым, в зависимости от лесистости и климатических условий, краевыми, областными и губернскими земельными управлениями и утверждаемым соответствующими исполкомами. Таким же порядком устанавливаются и отпускные цены, которые должны быть ниже тех цен, по которым трудовое население получало древесину в довоенное время из бывших казенных, удельных, кабинетских или войсковых лесных дач, причем каждый рубль этой «особой» цены приравнивается одному рублю довоенному, т. е. не допускаются никакие поправочные коэфициенты (ст. 24, п. «а», прим. к ст. 21 и прим. 1 к ст. 24 Лесн. код.).

б) Помимо этого нормального порядка отпуска леса на корню трудовому населению, устанавливается особый льготный отпуск по пониженным ценам беднейшему трудовому населению: семьям красноармейцев, переселенцам, расселенцам, трудовым землепользователям, освобожденным от сельскохозяйственного налога, возводящим огнестойкие постройки и др. Понижение «особой» цены может быть произведено до 75% в зависимости от имущественного положения и степени нужды в лесе (ст. 24, п. «б» ЛК). Наконец, допускается, согласно п. «в» ст. 24, и бесплатный отпуск леса: трудовому населению, пострадавшему от стихийных бедствий (пожары, наводнения), маломощным хозяйствам красноармейцев, переселенцам в районах, назначенных для переселения, на общественные надобности (школы, больницы), добровольным пожарным организациям, [1] на дорожное строительство уездного, волостного и сельского значения, [2] на нужды лесного хозяйства (постройка и ремонт хозяйственных строений в лесничествах, дорог и проч.).

Этот льготный отпуск по пониженным ценам и совсем бесплатный производится в пределах особого льготного фонда, устанавливаемого в денежной форме по каждой губернии или области на основании особой Инструкции Наркомзема и Наркомфина РСФСР. Распределение льготного фонда по отдельным лесничествам губернии или области производится областным или губернским земельным управлением с утверждения соответствующего исполкома, а между отдельными селениями, входящими в район лесничества, особыми лесными комиссиями, образуемыми при одном из волисполкомов лесничества. Распределение льготного фонда между отдельными гражданами производится комитетами крестьянских обществ взаимопомощи (прим. 3 к ст. 24 ЛК).

[1] Собр. узак. 1924 г. № 89, ст. 908.
[2] Собр. узак. 1925 г. № 57, ст. 455.

в) Оплата леса, отпускаемого трудовому сельскому населению, рассрочивается на сроки не более одного года со дня выдачи лесорубочного билета без взимания какой-либо пени за просрочку.[1] Кроме нормальной рассрочки, при которой платежи отсрочиваются не далее начала вывозки отпущенного леса, допускается и льготная рассрочка, при которой лесопокупателю предоставляется не только право заготовки, но и право вывозки и использования древесины до полной ее оплаты. Как при нормальной, так и при льготной рассрочке десять процентов стоимости леса уплачиваются при взятии лесорубочного билета, остальные 90% рассрочиваются лесничим по соглашению с лесополучателем. Право на льготную рассрочку платежа, а также предельный срок оплаты леса устанавливаются особыми волостными лесными комиссиями.

3) Отпуск леса на корню всем остальным лесопотребителям, кроме сельского и городского трудового населения и на общественные нужды, производится по лесным таксам, которые должны выражать действительную корневую цену леса в соответствии с состоянием современной экономической конъюнктуры, внутренней и внешней, обеспечивая максимальный лесной доход и возможно полный сбыт леса, подлежащего рубке.

Таксы эти до сих пор не выработаны.[2] Долгое время принимались вместо них лесные таксы, действовавшие в бывших казенных лесах в 1914 году, с поправочными к ним коэфициентами (торговыми наддачами), определявшимися в соответствии с продажными ценами леса за последние годы. Законом об отпуске леса на корню в 1927/1928 гг.[3] предписано в местностях, где не введены новые таксы, отпускать лес на корню по продажным ценам 1926/1927 г., определяемым для каждой данной лесной дачи, исходя из фактических отпускных цен для государственных потребителей и лесной кооперации.

а) Годичная лесосека, остающаяся после отпуска леса сельскому трудовому и городскому населению, на общественные нужды, на дорожное строительство и т. п. (ст. 2 постановления ЭКОСО РСФСР от 19 мая

---

[1] Правила отпуска леса с рассрочкой платежа сельскому труд. населению (СУ 1925 г. № 38, ст. 265).

[2] Основные принципы исчисления новых лесных такс установлены инструкцией ЭКОСО РСФСР от 5 февраля 1925 г. (СУ 1925 г. № 23, ст. 166) и постановлением ЭКОСО РСФСР от 5 марта 1927 г. (СУ 1927 г. № 28, ст. 195), установившим и предельные сроки выработки этих такс особой комиссией при Наркомземе—15 мая 1927 г. для одних губерний и 1 сентября 1927 г.—для остальных.

[3] Постановление ЭКОСО РСФСР от 19 мая 1927 г. (СУ 1927 г. № 47, ст. 317).

1927 г.), территориально распределяется центральными лесными торговыми комиссиями, действующими при наркомземах республик, между так называемыми основными лесозаготовителями, имеющими преимущественное право на получение лесосек в порядке планового их распределения. Такими заготовителями являются: 1) лесные, лесобумажные и лесохимические тресты, 2) лесная и деревообрабатывающая кооперация, в лице ее кооперативных общереспубликанских центров, 3) Наркомпуть для удовлетворения своих потребностей и 4) лесозаготовительные отделы наркомземов (см. ниже, 4). К этим же преимущественным лесозаготовителям приравнены военное ведомство, поскольку ему нужен лес для его непосредственного хозяйственного потребления, и рабочая жилищно-строительная кооперация, а также исполкомы и государственные хозяйственные органы, поскольку им нужен лес для рабочего жилищного строительства.

Все остальные потребители леса, кроме основных и приравненных к ним лесозаготовителей, могут получить необходимые им готовые лесоматериалы только по договорам с основными заготовителями; к самостоятельной разработке леса на корню они допускаются лишь в том случае, если основные лесозаготовители не могут обеспечить их лесными материалами.

Эта централизация разработки леса в организациях, для которых эта разработка является их основной деятельностью, вызвана той хищнической рубкой леса, которую производили до того различные потребители леса, выбирая из годичной лесосеки только тот лес, который им был нужен для их собственных производственных нужд.

б) Если основные лесозаготовители не заключат договоров с лесными органами на предоставленные им лесосеки или не выберут к определенному сроку (в 1927 г. — к 10 октября) лесорубочных билетов, то они теряют право на получение соответствующих лесосек, которые вместе с лесосеками, оставшимися нераспределенными, поступают на общие торги. Подробные правила о порядке производства торгов на лесосеки изданы Наркомземом и Наркомфином РСФСР,[1] и мы здесь их излагать не можем.

в) Исключения из установленного порядка централизованного распределения лесосек между ограниченным числом основных лесозаготовителей установлены лишь для заготовки некоторых видов специальной древесины (авиолеса, шпальной, для фанерного и катушечного производства, экспортной осины и др.).

---

[1] «СХЖ» 1925 г., №№ 27/28 и 34.

4) Мы уже указывали, что главнейшей задачей лесных органов государства, как собственника лесов, является установление плана хозяйства в лесных дачах, заведывание и управление ими в целях ухода за ними, надлежащего лесовозобновления и лесоразведения и постоянной охраны их от хищений.

Осуществление ежегодной рубки, определенной планом хозяйства, передается по общему правилу государством различным лесопотребителям за оплату вырубаемого леса по корневой цене, причем трудовому населению и отчасти государственному и кооперативному хозяйству оказываются льготы и предоставляются преимущества. Однако, уже требования правильного ухода за лесами вынуждают лесные органы взять на себя и непосредственную хозяйственную разработку леса. Такая разработка необходима в лесных дачах при их прореживаниях, проходных рубках, уборке мертвого и пораженного короедом леса, разработке горельников. Она производится и в лесах защитных и особо ценных, рубка в которых не может быть доверена лесопокупателям, а также на остатках лесосек, не проданных с торгов или подлежащих расчистке. Наконец государство, в заботах об удовлетворении нужд крестьянского хозяйства в древесине, поручило наркоземам Федерации и автономных республик снабжать сельское трудовое население готовыми лесными материалами, организуя для этой цели собственные лесные разработки и специальные лесосклады.[1]

а) Для осуществления всех указанных целей, при краевых, областных и губернских лесных отделах образованы особые лесозаготовительные подотделы, объединенные в Лесозаготовительном отделе Управления лесами Наркомзема и действующие на основании Положения о хозяйственных лесных заготовках Наркомзема РСФСР от 1 октября 1925 г.[2] Лесозаготовительные подотделы организованы по типу трестов. Каждый из них составляет самостоятельную производственную единицу, обладает правами юридического лица и отвечает по своим обязательствам только в пределах находящегося в его распоряжении имущества, не перелагая этой ответственности на какие-либо государственные органы или общегосударственную казну. На торгово-промышленную деятельность лесозаготовительного подотдела распространяются все законоположения о промышленности и торговле, а также все виды обложения, установленные для государственных предприятий, действующих на основе хозяйственного расчета. В качестве лесозагото-

---

[1] Постановление 2-й сессии ВЦИКа XII созыва (СУ 1925 г. № 87, ст. 642).
[2] СУ 1925 г. № 75, ст. 583.

вительного треста, состоящего в ведении Наркомзема, лесозаготовительный подотдел находится со своим отделом в договорных отношениях и оплачивает попенную плату на общих основаниях. Он является основным лесозаготовителем, имеющим преимущественное право на получение лесосеки в порядке планового распределения (см. выше, 3,а), и ведет разработки не только для удовлетворения потребностей местного населения, но и с чисто коммерческой целью.

б) Лесозаготовительный отдел Управления лесами является синдикатом лесозаготовительных подотделов. Как и последние, он является самостоятельной хозяйственной единицей, обладающей правами юридического лица, отвечающей по своим обязательствам только в пределах находящегося в его распоряжении имущества, без переложения ответственности на государственную казну. Лесозаготовительный отдел не ведет непосредственно хозяйственной разработки леса. Его задача — регулировать лесные разработки лесозаготовительных подотделов, прием заказов по соглашению с ними и заключение от своего имени договоров на эти заказы, организация централизованного сбыта лесопродукции, заготовленной лесозаготовительными подотделами, снабжение их необходимым оборудованием, материалами и продовольствием, инструктирование и инспектирование их деятельности, рассмотрение и представление на утверждение их годовых отчетов и балансов.

Таким образом, лесозаготовительные подотделы подчинены Лесозаготовительному отделу Управления лесами не в силу своего добровольного членства, а по постановлению закона. Они поэтому не избирают управляющего отделом или его коллегию, управляющую делами отдела; последние назначаются наркомземами Федерации. Точно так же обязательные для лесозаготовительных подотделов отчисления от своих оборотов в пользу Лесозаготовительного отдела определяются не общим их собранием, какого органа не знает отдел, а постановлениями Наркомзема по соглашению с Наркомфином. Тем не менее, лесозаготовительные подотделы и Лесозаготовительный отдел остаются самостоятельными, имущественно не сливающимися юридическими лицами, взаимоотношения которых определяются, хотя и не свободно заключаемыми договорами, но все-таки по принципам коммерческого расчета. В этой организации хозяйственных лесных разработок Наркомзема ясно проявляется сущность треста, как формы управления государством своим имуществом через подчиненные ему органы.

5) Кроме главнейшего способа эксплуатации лесов, добывания древесины путем вырубки годичной лесосеки, Лесной кодекс допускает

и так называемые **побочные пользования** в лесах, т. е. всякого рода пользования в лесу, не связанные непосредственно с получением древесины. Сюда относятся: пастьба скота, сенокошение, охота, сбор орехов, лесной подстилки и мха, рыбная ловля в лесных озерах и речках, пчеловодство, добыча на территории лесничества торфа, глины, песку, камня, гравия и других ископаемых. Побочные пользования предоставляются, как общее правило, за плату по таксам, вырабатываемым губземуправлениями и утверждаемым губисполкомами,[1] причем устанавливаемая плата должна быть ниже тех цен, по которым трудовое население оплачивало побочные пользования в довоенное время в бывших казенных, удельных, кабинетских или войсковых лесных дачах. При наличии особых местных условий, отдельные виды пользований могут допускаться бесплатно. Во всяком случае **бесплатно** производится сбор ягод и грибов. Все льготы, предоставляемые при отпуске леса трудовому сельскому населению, распространяются и на побочные пользования.

Инструкция Наркомзема о лесных побочных пользованиях подробно регламентирует все условия этих пользований таким образом, чтобы они не приносили вреда лесному хозяйству. Так, не допускаются: пастьба скота в молодняках, впуск в государственные леса коз и свиней, сенокошение на прогалинах и полянах, на которых происходит естественное лесовозобновление, и т. п.

6) Заведывание государственным лесным фондом и всем лесным хозяйством принадлежит Наркомзему Федерации и наркомземам автономных республик, которые осуществляют свои планы и задания через особые управления лесами. В пределах губернии или области заведывание лесным фондом и ведение лесного хозяйства принадлежит губернским (областным) земельным управлениям, которые под руководством губ(обл)исполкомов через свои лесные отделы осуществляют планы и задания Управления лесами. Сообразно с потребностями управления и ведения хозяйства, лесной фонд в пределах губернии разделяется на лесничества, а эти последние — на объезды и обходы. Лесничествами управляют лесничие и их помощники, деятельность которых объединяется губернскими, уездными и районными инспекторами лесов (ст.ст. 64 — 66 Лесн. Код.).

7) Для охраны лесов по объездам и обходам состоит особая лесная стража: объездчики и лесники, которые пользуются правами милиции (ст. 72 Лесн. код.). Но охрана лесов от расхищения потребовала и вве-

---

[1] Инструкция Наркомзема о лесных побочных пользованиях 1923 г.

дения ряда мер социальной защиты.[1] Основною из них является ст. 85 Угол. код., применение которой влечет за собою, если стоимость незаконно добытого или причиненного ущерба не превышает 30 рублей, штраф в размере не свыше тройной стоимости незаконно добытого или причиненного ущерба, налагаемый в административном порядке вол(рай)исполкомами. При превышении 30 рублей или если хищение совершено повторно, меры социальной защиты усиливаются до принудительных работ на срок до 6 месяцев или до штрафа в указанном выше размере, но с обязательным отобранием незаконно добытого. В порядке ст. 85 Угол. код. преследуется всякое нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищения и истребления, в частности: самовольная рубка леса или рубка его не в том месте, какое указано в лесорубочном билете, хотя бы срубленный лес и оставался на месте порубки, причинение повреждений деревьям, самовольные побочные пользования в лесу или ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана, если такими действиями причинен ущерб лесному хозяйству, и др.

Кроме лесонарушений, предусмотренных ст. 85 Угол. код., Инструкция от 21 марта 1927 г. предусматривает ряд нарушений, преследуемых в порядке других статей Угол. код. Так, сельское или городское трудовое население, получившее лес по особым ценам для своих надобностей, отвечает по ст. 99 Угол. код., если оно систематически, в виде промысла, продает лесосеку или выработанную на ней продукцию; отказ от участия в тушении лесных пожаров в порядке трудовой мобилизации влечет за собой применение ст. 73 Угол. код.; сопротивление лесонарушителей лесничим, их помощникам и лесной страже преследуется по ст. 73 Угол. код. и т. д. Во всяком уголовном деле по лесонарушению должен быть предъявлен гражданский иск об ущербе, причиненном нарушением, если ущерб превышает 10 рублей, кроме случая преследования по 1 ч. 85 ст. Угол. код.

---

[1] См. инструкцию Наркомзема и Наркомюста от 21 марта 1927 г. о порядке преследования нарушений в лесах госуд. лесного фонда («СХЖ» 1927 г., № 13).

АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры означают страницы.)

А.

Автономные республики и области: введение в действие и изменения Земельного кодекса — 124, право на земельный фонд — 132, переселение — 167, обязательное землеустройство — 159 — 161, особые колелгии — 412, 413, пограничные земельные споры — 413.

Аграрное перенаселение — 20 — 22.

Аграрная революция: ее форма — 54 — 55, ее принципы — 56 — 71, ее итоги — 72 — 78.

Агрономия: при землеустройстве — 332 — 333, 339 — 340, агрономический проект — 372, участие агронома в земельных комиссиях — 401.

Адыгейская автономная область — введение ЗК в действие — 124.

Акты землеустройства — см. земельная регистрация.

Акты поземельного устройства — до революции — 13.

Алименты: взыскание их с члена двора — 266, при выделе из двора — 275.

Аренда земли: до революции — 24, запрещение — 186, у земельных обществ — 187, 242 — 243, суб-аренда — 131, 188, 397.

Аренда трудовая: при переселении — 168, личности сдатчика и съемщика — 188, суб-аренда — 188, срок — 189, прожиточных наделов и детей-сирот — 189, лишение земли за нарушение законов об аренде — 178, 190, обязанности арендатора — 190, количество арендуемой земли — 188, налоги — 190, регистрация — 191, форма договора — 191, споры — 191, при переделах — 301.

Аренда госземимуществ — см. советские хозяйства.

Артель: устав — 323; см. коллективы.

Б.

Базарные и торговые площади — 242.

Батраки: наделение при временном распределении земель — 66; см. наемный труд.

Башкирская автономная республика: введение в действие ЗК — 124, закрепление земель — 146.

Беднота: комитеты бедноты — 81, фонд кредитования — 111 — 112, при землеустройстве — 345, 353, отпуск леса — 433.

Безвестное отсутствие — 252, 258, 305.

Безвозмездность — права непосредственного землепользования — 136, пользования береговой полосой — 212 — 214.

Белоруссия — 121, 175.

Береговая полоса: для судоходства — 212 — 213, для сплава — 214.

Бесспорное землепользование: закрепление — 149, при земельной регистрации — 385.

Бесспорное землеустройство — 375; см. землеустроительный процесс.
Бессрочность: права непосредственного землепользования — 135, трудового землепользования — 196.
Большинство голосов на сходе: нормальное — 234, квалифицированное — 234 — 235, установление общественной обработки земли — 326.
Бонитировка земли — 340 — 341.
Брак — вступление во двор — 254.

В.

Взыскание: пределы — 268, алиментов — 266, расходов по землеустройству — 352, арендной платы за госземимущества — 403.
Виноградники — при переделах — 297.
Внутриселенное землеустройство: реорганизация общины — 296, виды — 350 — 351, общая форма — 358, итоги — 357.
Водопои — порядок предоставления — 362.
Военнослужащие: наделение землей — 164, членство во дворе — 251, надел в обществе — 305, льготы по землеустройству — 370, освобождение от судебных расходов — 415, отпуск леса — 433.
Воздушное пространство — право трудового землепользования — 199.
Возмещение неиспользованных затрат: за улучшения при аренде — 190, при изъятии земли — 185, при прекращении землепользования — 204 — 205, при переделах — 300, при землеустройстве — 374.
Волости: при временном распределении земель — 57, как субъект закрепления земель — 150, установление границ — 362, волостное землеустройство — 83.
Воспитанники детских домов — 257.
Временное распределение земель: 53 — 78, закрепление — 146.
Вспомогательные угодья: возникновение земельного общества — 227, выдел из них — 359 — 360.
Вступление во двор: по браку — 254, с несовершеннолетними детьми — 255, по примачеству — 255, форма — 256, имущественные права вступивших — 258 — 259.
Вступление в земельное общество: со стороны — 229, 256, воспитанники детских домов — 257.
Выгоны: в наделе земельного общества — 246, выделы из них — 359.
Выдел земли из надела общества: при общине — 293, из товарищества — 325, при переходе к общественной обработке земли — 326, без согласия общества — 336, при переделах и разверстаниях — 336, на пустопорожние и обособленные участки — 337, количество выделяемой земли при общине — 338, при участково-чересполосном порядке землепользования — 338, как форма внутриселенного землеустройства — 358, субъект права на выдел — 361, объект выдела — 359 — 360, выдел части земли — 360, право вышедшего на надел в обществе — 361, на усадьбу — 361; см. землеустроительный процесс.
Выдел из двора: по требованию кредитора — 265, вместо раздела — 280, право выделившихся на землю в обществе — 281.
Выкупные платежи: происхождение — 15, размер — 19.
Выморочность двора: — 270, 271.
Выход из общества: при переселении — 168, при лишении земли — 182, при выбытии из двора — 258, путем исключения — 231, вследствие состояния в двух дворах — 258.

Г.

Гербовый сбор: освобождение документов по землеустройству — 414, оплата по спорам о землепользовании — 415.
Главные угодья: в земельном обществе — 239, определение порядка землепользования — 291.

Городские земли: как земли непосредственного пользования — 137, за пределами городской черты — 139, 364, действие ЗК — 137, 362, порядок отвода — 363, бывшие выгонные земли — 363, установление городской черты — 363 — 364, застройка пригородных земель — 365, перемещение городской черты — 365, споры о городских землях — 402.
Государственные земельные имущества: понятие — 134, 388 — 389, государственный земельный запас — 389, невозможность образования на них двора — 250, классификация — 389, переход в земли трудового пользования — 389; см. советские хозяйства.
Граждане СССР — 143.
Границы: при закреплении земель — 153, при участково-чересполосном порядке землепользования — 312, при хуторском и отрубном — 317, при землеустройстве — 374, 376, 377, установление границ волостей — 362, автономных республик и областей — 413.
Грузия: Земельный кодекс — 122.

Д.

Дагестанская автономная республика—обязательное землеустройство — 157.
Дальноземелье — 330.
Дарение земли — 175.
Дарственные наделы — 16 — 17.
Дача разверстания: понятие — 335, леса — 342 — 343, в землеустроительном процессе — 370.
Двор: лишение его земли — 178, регистрация — 232, определение — 249, первоначальный состав — 250, отсутствующие из двора — 251 — 252, вступление во двор по браку — 254, по примачеству — 254 — 256, форма вступления — 256, выход из его состава — 253, состояние в двух дворах — 258, домохозяин — 260 — 261, имущество двора — 262 — 264, ответственность за долги — 265, наследование — 269, выморочность — 270, право на выдел земли — 361; см. домохозяин, раздел, недробимость двора.
Дворовое место — 207, 240.
Документы на право пользования землей: дореволюционные — 118, 385, после революции — 377.
Домохозяин: назначение — 260, регистрация — 260, смена — 261, как законный представитель двора — 261, 267, право на имущество двора — 261 — 262.
Доприселение — 229.
Дороги: основание пользования — 211, сельские и полевые — 242, проложение дороги — 362, 374.
Доходные статьи: в земельном обществе — 247, выдел из них — 359, как вид госземимуществ — 399, классификация — 399, сдача в аренду — 399.

Е.

Евреи — наделение землей — 165.
Едоки: в аграрной революции — 71, в социалистическом землеустройстве — 83, в Земельном кодексе — 303; см. разверсточная единица.

Ж.

Жалобы: на лишение земли — 183, на отказ в регистрации: договора трудовой аренды — 191, члена двора — 156, приговора о переделе — 309, на отказ в наделении землей — 404, 165, на приговор о скидке-накидке — 310, на отклонение ходатайства о землеустройстве — 368, на предъявленный землеустроительный проект — 375, на проект земельной записи — 385, на решения первой земельно-судебной инстанции — 406, на частные определения — 406, на определения второй инстанции — 411, на определения ОКВК — 414.

Железные дороги: земли под ними — 137, изъятие земли для них — 184.
Жребий — при землеустройстве — 344.

З.

Заведывание: земельным фондом — 133, землями трудового пользования — 140, 183, землями специального назначения — 138.
Завещание земли — запрещение — 175.
Закономерность землепользования — при закреплении земель — 145 — 149.
Закрепление земель: до Зем. кодекса — 100, понятие — 136, состав закрепляемых земель — 144 — 148, субъекты закрепления — 149 — 151, последствия — 153 — 155.
Залог: земли — 175, строений — 209.
Замена угодий при землеустройстве — 339.
Запасный земельный фонд: общественный — 241, 243, при переделах — 306, государственный — 134, 389, для переселения — 167, для трудовой заимки — 171.
Запасные участки в кочевых районах — 160.
Запродажа земли: запрещение — 175, последствия — 176 — 177.
Застройка — 181, 243.
Засев полей обязательный — 91.
Засушливая область: переустройство крестьянского хозяйства—355.
Зачет угодий: при переделах — 300, при землеустройстве — 341.
Земельная запись: содержание — 377, порядок ее выдачи —385 — 386.
Земельная регистрация: понятие — 378, доказательная сила — 380, виды — 381, регистрационная единица — 382, волостной реестр землепользований — 382, персональные акты — 383, их составление — 384, земельно-регистрационный процесс — 385, ее развитие — 387.
Земельный кодекс: вступление в действие — 117, отмена прежних узаконений и их действие: послереволюционных — 117, дореволюционных — 118, пространство действия — 119, Украины — 120, Белоруссии — 121, Грузии — 122, в автономных республиках и областях — 124, предмет — 120, 128, разграничение от ГК — 127.
Земельное обеспечение: до революции — 21, после временного распределения земель — 75 — 77.
Земельные комиссии: исключительность юрисдикции — 400, состав — 401, порядок рассмотрения дел — 401, число инстанций — 405, подсудность — 402, споры о городских землях — 402, об арендной плате за госземимущества — 403, подсудность первой инстанции — 406, срок на обжалование — 406, частные определения — 406, обеспечение иска — 407, проверка доказательств — 408, исполнение решений — 408, судебные расходы — 414, участие сельсовета — 409; см. споры о земле, землеустроительный процесс, ОКВК, судебно-земельный контроль.
Земельные общества: единица наделения при временном распределении земель — 58, при социалистическом землеустройстве — 83, закрепление земель — 150, история — 218, ответственность за использование земли — 222, лишение двора земли — 178, 183, дописление — 229, сдача в аренду их земель — 241 — 242, фактически существующие — 225, добровольные 226, общность права на земли — 226, из городских жителей — 127, из хуторян и отрубщиков — 227, 316, по пользованию вспомогательными угодиями — 227, прекращение — 228, коллективы — 322, принадлежность к двум земельным обществам — 230, 231, первоначальный состав — 228, вступление — 229, исключение из состава — 231, регистрация — 225, регистрация членов — 232, сельский совет — 219 — 221, составные части надела — 238 — 241, правомочия — 221, как субъект права на земли — 223 — 224, уполномоченные — 233; см. приговоры, сход, выдел земли.
Земельный участок — как регистрационная единица — 382.
Земельное равнение: в доктрине социализации земли — 39 — 40, в крестьянском наказе — 40, при временном распределении земель — 77,

по социалистическому землеустройству — 83, прекращение — 105 — 106, 153.

Земельный фонд государственный: по инструкции 30 января 1918 г. — 51, по социалистическому землеустройству — 82, в ЗК — 127, 128, 131, 388, колонизационный — 123, 167, расходы по отводу фондов специального назначения — 353.

Землемер-землеустроитель — см. землеустроительный процесс, земельный суд.

Землеустройство: дореволюционное — 27 — 32, социалистическое — 81 — 86, принцип добровольности—107, 334, закрепление социалистического землеустройства — 147, прекращение обязательного землеустройства —153, сплошное и обязательное — 155 — 160, определение — 333, техническая формула землеустройства — 330, как государственное мероприятие — 332, как агрономо-экономическая проблема — 332, 340, дача разверстания — 335, право возбуждения — 336, количество отводимой земли — 338, расценка земли — 339 — 341, замена и зачет угодий — 341, денежный расчет — 342, виды землеустройства — 361, выборочное — 367, гнездовое — 369, колхозов — 322, единоличное — 347 — 348, усадебные участки и ценные насаждения — 342, леса местного значения — 343, распределение участков — 344, формы землепользования — 347 — 351, финансирование — 352 — 354, за счет государственных средств — 355, итоги — 357; см. выдел земли.

Землеустроительный процесс: землеустроительные органы — 366, стадии — 367, порядок возбуждения — 368, включение в производственный план — 368, участие заинтересованных сторон — 369, смежные землепользователи — 373, выяснение элементов землеустройства — 370, хозяйственно-техническое и экономическое обследование — 371, участие агронома — 372, предварительные предположения — 372, землеустроительный проект — 367, его содержание — 374, его предъявление — 374, его обжалование — 375, утверждение проектов бесспорных — 375, спорных — 376, предварительное исполнение — 376, выдача документов — 377, прекращение землеустроительного процесса — 378, подсудность споров по землеустройству — 406, освобождение их от всяких сборов — 414.

Земли арендованные: до революции — 24, закрепление — 148.

Земли излишние — 229, порядок изъятия — 230.

Земли нетрудового владения: конфискация — 51, земли специальной культуры — 52, арендованные — 24, 51, при временном распределении земель — 59, их ликвидация — 74; см. помещики.

Земли непосредственного пользования — 133, 137.

Земли неудобные: как часть общественного надела — 241, сдача в аренду — 242 — 243, выдел из них — 360.

Земли свободные — 171.

Земли сельскохозяйственного назначения: действие ЗК — 126, споры о них — 402.

Земли специального назначения: понятие — 137, отвод — 127 — 128.

Земли трудового пользования: основной закон о трудовом землепользовании — 114, как предмет ЗК — 140, отличие от госземимуществ — 140 — 141, обращение под несельскохозяйственные производства — 181; см. право трудового землепользования.

Земля: как предмет ЗК — 126, как государственная собственность — 128.

Земледельческое население — наделение при временном распределении земель — 65.

Зеравшанская область — 161.

И.

Избрание форм землепользования: нейтралитет государства — 106 — 107, 109, права меньшинства — 291 — 292, замкнутый круг — 290 — 291, при землеустройстве — 346 — 347.

Измельчание дворов — 272 — 273.

Изъятие земли из оборота: в доктрине социализации земли — 38, в законодательстве — 47, 130.
Изъятие земли: для государственных или общественных надобностей — 184, под разработку недр — 185, порядок изъятия — 184.
Иммиграция — 169 — 170.
Имущество общего пользования: понятие — 262, как нераздельная собственность двора — 263, наследование в нем — 268; см. двор, раздел.
Имущества земельного общества — 247.
Имущество личного пользования: понятие — 262, собственность членов двора — 264, наследование в нем — 271; см. раздел, двор.
Инвентарь: помещичий — 52, 152, бесплатное снабжение крестьянского хозяйства — 93, платность снабжения — 102, при землеустройстве — 356, 369.
Ингушетия: обязательное землеустройство — 157.
Иностранцы: право на трудовое землепользование — 143.
Интенсивные хозяйства — 93.
Ископаемые — см. недра.

К.

Кабальные арендные договоры — 190, 191.
Казакская республика — землеустройство — 159.
Казачьи области (бывшие) — 99, права иногородних — 228.
Калмыцкая автономная область: введение в действие ЗК — 124, закрепление земель — 146, землеустройство кочевого населения — 157.
Капиталы земельного общества — 247, выдел из них — 359.
Карачаевская автономная область — 157.
Киргизская республика: аграрная реформа — 161.
Коллективы сельскохозяйственные: при социалистическом землеустройстве—80, их образование — 84, 85, их развитие — 319, избрание порядка землепользования — 154, наделение землями — 321, передача в собственность госимущества и предприятий — 321, кредитование — 322, льготы — 322, при землеустройстве — 324, 354, отпуск леса — 322, как земельное общество — 322, виды — 323, кворум общего собрания — 234, см. товарищеский порядок землепользования.
Коми — автономная область — 124.
Коммасация полос — см. широкие полосы.
Конфискация имущества у членов двора — 267.
Кочевые районы — 156.
Концессии: как предмет общесоюзного законадательства — 123, расходы по устройству концессионного фонда — 353, леса — 426.
Контроль: государства над землепользованием — 140, осуществление — 183 — 184, через земельное общество — 184.
Кредитование при землеустройстве — 354, 356, 369.
Кооперация: при новой экономической политике — 101, ее развитие — 110.
Крепостные документы (бывшие): в земельных спорах — 118, при закреплении земель — 149, при земельной регистрации — 385.
Красноармейцы см. военнослужащие.
Крым: введение в действие ЗК — 124, закрепление земель — 156.
Крестьяне: бывш. помещичьи — 13, бывш. государственные — 13, 15, бывш. удельные — 13, их обезземеление: правовое — 15, фактическое — 16, 17, земельное нивеллирование — 76 — 77.
Крестьянское хозяйство: его кризис — 89, его нивеллирование — 77 — 78, его подвижка вверх — 113.
Купчие земли: понятие — 25, при временном распределении земель — 62, при переделах — 231.

Л.

Л е с а: как объект хозяйственного права — 416, понятие — 418, как часть общественного надела — 245, выдел из них — 359, при землеустройстве — 342, земли нелесного пользования — 419, порядок их передачи — 420, 163, 165, расчистки — 420, леса местного значения: правовое положение — 421, состав — 423 — 424, бывшие надельные и купчие — 423, порядок передачи — 425, количество — 425, субъекты наделения — 423, леса особого назначения: эксплуатационные — 427 — 428, собственно особого назначения — 429, защитные — 429, порядок передачи — 428, леса с.-х. учебных заведений — 430, концессионные — 426, городские — 430 — 431, государственные леса: принцип эксплуатации — 431, попенная плата — 432, отпуск леса: трудовому населению — 432, колхозам — 322, льготный — 433, бесплатный — 433, рассрочка попенной платы — 434, лесные таксы — 434, основные лесозаготовители — 435, торги — 435, специальная древесина — 435, хозяйственные разработки — 436, побочные пользования — 438, управление — 439, охрана лесов — 439, меры социальной защиты — 439.

Л и ш е н и е з е м л и: при переселении — 168, временное — 178, окончательное — 179, субъект — 178, объект — 181, недопустимость лишения земли за невзнос налога — 181.

Л у г о в ы е у г о д ь я: их закрепление — 148, мелиорированные — 300, при переделах — 304, 307.

Л ь г о т ы: при обязательном землеустройстве — 158, при переселении — 168, коллективам — 322, 354, красноармейцам — 164, 370, 415, 433, при землеустройстве — 370, 371, 415, совхозам — 395.

М.

М а р и й с к а я а в т о н о м н а я о б л а с т ь — 124.

М е л и о р а т и в н ы е т-в а — 231; см. улучшения земли.

М е ж д у с е л е н н о е з е м л е у с т р о й с т в о — 351 — 352.

М е л ь н и ц ы: отвод земель — 138, продажа — 207, у земельных обществ — 247.

М е н а з е м л и — 176.

М е л к и е п о с е л к и — 349 — 350.

М е н о в а я ц е н н о с т ь з е м л и — 130 — 131.

Н.

Н а д е л е н и е: до революции — 13, очередность при временном распределении земель — 64 — 66, местного земледельческого населения — 65, батраков — 66, отхожих рабочих — 66, фабрично-заводских рабочих — 66, в трудовое пользование — 163, органы, наделяющие землей, — 165, размеры — 164, жалобы — 404, см. норма наделения.

Н а д е л ь н ы е з е м л и (бывшие): понятие — 13, количество — 14, при временном распределении земель — 59, 61, закрепление — 148.

Н а е м с т р о е н и й — 126.

Н а е м н ы й т р у д: в доктрине социализации земли — 41, в законодательстве — 108, обработка исключительно наемным трудом — 180, условия допустимости — 192, законные условия — 193, форма трудового договора — 194, разрешение споров — 194, социальное страхование — 193, общественные пастухи — 195.

Н а л о г и: до революции — 22, 35, недопустимость лишения земли за невзнос налога — 181, на арендуемую землю — 190, на самовольно разделившийся двор — 283.

Н а р к о м з е м: заведывание землями — 133, 135, контроль над использованием земель — 182, порядок контроля — 183.

Н а м ы в ы — 212.

Н а р у ш е н и е з е м л е п о л ь з о в а н и я: самоуправное — 200, защита — 201, убытки — 201.

Н а с л е д о в а н и е: в имуществе двора — 269, после смерти последнего члена двора — 270, в имуществе личного пользования — 271.

Национализация земли: отношение к социализации земли — 44, с.-х. предприятий и строений — 52, по Положению о социалистическом землеустройстве — 82, значение — 108, в ЗК — 128, содержание — 129 — 131.
Национальная земельная политика — 119, 124, 132.
Недра: отвод под разработку — 185, право на них трудового землепользователя — 197, торф — 198 — 199.
Недробимость двора: понятие — 286, обязательная — 287, выход из недробимого двора — 287, добровольная — 288, регистрация — 288.
Несовершеннолетние: как полноправные члены земельного общества — 233, опека — 261, право на раздел — 274.
Нетрудовые заработки — 252.
Неудобные земли: сдача в аренду — 243, выдел из них — 360.
Норма наделения: по декрету о социализации земли — 49, при временном распределении земель — 67, 69, по социалистическому землеустройству — 83, при трудовой заимке — 172, при обязательном землеустройстве — 156, 158, 162.
Нормализация обработки — 95.

О.

Обеспечение иска — 407.
Обособленные хозяйства — см. хутор.
Обжалование — см. жалобы.
Общественный земельный запас: понятие — 242, сдача его в аренду — 243.
Общественная обработка земли: установление — 326, выдел земли меньшинству — 327, частичная — 327, изъятие из уравнительного распределения — 327.
Общенародное достояние — 38, 128.
Община: при временном распределении земель — 70 — 71, передельная — 292, долевая — 312, при землеустройстве — 349.
Общинный порядок землепользования: земельные доли при разделе дворов — 270, недробимость дворов — 281, определение — 292, объект распределения — 297, техника распределения земель — 294, недостатки — 295; см. переделы, скидка-накидка, выдел земли.
Обычай: сфера применения — 237.
Огороды: как часть усадьбы — 208, 299 — 300, огородные хозяйства до издания ЗК — 99.
Опекун: как домохозяин — 261, право требования раздела двора — 274.
Особая коллегия высшего контроля: состав — 413, компетенция — 413, пленум — 413, срок подачи протеста — 414, пересмотр ее определения — 414.
Ответственность за долги: земельного общества — 247, члена двора — 265, алиментарные — 266; см. двор, взыскание.
Отказ от земли — двора — 179, 261.
Отвод земли: общесоюзным органам — 123, для несельскохозяйственных целей — 128, порядок отвода — 333, 361.
Отруба: до революции — 28, при временном распределении земель — 62 — 63, закрепление — 150 — 151, в наделе земельного общества — 317, 227, 316.
Отход на заработки: нетрудовые — 252, на трудовые: — наделение ушедших при временном распределении земель, по ЗК — 252 — 253, 305.
Отсутствующие — см. двор, переделы, отход на заработки.
Отчуждение земли: запрещение — 175, последствия — 176 — 177.
Охранные культуры до издания ЗК — 92.
Оценка: имущества при разделе — 279, земли — 341.

П.

Пастбища: — закрепление — 160.
Пастухи — 195.
Пахотные угодья — см. полевые угодья.

Переделы: при временном распределении земель — 71, декрет о переделах — 98, 296, виды — 296, количество переделяемых угодий — 300, сады, виноградники и другие ценные насаждения—297— 298, усадебные участки — 299 — 300, мелиорированные участки — 300, разверсточная единица — 302 — 304, права отсутствующих — 305, сроки — 307, досрочные — 307, санкция соблюдения сроков — 307, состав наделяемых — 306, обязательные — 303, регистрация — 309, недробимых хозяйств — 288, земли под общественной обработкой — 327, право на выдел — 336.
Переселение: переселенческий комитет — 123, размеры — 166, открытие — 167, в автономные республики и области — 167, понятие — 167, право на землю в прежнем месте жительства — 168, льготы — 168, переселенческие товарищества — 169.
Подведомственность споров: о трудовой аренде — 191 — 192, по найму подсобных рабочих — 194, о лишении земли — 183, 404, об отказе в регистрации — 404, о нарушении землепользования — 200 — 201, о разделе двора — 284 — 285, о примачестве — 256, об аренде госземимуществ — 403, об убытках — 403 — 404, о разделе двора в городе — 127, о землях с.-х. назначения — 402, о городских землях — 402 — 403, о наделении землей — 404, о смене домохозяина — 261; см. земельные комиссии, землеустроительный процесс.
Подтоп земель — 210.
Подворный список — 232.
Подопечные и призреваемые — вступление во двор — 251.
Полевые угодья: лишение пользования ими — 181, общность права на них — 236, пользование ими в двух земельных обществах — 228, их распределение — 238, как главные угодья — 239, при разделе — 276, как предмет распределения в общине — 298, 301 — 302, выдел из них — 360.
Помещики: их выселение — 51, 151 — 152, закрепление оставшихся у них земель — 151, наделение землей — 143, как арендаторы госземимуществ — 397.
Порядки землепользования: понятие — 290, виды — 291, установление — 291, изменение — 234, права меньшинства — 291.
Посевкомы: их учреждение — 92, упразднение — 103.
Посевы — 304.
Потравы: порядок определения убытков — 201, войсками — 202, топографо-геодезическими работами — 202.
Право на землю: в доктрине социализации земли — 37, равное — 39, в ЗК — 143.
Право на землю трудового пользования: отношение к государственной собственности — 174, социально-хозяйственные условия — 174, изъятие из оборота — 175, запрещенные сделки — 175, санкции изъятия — 176 — 177, временное лишение — 178, основания прекращения — 180 — 181, бессрочность и безвозмездность — 196, хозяйственное использование — 197, защита пользования — 200, право воздвигать строения — 202, право на ископаемые — 197 — 198, на воздушное пространство — 199, на посевы — 204, на растения — 204 — 205, на строения — 206 — 207.
Право общего пользования — 211 — 216.
Право непосредственного землепользования: понятие — 133, целевой характер — 135, бессрочность — 136, безвозмездность — 137.
Приговоры земельных обществ: форма — 236, вступление в силу — 236, регистрация — 236; см. сход.
Призимовочная территория — 160.
Примачество: понятие — 255, договоры — 255 — 256, форма — 256, права примаков — 258 — 259.
Продажа земли — 175.
Промыслы несельскохозяйственные — 181.
Продовольственный налог — 96.
Протоколы при землеустройстве — 370,
Приусадебные угодья — 239.
Пустопорожние земли — 337.

Р.

Рабочие — наделение при временном распределении земель — 66.
Разверсточная единица: при временном распределении земель — 71, при переделах — 302 — 304, виды — 303, для усадебных участков — 304, для луговых угодий — 304, губернская — 302, при разделе — 276, при выделе — 338; см. переделы.
Раздел двора: понятие — 271 — 273, право на участие в разделе: совершеннолетние — 274, несовершеннолетние — 274, нетрудоспособные — 275, объект раздела: полевая земля — 276, усадьба — 277, с.-х. имущество — 278 — 279, определение долей — 277, раздельная запись — 282, регистрация — 283, спорный раздел — 284, распределение имущества — 273, 280, частичный раздел — 281, подсудность — 285, цена иска о разделе — 286, земельные доли при разделе — 277.
Раздел участка между земельными обществами — 386.
Распоряжение: государственным земельным фондом — 129, в ЗК — 133; см. национализация земли.
Растения — право трудового землепользователя — 204.
Расценка земли: при землеустройстве — 339, 341, усадебной при переделах — 299.
Расчистки — 231, 420.
Распределение имущества — 273, 280.
Регистрация: трудовой заимки — 172, трудовой аренды — 191, земельных обществ — 225, дворов — 232, приговоров — 236, разделов — 283, недробимости дворов — 298, приговоров о переделах — 309.
Реестр земельных обществ — 225.
Реестр усадебных участков — 383.
Реестр землепользований (волостной) — 381 — 382.
Рыболовные угодья — 246.

С.

Сады при переделах — 297.
Сахалин — льготы переселенцам — 169.
Сахаротрест — его земли — 139.
Свободный земельный запас: как часть госземимуществ — 134, 389, как объект трудовой заимки — 171.
Селения: при закреплении земель — 150, их усадебная оседлость — 207 — 208, 240, расширение усадебной оседлости — 299, распланирование — 299.
Северо-осетинская область: обязательное землеустройство — 157.
Сельское общество — 219.
Сельскохозяйственное производство: как признак трудового землепользования — 197, как признак двора — 249 — 250, как предмет земельного права — 5, 126.
Сельскохозяйственное имущество — при разделе двора — 278.
Сельскохозяйственный налог: с переселенцев — 168, с расселенцев — 371, с колхозов — 322.
Сельский совет: регистрация — 191, 283, 208 — 209, участие в землеустройстве — 369, 374, в суде — 409.
Семья в отношении к двору — 249, 251.
Скидка надела: понятие — 309, сроки — 310, приговоры — 310, отметка в реестре земельных обществ — 310, обжалование — 310.
Служители культов: их земельная правоспособность — 143, закрепление землепользования — 153.
Советские хозяйства: при социалистическом землеустройстве — 81, приписные — 87, 390, 395, определение—390, сельскохозяйственные тресты — 392, освобождение от арендной платы — 393, возврат технических предприятий — 394, усиление основных капиталов — 395, налоговые льготы — 395, размеры — 396, классификация — 394, сдача в аренду: приписных — 391, личности арендаторов — 396, арендная плата — 397, срок — 397, суб-арен-

да — 397, порядок сдачи в аренду — 397, подведомственность споров — 403, 406, безвозмездное предоставление госземимуществ — 398.
Совещание наркомземов — 123.
Сооружения — см. строения.
Соседское право — 210.
Социализация земли: понятие — 36 — 41, декрет о социализации земли — 46 — 49.
Союз ССР — компетенция — 120, 123.
Союзные республики — 119 — 120.
Срок: обработки заимки — 172, заявки заимки — 172, временного лишения земли — 178, трудовой аренды — 189, сохранения членства во дворе — 253, недробимости дворов — 288, рассрочки выплат при разделе и выделе — 281, 287, переделов — 307, скидки-накидки — 309 — 310, на обжалование отказов в регистрации — 232, 236, 283, 309, на обжалование землеустроительного проекта — 375, погашения землеустроительной ссуды — 353, на обжалование решений земкомиссий — 406, их частных определений — 406, на подачу жалобы в порядке надзора — 411, на подачу протеста в пленум ОКВК — 414.
Столыпинская аграрная реформа — 27 — 32, 347.
Страхование батраков — 193.
Страхование окладное: льготы переселенцам — 168, расселенцам — 371.
Страховые участки — 160.
Строения: право их возведения — 202, их отчуждение — 206, порядок отчуждения — 208 — 209, залог — 209, обращение взыскания — 268, покупка немуниципализированного строения членом двора — 265.
Сход: право на участие в сходе — 233, законные состав и большинство — 234, вторичное общее собрание — 235, форма приговоров — 235, предметы ведения — 236, 221, регистрация приговоров — 236, контроль — 237.
Суб-аренда: воспрещение — 131, 188, 397.
Судебные пошлины: по делам о землеустройстве — 415, по спорам о землепользовании — 415, во второй инстанции — 415.
Судебно-земельный контроль: понятие — 411, инстанции — 412, приостановка исполнения — 412, особая коллегия — 413, пленум ОКВК — 413 — 414.

Т.

Таксация земли — 341.
Таксы: землеустроительные — 352, лесные — 432, 434.
Товарищеский порядок землепользования: определение — 318, образование — 322, устав — 323, виды — 323, земельные доли — 324, выход членов — 324 — 325, выдел земли — 325, см. коллективы.
Товарищества с общественной обработкой земли — см. коллективы.
Товарищества: переселенческие — 131, мелиоративные — 231.
Торги при землеустройстве — 344.
Торговцы — земельная правоспособность — 143.
Торфяные залежи — 198.
Травосеяние — 351.
Трест: его земли — 139, сельскохозяйственный — 392.
Тузemное трудовое население — преимущество в наделении — 132, 167.
Туркменистан — аграрная реформа — 161.
Труд — условие права на землю — 48, 108, 180, 252; см. наемный труд.
Трудовая заимка: определение — 171, сроки — 172, районы — 172, льготы — 172.
Туркестанская автономная республика (бывш.) — 159.

У.

Убытки: от потрав — 201, 202, от лишения земли при переделах — 306, в связи с спором о земле — 201, 403.
Угодья: общего пользования — 241 — 246, главные — 239, вспомогательные — 227; см. луговые, полевые, приусадебные угодья.
Узбекистан: аграрная реформа — 161.
Удобренные земли — при переделах — 300.
Украина: временное распределение земель — 59 — 60, 74, Земельный кодекс — 120, хутора и отруба — 315.
Улицы — 241.
Улучшения земли: интенсивные хозяйства до издания ЗК — 93, при трудовой аренде — 190, в хуторах и отрубах — 317, при переделах — 300, при землеустройстве — 374.
Уполномоченные земельных обществ — 233.
Уравнительное распределение земель: в доктрине социализации земли — 40, отношение Ленина — 43, в декрете о социализации земли — 48, по социалитическому землеустройству — 83, при новой экономической политике — 105, прекращение — 153.
Уравнительное землепользование: при переделах — 293, для усадебных участков — 299, 304; см. разверсточная единица, переделы.
Усадебные участки: оставление их при лишении земли — 189, пользование двумя усадебными участками — 298, как земли земельных обществ — 240, при разделе — 277, как полевые земли — 298, непеределяемость — 298, право на наделение — 299, уравнительный принцип — 299, при землеустройстве — 342.
Участково-чересполосный порядок землепользования: определение — 311, переделы — 312, права отсутствующих — 312, оформление — 313, права на землю при выделе — 338.

Ф.

Фактические трудовые землепользования — 149.
Фактическое землепользование — как разверсточная единица — 302.
Федеральный комитет по земельному делу — изменения ЗК для автономных республик — 124.
Финансирование землеустройства — 352.
Формы землепользования: нейтралитет государства — 106, их замкнутый круг — 291, при землеустройстве — 347 — 351.

Х.

Хищническое использование земли: арендатором — 190, землепользователем — 178.
Хозяйственная целесообразность: при землеустройстве — 236, 368, в земельно-судебном контроле — 411.
Хутор: до революции — 28, при временном распределении земель — 62 — 63, по социалистическому землеустройству — 150, закрепление в трудовое пользование — 150 — 151, при разделе — 277, определение — 314, отличие от отруба — 315, в составе земельного общества — 316, отграничение от землепользования земельных обществ — 317, изменение границ и местоположения — 317 — 318, улучшенные хозяйства — 319, при землеустройстве — 347 — 349, регистрация — 314.

Ц.

Ценные насаждения при переделах — 297.
Центральные черноземные губернии: их восстановление — 355.

Церковные земли: при временном распределении земель — 62, их национализация — 51, права на них служителей религиозного культа — 153.
Цыгане — наделение землей — 166.

Ч.

Частная собственность на землю: отмена — 46 — 47, 130, при временном распределении земель — 73.
Частновладельческие земли — 14; см. земли нетрудового владения.
Чересполосица: в передельной общине — 295, при участково-чересполосном порядке землепользования — 312, ее распространение — 329, межселенная — 330.
Чеченская автономная область — обязательное землеустройство — 157.
Членство во дворе: наличных участников — 250, отсутствующих — 251 — 252, вступающих по браку — 254, по примачеству — 254 — 256; см. двор.
Членство в земельном обществе: членов двора — 228, вступающих со стороны — 229; см. земельное общество.

Ш.

Широкие полосы: порядок перехода к ним — 234, как вид группового землеустройства — 350 — 351.
Штрафы: ответственность двора за наложенные на его членов штрафы — 267.

Я.

Якутская республика: введение в действие ЗК — 124, закрепление земель — 145, мена земли — 176, расчистки при переделах — 300.

при Ц. К. [illegible] К. П. (б.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРАВО

Право международное

Коровин Е., проф. — Современное международное публичное право. Стр. 176. Ц. 3 р.

Лист Ф., проф. — Международное право в систематическом изложении. Сокращ. перев. руководства Ф. Листа. Перераб. и значит. пополнил проф. В. Граборов. Стр. 242. Ц. 3 р.

Перетерский И. — Очерки международного права РСФСР. Стр. 144. Ц. 1 р. 25 к.

Санчов В. — Учебник консульского права. Стр. 142. Ц. 1 р. 75 к.

Право уголовное

Жижиленко А., проф. — Преступление против личности. Стр. 140. Ц. 2 р. 25 к.

Крыленко Н. — Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть I. Основы судоустройства. Стр. 164. Ц. 1 р. 50 к.

Трайнин А. — Уголовное право РСФСР. Часть особенная. Преступления против государства и социального порядка. Стр. 256. Ц. 2 р. 40 к.

Право трудовое

Войтинский И. — Трудовое право СССР. Стр. 364. Ц. 2 р.

Трапезников В. — Основы трудового права. Общедоступная систематизация законов о труде. Стр. 80. Ц. 30 к.

Право хозяйственное

Данилова Е. Н., Перетерский И. и Раевич С. — Советское хозяйственное право. Стр. 216. Ц. 1 р. 60 к.

Фишман Л. — Сборник задач по хозяйственному праву. Стр. 248. Ц. 2 р. 50 к.

Право торговое

Данилова Е., проф. — Советское торговое право. Стр. 223. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

2167

4 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

АЗИЗЬЯН и ВЕЛИЧКЕВИЧ

АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

(Печатается)

★

ЮЛИУС ГИРШ

ЭКОНОМИКА ТОРГОВЛИ

Перевод с немецкого Ф. Капелюша

Под редакцией Т. Аксельрода и проф. П. Маслова

Стр. 428. Ц. 3 р., в пер. 4 р. 25 к.

★

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛАНГЕНБЕК

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Перевод Ф. Капелюша

Предисловие проф. Д. П. Боголепова

Стр. 157. Ц. 1 р. 25 к.

★

Проф. П. И. ЛЯЩЕНКО

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Допущ. ГУСом

Стр. 520. Ц. 4 р., в пер. 4 р. 40 к.

★

В. МИЛЮТИН

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СССР

Издание второе, дополненное

Стр. 346. Ц. 2 р. 45 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

160